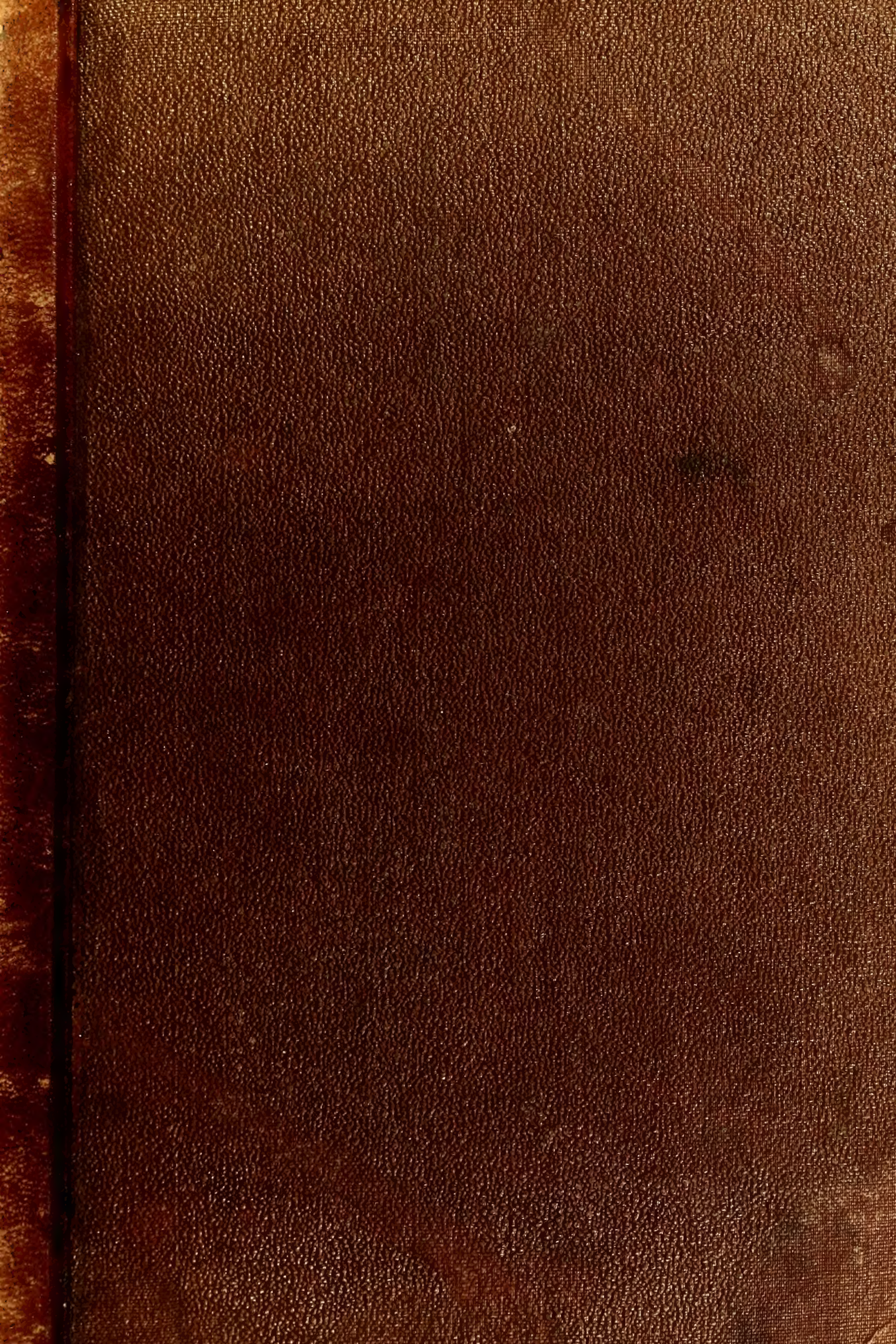

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00016591350

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

РОССІИ ВЪ ЕГО ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ
автора Исторіи отечественной войны 1812 года.

Томъ VI.

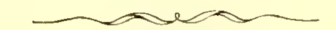

1871.

Печатано по Высочайшему повелѣнію.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТАГО ТОМА.

Стр.

ГЛАВА LXVIII.

Конгрессъ въ Лайбахѣ. Начало возстанія въ Греціи.

(1821 г.).

Союзныя державы, принявъ мѣры, къ возстановленію королевской власти въ неаполитанскихъ владѣніяхъ, сочли нужнымъ перенести совѣщанія европейскаго конгресса изъ Троппау въ Лайбахъ, для сближенія съ театромъ дѣйствій. Въ концѣ декабря 1820 (въ началѣ генваря 1821) года, Императоры Александръ и Францъ переѣхали въ Лайбахъ, и въ слѣдъ за ними туда-же прибылъ Король Обѣихъ Сицилій и собрались дипломаты и сановники: русскіе: статсъ-секретари графы Нессельродъ и Каподистріа, статскій совѣтникъ Сѣверинъ, камеръ-юнкеръ князь Горчаковъ (нынѣ — Государственный Канцлеръ), генералъ Поццо-ди-Борго и генералъ-адъютанты Чернышевъ и графъ Ожаровскій; австрійскіе уполномоченные князь Меттернихъ и генералъ Винцентъ, и резидентъ при саксонскомъ дворѣ, графъ Бомбелль; прусскіе уполномоченные князь Гарденбергъ и графъ Бернсторфъ, и резидентъ при вѣнскомъ дворѣ, генералъ-лейтенантъ Круземаркъ; французскіе резиденты: графъ Блакасъ, при папскомъ и неаполитанскомъ дворахъ; маркизъ Караманъ — при вѣнскомъ

дворѣ, и графъ де-ла-Ферронè—при петербургскомъ дворѣ; великобританскіе: лордъ Стюартъ (братъ лорда Кестельри) и резидентъ при вѣнскомъ дворѣ Гордонъ; папскій легатъ въ Болоньи, кардиналъ Спина; сардинскій уполномоченный, маркизъ Сенъ-Марсанъ, и проч.

Въ первомъ совѣщаніи уполномоченныхъ пяти державъ, 30-го декабря 1820-го (11-го генваря 1821-го) года, русскіе министры предложили излагать результаты совѣщаній въ видѣ формальныхъ протоколовъ, за подписью всѣхъ уполномоченныхъ. Но представители Австріи, Пруссіи и Франціи, хотя и признали пользу такой мѣры, однакоже поставили на видъ, что, въ случаѣ веденія формальныхъ протоколовъ, были-бы устранены отъ участія въ совѣщаніяхъ уполномоченные Великобританіи, и по тому рѣшено сохранить форму совѣщаній, принятую въ Троппау.

На слѣдующій день, Меттернихъ сообщилъ ходъ переговоровъ съ Королемъ Неаполитанскимъ, со времени его прибытія въ Лайбахъ. Король желалъ войти въ сношенія съ Союзными державами чрезъ герцога Галло; но ему объявили, что Союзные дворы не хотѣли имѣть дѣла ни съ кѣмъ принадлежащимъ къ настоящему неаполитанскому правительству (attaché par des fonctions au régime actuel), и по тому Король назначилъ своимъ уполномоченнымъ князя Руффо (1).

Въ совѣщаніи 1 (13) генваря 1821 года, князь Руффо, отъ имени своего Государя, изъявилъ признательность Союзнымъ Монархамъ за принятое ими рѣшеніе—не прежде прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, какъ истощивъ всѣ средства къ усмиренію страны, и выразилъ желаніе получить опредѣлительное свѣдѣніе о ихъ намѣреніяхъ.

4 (16) генваря, князь Меттернихъ, отъ имени Союзныхъ уполномоченныхъ, отвѣчалъ на запросъ князя Руффо.

На совѣщаніяхъ въ Троппау—сказалъ онъ—было рѣшено, чтобы, не входя ни въ какіе переговоры съ участниками революціи, угрожавшей нарушить спокойствіе не только Италіи, но и другихъ странъ, обратиться къ Королю Неаполитанскому, съ просьбою прибыть на конгрессъ въ Лайбахъ и содѣйствовать Союзнымъ Монархамъ въ умиреніи своего государства всѣми средствами, которыя могло внушить ему попеченіе о благѣ собственной его страны. Союзные Государи сочтутъ для себя счастіемъ доставить Королю новыя права на любовь и уваженіе его подданныхъ, и какъ только Неаполитанское Королевство возобновитъ дружескія сношенія съ европейскими державами и займетъ прежнее мѣсто въ средѣ ихъ, то Союзные Монархи изъявятъ свое единственное желаніе: чтобы Король, съ содѣйствіемъ лучшихъ людей своей страны, успѣлъ изгладить память злополучнаго времени и устроилъ порядокъ управленія, могущій самъ собою служить ручательствомъ своей прочности, сообразный съ истинными пользами народа и обезпечивающій сосѣднія государства, на счетъ ихъ безопасности и спокойствія.

Въ заключеніе своего отзыва, Меттернихъ, отъ имени Союзныхъ Монарховъ, объявилъ, что, если, къ довершенію бѣдствій постигшихъ Королевство Обѣихъ Сицилій, эта послѣдняя попытка окажется безуспѣшна, если голосъ Его Величества Короля не будетъ услышанъ, то Союзнымъ Государямъ ничего болѣе не останется, какъ прибѣгнуть къ силѣ оружія, чтобы исполнить ихъ непремѣнное намѣреніе — положить конецъ порядку дѣлъ, вызванному іюльскими событіями въ Королевствѣ Обѣихъ Сицилій (2).

Въ слѣдующемъ совѣщаніи, 7 (19) генваря, князь Руффо объявилъ, что Король, убѣдясь въ непреклонномъ намѣреніи Союзныхъ Монарховъ — не входить

ни въ какія сношенія съ нынѣшнимъ неаполитанскимъ правительствомъ, находитъ, что единственное благо, которое онъ можетъ сдѣлать своему народу, состоитъ въ отклоненіи отъ него бѣдствій войны, и по тому рѣшился побудить настоящее неаполитанское правитильство къ совершенной и скорой отмѣнѣ всего сдѣланнаго съ 2-го іюля. Имѣя намѣреніе писать о томъ герцогу калабрскому *), Король надѣется, что Монархи поддержатъ его отзывъ инструкціей своимъ агентамъ въ Неаполѣ.

Министры Союзныхъ державъ сообщили князю Руффо о согласіи Государей исполнить желаніе Короля Неаполитанскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено призвать въ Лайбахъ герцога Галло, для объявленія ему рѣшенія конференціи, послѣ чего онъ долженъ былъ возвратиться въ Неаполь одновременно съ отправленіемъ письма Короля къ герцогу калабрскому ([3]).

Въ засѣданіи 13 (25) генваря, уполномоченные Франціи одобрили редакцію первыхъ шести журналовъ конгресса, а сэръ Чарльзъ Стюартъ, объявилъ, что, не смотря на присутствіе великобританскихъ министровъ при совѣщаніяхъ, они не были уполномочены своимъ дворомъ принимать въ нихъ участіе. Тогда-же конференція постановила: пригласить въ засѣданія конгресса уполномоченныхъ отъ прочихъ италіянскихъ государствъ, предварительно сообщивъ имъ журналы всѣхъ прежнихъ совѣщаній.

Въ засѣданіи 14 (26) генваря, на которомъ, кромѣ министровъ пяти державъ, находились уполномоченные всѣхъ италіянскихъ дворовъ, папскій легатъ Спина сообщилъ, что „какъ Его Святѣйшество твердо

*) Герцогъ калабрскій — сынъ Короля, объявленный регентомъ Королевства Обѣихъ Сицилій.

рѣшился соблюдать строжайшій неутралитетъ, то ему не дано полномочія изъявлять свое мнѣніе въ совѣщаніяхъ конференціи. Его Святѣйшество не престанетъ возносить моленія о возстановленіи порядка въ Неаполѣ". Каподистріа сдѣлалъ замѣчаніе, что самое присутствіе на конгрессѣ Г. Спины заставляетъ полагать, что Папа не противится намѣренію Союзныхъ державъ прекратить настоящее положеніе дѣлъ въ Неаполѣ. Ежели система неутралитета, усвоенная папскимъ правительствомъ, и миролюбивый характеръ Святѣйшаго Отца не позволяютъ ему принять дѣятельное участіе въ исполненіи предложенныхъ Союзниками мѣръ, но тѣмъ не менѣе однакоже онъ имѣетъ возможность поддержать своимъ вліяніемъ дѣйствія, предпринятыя для побужденія Неаполитанцевъ къ покорности ихъ Государю.

Прочіе-же италіянскіе министры безусловно одобрили рѣшенія конгресса.

Въ слѣдующихъ совѣщаніяхъ читаны инструкціи дипломатическимъ агентамъ Союзныхъ державъ въ Неаполѣ, а также сообщены инструкціи, данныя герцогу Галло, и изложены виды австрійскаго правительства, касательно арміи, назначенной для занятія Неаполитанскаго Королевства ([4]).

На счетъ займа, долженствовавшаго доставить необходимыя финансовыя средства Королю Неаполитанскому, русскіе уполномоченные объявили, что Императоръ Александръ, содѣйствуя видамъ австрійскаго двора, согласенъ гарантировать этотъ заемъ, но не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы общая сумма его была предварительно опредѣлена королевскимъ правительствомъ. Прусскій министръ Бернсторфъ сдѣлалъ отзывъ, что испроситъ инструкціи своего Государя, на счетъ просимаго ручательства. Блакасъ также принялъ это предложеніе ad referendum, и,

вмѣстѣ съ тѣмъ, объявилъ, что Франція не можетъ принять дѣятельнаго участія въ войнѣ противъ Неаполя. Министры: сардинскій, моденскій и тосканскій, изъявили, именемъ своихъ государей „совершенное одобреніе благоразумныхъ и безкорыстныхъ видовъ австрійскаго правительства" (5).

8 (20) февраля. Руффо сообщилъ министрамъ Союзныхъ дворовъ основанія, на коихъ Король Неаполитанскій предполагалъ возстановить свое правительство, именно:

„Во 1-хъ. учредить отдѣльныя управленія въ Неаполѣ и Сициліи, сохраняя тщательно взаимную связь, соединяющую эти страны подъ однимъ скипетромъ.

„Во 2-хъ. дать государственнымъ совѣтамъ въ обѣихъ частяхъ Королевства такое устройство, которое могло-бы съ наибольшею пользою указывать правительству какъ нужды и пользы народа, такъ и необходимыя средства къ охраненію правъ верховной власти и благоденствія страны.

„Въ 3-хъ. учредить въ обѣихъ частяхъ Королевства совѣщательный корпусъ, служащій ручательствомъ въ томъ, чтобы проекты высшаго законодательства, еще до облеченія ихъ силою законовъ, и мѣры общей администраціи, до приведенія ихъ въ исполненіе, были обсуждаемы и объясняемы къ общей пользѣ верховной власти, народнаго блага и просвѣщенной справедливости.

„Въ 4-хъ, установить въ каждой области провинціальный совѣтъ, для правильной раскладки налоговъ и для обсужденія другихъ предметовъ, относящихся къ общественнымъ пользамъ.

„Наконецъ, въ 5-хъ, устроить общинное управленіе, на условіяхъ, наиболѣе сообразныхъ съ благосостояніемъ общинъ и съ сохраненіемъ ихъ достоянія.

„Его Величество долгомъ считаетъ замѣтить, что опредѣлительное развитіе этихъ основаній, а равно составленіе актовъ, которые будутъ ихъ послѣдствіями, необходимо отложить до того счастливаго времени, когда Король, съ содѣйствіемъ совѣта изъ лучшихъ людей государства, будетъ снова имѣть возможность обратить всѣ свои попеченія на пользы и благоденствіе своихъ подданныхъ“ (6).

Уполномоченные сардинскій, моденскій, тосканскій и кардиналъ Спина одобрили эти предположенія, сообщенныя имъ княземъ Руффо. Слѣдствіемъ того были декларацiи Союзныхъ дворовъ, сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ:

....„Уполномоченные италіянскихъ государей—писалъ Меттернихъ—не находятъ въ основаніяхъ, предложенныхъ Королемъ Неаполитанскимъ для возстановленія его правительства, ничего противнаго охраненію общаго спокойствія Италіи. Императоръ, съ своей стороны, раздѣляя мнѣніе государей, наиболѣе долженствующихъ взвѣшивать послѣдствія, которыя можетъ оказать принятая кѣмъ-либо изъ нихъ система управленія на всю Италію, находитъ, что предположеніе Е. В. Сицилійскаго Короля сообразны съ будущею прочностью его правительства и съ истинными пользами народа Обѣихъ Сицилій. Е. И. В. поручилъ мнѣ изъявить его искреннія желанія, чтобы справедливые и отеческіе виды его Августѣйшаго друга и союзника увѣнчались полнымъ успѣхомъ“.

Со стороны Франціи, уполномоченные объявили, что, не имѣя права изложить мнѣніе, на счетъ основаній правительства, которое Неаполитанскій Король предполагаетъ даровать своему народу, они считаютъ сообщеніе этихъ основаній новымъ доказательствомъ довѣрія Его Сицилійскаго Величества къ представителямъ державъ на Лайбахскомъ конгрессѣ. А по

тому они ограничиваются объявленіемъ, что ихъ Государь, принимающій живое участіе въ благоденствіи Королевства Неаполитанскаго, съ удовольствіемъ получитъ свѣдѣніе о намѣреніи Его Сицилійскаго Величества — окружить себя вѣрнѣйшими и опытнѣйшими людьми своей страны, для постановленія учрежденій, долженствующихъ упрочить благоденствіе народа и обезпечить въ будущности спокойствіе его владѣній, тѣсно связанное съ спокойствіемъ всей Италіи.

Уполномоченные Пруссіи объявили, что увѣренность ихъ въ пользѣ основаній, сообщенныхъ имъ отъ имени Его Сицилійскаго Величества, и надежды, изъ того проистекающія, получили новую опору вмѣстѣ съ единогласнымъ объявленіемъ министровъ италіянскихъ дворовъ о согласіи этихъ основаній съ желаніями и пользами ихъ государей.....

Со стороны Россіи сообщена слѣдующая декларація:

„Императоръ, получивъ свѣдѣніе объ отзывѣ, сдѣланномъ отъ имени Короля Неаполитанскаго, княземъ Руффо, въ засѣданіи 20-го февраля, отдалъ полную справедливость свидѣтельству довѣрія, оказаннаго Королемъ его Августѣйшимъ союзникамъ, сообщеніемъ его видовъ на счетъ политическаго устройства своихъ владѣній.

„Какъ водвореніе порядка въ Королевствѣ Неаполитанскомъ, послѣ волненій и бѣдствій, порожденныхъ событіями 2-го іюля, непремѣнно должно имѣть вліяніе на спокойствіе и счастіе всего Аппенинскаго полуострова, то казалось прилично, прежде всего, узнать мнѣнія объ этомъ важномъ вопросѣ италіянскихъ дворовъ, какъ наиболѣе угрожаемыхъ послѣдствіями подобныхъ злополучныхъ переворотовъ, и какъ долженствующихъ наилучше знать средства къ

обезпеченію ихъ странамъ совершеннаго внутренняго спокойствія. Въ такомъ именно смыслѣ россійскій кабинетъ обсуживалъ деклараціи италіянскихъ дворовъ и выжидалъ ихъ единогласное одобреніе проекта предложеннаго княземъ Руффо. Императоръ, подобно имъ, желаетъ искренно, чтобы послѣдствія новыхъ основныхъ законовъ Королевства Обѣихъ Сицилій отвѣчали внушившимъ ихъ благоразумнымъ и отеческимъ видамъ. Онъ желаетъ, паче всего, чтобы развитіе и примѣненіе на самомъ дѣлѣ началъ, принятыхъ Его Сицилійскимъ Величествомъ имѣли послѣдствія, указанныя въ протоколѣ 7-го (19-го) ноября, именно: чтобы установленіе новаго порядка заключало въ самомъ себѣ ручательства своей прочности и было незыблемо на своемъ основаніи безъ пособія чужеземныхъ силъ, что̀, по мнѣнію Е. И. В. будетъ для всѣхъ италіянскихъ государей вѣрнѣйшимъ ручательствомъ какъ спокойствія, такъ и независимости ихъ владѣній" (7). Изъ приведенныхъ нами декларацій, очевидно, что виды Императора Александра, на счетъ Италіи, не совсѣмъ сходились съ намѣреніемъ Австріи — подчинить своему господству весь аппенинскій полуостровъ.

Австрійское правительство, не выжидая отвѣта на предложенія Союзныхъ дворовъ Неаполитанцамъ, направило въ южную Италію армію, подъ начальстомъ генерала Фримона, которая, еще 5 февраля н. ст. перешла чрезъ По и немедлено двинулась далѣе. Тогда-же объявлено о намѣреніи Союзниковъ— положить предѣлъ порядку, установленному іюльскими событіями, и занять Неаполь, даже въ случаѣ добровольной покорности его жителей. Оскорбленные въ чувствѣ народной гордости Неаполитанцы сдѣлали значительныя вооруженія. Подъ начальствомъ генерала Вильгельма Пепе собралась богато сна-

ряженная національная гвардія съ блистательною кавалеріей, которую самъ онъ называлъ „эскадронами Ринальда.“ Возбужденный зрѣлищемъ этихъ войскъ, народъ возмнилъ найти въ себѣ воскресшую доблесть мужей Греціи и Рима; на вопросъ, сдѣланный въ одномъ изъ народныхъ собраній: „кто изъ нашихъ генераловъ будетъ Мильтіадомъ“, одинъ изъ ораторовъ отвѣчалъ: „они всѣ будутъ Мильтіады“. Толковали о Самнитянахъ и давали клятву подражать имъ. Сыновья Короля, регентъ герцогъ калабрскій и князь салернскій, стали на защиту страны—первый, на основаніи конституціи, въ челѣ арміи, а другой въ рядахъ народнаго ополченья. Не только восторженные либералы, но опытнѣйшіе дипломаты и государственные люди Европы, предрекали, что австрійскія войска найдутъ гибель въ южной Италіи; въ Лайбахѣ поговаривали о необходимости послать въ Неаполь другую армію въ помощь Фримону, и только-лишь голосъ хитраго и хорошо знавшаго своихъ земляковъ, герцога моденскаго, разсѣялъ напрасныя опасенія. И дѣйствительно — въ Неаполѣ, хвастливые возгласы народныхъ витій замолкли, заглушенные представленіями благоразумныхъ людей, убѣжденныхъ въ безразсудствѣ войны со всею Европою. Поборникамъ свободы оставалось—пасть со славою и честью. но у нихъ на то не стало рѣшимости. Генералы и офицеры не находили никакого исхода изъ своего отчаяннаго положенія, кромѣ соглашенія съ австрійскимъ правительствомъ, и потому распоряженія, ими принятыя для обороны страны, были сдѣланы только для вида, съ тою цѣлью, чтобы усыпить бдительность коноводовъ революціи и покориться на выгоднѣйшихъ по возможности условіяхъ. Слѣдствіемъ нерѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ либералами, было то, что регулярная армія состояла въ чи-

слѣ не болѣе 25-ти тысячъ челов. пѣхоты и 2-хъ тысячъ кавалеріи; а духъ этихъ войскъ не дозволялъ нисколько на нихъ надѣяться. Къ довершенію плохихъ распоряженій по военной части, небольшая армія, назначенная для дѣйствій противъ сорока трехъ тысячъ старыхъ солдатъ Фримона, была раздѣлена на два корпуса, изъ коихъ одинъ занялъ Абруццу, а другой сталъ на берегахъ Волтурно: начальники ихъ, генералы Пепе и Караскоза, независимые одинъ отъ другаго и враждебные между собою, руководились совершенно различными видами: Пепе, отчаянный энтузіастъ, искалъ скорой развязки дѣла, а Караскоза, человѣкъ холодный, опытный, хотѣлъ занять выгодную позицію и выиграть время для достиженія переговорами выгоднѣйшихъ условій міра. Карбонари предлагали своему представителю Пепе захватить диктатуру страны, сосредоточить силы и двинуться къ рѣкѣ По, чтобы увлечь съ собою всѣ прочіе народы Италіи; но неаполитанскій генералъ не рѣшился на это смѣлое покушеніе, а предпринялъ дѣйствія, которыя, ни въ какомъ случаѣ, не могли повести къ успѣху. Получивъ предписаніе военнаго совѣта—отступить отъ границы къ Аквилѣ (Aquila) и устроить тамъ укрѣпленный лагерь, онъ, напротивъ того, двинулся, съ собранными имъ восемью линейными и четырнадцатью милиціонными баталіонами, противъ Австрійцевъ къ Ріети и атаковалъ ихъ 7 марта н. ст. но былъ отраженъ. Отступленіе Неаполитанцевъ вскорѣ обратилось въ бѣгство; по прибытіи къ Аквилѣ, Пепе успѣлъ собрать не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, съ которыми безостановочно ушелъ къ Неаполю; ополченія, высланныя ему на встрѣчу, разбѣжались; самъ Пепе искалъ спасенія на испанскомъ кораблѣ, стоявшемъ въ неаполитанскомъ заливѣ. Солдаты Караскозы, узнавъ о пора-

женіи Пепе. отказались повиноваться своимъ начальникамъ и въ нѣсколько дней разсѣялись такъ быстро, что слишкомъ осторожный Фримонъ счелъ исчезновеніе непріятеля стратагемою, двинулся какъ-бы ощупью и замедлилъ свое наступленіе къ Неаполю. Легкая побѣда Австрійцевъ не принесла имъ славы, но покрыла позоромъ ихъ противниковъ. Неаполитанцы, преданные въ жертву врагамъ своими начальниками, сами измѣнили отечеству. 12 (24) марта, австрійская армія вступила въ Неаполь по предварительному соглашенію о занятіи столицы, а равно и крѣпости Гаэты. Неаполитанская война была окончена ([8]).

Въ Піемонтѣ также произошло возстаніе противъ правительства за нѣсколько дней до окончательнаго покоренія Неаполя. Тамъ уже давно тлѣли искры, угрожавшія пожаромъ; но сами приверженцы свободныхъ учрежденій отлагали вспышку, считая преждевременнымъ какой-либо насильственный переворотъ при старомъ Королѣ Викторѣ-Эмануилѣ, и надѣясь вскорѣ достигнуть своей цѣли безъ всякихъ потрясеній. И дѣйствительно, какъ Викторъ-Эмануилъ и братъ его, герцогъ геневезскій *) Карлъ-Феликсъ, оба не имѣли сыновей, то наслѣдство престола должно было перейти въ руки юнаго принца кариньянскаго Карла-Альберта, потомка младшей линіи савойскаго дома, уже признаннаго сардинскимъ наслѣдникомъ на вѣнскомъ конгресѣ. Либералы считали извѣстнаго вольнолюбіемъ принца своимъ главою, и, въ ожиданіи его будущаго содѣйствія кореннымъ реформамъ, оставались спокойны. Но самъ принцъ подалъ поводъ къ волненіямъ, порицая нескромно дѣйствія правительства и явно противодѣйствуя герцогу геневез-

*) Del Genevese, въ Савоіѣ.

скому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ нескрывалъ своей ненависти къ Австріи, покушавшейся на вѣнскомъ конгресѣ устранить его отъ наслѣдства престола. Все это подавало большія надежды склоннымъ къ восторженности Италіянцамъ: одни видѣли въ немъ будущаго реформатора Піемонта; другіе — человѣка, предназначеннаго къ возрожденію всей Италіи. Поэты и литераторы наперерывъ славили принца. Но многіе, изучая характеръ его, представлявшій странную смѣсь юношеской опромечтивости и старческой скрытности, и видя его колебанія между стремленіемъ объединить Италію и страхомъ потерять наслѣдство сардинскаго престола, не вѣрили его либерализму. И дѣйствительно – онъ уже не разъ остерегалъ правительство на счетъ замысловъ, сообщенныхъ ему карбонарами, что̀ наконецъ заставило ихъ ускорить исполненіе своего замысла, скрывъ отъ принца, какъ время, такъ и мѣсто, первоначальнаго возстанія. Заговорщики, желая воспользоваться неаполитанскимъ переворотомъ, отвлекшимъ австрійскую армію въ южную Италію, рѣшились открыть дѣйствія въ Алессандріи, гдѣ карбонари имѣли большія связи. Въ ночи съ 9-го на 10-е марта н. ст. они овладѣли тамошнею цитаделью, а на слѣдующее утро составили временное правительство (giunta), которое должно было завѣдывать дѣлами до образованія общаго управленія въ Италіи. 11 марта н. ст. въ головѣ прокламаціи о состояніи страны на военномъ положеніи, находились слова: „Regno d'Italia“, заключавшія въ себѣ угрозу Австріи и всѣмъ италіянскимъ государствамъ. Король Сардинскій, зная, что уполномоченный его на Лайбахскомъ конгресѣ обязался, именемъ своего Государя, не измѣнять образа правленія въ Піемонтѣ, приказалъ, въ ночи на 1-е (13-е) марта, напечатать объявленіе, въ коемъ отказывался

даровать конституцію, потому что это могло дать поводъ къ нашествію австрійскихъ войскъ, а на слѣдующій день, когда произошло возстаніе въ Туринѣ, отказался отъ престола, въ пользу своего брата Карла Феликса, тогда находившагося въ Моденѣ, и отправился въ Ниццу, назначивъ до прибытія новаго Короля регентомъ принца кариньянскаго. Уступая корону Карлу Феликсу, человѣку грубому, упрямому и состоявшему подъ вліяніемъ лицемѣра-ханжи, герцога моденскаго, Викторъ-Эмануилъ пріуготовилъ господство австрійской партіи.

Тогда-же принцъ кариньянскій, увлеченный возстаніемъ жителей Турина въ омутъ революціи, принужденъ былъ принять испанскую конституцію, учредить временную юнту и образовать новое министерство; но вслѣдъ за тѣмъ собственноручно написалъ губернаторамъ Савоіи, Генуи и Новарры, что онъ считаетъ объявленіе конституціи не имѣющимъ законной силы, пока она не утверждена самимъ Королемъ. Желая отнять у Австріи всякій предлогъ къ вооруженному вмѣшательству, принцъ запретилъ народныя демонстраціи и обѣщалъ амнистію войскамъ, которыя перейдутъ на сторону правительства. Либералы, встрѣтя сопротивленіе въ своемъ прежнемъ покровителѣ, хотѣли задержать его, въ видѣ заложника, либо даже убить его. Но это не удалось имъ и поставило во враждебное положеніе къ нимъ принца, который, настойчиво держась принятой имъ системы, затруднялъ по возможности народныя вооруженія и не принялъ ломбардскихъ депутатовъ, предлагавшихъ поддержать піемонтское возстаніе старослуживыми бывшаго вице-короля Евгенія и тридцатью тысячами человѣкъ національной стражи. Получивъ, вслѣдъ за тѣмъ, строгое повелѣніе Короля Карла Феликса—немедленно отправиться съ войска-

ми вѣрными престолу въ Новару, и ожидать тамъ дальнѣйшихъ распоряженій, принцъ тайно уѣхалъ туда и сложилъ съ себя регентство 9 (21) марта ([9]).

Какъ только получены были въ Миланѣ и Лайбахѣ извѣстія о піемонтскомъ возстаніи, то главнокомандующій австрійскими войсками въ Ломбардіи, графъ Бубна, принялъ мѣры къ немедленному сосредоточенію своей арміи на рѣкѣ Тичино. Въ то время, еще нельзя было сообразить, въ какой мѣрѣ распространится народное волненіе въ Италіи, и по тому Императоры Александръ и Францъ сочли нужнымъ усилить австрійскія войска въ Ломбардіи значительными подкрѣпленіями. Съ этою цѣлью, русская армія, въ числѣ болѣе ста тысячъ человѣкъ, собранная въ Царствѣ Польскомъ и въ югозападныхъ губерніяхъ, должна была двинуться, частью чрезъ Австрійскую Силезію, частью чрезъ Галицію и Венгрію, въ Италію ([10]). Главнокомандующимъ этой арміи былъ назначенъ герой Бородина и Кульма, увѣнчанный свѣжими лаврами побѣдъ на Кавказѣ, генералъ Ермоловъ, который, находясь временно въ Петербургѣ, получилъ Высочайшее повелѣніе прибыть въ Лайбахъ и пріѣхалъ туда въ половинѣ (въ концѣ) апрѣля. Но возстаніе въ Піемонтѣ тогда уже было совершенно подавлено. Самъ Ермоловъ, излагая эту эпоху своей жизни, пишетъ: „Конечно, не было доселѣ примѣра, чтобы начальникъ, предназначенный къ командованію арміею, былъ столько, какъ я, доволенъ, что война не имѣла мѣста. Довольно сказать въ доказательство сего, что я очень хорошо понималъ невыгоды явиться въ Италіи вскорѣ послѣ Суворова и Бонапарте, которымъ вѣка удивляться будутъ. Русскому нельзя не знать, какія препятствія поставляемы были Суворову австрійскимъ правительствомъ, а изъ нашихъ и лучшихъ даже генераловъ,

не думаю, чтобы возмечталъ кто нибудь ему уподобиться" ([11]).

Усмиреніе возстанія въ Піемонтѣ не потребовало значительныхъ усилій. Народъ и войска раздѣлились на двѣ партіи, между собою враждебныя. Хотя, по отбытіи принца кариньянскаго изъ Турина, военный министръ Сантароза былъ облеченъ диктаторскою властью, однакоже многіе члены правительственной юнты отказались содѣйствовать ему и подали въ отставку. Самъ онъ хотѣлъ искать убѣжище въ алессандрійской цитадели, но остался въ столицѣ, получивъ свѣдѣніе, будтобы преданный королевской партіи полкъ драгуновъ Королевы ушелъ изъ Новары въ Алессандрію, съ восклицаніями: да здравствуетъ конституція! Надѣясь на помощь Ломбардіи и Франціи, Сантароза сосредоточилъ всѣ войска, державшія сторону революціи, въ Алессандріи, и рѣшился двинуться къ Новарѣ, противъ королевской арміи генерала Ла-Торре. Но когда распространился слухъ о пораженіи неаполитанскихъ инсургентовъ, многіе изъ генераловъ Сантарозы воспользовались амнистіей и передались къ Ла-Торре, который перешелъ черезъ Сезію, 4 апрѣля н. ст. и могъ-бы немедленно овладѣть Туриномъ, но, не будучи увѣренъ въ своихъ войскахъ, отступилъ обратно къ Новарѣ. Сантароза, надѣясь, что королевская армія, будучи рѣшительно атакована имъ, перейдетъ на его сторону, направился къ Новарѣ и 8-го н. ст. повелъ нападеніе на стоявшаго тамъ генерала Ла-Торре. Атака республиканцевъ была весьма стремительна, но не имѣла успѣха, а, между тѣмъ, какъ они истощали усилія для овладѣнія новарскою позиціей, авангардъ австрійской арміи, переправясь черезъ Тичино у Буфалоры, обошелъ ихъ съ праваго фланга. Молодые солдаты Сантарозы, пораженные паническимъ стра-

хомъ, обратились въ бѣгство и чрезъ нѣсколько часовъ совершенно разсѣялись ([12]). 10 апрѣля н. ст. Ла-Торре торжественно вступилъ въ Туринъ. Для охраненія тишины и спокойствія на аппенинскомъ полуостровѣ, австрійское правительство заняло Піемонтъ 12-ю тысячами и Королевство Обѣихъ Сицилій 42-я тысячами человѣкъ: содержаніе этихъ войскъ стоило странѣ ежемѣсячно 570,000 гульденовъ (около 350 тысячъ рубл. серебр.).

Неаполитанское и сардинское правительства неумѣренно воспользовались легко одержанными побѣдами. Вмѣстѣ съ возвращеніемъ Короля Фердинанда, не только послѣдовало запрещеніе всякихъ обществъ, но закрыты были университеты и высшія школы. Карбонари, отсылаемые на каторгу, подвергались тѣлесному наказанію плетьми на главныхъ улицахъ столицы. Сотни людей были осуждены на смертную казнь; другіе, и въ числѣ ихъ многіе генералы и депутаты, Коллетта, Поэріо и другіе, изгнаны. Въ Піемонтѣ господствовало вліяніе австрійскаго правительства, благодаря управленію беззаботнаго и лѣниваго Карла Феликса. Не довольствуясь тѣмъ, вѣнскій дворъ старался устранить принца кариньянскаго отъ наслѣдства престола, чтобы передать корону эрцгерцогу, супругу дочери Виктора Эмануила, герцогу моденскому, что̀ заставило принца обратиться къ покровительству Франціи. Самъ Императоръ Александръ, въ послѣдствіи получивъ о немъ весьма выгодные отзывы отъ Мочениго и маркиза Паулуччи, сталъ поддерживать права̀ его на сардинское престолонаслѣдіе. Графъ Конфалоньери, въ качествѣ одного изъ главныхъ адептовъ карбонаризма, былъ подвергнутъ, на пути въ Спильбергъ, въ Вѣнѣ, строжайшему допросу, при Меттернихѣ, желавшемъ отъ него вынудить признаніе въ виновности принца кариньянскаго;

но Конфалоньери предпочелъ тяжкое заключенiе (carcere duro) предательству. Тогда-же пострадалъ поэтъ Пеллико̀, изливщiй въ звучныхъ стихахъ свою скорбь о судьбахъ Италiи. Страданiя, перенесенныя имъ, сперва подъ венецiянскими пломбами, а потомъ—въ спильбергскихъ казематахъ, трогательно разсказаны имъ въ сочиненiи: „Мои темницы“ (Le miei prigioni), и хотя авторъ выразилъ ихъ съ рѣдкимъ смиренiемъ, однакоже не мало способствовалъ къ усиленiю ненависти противъ Меттерниха и австрiйскаго деспотизма. Многiе изъ узниковъ умерли въ заточенiи; другiе, и въ числѣ ихъ Паллавичини и Марончелли, подверглись припадкамъ сумашествiя ([13]).

Еще не было усмирено волненiе въ Пiемонтѣ, когда вспыхнуло возстанiе Грековъ. Уже нѣсколько вѣковъ страдали они подъ игомъ невѣжественныхъ, свирѣпыхъ Турокъ, и казалось—ничто не могло воскресить падшiй духъ въ странѣ Мильтiадовъ и Леонидовъ. Всевышнiй Промыслъ судилъ иначе. Французская революцiя возбудила идеи свободы и независимости въ разсѣянныхъ по всей Европѣ Грекахъ, и первымъ изъ нихъ уроженецъ Ѳессалiи Ригасъ, какъ нѣкогда Тиртей, призывалъ къ оружiю потомковъ древней Эллады, и будучи выданъ Австрiйцами Туркамъ, погибъ лютою смертью: белградскiй паша приказалъ распилить его между двухъ досокъ. Его послѣдователи на время затихли.

Мiровыя событiя, послѣдовавшiя за паденiемъ Наполеона—вѣнскiй конгрессъ, гдѣ шла рѣчь о прекращенiи варварiйскихъ разбоевъ и о судьбѣ Мальтiйскаго ордена, въ особенности-же образованiе Священнаго Союза, коему стоустая молва приписывала цѣль изгнанiя изъ Европы Турокъ: эти событiя по-

дали надежду на помощь нѣсколькимъ поселившимся въ Вѣнѣ, по торговымъ дѣламъ, Грекамъ, которые, видя во главѣ Европы единовѣрнаго съ ними, извѣстнаго великодушіемъ Императора Александра, думали найти въ немъ давно желаннаго освободителя. Подъ вліяніемъ такого настроенія, четыре Грека, (въ числѣ коихъ архимандритъ Антимосъ и редакторъ издаваемаго въ Вѣнѣ греческаго журнала Ѳеоклетъ изъ Макриницы) основали общество, подъ названіемъ *гетеріи*, составленное изъ ихъ вѣнскихъ соотечественниковъ, и пригласили принять въ немъ участіе тѣхъ, кои находились въ Парижѣ, Москвѣ и другихъ городахъ; впрочемъ, число членовъ общества тогда было весьма ограничено: кромѣ помянутыхъ четырехъ вѣнскихъ Грековъ, коноводами гетеріи считались: Петримали въ Москвѣ, Варваци въ Таганрогѣ, Николай Скуфасъ въ Одессѣ и Секерисъ въ Парижѣ. Подобно масонамъ, гетеристы были раздѣлены на восемь степеней, изъ коихъ высшая, 8-я, оставалась незанятою, и каждому изъ поступающихъ въ общество намекали, что во главѣ его стоитъ одинъ изъ величайшихъ европейскихъ монарховъ: такое увѣреніе не имѣло никакого основанія, но начальники гетеріи сами искренно раздѣляли заблужденіе своихъ послѣдователей, твердо надѣясь на покровительство Императора Александра и удостоеннаго его довѣріемъ, греческаго патріота, графа Каподистріа (14).

Покушеніе нѣсколькихъ выходцевъ, мечтавшихъ объ освобожденіи своего отечества, никогда не могло-бы увѣнчаться успѣхомъ, еслибы не была сколько-нибудь подготовлена къ тому вся масса греческаго народа. Для этого надлежало вдохнуть новую жизнь въ убитыхъ духомъ Грековъ, и средствомъ къ тому послужило просвѣщеніе. Обширное развитіе въ XVIII вѣкѣ греческой торговли сблизило Грецію съ запад-

ною Европою. Парижъ, Вѣна, Лейпцигъ, Тріестъ, сдѣлались центрами, куда стекались Греки, знакомясь съ потребностями новѣйшей цивилизаціи, усвоивая себѣ ея научныя и литературныя пріобрѣтенія, но не отвращая взора отъ родины и стараясь надѣлить ее частью пріобрѣтенныхъ ими умственныхъ сокровищъ; въ числѣ ихъ были: Варваци, основавшій многія благотворительныя заведенія на островахъ Хіосѣ, Псарѣ и на континентѣ Греціи; братья Зосимы, изъ Москвы и Ливорно, содержавшіе на собственный счетъ школу въ Янинѣ и слывшіе греческими Медичисами, и проч. ([15]).

Когда такимъ образомъ греческій народъ, или, лучше сказать, наиболѣе просвѣщенные изъ Грековъ, усвоивъ идею независимости, жаждали осуществить ее, гетеристы, прежде всего, озаботились о сборѣ средствъ для достиженія задуманной ими цѣли и послали своихъ эмиссаровъ въ Грецію, чтобы разузнать положеніе дѣлъ и открыть сношенія съ своими соотечественниками. Но эти агенты, люди, не обладавшіе ни малѣйшимъ значеніемъ въ странѣ, не только не принесли никакой пользы дѣлу, но, напротивъ того, повредили ему, обманувъ гетерію вымышленными свѣдѣніями о мнимомъ успѣхѣ даннаго имъ порученія. Начальники гетеріи, положась на полученныя отъ агентовъ извѣстія—о всеобщей готовности Грековъ къ возстанію, обратились, въ 1819 году, къ графу Каподистріа, ходатайствуя о содѣйствіи имъ русскаго правительства. Невозможно было избрать болѣе неблагопріятнаго времени къ подобной просьбѣ: вся западная Европа тогда находилась въ опасеніи смутъ возбуждаемыхъ карбонарами и другими тайными сектами. И потому неудивительно, что греческіе агенты получили рѣшительный отказъ: „Никогда подобное предпріятіе не будетъ поддержано

русскимъ правительствомъ—сказалъ имъ графъ Каподистріа.—да и во всякомъ случаѣ оно безразсудно". Какъ ни ясенъ былъ отзывъ графа Каподистріа, греческіе эмиссары вывели заключеніе, что министръ не могъ дать имъ другаго оффиціальнаго отвѣта, но что русское правительство было расположено поддерживать ихъ соотечественниковъ. Въ этомъ убѣжденіи утвердилъ ихъ князь Александръ Ипсиланти, къ которому они обратились послѣ отказа Каподистріа. Ипсиланти, потомокъ древней фанаріотской фамиліи, генералъ-маіоръ русской службы, получилъ за отличіе въ сраженіи при Люценѣ орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и лишился правой руки въ битвѣ подъ Дрезденомъ. Самонадѣянный, легкомысленный. Ипсиланти, не только присоединился къ гетеріи, но обнадежилъ и другихъ греческихъ эмиссаровъ въ полномъ сучувствіи къ ихъ дѣлу Императора Александра. Его увѣренія были переданы въ преувеличенномъ видѣ въ Греціи, Дунайскія княжества, Константинополь, во всѣ мѣста̀, гдѣ были разсѣяны Греки. Пожертвованія Августѣйшихъ особъ на пользу просвѣщенія Греціи были выказаны агентами въ видѣ содѣйствія возстанію. Не менѣе лживы были распущенные ими слухи о необъятныхъ средствахъ гетеріи и о всеобщей готовности Грековъ возстать по первому призыву ихъ европейскихъ сподвижниковъ. Ипсиланти получалъ поддѣльные адрессы, за подписями тысячей никогда не существовавшихъ жителей Мореи и другихъ греческихъ областей. и не зная ни тамошняго народа, ни людей, съ которыми имѣлъ дѣло. ласкалъ себя надеждою играть роль освободителя Греціи. Съ этою цѣлью, прибывъ лѣтомъ 1820 года въ Одессу, Ипсиланти созывалъ къ себѣ на совѣщанія Грековъ. говорилъ съ ними отъ имени Императора, назначалъ эфоровъ для распоряженія дѣ-

лами и суммами гетеріи, въ Одессѣ, Москвѣ, Таганрогѣ, Яссахъ, Бухарестѣ и Константинополѣ, высылалъ снабженныхъ инструкціями агентовъ въ Грецію и отправился въ Бессарабію, чтобы войти въ сношенія съ обоими господарями Дунайскихъ княжествъ, князьями Суцо, и склонить ихъ къ принятію участія въ борьбѣ противъ Турокъ. Молдавскій господарь, князь Михаилъ Суцо, человѣкъ слабохарактерный, находившійся подъ вліяніемъ постельника Ризоса, вступилъ въ ряды гетеріи; вслѣдъ за тѣмъ, кончина валахскаго господаря Александра Суцо открыла свободное поприще замысламъ князя Ипсиланти ([16]).

Тогда-же Али-паша янинскій, навлекшій на себя сильное подозрѣніе Порты, старался возбудить Грековъ къ возстанію и успѣлъ присоединить къ своему войску множество Албанцевъ. Ипсиланти, узнавъ о томъ, рѣшился приступить къ дѣлу. Для пополненія казны гетеристовъ, расхищенной ихъ эмиссарами, открыта была общая подписка. Одинъ изъ агентовъ князя Ипсиланти, Аристиди былъ посланъ въ Сербію, съ приглашеніемъ принять участіе въ предстоящей борьбѣ съ Турками; другіе эмиссары отправились въ различныя области Греціи, объявляя повсюду, что такъ-называемый „уполномоченный намѣстникъ„ явится въ Мореѣ лѣтомъ 1821 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ипсиланти и его сподвижники составляли различные безразсудные планы, какъ наприм. послать въ Константинополь предписаніе тамошней эфоріи—поджечь городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вооружить всѣхъ Грековъ, и пользуясь общею суматохою, умертвить Султана и важнѣйшихъ сановниковъ Порты, овладѣть адмиралтействомъ и арсеналомъ и истребить всѣхъ Турокъ. Патріархъ константинопольскій долженъ былъ объявить во всѣхъ церквяхъ о всеобщемъ возста-

ніи, что̀ значило — другими словами — подвергнуть все греческое народонаселеніе неминуемой гибели, и т. под. — Между тѣмъ, морейскіе гетеристы дали знать янинскому пашѣ о предстоящемъ ихъ возстаніи. Паша былъ весьма обрадованъ этимъ извѣстіемъ, но имѣя въ виду, чтобы они сдѣлали диверсію, предоставя ему самостоятельныя дѣйствія, предложилъ греческимъ агентамъ склонить князя Ипсиланти ко вторженію въ Дунайскія княжества, а самъ принялъ на себя поддержаніе возстанія въ Эпирѣ и Мореѣ. Съ другой стороны, молдавскій господарь Михаилъ Суццо, опасаясь, чтобы не узнали Турки о его сношеніяхъ съ гетеріей, старался убѣдить Ипсиланти къ занятію Дунайскихъ княжествъ, преувеличивая средства, которыя могли доставить сіи области. Какъ въ тоже самое время два агента гетеріи были схвачены и умерщвлены Турками, Ипатосъ — въ Македоніи и Аристиди — въ Виддинѣ, то князь Ипсиланти рѣшился немедленно вторгнуться въ Молдавію, и собравъ въ Бессарабіи отрядъ изъ Грековъ, Арнаутовъ и русскихъ удальцевъ, перешелъ 22 февраля (6 марта) черезъ Прутъ и вступилъ съ торжествомъ въ Яссы. Тогда-же валахскій бояринъ Ѳеодоръ, прозванный Владиміреско, (отъ носимаго имъ на груди русскаго ордена Св. Владиміра), занялъ Бухарестъ ([17]).

Къ сожалѣнію, князь Ипсиланти, съ перваго-же шага въ Дунайскія княжества, началъ рядъ ошибокъ, отнимавшихъ всякую надежду на успѣхъ его дерзкаго предпріятія. Отказавшись непосредственно содѣйствовать усиліямъ Грековъ, онъ долженъ былъ разсчитывать исключительно на пособіе румынскаго народа, и съ этою цѣлью облегчить участь поселянъ, находившихся въ тяжкой зависимости отъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Вмѣсто того, онъ издалъ манифестъ, въ которомъ увѣщевалъ Румыновъ не остав-

лять своихъ мирныхъ занятій, объявляя, что старый порядокъ будетъ сохраненъ неизмѣнно, и что онъ вовсе ненамѣренъ оставаться въ княжествахъ, а только пройдетъ чрезъ нихъ для вторженія въ Элладу. „Если-же — сказано было въ заключеніе манифеста — безумные Турки посягнутъ вступить въ вашу страну, то великая держава накажетъ ихъ за такую дерзость". Можно-ли было, послѣ подобнаго объявленія, удивляться, что Румыны остались совершенно равнодушны къ предпріятію, которое, по признанію самаго главнаго предводителя, было чуждо ихъ интересамъ? Ипсиланти столь-же мало заботился о сочувствіи къ нему высшихъ образованныхъ классовъ, оскорбляя самолюбіе бояръ своимъ высокомѣріемъ, и даже не успѣлъ сблизиться съ самыми даровитыми изъ начальниковъ возстанія. Вторгаясь въ Дунайскія княжества, онъ полагалъ, что Порта немедленно пошлетъ туда войска, безъ предварительнаго соглашенія съ Россіей, и тѣмъ дастъ право русскому правительству начать войну, либо сочтетъ нужнымъ испросить согласіе Россіи на вторженіе въ Княжества, что̀ дало-бы время инсургентамъ утвердиться тамъ и продолжать борьбу. Ипсиланти разсчитывалъ на сочувствіе Россіи дѣлу Грековъ и надѣялся, что могущество Императора Александра дастъ ему возможность слѣдовать влеченію своего сердца, не уступая требованіямъ австрійской политики, чуждой его собственнымъ пользамъ ([18]). Но нашъ Государь, принявъ незадолго предъ тѣмъ на Лайбахскомъ конгресѣ обязательство преслѣдовать всякое покушеніе противъ законнаго правительства, считалъ греческое возстаніе также опаснымъ для общаго спокойствія, какъ и революціонныя покушенія на западѣ Европы. Получивъ извѣстіе о происшествіяхъ въ Молдавіи и письмо князя Ипсиланти, въ которомъ онъ умолялъ Россійскаго

Монарха не отказать въ своемъ Августѣйшемъ покровительствѣ Греціи, и въ особенности обоимъ Дунайскимъ княжествамъ, Императоръ Александръ повелѣлъ:

1) Исключить изъ русской службы князя Александра Ипсиланти.

2) Объявить ему, что Государь отнюдь не одобряетъ его намѣренія, и что онъ никогда не долженъ надѣяться на помощь Россіи.

3) Главнокомандующему русскими войсками 2-ой арміи, графу Витгенштейну, наблюдать строжайшій неутралитетъ, на счеть смятеній въ обоихъ Княжествахъ, и не принимать въ дѣйствіяхъ ихъ жителей никакого участія.

4) Сообщить всѣ эти распоряженія русскому полномочному министру въ Константинополѣ, барону Строганову, вмѣстѣ съ предписаніемъ ему довести до свѣдѣнія Порты, что политика Россійскаго Монарха всегда будетъ чужда покушеніямъ нарушающимъ спокойствіе какой-либо страны, и что Государь, въ своихъ сношеніяхъ съ Портою, ничего не желаетъ, кромѣ постояннаго и точнаго соблюденія трактатовъ, существующихъ между обѣими державами. Въ такомъже смыслѣ и вѣнскій дворъ предписалъ своему интернунцію въ Константинополѣ, графу Люцову, объясниться съ Портою на счетъ дружественныхъ видовъ Австрійскаго Императора.

Въ письмѣ графа Каподистріа къ генералу Ипсиланти было выражено прискорбіе нашего Государя, при полученіи извѣстія о нарушеніи мира съ Турціею. Признавая весьма естественнымъ желаніе Грековъ улучшить свою участь, Императоръ Александръ полагалъ, что эта высокая цѣль немогла быть достигнута — ни возмущеніемъ, ни тайными происками. Россія находилась въ мирныхъ отношеніяхъ съ От-

томанскою Портою, и по тому не только участіе въ такихъ предпріятіяхъ, но даже одобреніе ихъ, былобы нарушеніемъ трактатовъ.... Далѣе—сказано: „Зная правила, коими всегда руководился Императоръ въ своей политикѣ, какъ могли вы заблуждаться на счетъ его намѣреній? Какъ смѣли вы обѣщать жителямъ Княжествъ опору великой державы? Ежели вы хотѣли обратить ихъ взоры на Россію, ваши соотечественники, видя ея неподвижность, станутъ осыпать васъ справедливыми упреками"..... За тѣмъ, Каподистріа, именемъ Государя, убѣждая князя Ипсиланти отказаться отъ задуманнаго имъ безумнаго предпріятія, отнималъ у него всякую надежду на помощь русскаго правительства и сообщалъ ему объ исключеніи его изъ службы ([19]).

Такимъ образомъ князь Ипсиланти, возлагавшій все свое упованіе на помощь русскаго правительства, очутился въ безвыходномъ положеніи. Ему оставалось сознаться въ сдѣланной имъ ошибкѣ предъ своими приверженцами и позаботиться объ испрошеніи для нихъ амнистіи, чему не отказался-бы содѣйствовать Императоръ Александръ. Но Ипсиланти, продолжая дѣйствовать по прежнему, не постыдился увѣрять Георгаки и другихъ преданныхъ ему гетеристовъ, будтобы нашъ Государь, хотя и поставленъ былъ въ необходимость, вслѣдствіе политическихъ соображеній, порицать официально возстаніе гетеріи, однакоже частнымъ путемъ увѣдомилъ его, что онъ не долженъ слагать оружія, пока не получится отвѣтъ Порты на требованія русскаго правительства. Владиміреско и Саввасъ не дались въ обманъ и разорвавъ связь съ гетеріею, вступили въ дѣятельныя сношенія съ рущукскимъ пашею; носились даже слухи, будтобы они предлагали выдать князя Ипсиланти Портѣ, съ тѣмъ, чтобы Владимиреско былъ возве-

денъ въ званіе валахскаго господаря. Ипсиланти предупредилъ исполненіе ихъ замысла, успѣвъ завлечь Владиміреско въ Терговицы и приказавъ тамъ умертвить его.—Устрашенный гибелью своего сообщника, Саввасъ перебѣжалъ къ Туркамъ, и, не смотря на данныя ему торжественно обѣщанія, былъ также преданъ смерти. Ипсиланти, избѣгнувъ угрожавшей ему опасности, надѣялся устоять противъ нестройныхъ полчищъ Порты, но вскорѣ Турки заняли Бухарестъ. Гетеристы, подавленные превосходствомъ силъ, отошли къ мѣст. Рымнику и понесли окончательное пораженіе 7 (19) іюля близъ Краіовы, при Драгельшанѣ, откуда Ипсиланти, обманувъ своихъ подчинненыхъ ложною вѣстью о вооруженіи Австріи противъ Турціи, тайно ушелъ въ австрійскія владѣнія. Русскій резидентъ въ Вѣнѣ, графъ Головкинъ, извѣстивъ о томъ наше министерство, просилъ, съ согласія вѣнскаго двора, разрѣшенія на счетъ судьбы князя Ипсиланти. Графъ Каподистріа, на вопросъ Императора Александра—что̀ слѣдовало, по его мнѣнію, сдѣлать съ княземъ, отвѣчалъ, что какъ Ипсиланти прежде состоялъ въ русской службѣ, то всего лучше потребовать, чтобы его выдали намъ для сужденія на основаніи законовъ. „Только безпристрастный судъ надъ нимъ—сказалъ онъ—можетъ охранить Грековъ отъ подозрѣній Европы и мщенія Турокъ“. Императоръ Александръ отклонилъ отъ себя рѣшеніе этого дѣла, приказавъ отвѣчать вѣнскому двору, что онъ можетъ оставить у себя князя Ипсиланти и ушедшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ австрійскія владѣнія его братьевъ. Ипсиланти былъ заключенъ въ венгерской крѣпости Мункачѣ, и потомъ въ Терезіенштадтѣ, всего шесть съ половиною лѣтъ, и наконецъ, по настоянію Императора Николая Павловича, вь 1827-мъ году, получилъ свободу, но тогда

здоровье князя уже было совершенно разстроено. и въ слѣдующемъ-же году онъ скончался отъ аневризма ([20]).

Почти одновременно съ покушеніемъ Ипсиланти, пелопонезскіе этеристы дружно возстали въ нѣсколькихъ пунктахъ Мореи. Тамъ, еще въ началѣ года, явился, прибывшій съ Іоническихъ островововъ, Ѳеодоръ Колокотрони. гордившійся тѣмъ. что его отецъ убилъ собственноручно семьсотъ Турокъ. Самъ онъ провелъ всю свою молодость, ведя за-одно съ Клефтами малую войну противъ враговъ своего отечества. Когда-же возстали Греки. Колокотрони, вмѣстѣ съ майнотскимъ беемъ Петромъ Мавромихалисомъ, стали въ челѣ народнаго ополченія ([21]).

Бѣшенство Турокъ. возбужденное вторженіемъ князя Ипсиланти въ Молдавію и Валахію, дошло до крайности, когда получены были въ Константинополѣ извѣстія о повсемѣстномъ возстаніи Грековъ. Оно послужило сигналомъ къ избіенію всѣхъ христіанъ, попавшихся въ руки кровожадной черни, и къ разграбленію церквей, не только въ столицѣ султановъ, но и въ провинціяхъ. Само турецкое правительвтво не устыдилось принять участіе въ неистовствахъ своего народа. Глава греческой церкви, патріархъ Григорій, пріобрѣвшій общее уваженіе, семидесяти-четырехъ-лѣтній старецъ, былъ схваченъ въ день Св. Пасхи. у алтаря, въ полномъ облаченіи, и повѣшенъ у входа той самой церкви. въ которой приносилъ вседневную молитву о благѣ „ненавидящихъ и любящихъ насъ“. Верховный визирь явился на площадь. гдѣ преданъ былъ поруганію трупъ мученика и оставался тамъ цѣлый часъ, наслаждаясь позорнымъ зрѣлищемъ. Въ оправданіе гибели святителя, диванъ объявилъ. что „его казнили, какъ человѣка, подозрительнаго по своему происхожденію изъ Пелопонеса. и какъ бывшаго, по всей вѣроят-

ности, однимъ изъ зачинщиковъ возстанія". Въ довершеніе этого гнуснаго злодѣянія, позволили Жидамъ снять съ висѣлицы трупъ патріаршій и волочить его по улицамъ до моря, куда и бросили его вмѣстѣ съ тѣлами другихъ убитыхъ. Три митрополита: ефесскій, никомедійскій и ахіольскій, и восемь другихъ лицъ высшаго греческаго духовенства также были преданы смертной казни. Русскій посолъ изъявилъ дивану прискорбіе, нанесенное ему поносною казнью греческаго святителя, умерщвленіемъ нѣсколькихъ русскихъ матросовъ и другими неистовствами, происходившими въ Константинополѣ, въ виду самаго султана; тогда-же на совѣщаніи у австрійскаго интернуція предложено, чтобы резиденты великихъ державъ сообща приняли мѣры для прекращенія безпорядковъ, угрожавшихъ гибелью всему христіанскому народонаселенію Константинополя. Рѣшено было объявить Портѣ, что дипломатическіе агенты всѣхъ дворовъ будутъ просить, для охраненія своей безопасности, о присылкѣ въ Босфоръ военныхъ флотовъ. Но великобританскій посолъ лордъ Странгфордъ удовольствовался уклончивымъ обѣщаніемъ Порты—охранять безопасность христіанъ и отказался отъ участія въ представленіяхъ прочихъ европейскихъ дипломатовъ. Успокоенный отступничествомъ его, диванъ отвѣчалъ на ноту Строганова, извиняя убійства и грабежи, происшедшіе въ столицѣ, пылкостью и излишнимъ усердіемъ своихъ солдатъ. А, между тѣмъ, возникли новые поводы къ столкновеніямъ нашего посла съ турецкимъ правительствомъ ([22]).

Какъ, въ это время, греческіе крейсеры затрудняли подвозъ хлѣба въ Константинополь, то диванъ, опасаясь, чтобы многочисленное народонаселеніе столицы не подверглось голоду, приказалъ, чтобы весь хлѣбъ, туда приходившій подъ какимъ-бы то ни было

флагомъ изъ Чернаго моря, выгружался въ общественные магазины, съ уплатою за него денегъ изъ казны, по опредѣленной цѣнѣ: такое распоряженіе, противное статьямъ 31-й, 32-й и 35-й торговаго трактата, 10 іюня 1783 года, между, Россіею и Оттоманскою Портою, оправдывалось лишь крайнею необходимостью, и по тому Строгановъ, отвергая его и угрожая разрывомъ мирныхъ сношеній, предложилъ Портѣ доставить все нужное количество хлѣба изъ Одессы, по существующимъ тамъ цѣнамъ. Замѣтимъ, что въ пользу Англичанъ было сдѣлано исключеніе: корабли съ хлѣбомъ, шедшіе въ Мальту и на Іоническіе острова, тайно пропускались чрезъ Босфоръ; а за припасы, сгружаемые въ Царьградѣ, турецкое правительство платило англійскимъ подданнымъ дороже, нежели прочимъ. Тогда-же диванъ подалъ новый поводъ къ неудовольствію нашему резиденту: 21 мая (2 іюня), по желанію барона Строганова, на случай его отбытія изъ Константинополя, прибылъ къ устью Босфора пакетботъ, о чемъ немедленно было сообщено въ турецкое министерство иностранныхъ дѣлъ. На этотъ отзывъ, рейссъ-эфенди отвѣчалъ требованіемъ о немедленномъ отплытіи нашего судна, съ угрозою, въ противномъ случаѣ, принудить къ тому силою. Русскій посолъ, уже переѣхавшій въ Буюкдере, и желавшій перевезти туда свои вещи изъ Перы, встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны Турокъ, что̀ заставило его формально протестовать противъ насильственныхъ поступковъ Порты ([23]). Въ послѣднее время своего пребыванія въ Буюкдере, представитель великой монархіи, постоянно громившей Турцію, находился подъ надзоромъ мѣстныхъ властей, среди необузданнаго народа.

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Лайбаха 1 (13) мая. Въ самый тотъ день получены были имъ свѣдѣнія о кровавыхъ событіяхъ въ Константинополѣ и во многихъ областяхъ Турціи. Въ продолженіи конгреса, онъ имѣлъ случай выслушать много разнорѣчивыхъ сужденій о возникшемъ внезапно греческомъ вопросѣ. Одни полагали, что власть Порты надъ Греками никогда не имѣла законнаго основанія; что христіанскій народъ не можетъ находиться въ подданствѣ иновѣрцевъ безъ нарушенія всѣхъ божескихъ и человѣческихъ уставовъ; что никакая давность не въ силахъ уничтожить непреложныя правà Грековъ, и что по тому возстаніе ихъ есть священная обязанность, а помощь ихъ противъ угнетающаго ихъ тирана — несомнѣнный долгъ европейскихъ монарховъ, указываемый имъ Богомъ и собственною ихъ совѣстью. Такія мнѣнія встрѣчали сильный отпоръ во всѣхъ тѣхъ, которые, предоставляя Промыслу заботу о рѣшеніи міровыхъ вопросовъ, и опираясь на совершившихся фактахъ, хотѣли, чтобы все оставалось по прежнему (in statu quo); они полагали, что господство Турціи надъ Греками основано на правѣ завоеванія, въ теченіи вѣковъ не подлежавшемъ сомнѣнію; что это господство утверждено многими трактатами, заключенными Портою съ христіанскими державами, и что нельзя помогать Грекамъ въ ихъ возстаніи безъ явнаго нарушенія сихъ трактатовъ. Къ тому-же торжественныя деклараціи Союзныхъ Государей противъ насильственныхъ переворотовъ не позволяли имъ объявить законнымъ и достойнымъ одобренія въ Греціи то самое, чтò было ими признано преступнымъ и подлежащимъ карѣ въ Неаполѣ и Піемонтѣ. Собственныя выгоды европейскихъ державъ требовали положить, какъ можно поспѣшнѣе, конецъ смутамъ возникшимъ на

Востокѣ, весьма вреднымъ для торговли. Начало борьбы за независимость Греціи ознаменовалось вторженіемъ въ Дунайскія Княжества, возстаніемъ Мореи и греческихъ островов, истребленіемъ Турокъ, убійствами и казнями не только Грековъ, но и другихъ христіанъ; возможно-ли было предвидѣть, до какой степени могли дойти бѣдствія несчастной страны? Чтобы прекратить ихъ, Союзнымъ державамъ оставалось два средства: во первыхъ, объявить главамъ возстанія, чтобы они прекратили свои покушенія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, склонить Порту къ такимъ реформамъ, кои улучшили-бы состояніе ея христіанскихъ подданныхъ, и во вторыхъ, принять рѣшительно сторону Грековъ, съ тѣмъ, чтобы на развалинахъ Турецкой Имперіи воздвигнуть новую Имперію—Византійскую; но при подобномъ рѣшеніи дѣла являлся вопросъ: какое положеніе займетъ эта держава въ отношеніи прочихъ европейскихъ государствъ, и особенно въ отношеніи Россіи? Не будуть-ли вновь основанныя государства болѣе безпокойными сосѣдями, нежели невѣжественная и дикая, но слабая Порта.

Различіе видовъ Союзныхъ державъ и взаимная ихъ между собою недовѣрчивость повели къ тому, что не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ умиротворенію Востока. Забота о судьбѣ геройскаго народа, составлявшаго по числу едва двадцатую часть противъ его притѣснителей мусульманъ, была предоставлена случайностямъ борьбы отчаянной, безнадежной. На первый разъ Греки нигдѣ не нашли себѣ сочувствія. Только въ Россіи желали освобожденія Грековъ и войны съ Турками. Русскій народъ видѣлъ въ Грекахъ единовѣрцевъ и въ войнѣ за нихъ — святое дѣло, крестовый походъ противъ невѣрныхъ; жители нашихъ южныхъ областей надѣялись, что ключи Босфора и Дарданеллъ, перейдя

въ другія руки, откроютъ свободный путь ихъ произведеніямъ во всѣ страны прибрежныя Средиземному морю. Высшія сословія были въ пользу гетеристовъ, какъ поборниковъ свободы. Многіе, одушевленные воспоминаніями великаго вѣка Екатерины, полагали, что уже настало время осуществить ея гигантскіе замыслы. Войска, наскучивъ миромъ, стремились къ новымъ подвигамъ. Вся Россія была готова воевать съ Турками. Императоръ Александръ, въ одномъ изъ своихъ конфиденціальныхъ писемъ къ лорду Кестельри, сознавался, что „изъ всѣхъ Русскихъ онъ одинъ противился войнѣ съ Турками", и жаловался на вредъ, наносимый народной любви къ нему такимъ противодѣйствіемъ. А, между тѣмъ, быть можетъ, ни прежде, ни послѣ, не было удобнѣйшаго времени къ *послѣдней* войнѣ съ Портою. Ни одна изъ европейскихъ державъ, кромѣ Англіи, не сталабы противиться видамъ Россіи, да и въ Англіи министерство, поддерживая Турцію, встрѣтило-бы въ парламентѣ сильную оппозицію, въ пользу угнетенныхъ Грековъ. Франція была занята охраненіемъ своего внутренняго спокойствія въ сосѣдствѣ волновавшейся Испаніи. Австрія обращала все свое вниманіе на поддержаніе существующаго порядка въ Италіи. Пруссія дѣйствовала за-одно съ Россіею. Но, не смотря на всѣ эти благопріятныя обстоятельства, Императоръ Александръ отказался отъ рѣшительной защиты Грековъ и предпочелъ облегчить судьбу ихъ, войдя въ соглашеніе съ Портою.

Съ этою цѣлью, русскій кабинетъ, совершенно увѣренный, на основаніи отзыва князя Меттерниха къ графу Нессельроду, въ содѣйствіи Австріи, потребовалъ отъ Порты: „чтобы возстановлены были разрушенныя либо ограбленныя церкви; чтобы христіанская религія впредь была обезпечена, и чтобы

турецкое правительство старалось успокоить Европу, взволнованную поносною казнью патріарха константинопольскаго; чтобы положено было благоразумное и справедливое различіе зачинщиковъ и участниковъ смутъ отъ невинныхъ, долженствующихъ быть безопасными отъ преслѣдованій, и чтобы немедленно были очищены Княжества, назначены въ нихъ господари и возстановленъ порядокъ".

Далѣе объявлено, что въ случаѣ отказа на сіи предложенія—„Императору не оставалось ничего болѣе, какъ немедленно сообщить Высокой Портѣ, что она поставляетъ себя во враждебное положеніе къ христіанскому міру; что она оправдываетъ сопротивленіе Грековъ, поставленныхъ ею въ необходимость сражаться для избѣжанія явной гибели, и что самый характеръ этой борьбы налагаетъ на Россію долгъ предложить убѣжище угнетеннымъ, а равно, вмѣстѣ со всѣми христіанскими державами, оказать Греціи покровительство и помощь, потому что Государь не можетъ предать своихъ единовѣрцевъ на произволъ слѣпаго изувѣрства".

Для отвѣта на сей отзывъ былъ данъ Высокой Портѣ восьми-дневный срокъ, по минованіи коего русскій посолъ долженъ былъ оставить Константинополь, со всѣми чиновниками и другими лицами, принадлежавшими къ нашей миссіи ([24]).

Разгадавъ взаимное несогласіе европейскихъ державъ, Турки хотѣли отвѣчать отказомъ на всѣ требованія русскаго правительства, но лордъ Странгфордъ и графъ Люцовъ, желая предупредить явный разрывъ и войну между Россіею и Портою, побудили диванъ къ большей уступчивости. 14 (26) іюля, когда по истеченіи назначеннаго срока переводчики нашего посольства явились за отвѣтомъ, рейссъ-эфенди объявилъ имъ словесно, что:

1) Порта торжественно отклоняетъ отъ себя обвиненіе въ преслѣдованіи Грековъ и другихъ христіанъ, за исповѣдываемую ими вѣру.

2) Что патріархъ былъ казненъ не въ качествѣ главы греческаго христіанства, а какъ виновный въ государственной измѣнѣ; поруганіе-же его тѣла было совершено разъяренною чернью, безъ вѣдома правительства.

3) Что, по возстановленіи спокойствія, немедленно будетъ приступлено къ возобновленію разрушенныхъ чернью христіанскихъ храмовъ.

4) Что Порта всегда старалась отличать невинныхъ отъ виновныхъ и сожалѣетъ, если, въ этомъ отношеніи, безъ ея вѣдома, произошло какое-либо недоразумѣніе; что, пользуясь зависѣвшими отъ нея средствами для собственной защиты, дозволенной Божескими и человѣческими законами каждому, она никогда не слѣдовала системѣ истребленія, и что причиною всѣхъ бѣдствій было раздраженіе народа и другія случайныя обстоятельства.

5) Наконецъ, что, по очищеніи Княжествъ отъ мятежниковъ и по рѣшеніи участи Ипсиланти и его приверженцевъ, войска, туда введенныя по желанію самаго барона Строганова (?), отойдутъ назадъ и все будетъ устроено на основаніи существующихъ трактатовъ.

Вмѣстѣ съ этимъ словеснымъ отвѣтомъ дано было обѣщаніе прислать, того-же дня вечеромъ, такой-же писменный отзывъ, но Строгановъ счелъ его неудовлетворительнымъ и не дозволивъ переводчикамъ миссіи принять писменный отвѣтъ, потребовалъ, на слѣдующій день, свои паспорты. Рейссъ-эфенди, полагая, что русскій министръ не имѣетъ на то права, пока не былъ врученъ ему отвѣтъ на его ноту, задержалъ выдачу паспортовъ и извѣстилъ о всемъ

происшедшемъ англійскаго и австрійскаго резидентовъ. Оба они старались убѣдить Строганова, чтобы онъ принялъ ноту дивана и отложилъ свой отъѣздъ, но всѣ ихъ усилія остались тщетны. Поручивъ интернунцію защиту русскихъ подданныхъ, Строгановъ отплылъ, 29 іюля (10 августа), въ Одессу ([25]).

Таково было положеніе дѣлъ по возвращеніи Императора Александра въ Петербургъ. Въ Россіи никто не сомнѣвался въ неизбѣжности войны съ Турціею, войны, долженствовавшей, по всей вѣроятности, имѣть послѣдствіемъ изгнаніе изъ Европы варварскаго народа. Генералъ Дибичъ, которому суждено было черезъ восемь лѣтъ перейти за Балканы и водрузить русскія знамена въ сосѣдствѣ Константинополя, составилъ, въ началѣ (въ половинѣ) іюля, проектъ дѣйствій, который тогда-же былъ имъ прочтенъ Государю. Главныя черты этого плана заключались въ слѣдующемъ:

„Нынѣшняя война противъ Турокъ, по моему мнѣнію — писалъ Дибичъ — требуетъ самыхъ рѣшительныхъ и быстрыхъ дѣйствій, кои дали-бы намъ средства овладѣть Царьградомъ прежде всякой другой державы. Столько-же я увѣренъ, что возмущеніе Грековъ можетъ служить въ послѣдствіи вспомогательнымъ орудіемъ, но не должно входить въ соображенія при составленіи плана первоначальныхъ дѣйствій. Бунтовщики въ Княжествахъ еще менѣе заслуживаютъ вниманія, при составленіи операціоннаго плана, а слѣдуетъ только усилить предосторожности, чтобы они не могли сдѣлаться вредны въ отношеніи къ способамъ содержанія и даже къ дисциплинѣ нашихъ войскъ.

„Рѣшительное превосходство русскихъ войскъ

надъ Турками доказано на опытѣ, и по тому главные предметы, при составленіи общаго плана дѣйствій, должны быть: 1) обезпеченіе доставки жизненныхъ и военныхъ запасовъ; 2) всевозможное сохраненіе здоровья войскъ, и 3) скорѣйшее успокоеніе, или покореніе, жителей страны и устройство приверженнаго намъ народонаселенія.

„Признаюсь, что я войну въ Азіи считаю гибельною, не приносящею выгодъ соразмѣрныхъ издержкамъ и потерѣ въ людяхъ, и подвергающею насъ не только разрыву съ Персіею, но и ослабленію въ Европѣ, гдѣ, въ случаѣ общей войны, мы были-бы поставлены въ невыгодное положеніе, а, между тѣмъ, при самыхъ большихъ пожертвованіяхъ въ Азіи, пріобрѣли-бы тамъ только второстепенное вліяніе. Не должно также упускать изъ вида, что, вмѣстѣ съ усиленіемъ арміи въ Азіи, она, вѣроятно, подверглась-бы недостатку не только въ съѣстныхъ, но и въ военныхъ запасахъ. Главнокомандующій войсками въ Грузіи лично говорилъ мнѣ о затрудненіяхъ въ продовольствіи, и я совершенно увѣренъ въ справедливости всего имъ сказаннаго, потому что мы имѣемъ только одну весьма необезпеченную дорогу чрезъ Кавказъ, а примѣры прошлаго, и даже самыхъ древнихъ временъ, доказываютъ, что въ тѣхъ странахъ никогда не должно надѣяться на одни пособія земли, тѣмъ болѣе, что наша комуникація, при дальнѣйшемъ наступленіи, остается на самомъ короткомъ базисѣ и стѣсняется съ обѣихъ сторонъ враждебными сосѣдями. Конечно, флотъ можетъ нѣсколько поддерживать такія операціи, но я полагаю, что морскія силы необходимо нужны для поддержки движеній въ Европейской Турціи, и едва-ли возможно будетъ отдѣлить значительную часть ихъ къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря. Но еслибы даже это оказалось удобно,

то мы были-бы принуждены дѣйствовать между горами и моремъ, въ древнемъ Понтѣ, и предоставить наши сухопутныя комуникаціи на произволъ Персіянъ.

„Сколько считаю вреднымъ дѣйствовать большими силами въ Азіи, столько-же полезнымъ тамъ сдѣлать диверсію, и для этого всего выгоднѣе принять въ Азіи обязанность союзниковъ, возбудивъ Персію противъ Порты и удаливъ всякую идею о священной войнѣ, а предлагая поддержать Персіянъ для завоеванія страны, лежащей на верхнихъ частяхъ Евфрата и Тигра. Если-же они станутъ домогаться о подкрѣпленіи ихъ, то Кавказскій корпусъ отдѣлитъ въ помощь имъ часть регулярной кавалеріи и можетъ-быть одну пѣхотную дивизію (я полагалъ бы 20-ю), и такимъ образомъ мы, предоставя себѣ въ Азіи второстепенную роль, сохранимъ первенство въ Европѣ. Напротивъ того, мы лишились-бы его, еслибы пожелали господствовать въ Азіи.

„Ежели 2-й корпусъ не назначается въ Азію, то должно, по моему мнѣнію, расположить его, вмѣстѣ съ 5-мъ корпусомъ, у Калуги и Орла. Во всякомъже случаѣ остаются для войны съ Турками: вся 2-ая армія, 3-й и 4-й пѣхотные, 1-й и 4-й резервные кавалерійскіе корпусы и гвардія. Въ первой линіи двинутся 2-я армія и 3-й пѣхотный корпусъ (всего до 80-ти тысячъ человѣкъ); за ними будутъ слѣдовать 4-й пѣхотный и 4-й резервный кавалерійскій корпусы, которые составятъ отряды для блокады и осады крѣпостей, а также займутъ край въ тылу арміи; гвардейскій-же и 1-й резервный кавалерійскій корпусы двинутся за прочими въ такомъ разстояніи, чтобы прибыть къ арміи тотчасъ по переходѣ черезъ Балканы, при движеніи къ Адріанополю.

„Предположивъ, что политическія обстоятельства

не помѣшаютъ намъ занять Княжества, надлежало-бы приступить къ тому неотлагательно, чтобы, по возможности, спасти отъ истребленія хотя часть урожая нынѣшняго года и обезпечить спокойствіе жителей страны. Въ слѣдующемъ-же году (1822), 2-я армія переправится у Измаила и Галаца и обложитъ либо займетъ укрѣпленные пункты на правомъ берегу Дуная, до морскаго берега и Рассеваты. 3-й пѣхотный и 4-й кавалерійскій корпусы, войдя лѣвымъ флангомъ въ связь со 2-й арміей, займутъ Молдавію и Валахію, и потомъ обложатъ Журжу и Турно. Вторая армія немедленно приступитъ къ осадѣ Браилова, чтобы утвердиться на нижнемъ Дунаѣ, а послѣ того осадитъ Варну, и если окажется возможнымъ овладѣть Шумлою, то предприметъ это дѣйствіе, усилясь частью 3-го корпуса, который, между тѣмъ, будетъ продолжать осаду Браилова, переправится у Туртукая и обложитъ Силистрію и Рущукъ; 4-й резервный кавалерійскій корпусъ съ одною пѣхотною дивизіей займетъ Малую Валахію, а особый легкій отрядъ направится, смотря по обстоятельствамъ, въ Грецію, либо въ Сербію.

„Если взятіе Шумлы окажется невозможнымъ, то 2-я армія, вмѣстѣ съ 3-мъ корпусомъ, осадятъ Варну и Силистрію, вслѣдъ за чѣмъ будетъ посланъ десантный отрядъ для взятія и укрѣпленія Бургаса.

„Занявъ такое положеніе въ Европейской Турціи и направя Кавказскій корпусъ въ Арменію, можно предложить непріятелю условія мира, а, между тѣмъ, въ продолженіи зимы, принять мѣры къ обезпеченію войскъ продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ, на 1823 годъ, и къ усиленію Грузинскаго корпуса 2-мъ пѣхотнымъ. Продовольствіе для 2-й арміи можетъ быть поставлено моремъ по Дунаю, а для 3-го пѣхотнаго и 4-го кавалерійскаго корпусовъ — частью отъ земли,

а прочее—подвозомъ на воловыхъ транспортахъ. Соблюденіе строгой дисциплины и кроткаго обхожденія съ природными жителями всѣхъ вѣроисповѣданій — по мнѣнію Дибича — доставили-бы намъ значительныя средства къ слѣдующей кампаніи; остальные-же запасы можно было получать моремъ.

„Одновременно съ дѣйствіями въ Европейской Турціи долженъ наступать Ермоловъ, съ величайшею дѣятельностью, и даже по возможности зимою, чтобы отвлечь отъ главнаго театра войны азіятскія подкрѣпленія. Кавказскій корпусъ, по овладѣніи Арзрумомъ, отрядитъ часть силъ для завоеванія береговъ Чернаго моря въ сосѣдствѣ Требизонда. Весьма выгодно будетъ, ежели намъ въ томъ станутъ содѣйствовать Персіяне экспедиціей къ нижнему Тигру, а также—если намъ удастся склонить на свою сторону туркоманскихъ и курдскихъ владѣльцевъ и малоазійскихъ пашей.

„Въ случаѣ безуспѣшнаго хода переговоровъ, сблизятся въ мартѣ 1823 года къ театру войны гвардія и 4-й пѣхотный корпусъ, зимовавшій въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ, и устроятся новыя линіи запасовъ къ открытію слѣдующей кампаніи.

„Въ Азіи начнутся дѣйствія, какъ только разлитіе рѣкъ дозволитъ открыть ихъ. Въ Европѣ-же такъ, чтобы мы могли въ началѣ мая овладѣть Шумлою, (если она еще не взята въ кампанію 1822 года), и чтобы, во всякомъ случаѣ, мы успѣли перевести черезъ Балканы, въ послѣднихъ числахъ мая, соединенныя силы 2-й арміи и корпусовъ 4-го пѣхотнаго и гвардейскаго, (а если найдется нужнымъ, то и 3-го резервнаго кавалерійскаго). Затѣмъ, по всей вѣроятности, произойдетъ генеральное сраженіе подъ Адріанополемъ, послѣ котораго 4-й пѣхотный корпусъ

остановится, для прикрытія сообщеній арміи, а главныя силы и Черноморскій флотъ, еще въ іюлѣ, подойдутъ къ Царьграду.

„Для приведенія въ исполненіе этого плана дѣйствій, необходимо сдѣлать нѣкоторыя пріуготовленія и приступить къ нимъ неотлагательно, потому что, отложивъ ихъ до открытія дѣйствій, мы могли-бы не только причинить замедленіе, но совершенно остановить ихъ, и тѣмъ дать Англичанамъ способъ предупредить насъ у Царьграда и предписать миръ, что̀ доставило-бы имъ первостепенное вліяніе на Востокѣ.

„Необходимѣйшими изъ приготовленій считаю:

1) Приведеніе всѣхъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ въ готовность къ дѣйствію. (Дабы Англичане, по прежнимъ примѣрамъ, пройдя черезъ Дарданеллы, не могли явиться подъ Царьградомъ безъ нашего флота).

2) Покупку въ казну всего провіанта, находящагося въ Одессѣ и другихъ черноморскихъ гаваняхъ, и пріуготовленіе судовъ для его транспортировки.

3) Устройство флотилій для дѣйствій на Дунаѣ.

4) Приведеніе на военное положеніе нашихъ крѣпостей на Днѣпрѣ и Дунаѣ, и заготовленіе въ нихъ, а равно и въ черноморскихъ портахъ, коммисаріатскихъ и провіантскихъ запасовъ.

5) Приведеніе въ состояніе дѣйствовать осадной артиллеріи и заготовленіе достаточнаго количества снарядовъ, при чемъ должно въ особенности ограничить число мортиръ.

6) Высылку въ море и по теченію Дуная достаточнаго числа судовъ для перевозки орудій и снарядовъ.

7) Пріуготовленіе достаточнаго подвижнаго госпиталя, при чемъ должно также имѣть въ виду снабженіе полковъ нужнымъ числомъ воловыхъ бричекъ, для лазаретовъ и для артелей.

8) Сближеніе въ достаточномъ числѣ понтонныхъ ротъ (шести).

9) Предписаніе артиллерійскому департаменту занимать способныхъ къ тому офицеровъ приготовленіемъ ракетъ на манеръ Конгревовыхъ, кои могутъ быть весьма полезны, не только въ полевыхъ сраженіяхъ противъ Турокъ, но еще болѣе противъ турецкихъ городовъ, преимущественно защищаемыхъ жителями.

10) Заблаговременную доставку аптечныхъ и госпитальныхъ припасовъ въ южныя запасныя депо.

11) Учрежденіе достаточныхъ магазиновъ въ долинѣ Днѣстра и сборъ нужнаго обоза для доставки запасовъ, уступами.

12) Заготовленіе маршрутовъ для войскъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы ни одна часть ихъ, до перехода черезъ границу, не оставалась долго на мѣстѣ въ пограничныхъ губерніяхъ, которыя, служа главнымъ источникомъ нашихъ средствъ, не должны быть напрасно обременяемы пребываніемъ въ нихъ слишкомъ большаго числа войскъ.

13) Заблаговременное исчисленіе, изъ какихъ губерній и какими способами можно пополнить запасы.

14) Нарядъ нужнаго числа донскихъ казачьихъ полковъ (не менѣе 20-ти) ([26]).

Этому плану дѣйствій, въ главныхъ чертахъ его, суждено было осуществиться уже въ царствованіе преемника Императора Александра I, но при обстоятельствахъ менѣе благопріятныхъ нежели прежде. Европейская политика, продливъ жизнь „больнаго“ исламизма въ Европѣ, не отклонила, а только отсрочила освобожденіе Греціи и войну Россіи съ Турціей.

ГЛАВА LXIX.

Переговоры по Восточному вопросу. Конгресъ въ Веронѣ. Греческій вопросъ.

(1821—1825 г.).

По отбытіи барона Строганова изъ Константинополя, диванъ послалъ непринятый нашимъ посломъ свой отзывъ, при письмѣ великаго визиря, графу Нессельроду, въ Петербургъ. Турецкія депеши заключали въ себѣ жалобы на барона Строганова и увѣренія въ желаніи Султана соблюдать трактаты, заключенные съ Россіею; вмѣстѣ съ тѣмъ, Порта, излагая необходимость покорить возставшихъ подданныхъ своихъ, отклоняла отъ себя упрекъ въ преслѣдованіи христіанъ и намеки Строганова на слабость турецкаго правительства, подавшую поводъ къ неистовствамъ черни. Увѣряя въ желаніи своемъ—сохранить съ Россіей дружественныя отношенія, диванъ требовалъ выдачи, либо наказанія, бунтовщиковъ ушедшихъ въ русскія и австрійскія владѣнія, полагалъ такую мѣру вѣрнѣйшимъ средствомъ возстановить общее спокойствіе и обѣщалъ, съ своей стороны, назначить Господарей въ Княжества, какъ только тамъ будутъ совершенно разсѣяны мятежныя скопища. Тогда-же сообщено было Портою

о предположеніи ея ввѣрить управленіе Княжествами лицамъ избраннымъ изъ природныхъ жителей страны (¹).

Одновременно съ этимъ отзывомъ, послѣдовалъ фирманъ (указъ) Султана, коимъ предписывалось правительственнымъ лицамъ оказывать защиту всѣмъ Грекамъ, не принимающимъ участія въ возстаніи. Патріархи получили приказаніе обращать заблудшую паству свою на путь долга и покорности правительству. Повелѣно отмѣнить амбарго (запрещеніе), наложенное на суда съ хлѣбомъ. Австрійскій и лондонскій кабинеты воспользовались этими уступками, чтобы отклонить войну, но не успѣли ни возстановить согласіе между Россіею и Портою, ни устроить судьбу Грековъ. Императоръ Александръ, предоставя рѣшеніе греческаго вопроса европейскому ареопагу, получилъ возможность убѣдиться, что Меттернихъ считалъ Священный Союзъ не верховнымъ судилищемъ властителей и народовъ, (какъ разумѣлъ его самъ Александръ), а соединеніемъ вооруженныхъ силъ Европы, для удержанія народовъ въ застоѣ. Великобританскій-же кабинетъ, оказавшій противодѣйствіе прочимъ державамъ на конгресахъ въ Троппау и Лайбахѣ, явилъ себя враждебнымъ Россіи въ греческомъ вопросѣ, подъ предлогомъ соблюденія того самаго начала невмѣшательства (non intervention), которое было нарушаемо Англичанами каждый разъ, когда только они видѣли въ томъ свою собственную выгоду.

Такимъ образомъ Священный Союзъ, назначенный для прекращенія раздоровъ, въ самомъ зародышѣ ихъ, и для водворенія общаго мира, оказался несостоятельнымъ: вмѣсто того, чтобы положить конецъ убійствамъ и опустошеніямъ въ Греціи, онъ продлилъ ихъ на многіе годы. Вѣнскій и лондонскій

кабинеты, какъ наиболѣе заинтересованные въ Восточномъ вопросѣ, желали предупредить войну между Россіею и Портою, но нисколько не заботились— ни объ участи Грековъ и другихъ христіанскихъ подданныхъ Порты, ни объ удовлетвореніи справедливыхъ требованій Императора Александра, а употребляли всѣ извороты своей политики, чтобы парализировать его дѣятельность. Послѣ дипломатической переписки, которая не подвинула ни на шагъ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, Кестельри и Меттернихъ съѣхались, осенью 1821 года, въ Ганноверѣ; тамъ порѣшили они, что возстаніе Грековъ гораздо менѣе турецкое, нежели обще-европейское дѣло, гораздо менѣе послѣдствіе желанія Грековъ сбросить съ себя несносное иго, нежели одно изъ усилій революціонной партіи, нарушавшей общее спокойствіе Европы. И по тому, (полагали они), ежели эта партія желаетъ изгнанія Турокъ изъ Европы, то слѣдуетъ искать противнаго, именно — поддерживать существованіе въ Европѣ Турецкой Имперіи. Да и что̀ поставить на ея мѣсто? И какими средствами? Оба они признали вреднымъ всякое измѣненіе существующаго порядка (т. е. насилія и угнетенія, терпимыхъ Христіанами во всѣхъ областяхъ принадлежавшихъ Портѣ).

Послѣдствіемъ совѣщанія въ Ганноверѣ была депеша лорда Кестельри къ великобританскому резиденту въ С.-Петербургѣ, кавалеру Беготу, для сообщенія с.-петербургскому кабинету. Въ этомъ документѣ, Кестельри, въ отвѣтъ на запросъ нашего правительства — какимъ образомъ станутъ дѣйствовать Союзныя державы, въ случаѣ разрыва Россіи съ Портою, писалъ, что: „онъ, не видя необходимости такой войны, не можетъ отвѣчать—какое положеніе примутъ державы въ случаѣ явнаго разрыва,

и въ особенности не зная. какія событія повлечетъ за собою война, предпринятая съ обширною цѣлью изгнанія Турокъ изъ Европы. По его мнѣнію, это было-бы неблагоразумно, со стороны русскаго правительства, потому что Турки тогда сосредоточили-бы свои силы противъ юговосточныхъ областей Россіи. какъ напротивъ нынѣ ихъ государство ослаблено разобщеніемъ на двѣ отдѣльныя части, въ Европѣ и Азіи. Да если-бы и нашелся русскій министръ, желающій замѣнить Порту греческимъ государствомъ основаннымъ революціей, то на его обязанности лежало-бы изложеніе Союзнымъ державамъ способовъ къ исполненію такого проекта, противъ пользы и справедливости коего *единогласно протестовали-бы всѣ державы*. Во всякомъ случаѣ, въ настоящую минуту, идетъ дѣло только о томъ, чтобы найти средство побудить Порту къ удовлетворенію Россіи.... Усилія, сдѣланныя сообща державами, уже склонили диванъ къ наиважнѣйшимъ уступкамъ, потому что онъ уже почти (!) согласился на предварительныя требованія: очищенія Княжествъ, назначенія господарей и отказа отъ выдачи эмигрантовъ; потому что Порта дала формально обѣщаніе оказывать покровительство своимъ христіанскимъ подданнымъ, и наконецъ объявила то, что̀ почти (!) можно назвать общимъ всепрощеніемъ. Всѣ дальнѣйшія средства для приданія переговорамъ большей дѣятельности, какъ напримѣръ общій конгресъ, предложенный вѣнскимъ дворомъ, по мнѣнію англійскаго министра, не обѣщали успѣха, потому что Порта несоглашалась ни на какое общее вмѣшательство“.

Оправдавъ, по своему, Турокъ, Кестельри счелъ нужнымъ дать отвѣтъ на упреки, которымъ могла подвергнуться Англія: „Быть можетъ—писалъ онъ—насъ станутъ обвинять въ торговомъ соперничествѣ

съ южными областями Россіи, но выгоды англійской торговли, напротивъ того, сопряжены съ увеличеніемъ благосостоянія прочихъ странъ. Въ отношеніи-же нравственномъ, конечно, могутъ спросить у насъ—справедливо-ли предоставить потомство столь уважаемыхъ нами героевъ бѣдственной участи терпимой имъ подъ игомъ Турокъ? Конечно, такой вопросъ заслуживалъ-бы вполнѣ общее участіе, еслибы государственные люди могли руководиться влеченіями своего сердца; въ дѣйствительности-же они обязаны заботиться только о соблюденіи тѣхъ интересовъ, которые имъ поручены *непосредственно*, а не подвергать опасности настоящее поколѣніе изъ желанія обезпечить благо потомства. Что касается меня — продолжалъ Кестельри — то я нарушилъ-бы свои обязанности, еслибы согласился поддерживать политическое возстановленіе Греціи, подвергая нетолько Турокъ, но и всю Европу, насильственнымъ потрясеніямъ, да еслибы мы и достигли такой цѣли, то кто могъ-бы ручаться за будущность греческаго народа? Остается только изъявить желаніе, чтобы время и Всевышній Промыслъ даровали Грекамъ то облегченіе ихъ участи, которое ни одинъ государственный человѣкъ не можетъ доставить имъ, не измѣнивъ прочимъ обязанностямъ своимъ". Въ такомъ-же смыслѣ писалъ Меттернихъ австрійскому резиденту въ Петербургѣ, графу Лебцельтерну ([2]).

Императоръ Александръ, напротивъ того, полагалъ, что война съ Турціею была-бы невѣроятна и невозможна только тогда, когда мы имѣли-бы увѣренность, или, по крайней мѣрѣ, основательную надежду, что турецкое правительство *хотѣло* и *могло* удовлетворить требованіямъ Россіи, коихъ справедливость признали Союзныя державы. Что касается до желанія Турокъ прекратить эти недоразумѣнія,

то мы видѣли совершенно противное: въ Валахіи и Молдавіи турецкія войска усиливались и укрѣплялись; само правительство продолжало увеличивать бѣдствія страны; турецкіе солдаты предавались всевозможнымъ неистовствамъ, убивали священниковъ и обращали въ пепелъ монастыри и церкви. Поприще безпорядковъ распространилось: островъ Кипръ, котораго жители не принимали участія въ возстаніи, былъ залитъ христіанскою кровью; многіе изъ туземцевъ, пораженные ужасомъ, отреклись отъ истинной вѣры, но и въ томъ не нашли спасенія отъ меча вражескаго. Въ отношеніи-же возможности прекратить эти безпорядки, самъ Кестельри сознавалъ слабость турецкаго правительства, ужасъ внушаемый янычарами и безсиліе Порты, не дозволявшіе обуздывать явное неповиновеніе ея мусульманскихъ подданныхъ. Изложивъ въ настоящемъ видѣ положеніе дѣлъ, Государь требовалъ, чтобы Союзники его употребили болѣе рѣшительныя мѣры для побужденія Порты къ удовлетворенію требованій Россіи, изъявлялъ желаніе достигнуть прочнаго мира, и, даже, въ такомъ случаѣ, еслибы представленія Союзныхъ державъ не могли предупредить войны, давалъ обѣщаніе вооружиться не для расширенія предѣловъ Россіи и не для возвышенія своей власти, а единственно чтобы исполнить лежащія на немъ обязанности въ отношеніи къ его подданнымъ и единовѣрцамъ ([3]).

Очевидно, что Императоръ Александръ, требуя отъ Порты исполненія предположенныхъ имъ крайнихъ условій (ultimatum), и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая, что она была не въ состояніи исполнить его желанія, выказывалъ ясно необходимость войны для рѣшенія греческаго вопроса, что̀ въ послѣдствіи подтвердилось на самомъ опытѣ. Наши союзники, напротивъ того, брались уладить дѣло, но болѣе и болѣе

запутывали его. Въ февралѣ 1822 года, собрались на совѣщаніе въ Константинополѣ, у рейсъ-эфенди, англійскій посолъ лордъ Странгфордъ, Чаушъ-баша, переводчики и другіе чиновники англійской миссіи и Порты.

Лордъ Странгфордъ открылъ засѣданіе изъявленіемъ дружелюбнаго расположенія къ Турціи великобританскаго и австрійскаго дворовъ, не имѣющихъ, по словамъ его, никакого прямаго интереса въ греческомъ вопросѣ, но считающихъ долгомъ поставить на видъ своимъ добрымъ союзникамъ, не въ видѣ угрозы, а какъ благой совѣтъ, чтобы они исполнили условія трактатовъ съ Россіею, потому что въ противномъ случаѣ имъ придется вести войну. „Въ настоящее время — онъ сказалъ — вопросъ ограниченъ весьма тѣсными предѣлами: очистите Княжества, возстановите въ нихъ прежнее управленіе, прекратите бѣдствія наносимыя этимъ несчастнымъ областямъ вашими войсками, незнающими дисциплины, назначьте господарей, (если не изъ Грековъ, то изъ туземныхъ бояръ), и такимъ образомъ докажите, что вы не враждебны системѣ общаго замиренія, столь успѣшно водворенной въ Европѣ. *Сдѣлайте это*, и всѣ европейскія государства будутъ съ вами въ дружбѣ; всѣ будутъ помогать вамъ войти въ соглашеніе съ Россіей; *откажите въ томъ, замедлите это сдѣлать*, и чрезъ мѣсяцъ вторгнется къ вамъ огромная армія, какой еще никогда не выставляла Россія; вы увидите въ Архипелагѣ русскій флотъ, готовый дѣйствовать за-одно съ вашими нынѣшними врагами; наконецъ, вы потеряете дружбу всѣхъ европейскихъ державъ, которыя доселѣ своими усиліями отклоняли войну. Пришло время вамъ отвѣчать *да*, или *нѣтъ*. Какой-же изъ этихъ отвѣтовъ я отъ васъ услышу?“

Турецкіе дипломаты отвѣчали, что они искренно

желаютъ мира. „Да и съ какой стати у насъ будетъ война? — продолжалъ рейсъ-эфенди. — Дайте намъ только немного времени для устройства нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Русскій Императоръ справедливъ, и потому не можетъ счесть наше требованіе несправедливымъ. Онъ не желаетъ войны, но есть при немъ люди, которые ее желаютъ".

„Вы спрашиваете—отвѣчалъ лордъ Странгфордъ—почему у васъ будетъ война? По тому, что въ настоящемъ положеніи Европы никакое государство не можетъ безнаказанно нарушать трактаты. Императоръ справедливъ и не желаетъ войны, но онъ не пожертвуетъ для сохраненія мира—ни своею честью, ни своимъ достоинствомъ. Не вводите себя въ заблужденіе, разсчитывая на соперничество европейскихъ державъ, и полагая, что Россія, ведя войну съ вами, возбудитъ ихъ опасенія. Напротивъ, они знаютъ, что Россія отстаиваетъ ихъ дѣло, столько-же, сколько и свое собственное, защищая соблюденіе договоровъ". Когда-же турецкіе сановники сказали, что они въ мирѣ съ Россіей и не дѣлаютъ никакихъ приготовленій къ войнѣ, великобританскій министръ отвѣчалъ: „Это неправда! Можете-ли вы считать себя въ мирѣ, когда на вашихъ границахъ стоитъ огромная армія, готовая вторгнуться въ ваши предѣлы, и когда значительный флотъ ожидаетъ приказанія блокировать ваши гавани. Напрасно также увѣряете, будтобы вы сами не готовитесь къ войнѣ. Какимъ-же образомъ вы объясните сдѣланный вами призывъ къ вооруженію всего вашего народа?"

Рейсъ-эфенди, вѣроятно, сознавъ справедливость этого замѣчанія, спросилъ, въ свою очередь, почему такъ торопятъ его правительство очистить Княжества? „Мы вамъ обѣщали приступить къ тому—сказалъ онъ—коль скоро будетъ достаточно укрощенъ

греческій мятежъ, и мы будемъ въ состояніи безъ опасности для себя вывести войска изъ Княжествъ".

Лордъ Странгфордъ поставилъ на видъ турецкимъ министрамъ, что укрощеніе мятежа существенно зависѣло отъ мира съ Россіею. Исполните условія трактатовъ съ нею заключенныхъ — сказалъ онъ — и главная надежда бунтовщиковъ исчезнетъ. Еслиже вы станете воевать съ Русскими, то ваши настоящіе враги сдѣлаются друзьями, союзниками Россіи, которой тогда уже нельзя будетъ ихъ оставить. Греки успѣютъ образовать нѣчто похожее на правильное правительство; васъ заставятъ заключить миръ, и вы будете принуждены признать это правительство. Объявите возобновленіе вашихъ дружественныхъ сношеній съ Россіею, и вы увидите, что Греки, считающіе вашъ разрывъ съ Русскими вѣрнѣйшимъ средствомъ своего спасенія, тотчасъ станутъ просить у васъ помилованія".

Когда-же Чаушъ-баша, спросилъ: „зачѣмъ Россія требуетъ немедленнаго очищенія Княжествъ? Какая ей въ томъ выгода?" Странгфордъ отвѣчалъ: „выгода та, что она освободится отъ униженія, въ глазахъ цѣлой Европы, сносить вопіющія нарушенія заключенныхъ съ нею трактатовъ; выгода успокоить собственныхъ подданныхъ, раздраженныхъ тѣмъ, что правительство не защищаетъ ихъ единовѣрцевъ; наконецъ — выгода выдти изъ несноснаго положенія, которое не есть ни миръ, ни война.

На замѣчаніе рейсъ-эфенди, что и Порта равно должна уважать желанія народа, и что еслибы назначены были господари изъ Грековъ, то каждый мусульманинъ завопилъ-бы: „вы награждаете измѣнниковъ, вмѣсто того, чтобы наказывать ихъ", великобританскій министръ сказалъ: „константинопольская чернь не знаетъ, сколько у васъ въ Княжествахъ

войскъ: 500 или 50,000 человѣкъ; она не можетъ знать содержанія вашихъ нотъ ко мнѣ и къ интернунцію, и ежели вы обяжетесь, что въ опредѣленный срокъ не останется въ Княжествахъ ни одного турецкаго солдата, то — какъ она о томъ свѣдаетъ? Но, за то, чернь легко можетъ узнать и пойметъ очень хорошо, должна-ли она будетъ, или нѣтъ, умирать съ голода — вопросъ, который тотчасъ возникнетъ, коль скоро возгорится война. Точно также народъ пойметъ свое положеніе, когда узнаетъ, что англійская миссія и англійскіе подданные выѣдутъ изъ Константинополя. Такое извѣстіе произведетъ мятежъ гораздо скорѣе, нежели какіе-либо толки о томъ, что̀ дѣлается въ двухъ отдаленныхъ провинціяхъ, которыхъ самое имя неизвѣстно половинѣ константинопольскихъ жителей“.

За тѣмъ, англійскій министръ, восходя къ эпохѣ, предшествовавшей недоразумѣніямъ между Россіею и Портою, сказалъ, что „несогласіе между ними существовало еще до отзыва русской миссіи, что поводы къ тому должно искать въ неопредѣлительности взаимныхъ правъ съ одной стороны покровительствующей, а съ другой—владѣющей державы, и что, наконецъ, настало время истребить навсегда эти начала раздора“. Какъ рейсъ-эфенди отказывался отъ высылки довѣреннаго лица, для переговоровъ съ Россіею, подъ предлогомъ, что *Порта ничего не требуетъ*, то лордъ Странгфордъ весьма не къ стати возразилъ, что: „напротивъ того, Турки должны требовать, чтобы опредѣлены были въ точности права̀ Россіи, въ качествѣ покровительствующей державы, безъ столкновенія съ правами Султана, владѣющаго Княжествами, и что еслибы Порта послала уполномоченнаго, то могла-бы пріобрѣсти важныя выгоды“. Изъ этихъ словъ англійскаго посла турецкіе мини-

стры имѣли поводъ заключить, что Союзные дворы предлагали имъ свои услуги преимущественно для побужденія Россіи къ уступкамъ, а совсѣмъ не для того, чтобы, устроивъ судьбу Греціи, достигнуть соглашенія между Россіею и Портою ([4]).

Императоръ Александръ, давно уже замѣчая, что участіе Англіи въ посредничествѣ между Россіею и Портою затрудняло успѣхъ переговоровъ, желалъ по возможности ослабить вліяніе лондонскаго двора на рѣшеніе Восточнаго вопроса. Съ этою цѣлью, по совѣту графа Нессельрода, былъ посланъ въ Вѣну тайн. совѣтн. Дмитрій Павл. Татищевъ, обратившій на себя вниманіе благоразумными дѣйствіями, во время своего посольства въ Испаніи. Ему поручили войти въ соглашеніе съ княземъ Меттернихомъ, на основаніи инструкціи, въ коей были нѣсколько смягчены прежнія крайнія условія (ultimatum). Императоръ Александръ ограничивался немедленнымъ очищеніемъ Княжествъ, предоставляя Портѣ объявить свои намѣренія на счетъ прочихъ требованій нашего правительства. Вмѣстѣ съ инструкціей, Нессельродъ вручилъ Татищеву письмо къ Генцу, прося его помочь нашему агенту своими совѣтами. Но и эта попытка уладить дѣло не имѣла успѣха: въ Вѣнѣ и Берлинѣ, хотя и согласились поддерживать требованія Россіи, и даже, въ случаѣ неудачи переговоровъ, прервать дипломатическія сношенія съ Портою и оставить въ Константинополѣ лишь консуловъ, однакоже неиначе, какъ ежели на то послѣдуетъ согласіе прочихъ державъ; а Кестельри, отъ котораго домогались отзыва Странгфорда, выказавшаго противодѣйствіе выгодамъ Россіи, отвѣчалъ, что Англія, дорожа дружбою Порты, не можетъ отозвать своего посла, да и вообще великобританскій министръ, по прежнему, отказывался дѣйствовать сообща съ другими

дворами и не хотѣлъ—ни входить ни въ какія-либо условія на счетъ будущихъ судебъ Греціи, ни поддерживать усилія нашего правительства, касательно исполненія статей Кайнарджискаго договора, относящихся къ покровительству христіанскихъ подданныхъ Султана (5).

Очевидно, что удовлетвореніе требованій Императора Александра преимущественно зависѣло отъ Англіи, которая ревниво слѣдила за тѣмъ, чтобы Порта не только не сдѣлала намъ существенныхъ уступокъ, но и не связала-бы себя на будущее время какими-либо обязательствами въ отношеніи своихъ подданныхъ, единоплеменныхъ, либо единовѣрныхъ Россіи. Англичане вполнѣ понимали свои политическія и торговыя выгоды, которыя требовали, чтобы на мѣсто Турціи, владѣвшей огромными и богатыми странами и неизвлекавшей изъ того ни малѣйшей пользы, не могла утвердиться сильная держава, опасная вліянію Англіи на Востокѣ. Турки, съ своей стороны, питали большее довѣріе къ Англичанамъ нежели къ другимъ Франкамъ, благодаря тому, что Англія безкорыстно противилась властолюбію Франціи въ Египтѣ и заставила покориться Алжиръ, не овладѣвъ этою страною. Къ тому-же Турки опасались Священнаго Союза, считая его явно направленнымъ противъ владычества мусульманъ въ Европѣ, и знали, что Англія старалась мѣшать всѣмъ совокупнымъ дѣйствіямъ державъ участвовавшихъ въ этомъ Союзѣ. Самъ англійскій посолъ соединялъ въ себѣ многія качества, дававшія ему выгодное значеніе въ глазахъ Турокъ. Подобно Кестельри, принадлежа къ партіи тори, Странгфордъ былъ врагомъ греческаго возстанія и считалъ Грековъ сборищемъ подлой черни. Обладая талантомъ снисходить до умственнаго уровня невѣжественныхъ мусульманъ и сообразаться съ ихъ

понятіями и складомъ рѣчи, онъ вошелъ въ тѣсныя сношенія со всѣми вліятельнѣйшими сановниками Порты, отъ корыстолюбиваго Шалетъ-эфенди, котораго склонялъ на свою сторону золотомъ, до свирѣпаго Кара-Али, прославляемаго имъ, какъ любезнаго и просвѣщеннаго человѣка, единственно по тому, что этотъ варваръ, говоря о возстаніи Грековъ, совѣтовалъ не прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, а подавить сопротивленіе деньгами (6).

Пользуясь своимъ вліяніемъ на диванъ и не желая вооружить противъ Англіи ни Россію, ни Австрію, лордъ Странгфордъ убѣдилъ Турокъ согласиться на немедленное очищеніе Княжествъ и на избраніе господарей изъ тамошнихъ бояръ, призванныхъ въ Константинополь. Императоръ Александръ, получивъ о томъ свѣдѣніе, въ половинѣ (въ концѣ) мая, приказалъ графу Нессельроду изъявить полное одобреніе усилій великобританскаго министра, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить, что какъ только Порта исполнитъ свои обѣщанія и назначитъ уполномоченнаго для переговоровъ съ Россіею, Его Величество, съ своей стороны, пришлетъ такого-же сановника, дабы возстановить на прочномъ основаніи дружественныя сношенія между обѣими державами. Императоръ предполагалъ, чтобы уполномоченные съѣхались въ Каменецъ-Подольскъ (7). Бояре Гика и Стурдза, 19 и 21 іюля, были назначены господарями Валахіи и Молдавіи.—Тогда-же послѣдовало повелѣніе Султана, вывести изъ Княжествъ всѣ турецкія войска, кромѣ двухъ тысячъ человѣкъ, приданныхъ новымъ господарямъ въ видѣ почетной стражи (8). Оставалось побудить Турокъ къ отправленію уполномоченнаго для окончательнаго удовлетворенія требованіямъ Россіи. Съ этою цѣлью, лордъ Странгфордъ вторично совѣщался съ министрами Порты.

Турецкіе министры, на всѣ убѣжденія англійскаго посла, по этому предмету, отвѣчали, что Порта не измѣнитъ принятаго ею рѣшенія. „Да и къ чему намъ—сказали они—посылать уполномоченнаго. Мы не ссорились съ Россіею, которая, напротивъ того, отозвала своего посланника, какъ только вспыхнуло возстаніе Грековъ, и тѣмъ вполнѣ обнаружила намъ свои враждебные виды; нетрудно было предвидѣть, что отъѣздъ Строганова, вмѣстѣ съ зловѣщими слухами и обѣщаніями русскихъ агентовъ въ Архипелагѣ, послужитъ къ ободренію мятежныхъ подданныхъ Порты. Мы объявили амнистію, и бунтовщики навѣрно покорились-бы, еслибы ихъ неподдерживала надежда на Россію, возбужденная объявленіемъ русскаго кабинета, будтобы *поступки Турціи, по мнѣнію всѣхъ Союзныхъ державъ, содѣлывали отнынѣ невозможнымъ ея существованіе въ Европѣ.*

Лордъ Странгфордъ, вмѣсто того, чтобы выказать турецкимъ министрамъ несправедливость упрековъ, которыми они осыпали Россію, отвѣчалъ, что какъ нельзя того воротить, что̀ уже было сдѣлано, то лучше всего считать прошлое прошлымъ (que ce qui est passé, soit effectivement regardé comme passé). Далѣе—онъ повторилъ прежде имъ сказанное, о необходимости нѣкоторыхъ требованій со стороны Турокъ, что, по его мнѣнію, доставило-бы Портѣ такія-же выгоды, какія она могла получить по формальному трактату, но безъ пожертвованій сопряженныхъ съ войною. Англійскій министръ не позаботился опровергнуть ни обвиненія Турками Россіи въ неисполненіи прежнихъ договоровъ, ни разсужденій ихъ о несправедливости требованій русскаго правительства, ни предположеній дивана, будтобы мы приглашали на совѣщаніе турецкаго уполномоченнаго единственно для заявленія новыхъ притязаній, отказъ въ коихъ

подалъ-бы намъ предлогъ винить Порту во вторичномъ разрывѣ съ Россіею. Въ отвѣтъ на многорѣчивыя, большею частью голословныя, объясненія рейсъ-эфендія, лордъ Странгфордъ сказалъ, что „онъ находитъ себя обязаннымъ, по долгу чести и совѣсти, сознаться, что рейсъ-эфенди изложилъ стольже точно, сколь и справедливо, все касающееся исполненія Портою первыхъ двухъ пунктовъ русскаго ultimatum, т. е. возстановленія христіанскихъ храмовъ и покровительства Греческой Церкви“. На счетъ-же прочихъ требованій Россіи, Странгфордъ ограничился совѣтомъ: сдѣлать, по возможности, гласными благодѣтельные и достойные похвалы поступки турецкаго правительства въ Княжествахъ (!) и послать уполномоченнаго, который, выставя въ должномъ свѣтѣ достоинство мѣръ принятыхъ Портою, могъ-бы, въ свою очередь, склонить Россію къ уступкамъ (!). Вообще-же лордъ Странгфордъ не умѣлъ, либо не желалъ, объяснить надлежащимъ образомъ права и намѣренія Императора Александра, и оправдывая достойныя порицанія дѣйствія Порты, заставилъ турецкихъ министровъ полагать, что Союзные кабинеты не одобряли дѣйствій русскаго правительства (9).

На всѣ слѣдующія убѣжденія великобританскаго и австрійскаго резидентовъ, турецкіе министры упорно отвѣчали одно и тоже: „мы исполняемъ условія трактатовъ заключенныхъ съ Россіею; что-же касается Грековъ, то не мѣшайтесь въ наши дѣла; мы и безъ васъ устроимъ ихъ“. Меттернихъ, видя, что нельзя было рѣшить это дѣло въ Константинополѣ, предложилъ устроить совѣщаніе въ Вѣнѣ. Между тѣмъ, избіеніе христіанъ на островѣ Хіосѣ и другія безчеловѣчныя дѣйствія Турокъ, возбудивъ въ англійскомъ парламентѣ сочувствіе оппозиціи въ пользу Гре-

ковъ, заставили лорда Кестельри уклониться отъ прежней политики и дать другія инструкціи Странгфорду. Нѣсколько спустя, Кестельри прекратилъ свою жизнь самоубійствомъ, послѣ чего министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ постоянный соперникъ его Каннингъ. Какъ это неожиданное событіе казалось новою эрою политики лондонскаго кабинета, то Странгфордъ рѣшился отправиться въ Вѣну, чтобы принять участіе въ рѣшеніи восточнаго столкновенія, сдѣлавшагося обще-европейскимъ вопросомъ; но прежде отъѣзда хотѣлъ еще разъ попытаться на склоненіе Турокъ къ требуемымъ отъ нихъ уступкамъ. 15 (27) августа, съѣхались у рейсъ-эфенди, кромѣ лорда Странгфорда, Чаушъ-баша (Джанибъ) и нѣсколько другихъ сановниковъ Порты. Основаніемъ предложеній англійскаго посла послужилъ составленный Меттернихомъ меморандумъ, на первомъ планѣ котораго было поставлено посредничество Европы въ умиротвореніи Греціи.

„Отправляясь въ Вѣну, гдѣ соберутся представители всей христіанской Европы—сказалъ Странгфордъ—я предвижу, что меня спросятъ, можно-ли надѣяться на дѣйствительность мѣръ принятыхъ Оттоманскою Портою, не только для прекращенія междуусобія, но и для устраненія впредь причинъ его вызвавшихъ? Что̀ отвѣчу я? Вы отказались послать уполномоченнаго. Такъ позвольте-же мнѣ быть вашимъ уполномоченнымъ. Вы не можете сомнѣваться въ моемъ усердіи и желаніи принести вамъ пользу; но уполномоченный долженъ быть снабженъ инструкціей. Что̀ скажу я?“

Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что, со стороны лорда Странгфорда, достаточно было засвидѣтельствовать о точномъ исполненіи Портою существующихъ трактатовъ и потребовать отъ Союзныхъ державъ, чтобы

онѣ, прежде всего, прекратили бѣдствія наносимыя Турціи русскими агентами. „Не мѣшайтесь въ наши дѣла—сказалъ онъ—и позвольте намъ самимъ устроить ихъ“.

Лордъ Странгфордъ, желая доказать турецкимъ министрамъ, что Союзныя державы имѣли полное право заботиться о возстановленіи спокойствія на востокѣ Европы, упомянулъ о связи между турецкими мятежниками и поборниками революцій во всей Европѣ. „Паденіе вашей Имперіи приготовило-бы другіе насильственные перевороты“—сказалъ Странгфордъ. Турецкіе министры, отвергая всякое вмѣшательство въ управленіе Порты, объявили, что они готовы скорѣе погибнуть, нежели подвергнуться такому позору. „Не въ правѣ-ли я—спросилъ Джанибъ—распоряжаться въ собственномъ домѣ, съ моимъ семействомъ, кротко, либо строго? Да и допущу-ли я къ себѣ кого изъ сосѣдей, подъ предлогомъ заботы о моемъ семейномъ благополучіи, сказать мнѣ: вы должны поступать, какъ я совѣтую вамъ, потому что это будетъ для васъ выгоднѣе; къ тому-же, я могу судить о вашихъ дѣлахъ лучше, нежели вы сами“.—„Спора нѣтъ—отвѣчалъ англійскій министръ—что подобныя рѣчи былибы неприличны, но еслибы крики и жалобы вашихъ женъ и дѣтей меня безпокоили, то я сперва обратился-бы къ вамъ по дружески, съ просьбою унять эту суматоху; но еслибы, паче чаянія, вы мнѣ отказали въ томъ, я обратился-бы съ жалобою къ кадію. Сколько мнѣ извѣстно, такіе случаи ежедневно бываютъ въ вашей столицѣ“. Замѣчаніе лорда Странгфорда вызвало смѣхъ турецкаго министра конференцій, но нисколько не смутило Джаниба. Въ отвѣтъ на упрекъ англійскаго министра въ опустошеніи Турками острова Хіоса, Джанибъ спросилъ: „За чѣмъ-же вы молчали, когда Суворовъ истреблялъ

тысячи Турокъ въ Рымникѣ и Браиловѣ?“ Совѣщаніе окончилось заявленіемъ въ его готовности пожертвовать для Англіи всѣмъ, кромѣ своей самостоятельности. „Передайте это *вашему визирю* въ Вѣнѣ“ — сказалъ онъ лорду Странгфорду ([10]).

Тайный сов. Татищевъ, возвратясь изъ Вѣны въ Петербургъ, представилъ Государю обширный проектъ веденія переговоровъ въ Вѣнѣ, предложивъ назначить къ тому его самаго и устроить дѣло такъ, чтобы Государь прибылъ туда нѣсколько позже, проѣздомъ въ Верону, гдѣ предполагалось собрать конгресъ. Императоръ Александръ передалъ проектъ Татищева графу Каподистріа и поручилъ ему изложить его мнѣніе по этому предмету письменно, въ видѣ доклада, условясь о содержаніи его съ Татищевымъ и графомъ Нессельродомъ. Еще въ 1821 году, графъ Каподистріа предвидѣлъ невозможность рѣшить дѣло переговорами европейскихъ державъ съ Портою, и по тому предлагалъ: во 1-хъ, занять войсками Княжества, изгнавъ оттуда Турокъ; во 2-хъ, объявить Портѣ, что эта мѣра имѣла единственною цѣлью побужденіе турецкаго правительства къ такой системѣ, которая могла-бы обезпечить спокойствіе ея христіанскихъ подданныхъ, и что Россія торжественно обязывается не нарушать границъ, установленныхъ прежними трактатами. Графъ Каподистріа предполагалъ извѣстить о видахъ русскаго правительства Грековъ, Сербовъ, Молдаванъ и Волоховъ, призвавъ ихъ стать въ оборонительное положеніе, до окончательнаго рѣшенія ихъ участи, а также склонить Персію къ дѣйствію сообща съ Россіею противъ Турціи, либо, по крайней мѣрѣ, къ неутралитету. Наконецъ, европейскія державы былибы приглашены присоеди-

ниться къ Россіи, чтобы содѣйствовать постановленію ручательствъ, на которыхъ должно было упрочиться спокойствіе Востока. Еслибы онѣ и отвергли такое предложеніе, то это нисколько не помѣшало-бы намъ исполнить наши намѣренія, стараясь скрѣпить союзъ европейскихъ державъ, вопреки имъ самимъ, привлеченіемъ его къ новымъ интересамъ, долженствующимъ возникнуть по водвореніи мира на Востокѣ.

Графъ Каподистріа, оставаясь вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, доказывалъ, въ докладѣ Государю, и теперь, какъ и прежде, необходимость приступить къ понудительнымъ мѣрамъ противъ Турокъ. Въ письмѣ, при которомъ былъ представленъ докладъ, онъ объяснялъ, что если Государю неугодно прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, то оставалось еще, занявъ выжидательное положеніе (une attitude expectante), объявить Союзнымъ кабинетамъ: „поступайте какъ хотите съ Турками; мы останемся чужды вашимъ переговорамъ. Ежели они приведутъ къ полезнымъ послѣдствіямъ, Императоръ будетъ вамъ признателенъ; въ противномъ случаѣ, Его Величество приметъ, когда сочтетъ нужнымъ, тѣ мѣры, которыхъ требуютъ его обязанности и пользы его Имперіи“. Каподистріа полагалъ, что такая декларація могла убѣдить Австрію и Англію въ рѣшимости русскаго правительства поддерживать свои интересы на Востокѣ, и послужить къ благопріятному рѣшенію дѣла несравненно лучше, нежели поѣздка Императора въ Вѣну и его личное участіе въ переговорахъ. Государь думалъ иначе. Призвавъ къ себѣ министровъ, коимъ было поручено составленіе доклада, и изложивъ съ явнымъ неудовольствіемъ сущность бумагъ ему поднесенныхъ графомъ Каподистріа, онъ приказалъ сообщить вѣнскому двору, что тайн. сов. Татищевъ от-

правится къ нему, для открытія сообща съ княземъ Меттернихомъ переговоровъ, кои вести Императоръ предоставляетъ себѣ самому, по прибытіи въ концѣ августа въ Вѣну, куда приглашалъ нашего Государя Августѣйшій союзникъ его, Императоръ Францъ.

Послѣ этой аудіенціи, Каподистріа оставался въ Россіи только нѣсколько недѣль, устранивъ себя отъ занятій по греческому вопросу, но продолжая дѣятельно исполнять прочія порученія Государя; а въ половинѣ августа 1822 года получилъ отпускъ и навсегда уѣхалъ изъ Россіи. Меттернихъ, постоянно искавшій выставить его въ общественномъ мнѣніи за поборника революцій, встрѣтясь въ Вѣнѣ, нѣсколько позже, съ генераломъ Мейтлендомъ, выразилъ свое удовольствіе въ слѣдующихъ словахъ: „и такъ, генералъ, зло исторгнуто съ корнемъ; графъ Каподистріа похороненъ до конца своей жизни. Вы будете жить мирно на островахъ*), а Европа избавится отъ великихъ опасностей, которыми угрожало ей вліяніе этого человѣка". Потомство и Исторія изрекли другой приговоръ ([11]).

Императоръ Александръ прибылъ въ Вѣну 7 сентября н. ст. встрѣченный за нѣсколько миль Императоромъ Францомъ. Туда-же постепенно съѣхались: статсъ-секретарь графъ Нессельродъ, генералъ-адъютанты Чернышевъ и Закревскій и русскій посолъ при французскомъ дворѣ, генералъ Поццо-ди-Борго; французскіе: министръ иностранныхъ дѣлъ, виконтъ Монморанси, и посолъ при русскомъ дворѣ, де-ла Ферронè; австрійскій посланникъ при нашемъ-же дворѣ, баронъ Лебцельтернъ; прусскіе: министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ и посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, графъ Гатцфельдтъ; лордъ

---

*) Мейтлендъ былъ губернаторомъ Іоническихъ острововъ.

Странгфордъ, и проч. Отсутствіе графа Каподистріа подавало Меттерниху надежду, что Императоръ Александръ не уклонится отъ обычной австрійскому кабинету политики застоя, и, къ сожалѣнію, послѣдствія превзошли самое чаяніе хитраго дипломата. Ему удалось развить свойственную Государю недовѣрчивость до того, что, по (нѣсколько преувеличенному) свидѣтельству графа Нессельрода, осторожные до робости, самъ Нессельродъ и князь Волконскій, не могли быть увѣрены, чтобы ихъ не заподозрили въ карбонаризмѣ. Подъ вліяніемъ такого расположенія, русская политика приняла крутой оборотъ: Императоръ Александръ сдѣлался благосклоннѣе къ навлекшему прежде на себя его неудовольствіе. Странгфорду, и даже сказалъ во всеуслышаніе, что дѣйствія великобританскаго министра не были противны пользамъ Россіи. Тогда-же наши уполномоченные, исчисливъ еще разъ всѣ злодѣянія Турокъ и все, что̀ было сдѣлано добраго Русскими, изъявили готовность „возобновить дипломатическія сношенія съ Турціею, если она согласится открыть непосредственно переговоры на счетъ ручательствъ, которыя обезпечивали-бы будущность Грековъ, либо если она докажетъ на самомъ дѣлѣ уваженіе къ вѣроисповѣданію, состоящему подъ покровительствомъ Россіи, и возстановитъ внутреннее спокойствіе въ Греціи на основаніяхъ, могущихъ успокоить Россійскаго Монарха въ отношеніи судьбы его единовѣрцевъ“ (12).

Такимъ образомъ Императоръ Александръ уже не настаивалъ на неотлагательномъ умиротвореніи Греціи, предоставляя будущности рѣшеніе Восточнаго вопроса, столь близкаго Россіи, столь тѣсно связаннаго съ ея матеріальными и нравственными интересами. Все вниманіе Государя было устремлено на

Испанію, и подавленіе революціи въ сей странѣ сдѣлалось главнымъ вопросомъ на предстоявшемъ конгрессѣ въ Веронѣ. Меттернихъ торжествовалъ, полагая, что, отнявъ у Грековъ помощь Россіи, онъ заставитъ ихъ безусловно покориться Султану; но послѣдствія выказали всю несостоятельность его разсчетовъ.

Послѣ замедленія переговоровъ, въ слѣдствіе неожиданной смерти Кестельри, собрался конгресъ въ Веронѣ. 3 (15) октября, прибыли туда Императоръ Австрійскій и Король Прусскій, а на слѣдующій день — Императоръ Александръ. Въ числѣ съѣхавшихся тамъ Высокихъ особъ и дипломатовъ находились: италіянскіе государи; прусскіе принцы Вильгельмъ и Карлъ, графъ Бернсторфъ, баронъ Гумбольдтъ и доживавшій свой вѣкъ, государственный канцлеръ, князь Гарденбергъ; графъ Нессельродъ; русскіе послы въ Лондонѣ и Парижѣ, графъ Ливенъ и генералъ Поццо-ди-Борго; герцогъ Веллингтонъ; братъ лорда Кестельри, маркизъ Лондондери (Стюартъ); виконтъ Странгфордъ и лордъ Бургершъ; князь Меттернихъ; австрійскій посолъ въ Лондонѣ, князь Эстергази, и резидентъ при петербургскомъ дворѣ, баронъ Лебцельтернъ; французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, виконтъ Монморанси, и послы: въ Вѣнѣ, маркизъ Караманъ; въ Петербургѣ, де-ла Ферронѐ; въ Берлинѣ, Реневаль, и въ Лондонѣ, знаменитый Шатобріанъ.

На совѣщаніяхъ конгресса были обсуждаемы вопросы: о возстановленіи законнаго правительства въ Испаніи; о мѣрахъ для прекращенія торговли неграми и о водвореніи мира на Востокѣ. Подавленіе всѣхъ вообще революцій сдѣлалось лозунгомъ Священнаго Союза. Россія, Австрія и Пруссія потребовали отъ Испаніи прекращенія волновавшихъ ее

смутъ ([13]). Францiя рѣшилась дѣйствовать оружiемъ для достиженiя этой цѣли: съ перваго взгляда, вмѣшательство Французовъ во внутреннiя дѣлà Испанiи казалось несообразнымъ ни съ началами политической свободы, лежавшими въ основанiи ихъ правительства, ни съ общественнымъ мнѣнiемъ народа, ратовавшаго въ продолженiи многихъ лѣтъ со всею Европою за свою независимость; въ дѣйствительности-же, Французы, тревожимые воспоминанiями прежнихъ побѣдъ, желали войны. Самъ Король, не смотря на свойственную ему любовь къ спокойствiю и миру, видѣлъ въ предстоящей войнѣ средство отвлечь за предѣлы страны пылъ страстей, угрожавшихъ волненiями самой Францiи. И къ тому-же, хотя давно миновало время—„когда уже не было Пиренеевъ", хотя исчезла всякая фамильная солидарность между французскими и испанскими Бурбонами, однакоже для Людовика XVIII было выгоднѣе имѣть въ сосѣдствѣ своемъ бездарнаго Фердинанда, нежели бурную юнту, возбудившую своимъ примѣромъ революцiи въ Неаполѣ и Пiемонтѣ и состоявшую въ связи съ тайными обществами Францiи. Все это побудило виконта Монморанси принять обязательство—подавленiя вооруженною рукою мятежа въ Испанiи; большинство совѣта министровъ не одобряло такого предпрiятiя, ссылаясь на скудость денежныхъ средствъ и на опасность подвергнуть войска сближенiю съ испанскими либералами; Монморанси подалъ въ отставку, но Король тѣмъ не менѣе исполнилъ опредѣленiе веронскаго конгреса. Англiя употребила всѣ возможныя усилiя, чтобы отклонить Францiю отъ вмѣшательства въ дѣла Испанiи. Веллингтонъ и потомъ Каннингъ угрожали французскому правительству гибелью при столкновенiи съ испанскою революцiею; а глава сенъ-джемскаго кабинета, лордъ Ливерпуль,

высказался откровеннѣе: „Во всѣхъ вопросахъ, касающихся Испаніи, Португаліи и Нидерландовъ, Англія считаетъ обязанностью выступить на первый планъ. Она не можетъ допустить вмѣшательство французскаго правительства, особенно когда оно объявляетъ намѣреніе возстановить въ Испаніи фамильное вліяніе, которому Англія противилась всѣми силами болѣе вѣка". Но въ Веронѣ самъ Императоръ Александръ, а въ Парижѣ Поццо-ди-Борго, настояли, чтобы Франція исполнила свое обѣщаніе; участь испанской революціи была рѣшена. Французская армія вторгнулась за Пиренеи, и легкій успѣхъ ея доказалъ, что тамошняя революція была дѣломъ не всего народа, но слабой партіи.

Вопросъ о торговлѣ неграми встрѣтилъ, какъ и на прежнихъ конгресахъ, общее сочувствіе европейскихъ державъ, но притязанія, снова предъявленныя Англичанами, въ видѣ мѣръ необходимыхъ для прекращенія этого постыднаго торга, были отвергнуты.

Важнѣйшій-же изъ вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе конгреса — о будущности милліоновъ христіанъ, подданныхъ Порты, остался нерѣшеннымъ. Въ совѣщаніи конгреса, 9 ноября н. ст. Татищевъ сообщилъ декларацію, въ коей, отклонивъ убѣдительно отъ Россіи упрекъ въ возбужденіи греческаго возстанія, изложилъ условія, на которыхъ могли быть возстановлены наши дипломатическія сношенія съ Портою, именно: 1) умиреніе Греціи; 2) очищеніе Княжествъ отъ турецкихъ войскъ, и 3) отмѣна стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ Портою противъ торговли и свободнаго мореплаванія. Уполномоченные Австріи, Пруссіи и Франціи признали умѣренность этихъ требованій и обѣщали всевозможно содѣйствовать удовлетворенію Россіи, а Веллингтонъ,

также торжественно сознавъ великодушную умѣренность Россійскаго Монарха, старался однакоже высказать важность уступокъ сдѣланныхъ Портою, какъ рядъ фактовъ, могущихъ удовлетворить требованія Императора Александра и склонить Россію къ возстановленію дипломатическихъ сношеній съ Турціей. Онъ обѣщалъ, что Англія употребитъ всевозможныя средства, дабы побудить диванъ къ отмѣнѣ всего того, что̀ нарушало миръ и согласіе между обѣими державами. На другой день, Татищевъ объявилъ, отъ имени Императора Александра, что „дружественныя чувства его союзниковъ внушали въ немъ такое довѣріе, что онъ совершенно предоставляетъ ихъ благоразумію попеченіе о дальнѣйшихъ переговорахъ“ (14).

Нѣсколько дней спустя, Александръ, бесѣдуя съ Шатобріаномъ, сказалъ ему: „Я очень радъ, что вы, побывавъ въ Веронѣ, можете быть безпристрастнымъ свидѣтелемъ нашихъ дѣйствій. Неужели вы думали, какъ увѣряютъ наши непріятели, что Священный Союзъ составленъ въ угоду властолюбію? Это моглобы случиться при прежнемъ порядкѣ вещей; но въ настоящее время станемъ-ли мы заботиться о какихъ-либо частныхъ выгодахъ, когда весь образованный міръ подвергается опасности? Теперь уже не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской; теперь — одна лишь политика общая, которая должна быть принята народами и государями для блага всѣхъ и каждаго. Я долженъ первый пребыть вѣрнымъ тѣмъ началамъ, на коихъ я основалъ союзъ. Представилось испытаніе — возстаніе Греціи. Ничего не могло быть болѣе выгоднаго для меня и моего народа, болѣе согласнаго съ общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи, какъ религіозная война противъ Турокъ; но я

видѣлъ въ волненіяхъ Пелопоннеза признаки революціи и—удержался. Чего не дѣлали, чтобъ разорвать союзъ? То внушали мнѣ предубѣжденія, то старались уязвить мое самолюбіе; то оскорбляли явно. Но меня очень плохо знали, если думали, что мои убѣжденія зависѣли отъ тщеславія, либо могли уступить желанію мщенія. Нѣтъ! Никогда не оставлю я монарховъ, съ которыми нахожусь въ союзѣ. Государи имѣютъ право заключать явные союзы для защиты отъ тайныхъ обществъ. Да и что̀ можетъ увлечь меня? Нуждаюсь-ли я въ увеличеніи моей имперіи? Провидѣніе дало въ мое распоряженіе восемьсотъ тысячъ солдатъ не для удовлетворенія моего властолюбія, а чтобъ я покровительствовалъ религіи, нравственности и правосудію, и охранялъ начала порядка, на коихъ зиждется человѣческое общество" ([15]).

Едва лишь конгресъ окончилъ совѣщанія по дѣламъ Востока, какъ раздался голосъ угнетенныхъ Грековъ, взывающій къ Европѣ о помощи, во имя истинной вѣры и страдающаго человѣчества. Графъ Метакса, прибывъ съ греческою депутаціей въ Италію, желалъ ходатайствовать на конгресѣ за своихъ братій, не ему было въ томъ рѣшительно отказано. Донося о понесенной имъ неудачѣ временному правительству, Метакса совѣтовалъ не соглашаться на перемиріе и на сомнительныя ручательства, предлагаемыя Портою. Въ тоже время Колокотрони убѣждалъ Грековъ: „не надѣяться ни на кого, кромѣ своихъ мечей и ружей" ([16]).

Въ продолженіи первыхъ двухъ лѣтъ возстанія Грековъ (1821—1822 г.), политика Англіи постоянно была враждебна имъ. Лордъ Лондондерри (Кестельри) видѣлъ въ нихъ скопище мятежниковъ. Когда-же министерство иностранныхъ дѣлъ перешло въ руки Каннинга, онъ принялъ совершенно иную систему,

и вскорѣ Странгфордъ, изъ полученной имъ инструкціи, убѣдился, что новый министръ далеко оставитъ за собою и домогательства оппозиціи въ пользу Грековъ и нерѣшительныя требованія русскаго правительства. По словамъ лорда Каннинга: „Англія не могла равнодушно смотрѣть на участь христіанскаго народа, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ стенающаго подъ игомъ варваровъ. Король желаетъ, чтобы великобританскій посолъ вступился за Грековъ, какъ за христіанъ, потребовалъ отъ Порты немедленнаго исполненія обѣщаній, данныхъ министрамъ союзныхъ державъ, и поставилъ на видъ дивану, что, въ случаѣ отказа исполнить ихъ требованіе, Англія не можетъ долѣе оставаться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Портой (17).

Тѣмъ не менѣе однакоже возобновленіе дипломатическихъ сношеній между Россіею и Портою не подвинулось ни на шагъ, потому что въ отношеніи къ главному предмету переговоровъ — успокоенію Греціи, диванъ ограничился принятіемъ на себя обязательства — „доказать цѣлымъ рядомъ дѣйствій, въ какой степени европейскія державы могли положиться на благоразуміе и умѣренность турецкаго правительства“. Такое неопредѣлительное обѣщаніе, какъ и должно было ожидать, подало поводъ къ новымъ недоумѣніямъ и несогласіямъ. Императоръ Александръ имѣлъ справедливую причину жаловаться на то, что Турки оставили въ Княжествахъ двухъ военачальниковъ, независимыхъ отъ господарей, съ тремя тысячами человѣкъ милиціи. Диванъ отговаривался необходимостью прекратить грабежи разбойничьихъ шаекъ и предупредить новыя покушенія гетеристовъ собиравшихся въ Бессарабіи; но не могъ отрицать, что обязательство, имъ на себя принятое, не было исполнено, и что содержаніе валахской милиціи,

прежде стоившее неболѣе 252,000 піастровъ, увеличилось до полутора милліона и было весьма обременительно для жителей страны. Тогда-же Порта нарушила интересы нашей морской торговли. До того времени немногія лишь державы имѣли право проникать въ Черное море; корабли-же прочихъ, второстепенныхъ державъ появлялись тамъ не иначе, какъ подъ флагомъ пользовавшихся симъ преимуществомъ націй. Согласно тому, русскій флагъ прикрывалъ въ теченіи уже болѣе сорока лѣтъ многія иностранныя, преимущественно-же греческія суда, чѣмъ, конечно, пользовались и инсургенты; въ такомъ злоупотребленіи участвовали всѣ великія державы, и Порта терпѣла его; но вдругъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы всѣ иностранныя суда подвергались строгому осмотру, и нѣсколько плававшихъ подъ русскимъ флагомъ кораблей захвачено, подъ предлогомъ, что грузъ ихъ предназначался для инсургентовъ. Вслѣдъ за тѣмъ, объявленъ фирманъ, коимъ возобновлялось давнишнее постановленіе, перегружать всѣ франкскіе корабли на турецкіе, за исключеніемъ лишь товаровъ пострадавшихъ отъ аваріи. Графъ Нессельродъ, въ письмѣ, отъ 7 (19) мая 1823 года, къ лорду Странгфорду, поставилъ на видъ всѣ поводы къ неудовольствію нашего правительства, въ послѣднее время поданные Портою, и по настоянію Странгфорда Султанъ обязался принять мѣры къ облегченію русской торговли и совершенно очистить Княжества. Казалось—были устранены всѣ препятствія къ возстановленію дипломатическихъ сношеній между Россіею и Портою. Императоръ Александръ назначилъ посломъ въ Константинополь тайнаго совѣтника графа Рибопьера, но отложилъ прибытіе его туда до окончательнаго удовлетворенія тѣхъ требованій, коихъ справедливость была признана самою Портою, въ

ожиданіи чего былъ отправленъ въ Константинополь статскій совѣтникъ Минчіаки, съ порученіемъ покончить дѣло о плаваніи русскихъ кораблей на Черномъ морѣ. Диванъ, желая выказать прибытіе г. Минчіаки въ видѣ возобновленія дружественныхъ сношеній съ Россіею, сдѣлалъ весьма почетный пріемъ нашему агенту, но не приступалъ къ рѣшенію спорныхъ вопросовъ, и въ особенности уклонялся отъ объясненій касательно умиротворенія Греціи. Меттернихъ выражалъ убѣжденіе, что Порта, принявъ на себя обязательство доказать на дѣлѣ снисхожденіе Грекамъ, сдѣлала все, чего могла требовать Россія; но Императоръ Александръ думалъ иначе. Свиданіе его съ Императоромъ Францомъ въ Чернавчицѣ, осенью 1823 года, не измѣнило его видовъ, хотя Меттернихъ, разсчитывая на уступчивость нашего Государя, имѣлъ дерзость сказать о немъ принцу Гатцфельду: „его непремѣнно надобно держать между нами; иначе онъ уйдетъ отъ насъ". Императоръ Александръ, выведенный изъ терпѣнія двуличіемъ своихъ союзниковъ, не скрывалъ намѣренія, судя по тому отзыву, котораго ожидалъ изъ Константинополя, отправить туда свое посольство, либо объявить войну Портѣ ([18]).

Въ началѣ 1824 года, появился мемуаръ русскаго правительства, объ умиротвореніи Греціи, сообщенный Союзнымъ дворамъ, для объясненія видовъ нашего Государя по Восточному вопросу. Въ этомъ документѣ, вопросъ о будущей судьбѣ Грековъ опредѣлительно былъ поставленъ въ числѣ условій, необходимыхъ къ возстановленію политическихъ сношеній между Россіею и Портою. „Можетъ-ли Россія — сказано было въ мемуарѣ — оставаться равнодушною, когда разстроены ея связи съ Востокомъ, поражена бездѣйствіемъ ея торговля и нарушены ея важнѣйшіе интересы? Конечно, другія державы не имѣютъ

причины руководствоваться столь положительными видами; но согласно-ли съ ихъ политикою и великодушіемъ допускать бѣдствія удручающіе и Грецію, и Турцію?....“ Очевидно, что Турки никогда не согласятся признать политическую независимость Греціи, и что, съ другой стороны, Греки никогда не покорятся Портѣ. Чтобы прекратить безполезное пролитіе крови на Востокѣ, необходимо избрать средину между двумя крайностями, именно:

„Образовать на материкѣ Греціи три княжества, подобныхъ Дунайскимъ: первое, изъ Ѳессаліи, Беотіи и Аттики, (или изъ восточной Греціи); второе, изъ Эпира и Акарнаніи (западной Греціи), и третье, изъ Мореи (южной Греціи), къ которому можно было-бы присоединить и Кандію; что-же касается до острововъ Архипелага, то ихъ слѣдовало подчинить муниципальному устройству, издавна тамъ существующему. Порта сохранила-бы господство надъ всѣми этими странами, не вмѣшиваясь въ ихъ управленіе, получала-бы ежегодную дань соразмѣрную средствамъ каждой, и вообще находилась-бы съ ними въ отношеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, кои существуютъ у ней съ Валахіей и Молдавіей (19). Вмѣстѣ съ этимъ меморандумомъ, Россія пригласила своихъ союзниковъ прислать отъ себя уполномоченныхъ въ Петербургъ, для обсужденія предложеннаго ею проекта, въ общей конференціи. Причина такого смѣлаго шага очевидна: со времени вступленія Каннинга въ должность министра иностранныхъ дѣлъ, вліяніе Англіи въ Греціи возрасло въ ущербъ тому, на которое имѣла право Россія, какъ по своему географическому положенію, такъ и по единовѣрію съ Греками. Императоръ Александръ былъ увѣренъ, что Порта не согласится на исполненіе русскаго проекта; нельзя было сомнѣваться также и въ томъ, что, въ случаѣ

неодобренія европейскими державами этого проекта, война сдѣлается неизбѣжною. Такого послѣдствія старались избѣгнуть — и Каннингъ, и Меттернихъ: первый не хотѣлъ, чтобы Россія явилась съ полномочіемъ Священнаго Союза для водворенія спокойствія на Востокѣ, подобно тому, какъ дѣйствовали Австрія въ Итали и Франція въ Испаніи; а Меттернихъ также не хотѣлъ войны, противной основаніямъ принятымъ въ Лайбахѣ и Веронѣ, и полагалъ, что надлежало обратить оружіе не противъ Турціи, а противъ мятежныхъ ея подданныхъ. Но Союзныя державы не могли рѣшительно отказаться отъ предложенныхъ имъ совѣщаній въ Петербургѣ, не подавъ повода къ неотлагательной войнѣ. И по тому австрійскій канцлеръ согласился на открытіе конференцій, надѣясь, что ловкость австрійскаго посланника въ Петербургѣ, графа Лебцельтерна, дастъ возможность выиграть время достаточное для подавленія возстанія въ Греціи. Тогда-же преемникъ лорда Странгфорда, Стратфордъ Каннингъ, отправляясь въ Константинополь, посѣтилъ Петербургъ, чтобы ознакомиться на мѣстѣ съ духомъ переговоровъ, но объявилъ, что ему не дано полномочія для присутствія въ конференціяхъ, и даже не скрылъ что англійское правительство намѣрено совершенно устраниться отъ всякаго въ нихъ участія, не предвидя пользы къ водворенію спокойствія на Востокѣ отъ вооруженнаго вмѣшательства въ эту минуту, когда обѣ воюющія стороны находились въ сильномъ раздраженіи. Настоящій смыслъ такого отзыва заключался въ томъ, что англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ былъ убѣжденъ, что Греки одержатъ верхъ надъ Турками, и хотѣлъ дать инсургентамъ нужное къ тому время. Оба они, и Меттернихъ, и Каннингъ, желали устранить Россію отъ

вмѣшательства въ дѣла Востока, но виды ихъ были совершенно различны: первый дѣйствовалъ во имя законности (légitimité), а второй — во имя свободы народовъ и права ихъ учреждать у себя такой образъ правленія, какой найдутъ наиболѣе удобнымъ. Императоръ Александръ могъ-бы воспользоваться разногласіемъ европейскихъ державъ и разрубить мечемъ Гордіевъ узелъ Восточнаго вопроса. Ему надлежало проявить хотя отчасти рѣшимость и непреклонность, столь блистательно выказанныя имъ въ Отечественную войну, но онъ предпочелъ продолжать дѣло дипломатическимъ путемъ, въ надеждѣ имѣть непосредственное вліяніе на совѣщанія веденныя въ его столицѣ ([20]).

Эти совѣщанія открылись представленіемъ новаго русскаго мемуара, въ коемъ предложено было начать вмѣшательство европейскихъ державъ по Восточному вопросу требованіемъ перемирія, съ угрозою, въ случаѣ несогласія на то Порты, отзыва всѣхъ посланниковъ изъ Константинополя. Но уполномоченные Союзныхъ дворовъ считали себя не въ правѣ поддерживать предложеніе нашего правительства, и тщательно избѣгая всего, что̀ могло повести къ разрыву съ Портою, предложили обратиться къ ней, отъ лица всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ совѣщаніяхъ, съ запросомъ: не находитъ-ли она возможнымъ, по собственному побужденію, обратиться къ общему посредничеству и прекратить на время военныя дѣйствія? Россія, потерявъ надежду на поддержаніе своихъ требованій, принуждена была одобрить протоколъ, составленный ея союзниками. Когда-же этотъ документъ былъ препровожденъ въ Вѣну, то тамошніе резиденты Союзныхъ дворовъ, вмѣсто того, чтобы обратиться къ Портѣ съ общею нотою, отнеслись къ ней каждый особо, и Меттернихъ, съ обычною ему

осторожностью, предложилъ замѣнить во всѣхъ нотахъ, выраженіе „посредничество" другимъ болѣе мягкимъ: „добрыя услуги" (bons offices). Отвѣтъ рейсъ-эфенди на эти ноты заключалъ въ себѣ объявленіе: „что Порта недопуститъ никакого посторонняго вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла, что она не нуждается ни въ чьихъ „услугахъ" и не можетъ обѣщать никакого измѣненія въ своихъ учрежденіяхъ" ([21]). Но еще прежде полученія этого отзыва, Императоръ Александръ обратился къ Союзнымъ державамъ съ запросомъ — какимъ образомъ онѣ предполагали дѣйствовать въ случаѣ отказа Порты на ихъ предложеніе, и тогда-же прекративъ петербургскія совѣщанія, повелѣлъ графу Нессельроду объявить, въ циркулярѣ, разосланномъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, что отнынѣ Россія намѣрена дѣйствовать, соображаясь только съ своими правами и выгодами ([22]). Не только Минчіаки въ Константинополѣ не скрывалъ ни отъ кого, что Священному Союзу былъ нанесенъ рѣшительный ударъ въ дѣлѣ Восточнаго вопроса, но русскіе резиденты получили приказаніе извѣщать свой кабинетъ о замѣчаемыхъ ими признакахъ какого-либо недоброжелательнаго намъ соглашенія между державами и о средствахъ обезпечить достоинство, интересы и права Россіи безъ ущерба для спокойствія Европы. Изъ донесенія русскаго посла въ Лондонѣ, князя Ливена, видно было, что Англія не принадлежала къ подобному союзу, и какъ безъ нее никакой союзъ не могъ быть намъ опасенъ, то надлежало—по его мнѣнію —нанести рѣшительный ударъ для поддержанія правъ и выгодъ Россіи. Русскій посланникъ въ Парижѣ, Поццо ди-Борго, ненавидѣвшій Меттерниха, выразился еще опредѣлительнѣе: не обращая вниманія на необходимость сохраненія мира въ Европѣ, онъ старался доказать, что въ чрезвычай-

ныхъ случаяхъ слѣдовало прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, которыя, судя по современному положенію европейскихъ державъ, не могли побудить ихъ къ явному сопротивленію видамъ Россіи. По словамъ его: „на петербургскихъ конференціяхъ было рѣшено приступить къ общему вмѣшательству державъ, которое отринуто диваномъ; за тѣмъ, Императоръ Александръ предложилъ принять въ отношеніи Порты понудительныя мѣры, но не успѣлъ склонить къ тому своихъ союзниковъ. Въ такомъ положеніи, оставалось ему одному привести въ исполненіе проектъ вмѣшательства, одобренный всѣми державами, и занять Княжества, не отказываясь дѣйствовать впослѣдствіи по общему соглашенію. Ежели Союзники, преимущественно-же Меттернихъ, отъ котораго наиболѣе зависѣло дѣло, хотѣли мира, то такая энергическая мѣра послужила-бы къ его достиженію; въ противномъ случаѣ—надлежало угрозою войны устрашить Австрію ([23]).

Императоръ Александръ не рѣшился вести войну, и тѣмъ паче, что Порта удовлетворила всѣ требованія нашего правительства, кромѣ умиротворенія Греціи, но старался превозмочь упорство Турокъ, давъ новое направленіе своей политикѣ. Доселѣ наше правительство, строго соблюдая начала Священнаго Союза, отказывалось отъ всякаго содѣйствія Грекамъ, которые, будучи предоставлены своимъ сильнымъ врагамъ, наконецъ обратились къ покровительству Англіи. Уступая общественному мнѣнію, Каннингъ готовъ былъ вручить своимъ соотечественникамъ мечъ на защиту Греціи, но предвидѣлъ, что вмѣшательство Англіи вызоветъ противъ нее такое-же недоброжелательство великихъ державъ, какое возбудила противъ себя Россія, и по тому искалъ надежныхъ союзниковъ. Изъ всѣхъ континенталь-

ныхъ державъ, наиболѣе пользы для задуманнаго имъ дѣла могли принести Австрія и Россія. Но политическіе принципы Австріи и многократно испытанное коварство Меттерниха отстраняли Каннинга отъ тѣснаго союза съ вѣнскимъ кабинетомъ. „Очевидно — писалъ онъ, въ октябрѣ 1825 года, лорду Ливерпулю—что Меттерниху нельзя ни въ чемъ довѣриться, и что мы не можемъ дѣйствовать съ нимъ за одно, не подвергаясь навѣрно измѣнѣ. Онъ проведетъ насъ, не только по всегдашней привычкѣ къ обману, но и для того, чтобы удовлетворить свое самолюбіе. Лордъ Каннингъ не имѣлъ довѣрія и къ шаткой политикѣ Франціи. Императоръ Александръ, также не разъ убѣдясь въ двуличіи Меттерниха, отдалялся отъ Австріи съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; когда Меттернихъ, узнавъ, что Греки ходатайствовали о покровительствѣ Англіи, предложилъ нашему Государю новый проектъ успокоенія Греціи, Императоръ Александръ, тогда находившійся въ Таганрогѣ, послалъ предписаніе Татищеву, въ Вѣну, не вступать ни въ какіе переговоры по Восточному вопросу. Въ такихъ обстоятельствахъ, не трудно было сближеніе между с.-петербургскимъ и лондонскимъ кабинетами, не смотря на различіе ихъ видовъ по греческому вопросу: Каннингъ уже и тогда считалъ необходимымъ признать политическую независимость Греціи, а нашъ Государь, на основаніи принятой имъ системы, не желая потворствовать революціонному духу, ограничивался желаніемъ даровать Грекамъ такое-же управленіе, какимъ пользовались Сербы подъ турецкимъ владычествомъ. Тѣмъ не менѣе однакоже англійскій министръ принялъ съ удовольствіемъ изъявленіе желанія, выраженное, отъ имени Императора Александра, княземъ Ливеномъ: „чтобы Каннингъ взялъ на себя рѣшеніе греческаго

вопроса, ибо Англія была единственная держава, могшая достигнуть того удовлетворительнымъ образомъ. Но Каннингъ, остерегаясь связать себя какими-либо условіями съ русскимъ правительствомъ, хотя изъявилъ Ливену признательность за довѣріе оказанное имъ лондонскому кабинету, однакоже предполагалъ приступить къ дѣлу не прежде, какъ „тогда, когда Австрія и Франція поручатъ Англіи дѣйствовать сперва на Россію, а потомъ на воюющія стороны". Осторожность англійскаго министра увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: по его словамъ: „члены Священнаго Союза (de l'auguste Sainte-Alliance), одинъ за другимъ, объявили ему, что одна лишь Англія могла вывести ихъ изъ затрудненія" (24).

Самъ Меттернихъ, потерявъ надежду провести Каннинга, сознался, что „развязку греческаго вопроса должно искать не въ Константинополѣ и не въ Петербургѣ, а въ Лондонѣ, подобно тому какъ вся сила греческаго возстанія находится въ Навпліи и на островахъ, коими Турки не могутъ овладѣть, пока Англичане будутъ помогать Грекамъ" (25).

Такимъ образомъ Англія, отстранивъ наше правительство отъ поданія помощи Грекамъ, заняла мѣсто, принадлежащее Россіи по единовѣрію съ угнетеннымъ народомъ, и отдалила на многіе годы, быть можетъ навсегда, изгнаніе изъ Европы невѣжественныхъ враговъ имени христова. Отказавшись отъ дѣйствій въ пользу Греціи, Императоръ Александръ принесъ невознаградимую жертву Священному Союзу и потерялъ плоды всѣхъ подвиговъ совершенныхъ имъ на освобожденіе Европы.

ГЛАВА LXX.

Распоряженія по административной и законодательной частямъ. Замѣчательныя зданія и памятники. Общественная и частная блатотворительность.

(1818—1825 г.)

Послѣдніе годы царствованія Александра I ознаменовались въ нашей администраціи весьма важными распоряженіями въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ. въ губерніяхъ возвращенныхъ отъ Польши и въ Лифляндіи. Бѣдственное положеніе первыхъ, послѣ неурожая 1817 года, сдѣлалось невыносимымъ отъ притѣсненій нѣкоторыхъ владѣльцевъ, которые удерживали своихъ людей на господскихъ работахъ большее противъ инвентарей число дней, подъ предлогомъ неисполненія требуемыхъ уроковъ; запрещали молоть хлѣбъ на собственныхъ жерновахъ—„чтобы они платили арендаторамъ положенную за помолъ плату", а равно не дозволяли—ни продавать на сторону собственные продукты, ни покупать соль гдѣ-либо, кромѣ господской экономіи, или у арендаторовъ. Для пресѣченія такихъ злоупотребленій, правительство приняло слѣдующія мѣры: 1) возложило на помѣщиковъ и арендаторовъ снабженіе крестьянъ хлѣбомъ на продовольствіе и сѣменами для посѣва, если въ томъ окажется нужда; 2) въ случаѣ

неимѣнія крестьянами рабочаго скота, производить обработку полей ихъ всѣми вообще людьми, на счетъ времени положеннаго для господской работы; 3) пока крестьяне не обезпечены въ продовольствіи, запрещено вывозить изъ имѣнія хлѣбъ и производить винокуреніе; 4) если-же и за тѣмъ замѣчена будетъ безпечность со стороны помѣщиковъ въ продовольствіи крестьянъ, то такія имѣнія велѣно брать въ опеку. Далѣе — предписано: господскія работы исполнять только въ дни, опредѣленные инвентарями; не обременять крестьянъ урочными работами; не дѣлать имъ жестокихъ наказаній; не принуждать ихъ къ работамъ въ праздничные дни; не стѣснять въ продажѣ собственныхъ продуктовъ и въ покупкѣ соли у вольныхъ продавцовъ; не позволять евреямъ, арендующимъ корчмы, давать крестьянамъ въ ростъ деньги, либо въ долгъ вино, забирая у нихъ за это скотъ, или что̀ другое необходимое крестьянину (1).

Еще въ 1811 году, эстляндское дворянство изъявило желаніе отречься отъ крѣпостнаго наслѣдственнаго права на своихъ крестьянъ, предоставляя себѣ только право собственности на одну землю; подобная-же готовность даровать личную свободу своимъ крестьянамъ была выражена дворянами Курляндіи и Лифляндіи. Для приведенія въ исполненіе такого намѣренія, совершенно согласнаго съ видами Государя, учреждены были особыя коммисіи, коимъ поручено составленіе проектовъ Положеній: для эстляндскихъ крестьянъ, подъ предсѣдательствомъ тамошняго военнаго губернатора, наслѣднаго принца Августа Ольденбургскаго; а для курляндскихъ и лифляндскихъ — обѣ, подъ предсѣдательствомъ рижскаго военнаго губернатора, маркиза Паулуччи. Проекты Положеній удостоились Высочайшаго утвержденія:

для Эстляндіи въ 1816-мъ, для Курляндіи въ 1817-мъ и для Лифляндіи въ 1819 году (2).

Къ сожалѣнію, готовность, изъявленная остзейскимъ дворянствомъ—„отказаться на вѣчныя времена отъ крѣпостныхъ правъ, предоставя себѣ полное право собственности на землю и неограниченное право ею пользоваться“ — (Полож. о лифляндскихъ крестьянахъ глава I, ст. I) подала поводъ къ возможности воспользоваться новымъ „Положеніемъ не для улучшенія судьбы крестьянъ, а для возмѣщенія съ избыткомъ уступокъ сдѣланныхъ землевладѣльцами въ 1804-мъ и 1805 годахъ. И дѣйствительно — остзейскій помѣщикъ, имѣя полное и неограниченное право на землю состоявшую въ его владѣніи, получилъ возможность требовать отъ крестьянина повинности по собственному произволу, и хотя эти повинности были опредѣлены такъ называемыми вакенбухами (Wackenbüchern), однакоже ничто не мѣшало владѣльцамъ имѣній вымогать болѣе должнаго, угрожая хозяевамъ отнятіемъ состоявшихъ въ ихъ пользованіи участковъ. Правда, всѣ отпущенные на волю люди, именно: хозяева (Wirthe), батраки (Knechte), бобыли (Lostreiber) и дворовые (Hofsleute), имѣли право отказаться отъ своего крестьянскаго двора, или работъ, и въ другомъ мѣстѣ дѣлать договоры на аренды и работы; но это право было ограничено постановленіемъ, чтобы они оставались въ первые три года въ округѣ того-же прихода, въ послѣдующіе три—въ округѣ того-же правительственнаго участка (Ordnungsgericht), а потомъ— въ предѣлахъ губерніи. (Полож. о лифляндскихъ крестьянахъ глава II, ст. XIII). Очевидно, что остзейскіе крестьяне, и послѣ мнимаго освобожденія, остались въ совершенной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ (3). Иностранные писатели справедливо

славили великодушные виды Императора Александра, но въ дѣйствительности помѣщичьи крестьяне остзейскихъ губерній, по прежнему, остались рабами ([4]).

Въ числѣ общихъ мѣръ, клонившихся къ улучшенію состоянія крѣпостныхъ людей, упомянемъ о предписаніи губернскимъ начальствамъ наблюдать строжайше чрезъ полицію за исполненіемъ Монаршей воли—о неупотребленіи крестьянъ къ господскимъ работамъ въ воскресные дни, а также въ двунадесятые и храмовые праздники, 29 іюня въ день Св. Апост. Петра и Павла, 9 мая и 6 декабря въ дни Святителя и Чудотв. Николая ([5]).

По вопросу, возникшему въ общемъ собраніи санктпетербургскихъ департаментовъ сената, слѣдуетъ-ли взыскивать деньги за гербовую бумагу по дѣламъ людей отыскивающихъ свободу, но приговоренныхъ въ помѣщичье владѣніе, постановлено: принимая во вниманіе, что такіе люди, большею частью неимущіе, не могли-бы внести денегъ за бумагу и пошлины по дѣламъ ихъ о искѣ недоказанной свободы, и что по такимъ дѣламъ вносятъ апелляціи и ходатайствуютъ для пользы казенной губернскіе прокуроры и стряпчіе, то, когда ихъ настоянія и доказательства высшимъ судомъ, или сенатомъ, будутъ уничтожены, отъ взысканія въ казну пошлинныхъ, апелляціонныхъ и за гербовую бумагу, вмѣсто которой употреблена простая, ихъ освободить ([6]). Императоръ Александръ, желая также, по уголовнымъ дѣламъ, въ коихъ крѣпостные люди участвовали въ преступленіяхъ господъ своихъ, отвратить какъ могущую произойти несоразмѣрность въ наказаніяхъ съ преступленіями простолюдиновъ, такъ и открывавшуюся иногда несправедливость наказанія невинныхъ, повелѣлъ Коммисіи составленія законовъ: „составить законоположеніе, по коему крѣ-

постные люди, содѣлавшіе преступленіе по приказанію господъ своихъ, не подвергались-бы наказанію по рѣшеніямъ уголовныхъ палатъ, утвержденнымъ начальниками губерній, но чтобъ ожидаемо было Высочайшее разрѣшеніе и объ нихъ, вмѣстѣ съ тѣми виновными, принудившими ихъ учинить преступленія, о коихъ приговоръ по закону представляется на ревизію Правительствующаго Сената (7).

Увольненіе помѣщичьихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, на основаніи Высочайшаго указа 20 февраля 1803 года, вообще шло довольно медленно, такимъ образомъ, что, въ продолженіи 22-хъ лѣтъ, по 1-е генваря 1825 года, было уволено всего на все до 50,000 душъ. (Въ дѣйствительности, по документамъ, 48,317 душъ, но въ числѣ ихъ показаны нѣкоторые крестьяне, *уволенные съ семействами*, безъ означенія душъ въ сихъ семействахъ) (8).

Въ 1823 году, по Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, послѣдовалъ указъ о запрещеніи казеннымъ крестьянамъ изъ большихъ семей дѣлиться на малыя, безъ разрѣшенія казенной палаты, которая должна была дозволять раздѣлъ, наблюдая, чтобы въ каждомъ дворѣ было неменѣе трехъ работниковъ, отъ 15-ти до 60-ти лѣтъ, и чтобы то семейство еще прежде раздѣла исполнило рекрутскую повинность (9).

По законодательной части, въ разрѣшеніе просьбы бывшаго архимандрита Іоасафа Лебединскаго, о снятіи съ него священно-монашескаго сана и опредѣленіи его, по прежнему, въ статскую службу, съ возвращеніемъ заслуженнаго имъ чина, государственный совѣтъ утвердилъ заключеніе сената: объ отказѣ Лебединскому въ чинѣ, съ тѣмъ, „чтобы на будущее время постановлено было правиломъ: слагаю-

щему съ себя монашеское званіе и обращаемому въ первобытное состояніе гражданское, не возвращать того, отъ чего онъ при постриженіи своемъ единожды и навсегда предъ церковью отрекся, какъ-то: имѣнія, чиновъ и знаковъ отличія, а предоставить пользоваться тѣми только правами, кои принадлежали ему по рожденію" ([10]).

Въ 1818 году, на основаніи Высочайше утвержденнаго Положенія комитета министровъ, послѣдовалъ сенатскій указъ о неприведеніи въ исполненіе приговоровъ, по коимъ присуждено будетъ къ наказанію болѣе девяти человѣкъ, безъ представленія въ сенатъ и Высочайшаго соизволенія ([11]).

Въ томъ же году, войсковая канцелярія войска Донскаго приговорила казака Нехаева, за кражу изъ церкви 14-ти копѣекъ, какъ святотатца, къ наказанію кнутомъ 30-ю ударами, съ вырѣзаніемъ ноздрей и съ постановленіемъ указныхъ знаковъ, и къ ссылкѣ въ каторжную работу. Прокуроръ войсковой канцеляріи, находя ея рѣшеніе основаннымъ на законахъ, но сомнительнымъ, а подсудимаго заслуживающимъ снисхожденіе, довелъ, чрезъ предсѣдателя канцеляріи, генералъ-маіора Родіонова, до свѣдѣнія министра юстиціи о всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла, именно, что казакъ Нехаевъ, отъ рода 47-ми лѣтъ, въ продолженіи службы велъ себя похвально, отличался въ сраженіяхъ храбростью, женатъ, весьма бѣденъ, и показалъ при допросѣ, что „взялъ означенныя деньги по крайней бѣдности, для заплаты кузнецу, несчитая этого поступка кражею, а еще менѣе святотатствомъ, и не зналъ сколь тяжкое за то положено наказаніе, ибо ему никогда не было читано воинскихъ артикуловъ". Министръ юстиціи, признавъ заключеніе прокурора основательнымъ, представилъ комитету министровъ свое мнѣніе, что:

„достаточно было вмѣнить Нехаеву въ наказаніе долговременное тюремное заключеніе, и за тѣмъ оставить его свободнымъ“. Комитетъ министровъ полагалъ утвердить это мнѣніе, на что̀ послѣдовало Высочайшее соизволеніе ([12]).

При разсмотрѣніи-же въ общемъ собраніи дѣла объ однодворцѣ малаканской секты Гранкинѣ, сужденномъ за поношеніе святыхъ иконъ, голоса раздѣлились: большинство членовъ полагало сослать его безъ наказанія въ таврическую губернію, на Молочныя воды, гдѣ находятся поселенцы одной съ нимъ секты; а четыре члена изъявили мнѣніе, согласно съ приговоромъ сената, наказать Гранкина плетьми 20-ю ударами и сослать на Молочныя воды. Государь повелѣлъ: исполнить мнѣніе, четырьмя членами изъявленное ([13]).

Для уничтоженія возникшей въ разныхъ мѣстахъ, особенно-же въ воронежской губерніи, секты, принявшей нѣкоторые обряды еврейской вѣры и именуемой Суботниками, повелѣно: 1) всѣмъ, перешедшимъ отъ христіанской вѣры въ жидовство, сдѣлать увѣщаніе чрезъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ тамошняго духовенства, и тѣхъ, которые снова обратятся въ христіанство, присоединить къ православію; 2) наставниковъ жидовской секты обращать въ военную службу — строевую и нестроевую, и отсылать въ Грузію, гдѣ они, не зная туземнаго языка, не могутъ распространять своего лжеученія; по опредѣленіи-же ихъ тамъ на службу, не увольнять въ отставку и не давать временныхъ отпусковъ въ ихъ домы, что̀ не только прекратитъ ихъ пагубное вліяніе, но поселитъ въ ихъ послѣдователяхъ страхъ упорствовать въ своемъ отступничествѣ ([19]).

По случаю нѣсколькихъ безименныхъ доносовъ, изъ курской губерніи, оказавшихся неоснователь-

ными, повелѣно было повсемѣстно подтвердить, что, на основаніи существующихъ о такихъ доносахъ узаконеній, никакого дѣйствія впредь по безъименнымъ доносамъ производимо не будетъ. За тѣмъ, когда, по ревизіи сенатора Мясоѣдова, тульской, орловской и курской губерній, было отдано подъ судъ болѣе тысячи чиновниковъ, большею частью, по доносамъ сдѣланнымъ подъ присягою, одинъ изъ членовъ общаго собранія государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ представилъ записку, въ коей объяснялъ, что не слѣдовало основывать рѣшеніе дѣла и участь чиновника единственно на взятой отъ доносителя присягѣ. Въ подтвержденіе такого мнѣнія, было приведено, что присяга по закону должна предшествовать показанію; доносъ-же дѣлается до присяги, которая послѣ доноса уже невмѣстна, и по тому допускать ее не должно, какъ по сей невмѣстности, такъ и по тому, что доноситель есть ни свидѣтель, ни отвѣтчикъ, а по нашимъ законамъ въ судныхъ дѣлахъ только такія лица допускаются къ присягѣ. А по тому, на будущее время, онъ считалъ необходимымъ запретить присягу доносителей. По прочтеніи записки князя Куракина въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, большинство членовъ согласились съ его мнѣніемъ. Императоръ Александръ соизволилъ утвердить его ([15]).

По разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ сенатскаго доклада, о томъ: какую мѣру наказанія опредѣлять уличеннымъ въ преступленіи нѣжинскимъ Грекамъ, послѣдовало мнѣніе, что: „они, по состоявшимся о нихъ Высочайшимъ граматамъ и указамъ, имѣютъ право производить заграничный торгъ на равнѣ съ первостатейными купцами, а по тому ихъ подвергать тѣлесному наказанію не слѣдуетъ“ ([16]).

Императоръ Александръ, во время путешествій своихъ по внутреннимъ губерніямъ Россіи, замѣтивъ, что исправленіе дорогъ въ самую пору полевыхъ сельскихъ работъ было весьма обременительно для крестьянъ, повелѣлъ вразумить губернскія начальства, чтобы они, при исполненіи Высочайшаго указа 13-го декабря 1817 года, о содержаніи дорогъ въ исправности, распоряжались такъ, чтобы оно не обращалось къ разоренію жителей, а садка деревьевъ по сторонамъ дорогъ раздѣлена была-бы на нѣсколько лѣтъ и производилась-бы только весною или осенью, да и вообще всѣ наряды обывателей для приведенія дорогъ къ желаемому совершенству дѣлались-бы въ свободное отъ сельскихъ работъ время и въ количествѣ сообразномъ съ существенною надобностью ([17]).

Обезпеченіе народнаго продовольствія, весьма затруднительное въ Россіи, по неудовлетворительному состоянію сообщеній и по чрезвычайному колебанію цѣнъ на хлѣбъ, постоянно было первостепеннымъ предметомъ заботливости правительства. Въ 1822 г. Высочайше повелѣно учредить въ каждой губерніи *коммисію продовольствія*, для снабженія жителей въ неурожайные годы хлѣбомъ и денежныхъ пособіемъ. Съ этою цѣлью, въ распоряженіи коммисій состояли хлѣбные запасы, или денежныя суммы; когда-же собственные запасы губерніи оказывались недостаточными, коммисія должна была обращаться къ пособію отъ правительства. Коммисію, подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора, составляли: губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, управляющій удѣльною конторою, губернскій прокуроръ, два уѣздные предводителя и одинъ непремѣнный членъ по выбору отъ дворянства. Полное количество хлѣбныхъ запасовъ полагалось по двѣ четверти на ревизскую душу; въ тѣхъ-же губерніяхъ.

гдѣ, вмѣсто магазиновъ, учреждались денежные капиталы, полное количество ихъ долженствовало составить сумму на покупку хлѣба, по среднимъ цѣнамъ, считая по одной четверти на каждую ревизскую душу. Для составленія запасныхъ магазиновъ, полагалось сбирать ежегодно съ каждой души по четыре гарнца хлѣба, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ, вмѣсто магазиновъ, учредятся капиталы, по 25-ти копѣекъ, пока будетъ собрано все помянутое количество. На суммы, выдаваемыя въ пособіе крестьянамъ, либо на покупку для нихъ хлѣба, взимать по 6% въ годъ и присоединять ихъ къ капиталу. Въ случаѣ-же недостатка губернскихъ запасовъ или капиталовъ, Коммисія должна была испрашивать ссуды отъ правительства ([18]).

Въ началѣ 1824 года, мѣстное начальство бѣлорусскихъ губерній, по Высочайшему повелѣнію, занимаясь изысканіемъ средствъ къ улучшенію состоянія туземныхъ жителей, представило, по этому предмету, министру внутреннихъ дѣлъ разныя соображенія, въ числѣ коихъ предполагалось, чтобы „для исправленія физическихъ силъ бѣлорусскихъ крестьянъ, строго воспретить имъ питаться пушнымъ хлѣбомъ *), а особливо съ соломою, сдѣлавъ воспрещеніе сіе извѣстнымъ чрезъ опубликованіе въ церквахъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ генералъ-губернатору, князю Хованскому, что „если въ бѣлорусскихъ губерніяхъ и вошло въ обыкновеніе питаться пушнымъ хлѣбомъ, то такое обыкновеніе, натурѣ человѣческой противное, не могло имѣть инаго источника, какъ всегдашній недостаточный урожай—слѣдовательно того требовала самая необходимость, и

*) *Пушнымъ* хлѣбомъ называется хлѣбъ выпеченный изъ муки съ примѣсью мякины, истертой соломы, и даже иногда древесной коры.

что еслибы нашлась возможность сдѣлать урожай болѣе обильнымъ и состояніе крестьянъ вообще избыточнѣйшимъ, то это обыкновеніе, съ минованіемъ надобности, само собою прекратилось-бы, и крестьяне съ охотою обратились-бы къ лучшей и питательнѣйшей пищѣ; въ противномъ-же сему положеніи, никакія строгія запрещенія не могутъ имѣть дѣйствія". Въ отвѣтъ на отзывъ министра, была представлена другая записка, въ коей генералъ-губернаторъ объяснялъ, что: „первоначальною причиною обыкновенія крестьянъ питаться хлѣбомъ съ мякиною, безъ сомнѣнія, былъ недостатокъ продовольствія, но въ послѣдствіи времени это обыкновеніе обратилось въ привычку, которая и по минованіи недостатка осталась въ своей силѣ. Изъ собранныхъ на мѣстѣ достовѣрныхъ свѣдѣній извѣстно, что многіе крестьяне, имѣя достаточный на свое продовольствіе запасъ хлѣба, ѣдятъ его съ мякиною. Въ минувшіе неурожайные годы, конечно, бѣлорусскіе крестьяне терпѣли крайній недостатокъ въ продовольствіи, но были и благополучные годы, въ которые Бѣлоруссія отпускала значительное количество хлѣба къ рижскому порту, однакоже и тогда тамошніе крестьяне продолжали питаться хлѣбомъ съ мякиною *); слѣдовательно—это происходитъ не отъ крайности, а отъ привычки. Другимъ доказательствомъ сему служитъ значительное въ Бѣлоруссіи винокуреніе, которое, въ случаѣ недостатка хлѣба для народнаго продовольствія, не должно быть допускаемо, хотя и есть такіе помѣщики, которые, по нерадѣнію о благосостояніи своихъ крестьянъ, стараются поддерживать привычку ихъ питаться хлѣбомъ съ мякиною, дабы

*) Нельзя оставить безъ замѣчанія, что отпускъ хлѣба къ рижскому порту *изъ помѣщичьихъ имѣній* нисколько не могъ служить доказательствомъ избытка продовольствія у крестьянъ.

обращать болѣе хлѣба на винокуреніе—главный источникъ ихъ доходовъ. Одинъ изъ достаточнѣйшихъ бѣлорусскихъ помѣщиковъ увѣрялъ даже, что для тамошнихъ крестьянъ, привыкшихъ ѣсть хлѣбъ съ мякиною, употребленіе чистаго было-бы вредно; но правительству надлежитъ отвращать и предразсудки, и злоупотребленія, общественный вредъ наносящія".

Министръ внутреннихъ дѣлъ, представляя въ Комитетъ министровъ предположенія бѣлорусскаго генералъ-губернатора, изъявилъ свои прежнія мысли о безполезности запрещенія употреблять пушной хлѣбъ.

„Извѣстно—писалъ онъ—что всякое правило, вопреки привычекъ и укоренившихся обыкновеній, можетъ быть дѣйствительно только при неослабномъ надзорѣ. Но какой надзоръ употребить можно противъ употребленія того или другаго рода хлѣба? Потому я считаю, что въ семъ случаѣ ограничиться должно одними внушеніями, кои и могутъ предоставлены быть благоусмотрѣнію Г. генералъ-губернатора" ([19]).

Императоръ Александръ, узнавъ, что, во время его путешествій по внутреннимъ областямъ Имперіи, полицейскія начальства запрещали подавать прошенія лично Его Величеству, повелѣлъ объявить, что такое дѣйствіе полицій, удаляющее отъ его свѣдѣнія нужды жителей обозрѣваемыхъ имъ частей государства, никогда не могло быть согласно съ его желаніемъ, и строго предписать, чтобы полиціи отнюдь не возбраняли подаванія прошеній Государю въ собственныя руки, но единственно наблюдали, чтобы это дѣлалось съ должною пристойностью ([20]).

Въ отношеніи къ раскольникамъ различныхъ сектъ правительство руководилось духомъ умѣренности и снисхожденія. 15 іюня 1817 года, духоборцы, сослан-

ные на поселеніе, архангельской губерніи въ кольскій уѣздъ, подали министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву прошеніе, въ которомъ изъясняли, что: „находясь прежде на жительствѣ, астраханской губерніи въ ставропольскомъ уѣздѣ, они во всемъ повиновались правительству, но, какъ именуемые духоборцами, за непоклоненіе рукотвореннымъ образамъ, сосланы въ кольскій уѣздъ. Здѣсь—писали они—по непривычкѣ къ морскимъ промысламъ, которыми занимаются туземные жители, при всемъ нашемъ стараніи объ устройствѣ нашего состоянія, мы ведемъ самую кочевую жизнь. А какъ извѣстно намъ, что многіе поселенцы, носящіе съ нами одно названіе духоборцевъ, по волѣ Всеавгустѣйшаго Монарха нашего, поселяются, таврической губерніи въ мелитопольскомъ уѣздѣ, на „Молочныхъ водахъ", то желая соединиться съ ними, покорнѣйше просимъ Ваше Высокопр-во исходатайствовать Моннаршее повелѣніе о переселеніи насъ съ семействами, по приложенному при семъ регистру, въ мелитопольскій уѣздъ, на „Молочныя воды", чѣмъ усугубите нашу любовь и привязанность къ правительству, которую мы всегда имѣли".

На запросъ министра внутреннихъ дѣлъ объ этихъ духоборцахъ, архангельскій губернаторъ Перфильевъ далъ одобрительный отзывъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ, что положеніе ихъ очень трудно, въ мѣстахъ весьма отдаленныхъ, безхлѣбныхъ и скудныхъ, гдѣ и туземцы находятъ себѣ пропитаніе единственно на морѣ, отъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, несвойственныхъ всякому постороннему народу. Какъ, между тѣмъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы впредь духоборцевъ въ селенія мелитопольскія не прибавлять, то министръ внутреннихъ дѣлъ, желая улучшить положеніе сосланныхъ въ архангельскую губернію, представилъ Комитету министровъ объ от-

водѣ этимъ поселенцамъ пустопорожнихъ земель и о выдачѣ на обзаведеніе каждому семейству отъ двухъ сотъ до трехъ сотъ рублей, на что Комитетъ изъявилъ согласіе. Но мелитопольскіе духоборцы, въ проѣздъ Государя чрезъ ихъ селенія, въ 1818-мъ году, подали ему лично прошеніе о возвращеніи къ нимъ ихъ единовѣрцевъ, сосланныхъ въ 1802 году въ архангельскую губернію. Императоръ, изъявивъ соизволеніе на эту просьбу, приказалъ снабдить ихъ нужною суммою на прогоны и на пропитаніе въ дорогѣ. Во исполненіе сего повелѣнія, отправлено на „Молочныя воды“ 59 духоборцевъ, коихъ переселеніе обошлось казнѣ въ 6.532 рубля ([21]).

Какъ духоборцы, при отдачѣ въ рекруты, отказывались отъ присяги, а нѣкоторые изъ нихъ и отъ военной службы, потому что это противно ихъ убѣжденіямъ, то въ общемъ собраніи государственнаго совѣта двѣнадцать членовъ полагали: „не освобождая духоборцевъ ни отъ какихъ государственныхъ обязанностей, не принуждать ихъ къ совершенію присяги“; а четыре члена выразили мнѣніе: „при поступленіи на службу духоборца, спросить у него, присягаетъ-ли онъ, или даетъ обѣтъ? Ежели онъ не захочетъ дать присяги, не настаивать на томъ, но въ тоже время объявить ему, что если онъ не будетъ исполнять тѣхъ обязанностей, какія исполняютъ другіе, то его накажутъ по законамъ точно такъ, какъ еслибы онъ нарушилъ присягу“. Государь утвердилъ мнѣніе большинства членовъ ([22]).

Въ 1820 году Іезуиты были окончательно изгнаны изъ Россіи. Удаленіе ихъ изъ обѣихъ столицъ, въ 1815 году, не послужило къ ихъ исправленію. Занимаясь преподаваніемъ наукъ въ могилевской коллегіи, они привлекали къ своему вѣроисповѣданію обучавшееся у нихъ православное юношество; когда-же,

для отнятія у нихъ къ тому способа, повелѣно, чтобы въ іезуитскихъ училищахъ обучалось только римско-католическое юношество, Іезуиты въ Витебскѣ стали совращать военно-служащихъ греко-россійской церкви. Въ саратовской губерніи и въ Сибири, они, подъ предлогомъ исправленія требъ, посѣщали такія мѣста, гдѣ нѣтъ ни одного католика, и переманивали простолюдиновъ въ свое исповѣданіе. Хотя нашими государственными узаконеніями запрещено было склонять греко-унитовъ въ римско-католическое исповѣданіе, однакоже Іезуиты не обращали на то вниманія, а въ нѣмецкихъ колоніяхъ обольщали послѣдователей евангелическаго ученія и поселяли въ ихъ семействахъ безпорядки и несогласіе. Недовольствуясь хитростью и лукавствомъ, они иногда прибѣгали къ насилію и похищали еврейскихъ дѣтей для обращенія ихъ въ католическую вѣру. Таковы были поступки іезуитскаго ордена въ благодарность за покровительство имъ оказанное во дни ихъ бѣдствій Россіею.

Еще въ 1815 году, когда іезуиты были удалены изъ Петербурга и Москвы, положено было выслать ихъ за границу, но эта мѣра не приведена въ исполненіе единственно по тому, что надлежало прежде найти священниковъ, знающихъ иностранные языки, для замѣщенія ими іезуитовъ въ колоніяхъ и другихъ мѣстахъ. Когда-же изъ собранныхъ свѣдѣній открылось, что въ другихъ орденахъ римско-католическаго исповѣданія есть нужное для колоній число священниковъ, знающихъ иностранные языки, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ докладѣ Государю, представилъ на Высочайшее усмотрѣніе о высылкѣ навсегда іезуитовъ изъ Россіи, упраздненіи полоцкой іезуитской академіи съ подвѣдомственными ей училищами и конфискаціи всего движимаго и недвижимаго іезуитскаго имущества, съ тѣмъ,

чтобы наличныя деньги, отобранныя у Іезуитовъ, были отданы въ Приказы общественнаго призрѣнія, а недвижимыя имѣнія поручены вѣдѣнію казенныхъ палатъ, которыя будутъ управлять этими имѣніями, не причисляя ихъ къ казеннымъ имуществамъ и употребляя получаемые съ нихъ доходы въ пользу римско-католическаго духовенства и богоугодныхъ предметовъ. Тѣмъ-же изъ Іезуитовъ, которые пожелали-бы вступить въ другой орденъ, или въ бѣлое духовенство, разрѣшено было остаться въ Россіи. Докладъ князя Голицына удостоился Высочайшаго утвержденія ([23]).

Въ 1819 году была Высочайше утверждена инструкція сенаторамъ, посылаемымъ для обревизованія губерній. Въ ней заключались правила, чего именно они должны требовать отъ губернскаго правленія и казенной палаты, и правила ревизіи вообще. По изложеніи предметовъ, на которые предписывалось обращать вниманіе сенаторовъ, сказано, что „если въ числѣ уголовныхъ дѣлъ окажутся такія, по коимъ подсудимые изнуряются долговременнымъ содержаніемъ подъ стражею, то поставляется сенаторамъ въ обязанность: въ тоже время сдѣлать распоряженіе къ немедленному тѣхъ дѣлъ окончанію. При семъ случаѣ неоставлять безъ вниманія закрытыхъ и безгласныхъ преступленій, пытокъ и не позволенныхъ истязаній при слѣдствіяхъ и допросахъ, коль скоро о томъ, какимъ-либо образомъ, получать свѣдѣніе“ (Ст. 8-я). Сенаторы свидѣтельствуютъ мѣста заключенія содержащихся подъ стражею, наблюдая: „раздѣляются-ли они по роду преступленій, снабжаются-ли всѣмъ для нихъ опредѣленнымъ и достаточное-ли имѣютъ продовольствіе?“ (Ст. 11-я); собираютъ свѣдѣнія: „на

точномъ-ли основаніи законовъ собираются подати?" (Ст. 12-я): повѣряютъ дѣйствія Приказа общественнаго призрѣнія, дворянскихъ опекъ и сиротскихъ судовъ (Ст. 15 и 16-я); осматриваютъ всѣ вообще части, ввѣренныя управленію министерствъ въ губерніяхъ, какъ-то: горную, лѣсную, по казеннымъ винокуреннымъ и прочимъ заводамъ и фабрикамъ, по солянымъ операціямъ, по оброчнымъ статьямъ, полиціямъ, почтамъ, и проч. (Ст. 17-я). Сенаторы входятъ въ разсмотрѣніе о нуждахъ и недостаткахъ, а также о пользахъ общихъ, и обращаютъ особенное наблюденіе на то: нѣтъ-ли какихъ-либо отъ мѣстныхъ начальствъ народу притѣсненій, жестокостей и т. п., а равно: существуетъ-ли вездѣ должное спокойствіе, безопасность и порядокъ, зависящій отъ городской и земской полицій, и исполняютъ-ли онѣ свои обязанности? (Ст. 18—20-я). Сенаторы осматриваютъ присутственныя мѣста не только въ губернскихъ городахъ, но и въ уѣздныхъ, на пути лежащихъ; въ сторонѣ-же находящіяся ревизуются тогда, когда окажется нужнымъ (Ст. 21-я). Найдя гдѣ-либо лихоимства, злоупотребленія и важные безпорядки въ присутственныхъ мѣстахъ, происходящіе отъ служащихъ въ нихъ чиновниковъ, сенаторы удаляютъ ихъ отъ занимаемыхъ ими должностей и предаютъ суду, представляя о томъ сенату и увѣдомляя министровъ, въ вѣдомствѣ которыхъ состоятъ сіи чиновники, а о губернскихъ прокурорахъ, подвергнутыхъ сужденію, по удаленіи ихъ отъ должностей, относятся къ министру юстиціи, для преданія ихъ суду правительствующаго сената. Если-же сенаторы обнаружатъ противозаконные поступки чиновниковъ, Высочайшею властью на мѣста опредѣленныхъ, о таковыхъ, не удаляя отъ занимаемыхъ ими должностей, представляютъ Государю (Ст. 23-я). По окончаніи осмотра губерніи, сенаторы доносятъ

Его Величеству, о томъ, что̀ найдется достойнымъ Высочайшаго свѣдѣнія, а о прочемъ—сенату: если-же въ продолженіи ревизіи встрѣтится какое-либо дѣло не терпящее отлагательства, то представляютъ донесенія, не ожидая окончанія осмотра всей губерніи (Ст. 27-я). Въ случаѣ, ежели сенаторамъ, ревизующимъ губерніи, встрѣтится слѣдствіе, относящееся не только къ гражданскимъ, но и къ военнымъ чиновникамъ, то, чтобы не остановить дѣла, производить его при истребованномъ съ военной стороны депутатѣ, а потомъ увѣдомить Начальника главнаго штаба Е. И. Величества о всемъ томъ, что̀ касается до военныхъ чиновниковъ (Ст. 28-я) ([24]).

Въ 1822 году было преобразовано управленіе Сибири.

Эта обширная страна, прозванная въ народѣ „золотое дно" и дѣйствительно заключающая въ нѣдрахъ своихъ несмѣтныя богатства, раздѣлялась на три губерніи, съ особыми, кромѣ того, управленіями для Якутскаго края, Камчатки и Охотскаго порта, и состояла, въ завѣдываніи генералъ-губернатора, которымъ, съ 1805-го года, былъ Ив. Борис. Пестель, еще въ началѣ 1808 года выѣхавшій изъ Сибири, и съ тѣхъ поръ одинадцать лѣтъ управлявшій ввѣреннымъ ему краемъ изъ Петербурга. Продолжительное отсутствіе главнаго начальника привело въ совершенное разстройство администрацію страны, съ половины прошедшаго столѣтія оставленной почти безъ всякаго попеченія со стороны верховной власти. Самовластье и произволъ начальниковъ не умѣрялись ни страхомъ отвѣтственности предъ высшимъ правительствомъ, отдаленнымъ за многія тысячи верстъ, ни вліяніемъ общественнаго мнѣнія, котораго въ Сибири тогда не было, да и не могло быть. Лихоимство сдѣлалось зломъ, обычнымъ болѣе нежели гдѣ-либо; а генералъ-

губернаторъ, нисколько не заботясь о томъ, занимался исключительно преслѣдованіемъ двухъ смѣненныхъ имъ губернаторовъ, Хвостова и Корнилова, и управлявшаго тобольскою провіантскою коммисіею, генералъ-маіора Куткина. Продолжительное отсутствіе Пестеля дало возможность сдѣлаться главнымъ распорядителемъ въ Сибири иркутскому губернатору Никол. Иван. Трескину, человѣку съ большимъ умомъ и съ необыкновенною энергіею. Въ началѣ онъ показалъ себя весьма дѣятельнымъ и способнымъ начальникомъ губерніи, распространилъ земледѣліе, пріучивъ къ нему сорокъ тысячъ кочевыхъ Бурятъ, основалъ новыя поселенія, проложилъ новые пути, и въ числѣ ихъ знаменитую Кругобайкальскую дорогу, считавшуюся чудомъ смѣлости по одолѣннымъ трудностямъ; но потомъ, постепенно пренебрегая сперва формами, а въ послѣдствіи людьми и существомъ дѣла, сдѣлался тираномъ и деспотомъ, не уважавшимъ ни законовъ, ни частныхъ правъ, и дѣйствовалъ по собственному произволу, вопреки министерскимъ и сенатскимъ предписаніямъ. Самъ онъ не былъ лихоимцемъ, но допускалъ грабить страну всѣхъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ, и даже жену свою. Въ остальныхъ двухъ губерніяхъ, томской и тобольской, губернаторами были: Даміанъ Васил. Илличевскій и Францъ Абрам. фанъ-Бринъ: первый оставилъ незавидную по себѣ память, въ отношеніи къ чистотѣ своихъ правилъ, а фанъ-Бринъ, семидесяти-лѣтній старецъ, человѣкъ добрый, но безхарактерный, былъ орудіемъ генералъ-губернатора, на сестрѣ котораго былъ женатъ ([25]).

Нѣсколько разъ комитетъ министровъ настаивалъ на необходимости возвратить Пестеля къ своему посту, либо, по крайней мѣрѣ, послать сенаторовъ для ревизіи таможняго управленія. Аракчеевъ долго сто-

ялъ горою за сибирскаго генералъ-губернатора и отклонялъ всѣ представленія комитета: главною причиною тому была связь Пестеля съ Пукаловою, имѣвшею тогда вліяніе на Аракчеева; но въ концѣ 1818 года, когда Пукалова разошлась съ Аракчеевымъ, Пестель лишился его могучаго покровительства. Въ исходѣ ноября, комитетъ министровъ, уже не повторяя настоянія о возвращеніи Пестеля въ Сибирь, (которое, хотябы онъ и признанъ былъ правымъ по производящимся дѣламъ, оказывалось неумѣстно), представлялъ о назначеніи новаго генералъ-губернатора, который долженъ былъ, вступивъ въ должность сколь можно неотлагательно, обозрѣть всѣ части управленія, произвесть по жалобамъ изысканіе и о всемъ найденномъ донести Государю, для преданія виновныхъ суду. Въ отвѣтъ—послѣдовалъ указъ 22 марта 1819 года, о замѣщеніи Пестеля Сперанскимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сперанскій удостоился получить Высочайшій рескриптъ, въ коемъ было сказано:

„Болѣе трехъ лѣтъ протекло съ того времени, какъ, призвавъ васъ къ новому служенію, ввѣрилъ я вамъ управленіе Пензенскою губерніею. Открывъ такимъ образомъ дарованіямъ вашимъ новый путь сдѣлаться полезнымъ отечеству, не преставалъ я помышлять о способѣ, могущемъ изгладить изъ общихъ понятій прискорбныя происшествія, послѣдовавшія съ вами въ 1812 году и столь тягостныя моему сердцу, привыкшему въ васъ видѣть одного изъ приближенныхъ себѣ. Сей способъ, по моему мнѣнію, былъ единственный, то есть служеніемъ вашимъ дать вамъ возможность доказать явно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ. Иначе, призывъ вашъ въ Петербургъ походилъ-бы единственно на послѣдствіе дворскихъ измѣненій и не изгладилъ-бы въ умахъ оставшіяся непріятныя впечатлѣнія.

„Управленіе ваше Пензенскою губерніею и общее довѣріе, кое вы въ оной пріобрѣли, будетъ полезнымъ началомъ предполагаемаго мною способа. Но желаніе мое стремится къ тому, дабы открыть служенію вашему обширнѣйшее поприще и заслугами вашими дать мнѣ явную причину приблизить васъ къ себѣ.

„Нынѣ предстоитъ для исполненія сего наилучшая удобность.

„Съ нѣкотораго времени доходятъ до меня самыя непріятныя извѣстія на счетъ управленія Сибирскаго края. Разныя жалобы присланы ко мнѣ на губернскія начальства и на потворное покровительство, оказываемое онымъ самимъ генералъ-губернаторомъ. Бывъ разсмотрѣны въ комитетѣ министровъ, онѣ показались столь важны, что предложена мнѣ онымъ посылка сенаторовъ для обревизованія Сибирскихъ губерній.

„Имѣвъ уже неоднократный опытъ, сколь мало подобныя ревизіи достигаютъ своей цѣли, кольми паче нельзя ожидать лучшаго успѣха въ столь отдаленномъ и обширномъ краѣ. Посему нашелъ я полезнѣйшимъ, облеча васъ въ званіе генералъ-губернатора, препоручить вамъ сдѣлать осмотръ Сибирскихъ губерній и существовавшаго до сего времени въ оныхъ управленія, въ видѣ начальника и со всѣми правами и властію, присвоенными званію генералъ-губернатора.

„Исправя сею властію все то, что̀ будетъ въ возможности, облича лица, предающіяся злоупотребленіямъ, предавъ кого нужно законному сужденію, важнѣйшее занятіе ваше должно быть: сообразить на мѣстѣ полезнѣйшее устройство и управленіе сего отдаленнаго края, и сдѣлавъ оному начертаніе на бумагѣ, по окончаніи занятій вашихъ, самимъ привезти оное ко мнѣ въ Петербургъ, дабы имѣлъ я способъ

узнать изустно отъ васъ настоящее положеніе сего важнаго края и прочнымъ образомъ установить на предбудущія времена его благосостояніе.

„По моему исчисленію, возлагаемое на васъ препорученіе можетъ продлиться года полтора, или, по большей мѣрѣ, два. Сего времени я полагаю достаточнымъ вникнуть вамъ во всѣ подробности Сибирскихъ дѣлъ и сообразить съ точностію, лучшій порядокъ ко введенію въ сіи отдаленныя губерніи.

„Такимъ образомъ я надѣюсь, что устройство сего генералъ-губернаторства, вами заведенное и которое въ начертаніи вы мнѣ представите по пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ, поставитъ меня въ возможность назначить вамъ преемника, съ увѣренностію о продолженіи благосостоянія Сибири. Вамъ-же предоставляю я себѣ дать тогда другое занятіе, болѣе сходное тому приближенію, въ коемъ я привыкъ съ вами находиться“.

При осмотрѣ ввѣренной его управленію страны, Сперанскій, по возможности, избѣгалъ излишнихъ формальностей, и старался рѣшать многія дѣла̀ безъ предварительнаго слѣдствія; тѣмъ не менѣе однакоже въ окончательномъ выводѣ ревизіи оказалось 73 дѣла, подлежавшія высшему разсмотрѣнію, и по нимъ было замѣшано 680 человѣкъ, на коихъ начетъ суммъ вообще простирался до 2,850,000 рублей. Трескинъ и многіе чиновники, угнетавшіе край, были устранены отъ управленія ([26]).

По возвращеніи Сперанскаго, весною 1821 года, въ Петербургъ, разсмотрѣніе представленнаго имъ отчета, по обозрѣнію Сибири, было поручено Государемъ особенному комитету, въ составъ коего назначены: графъ Кочубей, графъ Гурьевъ, графъ Аракчеевъ, князь Александръ Никол. Голицынъ, самъ Сперанскій и государственный контролеръ баронъ Кампенгаузенъ, а

производство дѣлъ комитета поручено дѣйствительному статскому совѣтнику Цейеру и состоящему при сибирскомъ генералъ-губернаторѣ, корпуса инженеровъ путей сообщенія маіору Батенкову. Засѣданія открылись въ августѣ 1821 года, у графа Кочубея. Комитетъ безусловно одобрилъ все сдѣланное Сперанскимъ, и по докладу его Высочайше повелѣно: 1) Пестеля отставить отъ службы; 2) Трескина предать суду; 3) Илличевскаго удалить отъ должности и поступки его подвергнуть разсмотрѣнію въ сенатѣ; 4) надъ 48-ю человѣками, преданными формальному суду, окончить его въ губернскихъ судебныхъ мѣстахъ; 5) изъ прочихъ лицъ: 43-хъ – отрѣшить отъ должностей, 13 чиновниковъ—навсегда удалить изъ Сибири и на десять лѣтъ отъ службы, другихъ — подвергнуть разнымъ административнымъ взысканіямъ, и 25 – освободить отъ всякой отвѣтственности. Разсмотрѣніе предположеній для будущаго устройства Сибири возложено на тотъ-же комитетъ и окончано имъ 19 мая 1822 года. Но еще до того, по представленію Сперанскаго, Сибирь была раздѣлена на два управленія, Западное и Восточное, изъ коихъ каждое ввѣрено генералъ-губернатору: Западное—гатчинскому сослуживцу Аракчеева, генералъ-лейтенанту Капцевичу, и Восточное—тайному совѣтнику Лавинскому ([27]).

Въ продолженіи царствованія Императора Александра I, наша сѣверная столица быстро распространилась и украсилась многими зданіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такою-же быстротою, возрастали доходы и расходы Петербурга. Я уже имѣлъ случай сказать, что, по смѣтѣ на 1804-й годъ, доходы были исчислены до 982,604-хъ, а расходы—до 827,252-хъ

рублей. По росписанію-же на 1820-й годъ, доходы простирались до 2.513,551 р. 3½ коп. а расходы — до 2,202,505 р. 58½ коп. Долговъ петербургской городской думы состояло по 1820-й годъ 1,465,603 р. 19¼ коп. Въ 1821 году, доходы города простирались по росписи до 3.142.848 р. 21 коп. а расходы — до 2,504,264 рублей. (Главный доходъ состоялъ въ однопроцентномъ сборѣ съ обывательскихъ домовъ, лавокъ и мѣстъ, простиравшійся до 1.400,000 рублей) (28). Въ слѣдующемъ (1822-мъ) году, по новой оцѣнкѣ обывательскихъ домовъ, лавокъ и мѣстъ, исчислена ихъ общая цѣнность въ 154.306.570 рублей, а процентный сборъ, 1,543.065 рублей 70 коп. (29).

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, были построены новый Михайловскій дворецъ и прекрасное зданіе на Дворцовой площади, въ которомъ помѣщены: по одну сторону главный штабъ, а по другую — министерства финансовъ и иностранныхъ дѣлъ. Въ 1818 году, была окончена перестройка Большаго театра, сгорѣвшаго 1-го генваря 1811 года. Особенное-же вниманіе Государя было обращено на строившійся со времени Императрицы Екатерины II-й Исакіевскій соборъ. Въ концѣ 1817 года, онъ утвердилъ новый планъ этого храма, составленный дотолѣ совершенно неизвѣстнымъ архитекторомъ, французомъ Монферрандомъ, а въ февралѣ 1818 года повелѣлъ, для приведенія въ исполненіе его проекта, учредить Коммисію, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Никол. Никол. Головина, изъ членовъ: министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына и генералъ-лейтенанта Бетанкура, поручивъ самое построеніе собора Монферранду. Тогда-же повелѣно министру финансовъ отпустить 506,300 рублей, исчисленныхъ по смѣтѣ на работы, въ томъ году назначенныя (30).

Въ 1820 году, была учреждена Коммисія для сооруженія храма, во имя Христа Спасителя, въ Москвѣ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Государя. Доклады по всѣмъ дѣламъ Коммисіи были поручены князю Александру Никол. Голицыну. На построеніе этого собора опредѣлено было отпускать ежегодно два милліона рублей; въ дѣйствительности-же отпускалось отъ милліона до полутора милліона, и въ послѣдствіи самыя работы были оставлены (31).

Въ 1823 году, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, учрежденъ на Аптекарскомъ острову Ботаническій садъ. Для этого графъ В. П. Кочубей воспользовался временнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ, пріобрѣвшаго европейскую извѣстность, профессора ботаники Фишера, того самаго, который устроилъ съ совершеннымъ успѣхомъ ботаническій садъ въ селѣ графа Разумовскаго Горенкахъ, близъ Москвы. Ботаническій садъ на Аптекарскомъ острову, состоявшій въ вѣдѣніи медицинскаго департамента, находился въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, и по тому графъ Кочубей предполагалъ распространить его, наименовавъ *Императорскимъ*, и поручить главное управленіе имъ профессору Фишеру. На содержаніе новаго Ботаническаго сада по штату исчислено ежегодно 73,000 вмѣсто прежнихъ 25,000 рублей, да, кромѣ того, на пріобрѣтеніе растеній, сѣменъ, и проч. единовременно до ста тысячъ рублей. Какъ медицинскій департаментъ, за всѣми расходами его, тогда имѣлъ въ экономіи 474,479 р., то министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ возможнымъ, оставя до половины этой суммы на непредвидимые случаи, обратить до 250,000 рублей на основаніе Императорскаго ботаническаго сада, т. е. на устройство оранжерей, теплицъ, домовъ, и всего прочаго; а изъ государственнаго казначейства отпустить

единовременно 100,000 на покупку растеній и производить сумму въ штатѣ назначенную ([32]).

Императоръ Александръ, „желая способствовать украшенію столицы, и для памятниковъ, сооруженныхъ въ честь двухъ нашихъ великихъ полководцевъ, избрать лучшее мѣсто, чтобы сіи знаменія отечественной благодарности дѣйствовали на потомство тѣмъ сильнѣе", повелѣлъ: перенести обелискъ, воздвигнутый побѣдамъ графа Румянцова-Задунайскаго, на площадь Перваго кадетскаго корпуса: „да юные питомцы сего училища, въ коемъ воспитывался самъ герой Задунайскій, созерцаютъ монументъ его славы". Тогда же повелѣно поставить памятникъ генералисимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго на новой площади, у Троицкаго моста, и обѣ эти площади получили названія: первая — *Румянцовской*, а вторая — *Суворовской*. Императоръ Александръ, „прославляя безсмертныя дѣянія временъ минувшихъ, и желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъявить справедливую признательность и къ заслугамъ нашего времени", имѣлъ намѣреніе воздвигнуть памятники главнымъ сподвижникамъ совершеннаго имъ освобожденія Европы, фельдмаршаламъ Кутузову и Барклаю-де-Толли, что̀ и было исполнено впослѣдствіи его Августѣйшимъ преемникомъ ([33]).

Воздавая должное героямъ, прославившимся на поляхъ брани, Императоръ Александръ не менѣе изъявлялъ уваженія къ подвигамъ добра, совершеннымъ для блага человѣчества. Находясь въ Одессѣ, Государь приказалъ возстановить скромный памятникъ, поставленный въ Херсонѣ Англичанину Говарду, посвятившему всю свою жизнь облегченію судьбы несчастныхъ и падшему жертвою заразы при посѣщеніи госпиталей южной Россіи. На возобновленіе этого памятника потребовалось, по смѣтѣ, около де-

сяти тысячъ рублей, которыя повелѣно было выдать изъ государственнаго казначейства ([34]).

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе о желаніи тульскаго дворянства — увѣковѣчить побѣду Великаго Князя Дмитрія Донскаго сооруженіемъ памятника на Куликовомъ полѣ, соизволилъ на то и изъявилъ предположеніе, съ своей стороны, сдѣлать на сей предметъ такое-же пособіе, какое было сдѣлано для монумента Минину и Пожарскому. Затѣмъ по представленію генералъ-губернатора Балашева, о водвореніи нѣсколькихъ изувѣченныхъ воиновъ у памятника, воздвигаемаго на Куликовомъ полѣ, Государь повелѣлъ: 1) открыть на сей предметъ повсемѣстную въ Имперіи подписку; 2) устроить предположенное водвореніе воиновъ и войти въ сношеніе съ владѣльцами объ уступкѣ потребной къ тому земли; 3) для исполненія всѣхъ предположеній, учредить, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора Балашева, комитетъ; 4) отпустить на сіе заведеніе изъ Кабинета 20 тысячъ рублей; 5) о составленіи приличнаго плана и фасада церкви и домовъ для воиновъ, войти въ сношеніе съ Академіею Художествъ ([35]).

Въ 1821 году, по представленію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, о мѣрахъ для сохраненія и возобновленія памятниковъ древности въ Крыму, были отправлены туда академикъ статскій совѣтникъ Келлеръ и архитекторъ Паскаль. По донесенію Келлера, нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ могли быть возстановлены на долгое время, что̀ потребовало по смѣтѣ 41,100 рублей, да на содержаніе Паскаля, коего предполагалось оставить въ Крыму, для надзора за работами, по 3,000 въ годъ. Другіе-же памятники древности представляли однѣ лишь развалины, но, будучи охраняемы отъ

дальнѣйшаго разрушенія, могли существовать цѣлые вѣка; кромѣ того, академикъ Келлеръ призналъ нужнымъ издать описаніе всѣхъ крымскихъ древностей съ рисунками, поручивъ составленіе ихъ находившемуся тогда въ Римѣ голландскому живописцу Дерингу. Академія наукъ одобрила всѣ предположенія Келлера, кромѣ описанія и рисунковъ, относящихся болѣе къ художествамъ, нежели къ наукамъ. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, съ которымъ было производимо сношеніе на счетъ мѣръ къ охраненію памятниковъ древности Тавриды, полагалъ, что: „во первыхъ, изъ этихъ памятниковъ наиболѣе заслуживаютъ сбереженія греческія и генуэзскія постройки, какъ напримѣръ развалины крѣпостей въ Балаклавѣ, Манкупѣ, Суданѣ и проч., на поддержаніе коихъ можно было отпустить изъ строительнаго капитала, въ распоряженіе таврическаго губернатора, на первый разъ 10,000 рублей; во вторыхъ, мечеть въ городѣ Ѳеодосіи, занимаемая римско-католическою церковью, которая требовала не только поддержанія, но и приведенія въ приличный христіанской церкви видъ, къ чему городъ собственныхъ средствъ не имѣлъ, и по тому надлежало нужную на то сумму назначить отъ казны, предоставя губернатору составить планъ и смѣту для этой перестройки. Въ третьихъ, мечети въ Евпаторіи и Эски-Сараѣ могли быть исправлены посредствомъ добровольной подписки магометанъ крымскаго полуострова; въ четвертыхъ, оставлять въ Крыму архитектора Паскаля съ особымъ жалованьемъ не было надобности, ибо тамошній губернаторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи двухъ архитекторовъ, одного въ Симферополѣ, а другаго въ Ѳеодосіи, и сверхъ того отправленъ отсюда въ Крымъ, для производства казенныхъ строеній, опытный архитекторъ". Ми-

нистръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, будучи согласенъ съ мнѣніемъ графа Кочубея, присовокупилъ, съ своей стороны, что если на изданіе предполагаемыхъ Келлеромъ рисунковъ и описанія назначено будетъ нужное пособіе, то употребить для этихъ работъ не иностранныхъ, а русскихъ художниковъ.

По прочтеніи, въ засѣданіи Комитета министровъ, 2 мая 1822 года, записки князя Голицына, Комитетъ постановилъ: 1) на предположенія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, относительно сохраненія крымскихъ древностей, испросить Высочайшее созволеніе, и 2) изданіе описанія и рисунковъ отложить до удобнѣйшаго времени. Императоръ Александръ, повелѣвъ: „подать смѣту, во что обойдется это изданіе“, утвердилъ постановленіе Комитета ([36]).

Изъ многихъ подвиговъ общественной и частной благотворительности, укажемъ на важнѣйшіе.

Коммерціи совѣтникъ Варваций подарилъ городу Таганрогу подъ больницу домъ, стоившій 20,000 рубл. Коллежскій совѣтникъ Нефедьевъ пожертвовалъ на учрежденіе, псковской губерніи, въ городѣ Торонцѣ, богадѣльни, для призрѣнія 24-хъ старыхъ, увѣчныхъ и неимущихъ, каменный домъ цѣною 12,000 рублей, капиталъ 50,000 рублей и на первоначальное обзаведеніе до 3,380 рублей: по доведеніи о томъ до свѣдѣнія Государя, Высочайше повелѣно: это заведеніе наименовать *Нефедьевскимъ*. Статскій совѣтникъ Безсоновъ внесъ въ нижегородскій Приказъ, для благотворительныхъ цѣлей, 20,000 рублей. При ярославскомъ „домѣ призрѣнія ближняго“ учреждена, для 14-ти престарѣлыхъ и увѣчныхъ, палата вдовы ма-

іора Грязевой, завѣщавшей на сей предметъ 42,000 рублей. Нѣжинское греческое общество пожертвовало, для призрѣнія инвалидовъ, каменный больничный домъ въ Нѣжинѣ и 20,000 рублей ([37]).

Таврической губерніи помѣщикъ Тарановъ-Бѣлозеровъ, духовнымъ завѣщаніемъ, изъявилъ волю учредить близъ Симферополя странно-пріимный домъ, для призрѣнія престарѣлыхъ, больныхъ и неимущихъ обоего пола, предпочтительно-же раненыхъ русскихъ воиновъ, и на содержаніе этого заведенія назначилъ свое движимое и недвижимое имѣніе, состоящее въ таврической губерніи, именно: 1) въ Симферополѣ деревянный домъ съ фруктовымъ садомъ и лавку, да въ Евпаторіи небольшой каменный домъ; 2) въ симферопольскомъ уѣздѣ деревню съ 90 душами, имѣющими по завѣщанію право получить свободу, съ уплатою выкупу до 200 рублей въ пользу странно-пріимнаго дома; при этой деревнѣ: господской домъ, фруктовый садъ, около 1,400 тонко-рунныхъ овецъ и болѣе ста штукъ рогатаго скота; 3) другія двѣ деревни, съ строеніями, мѣльницами и садами, и дачу съ дубовымъ лѣсомъ; 4) виноградные сады на рѣчкѣ Качѣ и въ Судацкой долинѣ; 5) капиталъ: 66 червонцевъ, 129 рублей серебромъ и золотомъ, 88,558 рублей ассигнаціями и 75,587 рублей въ заемныхъ письмахъ и закладныхъ: вообще-же съ недвижимыхъ имѣній получалось дохода отъ 12 до 15-ти тысячъ, а съ капитала указныхъ процентовъ до 8-ми тысячъ рублей. Назначенные завѣщателемъ, для приведенія въ исполненіе его желанія, попечители просили Императрицу Марію Ѳеодоровну принять благотворительное заведеніе Таранова-Бѣлозерова подъ свое Августѣйшее покровительство, и на подлинной Запискѣ о томъ вдовствующей Государыни послѣдовала собственноручная резолюція Императора: „Принятіе

Вашимъ Императорскимъ Величествомъ подъ особое свое покровительство странно-пріимнаго сего заведенія будетъ для онаго лучшимъ ручательствомъ его благостоянія“ ([38]).

Императрица Марія Θеодоровна также приняла подъ свое покровительство другое благотворительное заведеніе, по просьбѣ душеприкащиковъ таганрогскаго купца Депальды, завѣщавшаго капиталъ въ 100 тысячъ рублей на содержаніе изъ процентовъ странно-пріимнаго дома для потерпѣвшихъ крушеніе, неимущихъ и больныхъ мореходцевъ, до 15-ти человѣкъ, предпочтительно греческой націи, и 20 тысячъ рублей на постройку или покупку дома для этого заведенія. На запискѣ, о томъ вдовствующей Императрицы, Императоръ Александръ собственноручно написалъ: „Принятіе Вашимъ Императорскимъ Величествомъ подъ особое свое покровительство сего заведенія послужитъ къ устроенію прочнымъ образомъ его благостоянія“ ([39]).

И дѣйствительно—принятіе въ завѣдываніе вдовствующею Императрицею богоугодныхъ заведеній не было ни съ ея стороны, ни со стороны искавшихъ ея покровительства, простою формальностью. Каждое дѣло благотворительности, состоявшее подъ ея десницею, живимое ея взорами, процвѣтало и быстро развивалось, на пользу и утѣшеніе несчастнымъ. Въ 1817 году, былъ изданъ общій планъ воспитанія и ученія для всѣхъ заведеній, тогда состоявшихъ подъ начальствомъ Императрицы. Составленіе такого руководства, преимущественно основаннаго на собственныхъ опытахъ и наблюденіяхъ Августѣйшей начальницы, оказалось тѣмъ болѣе необходимо, что число вновь устроенныхъ ею заведеній было весьма велико. Вмѣсто одного Воспитательнаго Общества и двухъ Воспитательныхъ Домовъ, въ Петербургѣ и Москвѣ,

поступившихъ въ 1797 году въ завѣдываніе Императрицы, было въ 1817 году тридцать четыре, а при кончинѣ ея, въ 1828 году, сорокъ заведеній. При вступленіи Ея Величества въ управленіе этою частью, ежегодное обращеніе капиталовъ обоихъ Воспитательныхъ Домовъ простиралось до 16-ти милліоновъ, а непосредственно послѣ ея кончины, къ 1-му генваря 1829 года, до 623-хъ милліоновъ рублей.

Но подвиги благотворительности этого ангела добра, вполнѣ совершившаго свое призваніе на земномъ поприщѣ, не могутъ быть показаны одними цифрами. Не только необъятная масса благихъ дѣлъ ея, но самый способъ, которымъ она приводила ихъ въ исполненіе, достоинъ вѣчной признательности. Когда въ первый разъ Императрица пріѣхала къ сиротамъ, незнавшимъ отъ колыбели ни заботливости отеческой, ни нѣжныхъ ласкъ материнскихъ, она, будучи растрогана жалкимъ видомъ дѣтей, не смѣвшихъ подойти къ ней и тѣснившихся отъ робости между собою, сказала окружавшимъ ее чиновникамъ заведенія: „Счасливы мы, что призваны воспитывать для добродѣтели этихъ невинныхъ дѣтей и возвратить ихъ обществу полезными его членами. Примемся за это прекрасное дѣло съ неутомимою ревностью, но не забудемъ, что наши старанія принесутъ истинную пользу только тогда, когда будутъ проистекать изъ сердца, исполненнаго любви“ (40).

Частыя посѣщенія Августѣйшей покровительницы вскорѣ разсѣяли робость малютокъ, одаренныхъ съ первыхъ дней жизни способностью познавать питающихъ къ нимъ чувства участія и состраданія. Какъ только Государыня являлась въ какомъ-либо изъ *своихъ* заведеній, дѣти съ неудержимыми восклицаніями радостно бѣжали ей на встрѣчу, спѣша видѣть свою *Милую, Ненаглядную!* (41). Да будутъ эти прозванія,

произнесенныя тысячью безхитростныхъ устъ, памятникомъ просвѣщеннаго человѣколюбія покровительницы, матери сирыхъ и несчастныхъ!

Успѣхи общественной благотворительности въ первую четверть нынѣшняго столѣтія изумительны. На основаніи „Учрежденія о губерніяхъ“ 1775 года, было положено открыть Приказы Общественнаго Призрѣнія, которые, получивъ каждый неболѣе 15,000 рублей, имѣли въ 1803 году въ обращеніи болѣе 5-ти милліоновъ и содержали изъ своихъ доходовъ нѣсколько сотъ разныхъ благотворительныхъ заведеній. Источниками средствъ для Приказовъ Призрѣнія служили: во 1-хъ, проценты, получаемые на собственные капиталы и на частные вклады; во 2-хъ, пособіе нѣкоторымъ отъ казны; въ 3-хъ, пособіе: отъ городовъ, преимущественно на содержаніе заведеній въ уѣздныхъ городахъ; отъ дворянства, на содержаніе училищъ, и отъ частныхъ лицъ, по завѣщаніямъ и пожертвованіямъ; въ 4-хъ, разнаго рода пени; въ 5-хъ, штрафы съ откупщиковъ и поставщиковъ вина и соли; въ 6-хъ, доходы отъ больницъ, богадѣлень, фабрикъ и вообще хозяйственныхъ заведеній; въ 7-хъ, доходы съ населенныхъ земель орловскаго, вологодскаго и гродненскаго приказовъ; въ 8-хъ, доходы съ садовъ, огородовъ, сѣнокосовъ, домовъ, лавокъ, кузницъ и мельницъ, отдаваемыхъ въ наемъ; въ 9-хъ, добываніе торфа, распилка бревенъ на доски, поставка дровъ, и другія работы, въ пользу приказовъ, и въ 10-хъ, 5-ти-процентный сборъ съ суммъ вырученныхъ отъ продажи игральныхъ картъ ([42]). Весьма облегчены были дѣйствія Приказовъ разрѣшеніями министерства внутреннихъ дѣлъ, выдавать заемщикамъ деньги подъ залогъ домовъ, фабрикъ, лавокъ и другихъ

заведеній, а также виноградныхъ садовъ и деревянныхъ строеній ([43]). Средства, предоставленныя Приказамъ Общественнаго Призрѣнія, послужили къ быстрому умноженію ихъ капиталовъ, которые простирались: въ 1804 году до 8,878,000 рублей; во второй-же половинѣ 1810 года уже было въ ихъ распоряженіи суммъ: собственныхъ до 6,080,000, постороннихъ до 11,940,000, всего-же до 18,020,000 рублей; а въ концѣ 1825 года: собственныхъ 24.196,100, постороннихъ до 32.381,500, всего-же до 56,577,600 рублей. Число заведеній, состоявшихъ въ вѣдомствѣ Приказовъ, какъ-то: больницъ, богадѣлень, воспитательныхъ домовъ, училищъ, рабочихъ, и проч. простиралось до четырехъ сотъ ([44]).

ГЛАВА LXXI.

Военныя поселенія.

(1818—1825 г.).

Въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I военныя поселенія получили весьма широкое развитіе и заключали въ себѣ цѣлую треть русской арміи. Отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній, подъ начальствомъ графа Аракчеева, въ концѣ 1825 года, состоялъ изъ 90 баталіоновъ новгородскаго поселенія, 12 баталіоновъ могилевскаго, 36 баталіоновъ и 240 эскадроновъ слободско-украинскаго (харьковскаго), екатеринославскаго и херсонскаго поселеній (1). Кромѣ того были поселены двѣ роты сапернаго баталіона гренадерскаго корпуса, двѣ роты Охтенскаго пороховаго завода и тридцать двѣ фурштадтскія роты.

Исторія первыхъ лѣтъ военнаго поселенія можетъ справедливо назваться Исторіей бунтовъ. Впослѣдствіи-же народъ нѣсколько освоился съ учрежденіемъ насильственно внесеннымъ въ жизнь его, либо находясь подъ вліяніемъ страха взысканій, коимъ подверглись участники возмущеній, смирился, но, какъ-бы ни было, явное сопротивленіе начальству прекратилось, послѣдующія поселенія не представляли прежнихъ печальныхъ событій, и графъ Арак-

чеевъ, начиная съ 1820 года, могъ доносить Государю, въ частныхъ письмахъ, что „по пріѣздѣ въ поселеніе (1-й гренадерской дивизіи, онъ нашелъ все благополучно, спокойно и смирно“; что: „6-я фузелерная рота Перновскаго полка, составленная, большею частью, изъ тѣхъ людей, которые, при поступленіи своемъ въ военное поселеніе, дѣлали извѣстные безпорядки, теперь привела его въ восхищеніе: люди прекрасные, здоровые, веселые и съ самымъ яснымъ на лицахъ душевнымъ усердіемъ“. Далѣе — въ его-же письмахъ — находимъ, что: „во всѣхъ поселеніяхъ, слава Богу, смирно, тихо и спокойно“, что̀ повторяется и во многихъ другихъ донесеніяхъ Государю графа Аракчеева. Въ одномъ изъ нихъ Аракчеевъ писалъ: „Съ Божіею помощею, на коего всегда, во всѣхъ производимыхъ мною дѣлахъ, возлагаю упованіе мое, сего числа, въ двухъ волостяхъ, нагоской и спасской, при собраніи жителей, прочитанъ былъ указъ и объявлено имъ дѣйствительное поступленіе ихъ въ военное поселеніе. Сія церемонія окончилась тихо, смирно и безъ малѣйшаго безпорядка и происшествія. Я благодарю Бога, что онъ наставилъ меня въ сей новой мысли, не дѣлать вдругъ обмундированія и бритья бородъ, что̀ въ свое время исподоволь исполнится, а симъ самымъ сохранится надлежащая тишина и спокойствіе“. Нѣсколько дней спустя, онъ-же писалъ: „Указъ о поступленіи жителей въ военное поселеніе, съ раздѣленіемъ оныхъ на двѣнадцать округовъ поселенныхъ полковъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, во всѣхъ десяти волостяхъ, объявленъ. Воля Вашего Величества во всѣхъ оныхъ волостяхъ мною была растолкована, а равно и собственная польза жятелей, состоящая въ сохраненіи при себѣ безотлучно семействъ своихъ, послѣ чего я не имѣлъ надобности не только употребить какое-

либо военное принужденіе, но даже и сдѣлать строгаго выговора добрымъ русскимъ подданнымъ. Объявленіе сіе окончено 9 марта, но я съ намѣреніемъ промедлилъ симъ моимъ, до сего числа, Вамъ, Батюшка, донесеніемъ, дабы удостовѣриться въ спокойномъ расположеніи жителей, и въ теченіи сихъ трехъ дней ни откуда донесеній о безпокойствахъ не получено, а вездѣ, слава Богу, все смирно и тихо" (2).

И дѣйствительно, распространеніе военныхъ поселеній, въ послѣднее время царствованія Александра I, уже не встрѣчало явнаго сопротивленія: но тѣмъ не менѣе они подвергались порицанію въ общественномъ мнѣніи и внушали ужасъ въ народѣ. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было поселеній, опасались подвергнуться такой-же участи, какая постигла военныхъ поселянъ. Посѣщеніе дальнихъ губерній Государемъ, котораго прежде встрѣчали съ восторгомъ и напутствовали благословеніями, внушало сомнѣнія и страхъ, съ тѣхъ поръ, какъ разнеслись слухи, будтобы „онъ осматриваетъ мѣста, предназначенныя для военныхъ поселеній". Напрасно Аракчеевъ думалъ и увѣрялъ Государя, будтобы военные поселяне, призрѣнные правительствомъ и обезпеченные помощью, въ случаѣ неурожаевъ, пожаровъ и другихъ бѣдствій, благоденствовали въ сравненіи съ государственными крестьянами. Народъ отвергалъ и льготы ему даруемыя, и удобства жизни, несогласныя съ его вѣковымъ бытомъ; а графъ Аракчеевъ приписывалъ отвращеніе къ военнымъ поселеніямъ неразумію и предубѣжденіямъ крестьянъ, не понимавшихъ своей собственной пользы, либо злонамѣреннымъ внушеніямъ враговъ общественнаго порядка, что̀ совершенно согласовалось съ тогдашнимъ мрачнымъ настроеніемъ мыслей Императора Александра.

Мы уже сказали, что Государь, преисполненный человѣколюбіемъ, при учрежденіи военныхъ поселеній, преимущественно имѣлъ въ виду съ одной стороны — обезпечить судьбу военнаго поселенія, а съ другой — избавить своихъ подданныхъ отъ наиболѣе тяжкой для нихъ повинности — рекрутской. Ошибки — удѣлъ человѣчества, и Государь не могъ предвидѣть послѣдствій своего новаго учрежденія. Да и что̀ могло остеречь его? Не смотря на общее убѣжденіе въ несостоятельности и вредѣ военныхъ поселеній, ближайшіе къ нему, облеченные его довѣріемъ, люди на перерывъ славили все видѣнное ими въ красивыхъ селеніяхъ, созданныхъ Аракчеевымъ. Подобно тому какъ и во время путешествія Великой Екатерины на югъ Россіи, быстро возникали огромныя села съ церквами и школами, въ лѣсахъ и дебряхъ новгородскихъ и бѣлорусскихъ. Императоръ Александръ, посѣщая военныя поселенія, находилъ на каждомъ шагу внѣшніе признаки довольства и благосостоянія. Вездѣ видѣлъ онъ опрятность, чистоту, порядокъ. Служители алтарей, встрѣчая его со крестомъ и святою водою, славили подвигъ учрежденія военныхъ поселеній. Благочинный церквей 1-й гренадерской дивизіи, грузинскаго собора протоіерей Малиновскій привѣтствовалъ Монарха, посѣтившаго въ 1819 году новгородскій округъ, слѣдующими словами:

„Августѣйшій Императоръ, Государь Всемилостивѣйшій! Священное бытописаніе повѣствуетъ намъ что отъ самого Бога избранный править Израилемъ Іисусъ Навинъ, по успокоеніи отъ браней съ иноплеменными, поселяя на обѣтованной землѣ споборствовавшихъ ему, такъ напутствовалъ ихъ къ водворенію: *вы не оставите братіи вашея въ сія дни и множайшія, даже до дне сего; сохраните заповѣдь Господа Бога вашего: нынѣ-же упокои Господь Богъ*

вашъ братію вашу, ибо возвратившіеся отъидите въ домы ваши и въ землю обдержанія вашего.

„Подобное событіе совершается предъ очами нашими. И нынѣ той-же Вышній, владѣяй царствами человѣческими и содержай въ руцѣ своей сердца Царей, воздвиже духъ твой, да споборствовавшихъ тебѣ, при освобожденіи отечества нашего отъ нашествія иноплеменныхъ, водвориши на земли обдержанія ихъ; водвориши, да не токмо содержаніе ихъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее, но даже дать имъ осѣдлость и присоединить къ нимъ семейства ихъ; водвориши, да дѣти ихъ не останутся безъ призрѣнія, жены ихъ не будутъ скитаться изъ дому въ домъ, престарѣлые не будутъ печалиться, что не обрѣтутъ ни родственниковъ, ни пристанища, ни пропитанія“... (3)

Не будемъ удивляться тому, что главные изъ сотрудниковъ графа Аракчеева по военнымъ поселеніямъ, Княжнинъ, Клейнмихель и проч., обязанные своимъ возвышеніемъ буквальному исполненію его воли, писали панегирики учрежденію, возбуждавшему общій ропотъ. Не менѣе лестные отзывы слышалъ Государь отъ лицъ къ себѣ близкихъ, которые могли-бы говорить правду, но, слишкомъ дорожа положеніемъ своимъ, славили военныя поселенія. Князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ, сынъ знаменитаго государственнаго сановника, писалъ Аракчееву: „Я еще прошлою осенью имѣлъ удовольствіе видѣть часть полка вашего сіятельства. Мнѣ показалось, что все заводилось въ такомъ совершенствѣ, что должно было не только хвалить, но и удивляться“ (4). Генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи князь) Чернышевъ, котораго самъ Аракчеевъ просилъ выразить свое мнѣніе о военныхъ поселеніяхъ, писалъ ему: „съ свойственною мнѣ предъ вашимъ сіятельствомъ

откровенностью долженъ сказать, что всѣ вообще, не исключая и тѣхъ, кои желали-бы, чтобъ было иначе, въ полномъ восхищеніи отъ устройства, порядка, благосостоянія и обученія поселенныхъ войскъ. Всѣ торжественно говорятъ, что совершенство въ нихъ, какъ по части фронтовой, такъ и экономической, превосходитъ всякое воображеніе. Иностранцы не опомнятся еще отъ зрѣлища для нихъ неожиданнаго. Полковника Редера въ особенности плѣнило внутреннее устройство и благосостояніе поселенныхъ войскъ въ домашней ихъ жизни (!) и наружный видъ 53 баталіоновъ, находящихся на работахъ; онъ увѣрялъ меня, что, не смотря на труды ихъ и совершенство по фронтовой части, онъ никогда и нигдѣ не видалъ столь здоровыхъ лицъ и военной осанки, какъ въ сихъ войскахъ... Послѣдствія нынѣшняго смотра многимъ очень непріятны; разительное впечатлѣніе личнаго обозрѣнія уничтожаетъ коварные замыслы и пресѣкаетъ всякій поводъ толковать вещи по своимъ страстямъ. Откровенно доложу вамъ, что лучшій способъ зажать ротъ такимъ людямъ есть показаніе имъ истины. Каждый, кто побывалъ у васъ, испыталъ оное надъ собою, и хотя я былъ уже предубѣжденъ въ пользу новыхъ заведеній (?), но никогда не могъ вообразить себѣ того, что̀ дѣйствительно нашелъ въ оныхъ“ ([5]).

А вотъ отзывъ знаменитаго государственнаго человѣка, повѣреннаго душевныхъ тайнъ въ юности Александра, графа Кочубея:

„Я ожидалъ возвращенія вашего сіятельства изъ Тихвина, чтобы письменно возобновить вамъ, милостивый государь мой, искреннѣйшую мою благодарность за ласковый и дружескій вашъ пріемъ и за доставленіе мнѣ удовольствія видѣть военныя поселенія. Обозрѣніе оныхъ было для меня совершенно

неожиданно, и подлинно — какъ не придти въ удивленіе, сравнивая положеніе одной стороны Волхова съ другою, строеніе и проч. одного берега и противоположнаго. Я думалъ, объѣзжая поселенія, и потомъ, когда я переправился изъ оныхъ, что меня какою-то революціею глобуса перекинуло изъ области образованной въ какую-то варварскую страну, ибо ваше сіятельство согласитесь со мною, хотя вы и новгородецъ, что, начавъ, отъ какой-то вѣтреной мельнички, тутъ близко на боку стоящей, до самаго Подберезья, ничего нѣтъ похожаго не только на произведеніе ума, но и рукъ человѣческихъ. Добравшись до Подберезья и Чудова, я сравнивалъ работы на шоссе съ вашими муравьями. Все идетъ крайне тупо, дѣятельности не видно, да, кажется, и надзора немного. Согласитесь, ваше сіятельство, со мною, что солдаты могли-бы у насъ удивительныя вещи для пользы государства произвести, при обдуманности плана и благоразумномъ и дѣятельномъ наблюденіи. Я признаюсь вамъ, что, имѣвъ случай по возвращеніи изъ Грузина писать къ Его Величеству, я упомянулъ и о сей мысли, и о томъ впечатлѣніи, которое поселенія надо мною произвели" ([6]).

Еще болѣе замѣчательно свидѣтельство о военныхъ поселеніяхъ другаго государственнаго человѣка — Сперанскаго. Будучи вызванъ послѣ двухълѣтнаго управленія Сибирью, въ Петербургъ, Сперанскій, въ первой половинѣ мая 1821 года, посѣтилъ Грузино и новгородскія военныя поселенія; а два года спустя, въ августѣ 1823 года, повторилъ эту поѣздку вмѣстѣ съ графомъ Кочубеемъ. Такимъ образомъ, ознакомясь съ установленіемъ, о которомъ въ то время было такъ много разнородныхъ толковъ, не только у насъ, но и за границею, Сперанскій, въ угоду графу Аракчееву, а можетъ быть и самому

Государю, взялся изложить общій взглядъ на устройство военныхъ поселеній, чтобы хотя нѣсколько примирить съ ними общественное мнѣніе. Въ началѣ 1825 года появилась въ небольшомъ числѣ экземпляровъ брошюра Сперанскаго: *О военныхъ поселеніяхъ.* Само собою разумѣется, что на этотъ панегирикъ самому ненавистному тогда учрежденію должно смотрѣть единственно какъ на жертву, принесенную авторомъ своему положенію. Самъ онъ, объѣзжая военныя поселенія въ 1821 году, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „fumus ex fulgore!“ (7).

Въ началѣ своего обзора, Сперанскій исчисляетъ причины, побудившія правительство установить военныя поселенія:

А. *Неудобства рекрутскихъ наборовъ*: 1) *неуравнительность* ихъ, происходящая отъ того, что иногда семейство, числомъ рабочихъ рукъ сильно, не представляетъ ни одного человѣка годнаго въ рекруты, и тяжесть сей повинности переходитъ съ сильнаго семейства на слабое. 2) *Разрывъ брачныхъ союзовъ, и вообще родственныхъ связей*, разлучая рекрутъ на многіе годы съ ихъ семействами, отторгая ихъ отъ обычнаго имъ быта, и вводя въ бытъ новый, совершенно несогласный съ ихъ навыками, нерѣдко заставляетъ людей отдаваемыхъ на службу повреждать себѣ члены и уродовать себя, не смотря на всѣ мѣры для предупрежденія этого зла, принимаемыя правительствомъ 3) *Трудность распредѣленія рекрутъ въ войска.* Невозможность избѣжать дальныхъ переходовъ, при размѣщеніи людей по полкамъ, пораждаетъ болѣзни и смертность. 4) *Безпріютность въ отставкѣ.* Русскій солдатъ, прослуживъ положенный срокъ, возвращается на родину, но тамъ, по большей части, уже не находитъ ни родныхъ, ни собственности, и остается на старости безъ крова, либо наемнымъ

работникомъ. Наконецъ, 5) *вредъ земледѣлію и промышленности*, потому что рекрутская повинность, лишая семейства лучшихъ работниковъ, обременяетъ селенія сиротами, умножаетъ число бѣдныхъ и вредитъ народонаселенію, затрудняя браки боязнью рекрутской очереди и подавая поводъ къ разврату.

Б. *Затрудненія въ содержаніи и продовольствованіи войскъ*. 1) *Обремененіе государства* содержаніемъ постоянныхъ армій въ мирное время, составляющимъ самый тягостный и непроизводительный изъ всѣхъ расходовъ, и 2) *обремененіе жителей* постоемъ войскъ, нарядомъ подводъ, и т. п.

Всѣ эти неудобства побудили правительство обратиться, для формированія войскъ и ихъ содержанія, къ системѣ военныхъ поселеній, положивъ въ основаніи ея двѣ главныя мысли: во 1-хъ, вмѣсто неуравнительной рекрутской повинности, лежащей тяжкимъ бременемъ на всей Имперіи, сосредоточить способы составленія войскъ въ извѣстныхъ округахъ, освободивъ всѣ прочія области отъ рекрутства, кромѣ особенныхъ случаевъ чрезвычайной войны; во 2-хъ, населеніе сихъ округовъ составить изъ коренныхъ ихъ обывателей и изъ войскъ, вознаградивъ первымъ обязанности, вновь на нихъ возлагаемыя, соразмѣрными выгодами, и доставивъ вторымъ поземельную осѣдлость, и слѣдовательно способы содержанія и семейной жизни, безъ ущерба въ ихъ воинскомъ устройствѣ.

Учрежденіе военныхъ поселеній по времени можетъ раздѣлено быть на два періода: 1) первоначальнаго и 2) окончательнаго устройства. Въ первомъ, временномъ періодѣ, составленныя части поселенія, еще неслитыя въ одно цѣлое, требуютъ каждая особенныхъ правилъ, измѣняющихся каждый годъ, почти каждый мѣсяцъ, по мѣрѣ успѣховъ самаго дѣла, а

во второмъ—уже нѣтъ ни старожиловъ, ни новыхъ поселенцевъ, а поселенное войско, съ обычнымъ раздѣленіемъ его на арміи, корпусы и дивизіи.

Для первоначальнаго устройства *коренныхъ обывателей*, должно: 1) сохранить всю ихъ собственность; 2) устроить ихъ домы и пополнить всѣ потребности сельскаго хозяйства, на счетъ казны; 3) надѣлить ихъ достаточно землею, посредствомъ новыхъ расчистокъ, либо покупкою на казенный счетъ; 4) освободить ихъ отъ платы оброка, съ одною лишь обязанностью службы, а равно 5) отъ всѣхъ казенныхъ податей и земскихъ повинностей; 6) всѣхъ способныхъ къ военной службѣ людей расчислить по полкамъ, и не отлучая отъ домовъ и сельскихъ работъ, пріучать постепенно къ обязанностямъ дѣйствительной службы; старымъ и увѣчнымъ доставить покой и призрѣніе, а малолѣтнымъ дать воспитаніе, назначенію ихъ приличное. Для первоначальнаго-же устройства *войскъ*, надлежитъ: 1) доставить каждому полку, въ округѣ его поселенія, осѣдлость безоброчную и хозяйство устроенное отъ правительства; 2) соединить военно-служащихъ съ ихъ семействами, инвалидамъ доставить призрѣніе, а дѣтямъ—воспитаніе; 3) въ каждомъ округѣ устроить поземельныя хозяйства, первоначально по числу хозяевъ изъ коренныхъ жителей; въ послѣдствіи-же, когда все населеніе округа уже приведено будетъ въ одинъ составъ, одна часть полка, состоящая изъ хозяевъ образуетъ неподвижную основу поселенія, а другая, содѣйствуя ей въ сельскихъ трудахъ, получитъ продовольствіе и соразмѣрныя выгоды.

При окончательномъ-же, или постоянномъ устройствѣ военныхъ поселеній, осѣдлость каждаго полка составляетъ его *полковый округъ*; каждой бригады—*бригадный*, дивизіи—*дивизіонный*, и т. д. Всѣ военные округи состоятъ исключительно въ военномъ управле-

ніи: полковые округи управляются полковыми комитетами, а бригадные, дивизіонные, и проч. бригадными, дивизіонными и проч. командирами.

Каждый полковой округъ имѣетъ два разныхъ состава: *поземельный* и *строевой*.

Въ отношеніи къ составу поземельному, полковой округъ раздѣляется на хозяйства, состоящія изъ опредѣленнаго участка земли съ угодьями, дòма и надворнаго строенія, домашняго и рабочаго скота, земледѣльческихъ и рабочихъ орудій, домашней посуды и мебели, и запасовъ хлѣба на продовольствіе и посѣвъ. Тамъ, гдѣ казенной земли къ составленію опредѣленнаго числа хозяйствъ недостаточно, пріобрѣтается она покупкою, мѣною, либо расчисткою неудобныхъ земель. Принадлежности-же хозяйства, въ случаѣ недостатка ихъ у старожиловъ, также дополняются на счетъ казны.

Поселеніе каждаго полковаго округа состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: *неподвижной* и *подвижной*.

Къ неподвижной части принадлежатъ:

1) *Хозяйства*, коимъ ввѣряются участки земли со всѣми хозяйственными принадлежностями, и кои при движеніи полка, оставаясь на мѣстѣ, продолжаютъ свои обычные труды и доставляютъ семействамъ отъ подвижной части оставшимся осѣдлость и продовольствіе. Хозяйства поступаютъ отъ одного къ другому владѣльцу по наслѣдству и по особеннымъ постановленіямъ, въ учрежденіи начертаннымъ Все, чтò, независимо отъ хозяйства, будетъ пріобрѣтено личными трудами, промысломъ или торговлею, какъ хозяевъ, такъ и людей, составляющихъ подвижную часть полка, есть личная собственность ихъ которою они могутъ распоряжаться по своему усмотрѣнію.

2) *Кантонисты*, въ число коихъ поступаютъ всѣ

дѣти мужескаго пола, какъ подвижной, такъ и неподвижной части населенія.

Кромѣ того, инвалиды, старожилы свыше 45-ти лѣтъ и семейства всего поселенія.

Подвижной, или строевой составъ въ каждомъ полковомъ округѣ сохраняется на точномъ основаніи штатовъ, и по тому поселенный полкъ пѣхотный дѣлится на баталіоны и роты, а кавалерійскій на эскадроны. Хозяева-же въ каждомъ полку соединяются въ одинъ баталіонъ, или въ нѣсколько эскадроновъ, которые, при выступленіи прочихъ въ походъ, оставаясь на мѣстѣ, приготовляютъ на службу людей, въ замѣнъ той убыли, какая въ походной части можетъ послѣдовать во время похода. Для строеваго образованія кантонистовъ старшаго возраста, учреждаются учебные баталіоны, либо эскадроны.

Въ каждомъ полковомъ округѣ устраиваются церкви, возводятся для помѣщенія разныхъ частей управленія зданія, и учреждаются: для обученія кантонистовъ, школы; для призрѣнія инвалидовъ, инвалидное селеніе и инвалидный домъ; для леченія больныхъ, госпиталь; для содержанія въ исправности оружія, амуниціи, конской сбруи и обоза, различныя мастерскія и цейхгаузы, и проч. для доставленія округу постоянныхъ доходовъ, общія хозяйственныя заведенія, а также устроиваются хлѣбные запасные магазины; въ каждомъ-же округѣ, изъ доходовъ его, составляется общественная сумма, подъ названіемъ заемнаго денежнаго капитала. Въ кавалерійскихъ округахъ, для ремонтированія полковъ строевыми лошадьми и для улучшенія породъ въ частныхъ хозяйствахъ, учреждаются конскіе заводы. Наконецъ, въ каждомъ изъ округовъ устроиваются почты и принимаются мѣры для улучшенія и содержанія въ порядкѣ сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній.

За тѣмъ, въ брошюрѣ Сперанскаго, подробно исчислены всѣ выгоды, даруемыя военнымъ поселянамъ, въ сравненіи съ государственными крестьянами, именно: 1) увеличеніе участковъ земли; 2) освобожденіе отъ всѣхъ податей и повинностей; 3) исправленіе, либо возведеніе вновь ихъ домовъ и прочихъ построекъ, на счетъ казны; 4) пополненіе, на казенный-же счетъ, всего недостающаго въ хозяйствѣ; 5) пособіе изъ общественныхъ суммъ и запасовъ, въ случаѣ пожара и неурожая; 6) поощреніе промышленности учрежденіемъ запаснаго капитала; 7) возвращеніе дѣтей военныхъ поселянъ въ ихъ семейства и оставленіе съ ними поселянъ неразлучными, *кромѣ военныхъ походовъ*; 8) воспитаніе и обученіе дѣтей ихъ на счетъ казны; 9) состояніе совершенно-лѣтнихъ на службѣ неразлучно съ ихъ семействами; 10) призрѣніе старыхъ, увѣчныхъ и немощныхъ. Вообще-же „соединеніемъ всѣхъ выше означенныхъ средствъ, въ военныхъ поселеніяхъ не можетъ и не должно быть: ни сиротъ безпріютныхъ, ни старости безпомощной, ни дряхлести оставленной, ни нищеты праздной, ни разврата нравовъ, терпимаго безъ средствъ исправленія“.

Вообще-же для государства учрежденіе военныхъ поселеній представляетъ слѣдующія важныя пользы:

1) Возобновленіе вооруженныхъ силъ изъ среды этого сословія, а слѣдовательно—постепенное уменьшеніе и наконецъ совершенная отмѣна рекрутскихъ наборовъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ чрезвычайной войны.

2) Добываніе продовольствія для войскъ собственными ихъ трудами, слѣдовательно—постепенное сокращеніе издержекъ на ихъ содержаніе.

3) Размѣщеніе войскъ безъ отягощенія прочихъ

сословій различными потребностями военнаго квартированія.

4) Возможность содержать военныя силы, соразмѣрныя съ величіемъ Имперіи и съ пространствомъ ея предѣловъ, безъ обремененія государства.

5) Нравственное улучшеніе воинскаго сословія приличнымъ воспитаніемъ, семейною жизнью, правильнымъ трудомъ и пресѣченіемъ случаевъ къ разврату.

6) Улучшеніе способности къ службѣ, навыкомъ съ малолѣтства въ исполненіи ея обязанностей и въ строгомъ соблюденіи воинскаго порядка.

7) Улучшеніе благосостоянія военно-служащихъ (8).

Очевидно, что выгоды, исчисленныя Сперанскимъ, большею частью, были весьма сомнительны, что̀ въ послѣдствіи оказалось на самомъ опытѣ, и, къ сожалѣнію, этотъ опытъ достался весьма дорогою цѣною. Конечно, положеніе новгородскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ, по неудовлетворительному плодородію страны и другимъ причинамъ, таково, что всякая перемѣна въ ихъ образѣ жизни, повидимому, должна была улучшить бытъ ихъ. Въ дѣйствительности-же невѣдѣніе ближайшихъ распорядителей дѣла о нуждахъ и привычкахъ коренныхъ обывателей повело къ тому, что прежнія неудобства ихъ обычной жизни замѣнились другими, бывшими, или (что̀ почти все одно и то-же) казавшимися имъ болѣе тяжкими. Но всего тягостнѣе для нихъ было бремя постоянной отвѣтственности. Хозяинъ поселеннаго участка отвѣчалъ и за успѣхъ ежедневной своей работы, и за свой рабочій и домашній скотъ, и за содержаніе въ порядкѣ ограды кругомъ своего двора, и за чистку улицы передъ его домомъ; хозяйка отвѣчала за каждую случайно пропавшую домашнюю птицу, за соръ, не выметенный изъ избы, за ухватъ и кочергу, не по-

ставленные на мѣсто. Коренные жители, лишенные подмоги своихъ дѣтей, ходившихъ въ школы, должны были работать безъ устали, либо отмѣчались „лѣнивыми“ и подлежали взысканію; а, между тѣмъ, всѣ недостигшіе 45-ти-лѣтняго возраста обучались фронту, при чемъ, по общепринятому въ то время обычаю, знаніе маршировки и ружейныхъ пріемовъ вколачивались палками. Изъ всего сказаннаго очевидно, что военнымъ поселянамъ было не до того, чтобы заниматься какимъ-либо постороннимъ промысломъ, могущимъ доставить имъ, независимо отъ поселеннаго хозяйства, какія-либо средства, не подлежащія контролю полковаго комитета. Дѣти поселянъ жили вмѣстѣ съ ними, но менѣе зависѣли отъ нихъ, нежели отъ начальства: кантонисты проводили весь день въ школѣ и на учебномъ плацу, а дочери поселянъ нерѣдко выдавались замужъ по назначенію начальниковъ. Изъ всѣхъ видовъ рабства едвали не самый тяжкій тотъ, который стѣсняетъ человѣка въ домашней его жизни, не давая ему и той ничтожной доли свободы, которая остается узнику за дверями его темницы. А потому и не должно удивляться общему неудовольствію коренныхъ жителей, терпѣвшихъ одновременно невзгоды крестьянскаго и солдатскаго быта, и новыхъ поселенцевъ солдатъ, отвыкшихъ отъ земледѣлія и принужденныхъ заниматься сельскими работами, и вмѣстѣ съ тѣмъ строевыми обязанностями.

Что-же касается до государственныхъ выгодъ отъ военныхъ поселеній, то и онѣ оказались болѣе или менѣе мнимыми. На возобновленіе вооруженныхъ силъ изъ среды поселенія едвали можно было надѣяться, судя по тому, что въ нѣкоторыхъ округахъ число умершихъ превосходило число родившихся. Продовольствованіе людей и лошадей въ поселеніяхъ

собственными средствами не могло вознаградить тѣ расходы, которыхъ требовали заведеніе и поддержаніе поселеннаго хозяйства. Замѣтимъ, что многія работы, въ первые годы военнаго поселенія, производились значительнымъ числомъ особо для того наряжаемыхъ войскъ. Военныя поселенія безспорно давали возможность значительно умножить вооруженную силу Имперіи, но не иначе, какъ на счетъ другихъ болѣе производительныхъ силъ. Къ тому-же образованіе въ государствѣ особой военной касты не могло обѣщать хорошихъ послѣдствій, и, напротивъ того, Исторія показываетъ, что военныя сословія, не имѣвшія корней въ общемъ народонаселеніи страны, всегда угрожали ей мятежами и насильственными переворотами. Что̀ касается нравственнаго улучшенія военно-служащихъ посредствомъ поселеній, мы видѣли совершенно противное тому въ полуобразованныхъ кантонистахъ, большею частью отличавшихся весьма шаткою нравственностью. Наконецъ, въ отношеніи благосостоянія поселенныхъ войскъ, лучшимъ доказательствомъ неудачи принятыхъ къ тому мѣръ служитъ общее неудовольствіе, господствовавшее въ военныхъ поселеніяхъ, не только между нижними чинами, но и между офицерами.

Весьма замѣчательно, что графъ Аракчеевъ, не довольствуясь одобреніемъ знатныхъ лицъ, желалъ привлечь на свою сторону мнѣніе публики; не даромъ-же говорятъ: гласъ народа—гласъ Божій. Лучшимъ средствомъ къ тому казалось изданіе собственнаго журнала. Аракчеевъ, самъ писавшій дѣльно и даже иногда весьма искусно, хотя и находился въ постоянномъ разладѣ съ ороографіей, предпринялъ періодическое изданіе, подъ заглавіемъ: „Семидневный листокъ военнаго поселенія, учебнаго баталіона поселеннаго гренадерскаго графа Аракчеева полка“.

Составленіе статей для новаго журнала было поручено доморощеннымъ піитамъ и прозаикамъ, большею частью кантонистамъ поселенія. На выборъ предметовъ не обращалось большаго вниманія, лишь-бы они были благонамѣренны: въ этомъ можно удостовѣриться при бѣгломъ обзорѣ шести номеровъ журнала, по изданіи которыхъ онъ прекратился, вѣроятно за недостаткомъ читателей, способныхъ оцѣнить его по достоинству.

Въ номерѣ 1-мъ, отъ 7-го генваря 1823 года, находимъ:

1) Стихи на Новый годъ къ издателю (неизвѣстному) журнала военнаго поселенія, нѣкій И. Б. между прочимъ возглашаетъ:

«Скажу издателю въ отвѣтъ *)
Журнала войска поселенна.
Цѣль въ мірѣ есть твоя безцѣнна,
Во тьмѣ чтобъ видѣть ясно свѣтъ,
Чтобъ въ немъ науки, чести, славы,
Чтобъ благочестье, кротки нравы
Цвѣли какъ розы—крннъ весной».....

2) За тѣмъ, И. Лесли вызываетъ русскихъ офицеровъ къ сотрудничеству въ журналѣ, „цѣль котораго—распространеніе въ любезномъ отечествѣ нашемъ корня наукъ и познаній, столь необходимыхъ для благоустроеннаго государства, которому оружіе доставляетъ свободу и независимость, науки-же—улучшеніе и возвышенность чувствъ".

3) Далѣе—письмо къ издателю, съ приложеніемъ слѣдующихъ виршей, назначенныхъ для надписи при входѣ въ комнаты, занимаемыя кантонистами гренадерскаго графа Аракчеева полка:

«Почтенный посѣтитель!
Ктобъ ни былъ ты таковъ—

---

*) На объявленіе объ изданіи журнала.

Хоть Царь, хоть князь, хоть воинъ, иль судья,
Узнай, что здѣсь живутъ нѣжнѣйшіе друзья;
Любовь и искренность связуетъ ихъ сердца;
Ты знаешь, думаю, и счастья ихъ творца—А.»

2-й номеръ журнала, отъ 14 генваря, заключаетъ въ себѣ три разсужденія кантонистовъ, Прокофьева, Сойкина и Панкратьева: перваго – Промышляетъ-ли Богъ о мірѣ? втораго — Опредѣлилъ-ли Господь, въ предвѣчномъ своемъ совѣтѣ, каждому человѣку извѣстный часъ и извѣстный образъ смерти? Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. Напротивъ того, третій авторъ отстаиваетъ свободную волю человѣка, говоря въ заключеніе: „Наконецъ прошу тебя, любезный мой сотрудникъ, предоставить рѣшить сей безкровный нашъ дуэль почтеннѣйшимъ зрителямъ сей духовной нашей рати; конечно, безпристрастное благоразуміе ихъ, какъ прежде Аріаднина нить, выведетъ насъ изъ лабиринта сомнѣній и рѣшитъ нашъ дружескій споръ, и тѣмъ докажетъ, кому изъ насъ принадлежитъ лестный тріумфъ и честь".

Въ 3-мъ номерѣ, отъ 21 генваря, помѣщено только лишь „Письмо къ другу о военномъ поселеніи", кого-то, скрывшаго свое имя подъ цифрами: 16...49.6...106. Описавъ свой страхъ, при сближеніи къ военному поселенію, (чувство, общее тогда всей Россіи), авторъ письма переходитъ къ изумленію при видѣ линіи домовъ, прекраснѣйшаго бульвара, чистыхъ улицъ, тротуара, и проч.

Въ 4-мъ номерѣ, отъ 28 генваря, находимъ: рѣчь Помпея къ воинству (переводъ съ латинскаго) и два разсужденія: „Кладбище" кантониста Тимоѳеева, и „Задумчивость" старшаго писаря Матвѣева; вообще-же все это—толпа словъ въ пустынѣ мыслей.

5-й номеръ, отъ 4 февраля, представляетъ странное сочетаніе трехъ статей: во 1-хъ, помѣщены стихи

И. Б. „Начало премудрости есть страхъ Господень“; во 2-хъ, „Неустрашимость“, кантониста Афанасьева, гдѣ повѣствуется о мученикахъ Маккавеяхъ, и въ 3-хъ, „Пѣсня одного молодаго человѣка, разставшагося съ любезною своею и потерявшаго надежду съ нею видѣться“, за подписью 16... 6...

Въ 6-мъ и послѣднемъ номерѣ, отъ 11 февраля 1823 года, на 1-й страницѣ находимъ изъявленіе благодарности графа Аракчеева господамъ: Богородскому, Лесли, А. и 16...49 — 6... 106, за помѣщеніе ихъ сочиненій въ „Семидневныхъ листкахъ военнаго поселенія“; за тѣмъ, слѣдуютъ стихи: „Мои мечты“, И. Лесли; письмо его-же, о священной обязанности каждаго военнаго человѣка — почитать и любить своихъ начальниковъ; два стихотворенія какого-то 80... 5... именно: „Пѣсня русскаго солдата при началѣ поселенія войскъ“ и „Къ прелестной Машѣ“. Въ первомъ изъ нихъ, между прочимъ, сказано:

«Государь всѣмъ землю давши,
Намъ построилъ и домы;
Ружья въ руки только взявши,
Въ дворъ ступай, да и живи.
Лошадей, коровъ тамъ сыщешь,
Какъ пришелъ, даютъ тебѣ
И все нужное увидишъ,
Все найдешъ ты тамъ себѣ.

Ты хозяинъ тогда воленъ,
Не въ курной стоишь избѣ;
Право будешъ всѣмъ доволенъ,
Что̀ тутъ думать, братъ, тебѣ?
Мы хозяюшекъ найдемъ, тамъ,
Коль захочешь для себя
Такъ объ чемъ, друзья, тужить намъ,
Живъ, сударушекъ любя?»

Таковы были послѣдніе цвѣты, возросшіе на почвѣ Парнасса военныхъ поселеній.

При поселеніи, въ видѣ опыта, двухъ баталіоновъ Елецкаго и Полоцкаго пѣхотныхъ полковъ, не было опредѣлено на этотъ предметъ никакой особой суммы, а деньги отпускались, по мѣрѣ надобности, изъ государственнаго казначейства, по Высочайшимъ указамъ. Такой порядокъ дѣлъ продолжался до 1817 года, когда было повелѣно обратить на устройство военныхъ поселеній подать, вносимую Малороссійскими козаками за право винокуренія. Изъ этой суммы, простиравшейся въ 1817 году до 1,716,228 рублей, за всѣми расходами осталось къ слѣдущему году 707,260 рублей, послужившихъ основаніемъ капиталу военныхъ поселеній. Въ послѣдствіи времени, на усиленіе-сего-же капитала были обращены и другіе источники государственнаго дохода, именно:

1) Сумма, остающаяся при рекрутскихъ наборахъ, отъ одежды рекрутъ и зачета войскамъ въ срочную потребность рекрутскаго обмундированія, которая прежде была собираема съ отдатчиковъ въ натурѣ и почти совершенно терялась безъ пользы для казны, но будучи, на основаніи положенія 1816 года, обращена въ казну, доставила доходъ въ 1819 году, по 88-му набору, 450,000 и въ 1820 году, по 89-му набору, 1,552,000 рублей. Кромѣ того, суммы, сбереженныя коммисаріатомъ, посредствомъ зачета на снабженіе войскъ обмудированія рекрутъ: въ 1818 году, по 87-му набору, 186,288 рублей, и въ слѣдующихъ двухъ годахъ, по 88-му и 89-му наборамъ, 2,648,000 рублей. Отъ Морскаго министерства, также получены суммы, сбереженныя посредствомъ зачета на снабженіе флота, обмундированія рекрутъ, въ 1818, 1819 и 1820 годахъ, 339,130 рублей.

2) Сумма, вносимая въ замѣну поставки рекрутъ, крестьянами помѣщичьими, удѣльными и вольными хлѣбопашцами, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ расположены

военныя поселенія. Въ 1820 году, она составила до 800,000 рубл.

3) Сумма, сберегаемая отъ поступленія поселенныхъ войскъ на собственное продовольствіе, до предоставленія ея въ пользу общаго государственнаго дохода. Въ 1821 году, она составила около 1,600,000 рублей.

4) Сумма. откупная, за продажу вина въ округахъ военнаго поселенія.

5) Сумма, пріобрѣтаемая отъ разныхъ хозяйственныхъ заведеній, отдаваемыхъ въ оброчное содержаніе. въ округахъ военнаго поселенія, и проч.

Всѣ эти источники. вмѣстѣ съ процентами на доставленныя ими суммы, вообще дали въ продолженіи пяти лѣтъ, съ 1818 по 1823 г. 28,940,626 р. 90 коп.

Изъ этой суммы, въ продолженіи тѣхъ-же пяти лѣтъ, издержано на устройство военныхъ поселеній . . . . . 13,798,129 р. 59¾ к.

Къ 1823 году, поселенная кавалерія, уже продовольствуясь собственными трудами съ 1820 года, успѣла вознаградить болѣе половины всѣхъ суммъ вообще издержанныхъ на военныя поселенія, именно: возвращены въ государственное казначейство всѣ подати съ народонаселенія, вошедшаго въ округи военнаго поселенія, составлявшія 399,585 рублей, и сокращены государственные расходы на продовольствіе войскъ, по смѣтамъ военнаго министерства, съ 1820 по 1823 годъ, на 7,641,453 рубля, слѣдовательно общее вознагражденіе составляло болѣе восьми милліоновъ рублей.

За исключеніемъ же всѣхъ расходовъ на военныя поселенія, вознагражденія отпущенныхъ суммъ. переданнаго въ государственное казначейство, и суммы 2,366,074 р. 13 к., требуемой по смѣтѣ на всѣ

расходы въ 1823 году, наличные капиталы поселеній, къ 1 марта сего года, съ остатками отъ прежнихъ суммъ и съ процентами, причисленными по 1 генваря того-же года, вообще простирались до 16.533.363 р. 48³/₄ к. *). Независимо отъ этой суммы, состоявшей въ распоряженіи правительства, военныя поселенія владѣли частными капиталами, (важнѣйшій изъ коихъ былъ заемный капиталъ военныхъ поселянъ, на сумму 944.599 р.), вообще составлявшими 1.106.028 р. 65 к. Всего-же различныхъ капиталовъ военнаго поселенія тогда было на сумму 17,639,392 рубля 13³/₄ копѣйки (9).

Къ 1-му апрѣля 1824 года, за исключеніемъ суммы, ассигнованной на всѣ издержки въ семъ году, 2,517,418 р. 88³/₄ к. наличные капиталы военныхъ поселеній вообще простирались болѣе двадцати милліоновъ рублей (10). Къ 1 апрѣля 1825 года, за исключеніемъ суммы, ассигнованной на всѣ издержки въ семъ году, 3,613,548 р. 53¹/₂ к. наличныхъ капиталовъ вообще было около двадцати-трехъ милліоновъ рублей (11), а къ 1 апрѣля 1826 года, за исключеніемъ суммы, ассигнованной на всѣ издержки въ семъ году, 3,757,540 р. 24¹/₂ к. наличные капиталы военныхъ поселеній вообще простирались болѣе двадцати-шести съ половиною милліоновъ рублей (12).

Для управленія всею хозяйственною частью военныхъ поселеній, былъ учрежденъ въ 1818 году Экономическій Комитетъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ предшествовавшемъ году штата. Комитетъ состоялъ изъ предсѣдателя, нѣсколькихъ членовъ и директора строительныхъ работъ, либо помощника его. Дѣла, поступавшія въ комитетъ, рѣ-

*) Значительную часть этихъ капиталовъ составляли суммы, отпущенныя, по Высочайшимъ повелѣніямъ, изъ государственнаго казначейства.

шались по большинству голосовъ; въ случаѣ-же несогласія мнѣнія предсѣдателя съ мнѣніемъ членовъ — главнымъ начальникомъ поселеній. Начальники дивизій обязаны были сообщать комитету, для свѣдѣнія, о всѣхъ подрядахъ не свыше 15,000 рублей; о подрядахъ-же, превышающихъ эту сумму, входили съ представленіемъ чрезъ Экономическій Комитетъ, къ главному надъ военными поселеніями начальнику. Комитету дано было право заключать подряды на сумму до 25,000 рублей, не испрашивая разрѣшенія; о подрядахъ свыше этой суммы онъ долженъ былъ представлять главному начальнику; а на всѣ расходы, опредѣленные штатами, смѣтами и Высочайшими указами, комитетъ былъ уполномоченъ распоряжаться самъ собою.

Обязанности Экономическаго Комитета вообще относились къ тремъ главнымъ предметамъ: 1) къ исчисленію и распредѣленію денежныхъ суммъ; 2) къ заготовленію матеріаловъ и инструментовъ, и 3) къ надзору за дѣйствіями полковыхъ комитетовъ, въ отношеніи употребленія ими денежныхъ суммъ. Отвѣтственность комитета соразмѣрялась предоставленной ему власти. Онъ отвѣчалъ: за упущеніе времени въ заготовленіи матеріаловъ и инструментовъ; за самое заготовленіе ихъ свыше разрѣшенной цѣны и безъ свѣдѣній, удостовѣряющихъ въ уплатѣ денежныхъ суммъ; за непринятіе своевременно мѣръ къ заготовленію матеріаловъ на счетъ неисправныхъ поставщиковъ; за невѣрное соображеніе количества нужныхъ къ наступающему году матеріаловъ и инструментовъ; за неучрежденіе нужныхъ запасовъ; за позднее доставленіе купленныхъ имъ предметовъ, за несходство ихъ съ образцами, либо за дурное качество ихъ, и, наконецъ, за всѣ упущенія по хозяйственной части ([13]).

При устройствѣ военныхъ поселеній, главныхъ издержекъ потребовало возведеніе различныхъ построекъ, именно:

Въ 1820 году		1,987,059 р.	73 коп.
„ 1821 „		1,704,950 „	94¼ „
„ 1822 „		2,343,297 „	65 „
„ 1823 „		2,040,083 „	82½ „
„ 1824 „		2,047,044 „	26½ „
„ 1825 „		2,422,476 „	4¾ „

Ежегодно, вмѣстѣ съ смѣтою суммъ, назначаемыхъ на устройство военныхъ поселеній, составлялось *Предположеніе о производствѣ строеній* въ томъ году ([14]). Въ этомъ предположеніи были исчисляемы, особо по каждому округу, предполагаемыя постройки, съ означеніемъ количества потребныхъ на то матеріаловъ. а въ самой смѣтѣ были показаны: 2) всѣ суммы необходимыя на продовольствіе наряжаемыхъ на работы войскъ и на наемъ вольныхъ мастеровъ; 2) суммы на продовольствіе сухимъ фуражемъ лошадей и воловъ, состоявшихъ въ конно-рабочихъ командахъ; 3) суммы на заготовленіе и подвозку къ мѣстамъ работъ строительныхъ матеріаловъ: кирпича и дровъ для кирпичныхъ заводовъ, извести, бревенъ, досокъ, оконныхъ рамъ, булыжнаго камня, и проч. 4) на снабженіе рабочихъ нужнымъ инструментомъ, и т. п.

Работы производились, подъ руководствомъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ строительномъ дѣлѣ, вольными мастерами, вновь сформированными военно-рабочими баталіонами, преимущественно-же военными поселянами и войсками, наряжаемыми въ значительномъ числѣ, каждое лѣто. Въ 1820 году, было назначено на работы военныхъ поселеній: 6 гренадерскихъ баталіоновъ, 29 пѣхотныхъ, 2 военно-рабочихъ, 3 составленныхъ изъ людей поселенныхъ ба-

таліоновъ 1-й гренадерской дивизіи, и одинъ изъ парковыхъ фурлейтовъ, да 6 артиллерійскихъ ротъ, всего-же до 15,000 человѣкъ. Въ 1821 году, состояло на работахъ: 51 гренадерскихъ и пѣхотныхъ баталіоновъ, 3 военно-рабочихъ и 6 артиллерійскихъ ротъ, въ числѣ 16,350 человѣкъ. Въ 1822 году: 64 гренадерскихъ и пѣхотныхъ баталіоновъ, 4 военно-рабочихъ баталіона и 15 артиллерійскихъ ротъ, въ числѣ 21,600 человѣкъ. Въ 1823 году: 82 гренадерскихъ и пѣхотныхъ баталіона, 4½ рабочихъ баталіона и 18 артиллерійскихъ ротъ, въ числѣ до 26.000 человѣкъ. Въ 1824 году: 82 гренадерскихъ и пѣхотныхъ баталіона, 4½ военно-рабочихъ баталіона и 18 артиллерійскихъ ротъ, въ числѣ 25.600 человѣкъ, да, кромѣ того, 3 гренадерскихъ и 2 карабинерныхъ баталіона, въ числѣ 3,500, всего-же 29.000 человѣкъ. Въ 1825 году: 92 пѣхотныхъ и 6 военно-рабочихъ баталіоновъ, и 20 артиллерійскихъ ротъ, въ числѣ 32,375 человѣкъ, да кромѣ того, 5 гренадерскихъ и 2 карабинерныхъ, дѣйствующихъ баталіоновъ, въ числѣ 4.900, всего-же до 38-ми тысячъ человѣкъ.

Работы производились ежегодно, въ теченіи шести мѣсяцевъ, съ 15-го апрѣля по 15-е октября, кромѣ конно-рабочихъ командъ, остававшихся на работахъ круглый годъ. До 1821 года включительно, солдаты работали по шести дней въ недѣлю; въ послѣдствіи-же, смертность, усилившаяся чрезвычайно между рабочими, заставила ограничить работы пятью днями въ недѣлю. Въ продолженіи всего рабочаго времени, солдаты, кромѣ провіанта, получали на продовольствіе отъ 10-ти до 15-ти копѣекъ въ сутки. Наемъ вольныхъ мастеровъ стоилъ довольно дорого: въ 1820 году, издержано на содержаніе 12-ти камено-ломщиковъ, 20 камнетесцевъ и нѣсколькихъ кровель-

щиковъ 27,800 рублей; въ 1821 году, на содержаніе мастеровъ землебитнаго дѣла, нанятыхъ въ Варшавѣ, 7,140 рублей, и мастеровъ, нанятыхъ въ тверской губерніи, для кладки подъ дома военныхъ поселянъ фундаментовъ изъ булыжнаго камня, 1,700 рублей, при чемъ они обязались обучить этимъ мастерствамъ военныхъ поселянъ, къ тому назначенныхъ. Въ 1822 году, на наемъ 20-ти мастеровъ для мощенія булыжникомъ улицъ, съ чемъ вмѣстѣ они должны быть обучить сей работѣ людей къ тому назначенныхъ, отпущено 8,255 рублей (15).

Устройство и дальнѣйшее преуспѣяніе военныхъ поселеній, по мысли графа Аракчеева, преимущественно было основано на успѣхѣ земледѣлія, даже и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя, по свойствамъ своимъ, не подавали къ тому надежды.

Въ 1821 году, по докладу графа Аракчеева, Высочайше повелѣно водворить въ новгородской губерніи, между округами военнаго поселенія 1-й гренадерской дивизіи, нѣсколько иностранныхъ колонистовъ, для поданія нашимъ поселенцамъ примѣра улучшенной обработки земли и хорошаго хозяйства; кромѣ того, по мнѣнію главнаго начальника военныхъ поселеній, такіе колонисты, по самому образу своей жизни, трезвости, чистотѣ и домашнему порядку, могли имѣть полезное вліяніе на сосѣдственныхъ имъ военныхъ поселянъ. На первый разъ, между округами полковъ Короля Прусскаго и графа Аракчеева, были водворены два семейства, избранныя изъ числа нѣсколькихъ, изъявившихъ желаніе переселиться, на предложенныхъ имъ условіяхъ, изъ петербургскихъ колоній въ новгородскую губернію. Каждому семейству дано по 50-ти десятинъ земли, изъ которой разчищено для пашни войсками по 6-ти десятинъ; выстроены имъ, на счетъ казны, домы съ надворнымъ строе-

ніемъ, и для этого отпущено по смѣтѣ 5,252 рубля кромѣ того, дано имъ, съ постепеннымъ возвратомъ, по минованіи 10-ти лѣтъ: на перевозку каждаго семейства по 50-ти рублей; на снабженіе скотомъ и другими хозяйственными потребностями по 980-ти рублей; на сѣмянный хлѣбъ и картофель по 200 рублей; на пропитаніе въ первый годъ по 300 рублей; на удобреніе полей по 900 рублей, всего-же заимообразно на оба семейства 4860 рублей, сверхъ возврата коихъ колонисты обязались, по истеченіи льготныхъ десяти лѣтъ, платить въ сумму военнаго поселенія съ каждой десятины по 1 р. 25 коп. поземельной подати ([16]).

Въ 1816 году, когда, по докладу Графа Аракчеева, было приступлено къ поселенію служителей Охтенскаго пороховаго завода, выбрано изъ нихъ 116 „достойныхъ сего по поведенію и способностямъ". Въ числѣ ихъ было 79 такихъ, которые, упражняясь въ различныхъ ремеслахъ, никогда не занимались земледѣліемъ, и по тому предпочли остаться при прежнихъ занятіяхъ своихъ, съ тѣмъ, чтобы работать четыре дня въ недѣлю для казны, а два дня въ свою пользу, и даже отказались отъ получаемаго ими до того времени казеннаго провіанта. Остальные-же 37 (въ послѣдствіи 40) были назначены въ хлѣбопашцы, на общемъ положеніи военныхъ поселянъ. Для засѣва полей дано этимъ поселянамъ заимообразно, разнаго рода хлѣба, 384 четверти, кои возвращены изъ урожаевъ 1817, 1818 и 1819 годовъ, а къ 1820-му году, за сдѣланнымъ уже посѣвомъ, оказалось на лицо 708 четвертей, изъ которыхъ поступило въ запасный магазинъ 310, и кромѣ того осталось въ избыткѣ 398 четвертей.

Такой успѣхъ земледѣлія охтянскихъ поселянъ убѣдительно доказалъ, что они въ состояніи продовольствовать себя и свои семейства, и на будущее время, собственнымъ хлѣбомъ, и по тому предписано: во 1-хъ, прекратить отпускъ хлѣба изъ провіантскаго вѣдомства, для поселенныхъ заводскихъ жителей, кромѣ провіанта на сыновей ремесленниковъ, неупражняющихся въ хлѣбопашествѣ, который отпускать имъ по прежнему; во 2-хъ, весь оставшійся въ избыткѣ хлѣбъ, 398 четвертей, предоставить въ собственность сорока семействъ хлѣбопашцевъ, и отдавать имъ впредь, послѣ каждаго урожая, весь остающійся хлѣбъ, кромѣ того, который нуженъ для новаго посѣва и для поступленія въ запасный магазинъ; въ 3-хъ, деньги, вырученныя отъ продажи оставшагося въ экономіи провіанта, на 79 ремесленниковъ, всего 9.970 рублей, употребить на учрежденіе заемнаго капитала, который послужилъ-бы поселянамъ на случай непредвидѣнной надобности: ремесленникамъ—для различныхъ оборотовъ, а хлѣбопашцамъ—для покупки убылаго скота, и вообще для улучшенія ихъ хозяйства.

Тогда-же, по представленію графа Аракчеева, изъ этихъ военныхъ поселянъ, ремесленниковъ и хлѣбопашцевъ, была сформирована „поселенная рота Охтенскаго пороховаго завода", въ числѣ 130-ти человѣкъ. Изъ остальной команды завода предписано поставить на первый случай по одному постояльцу въ домѣ каждаго изъ хозяевъ поселенной роты, всего 6 унтеръ-офицеровъ и 120 рядовыхъ, на которыхъ отпускался провіантъ въ распоряженіе хозяевъ, обязанныхъ за то кормить своихъ постояльцевъ вмѣстѣ съ собою; постояльцы-же, съ своей стороны, должны были, во все свободное отъ заводскихъ работъ время, и не менѣе двухъ дней въ недѣлю, помогать хо-

зяевамъ въ ихъ сельскихъ работахъ. Командиру завода вмѣнялось въ обязанность: во 1-хъ, стараться объ улучшеніи хозяйства поселянъ-хлѣбопашцевъ, дабы со временемъ возложить на нихъ продовольствованіе постояльцевъ ихъ провіантомъ, прекративъ отпускъ его отъ казны, и во 2-хъ, наблюдать, чтобы у поселянъ-ремесленниковъ обучались ихъ дѣти тѣмъ ремесламъ, коими они занимались сами, а бездѣтнымъ велѣно давать, съ этою-же цѣлью, на воспитаніе сиротъ.

Графъ Аракчеевъ, ходатайствуя объ утвержденіи „Положенія о поселенной ротѣ Охтенскаго пороховаго завода“, доносилъ, что „прекративъ отпускъ провіанта хозяевамъ и сыновьямъ ихъ, состоявшимъ тогда въ числѣ 155-ти человѣкъ, казна, даже отъ столь ограниченнаго числа людей, можетъ сберечь 8,000 р., слѣдственно благотворное попеченіе правительства о сокращеніи государственныхъ расходовъ постепенно достигается“.... ([17]). Графъ Аракчеевъ исчислялъ выгоду отъ сбереженія продовольствія, по сложнымъ въ государствѣ цѣнамъ, отъ каждаго поселеннаго кавалерійскаго полка до 100 тысячъ, а отъ пѣхотнаго до 80 тысячъ рублей, ежегодно. Но при этомъ выводѣ упущены были изъ вида издержки на расчистку полей и на обзаведеніе новыхъ поселенцевъ скотомъ, лошадьми и земледѣльческими инструментами, а также столовыя деньги генераламъ и штабъ-офицерамъ и прибавочное полугодовое жалованье оберъ-офицерамъ поселенныхъ войскъ, и проч. ([18]). Что-же касается до благоденствія и довольства своимъ состояніемъ охтянскихъ поселянъ, то высшее начальство наименѣе заботилось о томъ, обращая вниманіе преимущественно на выказаніе въ отчетахъ вы-

годъ, происходящихъ отъ учрежденія военныхъ поселеній.

Отчетность по употребленію суммъ, предоставленныхъ въ распоряженіе Экономическаго Комитета военныхъ поселеній, вообще была довольно запутана. Да и не могло быть иначе: отпускъ этихъ суммъ производился изъ различныхъ источниковъ, принадлежавшихъ къ нѣсколькимъ министерствамъ, а правильный учетъ денегъ и матеріаловъ въ огромномъ хозяйствѣ военныхъ поселеній едвали былъ возможенъ. Не входя въ подробности смѣтъ и отчетовъ графа Аракчеева, ограничимся общимъ выводомъ изъ росписей государственныхъ расходовъ за послѣдніе годы царствованія Александра I: не смотря на то, что Россія въ этомъ періодѣ времени вела войну только на Кавказѣ, да и то въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, издержки на военную часть, съ 1817 по 1823-й годъ, постоянно увеличивались; въ послѣдствіи-же, учрежденіе военныхъ поселеній хотя послужило къ уменьшенію издержекъ по военному министерству, однакоже не оправдало на дѣлѣ тѣхъ надеждъ, которыми увлекались панегиристы военныхъ поселеній.

Народонаселеніе почти во всѣхъ округахъ военныхъ поселеній увеличивалось вмѣстѣ съ превосходствомъ числа родившихся надъ числомъ умершихъ, но принявъ во вниманіе значительную смертность взрослыхъ людей на казенныхъ работахъ, иногда доходившую до десятой части всего числа ихъ, оказывается, что и въ отношеніи къ дѣйствительному умноженію народонаселенія результатъ былъ весьма неудовлетворителенъ. Что-же касается до нравственнаго состоянія поселенныхъ войскъ, то свидѣ-

тельство наиболѣе близкихъ къ нимъ современниковъ не оставляетъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что оно было въ крайнемъ упадкѣ. „Главное начальство—говоритъ Панаевъ—выбравъ, что было получше изъ офицеровъ и болѣе способныхъ, назначало ихъ частными начальниками работъ, предоставивъ въ полное ихъ распоряженіе баталіоны, на работѣ бывшіе. Баталіонные командиры старались вытѣснить всѣми способами образованныхъ офицеровъ и поручить командованіе ротами произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ, или такимъ, кои, по неимѣнію средствъ къ существованію, не разбирали средствъ и были покорны, даже противу присяги и совѣсти.... Шпіонство съ одной стороны, и побужденіе нижнихъ чиновъ къ доносамъ на ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими - съ другой, совершенно ослабляли всю дисциплину и связь между начальниками и подчиненными. Инспектирующіе всегда спрашивали солдатъ о претензіяхъ: не употребляютъ-ли ихъ въ праздники и неизнурительны-ли для нихъ работы? Ежели начальника хотѣли удержать, то и по справедливой жалобѣ отдавали претендующихъ подъ судъ; а ежели хотѣли отстранить кого, то жалоба принималась и начальникъ отдавался подъ судъ.... Жестокости и строгости было много, но дисциплины не было; войска были деморализированы начальствомъ, а начальники, съ своей стороны, получая свыше приказанія, кои могли возбудить ропотъ между нижними чинами, исполняли эти приказанія не прямо отъ себя, но старались внушить солдатамъ, что еслибы не было приказано, то они не стали-бы мучить людей. Военное начальство всегда старалось выставлять себя защитниками солдатъ, приказывая секретно не баловать ихъ, задавать уроки больше, высылать на

работу и по праздникамъ, и, ежели спросятъ: отъ чего люди въ праздникъ выведены на работу? отвѣчать, что „это лѣнивцы, не сдѣлавшіе своихъ уроковъ. Командиры-же, обращаясь къ солдатамъ, говорили имъ, что это они дѣлаютъ не по своей волѣ, и приказывали, ежели начальникъ спроситъ: за чѣмъ вы лѣнитесь? отвѣчать громко: „впредь ради стараться“, обѣщая отпустить съ работы, какъ только проѣдетъ начальникъ. Такія ухищренія, не заставляя солдатъ любить начальниковъ, лишали ихъ уваженія къ ближайшимъ командирамъ, обнаруживая ихъ слабость ([19]). Весьма понятно, что въ такомъ положеніи дѣла офицеры вовсе недорожили службою, и какъ запрещенъ былъ переводъ изъ поселеній въ дѣйствующія войска, то случались доселѣ неслыханные въ русской арміи побѣги офицеровъ, служившихъ въ военныхъ поселеніяхъ.

Графъ Аракчеевъ, объѣзжая военныя поселенія, старался въ докладахъ Императору успокоить кроткую душу Государя постоянными донесеніями, что: „коренные жители обучаются всему по доброй ихъ волѣ, безъ принужденія“; что: „жалобъ и неудовольствій ни отъ кого принесено не было, и напротивъ того, сосѣднія селенія съ похвалою отзываются о поселенныхъ баталіонахъ“; что: „всѣ люди смирны, учтивы и спокойны“, и проч. ([20]). Но, съ другой стороны, въ донесеніяхъ подвѣдомственныхъ Аракчееву начальниковъ, находимъ множество случаевъ внезапной смерти „отъ апоплексическаго удара, (т. е. по всей вѣроятности, вслѣдствіе жестокихъ наказаній), и самоубійствъ, безъ всякой причины“. За одинъ 1821-й годъ, въ военныхъ поселеніяхъ было, *по официіальнымъ донесеніямъ*, 69 случаевъ скоропостижной смерти и 12 самоубійствъ ([21]). А сколько

могло быть ихъ на самомъ дѣлѣ? Позволяемъ себѣ сдѣлать такой вопросъ не изъ намѣренія представить положеніе военныхъ поселеній въ болѣе мрачномъ видѣ, нежели оно было въ дѣйствительности, а потому, что всѣ вообще отчеты вѣдомства военныхъ поселеній не отличались соблюденіемъ строгой точности.

ГЛАВА LXXII.

Царство Польское.

(1818—1825 г.).

Чтобы получить ясное понятіе о положеніе Царства Польскаго въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, необходимо бросить бѣглый взглядъ на то, что̀ происходило въ сей странѣ по занятіи ея русскими войсками.

Уничтоженіе въ 1812 году Наполеоновой арміи, на которую Поляки возлагали всѣ свои надежды, поразило ихъ изумленіемъ и страхомъ. Когда-же, по занятіи Варшавы, кротость побѣдителей разсѣяла опасенія побѣжденныхъ, жители герцогства варшавскаго, уже имѣвшіе случай узнать на дѣлѣ двуличіе Наполеона и лживость его обѣщаній, обратились къ великодушію Императора Александра, который, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, явился верховнымъ рѣшителемъ судебъ ихъ. Не трудно было вождю европейскихъ силъ, миротворцу Европы, присоединить къ Россіи завоеванное его оружіемъ герцогство варшавское. Александръ предпочелъ облагодѣтельствовать Поляковъ, давъ имъ свободныя учрежденія, чего они сами едва-ли могли надѣяться послѣ участія ими принятаго въ войнѣ 1812 года. Не мѣсто

здѣсь говорить, согласовалось ли возстановленіе Польши съ выгодами Россіи? Тому отвѣтъ — послѣдующія событія.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что образованіе Царства Польскаго было принято въ Варшавѣ довольно холодно. За то, провозглашеніе конституціи, совершенное съ большою торжественностью, 9 (21) іюня 1815 года, возбудило общій восторгъ. Что касается до двухъ главныхъ лицъ, поставленныхъ въ челѣ администраціи и вооруженныхъ силъ Царства, то генералъ Заіончекъ, назначенный Намѣстникомъ и возведенный въ княжеское достоинство, старый воинъ незнатнаго происхожденія, пользовался сочувствіемъ народа, но не нравился польской аристократіи, и въ особенности встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны князя Адама Чарторыскаго, который надѣялся получить званіе Намѣстника, какъ по личнымъ своимъ достоинствамъ, такъ и по прежнимъ отношеніямъ своимъ къ Императору Александру. Начальство-же надъ вновь сформировонною польскою арміею было ввѣрено Государемъ Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу. Великій Князь имѣлъ справедливо заслуженную славу отличнаго организатора войскъ и въ короткое время довелъ ввѣренную ему армію до совершенства въ высокой степени. Къ сожалѣнію, добрый, но вспыльчивый и неровный характеръ его возбудилъ неудовольствіе его подчиненныхъ, и въ особенности между польскими офицерами, отвыкшими, въ продолженіи своего скитальчества подъ знаменами Наполеона, отъ соблюденія строгой дисциплины и считавшими всякое взысканіе по службѣ за нестерпимую для себя обиду. Случилось — на смотру, во время пребыванія въ Варшавѣ Великой Княгини Екатерины Павловны и въ присутствіи Наслѣднаго принца виртембергскаго, что

Цесаревичъ, разсерженный многими ошибками двухъ офицеровъ, поставилъ ихъ во фронтъ за рядовыхъ. Люди, недоброжелательные къ Великому Князю, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать противъ него демонстрацію, и открыли общую подписку въ пользу наказанныхъ офицеровъ, которые, по словамъ ихъ, не могли долѣе оставаться на службѣ и должны были подать въ отставку. Напрасно генералъ Петровскій и нѣсколько другихъ военныхъ отказались отъ участія въ подпискѣ, говоря, что эти офицеры не могли считать себя обезчещенными, будучи поставлены въ строй за солдатъ. „Я самъ началъ службу солдатомъ и считаю это себѣ за честь“ — сказалъ Петровскій. Но всѣ такія увѣщанія не успѣли образумить пылкихъ юношей. Вслѣдъ за тѣмъ, адъютантъ генерала Красинскаго, Вильчекъ застрѣлился; другой офицеръ покушался повѣситься, но былъ спасенъ своими товарищами. Новосильцовъ, опасаясь еще худшихъ послѣдствій, рѣшился писать къ Государю, прося его вызвать Великаго Князя, подъ какимъ-либо предлогомъ, въ Петербургъ; но, между тѣмъ, Константинъ Павловичъ, желая разъ навсегда положить конецъ подобнымъ происшествіямъ, отправился съ генераломъ Курутою въ казарму полка, въ которомъ служили обидѣвшіеся офицеры, и тамъ, въ присутствіи полковника и прочихъ сослуживцевъ ихъ, объявилъ имъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія обезчестить достойныхъ офицеровъ и что взысканіе, коему они подверглись, не было постыдно. „Ежели правда то, что̀ я слышалъ, сказалъ онъ — будтобы ваши офицеры не хотятъ служить съ вами, и что это побуждаетъ васъ проситься въ отставку, то предлагаю вамъ удовлетвореніе, на чемъ угодно“. Этотъ великодушный поступокъ Цесаревича заставилъ офице-

ровъ броситься къ ногамъ его съ увѣреніями неограниченной преданности и усердія ([1]).

Доводя о томъ до свѣдѣнія Государя, Новосильцовъ тогда-же донесъ о проискахъ князя Чарторыскаго, который дозволилъ себѣ измѣнить нѣкоторые изъ важнѣйшихъ статутовъ государственнаго совѣта, подъ предлогомъ согласованія частей этого постановленія, и успѣлъ убѣдить Намѣстника, будтобы въ этихъ статутахъ были сдѣланы только самыя ничтожныя поправки. Слѣдствіемъ такого подлога было обнародованіе помянутыхъ статутовъ, въ варшавской газетѣ 4 мая н. ст. 1816 года, въ превратномъ видѣ. Такъ напримѣръ, въ 7-й статьѣ было сказано: „ежели министръ не захочетъ утвердить своею подписью какое-либо распоряженіе Намѣстника, находя его несогласнымъ съ конституціонною хартіей, съ законами или съ пользами страны, дозволяется утвердить его подписью другому министру. Если-же никто изъ министровъ не пожелаетъ принять на себя такую отвѣтственность, то распоряженіе Намѣстника пріостанавливается, и о томъ доносится Царю, который рѣшаетъ дѣло сообразно 47-й статьѣ конституціонной хартіи“. Во французскомъ-же оригиналѣ, подписанномъ Государемъ, значилось: „Ежели распоряженіе Намѣстника, по мнѣнію министра, несогласно съ конституціонною хартіею, съ законами или съ выгодами страны, то онъ, не смотря на то, долженъ скрѣпить его своею подписью (contresigner). Но онъ можетъ изложить поводы своего неодобренія въ особомъ протоколѣ, котораго сущность будетъ немедленно представлена Государю Намѣстникомъ, и въ такомъ случаѣ съ министра слагается всякая отвѣтственность“ ([2]). Недоразумѣнія, возникшія между Чарторыскимъ и Новосильцовымъ, побудили перваго про-

ситься въ отпускъ, на что̀ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе ([3]).

Пребываніе Императора Александра на сеймѣ 1818 года возбудило общій восторгъ въ склонномъ къ увлеченію польскомъ народѣ, а посѣщеніе Варшавы вдовствующею Императрицею, въ сентябрѣ того-же года, на пути за границу, имѣло самыя благотворныя послѣдствія. Донося о томъ Государю, Новосильцовъ писалъ: „никогда не могло быть болѣе счастливаго событія для укрѣпленія связей, соединяющихъ Польшу съ Россіею, и для разсѣянія порицаній, которымъ иногда подвергалась въ Россіи система дѣйствій, столь-же мудрая, сколько и великодушная, принятая Вашимъ Величествомъ въ отношеніи къ Польшѣ. Причинами такихъ благопріятныхъ послѣдствій были — съ одной стороны величіе, доброта и привѣтливость Императрицы, оказавшія невыразимое вліяніе на всѣхъ здѣшнихъ жителей, а съ другой — убѣжденіе Ея Величества въ томъ, что никто лучше Васъ, Государь, не могъ сообразить средствъ къ погашенію непримиримой ненависти между двумя народами, продолжавшейся въ теченіи многихъ вѣковъ, и къ водворенію между ними совершеннаго согласія“ ([4]).

Несмотря однакоже на такія сангвиническія увѣренія, партія недовольныхъ не оставляла своихъ происковъ. Въ концѣ 1819 года, по случаю похоронъ польскаго министра финансовъ Матушевича, секретарь сената, извѣстный польскій литераторъ и историкъ, Нѣмцевичъ произнесъ рѣчь, въ которой шло дѣло не столько о восхваленіи умершаго, сколько о начертаніи самыми мрачными красками мнимыхъ бѣдствій, терпимыхъ Польшею отъ несправедливостей и преступленій, совершенныхъ сосѣдственными ей державами. Въ письмѣ къ Государю, Новосильцовъ,

изъявляя сожалѣніе, что такой неприличный поступокъ былъ сдѣланъ не школьниками, подлежащими домашнему взысканію, а секретаремъ сената, членомъ коммисіи народнаго просвѣщенія, доносилъ, что едва-ли можно было надѣяться исправить вредный духъ, вкравшійся въ учебныя заведенія царства, пока во главѣ ихъ будутъ подобные люди, и представлялъ объ увольненіи Нѣмцевича отъ занимаемыхъ имъ должностей, на что̀ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе (5).

Въ 1820 году, выборы депутатовъ на частныхъ сеймахъ (сеймикахъ) Царства Польскаго подали поводъ къ большимъ безпорядкамъ. Во многихъ мѣстахъ были избраны люди безпокойные, извѣстные своимъ постояннымъ противодѣйствіемъ самымъ благодѣтельнымъ мѣрамъ правительства. Польская газета „Бѣлый Орелъ“ приняла дѣятельное участіе въ неблагонамѣренныхъ манифестаціяхъ, выхваляя наиболѣе буйныхъ кандидатовъ, и въ особенности Бонавентуру Немоевскаго, брата одного изъ депутатовъ, шумѣвшаго на сеймѣ 1818 года. Новосильцовъ довелъ до свѣдѣнія Государя о всѣхъ этихъ проискахъ, и послѣдствія убѣдили въ справедливости его донесеній. Немоевскій велъ себя на сеймѣ такъ неприлично, что ему было запрещено являться въ Варшавѣ, во время присутствія тамъ Императора (6).

Безуспѣшность втораго польскаго сейма, 1820 года, возбудила справедливое неудовольствіе Государя, котораго благія мѣры были затрудняемы бурными совѣщаніями депутатовъ и постояннною оппозиціею. Причинами тому были недостатокъ силы и твердости въ партіи правительства и неудовлетворительный составъ государственнаго совѣта. Новосильцовъ предлагалъ преобразовать совѣтъ Царства, раздѣливъ его на департаменты, подобно совѣту Им-

періи, что̀, не будучи нисколько противно конститутуціи, способствовало-бы усиленію и популярности правительства, которое имѣло-бы на своей сторонѣ людей, наиболѣе даровитыхъ и пользующихся общимъ довѣріемъ своихъ сограждан. Нѣкоторые члены совѣта моглибъ быть избраны изъ сенаторовъ и депутатовъ. кои, имѣя вѣсъ въ публикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принесли-бы пользу совѣту своими свѣдѣніями и опытностью по многимъ предметамъ.

На счетъ *общественнаго духа* въ Варшавѣ, и вообще въ Царствѣ, хотя и неподлежало сомнѣнію, что часть жителей была весьма хорошо расположена къ сліянію съ Россіей, отъ которой исключительно зависѣли безопасность и благосостояніе Польши, однакоже многіе были совершенно инаго мнѣнія. Въ особенности-же въ средѣ студентовъ и молодёжи встрѣчалось немало порицателей современнаго положенія дѣлъ, мечтавшихъ о независимости Польши и думавшихъ достигнуть своей цѣли какимъ-либо насильственнымъ переворотомъ. Къ сожалѣнію, въ числѣ фрондёровъ были люди участвовавшіе въ управленіи, и по тому весьма опасные.

Какъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, не было принято правительствомъ никакихъ мѣръ для привлеченія на свою сторону общественнаго мнѣнія въ Царствѣ Польскомъ, то изъ всѣхъ заграничныхъ журналовъ, французскихъ и англійскихъ, выписывались тамъ преимущественно тѣ, которые, будучи враждебны правительству, распространяли въ обществѣ вредныя мысли и правила, либо передавали искаженные факты. Подобнымъ-же образомъ, публика предпочитала такія политическія брошюры, кои отличались опасными ученьями, или крайнею дерзостью. Такъ наприм. въ Варшавѣ съ жадностью читали брошюру Биньона о неаполитанскомъ возстаніи, а нѣ-

мецкіе журналы, въ которыхъ она была превосходно разобрана, остались неизвѣстны. Польские журналы, (кои большею частью издавались весьма молодыми людьми), сообщали своимъ читателямъ содержаніе лишь оппозиціонной иностранной прессы, распространяя въ провинціяхъ ложныя сужденія и вѣсти. Для противодѣйствія тому, Новосилъцовъ предлагалъ подвергнуть благоразумной, но строгой цензурѣ всѣ заграничные журналы и брошюры, и въ особенности обратить вниманіе на хорошій выборъ тѣхъ изъ нихъ, которые выписывало само правительство. По его мнѣнію, было довольно странно, что государственный совѣтъ не получалъ никакого англійскаго періодическаго изданія, кромѣ Morning Chronicle, и что изъ четырехъ выписываемыхъ имъ французскихъ журналовъ, было два оппозиціонныхъ: Le Constitutionel и Le Courrier Français. Новосильцовъ полагалъ, что весьма былобы полезно издавать въ Варшавѣ журналъ въ духѣ и въ интересахъ правительства, и приводилъ въ примѣръ тому монархіи съ представительными учрежденіями, Англію и Францію, гдѣ издавалось болѣе журналовъ въ духѣ правительства нежели оппозиціонныхъ; а въ Польшѣ, напротивъ того, не было ни одного правительственнаго періодическаго изданія. Въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ также выходили офиціальные журналы, имѣвшіе обширный кругъ читатателей, потому что они сообщали стольже свѣжія, сколько и достовѣрныя извѣстія. Безъ сомнѣнія, такими средствами нельзя было навести на путь истины тѣхъ, которые не хотѣли ея слышать. Но людямъ благонамѣреннымъ можно было доставить средство опровергать обманчивые доводы и противодѣйствовать ложнымъ слухамъ правдивыми извѣстіями, въ ожиданіи чего они были принуждены, молча, вы-

слушивать отголоски иностранной оппозиціи, совершенно овладѣвшіе общественнымъ мнѣніемъ.

Народное образованіе, оказывающее столь важное вліяніе на духъ общества, состояло въ Царствѣ подъ руководствомъ исправлявшаго съ похвальнымъ усердіемъ обязанности министва духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, графа Грабовскаго. Новосильцовъ, назначенный, по взаимному соглашенію Союзныхъ державъ, кураторомъ краковскаго университета, совѣщался съ Грабовскимъ на счетъ мѣръ, которыя могли послужить къ учрежденію новаго порядка между учащимися въ обоихъ польскихъ университетахъ (варшавскомъ и краковскомъ), а также къ дѣятельнѣйшему надзору надъ профессорами и ихъ ученіемъ.

Для обращенія католическаго духовенства къ прямымъ его обязанностямъ, надлежало, по мнѣнію Грабовскаго и Новосильцова, предохранить молодыхъ людей, посвящающихъ себя этому званію, отъ соблазна ученій новѣйшей философіи, и съ такою цѣлью преподавать богословскія науки не въ университетахъ, а исключительно въ семинаріяхъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ епископовъ. Богословскіе же факультеты въ университетахъ должны были существовать только для прочихъ исповѣданій, дабы доставить юношеству возможность пріобрѣтать необходимыя познакія въ своей странѣ, а не въ германскихъ университетахъ. Съ этою цѣлью, австрійское правительство также учредило въ вѣнскомъ университетѣ факультетъ протестантскаго богословія.

Варшавскіе театры, и въ особенности такъ называемый *народный театръ*, оставались безъ надлежащаго надзора, въ отношеніи къ выбору даваемыхъ піэсъ. Чтобы угодить публикѣ, содержатели театровъ обратили ихъ въ школы буйнаго либерализма, гдѣ

всѣ распоряженія правительства явно подвергались посмѣянію. Таковы были театры во Франціи передъ революцій; въ Германіи, нѣкоторые изъ драматическихъ писателей, подражая французскихъ образцамъ, также предавали презрѣнію правителей и правительство. Въ Варшавѣ, играли такія-же піэсы, и въ одной изъ нихъ, нодъ названіемъ: *Дворецъ Люцифера* (Palac Lucipera), представляли на сценѣ церемонію принятія въ общество Карбонаровъ.

Такое вредное направленіе общественнаго духа поддерживалось и развивалось тайными обществами, которыя образовались и укрывались подъ видомъ масонства. И по тому Новосильцовъ считалъ необходимымъ принять мѣры предосторожности въ отношеніи масонскихъ ложъ, существовавшихъ въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ нашихъ губерніяхъ, полагая, что всего лучше былобы совершенно закрыть ихъ; если-же опасеніе ихъ возобновленія въ тайнѣ, (что̀ сдѣлало-бы ихъ еще болѣе вредными), не дозволило непосредственно приступить къ ихъ закрытію, то не оставалось ничего болѣе, какъ дозволить ихъ, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ ложи подчинились новому уставу масонскаго ордена, на основаніи котораго гроссъ-мейстеръ (генералъ Рожнецкій) и прочіе сановники главной ложи „Великаго Востока“ обязались отвѣтствовать за всѣ ученія и дѣйствія ея членовъ. Вскорѣ за тѣмъ, коммисія, составленная изъ представителей нѣсколькихъ варшавскихъ ложъ, пользуясь оплошностью либо потворствомъ одного изъ цензоровъ, успѣла напечатать проектъ новаго устава масонскихъ обществъ, заключавшій въ себѣ ультра-либеральныя ученія, что̀ заставило Намѣстника немедленно приступить къ закрытію ложъ во всемъ Царствѣ. Слѣдствіемъ того

было прекращеніе дѣятельности масоновъ и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ.

Въ отношеніи *Законодательной части*, Коммисія Законовъ, составленная по окончаніи втораго сейма (1820 г.), по назначенію Государя, изъ нѣсколькихъ сенаторовъ, государственныхъ совѣтниковъ и депутатовъ, пріостановила свои занятія по поводу разногласія, возникшаго на счетъ одной изъ важнѣйшихъ статей государственнаго кодекса, именно 8-й, въ коей было сказано, что „каждый Полякъ пользуется гражданскими правами". Пять членовъ коммисіи полагали сдѣлать въ этой статьѣ оговорку о католическихъ священникахъ, неимѣющихъ права (qui ne sont pas habiles) вступать въ бракъ, и о всѣхъ лицахъ, принадлежащихъ къ монашескимъ орденамъ, которые, на основаніи правилъ церкви, не могли ни вступать въ бракъ, ни владѣть имуществомъ, ни пользоваться наслѣдствомъ. Прочіе-же пять членовъ коммисіи не допускали въ помянутой статьѣ никакихъ исключеній. Излагая такое мнѣніе, они имѣли въ виду единственно отмѣну правилъ церкви, недозволяющихъ католическому духовенству пользоваться всѣми гражданскими правами, и потому легко было предвидѣть, что въ коммисіи произойдетъ такое-же разногласіе и при рѣшеніи вопроса о разводѣ, который противенъ правиламъ католической религіи, допускающей, вмѣсто развода, только несостоятельность брака (la nullité du mariage).

Какъ статьи гражданскаго кодекса, имѣвшія какое-либо соотношеніе съ католическою церковью, не могли подлежать ни обсужденію государственнаго совѣта, ни рѣшенію администраціи Царства, то Новосильцевъ полагалъ, что такіе вопросы долженство-

вали быть разрѣшены верховною властью Монарха, который, на основаніи инціативы предоставленной ему конституціей, одинъ лишь имѣлъ право рѣшать подобныя сомнѣнія и согласовать законы съ правилами церкви. По мнѣнію Новосильцова, слѣдовало объявить, что „Конституція, дарованная Государемъ Царству, основана на религіи и нравственности, и что, по тому самому, Его Величество, оказывая свое покровительство всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, считаетъ себя обязаннымъ блюсти за сохраненіемъ въ чистотѣ догматовъ и уставовъ каждаго исповѣданіи, и въ слѣдствіе того повелѣваетъ, чтобы въ распоряженіяхъ Законодательной Коммисіи не встрѣчалось ничего противнаго догматамъ и уставамъ католической религіи; что конституція не должна подвергаться измѣненіямъ сообразно гражданскому кодексу, а, напротивъ того, гражданскій кодексъ долженъ быть соглашаемъ съ буквальнымъ смысломъ и духомъ конституціи, и что именно въ такомъ смыслѣ была учреждена нынѣшняя Законодательная Коммисія.

Финансы Царства Польскаго находились въ плохомъ состояніи. Да и не могло быть иначе послѣ всѣхъ налоговъ и поставокъ. коими была обременена страна во время владычества Наполеона. По возстановленіи Царства, правительство обратило вниманіе на составленіе бюджета. Съ этою цѣлью была учреждена коммисія, подъ предсѣдательствомъ министра, государственнаго секретаря Соболевскаго, занимавшаяся приведеніемъ въ порядокъ доходовъ и расходовъ. Въ послѣдствіи-же принималъ участіе въ трудахъ коммисіи и самъ Намѣстникъ. Императоръ Александръ неоднократно требовалъ сокращенія издержекъ по всѣмъ министерствамъ, въ такомъ строгомъ тонѣ, что сами Поляки убѣдились въ необходимости исполнить волю Монарха, опасаясь, въ противномъ

случаѣ, навлечь на себя гнѣвъ его и подвергнуть опасности самое существованіа Царства. Вообще— положеніе финансовъ, по упадку торговли и промышленности въ странѣ, представлялось въ самомъ мрачномъ видѣ, но вскорѣ обнаружилось, что, судя по суммамъ, поступившимъ въ казну съ 1-го генваря по 1-е іюля 1821 года, и по тѣмъ, которыя должны были поступить во второе полугодіе, не только предстояла возможность удовлетворить всѣмъ расходамъ, но ожидалось въ остаткѣ до 5-ти милліоновъ злотыхъ (750 тыс. рубл. серебр.). Окончательное утвержденіе бюджета было замедлено въ ожиданіи прибытія въ Варшаву, назначеннаго министромъ финансовъ, князя Любецкаго (7).

Новый министръ финансовъ, родомъ Полякъ и католическаго исповѣданія, получилъ воспитаніе въ Петербургѣ, въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ былъ въ одной ротѣ съ Толемъ, и началъ службу во фронтѣ. Военное поприще его, въ первыхъ оберъ-офицерскихъ чинахъ Низовскаго мушкетерского полка, ограничилось кампаніей 1799 года. Съ 1800 года, выйдя въ отставку, князь Любецкій служилъ по выборамъ— сперва уѣзднымъ, а потомъ губернскимъ предводителемъ гродненскаго дворянства, и получилъ въ 1811 г. чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ 1812-мъ орденъ Св. Анны 1-й степени. Потомъ участвовалъ во временномъ управленіи герцогства варшавскаго, занимался по дѣламъ учрежденной въ Варшавѣ, въ слѣдствіе вѣнскихъ трактатовъ, ликвидаціонной коммисіи, а въ 1821 году, будучи назначенъ министромъ финансовъ Царства Польскаго, оставался въ этомъ званіи до возстанія 1830 года. Князь Любецкій, благонамѣренный, добросовѣстный, но увлекавшійся предубѣжденіями и фанатическимъ пристрастіемъ къ своимъ идеямъ по части финансовъ, не

отличался глубокими свѣдѣніями и былъ мало знакомъ съ трудами и опытами своихъ предшественниковъ, отъ чего иногда случалось ему считать себя изобрѣтателемъ такихъ вещей, которыя давно уже были изобрѣтены другими. При живомъ воображеніи, при свѣтломъ не рѣдко оригинальномъ взглядѣ на предметы, онъ помрачалъ всѣ свои достоинства страстью къ проектамъ и необыкновенною плодовитостью изложенія, какъ изустнаго, такъ и письменнаго. По цѣлымъ часамъ испытывалъ онъ терпѣніе своихъ слушателей, разглагольствуя профессорскимъ тономъ о предметахъ всѣмъ извѣстныхъ, подкрѣпляя одни софизмы другими, нанизывая періоды, одни вслѣдъ за другими, безъ взаимной между ними связи. На бумагѣ—у него дѣло шло еще хуже: его письменные работы, цѣлые фоліанты, представляютъ смѣсь русскаго и польскаго языковъ, пересыпанную колкостями и бранью. При всемъ томъ, однакоже, князь Любецкій принесъ пользу, возбудивъ множество финансовыхъ вопросовъ, которыхъ прежде никто некасался, какъ наприм. впослѣдствіи, по дѣлу объ уничтоженіи денежнаго лажа въ Россіи, и проч. ([8]).

Во всѣхъ государствахъ, гдѣ введенъ представительный образъ правленія, существуютъ въ палатахъ партіи: министерская и оппозиціонная. Но въ Царствѣ Польскомъ оппозиція не только считала въ рядахъ своихъ многихъ членовъ сейма, но постоянно встрѣчалась въ министерствѣ и государственномъ совѣтѣ, такъ что партія правительства ограничивалась почти лишь Намѣстникомъ княземъ Заіончекомъ и коммисаромъ правительства Новосильцовымъ, которымъ однимъ приходилось отстаивать предлагаемыя ими мѣры не только на сеймахъ, но и противъ своихъ собственныхъ сотрудниковъ. Проектъ бюджета на 1822-й годъ былъ опороченъ въ общественномъ

мнѣніи еще до внесенія въ государственный совѣтъ. Многіе изъявляли мнѣніе, что самый способъ его составленія, предоставляя Государю слишкомъ большую власть, прямо велъ къ деспотизму, и домогались, чтобы этотъ проектъ предварительно былъ отданъ на разсмотрѣніе сейму. Но въ конституціи не было сказано ничего подобнаго, и, напротивъ того, статья XXXIX-я гласила: „Государь располагаетъ доходами царства сообразно одобренному имъ бюджету“ (9). По вступленіи въ должность новаго министра финансовъ, онъ, ознакомясь съ настоящимъ положеніемъ своей части, нашелъ, что ожидаемые доходы не могли вполнѣ обезпечить безостановочнаго производства предстоявшихъ выдачъ, и въ особенности въ началѣ 1822 года. По разсчету князя Любецкаго, надлежало израсходовать до окончанія текущаго года не менѣе 21-го милліона злотыхъ (3,150,000 р. сер.), на покрытіе коихъ оставалось собрать 23 милліона злотыхъ (3,450,000 рубл. сер.), слѣдовательно, предположивъ даже, что въ казну поступитъ вся та сумма, можно было надѣяться имѣть въ запасѣ къ 1-му генваря слѣдующаго года не болѣе 1,800,000 злотыхъ (270,000 рубл. сер.), что̀, по мнѣнію министра финансовъ, было недостаточно, и по тому онъ счелъ нужнымъ обратиться, чрезъ совѣты воеводствъ, къ жителямъ страны съ предложеніемъ уплатить въ ноябрѣ подати: *Ofiara*, подлежащую ко взносу въ слѣдующемъ генварѣ, и *контингентъ*, которой срокъ наступалъ въ мартѣ. По внесеніи этого проекта въ администраціонный совѣтъ, Намѣстникъ и прочіе члены одобрили предложеніе князя Любецкаго, за исключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ Мостовскаго и министра юстиціи Бадени; тѣмъ не менѣе однакоже, несмотря на множество толковъ, возбужденныхъ сею новою финансовою мѣрою, она увѣн-

чалась совершеннымъ успѣхомъ. Другіе проекты Любецкаго были менѣе удачны. Имѣя въ виду открыть новые источники доходовъ, онъ отдалъ на откупъ, въ пользу казны, продажу водки и пива, и предположилъ учредить компанію для исключительной торговли сахаромъ, кофе, ромомъ и другими колоніяльными продуктами. Введеніе монополій въ Варшавѣ и слухи о распространеніи ихъ на все Царство возбудили общее неудовольстіе и отчасти имѣли вліяніе на выборы депутатовъ къ предстоявшему сейму 1822 года. Во многихъ мѣстахъ были выбраны люди отличавшіеся крайнимъ либерализмомъ, такъ наприм. въ Калишѣ — братья Немоевскіе. Несмотря однакоже на то, Великій Князь полагалъ, что не слѣдовало откладывать сейма, и что подобная мѣра могла быть выказана неблагонамѣренными людьми въ такомъ видѣ, будтобы правительство опасалось народныхъ представителей. Напротивъ того, Намѣстникъ, предвидя необузданность совѣщаній сейма, предлагалъ отсрочить его. Безпокойствія, возникшія въ Европѣ, и несогласіе по поводу греческаго возстанія между Россіею и Портою отвлекли вниманіе Императора отъ дѣлъ Царства и послужили поводомъ къ отсрочкѣ сейма до 1825 года.

Волненія польскихъ семеймовъ, не дозволившія жителямъ Царства спокойно пользоваться дарованными имъ правами, отозвались безпорядками въ учебныхъ заведеніяхъ. Великій Князь, желая отнять у студентовъ возможность скрывать ихъ участіе въ запрещенныхъ сборищахъ, предложилъ дать имъ общую форму одежды и помѣстить ихъ въ особыхъ зданіяхъ, гдѣ они былибы подъ надлежащимъ надзоромъ. Въ послѣдствіи оказалось, что нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей участвовали въ германскихъ тайныхъ обществахъ и находились въ сноше-

ніяхъ съ тамошними студентами, что̀ повело къ запрещенію отпускать польскихъ юношей для воспитанія за границу. При слѣдствіи, возбужденномъ университетскими безпорядками, открылось, что въ головѣ прусской университетской молодежи тогда стоялъ студентъ Наполеонъ Чапскій, ѣздившій изъ одного мѣста въ другое для распространенія революціонныхъ ученій и имѣвшій весьма обширныя связи; увѣряли, будтобы число студентовъ и другихъ лицъ, участвующихъ съ нимъ въ заговорѣ, простиралось до двадцати тысячъ. Въ 1819 году, онъ посѣтивъ Бреславль, появился въ какомъ-то странномъ костюмѣ, съ волосами кругло обстриженными (pod garnuszek), а въ 1821 году скрытно посѣтилъ Варшаву и успѣлъ уйти оттуда, прежде, нежели полиція донесла о его прибытіи. Въ іюнѣ того-же года, на балюстрадѣ лѣстницы, ведущей въ библіотеку Академіи, (которая находилась въ одномъ зданіи съ Университетомъ), замѣчена начертанная мѣломъ надпись: „Constantin, pour sa tyrannie, sera tué d'un stylet l'année 1822“; такія-же надписи появились, спустя полчаса, на одной изъ колоннъ у входа въ библіотеку и на оконныхъ стеклахъ. Для открытія виновниковъ этого гнуснаго поступка, былъ сдѣланъ обыскъ полиціей по всѣмъ студентскимъ квартирамъ и разсмотрѣны найденныя у нихъ бумаги и письма, вице-президентомъ муниципальнаго варшавскаго управленія Любовицкимъ и двумя адъютантами генерала Рожнецкаго; но, по увѣренію Любовицкаго, преданнаго такъ-называемой національной партіи, не было открыто ничего заслуживающаго вниманіе правительства. Напротивъ того, въ бумагахъ захваченнаго на прусской границѣ, бреславльскаго студента Мошинскаго, были найдены письма, обнаружившія связь его товарищей съ краковскими студентами. Изъ допроса, сдѣланнаго Мо-

шинскому и вмѣстѣ съ нимъ задержанному Дзиковскому, оказалось, что существовавшее въ бреславльскомъ университетѣ тайное общество раздѣлялось на три отдѣла (Burschenschaften), *Боруссію*, *Арминію* и *Полонію*: послѣднія два, враждебныя всякому правительству, въ родѣ карбонари; Боруссія-же состояла изъ такъ-называемыхъ прусскихъ патріотовъ, домогавшихся конституціи, и находилась въ явномъ раздорѣ съ прочими отдѣлами тайнаго общества. Когда у Мошинскаго нашли пѣсню карбонаровъ, онъ сознался, что нѣкто Мышевскій, въ его присутствіи, приводилъ къ присягѣ студентовъ надъ адамовою головою (une tête de mort), и что они, при этой церемоніи, вписывали въ книгу подносимую Мышевскимъ свои имена кровью и пѣли помянутую карбонарскую пѣсню (10).

По поводу безпорядковъ, обнаружившихся во многихъ прусскихъ университетахъ, послѣдовало, въ іюлѣ 1821 года, повелѣніе Короля Фридриха-Вильгельма, на имя канцлера князя Гарденберга, въ коемъ между прочимъ было сказано: „Предписываю, чтобы впредь правительственные коммисары, находящіеся при Моихъ университетахъ, имѣли право удалять немедленно изъ университетовъ, безъ суда и безъ соглашенія съ академическимъ совѣтомъ, студентовъ, кои подвергнутся подозрѣнію въ составленіи обществъ, либо въ содѣйствіи къ ихъ образованію, а также и тѣхъ, которые будутъ членами подобныхъ обществъ въ другихъ университетахъ, либо войдутъ съ ними въ сношенія, или окажутся участниками въ такихъ происках" (11).

Въ Царствѣ Польскомъ и въ Краковѣ, изъ переписки арестованныхъ студентовъ, также обнаружилось существованіе тайныхъ обществъ въ варшавскомъ и краковскомъ университетахъ. Недоучившіеся юноши, вмѣсто того, чтобы приготовлять себя тру-

домъ на пользу общую, созидали несбыточныя теоріи, въ основаніи которыхъ лежали мнимыя равенство и свобода, и находили сочувствіе своимъ утопіямъ въ легкомысленномъ польскомъ обществѣ. Чтобы предохранить несчастную молодёжъ отъ самопогубленія, надлежало совершенно преобразовать училища. Это важное дѣло поручено комитету, подъ предсѣдательствомъ Новосильцова, составленному изъ трехъ членовъ: министра народнаго просвѣщенія графа Грабовскаго; извѣстнаго умѣренностью мнѣній и усердіемъ къ русскому правительству генерала Гауке, и статскаго совѣтника Шанявскаго, который, незадолго предъ тѣмъ, для излеченія отъ болѣзни, совершилъ поѣздку въ Вѣну, и находясь тамъ, успѣлъ ознакомиться съ современнымъ состояніемъ австрійскихъ учебныхъ заведеній, которыя, по его свидѣтельству, могли служить примѣромъ. Всѣ науки преподавались въ вѣнскомъ университетѣ и политехническомъ училищѣ съ такою полнотою, какая неоставляла желать ничего лучшаго, но правительство, не стѣсняя дѣятельности профессоровъ, имѣло неослабный надзоръ надъ ихъ ученіемъ и надъ учащимися. Въ послѣдствіи Новосильцовъ испросилъ у Намѣстника о назначеніи въ комитетъ директора кременецкой гимназіи, графа Тарновскаго, отличавшагося своими превосходными душевными качествами и обширными свѣдѣніями, и могшаго, по его мнѣнію, принести несомнѣнную пользу для преобразованія учебной части въ западныхъ губерніяхъ Имперіи. Какъ, между тѣмъ, князь Меттернихъ отнесся къ Новосильцову, желая знать его мнѣніе о предложенномъ для занятія должности ректора въ краковскомъ университетѣ, профессорѣ астрономіи Снядецкомъ, Новосильцовъ отвѣчалъ предложеніемъ назначить на это мѣсто графа Тарновскаго.

Первыя четыре совѣщанія комитета преобразованія училищъ были посвящены учебнымъ заведеніемъ двухъ нижшихъ разрядовъ: приходскимъ и уѣзднымъ (obwodowym) училищамъ. Для образованія приходскихъ учителей предложено было учредить особыя школы, но комитетъ предпочелъ поручить эту обязанность духовенству. Въ уѣздныхъ-же училищахъ, которыхъ въ Царствѣ назначено имѣть, по числу уѣздовъ, всего 39, предполагалось обучать: языкамъ польскому, русскому и латинскому, ариѳметикѣ и началамъ геометріи, всеобщей и польской исторіи, и необходимѣйшимъ свѣдѣніямъ изъ физики и естественной исторіи. Тогда-же рѣшено приступить къ пересмотру и исправленію учебныхъ руководствъ, въ которыхъ встрѣчались странные недосмотры. Такъ наприм. въ историческомъ учебникѣ, были обозначены эпохи Кира, Александра Великаго, Юлія Цезаря, и за тѣмъ, не упомянувъ о важнѣйшей изъ всѣхъ эпохѣ Рождества Христова, прямо переходили къ Карлу Великому и Лютеру.

Въ слѣдующемъ совѣщаніи, комитетъ занимался училищами третьяго разряда. Рѣшено было, чтобы въ каждомъ изъ главныхъ городовъ воеводствъ устроитъ гимназію, или лицей, которыхъ различіе съ уѣздными школами заключалось-бы единственно въ прибавкѣ трехъ верхнихъ классовъ. Подобныя-же высшія учебныя заведенія могли быть учреждаемы и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, по желанію ихъ жителей. Въ этихъ заведеніяхъ предполагалось преподавать: Законъ Божій совокупно съ основаніями нравственности; языки: латинскій, греческій и русскій съ краткимъ обзоромъ древней и новѣйшей литературы; всеобщую и отечественную исторію; математику до коническихъ сѣченій включительно: основанія физики и химіи. и наконецъ логику въ связи съ общею грам-

матикою. Кромѣ того, учащіеся могли пользоваться на собственный счетъ приватными уроками нѣмецкаго и французскаго языковъ.

Какъ всѣ основанія, принятыя комитетомъ въ первыхъ совѣщаніяхъ, согласовались съ системою, принятою въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то Новосильцовъ счелъ нужнымъ прочесть въ шестомъ засѣданіи общій планъ устройства нашихъ училищъ. Затѣмъ, изложивъ выгоды введенія однообразной системы образованія въ Имперіи и Царствѣ, обезпечивающей молодымъ людямъ возможность продолжать курсъ ученія въ Россіи, въ случаѣ пребыванія тамъ ихъ семействъ, онъ поставилъ на видъ, что оно-же открывало польскому юношеству всѣ поприща государственной службы въ Имперіи и могло способствовать сліянію обоихъ народовъ. Комитетъ, признавъ доказанное опытомъ многихъ лѣтъ достоинство системы образованія, введенной въ Россіи, постановилъ принять ее съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ указаны различіемъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

Въ слѣдующихъ совѣщаніяхъ шло дѣло объ устройствѣ университетовъ. Распредѣленіе преподаваемыхъ наукъ въ различныхъ факультетахъ было принято такое-же, какое существовало въ Россіи и прочихъ государствахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняя волю Государя, предположено исключить всѣ чисто отвлеченныя науки, не могущія служить для приготовленія молодыхъ людей къ полезной дѣятельности на государственной службѣ. Комитетъ положилъ замѣнить ректора двумя лицами, подъ названіями *канцлера* и *ректора*, поручивъ первому надзоръ за профессорами и студентами; а другому—занятія по ученой части. Вслѣдъ за тѣмъ, единогласно было принято предложеніе Новосильцова, чтобы ректоры, деканы и прочіе университетскіе сановники не

избирались профессорскимъ сословіемъ, а назначались правительствомъ.

Остальныя совѣщанія комитета были посвящены изысканію мѣръ для надзора за университетскими и лицейскими студентами, которые ходили въ Варшавѣ толпами, шумѣли и производили всевозможные безпорядки (12).

Въ послѣднее время царствованія Императора Александра I, несмотря на закрытіе масонскихъ ложъ и запрещеніе тайныхъ обществъ, они проявлялись въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно-же въ Царствѣ Польскомъ

Еще въ концѣ 1817 года, образовалось въ Варшавѣ многочисленное тайное общество, подъ названіемъ „Союза Друзей", съ явною цѣлью взаимной помощи и общихъ забавъ, принявшее лозунгомъ греческія слова *Панта Коина* (все вмѣстѣ), выраженныя начальными буквами: П. К. Когда-же, по распоряженію Намѣстника Царства, было объявлено запрещеніе всѣхъ тайныхъ обществъ, нѣсколько членовъ „Союза Друзей", отъ имени всего общества, донесли, что, не смотря на невинность его цѣлей, оно, повинуясь правительству, прекратило свое существованіе. Но, между тѣмъ, изъ переписки лицъ принадлежавшихъ къ обществу съ членомъ прусскихъ тайныхъ обществъ, студентомъ берлинскаго университета Кёллеромъ, обнаружилось, что „Союзъ Друзей" не ограничивался человѣколюбивою и ученою цѣлями, а, напротивъ того, имѣлъ въ виду цѣль политическую, и что члены его, и по запрещеніи въ Царствѣ тайныхъ обществъ, не прекратили ни своихъ собраній, ни сношеній съ членами заграничныхъ тайныхъ обществъ.

Для изслѣдованія дѣйствій „Союза Друзей“, была составлена коммисія, подъ предсѣдательствомъ дивизіоннаго генерала Гауке. Изъ допросовъ, сдѣланныхъ обвиненнымъ, оказалось, что основателемъ общества былъ студентъ Людовикъ Мауерсбергеръ, который самъ, сознавшись въ томъ, объявилъ, что онъ первый возимѣлъ идею — образовать изъ соучениковъ своихъ и другихъ молодыхъ людей товарищество, коего первоначальною цѣлью было изученіе латинскаго и другихъ языковъ; что онъ-же написалъ правила руководившія общество, и что, имѣя свѣдѣніе о масонствѣ, въ которомъ — какъ извѣстно — соблюдалась тайна, онъ счелъ необходимымъ ея сохраненіе и въ основанномъ имъ обществѣ. Мауерсбергеръ и прочіе члены „Союза Друзей“ отклоняли отъ себя обвиненіе въ какихъ-либо политическихъ цѣляхъ, но въ бумагахъ Кёллера, присланныхъ изъ Берлина, были найдены разсужденія, писанныя собственноручно Мауерсбергеромъ, изъ коихъ обнаруживалась истинная цѣль общества. Такъ наприм. въ одной изъ нихъ найдены слѣдующія анархическія и соціалистическія измышленія:

„Правительство есть власть, которою нѣсколько лицъ пользуются во вредъ всѣмъ прочимъ, составляющимъ общество. Чѣмъ болѣе эта власть велика и неограниченна, тѣмъ менѣе остается свободы состоящимъ подъ нею. Религія есть подпора правительства, потому что на равнѣ съ нимъ ограничиваетъ и стѣсняетъ человѣческую свободу, и проповѣдуя покорность и набожность, направляя къ благочестивымъ думамъ, отклоняетъ отъ вольнолюбивыхъ дѣйствій и препятствуетъ помышлять о свободѣ“.

„Тотъ только долженъ ѣсть хлѣбъ, кто самъ зарабатываетъ его“, и проч. и проч.

Эти теоріи, читанныя въ Варшавѣ 19 апрѣля

1818 года, были заняты изъ „Contrat Social“ (Общественный договоръ) Жанъ-Жака Руссо. По словамъ Мауерсбергера, онѣ были извлечены имъ оттуда, какъ идеи, наиболѣе его поразившія при чтеніи этой книги. „Въ послѣдствіи-же — сказалъ онъ — я измѣнилъ свой образъ мыслей и убѣдясь, что нѣкоторыя изъ нравившихся мнѣ идей лишены здраваго смысла, хотѣлъ сжечь мои выписки, но не отыскалъ ихъ между прочими бумагами, и право не знаю, какъ попали они къ Кёллеру“. Другіе члены общества отозвались, что они никогда не одобряли подобныхъ превратныхъ ученій, и только лишь одинъ изъ нихъ, (оказавшійся полупомѣшаннымъ отъ падучей болѣзни), объявилъ, что онъ не находитъ въ этихъ идеяхъ ничего противнаго, ни религіи, ни правительству, и что онѣ клонятся только къ опроверженію предразсудковъ.

Другая статья, собственноручно написанная Кёллеромъ, начиналась слѣдующими словами: „Полагаю, что я успѣлъ изложить вамъ съ достаточною полнотою нашу цѣль, которая, внушая намъ одинъ и тотъ-же духъ, соединила насъ“, и проч. Далѣе — было сказано:

„И такъ, цѣль общества — идти на помощь отечеству и разорвать узы, которыми оно оковано; образовать сердце и духъ въ насъ самихъ, и внушить, или, лучше сказать, вобудить въ другихъ чувство любви къ отчизнѣ, не могущее исчезнуть въ сердцѣ никого изъ Поляковъ. Выказывая цѣль сохранять порядокъ въ университетѣ и предупреждать злоупотребленія ложно понимаемой свободы, мы должны скрывать отъ подозрѣній и преслѣдованій цѣль, болѣе достойную насъ... Вы отвѣчаете своею жизнью за сохраненіе тайны, и еслибы вы рѣшились открыть ее, то погибли-бы прежде, нежели успѣли-бы нанести намъ вредъ“.

Всѣ члены общества, допрошенные порознь, увѣряли, что никогда не слышали ничего подобнаго этой статьѣ, и что ея никогда не читали въ варшавскихъ собраніяхъ „Союза Друзей“. А, между тѣмъ, полученъ былъ изъ Берлина отвѣтъ Кёллера на сдѣланный ему запросъ по сему же предмету. По словамъ его, онъ произнесъ такую рѣчь въ совѣщаніи другаго общества, образовавшагося въ Берлинѣ, подъ именемъ Polonia, которое имѣло политическую цѣль, но не входило ни въ какія сношенія съ „Союзомъ Друзей“, въ коемъ одинъ лишь онъ принималъ участіе. Цѣлью берлинскаго общества была независимость Польши. Другое общество, также основанное нѣмецкими студентами, подъ названіемъ Arminia, вошло въ сношеніе съ первымъ, но приняло за правило, чтобы истинная политическая цѣль обоихъ была открываема не всѣмъ членамъ, а лишь главнымъ изъ нихъ; прочимъ-же членамъ, при поступленіи ихъ въ общество, объявляли только явную цѣль его.

На основаніи строжайшаго изслѣдованія дѣйствій „Союза Друзей“, коммисія пришла къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что это общество не имѣло никакихъ сношеній съ открытыми въ Берлинѣ обществами: *Полонія* и *Арминія*; 2) что общество „Союза Друзей“, не смотря на свои таинственныя формы, возбуждавшія справедливое подозрѣніе, не имѣло въ виду ничего могущаго нарушить спокойствіе и безопасность страны, и 3) что это общество не могло ни возбудить ни малѣйшаго опасенія, ни подать поводъ къ какимъ-либо взысканіямъ, постановленнымъ законами страны за политическія преступленія.

Тѣмъ не менѣе однакоже коммисія убѣдилась въ томъ, что многіе изъ членовъ помянутаго общества нарушили свои обязанности въ отношеніи правительства, а также въ необходимости обратить вни-

маніе на вредное направленіе духа молодёжи. Не трудно было предвидѣть, что, въ случаѣ предоставленія такого порядка дѣлъ его тогдашнему ходу, правительство подвергло-бы еще большее число юношей искушенію осуществить на дѣлѣ мечты самонадѣянности, порожденныя образованіемъ, почерпнутымъ въ отравленномъ источникѣ.

Коммисія, въ заключеніе своего отчета, опредѣливъ освободить всѣхъ членовъ „Союза Друзей", не принимавшихъ почти никакого участія въ дѣйствіяхъ этого общества, нашла въ дѣйствительности виновными только пять человѣкъ, уличенныхъ въ покушеніи скрыть истину и въ другихъ достойныхъ порицанія поступкахъ; но полагала, что продолжительный арестъ, котороому они подверглись, и опасенія за будущую судьбу свою могли быть сочтены, по всей справедливости, достаточнымъ наказаніемъ за ихъ проступки ([13]).

Въ продолженіи слѣдствія надъ обществомъ „Союза Друзей", опять произошли безпорядки въ варшавскомъ университетѣ. 21 апрѣля (3 мая) 1822 года, въ годовщину конституціи 1791 года, около трехъ часовъ по полудни, когда студенты юридическаго факультета собирались для слушанія лекціи, одинъ изъ нихъ Обнискій, принеся книгу Колонтая: „о причинѣ упадка конституціи 3 мая", сталъ читать изъ ней въ слухъ нѣкоторыя мѣста товарищамъ своимъ, что̀ и продолжалось до прибытія профессора. По этому поводу Обнискій и другіе четыре студента были арестованы и тогда-же сдѣланъ обыскъ на ихъ квартирахъ. У Обнискаго нашли много книгъ и выписокъ изъ разныхъ авторовъ о раздѣлѣ Польши, дышащихъ злобою противъ участвовавшихъ въ томъ трехъ державъ; другія рукописи заключали въ себѣ выписки изъ сочиненій враждебныхъ русскимъ госу-

дарямъ и Россіи, либо вольнодумныя и безнравственныя выраженія Такъ напримѣръ: „Когда идетъ дѣло о благѣ отечества, убійство не есть преступленіе“, и „Стремиться къ мщенію — добродѣтель; отвлекать его — преступленіе“, и т. п. Обнискій оправдывался тѣмъ, что большая часть его выписокъ сдѣлана имъ въ то время, когда еще не было возстановлено и присоединено къ Россіи Царство Польское, и что онъ дѣлалъ такія выписки собственно для себя, безъ всякаго злаго умысла; наконецъ — приводилъ въ доказательство своей невинности то, что въ этихъ-же самыхъ рукописяхъ помѣщены: стихи въ честь Россійскаго Монарха и Великаго Князя Цесаревича; ругательства на Бонапарта и колкія насмѣшки надъ правительствомъ бывшаго герцогства варшавскаго.

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ, соизволилъ простить Обнискаго, во вниманіе къ отличному поведенію и къ благонамѣреннымъ правиламъ, постоянно руководившимъ отца его ([14]).

Въ 1823 году открыто было существованіе въ Царствѣ обширнаго тайнаго общества, подъ названіемъ *національнаго масонства* или *патріотическаго союза.* Это общество было основано въ 1819 году, Изъ показаній членовъ его и захваченныхъ у нихъ бумагъ, а равно изъ подлиннаго *ритуала* (устава) общества, найденнаго у основателя его, отставнаго маіора Лукасинскаго, оказалось, что въ учрежденіяхъ его соблюдались только нѣкоторыя изъ внѣшнихъ формъ масонства, но что оно имѣло цѣль совершенно иную, необщую, творить добро человѣчеству, а частную, ратовать за отечество. Въ ритуалѣ было сказано: „Утверждай бытіе народа, распространяй полезныя мнѣнія, укрѣпляйся въ духѣ, воспламеняй братій твоихъ и поддерживай постоянство ихъ въ

подвизаніи за отечество“. Въ другомъ мѣстѣ ритуала надзиратель, на вопросъ мастера: „какъ обширна твоя ложа?“ долженъ былъ отвѣчать: „границами ея служатъ высокія горы, два великихъ моря и двѣ рѣки“—очевидное указаніе на границы бывшей Польши, что подтвердили и свидѣтельства нѣсколькихъ членовъ общества. На вопросъ мастера: „гдѣ собираются наши сотоварищи?“ надзиратель отвѣчалъ: „у алтаря отечества, котораго верхъ разрушенъ, но основаніе существуетъ“. Кромѣ того, изъ показаній нѣкоторыхъ членовъ узнали, что общество праздновало ежегодно два воспомянанія: одно радостное, 3 мая, послѣдней конституціи бывшей Польши, и другое печальное, 18 либо 19 октября, кончины князя Понятовскаго.

Сначала это общество существовало въ Варшавѣ, потомъ въ Калишѣ и герцогствѣ Познанскомъ, и преимущественно было составлено изъ отставныхъ и служащихъ офицеровъ и солдатъ; въ послѣдствіи-же дѣйствія общества открылись въ Радомѣ, Седльцахъ, Ломжѣ и Краковѣ. Лукасинскій предполагалъ распространить кругъ своей дѣятельности не только во всѣхъ главныхъ городахъ Царства Польскаго, но въ Литвѣ и Галиціи. Кромѣ ложъ 1-го разряда, учреждены были другія 2-го разряда, или *гмины*, состоявшія изъ десяти членовъ. Самъ Лукасинскій носилъ званіе *намѣстника великаго магистра;* начальники ложъ 1-го разряда назывались *достопочтенными*, а начальники гминъ — *предводителями* (dowódcy). Всякое письменное сношеніе по дѣламъ общества было запрещено, а всѣ распоряженія производились на словахъ. Имена членовъ вписывались таинственными знаками. Вообще осторожность и сохраненіе тайны простирались до того, что не только ложи 1-го разряда, но и гмины не знали ничего одна

о другой; а каждый изъ членовъ зналъ только тѣхъ изъ своихъ товарищей, кои состояли въ одной съ нимъ ложѣ. Представляющій новаго члена долженъ былъ отвѣчать за него жизнью. Поступая въ общество, члены приносили присягу, обязываясь, подъ угрозами смерти, безусловно повиноваться начальникамъ ложъ и сохранять тайну, ненавидѣть и убивать предателей отечества. Въ началѣ присяги, по изложеніи цѣли общества, новопоступающій давалъ обѣщаніе жертвовать не только имуществомъ, но и жизнью, для возстановленія злополучной, возлюбленной матери — Польши. Присяга оканчивалась призывомъ на помощь тѣней Жулковскаго, Чарнецкаго, Костюшки и Понятовскаго ([15]).

Первоначальное свѣдѣніе о существованіи *патріотическаго общества* было доставлено правительству отставнымъ офицеромъ Нагорскимъ, прибывшимъ изъ Калиша, гдѣ онъ проживалъ довольно долгое время, единственно съ тою цѣлью, чтобы вывѣдать о всемъ относящемся къ обществу и донести о томъ Великому Князю. Будучи принятъ въ общество, Нагорскій успѣлъ ознакомиться съ его цѣлью и средствами, и потомъ пріѣхалъ въ Варшаву, но не былъ допущенъ къ Великому Князю, который, не пожелавъ его видѣть, приказалъ маіору Кривцову узнать отъ него о всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся къ этому дѣлу; а затѣмъ препроводить Нагорскаго къ Новосильцову, который, допросивъ его, въ присутствіи генераловъ Гауке и Раутенштрауха и генералъ-прокурора Подоскаго, получилъ слѣдующіе отвѣты:

„Меня зовутъ Іосифъ Нагорскій; я находился до 1819 года на службѣ въ польской арміи, въ послѣднее время — въ гвардейскомъ гренадерскомъ полку.

„Во время моего пребыванія въ Калишѣ (съ 24

іюня 1821 года), Михаилъ Стамировскій, отставной поручикъ гвардейскаго егерскаго полка, владѣлецъ селенія Тыменице, въ калишскомъ уѣздѣ, предложилъ мнѣ вступить въ патріотическое общество. Я согласился, чтобы достовѣрно узнать о цѣли этого общества. 12 сентября, на квартирѣ стоявшаго въ гостинницѣ поручика Стамировскаго, въ присутствіи чиновниковъ Добржицкаго и Кошуцкаго, послѣдній прочелъ мнѣ клятвенное обѣщаніе, которое повторилъ я, обязываясь сохранять тайну и не упоминать письменно о существованіи общества. Не открывъ мнѣ никакого особеннаго знака, по которому члены могли-бы узнавать другъ друга, мнѣ сказали, что они будутъ отличаться своимъ образомъ мыслей и твердостью характера. Что̀ касается до вкладовъ въ кассу общества, то они были въ одинъ, пять и десять червонцевъ, и вносились добровольно, по желанію каждаго. Какъ только меня приняли, то вписали мое имя въ число членовъ цифрами.

„Два мѣсяца спустя, Стамировскій открылъ мнѣ, что число членовъ общества значительно умножилось, и что въ минуту возстанія генералъ Уминскій станетъ во главѣ 1-го конно-егерскаго полка, коего почти всѣ оберъ-офицеры принадлежатъ къ обществу, имѣющему много членовъ въ другихъ полкахъ, и даже въ Литовскомъ корпусѣ. По его-же словамъ, общество простиралось на всѣ польскія области и считало въ своей средѣ нѣсколько офицеровъ Россійско-Императорской гвардіи, тогда стоявшей въ Витебскѣ, которые были удержаны отъ содѣйствія обществу единственно прибытіемъ туда Государя.

„Онъ-же Стамировскій съ самодовольствіемъ разсказывалъ, будтобы маіоръ Лукасинскій предлагалъ вступить въ общество адъютанту генерала Гауке, капитану Косинскому, и что когда о томъ доведено

было до свѣдѣнія Великаго Князя, Лукасинскій выпутался изъ бѣды, сказавъ, что онъ приглашалъ Косинскаго въ масонство. Самонадѣянность Стамировскаго простиралась до того, будтобы въ концѣ февраля 1822 года, онъ увѣрялъ Нагорскаго, будтобы уже прекратился пріемъ новыхъ членовъ, за тѣмъ, что, въ случаѣ возстанія, весь народъ послѣдуетъ примѣру общества".

Въ заключеніе своихъ показаній Нагорскій назвалъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему членовъ патріотическаго общества ([16]).

Для изслѣдованія дѣйствій общества сперва были собраны свѣдѣнія подъ рукою и арестовано нѣсколько лицъ, очевидно замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, а потомъ, по распоряженію Намѣстника, наряжена коммисія, подъ предсѣдательствомъ члена коммисіи юстиціи Ильницкаго, состоявшая изъ членовъ: рефендарія Ганкевича, бывшаго прокурора Фаленскаго и генералъ-прокурора Подоскаго ([17]).

Изъ показаній многихъ членовъ *патріотическаго союза* оказалось, что они имѣли намѣреніе — выждать время, когда отторгнутыя отъ прежней Польши области объявили-бы желаніе возсоединиться подъ одною общею конституціею. „Должно быть готовымъ на каждый призывъ", говорили они, и въ ожиданіи того „запастись конемъ и оружіемъ". *Патріотическое общество* находилось въ сношеніяхъ съ заграничными карбонарами и состояло подъ ихъ вліяніемъ, въ чемъ удостовѣряютъ: перехваченная переписка проживавшаго въ Парижѣ члена общества Карскаго къ сочлену его Добржицкому; отправленная членомъ-же общества, подполковникомъ Доброгойскимъ къ сочлену его Скуржевскому въ Парижъ, для напечатанія въ тамошнихъ газетахъ, статья, оскорбительная для правительства Царства Польскаго; от-

крытіе въ Пруссіи общества университетскихъ студентовъ Polonia, котораго цѣлью было возстановленіе Польши, подобно тому, какъ другое, давнѣйшее общество Arminia, имѣло цѣлью образованіе изъ всѣхъ нѣмецкихъ земель нераздѣльной конституціонной Германіи, и проч. Не подвержено сомнѣнію также и то, что *патріотическое общество* имѣло связь съ *Союзомъ Друзей*, потому что нѣкоторые изъ студентовъ были членами обоихъ тайныхъ обществъ.

Многіе изъ участвовавшихъ въ патріотическомъ обществѣ, люди молодые, неопытные, были увлечены таинственностью пріема, торжественною присягою, восторженными рѣчами, высокопарными похвалами гражданскихъ доблестей и любви къ отечеству. Чтобы не возбудить опасеній въ новопоступающихъ, имъ открывали духъ и цѣль общества не вдругъ, а постепенно. Такъ наприм. членамъ 1-й (нижшей) степени указывали на бюстъ Императора Александра, какъ на изображеніе возстановителя ихъ отечества; а въ собраніяхъ членовъ высшихъ степеней, гдѣ уже не было помянутаго бюста, вопіяли о печальномъ положеніи отечества, о разрушенныхъ алтаряхъ, о долгѣ лежащемъ на каждомъ изъ Поляковъ — возстановить свою родину, какъ была она прежде, на всемъ пространствѣ отъ Балтійскаго моря до Карпатовъ, и возбуждали несбыточныя надежды скудоумныхъ слушателей. Основатель и главный распорядитель союза, маіоръ Лукасинскій, человѣкъ ловкій и энергическій, пользуясь легковѣріемъ младшихъ своихъ сочленовъ, выдавалъ себя только за орудіе какого-то высшаго, небывалаго главы общества, а старшихъ обольщалъ мнимымъ раздѣленіемъ съ ними власти надъ обществомъ.

Изъ числа калишскихъ членовъ общества, привезенныхъ въ Варшаву, Дзвонковскій, еще прежде до-

проса, зарѣзался. Какъ тогда вообще обходились съ политическими преступниками весьма снисходительно, то этотъ отчаянный поступокъ убѣдилъ многихъ, что люди, участвовавшіе въ тайныхъ обществахъ, сами сознавались въ важности затѣяннаго ими дѣла, и заставилъ сдѣлать довольно важныя показанія, раскрывшія сущность *патріотическаго союза*.

Коммисія, по тщательномъ обсужденіи дѣйствій общества, нашла наиболѣе виновными: отставныхъ маіоровъ Лукасинскаго и Мохнацкаго, подполковника Доброгойскаго, капитана Добржицкаго и Кошуцкаго; остальные-же, по заключенію коммисіи, были безсознательными сообщниками и подражателями, либо несчастными жертвами собственнаго легковѣрія. На основаніи этого изслѣдованія, Лукасинскій, Доброгойскій и Добржицкій были осуждены, въ началѣ 1824 года, къ лишенію чиновъ и правъ состоянія и къ содержанію въ крѣпости, первый на шесть лѣтъ; а другіе—на четыре года. Въ послѣдствіи, находясь въ Замостьѣ, Лукасинскій принялъ участіе въ заговорѣ подполковника Крыжановскаго, сужденнаго сенатомъ Царства Польскаго въ 1827 и 1828 годахъ. Когда-же вспыхнуло возстаніе 1830 года, Лукасинскій былъ перевезенъ въ Бобруйскъ, и оттуда въ Шлиссельбургъ ([18]). (*).

Приведемъ слова очевидца на счетъ общественнаго духа жителей Царства Польскаго въ 1823 году.

„За четыре или пять лѣтъ предъ симъ—пишетъ онъ—Поляки, возбужденные надеждами поданными имъ нашимъ правительствомъ, не скрывали отъ Рус-

*) Послѣдующія дѣйствія польскихъ тайныхъ обществъ изложены въ главѣ: *Масонскія ложи и тайныя общества.*

скихъ ни желаній своихъ, ни увѣренности въ присоединеніи къ Царству западныхъ областей Имперіи. Эти идеи уже не находятъ опоры въ нашемъ правительствѣ; тѣмъ не менѣе однакоже онѣ не только не позабыты, но, напротивъ, еще болѣе усилились и приняли весьма вредное направленіе. Что̀ значатъ божескія почести Наполеону, манившему Поляковъ обѣщаніями возстановить Польшу? Понятовскому, который долженъ былъ служить орудіемъ этихъ замысловъ? Костюшкѣ, покушавшемуся на то-же вмѣстѣ съ революціей? Таковы лица, коихъ изображенія встрѣчаются во всѣхъ литографіяхъ, на перстняхъ и другихъ драгоцѣнностяхъ; имена ихъ раздаются на всѣхъ театрахъ и во всѣхъ народныхъ сочиненіяхъ, въ стихахъ и прозѣ. Польская молодёжъ, отличающаяся легкомысліемъ, выказываетъ патріотизмъ и образуетъ таинственныя стачки; а люди болѣе зрѣлаго возраста скрываютъ, подъ личиною учтивости и угодливости, сообразныхъ съ народнымъ характеромъ, крайнюю осторожность и совершенное отстраненіе отъ Русскихъ. Не только въ Царствѣ Польскомъ, но даже въ Могилевѣ, Поляки составляютъ отдѣльныя сборища и взаимно поддерживаютъ другъ друга. Но всего важнѣе то, что духъ общаго неудовольствія сосредоточивается въ тайномъ обществѣ, которое Поляки называютъ *Славянскимъ Иллюминатствомъ*, представляя его незримою властью, столь-же ужасною, какъ нѣкогда были тайныя судилища. Внѣшними знаками для взаимнаго опознаванья членовъ общества служатъ плащи особаго покроя и цвѣта, трости съ санъ-кюлотскими колпаками, и даже съ кинжалами, и проч. Славянское иллюминатство служитъ Полякамъ выраженіемъ понятія народной независимости, которое у нихъ въ общемъ ходу. Идея *свободы* могла-бы угрожать нарушеніемъ частныхъ

интересовъ и возбудить многіе толки: англійскій перъ и французскій демагогъ понимаютъ свободу совершенно различно; столь-же мало общаго между филантропіей квакеровъ и звѣрствомъ монтаньяровъ. Напротивъ того, понятіе о *народной независимости* вездѣ одно и то-же; но вліяніе такой идеи обнаруживается разнообразно, и въ особенности въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Въ Вильнѣ, оно укрывается въ масонскихъ ложахъ, весьма многочисленныхъ. Тамъ средоточіемъ его служитъ университетъ, гдѣ всѣ предметы преподаются на польскомъ языкѣ, и куда имѣютъ доступъ одни лишь Поляки. Еще болѣе замѣчательна въ этомъ отношені Кременецкая гимназія, пользующаяся особеннымъ расположеніемъ польскихъ пановъ, щедро надѣленная всѣми средствами и выпускающая постоянно въ свѣтъ молодыхъ людей напитанныхъ духомъ враждебнымъ Россіи. Русская-же гимназія въ Кіевѣ бѣдна и почти пуста. Наши офицеры генеральнаго штаба, командированные на сьемку въ Вильну, не могли придти въ себя отъ удивленія, не слыша въ полкахъ Литовскаго корпуса ни одного русскаго слова, и встрѣчая на каждомъ шагу очевидные знаки недоброжелательства и грубости тамошнихъ помѣщиковъ. Подобный-же духъ господствуетъ на Волыни"... ([19]).

Дѣйствительно — управленіе князя Чарторыскаго виленскимъ учебнымъ округомъ, не смотря на его образованіе и здравыя понятія о трудномъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, имѣло весьма вредныя послѣдствія. Будучи назначенъ попечителемъ виленскаго округа еще въ 1803 году, Чарторыскій былъ отвлекаемъ отъ обязанностей этой должности другими государственными занятіями и семейными дѣлами до 1817 года, да и въ послѣдствіи, посѣщая лишь изрѣдка виленскій университетъ и училища его округа, огра-

ничивался общими распоряженіями какъ по учебной, такъ и по административной части ввѣреннаго ему вѣдомства. Главнымъ условіемъ успѣшнаго хода просвѣщенія князь Чарторыскій признавалъ однообразную систему народнаго воспитанія, правильное устройство училищъ и опредѣленную связь между ними, какъ между частями одного стройнаго цѣлаго. Къ сожалѣнію, народное образованіе было для Чарторыскаго не цѣлью, а средствомъ къ полонизаціи, всего края по Двину и Днѣпръ, составлявшаго въ мечтахъ его неотъемлемое достояніе Польши. Для этого онъ старался во всѣхъ школахъ виленскаго учебнаго округа, заключавшаго въ себѣ восемь губерній, и въ томъ числѣ кіевскую, поставить польскій языкъ на первомъ планѣ: въ гимназіяхъ преподаватель польской грамматики считался старшимъ учителемъ, а учитель русскаго языка — младшимъ, наравнѣ съ преподавателями иностранныхъ языковъ и рисованія; тоже было и въ уѣздныхъ училищахъ. Подъ названіемъ „словесность“ исключительно разумѣлась польская словесность, да и всѣ науки преподавались на польскомъ языкѣ. Въ полонизаціи края католическое духовенство принимало дѣятельное участіе. По совершенномъ изгнаніи іезуитовъ, всѣ состоявшія въ ихъ управленіи бѣлорусскія училища были переданы, (какъ уже сказано), различнымъ орденамъ католическихъ монаховъ, кромѣ могилевскаго, отданнаго бѣлому духовенству. Вслѣдъ за тѣмъ, могилевскій маршалъ (предводитель дворянства) представлялъ о томъ, чтобы въ учителя назначались духовныя лица католическаго исповѣданія, потому что: „родители, по нѣкоторымъ причинамъ, не соглашаются отдавать своихъ дѣтей въ гимназіи и другія свѣтскія училища“. Дошло до того, что Русскимъ нельзя было учиться въ русскихъ гимназіяхъ за незнаніемъ

польскаго языка (!). Само правленіе виленскаго университета, вообще дѣйствовавшее въ духѣ полонизаціи Чарторыскаго. заявляло странность такого порядка вещей. Въ журналахъ его находимъ: „Замѣтивъ изъ донесенія визитаторовъ не совсѣмъ достаточное попеченіе объ усовершенствованіи учениковъ могилевской гимназіи въ россійской словесности, простирающееся даже до того, что предметы математическіе и физическіе преподаются на польскомъ токмо языкѣ, правленіе признало необходимымъ, особливо для дѣтей чиновниковъ штаба 1-й арміи, преподавать впредь не только уроки математико-физическіе на одномъ языкѣ россійскомъ, но даже и по классамъ языковъ употреблять болѣе россійскій языкъ, нежели польскій, и, въ дополненіе ко всему сему, имѣть при гимназіи особливаго учителя россійской словесности". Но подобныя распоряженія дѣлались только для вида; въ дѣйствительности-же русскій языкъ хотя и стоялъ въ уставахъ виленскихъ училищъ, однакоже не преподавался, такъ что даже являлась потребность открыть особыя школы, въ которыхъ учили-бы изгнанному отвсюду, родному русскому языку. Стремленіе къ полонизаціи края распространялось не только на области, присоединенныя отъ Польши, но и на древнее русское княжество, откуда возсіялъ свѣтильникъ истинной вѣры для Русскихъ — Кіевъ. Приходскія училища подольской, волынской и кіевской губерній, учрежденныя для православнаго населенія Украины, поступили подъ надзоръ римско-католическаго духовенства, которому предписано: „пріобрѣтать довѣренность учащихся и предлагать имъ во имя вѣры (!), сколь важно просвѣщеніе, по мѣрѣ надобности каждаго" ([20]).

Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ были безпорядки, подобные тѣмъ, которые оказались въ выс-

шихъ училищахъ Царства Польскаго. Новосильцовъ, посланный въ Вильну, въ 1823 году, для обревизованія тамошняго учебнаго округа, нашелъ его подъ вліяніемъ того-же духа, который, распространясь въ германскихъ университетахъ, перешелъ оттуда въ Варшаву и Краковъ. Университетъ и гимназія въ Вильнѣ сдѣлались средоточіями тайныхъ обществъ, мѣстами шумныхъ политическихъ демонстрацій. Виленскіе студенты, возбужденные мятежными надписями, начертанными на фронтисписѣ доминиканскаго монастыря ихъ товарищами, предавались буйству. Для прекращенія безпорядковъ необходимо было прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. Новый ректоръ Твердовскій, подавшій своимъ потворствомъ поводъ ко многимъ неустройствамъ, былъ арестованъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими студентами, коноводами мятежническихъ покушеній. Князь Чарторыскій испросилъ увольненіе отъ должности попечителя округа, и на мѣсто его былъ назначенъ Новосильцовъ. Безпорядки, открытые новымъ учебнымъ начальствомъ, были такъ велики, что училище, находившееся въ мѣстечкѣ Кейданахъ, гдѣ „были обнаружены вреднѣйшія правила и соглашенія между учащимися къ злодѣйственнымъ преступленіямъ", Высочайше повелѣно: „уничтожить, дабы сіе зловредное гнѣздо было искоренено" ([21]). Вслѣдъ за тѣмъ, Императоръ Александръ утвердилъ мѣры, принятыя Новосильцовымъ въ виленскомъ университетѣ, по учебной части и училищному надзору, и повелѣлъ распространить ихъ на прочіе округи. По учебной части: въ гимназіяхъ исключено преподаваніе права естественнаго и политическихъ наукъ, а вмѣсто того умножено число уроковъ латинскаго, греческаго и русскаго языковъ; уменьшено число уроковъ риторики и поэзіи; выборъ темъ для задаваемыхъ ученикамъ сочиненій исключительно предостав-

ленъ университетскому правленію. По части-же надзора за учащимися въ университетѣ и въ гимназіи, вмѣсто двухъ положенныхъ по штату смотрителей, назначено имѣть одного инспектора и четырехъ смотрителей; приказано отсылать въ городскую полицію списки всѣмъ учащимся, съ означеніемъ жительства изъ нихъ каждаго; постановлены новыя правила для надзора за поведеніемъ и нравственностью обучающихся, и предписаны формы ежедневныхъ рапортовъ о поведеніи учениковъ въ классахъ и о всѣхъ ежедневно могущихъ встрѣтиться въ нихъ происшествіяхъ ([22]). Въ слѣдующемъ году (1825), по представленію попечителя виленскаго университета, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова, для лучшаго надзора за студентами, положено имѣть: одного инспектора, двухъ помощниковъ его и четырехъ надзирателей ([23]).

Однимъ изъ послѣднихъ замѣчательныхъ событій, въ царствованіе Императора Александра I-го, было созваніе польскаго сейма (третьяго), въ 1825 году.

Первый сеймъ былъ созванъ въ 1818 году, второй — въ 1820 году; Государь имѣлъ намѣреніе собрать слѣдующій сеймъ въ 1822 году, но различныя обстоятельства, и въ особенности безпокойное состояніе общественнаго духа въ Царствѣ Польскомъ, и безпорядки, бывшіе его послѣдствіями, постепенно заставили отложить созваніе сейма до 1825 года. Неудовольствія, проявлявшіяся между Поляками, были прискорбны даровавшему имъ политическое бытіе Монарху, тѣмъ болѣе, что, въ продолженіи немногихъ лѣтъ существованія Царства, положеніе страны замѣтно улучшилось. Къ сожалѣнію, плохое состояніе элементарныхъ школъ, признанное самимъ польскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, заставило

закрыть многія изъ училищъ и повело къ значительному уменьшенію числа учащихся въ нихъ; но, за то, число высшихъ училищъ и посѣщавшихъ ихъ учениковъ увеличилось. Фабричная промышленность, ободренная пособіями отъ государственной казны и разрѣшеніемъ ввоза въ Россію польскихъ продуктовъ. съ уплатою умѣренныхъ пошлинъ, развивалась и возвышалась съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе; въ особенности-же процвѣтали суконныя фабрики, не только въ Варшавѣ, но въ Серадзѣ, Калишѣ, Опатовкѣ, Велунѣ, Томашовѣ, и проч. Въ Варшаву и воеводства мазовецкое и калишское выписаны были изъ за-границы искусные ткачи, и во многихъ мѣстахъ основаны фабрики бумажныхъ издѣлій.

Состояніе финансовъ Царства, прежде возбуждавшее справедливыя опасенія, благодаря многимъ раціональнымъ мѣрамъ, принятымъ въ предолженіи управленія симъ вѣдомствомъ князя Любецкаго, было весьма удовлетворительно.

Въ концѣ 1819 года оставалось въ государственномъ казначействѣ . . . 2,417,681 злот. 9 гр.

Недоимокъ ко взысканію было . . . . . . 18,132,016 — 9 —

Всего-же . 20,549,697 злот. 18 гр.

Долговъ за казною . . 8.289.453 — 23 —

Оставалось къ 1 генваря 1820 года . . . . . . 12,260,243 злот. 25 гр.

Въ продолженіи 4 лѣтъ. 1820—1823, поступило въ казну . . . . 263,666,722 злот.

А съ остаткомъ отъ 1819 года . . . . . . 2,417,681 — 9 гр.

Всего . . 266,084,403 злот. 9 гр.

Въ продолженіи того-же четырехъ-лѣтняго періода израсходовано	253,547,697	злот.	6 гр.
Оставалось къ 1 генваря 1824 года	12,536,706	злот.	3 гр.
А исключивъ остававшіяся отъ суммъ герцогства варшавскаго . . .	317,881	—	20 —
Оставалось отъ суммъ Царства	12,218,824	злот.	13 гр.
Недоимокъ, со времени основанія Царства Польскаго по 1 генваря 1824 г., было	40,392,724	—	19 —
Всего-же съ остаткомъ .	52,611,549	злот.	2 гр.
Долговъ за казною . .	18,314,398	—	13 —
Оставалось къ 1 генваря 1824 года	34,297,150	злот.	19 гр.
Или на русскую монету .	5,144,572	рубл.	60 коп.

Превосходство доходовъ надъ расходами дозволило употребить значительныя суммы на погашеніе долга лежавшаго на странѣ ([24]).

Въ послѣдніе два года царствованія Императора Александра I-го (1824—1825), финансы Царства находились въ столь-же удовлетворительномъ состояніи, хотя все еще нельзя было приступить къ составленію государственнаго бюджета, потому что коммисія, долженствовавшая ликвидировать счеты за прошлое время съ Австріею и Пруссіей, тогда еще не успѣла окончить возложенное на нее порученіе ([25]).

1 (13) февраля 1825 года, Высочайшимъ манифестомъ, объявлено о созваніи сейма, съ 1 (13) мая по 1 (13) іюня того года. Тогда-же изданъ допол-

нительный актъ (контрасигнованный министромъ финансовъ, княземъ Любецкимъ), постановившій, что публичныя засѣданія сейма будутъ происходить только при открытіи и закрытіи его, а также при другихъ торжественныхъ случаяхъ; обыкновенныя-же совѣщанія будутъ при закрытыхъ дверяхъ. Изъ опыта прежнихъ сеймовъ, не трудно было убѣдиться, что депутаты, ведя пренія, домогались болѣе популярности, чѣмъ настоящаго блага страны, и вмѣсто основательнаго разбора вопросовъ, предлагаемыхъ на обсужденіе, напрасно теряли время въ пустыхъ декламаціяхъ. Князь Любецкій, въ представленномъ имъ мнѣніи о добавочномъ актѣ, выразился слѣдующимъ образомъ: „Публичность совѣщаній приноситъ націи только ту пользу, что нація можетъ слѣдить за своими представителями; но для Государя эти пренія важны, давая ему знаніе фактовъ и людей. Въ дополнительномъ-же актѣ ничто не мѣшаетъ депутатамъ говорить по совѣсти и свободно обсуждать предлагаемые вопросы. Эти разсужденія, вносимыя въ протоколъ каждаго засѣданія, былибы представляемы Государю, и нація моглабъ быть увѣрена, что голосъ ея дойдетъ до трона, и что Государь, узнавая правду и заслуги, употребитъ ихъ на пользу страны".

Дополнительный актъ возбудилъ противъ себя въ то время, и еще болѣе въ послѣдствіи, нареканія и возгласы Поляковъ, которые въ глазахъ Европы старались выказать его нарушеніемъ конституціи и трактатовъ, заключенныхъ на вѣнскомъ конгресѣ, въ силу которыхъ будтобы всѣ державы ручались за ея соблюденіе. Но заключительный актъ вѣнскаго конгреса подписанъ 28 мая (9 іюня), а конституція царства дарована 15 (27) ноября 1815 года, слѣдовательно— почти шесть мѣсяцевъ по окончаніи конгреса. Императоръ Александръ, какъ основатель конституціи,

имѣлъ полное право дѣлать въ ней тѣ измѣненія, которыя были указаны опытомъ, лучшимъ наставникомъ во всякомъ дѣлѣ.

На основаніи Высочайшаго манифеста, сенаторы и депутаты съѣхались въ Варшаву къ сроку назначенному для открытія сейма, 1 (13) мая.

Въ сей день, Императоръ Александръ, прибывъ въ общее собраніе обѣихъ палатъ, въ сопровожденіи министровъ, членовъ совѣта и многочисленной свиты, произнесъ на французскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь, которую вслѣдъ за тѣмъ передалъ по-польски министръ секретарь государственнаго совѣта.

„Представители Царства Польскаго!

„Когда, за четыре года предъ симъ, Я разстался съ вами, смутныя событія породили въ Европѣ общее волненіе, угрожавшее благосостоянію всѣхъ народовъ. Я предоставилъ времени охладить пылъ воображенія, успокоить страсти, и по тому замедлилъ ваше третіе собраніе; но Я увѣренъ, что эта отсрочка послужитъ къ успѣшному ходу вашихъ занятій, и съ истиннымъ удовольствіемъ являюсь среди васъ съ чувствами тойже привязанности, которой далъ вамъ столько доказательствъ.

„Со времени послѣдняго сейма, оставаясь вѣренъ Моимъ обязанностямъ и дарованнымъ Мною вамъ уставамъ, Я старался предупредить въ самомъ началѣ развитіе разрушительныхъ покушеній. Дабы упрочить Мое созданіе, обезпечить его продолжительность и доставить вамъ спокойное обладаніе имъ, Я прибавилъ одну статью къ основному государственному праву. Эта мѣра, избавляющая Меня отъ необходимости вліять на ваши выборы и совѣщанія, докажетъ вамъ, какъ Я старался объ утвержденіи вашихъ уставовъ; она не имѣетъ другаго основанія, и Я твердо убѣжденъ, что Поляки поймутъ Мои намѣренія.

„Министръ внутреннихъ дѣлъ представитъ вамъ отчетъ о положеніи Царства и дѣйствій администраціи въ истекшемъ четырехъ-лѣтіи. Вы останетесь довольны быстрыми успѣхами промышленности, и убѣдитесь, что ежели общественное благосостояніе еще не достигло той степени, до которой хотѣли-бы довести его Мои желанія и заботливость правительства, то единственною причиною тому почти общій застой торговли земледѣльческими продуктами.

„Въ прочихъ-же отношеніяхъ, видимъ важные успѣхи.

„Исчисленіе общественнаго долга уже близко къ окончанію Часть этого долга приняли на себя Австрія и Пруссія. Вновь составляемое Положеніе о податяхъ послужитъ къ опредѣленію доходовъ и расходовъ страны. Пагубный дефицитъ, угрожавшій вашему благосостоянію, уже прекращенъ. Остатокъ отъ суммъ, поступающихъ въ общественную казну, будетъ обращенъ на погашеніе долга.

„Переговоры съ берлинскимъ дворомъ, на счетъ устройства торговыхъ сношеній между Польшею и Пруссіею, окончены съ совершеннымъ успѣхомъ, вслѣдствіе искреннихъ связей, соединяющихъ Меня съ Моими союзниками. Конвенція, на сихъ дняхъ Мною ратификованная, открываетъ свободный путь вашей заграничной торговлѣ; въ отношеніи-же вашей торговли съ Россіей, она безпрестанно увеличивается и облегчается, ко взаимному благосостоянію обоихъ народовъ, тѣсною связью ихъ между собою.

„Долги, обременяющіе частную собственность, были предметомъ Моей особенной заботы. Проектъ взаимнаго кредитнаго общества земледѣльцевъ будетъ представленъ на ваше обсужденіе. Основаніемъ ему послужили мнѣнія, выраженныя совѣтами воеводствъ.

„Религія, источникъ всѣхъ благъ, основная под-

пора всѣхъ человѣческихъ уставовъ, требуетъ пересмотра части вашего гражданскаго кодекса. Коммисія, изъ среды вашей избранная, занималась этимъ важнымъ дѣломъ и сообщитъ вамъ составленный ею проектъ первой книги кодекса.

„Мои мысли будутъ сопровождать васъ при выполненіи вашихъ обязанностей. Я приму всякое улучшеніе вами предложенное, но никогда недозволю самовольствъ, противныхъ вашей собственной пользѣ.

„Представители Царства Польскаго! Совѣщайтесь спокойно, независимо отъ всякаго посторонняго вліянія. Въ вашихъ рукахъ—будущность вашего отечества. Имѣйте въ виду единственно его благо, его истинныя пользы, окажите ему всѣ тѣ услуги, коихъ оно отъ васъ ожидаетъ, и содѣйствуйте Мнѣ въ исполненіи тѣхъ желаній, которыя никогда не преставалъ Я питать въ отношеніи къ вашему благоденствію".

За тѣмъ, Государь, по выслушаніи адресовъ, произнесенныхъ президентами обѣихъ палатъ, оставилъ засѣданіе, гдѣ, по отбытіи Его Величества, министръ внутреннихъ дѣлъ и полиціи прочелъ отчетъ о положеніи страны и о предположеніяхъ долженствовавшихъ поступить на обсужденіе палатъ, въ продолженіи совѣщаній сейма.

Предметы занятій сейма были слѣдующіе:

Проектъ первыхъ четырехъ отдѣловъ гражданскаго кодекса.

Проектъ закона о порядкѣ удовлетворенія кредиторовъ (O Przywileiach i Hypotekach).

Проектъ закона, въ отмѣну 530-й статьи французскаго кодекса, (о выкупѣ имѣній состоящихъ въ безсрочномъ арендномъ содержаніи).

Проектъ закона о земскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ (Towarzystwa Kredytowego Ziemiańskiego).

Проектъ усиленія наказаній за поджоги и проектъ измѣненія исправительныхъ наказаній.

Разсмотрѣніе прошеній (Petycye) и обсужденіе отчета государственного совѣта.

Всѣ проекты законовъ были одобрены почти единогласно.

По окончаніи срока, опредѣленнаго для совѣщаній сейма, послѣдовало закрытіе его, 1 (13) іюня 1825 года. Императоръ Александръ произнесъ въ сей день слѣдующую рѣчь:

„Представители Царства Польскаго!

„Ваше третіе собраніе имѣло самыя благодѣтельныя послѣдствія. Вы совѣщались спокойно и разсудительно (z rozwaga) исполнили ожиданія вашей отчизны и оправдали Мое довѣріе.

„Вы принесли должную жертву религіи, согласивъ права ея съ уставами и формами, коихъ требовала общественная польза, а первая книга вашего новаго кодекса положила основаніе системѣ законовъ, сообразной съ положеніемъ, нуждами и нравами общества, которое будетъ ею руководиться. Ваше будущее собраніе довершитъ сей важный трудъ.

„Опытъ указывалъ нѣкоторыя неудобства закона о ипотекахъ и въ уголовномъ правѣ. Вы исправили ихъ“.

За тѣмъ, упомянувъ о земскомъ обществѣ и о пособіи, дарованномъ ему правительствомъ, Государь продолжалъ:

„Я немедленно одобридъ всѣ предложенныя вами измѣненія; вы, съ своей стороны, приняли всѣ проекты законовъ, внесенные на ваше обсужденіе. Такой обмѣнъ желаній и свѣдѣній, такое взаимное согласіе, суть единственныя средства къ охраненію вашихъ уставовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ истинная цѣль и награда нашихъ общихъ занятій. Для утвержде-

нія столь счастливаго единодушія, изъ среды вашей избранная депутація приметъ участіе въ составленіи проектовъ законовъ, въ продолженіи времени до предстоящаго сейма.

„Всѣ поданныя вами прошенія будутъ Мною внимательно разсмотрѣны и удовлетворены, на сколько позволятъ обстоятельства.

„Представители Царства Польскаго!

„Оставляя васъ съ сожалѣніемъ, радуюсь, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣннымъ Мною вашимъ заботамъ о благѣ общемъ, согласнымъ столько-же съ вашею пользою, сколько и съ Моими желаніями. Раздѣлите со Мною эти чувства, передайте ихъ вашимъ согражданамъ, и вѣрьте, что Я сумѣю отдать справедливость тому довѣрію, которое оказало Мнѣ нынѣшнее ваше собраніе. Оно не останется втунѣ. Я сохраню о немъ память вмѣстѣ съ желаніемъ убѣдить васъ, какъ искренна Моя къ вамъ привязанность, и какое вліяніе окажутъ ваши поступки на вашу будущность“ ([26]).

ГЛАВА LXXIII.

Финансы. Торговля.

(1816—1825 г.).

Послѣ десятилѣтія безпрестанныхъ войнъ (1805—1815 г.), финансы Россіи находились въ неудовлетворительномъ состояніи. Количество выпущенныхъ ассигнацій, съ 1804-го по 1817-й годъ, увеличилось болѣе нежели втрое, именно съ 260.658,550 до 836,000,000 рублей, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнность ассигнаціонннаго рубля упала съ 75-ти до 24-хъ копѣекъ серебромъ, что̀ разстроило состояніе частныхъ людей и отозвалось на государственномъ богатствѣ тѣмъ, что, не смотря на возвышеніе налоговъ, доходы увеличились не столько въ дѣйствительности (съ 90 до 110-ти милл. рубл. серебр.) сколько номинально (съ 118-ти до 440 милл. рубл. серебр.). А, между тѣмъ, по окончаніи великой европейской войны, надлежало подать пособіе многимъ областямъ Имперіи, разоренныъ нашествіемъ непріятеля; пріобрѣтеніе Царства Польскаго, также опустошеннаго прежними войнами и реквизиціями въ пользу Франціи, при Наполеонѣ, не послужило въ пользу финансамъ Россіи, и, напротивъ того, потребовало затратъ изъ доходовъ Имперіи. Хотя, по общимъ годовымъ вѣдомо-

стямъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, значились довольно крупные остатки, однакоже ихъ нельзя считать дѣйствительными избытками, какъ по тому, что до 1817 года ежегодно производились новые выпуски ассигнацій, такъ и по тому, что за казною оставалось много неуплаченныхъ счетовъ по прежнимъ подрядамъ и поставкамъ, а также капиталовъ, взятыхъ преимущественно въ 1812 году изъ казенныхъ вѣдомствъ, какъ-то: изъ духовныхъ училищъ, департамента удѣловъ, приказовъ общественнаго призрѣнія, Заемнаго банка, и проч. (1).

Къ 1-му генваря 1816 года, числилось въ остаткѣ отъ прошлаго года, 180,309,375 рубл. 7¼ коп. Въ теченіи 1816 года поступило въ доходъ 436,837,852 рубл. 63 коп. (109,209,463 рубля серебр), слѣдовательно въ приходѣ было всего 617,147,227 рубл. 70¼ коп. ассигнац. (154.286,806 рубл. серебр.) Въ расходѣ за 1816-й годъ вообще было 428,105,004 рубля 6¼ коп. (около 107-ми мил. рубл. серебр.), въ числѣ коихъ уплачено по военному министерству 234,380,137 рубл. 90½ коп. ассигн. слѣдовательно болѣе половины всего годоваго расхода (2).

Къ 1-му генваря 1817 года, вообще оставалось 189,042.223 рубля 9 коп. Въ теченіи 1817 года поступило въ доходъ 437,102,602 рубля 16¼ коп. (около 109,275,000 рубл. серебр.), слѣдовательно въ приходѣ было всего 626,144,825 рубл. 25¼ к. (156,536,200 рубл. серебр.). Въ расходѣ за 1817-й годъ вообще было 438,423,984 рубля 19½ коп. ассигнац. (около 109,600,000 рубл. серебр.), въ числѣ коихъ по военному министерству 178,979,121 рубль 3¾ коп. или около ⅗ всего годоваго расхода (3).

Къ 1-му генваря 1818 года, числилось въ остаткѣ 187,720,841 рубль 6 коп. Въ теченіи 1818 года поступило въ доходъ 444,125,662 рубля 60 к. (111,031,400

рубл. серебр.), всего-же въ приходѣ было 631.846.503 рубля 66 коп. (около 158,000,000 рубл. серебр.). Въ расходѣ за 1818-й годъ было 443,285,569 рубл. 17 коп. (около 111,000,000, рубл. серебр.), въ числѣ коихъ по военному министерству 171,251,006 рубл. 33¾ коп. (4).

Съ 1817-го года были окончательно прекращены выпуски новыхъ ассигнацій, и (какъ уже сказано въ LXII-й главѣ), приступлено къ погашенію ихъ, что̀ поручено было „Государственной коммисіи погашенія долговъ“, и съ этою цѣлью предположено: 1) отпускать ежегодно 30 милл. рубл. ассигнац.; 2) обратить остатки отъ платежей по срочнымъ долгамъ; 3) остатки вообще отъ государственныхъ доходовъ, и 4) суммы, вырученныя отъ продажи казенныхъ имуществъ. Кромѣ того, были открыты два безсрочныхъ займа. одинъ въ 1817-мъ и другой въ 1818 году. Эти мѣры и другія, имъ подобныя, не послуживъ къ возвышенію нашего курса, повели къ увеличенію государственныхъ расходовъ на сумму процентовъ, подлежавшихъ къ уплатѣ по заключеннымъ займамъ (5).

По всей вѣроятности, тогдашній министръ финансовъ, графъ Гурьевъ раздѣлялъ мнѣніе нѣкоторыхъ современныхъ ему государственныхъ людей, которые, приписывая *исключительно* паденіе нашего курса чрезмѣрнымъ выпускамъ ассигнацій. полагали, будтобы уменьшеніе ихъ количества, посредствомъ изъятія ихъ изъ обращенія, должно было непремѣнно оказать обратное дѣйствіе и постепенно уравнять цѣну рубля ассигнаціоннаго съ рублемъ серебрянымъ. Не довольствуясь тѣмъ, министръ финансовъ полагалъ, что: „Займы, съ платежемъ непрерывнаго дохода и назначеніемъ капитала погашенія, постепенно возрастающаго, доставляютъ существенную пользу государству, отвращая непомѣрное усиленіе налоговъ и не

отвлекая отъ промышленности капиталовъ для свободнаго ея движенія потребныхъ (?)" и проч. ([6]).

Къ 1-му генваря 1819 года, числилось въ остаткѣ 188,560,934 рубля 49 коп. Въ теченіи 1819 года поступило въ доходъ 483,681,939 рублей 7 копѣекъ (130,720.000 рубл. серебр.), всего-же въ приходѣ было 672,242,873 рубля 56 коп. (около 181,700.000 рубл. серебр.). Въ расходѣ за 1819-й годъ было 479,657,716 рубл. 46 коп. (около 129,640,000 рубл. серебр.), въ числѣ коихъ по военному министерству 188,430,432 рубля 17 коп. ([7]).

Къ 1-му генваря 1820 года. числилось въ остаткѣ 192,585,157 рубл. 5 коп. Въ продолженіи 1820 года поступило въ доходъ 478,537,948 рублей 3½ коп. (128,290,000 рубл. серебр.), всего-же въ приходѣ было 671,123,105 рубл. 8½ коп. (около 180,000,000 рубл. серебр.). Въ расходѣ за 1820-й годъ было 499,804,043 рубля 89 коп. (до 134-хъ милл. рубл. серебр.), въ числѣ коихъ по военному министерству 197,770,936 рубл. 71 коп. ([8]).

Къ 1-му генваря 1821 года, числилось въ остаткѣ 171,319,061 рубль 19½ коп. Въ продолженіи 1821 года поступило въ доходъ 453,290,128 рубл. 52¼ коп. (120 милл. рубл. серебр.), всего-же въ приходѣ было 624,609,189 рубл. 71¾ коп. (около 165 милл. рубл. серебр.). Въ расходѣ за 1821-й годъ было 482,319,283 рубля 39¾ коп. (до 127,600,000 рубл. серебр.), въ числѣ коихъ по военному министерству 182,339,010 рублей 24 коп. ([9]).

При разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ Росписи о доходахъ и расходахъ на 1821-й годъ, адмиралъ Мордвиновъ представилъ мнѣніе, въ которомъ предложилъ два источника неукоснительнаго и знатнаго приращенія доходовъ: во 1-хъ, введеніе въ

войскà срочной службы *), проектъ чего еще въ 1811 году былъ одобренъ комитетомъ предсѣдателей государственнаго совѣта, вмѣстѣ съ отмѣною рекрутства, сопряженнаго съ дорого стоющею отдачею рекрутъ и вѣчною потерею сына, брата, а нерѣдко даже и отца семейства: по мнѣнію Мордвинова, за отмѣну рекрутства, всѣ ревижскія души охотно заплатили-бы по три рубля, чтò составило-бы около 63-хъ милл. рублей; во 2-хъ, увольненіе въ годовой отпускъ половиннаго числà солдатъ, чѣмъ Мордвиновъ надѣялся сберечь ежегодно болѣе 60-ти милліоновъ рублей ([10]).

Къ 1-му генваря 1822 года, числилось въ остаткѣ 142,289,906 рубл. 32 коп. Въ продолженіи 1822 года поступило въ доходъ 450,154,364 рубля 61 коп. (около 120 милл. рубл. серебр.), всего-же въ приходѣ было 592,444,270 рубл. 93 коп. (до 158,830,000 рубл. серебр.). Въ расходѣ за 1822-й годъ было 456,471,199 рубл. 37 коп. (около 122,400,000 рубл. серебр.), въ числѣ коихъ по военному министерству 185,889,354 рубля 73 коп. ([11]).

Въ 1820 и 1822 годахъ были открыты два внѣшнихъ 5% займа: первый, въ 40 милл. рубл. серебромъ, съ банкирами братьями Берингъ, въ Лондонѣ, и Гопе, въ Амстердамѣ, для извлеченія изъ обращенія ассигнацій, и второй, въ 43 милл. рубл. серебромъ, съ банкиромъ Ротшильдомъ, въ Лондонѣ, для усиленія средствъ государственнаго казначейства ([12]). Первый заемъ доставилъ правительству 28.800,000 р. серебр., а второй—32.928,073 рубля серебромъ ([13]). Посредствомъ займовъ и другихъ средствъ, предоставленныхъ въ распоряженіе Коммисіи погашенія долговъ, количество находившихся въ обращеніи ассигнацій,

*) Подъ этимъ названіемъ адмиралъ Мордвиновъ, вѣроятно, разумѣлъ введеніе воинской повинности на краткій срокъ.

въ продолженіи пяти лѣтъ, 1817—1822, уменьшилось на 240 милл. рублей и простиралось въ 1822 году, (когда, со вступленіемъ Канкрина въ должность министра финансовъ, прекращено было уничтоженіе ассигнацій), до 595,776,300 рубл. [14]. Нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей (и въ числѣ ихъ— адмиралъ Мордвиновъ) считали несомнѣннымъ средствомъ къ улучшенію финансовъ постепенное истребленіе ассигнацій. „Изъ всѣхъ государственное казначейство разстроивающихъ мѣръ — писалъ Мордвиновъ—вреднѣйшею признано излишество бумажныхъ денегъ противъ количества, удерживающаго единство монеты, съ коимъ тѣсно сопряжены: достоинство имуществъ, успѣхъ промышленности, надежный ходъ торговли, взаимное довѣріе, внутренняя тишина, благость нравовъ, довольство частное и богатство общественное. Только при ономъ силенъ Царь, силенъ и народъ. Безъ онаго весь государственный составъ приближается къ неминуемому и скорому разрушенію... Никакая несправедливость личная, никакое оскорбленіе прáва общественнаго, колико-бы оныя чувствительны ни были, не могутъ имѣть столь разительнаго дѣйствія на умы и сердцà подданныхъ, какъ прискорбіе отъ потеряннаго монетою достоинства. Рубль есть достояніе каждаго, бѣднаго и богатаго.... При упадкѣ монеты ропщетъ воинъ, негодуетъ гражданинъ, лихоимствуетъ судья, охладѣваетъ вѣрность, ослабѣваютъ взаимныя услуги и пособія, благочиніе, миръ и добродѣтель уступаютъ мѣсто разврату, порокамъ и буйнымъ страстямъ (?). Никакое наглое многочисленнаго непріятеля вторженіе въ предѣлы государства не можетъ быть для онаго толико бѣдственно и всегубительно, какъ разстройство бумажной монеты“, и пр. и пр. [15]. Но ни общественное мнѣніе, ни самый опытъ, стоившій весьма дорого, не оправ-

дали истребленія ассигнацій: государственный расходъ увеличился платежемъ процентовъ, до 5 милл. рубл. серебр., а курсъ достигъ ничтожнаго возвышенія—съ 4-хъ рублей до 3-хъ рублей 73-хъ коп. за рубль серебра ([16]).

Къ 1-му генваря 1823 года, числилось въ остаткѣ 135,973,071 рубль 56 коп. Въ продолженіи 1823 года поступило въ доходъ 463,425,785 рубл. 60 коп. (123,900,000 рубл. серебр.), всего-же въ приходѣ было 599,398,857 рубл. 16 коп. (около 160 милл. рубл. серебр.). Въ расходѣ за 1823-й годъ было 479,148.147 рубл. 47 коп. (до 128-ми милл. рубл. серебр.), въ числѣ коихъ по военному министерству 195,555,909 рубл. 14 коп. ([17]).

Въ 1-му генваря 1824 года, числилось въ остаткѣ 120.250.709 рубл. 68 коп. Въ продолженіи 1824 года поступило въ доходъ 407,809,705 рубл. 19 коп. (около 109,600.000 рубл. серебр.), всего-же въ приходѣ было 528,060,414 рубл. 87 коп. (141,900,000 рубл. серебр.). Въ расходѣ за 1824-й годъ было 417,026,925 рубл. 51 коп. (112,100,000 рубл. серебр.), въ числѣ коихъ по военному министерству 157,235,876 рубл. 79½ коп. ([18]).

Къ 1-му генваря 1825 года, числилось въ остаткѣ 111,033,489 рубл. 36 коп. Въ продолженіи 1825 года поступило въ доходъ 418,680,747 рубл. 45 коп. (112,800.000 рубл. сер.), всего-же въ приходѣ было 529,714.236 рубл. 81 коп. (около 143-хъ милл. рубл. серебр.). Въ расходѣ за 1825-й годъ было 413,459,847 рубл. 11 коп. (111,400,000 рубл. серебр.), въ числѣ коихъ по военному министерству 155,202,151 рубл. 10 коп. ([19]).

Въ концѣ царствованія Императора Александра I, государственный долгъ состоялъ изъ слѣдующихъ суммъ:

Во 1-хъ, изъ остававшихся въ обращеніи ассигнацій, на 595,776,310 рублей (около 160 милл. рубл. сер.).

Во 2-хъ, изъ срочнаго внѣшняго голландскаго долга по 5%, 46,600,000 гульденовъ, на сумму 26,862,000 рублей серебромъ.

Въ 3-хъ, изъ срочнаго внутренняго долга, заключавшагося въ займахъ для различныхъ государственныхъ надобностей, изъ Кредитныхъ учрежденій на сроки, подобно ссудамъ, производимымъ подъ залоги частнымъ лицамъ. Такого долга было всего 17,255,617 рублей серебромъ.

Въ 4-хъ, изъ безсрочныхъ долговъ, въ 6% и 5% облигаціяхъ, всего 146,539,211 рублей серебромъ (20).

Вообще-же государственный долгъ въ 1825-мъ году простирался до 350,656,828 рубл. серебромъ, что составляло около $3^1/_6$ годовыхъ бюджета.

Въ первые годы по прекращеніи общихъ европейскихъ войнъ, обороты нашей внѣшней торговли значительно увеличились. Привозъ иностранныхъ товаровъ простирался:

Въ 1816-мъ году,

по европейской торговлѣ на . .	110,921,632 рубл.
„ азіятской „ „ . .	18,879,429 „
всего-же на	129,801,061 рубл.

Въ 1817-мъ году,

по европейской торговлѣ на . .	146,332,362 рубл.
„ азіятской „ „ . .	21,210,965 „
всего-же на .	167,543,327 рубл.

Въ 1818-мъ году,

по европейской торговлѣ на . .	165,778,870 рубл.
„ азіятской „ „ . .	22,802,547 „
всего-же на	188,581,417 рубл.

Въ 1819-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 155,454,992 рубля
„ азіятской „ „ . . 29,865,244 „

всего-же на 185,320,236 рубл.

Въ 1820-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 227,349,564 рубл.
„ азіятской „ „ . . 27,066,552 „

всего-же на 254,416,116 рубл.

Но послѣдующія измѣненія въ тарифѣ, и въ особенности постановленія новаго тарифа по европейской торговлѣ, 12 марта 1822 года, стѣснившія свободный ввозъ иностранныхъ товаровъ, оказали невыгодное вліяніе на количество привоза, который простирался:

Въ 1821-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 196,162,343 рубл.
„ азіятской „ „ . . 22,461,527 „

всего-же на 218,623,870 рубл.

Въ 1822-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 141,656,669 рубл.
„ азіятской „ „ . . 16.354.029 „

всего-же на 158,010,698 рубл.

Въ 1823-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 142,370,601 рубл.
„ азіятской „ „ . . 18,021,966 „

всего-же на 160,392,567 рубл.

Въ 1824-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 159.238,737 рубл.
„ азіятской „ „ . . 17,935,752 „

всего-же на 177,174,489 рубл.

Въ 1825-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 166,394,548 рубл.
„ азіятской „ „ . . 19,409,281 „
всего-же на 185,803,829 рубл.

Вывозъ русскихъ товаровъ простирался:

Въ 1816-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 190,807,329 рубл.
„ азіятской „ „ . . 10,454,538 „
всего-же на 201,261,867 рубл.

Въ 1817-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 283,095,029 рубл.
„ азіятской „ „ . . 12,989,535 „
всего-же на 296,084,564 рубл.

Въ 1818-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 244,937,337 рубл.
„ азіятской „ „ . . 12,418,677 „
всего-же на . . 257,928,893 рубл.

Въ 1819-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 205,928,893 рубл.
„ азіятской „ „ . . 16,363,308 „
всего-же на . . 222,292,201 рубл.

Въ 1820-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 214,263,729 рубл.
„ азіятской „ „ . . 17,194,896 „
всего-же на . . 231,458,625 рубл.

Въ 1821-мъ году,
по европейской торговлѣ на . . 194,445,849 рубл.
„ азіятской „ „ . . 15,959,153 „
всего-же на . . 210,405,002 рубл.

Въ 1822-мъ году,

по европейской торговлѣ на . .	177,450,470	рубл.
„ азіятской „ „ . .	13,936,399	„
всего-же на . .	191,386,869	рубл.

Въ 1823-мъ году,

по европейской торговлѣ на . .	185,381,948	рубл.
„ азіятской „ „ . .	14,432,216	„
всего-же на . .	199.814,164	рубл.

Въ 1824-мъ году,

по европейской торговлѣ на . .	189.851,207	рубл.
„ азіятской „ „ . .	15.308,772	„
всего-же на . .	205,159,979	рубл.

Въ 1825-мъ году,

по европейской торговлѣ на . .	221,660,126	рубл.
„ азіятской „ „ . .	15,210,056	„
всего-же на . .	236,870,182	рубл.

Главныя статьи привоза были: сахаръ и сахарный песокъ, хлопчатая бумага, шерстяныя издѣлія, вина и индиго; а вывоза: разнаго рода хлѣбъ, сало, пенька, ленъ и льняное сѣмя, лѣсъ и желѣзо ([21])

ГЛАВА LXXIV.

Распоряженія по министерству народнаго просвѣщенія. — Цензура книгъ. — Журналистика и литература. — Путешествія съ ученою цѣлью.

(1818—1825 г.)

Въ послѣдній періодъ царствованія Императора Александра I, по министерству народнаго просвѣщенія, послѣдовали многія правительственныя распоряженія.

Въ 1818 году, пансіонамъ московскаго университета и главнаго педагогическаго института дарованы права на-равнѣ съ университетами. Воспитанники, кончившіе въ этихъ заведеніяхъ полный курсъ ученія, могли поступать въ гражданскую службу, по степени ихъ успѣховъ, съ чинами отъ 14-го до 10-го класса включительно, а въ военную на томъ-же основаніи, какъ университетскіе студенты, то есть прослуживъ въ нижнихъ званіяхъ шесть мѣсяцевъ, а потомъ производились въ офицеры, хотя-бы не было вакансіи въ тѣхъ полкахъ, куда они приняты. Тогдаже Высочайше разрѣшено студентамъ ярославскаго Демидовскаго училища и воспитанникамъ петербургской и кіевской гимназій вступать въ военную службу съ тѣми-же преимуществами, какія предоставлены студентамъ университета (1).

Въ томъ-же году, Высочайше утвержденъ уставъ „Россійской Императорской Академіи“, основанной еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, но не имѣвшей опредѣленнаго положенія. На основаніи Устава Академія была обязана: 1) издавать словари русскаго языка, общій и частные, грамматику, риторику и проч.; 2) издавать творенія знаменитыхъ писателей съ ихъ жизнеописаніями и съ полезными для языка и словесности примѣчаніями. „Таковымъ твореніямъ — сказано было въ Уставѣ — Академія есть природная покровительница и наслѣдница“. Въ 3-хъ, Академія должна была заниматься переводами на русскій языкъ иностранныхъ классическихъ пеэтовъ: Гомера, Виргилія, Тасса, Мильтона и проч. и изданіемъ ихъ вмѣстѣ съ подлинниками, при чемъ требовалось, чтобы „переводъ, по возможности, былъ изъ слова въ слово, изъ періода въ періодъ, дабы читатель не слогъ переводчика въ немъ видѣлъ, но проницалъ-бы точное расположеніе мыслей и духъ творца“... (2).

Въ 1819 году Главный Педагогическій институтъ въ Петербургѣ, по проекту, составленному попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Уваровымъ, былъ преобразованъ въ университетъ, при чемъ постановлено, чтобы образованіе учащихъ для всѣхъ учебныхъ заведеній въ Имперіи оставалось существеннымъ предметомъ и петербургскаго университета, на основаніи устава Главнаго Педагогическаго института. По существованію въ столицѣ медико-хирургической академіи, учрежденіе при университетѣ медицинскаго факультета признано излишнимъ. Второй разрядъ Педагогическаго института, учрежденный 25 октября 1817 года, сохранилъ свое отдѣльное образованіе, подъ названіемъ *Учительскаго института* (3).

Въ слѣдующемъ году, Высочайше утверждены уста-

вы дерптскаго университета и учебныхъ заведенiй дерптскаго учебнаго округа ([4]). Еще до того, по представленiю эстляндскаго губернскаго начальства, о необходимости въ учрежденiи сельскихъ училищъ — „не заключавшему въ себѣ удобоисполнительныхъ средствъ къ приведенiю въ дѣйствiе сего полезнаго предположенiя и замедлившему ходъ дѣла продолжительною перепискою", былъ составленъ комитетъ для учрежденiя и управленiя сельскихъ школъ въ Эстляндiи ([5]). Для образованiя приходскихъ учителей въ западныхъ губернiяхъ, основана семинарiя при виленскомъ университетѣ ([6]). По изгнанiи iезуитовъ изъ Россiи, учреждены, въ замѣнъ состоявшихъ въ ихъ управленiи училищъ, учебныя заведенiя въ городахъ: Полоцкѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ и Витебскѣ ([7]).

Въ 1824 году, по представленiю министра народнаго просвѣщенiя Шишкова, Высочайше утверждено новое распредѣленiе губернiй по учебнымъ округамъ, сообразно раздѣленiю губернiй на округи генералъ-губернаторскаго управленiя ([8]).

Въ 1819 году, Высочайше утверждены Положенiя объ Институтѣ слѣпыхъ и о Домѣ воспитанiя бѣдныхъ дѣтей.

Институтъ слѣпыхъ былъ учрежденъ въ Петербургѣ, еще въ 1807 году, и тогда-же утвержденъ штатъ его, по коему на содержанiе и обученiе 15-ти слѣпыхъ, на наемъ для помѣщенiя ихъ дома и на жалованье лицамъ, служащимъ при этомъ заведенiи, было назначено ежегодно, сперва 14,150, а съ 1816 года—21,150 рублей. Въ началѣ 1819 года, институтъ поступилъ въ вѣдомство Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества и былъ помѣщенъ въ Михайловскомъ замкѣ. Совѣтъ Человѣколюбиваго об-

щества нашелъ полезнымъ сократить программу наукъ, коимъ обучались слѣпые, не ограничивая числа принимаемыхъ опредѣленнымъ комплектомъ, а призрѣвая столько слѣпыхъ, сколько по средствамъ института будетъ возможно; а дабы отвлечь сихъ несчастныхъ отъ вредной праздности, занимать ихъ полезными, физическому ихъ состоянію приличными, упражненіями (9).

Тогда-же Императоръ Александръ соизволилъ утвердить Положеніе Совѣта Человѣколюбиваго общества, объ учрежденіи „Дома воспитанія бѣдныхъ дѣтей", на 120 воспитанниковъ (10).

—

Мы уже имѣли случай изложить, до какого состоянія доведенъ былъ казанскій университетъ, благодаря преобразованію, или — такъ называемому — *обновленію* его Магницкимъ. Въ харьковскомъ университетѣ также отозвалось, хотя и гораздо слабѣе, задуманное въ главномъ правленіи училищъ, измѣненіе общей системы народнаго просвѣщенія: профессоръ Шадъ былъ высланъ за границу, какъ послѣдователь опасной новѣйшей философіи; Осиповскій, гордость университета, принужденъ былъ оставить преподаваніе въ немъ. Попечитель представилъ предположеніе о новомъ образованіи университета, домогаясь, чтобы ректоръ назначался не по избранію совѣта и факультетовъ, а по усмотрѣнію начальства, изъ чиновниковъ свѣдущихъ въ наукахъ и опытныхъ по службѣ, или изъ профессоровъ, кои, въ такомъ случаѣ, лишались бы-права читать лекціи; на мѣсто-же декановъ онъ предлагалъ непремѣнныхъ совѣтниковъ, также назначаемыхъ начальствомъ. Ученый комитетъ, измѣнивъ проектъ попечителя, призналъ необходимость избирать ректора, по прежнему, изъ

профессоровъ; но самый выборъ предоставилъ попечителю, а не совѣту, и одобрилъ замѣну декановъ непремѣнными чиновниками ([11]).

С.-петербургскій университетъ подвергся разгрому въ самомъ началѣ своего существованія. Составленіе устава для новаго университета затянулось, по разногласію лицъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ. Чтобы дать университету правильный ходъ, главное правленіе училищъ, по представленію исправлявшаго должность попечителя Рунича, въ засѣданіи 17 сентября 1821 года, постановило: ввести временно въ дѣйствіе по петербургскому университету и округу инструкціи, утвержденныя для директора и ректора казанскаго университета ([12]).

Съ самаго открытія университета въ Петербургѣ, 14-го февраля 1819 года, онъ считалъ въ средѣ своей многихъ лицъ, составившихъ себѣ почетное имя своими свѣдѣніями и полезными трудами: попечителемъ былъ филологъ Уваровъ; въ числѣ профессоровъ находились: ректоръ университета, бывшій профессоръ политическихъ наукъ въ педагогическомъ институтѣ, Балугьянскій; преподаватель богословія, замѣчательный знатокъ еврейскаго языка, Павскій; профессоръ философіи—Лодій; исторіи философіи—Галичъ; всеобщей исторіи—Раупахъ; географіи—Зябловскій; статистики—Германъ; астрономіи—Вишневскій. Къ сожалѣнію, педагогическій институтъ съ перемѣною названія не преобразовался въ университетъ, и лишась прежняго порядка въ управленіи, подвергся крайнему разстройству; введеніе столь-же строгихъ, сколько и мелочныхъ инструкцій, по примѣру казанскаго университета, не поправило дѣла, испорченнаго въ началѣ, а преслѣдованіе профессоровъ, отличавшихся глубокими свѣдѣніями и любовью къ наукѣ, поставило вновь открытый университетъ на край ги-

бели. Первоначальный составъ петербургскаго университета и направленіе читаемыхъ въ немъ курсовъ напоминали университеты первыхъ годовъ царствованія Александра, когда въ самой государственной администраціи преобладали либеральныя начала. Въ философскихъ наукахъ служили основаніемъ идеи Шеллинга, съ которыми знакомилъ своихъ слушателей и русское общество профессоръ Галичъ. Замѣтимъ, что онъ при томъ дѣйствовалъ съ большею осторожностью, не усвоивая крайнихъ выводовъ Шеллинга и отзываясь съ сочувствіемъ о Якоби, замѣнившемъ пытливую философію вѣрою въ откровеніе и утверждавшемъ, что источникъ всего существующаго не природа и не разумный духъ человѣка, а Богъ, коего бытіе столь-же мало нуждается въ доказательствѣ, сколько и бытіе человѣка. Но признавая философію нужною для утвержденія христіанскихъ вѣрованій, допуская, что сомнѣніе необходимо для развитія философіи и что изслѣдованіе заблужденій самонадѣяннаго ума есть вѣрнѣйшій способъ къ утвержденію откровенныхъ истинъ, Галичъ подалъ поводъ къ обвиненію его „исторіи философскихъ системъ“ и его самаго въ невѣріи. Подобнымъ образомъ Арсеньевъ и наставникъ его Германъ, преподавая статистику по Шлецеру, подверглись преслѣдованію за то, что не ограничиваясь одними фактическими показаніями, цифрами, допускали критическій разборъ и оцѣнку фактовъ, касаясь вопросовъ: объ ассигнаціяхъ—при обозрѣніи монетной системы въ Россіи; о крѣпостномъ правѣ—по поводу большей или меньшей производительности труда, и проч. При разсмотрѣніи государственнаго управленія. въ книгѣ Арсеньева, было сказано: „Судьи и подчиненные чиновники въ Россіи руководствуются въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ разными древними законами и многими ука-

зами. Старыхъ и новыхъ указовъ и учрежденій считается болѣе семидесяти тысячъ. Многіе изъ послѣдовавшихъ противорѣчатъ и даже отвергаютъ предшествовавшіе. Люди, опытностію, или прилежнымъ чтеніемъ, пріобрѣвшіе познаніе въ законахъ, одни имѣютъ силу вязать и рѣшить, и хорошо, еслибъ судъ ихъ былъ праведенъ; но, къ сожалѣнію, знающіе стряпчіе, руководимые не безпристрастіемъ, а лихоимствомъ, часто разрѣшаютъ виновныхъ и запутываютъ невинныхъ, но неопытныхъ, въ сѣтяхъ ложнаго толкованія законовъ", и т. д. Вмѣстѣ съ статистикою Арсеньева подверглись обвиненію и лекціи наставника его Германа; а также осуждали профессора всеобщей исторіи Раупаха, за то, что онъ выводилъ происхожденіе еврейской и христіанской религіи изъ языческихъ вѣрованій, и будтобы внушалъ своимъ слушателямъ понятія ведущія къ атеизму и матеріализму.

На второмъ курсѣ со времени открытія университета, въ 1821 году, исправляющій должность попечителя с.-петербургскаго округа Руничъ донесъ главному правленію училищъ, что философскія и историческія науки преподаются въ университетѣ въ духѣ противномъ христіанству и поселяютъ въ умахъ студентовъ идеи, разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія, въ доказательство чему были представлены студентскія тетради, составленныя по лекціямъ профессоровъ: Германа и Арсеньева—изъ статистики, Галича—изъ философіи и Раупаха—изъ всеобщей исторіи. Главное правленіе, разсмотрѣвъ указанныя Руничемъ мѣста студентскихъ тетрадей, немедленно пріостановило чтенія обвиненныхъ профессоровъ и потребовало отъ нихъ отвѣты на вопросные пункты, составленные членами правленія: Лавалемъ, Магницкимъ, Руничемъ и директоромъ

департамента народнаго просвѣщенія Поповымъ. Эти вопросные пункты были препровождены въ университетъ для отобранія отвѣтовъ и для представленія ихъ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ университетской конференціи, въ главное правленіе училищъ ([13]).

3, 4 и 7-го ноября, въ университетѣ происходили чрезвычайныя собранія, продолжавшіяся каждое отъ девяти до одиннадцати часовъ. Въ засѣданіяхъ участвовали двадцать членовъ, но все дѣло было ведено попечителемъ Руничемъ и директоромъ университета Кавелинымъ, обвинителями и грозными судіями четырехъ профессоровъ. Изъ записки о дѣлѣ исправлявшаго въ сихъ собраніяхъ должность конференцъ-секретаря, профессора Плисова, очевидно, что въ понятіи Рунича обвиненные были заранѣе осуждены окончательно, и что цѣль конференцій исключительно состояла въ томъ, чтобы профессоры согласились съ мнѣніемъ попечителя. Въ началѣ перваго собранія, Руничъ прочелъ представленіе свое, на имя министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя Голицына, заключавшее въ себѣ обвиненія Раупаха въ безбожіи, а Германа, Галича и Арсеньева во многихъ преступленіяхъ, и въ числѣ ихъ—въ *маратизмѣ* и *робеспьеризмѣ*. За тѣмъ, Руничъ предъявилъ собранію вопросные пункты, на которые предлагалъ требовать отъ обвиняемыхъ отвѣты, для обсужденія ихъ въ конференціи, и приказалъ экзекутору позвать въ присутствіе профессора Германа, а, между тѣмъ, позволилъ себѣ неприличныя насмѣшки на счетъ лежавшихъ на столѣ собственноручныхъ его тетрадей, называя ихъ „гадкими, смердящими", и зажимая носъ, какъ будтобы отъ дурнаго въ нихъ запаха. При этомъ, не пощадилъ онъ не только Германа, но и бывшаго учителя его, покойнаго Шлёцера, Когда-же явился въ присутствіе Германъ, Руничъ сталъ чи-

тать ему вопросы, а Кавелинъ – выписки изъ студентскихъ тетрадей, послужившія къ его обвиненію. Во все время чтенія, Германъ, сѣвъ на одномъ изъ стоявшихъ въ особомъ ряду стульевъ, сохранялъ молчаніе, а на требованіе Рунича, чтобы онъ далъ тотчасъ письменные отвѣты, обращался три раза къ собранію, прося о дозволеніи ему взять вопросные пункты на-домъ, дабы получить возможность отвѣчать на нихъ въ спокойномъ духѣ; но Руничъ отказалъ ему въ томъ, продолжалъ глумиться надъ тетрадями его лекцій, и наконецъ, съ трудомъ, согласился, чтобы Германъ писалъ отвѣты въ особой комнатѣ, подъ надзоромъ профессора Плисова,

Между тѣмъ, по приказанію Рунича, призвали Раупаха, который, по прочтеніи обвиненій, на требованіе попечителя—писать немедленно отвѣты, сказалъ, что „это въ настоящемъ его положеніи невозможно, и что онъ можетъ отвѣчать только тогда, когда ему будутъ возвращены собственныя его и студентскія тетради“.—„И такъ – сказалъ ему Руничъ,—вы не повинуетесь собранію, слѣдовательно— и главному правленію училищъ, а по сему — и министру, а по сему—и государю (указывая на зерцало), словомъ, не повинуетесь верховной власти, постановленной отъ Бога, и не признаете никакого закона“— „On ne peut pas m'imposer une loi, que je suis incapable de remplir *) (невозможно подчинить меня закону, котораго я не въ силахъ исполнить), сказалъ Раупахъ. „Ah! On ne peut pas vous imposer une loi?“ вскричалъ Руничъ, пропустивъ послѣднія слова профессора. „Que je suis incapable de remplir“—прибавилъ Раупахъ. „Ну посмотримъ, что̀ будетъ далѣе“, про-

*) Раупахъ не зналъ русскаго языка, и по тому объяснялся по французски.

должалъ Руничъ — „садитесь и отвѣчайте, какъ можете“. Раупахъ сѣлъ за особый столъ и написалъ отвѣтъ, въ которомъ подтвердилъ свой прежній отзывъ о невозможности исполнить требованіе конференціи. По врученіи сего отвѣта предсѣдателю собранія, Раупахъ получилъ приказаніе выдти, и тогда Руничъ опять сталъ ругать его, называя бунтовщикомъ, зажигателемъ, государственнымъ измѣнникомъ, и проч. Къ чести ученаго сословія, составлявшаго собраніе, должно замѣтить, что безстыдство и дерзость Рунича возбудили протестъ большинства членовъ; профессоры: Лодій, Балугьянскій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Деманжъ, Шармуа, Вишневскій, Ржевскій, адъюнктъ Радловъ и директоръ училищъ Тимковскій, старались убѣдить попечителя, что въ поведеніи Раупаха не было ничего преступнаго; но Руничъ стоялъ на своемъ, Кавелинъ поддерживалъ его, а прочіе профессоры, запуганные ими, выказали какое-то странное равнодушіе къ судьбѣ своего товарища.

Между тѣмъ Плисовъ принесъ данные Германомъ письменные отвѣты, въ которыхъ профессоръ, приводя себѣ въ оправданіе свою совѣсть, просилъ разсмотрѣнія всѣхъ выраженій, дѣйствительно ему принадлежащихъ, (ибо въ выпискахъ изъ студентскихъ тетрадей были превратныя мысли, кои онъ не признавалъ своими), людьми свѣдущими въ политическихъ наукахъ (la révision faite par des juges compétens, versés dans les sciences politiques). Эта просьба навлекла на него новые упреки Рунича, который, объявивъ ему, что такой отзывъ не можетъ быть принятъ, приказалъ ему выдти. За тѣмъ, когда Руничъ спросилъ собраніе, что̀ дѣлать съ объясненіемъ Раупаха, всѣ члены единогласно отвѣчали, что надлежитъ позволить ему, подобно Герману, писать отвѣты въ особй комнатѣ; но когда Раупахъ вторично

явился, председатель выразилъ заключеніе конференціи въ такомъ смыслѣ, будтобы она требуетъ, чтобы профессоръ непремѣнно отвѣчалъ на каждый вопросный пунктъ особо, и притомъ въ присутствіи конференціи. Уступая принужденію, Раупахъ сѣлъ въ углу и написалъ отвѣты, въ которыхъ ограничился отрицаніемъ обвиненій, требуя времени и законныхъ средствъ къ своему оправданію; по прочтеніи отвѣтовъ, ему велѣли выдти, и тогда Руничъ опять сталъ называть его возмутителемъ, бунтовщикомъ, оскорбившимъ собраніе своими отвѣтами, и, обратясь вообще къ конференціи, спросилъ: „какой приговоръ сдѣлаемъ по отвѣтамъ профессоровъ Германа и Раупаха?“ Одни изъ членовъ изъявили готовность подать голосъ; другіе, въ числѣ коихъ были: Балугьянскій, Соловьевъ, Грефе и Чижовъ, отозвались, что они изъ начатаго дѣла не видятъ, въ чемъ должно состоять ихъ мнѣніе. Нѣсколько профессоровъ и адъюнктъ-профессоровъ, прельщенныхъ надеждою получить награды, либо занять каѳедры обвиняемыхъ профессоровъ, безусловно осудили и Германа, и Раупаха: напротивъ того, профессоры: Плисовъ, Ржевскій, Вишневскій, Шармуа, Деманжъ, Чижовъ, Грефе, Балугьянскій и Лодій, директоръ училищъ Тимковскій и адъюнктъ Радловъ отвѣчали, что, не имѣя возможности изъ производства дѣла вывести какое-либо заключеніе о виновности профессоровъ, и будучи принуждены подать мнѣніе о тѣхъ преступленіяхъ, въ коихъ они обвиняются, полагаютъ, что, судя по сдѣланнымъ изъ ихъ лекцій выпискамъ, ученіе въ нихъ содержащееся не можетъ быть терпимо ни въ какомъ заведеніи, и тотъ, кто преподавалъ-бы такое ученіе, не заслуживалъ-бы никакого довѣрія. Нѣкоторые изъ профессоровъ требовали—

предоставить обвиненнымъ всѣ законныя средства къ ихъ оправданію.

На другой день, 4 ноября, засѣданіе открылось чтеніемъ вопросныхъ пунктовъ, заготовленныхъ въ главномъ правленіи училищъ для Галича; а Кавелинъ читалъ выписки изъ книги Галича: „Исторія философскихъ системъ", подавшія поводъ къ обвиненію его въ невѣріи, безбожіи, и проч. Замѣтимъ, что Галичъ въ своемъ сочиненіи излагалъ системы знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ философовъ, не прибавляя къ тому собственныхъ сужденій, и потому нѣкоторые изъ членовъ конференціи осмѣлились сказать, что онъ не можетъ подвергнуться отвѣтственности за мнѣнія людей, коихъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ; что, какъ-бы эти мнѣнія ни были ложны, профессоръ не могъ измѣнить ихъ, и что пропущенная въ цензурѣ, печатная книга Галича служитъ доказательствомъ, что въ ней не нашли ничего вреднаго. Но Руничъ, въ отвѣтъ на эти представленія профессоровъ, сказалъ, что Галичъ виноватъ въ томъ, что въ своей книгѣ не опровергалъ сихъ системъ, и сравнилъ сочиненіе Галича съ тлетворнымъ ядомъ, или заряженными пистолетами, положенными среди неразумныхъ дѣтей, либо дикихъ, не знающихъ употребленія огнестрѣльнаго оружія. Такое сравненіе вовсе не шло къ сочиненію Галича, по которому онъ читалъ лекціи не дѣтямъ и не дикимъ, а студентамъ, уже прослушавшимъ курсъ философіи; но Руничъ, не заботясь о вѣрности сравненія, поставилъ самъ себя въ число этихъ дѣтей или дикихъ: „я самъ—сказалъ онъ—еслибы не былъ истиннымъ христіаниномъ и еслибы благодать свыше меня не осѣняла, я самъ не отвѣчаю за свое поползновеніе при чтеніи книги Галича".

Когда-же Галичъ былъ призванъ въ присутствіе, попечитель обратился къ нему съ столь-же длиннымъ, сколько и неприличнымъ увѣщаніемъ, въ коемъ, осыпавъ ругательствами всѣхъ иностранцевъ живущихъ въ Россіи, напомнилъ Галичу, что онъ Русскій, упрекалъ его въ неблагодарности къ мѣсту своего воспитанія, къ отечеству, Государю и Богу, и обвинялъ его въ невѣріи и безбожіи. „Вы явно предпочитаете—сказалъ онъ—язычество христіанству, распутную философію—дѣвственной невѣстѣ, христіанской церкви, безбожнаго Канта — самому Христу, а Шеллинга—Святому Духу“. Потомъ, когда Галичъ вышелъ въ особую комнату съ адъюнктомъ Роговымъ, для написанія отвѣтовъ на вопросные пункты, и былъ призванъ Арсеньевъ, Руничъ увѣщевалъ его, подобно Галичу, но вслѣдъ за тѣмъ сталъ упрекать и бранить его, называя невѣжею, глупцомъ и проч. За тѣмъ, читаны были вопросные пункты и выписки изъ книги Арсеньева; когда-же онъ сказалъ, что преподавалъ теорію статистики по печатной книгѣ профессора Германа, изданной въ 1807 году отъ главнаго правленія училищъ и одобренной правительствомъ,—„это не послужитъ вамъ въ оправданіе – прервалъ его Руничъ; тогда было время, а теперь другое“. Обвиняя Арсеньева въ открытіи величайшихъ государственныхъ тайнъ, Руничъ и Кавелинъ привели то мѣсто изъ его книги, гдѣ говорилъ онъ о суммѣ выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій, на основаніи не только публичныхъ актовъ, но и высочайшихъ манифестовъ, изданныхъ во всенародное извѣстіе (!). Въ такомъ-же родѣ были и другія обвиненія, взведенныя на Арсеньева. По выходѣ его въ особую комнату, для составленія письменныхъ отвѣтовъ, адъюнктъ Роговъ принесъ письменный отвѣтъ Галича: „сознавая невозможность опровергнуть предложенные мнѣ вопросные

пункты, прошу непомянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія". По прочтеніи этого отвѣта, Руничъ зарыдалъ и примѣру его послѣдовали нѣсколько членовъ; когда-же Галича призвали въ присутствіе—попечитель вскричалъ: „послѣ этого, могу-ли я рѣшиться бросить на васъ камень", и съ этими словами кинулся обнимать Галича, называя его „заблудшею овцою", „оглашеннымъ просвѣтившимся", и увѣряя собраніе, что такое обращеніе грѣшника на путь истины есть чудесное дѣйствіе благодати Божіей, коснувшейся его сердца, и т. п. За тѣмъ, внезапно перемѣнивъ тонъ, строго спросилъ Галича: „не согласится-ли онъ запечатлѣть свое признаніе тѣмъ, чтобы издать вновь составленную имъ Исторію философскихъ системъ, помѣстивъ въ предисловіи къ оной свое обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лжеимянитомъ разумѣ основаннаго"? Какъ Галичъ на это предложеніе не отвѣчалъ ни слова, то Руничъ, понявъ, что зашелъ слишкомъ далеко, опять принялъ веселый видъ и съ прежнимъ восторгомъ обратился къ собранію „На что̀ намъ другіе доводы?—сказалъ онъ.— Самое сознаніе г. Галича не явнымъ-ли служитъ доказательствомъ, что вредныя и опасныя ученія дѣйствительно были въ здѣшнемъ университетѣ, а слѣдственно и во всемъ округѣ, а этого и довольно".— „А этого и довольно"—повторилъ онъ нѣсколько разъ. Потомъ, обратясь къ Галичу, сталъ увѣрять его, что онъ непремѣнно получитъ прощеніе. „Я самъ буду ходатайствовать за васъ у г. министра"—сказалъ онъ. Наконецъ, Галичъ вышелъ изъ присутствія. Призванный на его мѣсто Арсеньевъ подалъ свои письменные отвѣты Руничу и былъ осыпанъ ругательствами за то, что требовалъ законныхъ средствъ къ своему оправданію. Окончивъ чтеніе отвѣтовъ профессора, Руничъ велѣлъ ему выдти, и потомъ предложилъ на

обсужденіе конференціи: удовлетворительны-ли отвѣты Арсеньева; могутъ-ли книги „Исторія философскихъ системъ“ Галича и „Статистика Россіи“ Арсеньева служить руководствами къ преподаванію, и заслуживаютъ-ли Галичъ и Арсеньевъ, какъ наставники юношества, довѣріе правительства? Хотя члены конференціи изъявили по симъ предметамъ различныя мнѣнія, однакоже изъ нихъ можно было сдѣлать слѣдующій общій выводъ: 1) что отвѣтъ Арсеньева, судя по времени и предоставленнымъ ему къ тому средствамъ, не могъ быть достаточенъ; 2) что Галичъ и Арсеньевъ, какъ по своимъ познаніямъ, такъ и по нравственнымъ достоинствамъ, заслуживаютъ довѣріе правительства въ качествѣ наставниковъ юношества, и наконецъ 3) что даже и тогда, когда изданныя ими для руководства книги признаны будутъ негодными къ классическому употребленію, они могутъ преподавать лекціи по другимъ книгамъ (14): таковъ былъ истинный смыслъ мнѣнія изъявленнаго большинствомъ конференціи; но въ представленной Руничемъ въ главное правленіе училищъ запискѣ дѣло было изложено въ иномъ видѣ, и донесено, будтобы, не смотря на сопротивленіе Балугьянскаго и другихъ, единогласно (?), и благонамѣренными, и противодѣйствовавшими членами общаго собранія, признано:

„1) Ученіе всѣхъ четырехъ преподавателей вреднымъ; первыми — положительно; послѣдними — подъ условіемъ: *если обвинительные акты основательны, безпристрастны.*

„2) Сами преподаватели неблагонадежными и опасными; первыми — положительно; послѣдними — условно, *если преподаватели дѣйствительно будутъ изобличены въ преступномъ ученіи, имъ приписываемомъ*“.

Далѣе сказано, что: „Сознаніе Галича служитъ

непреложнымъ доказательствомъ того, что ученіе, обличенное вреднымъ и опаснымъ, дѣйствительно таково и въ университетѣ допущено было"; а въ заключеніе сдѣланъ слѣдующій выводъ: „Изъ всего видѣннаго и слышаннаго мною я удостовѣрился, что самый опасный духъ партій существуетъ въ университетѣ между нѣкоторыми членами, и что, при ихъ расположеніи, правительство на каждомъ шагу встрѣчать будетъ противодѣйствія, если не явныя, то тайныя, которыя всегда полагать будутъ препоны всякому наилучшему намѣренію" ([15]).

Главное правленіе училищъ, не смотря на голосà, поданные въ защиту обвиненныхъ профессоровъ, признало ученіе Германа, усвоенное и Арсеньевымъ, и Раупаха опаснымъ для государственнаго благосостоянія и постановило: Германа и Раупаха удалить изъ университета, запретивъ имъ преподаваніе по министерству просвѣщенія вообще; книги Германа и Арсеньева, по предмету статистики, и Галича, Исторію философскихъ системъ, совершенно запретить въ употребленіи по всему вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. А какъ обвиненные профессоры требуютъ, чтобъ имъ даны были средства къ формальному оправданію, то предоставить разсмотрѣніе ихъ дѣла судебному мѣсту уголовнымъ порядкомъ. Замѣчательно, что Магницкій, котораго отнюдь нельзя заподозрить въ излишней гуманности, подалъ мнѣніе противъ отданія профессоровъ подъ судъ, полагая, что и подсудимые, и общество, назовутъ людей, подвергающихъ бездоказательно обвиненныхъ уголовной отвѣтственности, не судьями, а палачами; тѣмъ не менѣе однакоже онъ предложилъ выслать Германа и Раупаха за границу, и по долгу, налагаемому Священнымъ Союзомъ (?), предостеречь отъ этихъ опасныхъ людей союзныя державы ([16]). Другой членъ правленія

училищъ. графъ Лаваль заявилъ о необходимости вывести вовсе изъ употребленія излишнія науки, введенныя въ новѣйшее время въ университеты, безъ всякой нужды и къ явному вреду частному и общественному ([17]).

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, получивъ мнѣніе главнаго правленія училищъ, по дѣлу о петербургскихъ профессорахъ, представилъ въ комитетъ министровъ все дѣло, съ собственнымъ заключеніемъ, въ которомъ, возставая противъ „системъ отверженія истинъ св. писанія, всегда соединяемыхъ съ покушеніемъ ниспровергать и законныя власти, сихъ ужасныхъ системъ, заразившихъ головы новѣйшихъ ученыхъ и имѣвшихъ послѣдствіемъ отпаденіе отъ вѣры христовой и революціонныя бѣдствія, которыя потрясли многія государства, пролили потоки крови и нынѣ еще не перестаютъ нарушать спокойствіе Европы", министръ считалъ необходимымъ положить такому вредному духу ученія скорыя и твердыя преграды. По его мнѣнію: „отъ образа рѣшенія этого дѣла зависѣла возможность остановить распространеніе пагубнаго ученія не только въ петербургскомъ университетѣ и округѣ, но и въ прочихъ". И по тому онъ полагалъ: Германа и Раупаха выслать изъ Россіи, давъ имъ нѣкоторую сумму для выѣзда за границу, изъ человѣколюбія, но напечатавъ въ иностранныхъ газетахъ причину ихъ высылки; книги ихъ запретить; Галича оставить при университетѣ, но въ другой должности; Арсеньеву запретить преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ, предоставя избрать другой родъ службы; Рунича утвердить попечителемъ и наградить за открытіе ([18]).

А, между тѣмъ, раздался въ пользу обвиненныхъ голосъ мужа добра, человѣка столь-же просвѣщен-

наго, сколько и благонамѣреннаго, бывшаго попечителя петербургскаго учебнаго округа Сергія Семеновича Уварова. Находясь не въ силахъ бороться съ глашатаями мракобѣсія, онъ рѣшился обратиться къ самому Государю. Въ письмѣ на Августѣйшее имя Императора Александра, Уваровъ, непринимая на себя защиты профессоровъ, выказалъ и недоказанность взводимыхъ на нихъ преступленій, и неприличные поступки ихъ преслѣдователей. „Но голосъ истины не будетъ заглушенъ—писалъ Уваровъ.—Она достигнетъ до вашего великодушнаго сердца. Вы узнаете все, какъ только соизволите, чтобы вамъ все было сказано. Да если и правда, что въ петербургскомъ университетѣ существовало безбожное и вольнодумное ученіе, то отвѣтственность въ томъ не должна падать ни на кого, кромѣ руководившихъ его министра и попечителя“, Основываясь на томъ, Уваровъ, въ качествѣ бывшаго попечителя округа, признавая себя обязаннымъ оправдать университетъ, не только принималъ на себя свою часть отвѣтственности, но просилъ о строжайшемъ изслѣдованіи дѣла, умоляя Государя, чтобы: во 1-хъ, предоставлены были обвиненнымъ профессорамъ всѣ средства къ защитѣ; во 2-хъ, чтобы всѣ акты и протоколы университетской конференціи были поднесены Его Величеству, не въ сокращенномъ видѣ и не въ копіяхъ, а въ оригиналѣ, и въ 3-хъ, чтобы дозволено было ему самому объяснить дѣло (19). Чтобы представленіе Уварова имѣло успѣхъ, надлежало князю Голицыну быть столь-же смѣлымъ ходатаемъ за правду у подножія престола; но онъ, при всей душевной добротѣ и другихъ похвальныхъ качествахъ, не былъ одаренъ твердымъ характеромъ и не отважился сознаться предъ лицемъ Монарха, что причиною университетскихъ безпорядковъ была собственная его

слабость, допустившая столь-же бездарнаго, сколько и безчестнаго Рунича, подъ личиною ревнителя вѣры и поборника правительства, взводить на скромныхъ тружениковъ Науки небывалыя преступленія. Профессоры, подвергнутые обвиненію, были удалены, а самое дѣло о нихъ, по разногласію, возникшему въ комитетѣ министровъ, затянулось на годы, пока наконецъ, въ февралѣ 1827 года, объявлено Высочайшее повелѣніе: считать дѣло о профессорахъ оконченнымъ ([20]).

А, между тѣмъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій въ духѣ реакціи.

Въ іюлѣ 1822 года, запрещено принимать въ дерптскій университетъ обучавшихся прежде въ иностранныхъ университетахъ студентовъ — „которые ежели когда и не вредны со стороны политическихъ ихъ идей и разсужденій, то большею частію однакожъ всегда имѣютъ пагубное вліяніе на порядокъ въ университетѣ, привозя съ собою и распространяя въ ономъ своевольные обычаи иностранныхъ университетовъ“ ([21]).

Въ февралѣ слѣдующаго года (1823), Высочайше повелѣно распространить на всѣ вообще губерніи запрещеніе отправлять юношество для обученія въ университеты: гейдельбергскій, іенскій, гиссенскій и вюрцбургскій — „содѣлавшіеся съ нѣкотораго времени театромъ всякаго рода неустройствъ, и гдѣ молодые люди почерпаютъ понятія, самыя противныя религіи и нравственности“ ([22]).

Въ 1824 году, послѣдовало Высочайшее повелѣніе распространить на всѣ учебные округи мѣры, принятыя Новосильцовымъ по виленскому университету, именно: *по учебной части*, исключить изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ, право естественное и науки политическія, а, въ замѣнъ того,

умножить число уроковъ для преподаванія языковъ: латинскаго, греческаго и русскаго; уменьшить число уроковъ для преподаванія Риторики и Поэзіи; предоставить выборъ темъ, для ученическихъ сочиненій, не учителямъ, а университетскому правленію. *По части-же училищнаго надзора*, вмѣсто двухъ положенныхъ по штату смотрителей или педелей, назначено имѣть ихъ пять, и усиленъ самый надзоръ за студентами ([23]).

По случаю безпорядковъ, происшедшихъ въ харьковскомъ театрѣ, при чемъ замѣшаны были нѣсколько студентовъ тамошняго университета, князь А. Н. Голицынъ полагалъ необходимымъ запретить студентамъ всѣхъ университетовъ посѣщеніе театральныхъ зрѣлищъ, ибо молодые люди, оставаясь въ университетахъ не болѣе трехъ лѣтъ, не имѣютъ времени заниматься театрами. Но Государь ограничилъ запрещеніе ходить въ театръ, (да и то на время), харьковскими студентами, не распространяя его на прочіе университеты ([24]).

Въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, цензура печатныхъ книгъ получила реакціонный характеръ.

Цензурный уставъ 1804 года, составленный въ такомъ-же духѣ, какой отличалъ всѣ первоначальныя преобразованія Александра, предоставлялъ полную свободу благонамѣреннымъ писателямъ. Но, къ сожалѣнію, цензоры, мало по малу, отступили отъ правила, охранявшаго свободу печати — именно: „когда мѣсто, (въ сочиненіи) подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, то лучше истолковать его выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать“, и дѣйствовали совершенно противно этому

правилу. Въ такомъ неопредѣленномъ дѣлѣ, каковъ судъ надъ литературными и учеными твореніями, всегда являются въ числѣ судій люди, желающіе выказать свою безплодную дѣятельность, либо невѣдящіе чтò творятъ; такимъ судіямъ насталъ золотой вѣкъ при князѣ Александрѣ Никол. Голицынѣ, человѣкѣ честномъ и благодушномъ, но получившемъ образованіе весьма поверхностное и до того слабохарактерномъ, что онъ, при всемъ усердіи своемъ къ православію, покровительствуя самъ отпавшимъ отъ него сектамъ, допускалъ преслѣдовать сочиненія и авторовъ ихъ, за мнимыя отступленія отъ догматовъ православной церкви. Шишковъ, ультра-консерваторъ, котораго отнюдь нельзя было заподозрить въ угодливости духу вѣка, упрекалъ справедливо тогдашнюю цензуру въ *неразумѣніи силы языка*, отъ чего происходили вредные промахи, въ доказательство тому привелъ одно стихотвореніе, въ коемъ поэтъ сказалъ:

«Чтò въ мірѣ, мнѣ гдѣ все на мигъ? чтò въ мірѣ,
Гдѣ смерть и рокъ—цари?»

А цензоръ, считая неприличнымъ роптать на судьбу, вымаралъ слово: *рокъ*, и такимъ образомъ были напечатаны стихи:

«Чтò въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? чтò въ мірѣ,
Гдѣ смерть и—цари?»

„Одинъ сей примѣръ — по словамъ Шишкова — показываетъ, что недовольно имѣть строгую цензуру, но надобно, чтобъ она была умная и осторожная“ ([25]).

Въ 1818 году, издана была, одобренная духовною цензурою, книга Станевича: *Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души*. Вслѣдъ за тѣмъ, князь Голицынъ донесъ, будтобы это сочиненіе содержало

въ себѣ вредныя и противныя православному исповѣданію мысли, и по Высочайшему повелѣнію книга запрещена, сочинитель ея высланъ изъ столицы, а цензору, пропустившему ее, архимандриту Инокентію, сдѣланъ строжайшій выговоръ. Но когда, въ маѣ 1824 года, былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія Шишковъ, однимъ изъ первоначальныхъ его дѣйствій было разсмотрѣніе вновь этой запрещенной книги, порученное, по просьбѣ его, митрополитомъ Серафимомъ духовному вѣдомству. Извѣстные своею ученостью, протоіерей Вещезѣровъ и профессоръ академіи, священникъ Кочетовъ, разсмотрѣвъ ее, подали мнѣніе, что „книга сія по духу своему совершенно сообразна съ ученіемъ вѣры и нашей православной церкви, и даже есть плодъ сильной ревности по вѣрѣ и пламеннаго усердія къ церкви“ ([26]). По донесеніи о томъ Государю, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: напечатать помянутую книгу вновь на казенный счетъ ([27]).

Совершенно противную участь испытала другая книга: „О Евангеліи отъ Матөея, сочин. Госснера“. Авторъ ея, католикъ, проповѣдывалъ какой-то протестантскій мистицизмъ въ церкви Св. Екатерины, на Невскомъ проспектѣ, и снискавъ покровительство князя Голицына, пріобрѣлъ много слушателей, посѣщавшихъ проповѣдника изъ угодливости къ его патрону; въ числѣ ихъ были Магницкій и Руничъ. Набожный фонъ-Поль одобрилъ его книгу, написанную на нѣмецкомъ языкѣ; за тѣмъ, приступлено было къ переводу на русскій языкъ и къ напечатанію этого пресловутаго творенія, для назиданія соотечественниковъ. Но, между тѣмъ, Шишковъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, и Магницкій, передавшись на сторону графа Аракчеева, явно возсталъ противъ бывшаго своего покровителя,

князя Голицына, обвиняя его въ томъ, будтобы онъ способствовалъ шайкѣ безбожниковъ и злодѣевъ стремиться къ ниспроверженію вѣры и правительства. Однимъ изъ главныхъ доказательствъ такому страшному обвиненію послужила Госснерова книга. Комитетъ министровъ поручилъ министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, А. С. Шишкову и Вас. Серг. Ланскому разсмотрѣть печатный переводъ ея. Шишковъ, (съ котораго мнѣніемъ согласился и Ланской), представилъ въ комитетъ министровъ разборъ помянутой книги, въ коемъ отнесся о ней, какъ о сочиненіи враждебномъ вѣрѣ, должностямъ мирнаго гражданина и всѣмъ обязанностямъ къ небесному и земному царямъ. Слѣдствіемъ того было преданіе суду переводчиковъ и издателей Госснеровой книги. Но Шишковъ, въ разборѣ своемъ, выразилъ мнѣніе, что подобныя покушенія, клонящіяся къ возмущенію народа противъ православія и престоловъ, не могутъ быть отвращены ни высылкою и наказаніемъ распространителей ереси, ни частнымъ взысканіемъ съ цензора за пропускъ вредныхъ сочиненій. Единственнымъ средствомъ для противодѣйствія злу, по мнѣнію Шишкова, было то, чтобы „имѣть многихъ избранныхъ и благомысліемъ своимъ извѣстныхъ цензоровъ, надъ коими должно учредить высшій цензурный комитетъ, который состоялъ-бы не изъ одного, но изъ пяти или по крайней мѣрѣ четырехъ духовныхъ и государственныхъ особъ, къ коимъ-бы цензоры, въ случаѣ сомнѣній своихъ, могли относиться“ (28). Эти идеи развиты подробнѣе авторомъ — министромъ народнаго просвѣщенія, въ запискѣ имъ поднесенной Императору Александру, 31 мая 1824 года, въ коей предложено: измѣнивъ прежній цензурный уставъ, составить новый „такой, чтобъ давая свободу и отнюдь не связывая ума и даро-

ваній писателя, служилъ однакожъ къ обузданію своевольныхъ и неосновательныхъ мыслей, предписывая о наблюденіи, чтобъ издаваемыя сочиненія были въ правилахъ нравственности, въ правилахъ истиннаго просвѣщенія, никому необидны, всякому для чтенія полезны, или по крайней мѣрѣ забавны, но безъ всякаго вреда нравамъ, наукамъ и языку.“ Далѣе Шишковъ предлагалъ: избрать шесть или восемь искусныхъ въ словесности цензоровъ, съ хорошимъ содержаніемъ, и поручить одному — философическія, другому — историческія книги, и такъ далѣе, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ поступающія по его части сочиненія прочитывалъ отъ доски до доски, и на всѣхъ сомнительныхъ ему мѣстахъ останавливался и „замѣчалъ ихъ, для донесенія министру просвѣщенія, который самъ собою, или, въ случаѣ важности, по совѣтѣ съ верховнымъ цензурнымъ комитетомъ, приказывалъ-бы пропустить или не пропустить ихъ.“ Верховный цензурный комитетъ, по представленію Шишкова, долженъ былъ состоять изъ пяти особъ, именно: митрополита или ученаго архіепископа, министра просвѣщенія, министра полиціи, министра внутреннихъ дѣлъ и министра юстиціи, къ коимъ можно присовокупить еще одного изъ государственныхъ людей, имѣющаго достаточныя познанія. Комитетъ сей долженъ былъ требовать отъ синода свѣдѣніе — нѣтъ-ли какихъ прежде изданныхъ въ свѣтъ книгъ, противныхъ ученію нашей христіанской церкви, и если такія окажутся — „безъ большой огласки отобрать ихъ у всѣхъ книгопродавцевъ, заплатя за оныя умѣренную цѣну и запретя впредь ихъ продавать и перепечатывать“, а дабы уменьшить вредъ отъ нихъ происшедшій, можно „издавать другія книги, доказывающія нелѣ-

ность и безнравственность содержащихся въ нихъ умствованій и ученій" ([29]).

Шишковъ пишетъ, что Императоръ Александръ одобрилъ составленный имъ проектъ цензуры; впрочемъ Государь, зная что общественное мнѣніе не сочувствовало новому министру просвѣщенія, оставилъ прежній цензурный уставъ de jure во всей его силѣ; въ дѣйствительности-же цензоры, исполняя данныя имъ негласныя инструкціи, сдѣлались строже, и въ особенности по части тѣхъ книгъ, кои касались вѣры, либо внутренней администраціи. Въ сущности, распоряженія по министерству народнаго просвѣщенія при Шишковѣ были также стѣснительны, какъ и при князѣ Голицынѣ; прежніе дѣятели, Магницкій, Руничъ и подобные имъ поборники мракобѣсія оставались въ силѣ, не смотря на то, что прежнее бѣлое сдѣлалось чернымъ и черное бѣлымъ. Несмотря однакоже на репрессивныя мѣры тогдашней цензуры, вліяніе либеральнаго направленія, которымъ отличалась первая половина царствованія Александра, не могло изгладиться; число издаваемыхъ книгъ съ каждымъ годомъ увеличивалось, а равно и число періодическихъ изданій, могущее отчасти служить мѣриломъ интеллектуальнаго развитія и любознательности общества. Въ 1824 году, въ обѣихъ столицахъ, издавалось 36 газетъ и журналовъ, изъ числа коихъ 25 въ Петербургѣ и остальные въ Москвѣ.

I. *Петербургскія періодическія изданія.*

1. *С-Петербургскія вѣдомости*, издававшіяся отъ Академіи Наукъ, съ 1728 года, и выходившія въ свѣтъ два раза въ недѣлю.

2. *St. Petersburgische Zeitung*, на нѣмецкомъ языкѣ.

3. *Технологическій Журналъ*, издаваемый съ 1804 года, отъ Академіи Наукъ, въ послѣднее время подъ редакціей Севергина, заключалъ въ себѣ свѣдѣнія

и извѣстія, по части промышленности, ремеслъ и искусствъ, и выходилъ четыре раза въ годъ.

4. *Сенатскія вѣдомости*, съ 1809 года, разъ въ недѣлю, и 5. *Сенатскія объявленія.*

6. *St. Petersburgische Senats Zeitung*, та-же газета на нѣмецкомъ языкѣ.

7. *Сынъ Отечества*, журналъ политическій и литературный, издававшійся съ октября 1812 года, еженедѣльно, подъ редакціей Греча, заключалъ въ себѣ богатые матеріалы по отечественной исторіи и литературѣ; но къ сожалѣнію въ немъ современная библіографія была весьма неполна и недостаточна.

8. *Le Conservateur Imperial*, издаваемый съ 1823 года, отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, два раза въ недѣлю. заключалъ въ себѣ политическія извѣстія. преимущественно почерпаемыя изъ *Journal des debats* и *Journal de Francfort*, а также ученыя и литературныя замѣтки, относящіяся къ Россіи, извѣстія о новыхъ книгахъ, и проч.

9. *Русскій Инвалидъ*, или Военныя Вѣдомости, издававшіяся Пезаровіусомъ съ 1813-го по 1821-й годъ; а потомъ Воейковымъ. Эта газета, доходы съ коей назначены въ пользу инвалидовъ, съ 1818-го года стала выходить въ свѣтъ по новому плану и нѣсколько утратила свое достоинство. Она появлялась ежедневно, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней.

10. *Дѣтскій музеумъ натуральной исторіи*, ежемѣсячный журналъ, издаваемый Ржевскимъ съ 1815-го года, содержалъ въ себѣ рисунки произведеній природы, съ русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ текстомъ.

11. *Журналъ Императорскаго Человѣколюбиваго общества*, съ іюля 1817 года, издавался ежемѣсячно и содержалъ въ себѣ извѣстія о благотворительныхъ

учрежденіяхъ отечественныхъ и иностранныхъ, нравственныя разсужденія, біографіи благодѣтелей человѣчества и отчеты общества.

12. *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія.* Подъ симъ названіемъ издавались съ 1818 года труды *Общества любителей русской литературы*, въ Петербургѣ. Журналъ, выходившій въ свѣтъ ежемѣсячно, заключалъ въ себѣ: а) статьи ученаго содержанія; б) разборъ новѣйшихъ сочиненій; в) литературныя произведенія и г) смѣсь. Въ немъ встрѣчаются замѣчательныя творенія лучшихъ русскихъ писателей. Большая часть доставляемаго имъ дохода была назначена въ пользу бѣдныхъ

13. *Благонамѣренный*, журналъ, издававшійся съ 1818 года Измайловымъ, сперва ежемѣсячно, потомъ въ 1819, 1820 и 1821 годахъ два раза въ мѣсяцъ, въ 1822-мъ еженедѣльно, и наконецъ съ 1823-го—опять два раза въ мѣсяцъ, но никогда не выходившій въ назначенные сроки. Онъ заключалъ въ себѣ статьи, относившіяся къ литературѣ, наукамъ, искусствамъ, нравамъ и обычаямъ, преимущественно-же хороши были статьи по театру. Библіографія составляла самый слабый отдѣлъ этого журнала; а выборъ литературныхъ статей въ стихахъ и прозѣ не отличался изящнымъ вкусомъ.

14. *Сибирскій Вѣстникъ* издавался съ 1818 года Григ. Спаскимъ. сперва ежемѣсячно и содержалъ въ себѣ исключительно статьи, относившіяся къ Сибири; а съ 1823 года—два раза въ мѣсяцъ, при чемъ программа его измѣнилась и заключала въ себѣ статьи по всей Азіи. Въ этомъ журналѣ встрѣчается много любопытныхъ статей по исторіи и современной статистикѣ Сибири.

15. *Отечественныя Записки*, издаваемыя съ мая 1820 года, подъ редакціей Павла Свиньина, содержали

въ себѣ много важныхъ историческихъ статей, которыхъ источники не всегда указаны, слѣдствіемъ чего нерѣдко бывало отступленіе редактора отъ вѣрности описываемыхъ имъ событій. Эти записки появлялись ежемѣсячно.

16. *Христіанское чтеніе*, съ 1821 года, ежемѣсячно издаваемое отъ петербургской духовной академіи.

17. *Журналъ департамента народнаго просвѣщенія*, подъ редакціей профессора Озерецковскаго, издавался съ 1821 года ежемѣсячно, вмѣсто журнала, выходившаго съ 1803 года, въ различные сроки, подъ названіемъ: *Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія*, и заключалъ въ себѣ: указы, рескрипты и рапорты по министерству просвѣщенія; извѣстія о русскихъ ученыхъ обществахъ и учебныхъ заведеніяхъ; ученыя и педагогическія статьи; объявленія о новыхъ книгахъ.

18. *Сѣверный Архивъ*, издававшійся съ 1822 года, подъ редакціей Булгарина, по два раза въ мѣсяцъ, заключалъ въ себѣ множество историческихъ и статистическихъ статей, основанныхъ, большею частью, на достовѣрныхъ источникахъ, до того времени остававшихся неизвѣстными. Въ немъ участвовали многіе отечественные литераторы и ученые. Въ числѣ помѣщенныхъ въ немъ статей, замѣчательны *разборъ путешествія капитана Муравьева въ Туркменію и Хиву* и *отзывъ Лелевеля о вступленіи въ Исторію Карамзина*. Библіографическій отдѣлъ русскихъ сочиненій отличался тщательнымъ изложеніемъ, хотя и не полонъ.

19. *Литературныя прибавленія къ Сыну Отечества*, подъ редакціей Греча, издавались съ 1822 года, два раза въ мѣсяцъ, и заключали въ себѣ: повѣсти, отрывки изъ романовъ и анекдоты.

20. *St. Peterburgische Zeitschrift*, журналъ, издававшійся Ольдекопомъ, въ 1822 году еженедѣльно, а съ 1823 года – ежемѣсячно, заключалъ въ себѣ переводы статей извлеченныхъ изъ русскихъ журналовъ и служилъ посредникомъ между Россіею и другими европейскими странами. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ журналовъ относились съ похвалою объ этомъ періодическомъ изданіи; другіе перепечатывали изъ него статьи, либо помѣщали на своихъ страницахъ разборы Ольдекопова журнала.

21. *Новости литературы*, прибавленія къ Русскому Инвалиду, подъ редакціей Воейкова и Козлова, съ іюля 1822 года, содержали въ себѣ: переводы, стихотворенія, перепечатанныя изъ другихъ изданій, и оригинальныя статьи въ стихахъ и прозѣ.

22. *Журналъ военной медицины*, издававшійся съ начала 1823 года, при медицинскомъ департаментѣ военнаго министерства.

23. *Журналъ изящныхъ искусствъ*, издававшійся съ апрѣля 1823 года, подъ редакціею Васил. Григоровича, выпусками каждые два мѣсяца, заключалъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: I. Исторія изящныхъ искусствъ. II. Обычаи и костюмы народовъ древнихъ и новыхъ. III. Литература. IV. Біографія. V. Искусства въ Россіи. VI. Критика и VII. Смѣсь.

24. *Литературные листки*, появлявшіеся съ іюля 1823 года, два раза въ мѣсяцъ, подъ редакціей Булгарина. Цѣль этого изданія состояла въ томъ, чтобы доставить подписчикамъ Сѣвернаго Архива не столь серіозное и болѣе привлекательное чтеніе, въ родѣ *Зрителя* Аддисонова и *Антенскаго пустынника*, Жуи (Jouy).

25. *Указатель открытій по Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи и Технологіи*, издавался съ 1824 года, подъ редакціей экстраординарнаго про-

фессора петербургскаго университета Никол. Щеглова.

II. *Московскія періодическія изданія.*

26. *Московскія вѣдомости*, издаваемыя отъ московскаго университета, съ 1756 года, заключали въ себѣ: политическія извѣстія, внутреннія и внѣшнія; ученыя извѣстія; объявленіе о всѣхъ книгахъ выходившихъ въ Москвѣ, иногда съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія. Въ сей-же газетѣ помѣщались свѣдѣнія о засѣданіяхъ всѣхъ московскихъ литературныхъ и ученыхъ обществъ, а также краткая исторія московскаго университета, за истекшій годъ, и списокъ профессорамъ, читающимъ курсы въ университетѣ. Московскія вѣдомости выходили два раза въ недѣлю.

27. *Сенатскія объявленія.*

28. *Журналъ историческій, статистическій и географическій*, издававшійся подъ редакціею Сохацкаго, Гаврилова и Невзорова, первоначально появился въ 1790 году и заключалъ въ себѣ извлеченія изъ иностранныхъ журналовъ: *Journal politique de Schirach*, *Minerve d'Archenholtz* и *Annales Européennes de Posselt*. — Въ послѣдствіи-же, редакторъ журнала Гавриловъ ограничился выписками изъ *Journal politique de Hambourg* и изъ русскихъ журналовъ.

29. *Вѣстникъ Европы*, издававшійся съ 1802 года, первые два года подъ редакціею знаменитаго исторіографа Карамзина, а потомъ—Сумарокова, Попова, Макарова, Каченовскаго, Жуковскаго, Влад. Измайлова и опять, съ 1815 года — Каченовскаго. Этотъ журналъ, посвященный политикѣ, наукамъ и литературѣ, содержалъ въ себѣ много хорошихъ статей, по части археологіи, древностей, литературы и исторіи Россіи, и выходилъ въ свѣтъ выпусками, два раза въ мѣсяцъ.

30. *Новый магазинъ естественной исторіи, физики, химіи и экономическихъ наукъ*, издаваемый Двигубскимъ, съ 1820 года, состоялъ большею частью изъ переводныхъ статей и выходилъ ежемѣсячно.

31. *Земледѣльческій журналъ*, издаваемый съ 1821 года московскимъ обществомъ земледѣльческаго хозяйства, и выходившій выпусками, по три раза въ годъ.

32. *Еженедѣльникъ для охотниковъ до лошадей*, выходилъ съ 1823 года, подъ редакціей генерала Цорна.

33. *The English Litterary Journal of Moscou*, англійскій журналъ, издававшійся ежемѣсячно Эвансомъ, учителемъ англійскаго языка.

34. *Дамскій Журналъ* издавался съ марта 1823 года, два раза въ мѣсяцъ, княземъ Шаликовымъ.

35. *Русскій Вѣстникъ* издавался съ 1808-го по 1821-й годъ, и потомъ появился снова въ 1824 году, подъ редакціей русскаго патріота, Серг. Никол. Глинки. Онъ выходилъ ежемѣсячно.

36 .*Московскій Телеграфъ* издавался съ 1825 года Никол. Полевымъ.

Кромѣ того, издавались три музыкальныхъ журнала: одинъ въ Петербургѣ, *Сѣверная Арфа*, подъ редакціей Фридр. Затценговера, и два въ Москвѣ: одинъ для фортепіано и другой для пѣнья, оба подъ редакціей Венцеля ([30]).

Не смотря на реакцію нашей цензуры и главнаго правленія училищъ, подъ ферулою Шишкова, котораго не напрасно Карамзинъ называлъ „министромъ затмѣнія“, послѣдній періодъ царствованія Императора Александра I можетъ считаться золотымъ вѣкомъ литературы и науки въ Россіи. Въ 1821 году, вышелъ IX-й томъ, а въ 1824-мъ X и XI-й томы „Исторіи Государства Россійскаго“. Еще процвѣтали:

Дмитріевъ, Жуковскій, Крыловъ; еще не смолкли звуки стиховъ Батюшкова, а уже съ восторгомъ встрѣчало русское общество геніяльныя творенія Пушкина. Тогда-же наши литераторы передавали на отечественномъ языкѣ классическія произведенія, завѣщанныя міру поэтами древней Греціи и славныхъ временъ Августа. Руководимый Мих. Ник. Муравьевымъ, Мерзляковъ предпринялъ „представить образцы древнихъ писателей во всѣхъ родахъ стихотворныхъ сочиненій, дабы учащійся могъ ихъ имѣть на своемъ языкѣ при самомъ истолкованіи правилъ піитики". Благодаря ему, мы получили переводы изъ эпическихъ, драматическихъ и лирическихъ твореній: Гомера, Виргилія, Эсхила, Софокла, Эврипида, Тиртея, Пиндара, Сафо, Ѳеокрита, Горація, Тибулла, Овидія, и проч. Вслѣдъ за тѣмъ, Мартыновъ предпринялъ изданіе греческихъ классиковъ, многолѣтній трудъ, начатый имъ еще въ первые годы нынѣшняго столѣтія и заключавшій въ 26-ти томахъ: Гомера, Софокла, Пиндара, Анакреона, Каллимаха, Езопа, Геродота и Лонгина. Чтобы сколько возможно не удаляться отъ подлинника, онъ переложилъ стихотворенія прозою, кромѣ Анакреона, переданнаго бѣлыми стихами; и по тому въ классикахъ Мартынова не должно искать красотъ, коими отличаются подлинныя сочиненія, а можно по его переводамъ только получить понятіе о содержаніи этихъ безсмертныхъ твореній. Гораздо полезнѣе колоссальный трудъ Гнѣдича—переводъ съ греческаго подлинника Иліады, и еще важнѣе, по художественному воспроизведенію Гомера, переводъ Одиссеи Жуковскимъ, хотя и сдѣланный не съ греческаго текста, а съ буквальнаго нѣмецкаго переложенія ([31]).

Въ послѣдніе годы царствованія Александра, географія и статистика обогатились изысканіями на-

шихъ соотечественниковъ, при совершенныхъ ими путешествіяхъ. До того времени, сѣверные берега Сибири были изслѣдованы такъ недостаточно, что нѣкоторые пункты ихъ означались на картахъ съ разностью до полутора градусовъ широты, т. е. около ста шестидесяти верстъ. Ученый англійскій морякъ Бюрней, преимущественно занимавшійся исторіей морскихъ открытій, въ своемъ сочиненіи; „хронологическая исторія открытій на сѣверовостокѣ и о первыхъ тамошнихъ русскихъ мореплавателяхъ", писалъ, будтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагали Беринговъ проливъ, существовалъ перешеекъ, соединявшій Азію съ Америкою. Такая неопредѣлительность свѣдѣній о странѣ, принадлежащей Россіи, побудила Императора Александра послать къ сѣвернымъ берегамъ Сибири новую экспедицію; въ мартѣ 1820 года, отправились два отряда: одинъ на рѣку Колыму, подъ начальствомъ лейтенанта барона Ф. П. Врангеля, а другой на рѣку Яну, лейтенанта П. Ѳ. Анжу. Цѣль экспедиціи состояла въ описаніи береговъ Сибири, между помянутыми рѣками и къ востоку отъ Колымы за Шелагскимъ мысомъ, и въ открытіи земель на Ледовитомъ морѣ. Въ отрядѣ Врангеля находились: мичманъ Матюшкинъ, штурманъ Козьминъ, докторъ Киберъ, матросъ, слесарь и казакъ; а въ отрядѣ Анжу: штурмана Ильинъ и Бережныхъ, медико-хирургъ Фигуринъ и столько-же нижнихъ чиновъ. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, 1821, 1822 и 1823-го, путешественники перенесли чрезвычайные труды и лишенія. Морозы съ пронзительными вѣтрами иногда достигали 47-ми градусовъ по Реомюру; нерѣдко приходилось съ явною опасностью переплывать чрезъ полыньи на льдинахъ. Результаты экспедицій заключались: 1) въ описаніи берега Ледовитаго моря отъ устья рѣки Оленека до острова

Колючина, на протяженіи 2700 верстъ; 2) въ осмотрѣ моря омывающаго этотъ берегъ, такъ далеко какъ позволяло состояніе льдовъ, именно отъ 50-ти до 260-ти верстъ отъ берега, и въ удостовѣреніи отъ Чукчей, что есть земля къ сѣверу отъ мѣста *Яканъ*, лежащаго въ 530-ти верстахъ къ востоку отъ рѣки Колымы; 3) въ описаніи всѣхъ острововъ противъ устій Яны и Колымы лежащихъ, на основаніи астрономическихъ наблюденій; 4) въ изслѣдованіи сѣверо-восточной части Сибири; 5) въ удостовѣреніи о раздѣленіи Азіи отъ Америки проливомъ, и 6) въ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденіяхъ, а также въ собраніи многихъ свѣдѣній о народахъ и произведеніяхъ сѣверо-восточной Сибири ([32]).

Знаменитый покровитель наукъ, графъ Николай Петр. Румянцовъ, въ 1815 году, снарядилъ на свой счетъ экспедицію для открытія новыхъ земель въ Южномъ Океанѣ и для отысканія сѣверо-восточнаго прохода отъ Берингова пролива. Начальство надъ кораблемъ *Рюрикъ*, назначеннымъ въ эту экспедицію, было поручено лейтенанту Оттону Коцебу, сыну извѣстнаго нѣмецкаго драматурга, участвовавшему въ круго-свѣтномъ плаваніи Крузенштерна; въ числѣ путешественниковъ находился ботаникъ и поэтъ Шамиссо. Отправясь изъ Кронштадта 30 іюля 1815 г., Коцебу 23 ноября перешелъ экваторъ, 12-го декабря остановился въ Бразиліи, у острова Св. Екатерины, съ 10-го по 17-е генваря 1816 года, выдержалъ жестокій штурмъ, при обходѣ мыса Горна, и открылъ въ Южномъ Океанѣ многіе острова̀, которымъ далъ названія: Румянцова, Крузенштерна, Кутузова, и пр. отправился въ Камчатку, и оттуда, 20 іюля, въ Беринговъ проливъ, а пройдя его, продолжалъ плаваніе далѣе вдоль американскаго берега, открылъ боль-

шой заливъ, названный имъ заливомъ Коцебу, и достигъ почти 67° широты, но не найдя прохода въ Атлантическій Океанъ, обратился къ острову Уналашкѣ. Оттуда онъ продолжалъ изслѣдованія и открытія въ Южномъ Океанѣ, посѣтилъ два раза Сандвичевы островà, заходилъ на Маріанскіе и Филиппинскіе островà, и чрезъ Зондскій проливъ и кругомъ мыса Доброй Надежды возвратился въ Кронштадтъ, 3 августа 1818 года. Второе путешествіе Коцебу совершилъ на шлюпѣ *Предпріятіе*, сперва назначенномъ для открытій, но предъ самымъ отплытіемъ получившемъ приказаніе отвезти въ Камчатку разной грузъ и потомъ занять постъ для охраненія нашихъ сѣверо-американскихъ колоній. 28 іюля 1823 года, оставя Кронштадтъ, Коцебу, въ началѣ ноября, посѣтилъ Ріо - Джанейро. Потомъ, обогнувъ мысъ Горнъ зашелъ, 16 генваря 1824 года, въ портъ Консепсіонъ, опредѣлилъ положеніе многихъ острововъ въ Южномъ Океанѣ и въ концѣ мая прибылъ въ Камчатку, откуда отправился въ крѣпость Ново-Архангельскъ, на островѣ Ситхѣ; но какъ для охраненія въ зимніе мѣсяцы Компаніи не было надобности въ шлюпѣ, то Коцебу осенью отплылъ на югъ. При входѣ его въ портъ Св. Франциска, 9 ноября (два дня послѣ петербургскаго наводненія), тамъ дулъ юго-западный вѣтеръ съ такою силою, что вода выступила изъ береговъ. Посѣтивъ опять Сандвичевы острова, Коцебу возвратился къ Ситхѣ, гдѣ, въ продолженіи пяти - мѣсячной стоянки шлюпа, сдѣлана подробная съемка входовъ къ Ново - Архангельску. Между тѣмъ, заключеніе конвенціи между Россіею и Сѣверо-Американскими Штатами сдѣлало ненужнымъ пребываніе „Предпріятія“ у Ситхи; 30 іюля, Коцебу снова отправился къ Сандвичевымъ островамъ, открылъ купу необитаемыхъ острововъ, назван-

ныхъ имъ, по имени своего втораго лейтенанта, островами Римскаго-Корсакова, и отплывъ, въ октябрѣ 1825 года, въ Европу, возвратился въ Кронштадтъ 16 іюля 1826 года ([33]).

Въ 1819 году, главный начальникъ Кавказскаго края, генералъ Ермоловъ послалъ экспедицію къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря; съ тою цѣлью, чтобы склонить тамъ обитающихъ Туркменовъ къ дружелюбнымъ сношеніямъ съ Россіей, и устроивъ небольшую крѣпость съ пристанью, установить со временемъ постоянную торговлю съ Индіею: такимъ образомъ исполнились-бы виды Петра Великаго, кои, со времени несчастной экспедиціи князя Бековича, были оставлены. Начальство надъ отрядомъ, высланнымъ по распоряженію Ермолова, было ввѣрено маіору Пономареву, а приданный отряду, капитанъ генеральнаго штаба Никол. Никол. Муравьевъ долженъ былъ, обозрѣвъ восточный берегъ Каспійскаго моря, отправиться въ Хиву, для открытія сношеній съ тамошнимъ ханомъ и описанія той страны. По достиженіи Баку, отрядъ отплылъ оттуда, 18 іюля, на корветѣ *Казань*, и въ началѣ августа присталъ къ такъ называемому Серебряному бугру на восточномъ берегу Каспія. 19-го сентября, капитанъ Муравьевъ, отправясь съ небольшою свитою на верблюдахъ, прибылъ, въ началѣ октября, въ окрестности Хивы, но недовѣрчивый ханъ долго не рѣшался принять его и призвалъ его въ городъ уже 20 ноября, продержавъ подъ строгимъ надзоромъ 48 дней. По словамъ Муравьева, онъ, зная, что одному изъ Русскихъ, находившихся на службѣ у хана, велѣно было подслушивать разговоры его съ переводчикомъ, нарочно распространялся о военныхъ достоинствахъ хивинскаго вла-

дѣльца, о силѣ его, о превосходствѣ Хивинцовъ надъ Персіянами, и т. п. Хивинскій ханъ принялъ Муравьева и привезенные имъ подарки весьма благосклонно, но попытка наша установить на прочномъ основаніи торговыя сношенія съ среднею Азіей не имѣла никакихъ послѣдствій, и единственнымъ плодомъ экспедиціи было собраніе весьма любопытныхъ свѣдѣній о Туркменіи и Хивѣ ([34]).

ГЛАВА LXXV.

Военная часть въ послѣдніе годы царствованія Александра I.

(1815—1825).

По возвращеніи нашихъ войскъ изъ-за границы въ 1815 году, и въ послѣдующее время до 1825 года, русская армія была приведена въ слѣдующій составъ.

Гвардія: пѣхотные полки: Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Лейбъ-гренадерскій, Павловскій, Лейбъ-егерскій и Финляндскій; конные полки: Кавалергардскій, Л. Гв. Конный, Лейбъ-драгунскій, Лейбъ-гусарскій, Конно-егерскій, Лейбъ-казачій; Жандармскій полуэскадронъ. Пѣшая артиллерія: двѣ бригады, каждая изъ двухъ ротъ батарейныхъ и одной легкой. Конная артиллерія: одна батарейная и двѣ легкія роты. Учебный саперный баталіонъ. Коннопіонерный эскадронъ. Кромѣ того, гвардейскій отрядъ въ Варшавѣ, состоявшій изъ полковъ пѣшихъ: Литовскаго и Волынскаго; конныхъ: Подольскаго кирасирскаго и Лейбъ-уланскаго, и двухъ артиллерійскихъ ротъ, пѣшей и конной (1).

Армія: пѣхотные полки: гренадерскихъ 16, карабинерныхъ 8, морскихъ 4, пѣхотныхъ 96, егерскихъ 50, учебный карабинерный 1: всего 175; Каспійскій

морской баталіонъ. Конные полки: кирасирскихъ 9, драгунскихъ 17, конно-егерскихъ 8, гусарскихъ 12, уланскихъ 16, жандармскій 1: всего 63; учебный кавалерійскій эскадронъ. Пѣшая артиллерія: 4 гренадерскія бригады (7 батарейныхъ, 5 легкихъ, 3 парочныхъ и 6 резервныхъ, безъ орудій, ротъ); 25 полевыхъ бригадъ (25 батарейныхъ, 50 легкихъ, 25 парочныхъ батарейныхъ и 43 резервныхъ ротъ); 30 конныхъ ротъ; 11 казачьихъ ротъ: всего въ пѣшей артиллеріи было 1,044, а въ конной—492 орудія. 1 саперный и 9 піонерныхъ баталіоновъ (2).

Число людей русской арміи можно опредѣлить примѣрно:

въ гвардейской пѣхотѣ	25,200	челов.
„ армейской „ . . .	472,500	“
„ гвардейской кавалеріи . . .	8,600	“
„ армейской „ . . .	66,150,	“
Артиллеріи вообще до . . .	37,000,	“

Всего-же до 609,450 человѣкъ съ 1,668-ю орудіями, не считая иррегулярныхъ войскъ и внутренней стражи.

Для пополненія убыли въ войскахъ, были сдѣланы, по возвращеніи арміи изъ-за границы, въ 1815 году, рекрутскіе наборы, съ 500 душъ по два рекрута, въ 1818, 1819 и 1824 годахъ (3).

Послѣ многихъ измѣненій, войскà, въ концѣ царствованія Императора Александра I, распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Гвардейскій корпусъ, изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ; при немъ-же состояла 1-я гренадерская и 1-я кирасирская дивизіи.

1-я армія.

2-я и 3-я гренадерскія дивизіи.

1 пѣхотнаго корпуса: 1-я, 2-я и 3-я пѣхотныя дивизіи

2 пѣхотнаго корпуса: 4-я, 5-я и 6-я пѣхотныя дивизіи.
3 „ „ 7-я, 8-я и 9-я „ „
4 „ „ 10-я, 11-я и 12-я „ „
5 „ „ 13-я, 14-я и 15-я „ „

При 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ пѣхотныхъ корпусахъ 1-я, 2-я и 3-я гусарскія дивизіи.

2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса:

2-я кирасирская и 4-я драгунская дивизіи.

3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса:

3-я кирасирская и 2-я уланская дивизія.

4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса:

1-я драгунская и 1-я конно-егерская дивизія.

5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса:

2-я драгунская и 2-я конно-егерская дивизія.

Гренадерская и полевыя артиллерійскія бригады, однихъ Номеровъ съ пѣхотными дивизіями. Конно-артиллерійскія роты, по двѣ при каждой кавалерійской дивизіи.

2-я армія.

6-го пѣхотнаго корпуса: 16-я, и 17-я пѣхотныя дивизіи.
7-го „ „ 18-я, 19-я, и 20-я „ „

При 7-мъ пѣхотномъ корпусѣ 3-я драгунская дивизія.

Полевыя артиллерійскія бригады, однихъ Номеровъ съ пѣхотными дивизіями. Двѣ конно-артиллерійскія роты при 3-й драгунской дивизіи.

Отдѣльный Кавказскій корпусъ.

Резервная гренадерская бригада.

21-я и 22-я пѣхотныя дивизіи.

Нижегородскій драгунскій полкъ.

Кавказская гренадерская, 21-я и 22-я артиллерійскія бригады.

Отдѣльный Финляндскій корпусъ.

23-я пѣхотная дивизія и того-же Номера артиллерійская бригада.

Отдѣльный Литовскій корпусъ.

Полки: Самогитскій и Луцкій гренадерскіе; Несвижскій карабинерный.

24-я и 25-я пѣхотныя дивизіи.

Литовская уланская дивизія.

Гренадерская и двѣ полевыя артиллерійскія бригады: 24-я и 25-я. Двѣ конно-артиллерійскія роты.

Отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній.

1-я гренадерская дивизія.

Третьи баталіоны дивизій: гренадерскихъ 2-й и 3-й; пѣхотныхъ: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 18-й и 19-й.

2-я, 3-я и Бугская уланскія, кадры полковъ 2-й и 3-й кирасирской дивизіи (2-я уланская дивизія считалась въ командировкѣ отъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса) (4).

Въ 1818 году, по случаю присоединенія 2-й уланской дивизіи къ составу Литовскаго корпуса, она наименована *Литовскою*, а 3-я уланская дивизія—2-ю (5).

Въ 1820 году, Высочайше повелѣно: Отдѣльному Грузинскому корпусу именоваться *Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ* (6).

Въ царствованіе Императора Александра I, въ числѣ многихъ учебныхъ заведеній для военнаго со-

словія, были основаны Главное Инженерное и Артиллерійское Училища.

Великій Князь Николай Павловичъ, вступивъ въ должность генералъ-инспектора по инженерной части, и видя, что до того времени мы не могли обходиться безъ пособія иностранныхъ инженеровъ, предпринялъ создать русскій инженерный корпусъ. Для этого необходимо было учредить спеціальное училище, и дѣятелями при осуществленіи мысли Великаго Князя явились генералы графъ Опперманъ и графъ Сиверсъ. 24 ноября 1819 года, по докладу генералъ-инспектора по инженерной части, Высочайше утверждено Положеніе Главнаго Инженернаго Училища, учрежденнаго „для образованія искусныхъ инженеровъ". Въ составъ его вошло открытое 1810 году, на основаніи проекта графа Аракчеева, инженерное училище.

Главное инженерное училище комплектовалось вольноопредѣляющимися отъ 14-ти до 18-ти лѣтъ, уже нѣсколько подготовлеными къ будущимъ ихъ занятіямъ, и по тому отъ нихъ требовали вступительнаго экзамена изъ ариѳметики, алгебры до уравненій, началъ геометріи, русской грамматики, географіи, исторіи, французскаго или нѣмецкаго языка и рисованія. Въ старшемъ отдѣленіи училища полагалось до 48-ми офицеровъ, не выше подпоручичьяго чина, а въ младшемъ—до 96-ти кондукторовъ. Начальникомъ училища былъ назначенъ принимавшій дѣятельное участіе въ походахъ 1812—1814 годовъ и извѣстный своими свѣдѣніями и многостороннымъ образованіемъ, графъ Сиверсъ (7).

Въ слѣдующемъ году, 9 мая, Высочайше утвержденъ докладъ генералъ-фельдцейгмейстера, Его Высочества В. К. Михаила Павловича, объ учрежденіи Артиллерійскаго училища „для образованія искус-

ныхъ артиллерійскихъ офицеровъ". Оно комплектовалось изъ вольноопредѣляющихся, отъ 14-ти до 18-ти лѣтъ, поступившихъ въ юнкера и фейерверкеры, которые принимались въ училище по выдержаніи въ Военно-Ученомъ Комитетѣ экзамена, на основаніи Высочайше утвержденнаго, 12 мая 1809 года, постановленія.

Недостаточное число офицеровъ квартирмейстерской части (генеральнаго штаба), побуждавшее въ прежнія войны прикомандировывать къ штабамъ офицеровъ другихъ вѣдомствъ, не всегда достаточно приготовленнныхъ къ исполненію лежавшихъ на нихъ обязанностей, подало поводъ къ учрежденію, въ 1820 году, школы для офицеровъ при главной квартирѣ 1-й арміи. Въ эту школу ежегодно поступали 30 человѣкъ, при выпускѣ изъ кадетскихъ корпусовъ, избранныхъ по предварительномъ испытаніи. Курсъ перваго года ограничивался познаніями, общими для офицера, какъ арміи, такъ и генеральнаго штаба; изъ отличнѣйшихъ по успѣхамъ офицеровъ избирались нѣсколько, въ высшій классъ, для спеціальнаго образованія въ наукахъ необходимыхъ офицеру квартирмейстерской части; по истеченіи-же втораго года, они, по выдержаніи опредѣленнаго экземена въ военныхъ наукахъ, языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, либо новѣйшемъ греческомъ, съемкѣ, верховой ѣздѣ и фехтованьѣ, поступали въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части (генеральный штабъ) ([8]).

Еще до войны 1812 года, князь Петръ Михайл. Волконскій, вмѣстѣ съ званіемъ почетнаго члена московскаго *Общества Математиковъ*, принявъ это общество подъ свое покровительство, содѣйствовалъ нѣсколькимъ принадлежавшимъ къ обществу молодымъ людямъ поступать въ колонновожатые, для пріуготовленія къ службѣ генеральнаго штаба: въ числѣ ихъ

былъ и сынъ основателя общества, Мих. Никол. Муравьевъ, вскорѣ произведенный въ прапорщики свиты Его Величества по квартирмейстерской части (генеральный штабъ). По возвращеніи-же изъ заграничнаго похода въ 1815 году. Никол. Никол. Муравьевъ, хотя и вышелъ въ отставку, однако-же продолжалъ заниматься преподаваніемъ военныхъ наукъ молодымъ людямъ, поступавшимъ въ его училище, въ званіи колонновожатыхъ. Въ 1816 году, онъ былъ принятъ на службу генералъ-маіоромъ квартирмейстерской части. и заведеніе его получило названіе *Московскаго училища колонновожатыхъ;* а въ слѣдующемъ году (1817), назначенъ помощникомъ начальника училища гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ Мих. Ник. Муравьевъ, подъ руководствомъ котораго составлялись учебныя программы и производилась тригонометрическая съемка. Для преподаванія въ училищѣ математики, сперва были приглашены члены общества математиковъ, профессоръ московскаго университета Чумаковъ и магистръ Щепкинъ, а преподаваніе географіи и статистики принялъ на себя ректоръ университета, профессоръ Геймъ; въ послѣдствіи, чтеніе лекцій по всѣмъ этимъ предметамъ поручено ново-произведеннымъ изъ колонновожатыхъ офицерамъ, оставленнымъ при училищѣ, Вельяминову-Зернову, Христіани, Бахметьеву, и прикомандированному съ тою-же цѣлью, гвардейскаго генеральнаго штаба прапорщику Колошину; преподаваніемъ-же военныхъ наукъ постоянно занимался самъ Ник. Ник. Муравьевъ.

Колонновожатые жили на своихъ квартирахъ, а для слушанія лекцій собирались ежедневно въ собственный домъ генерала Муравьева, который предоставилъ въ пользу училища значительную библіотеку. большое количество инструментовъ и другія учебныя

пособія. Для практическихъ занятій, топографическими и тригонометрическими съемками, генералъ Муравьевъ, съ офицерами и колонновожатыми, отправлялся лѣтомъ въ свое имѣніе Осташево, въ ста десяти верстахъ отъ Москвы.

Предметы преподаванія были: I. *Изъ математики:* ариѳметика, алгебра до уравненій 2-й степени включительно, геометрія, тригонометрія плоская и сферическая, приложеніе алгебры къ геометріи и коническія сѣченія, геодезія; II. *Изъ военныхъ наукъ:* фортификація полевая и долговременная, начальныя основанія артиллеріи и тактика. Съ 1820 года, учреждены при училищѣ офицерскіе классы, въ коихъ преподавались: продолженіе чистой математики, астрономія и высшая геодезія.

Въ началѣ 1823 года, по выходѣ въ отставку генерала Муравьева, немногіе колонновожатые, остававшіеся въ его заведеніи за послѣднимъ выпускомъ въ офицеры, были переведены въ Петербургъ, гдѣ образовалось „училище для колонновожатыхъ“, существовавшее до 1826 года.

Въ московское заведеніе генерала Муравьева поступило съ 1816-го по 1823-й годъ около 180-ти колонновожатыхъ и нѣсколько пажей. Выпущено офицеровъ 138, изъ коихъ 127 въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части (въ генеральный штабъ) и 11 въ армію. Въ числѣ первыхъ были: баронъ В. К. Ливенъ, П. Е. Коцебу, П. А. Тучковъ, М. П. Вронченко, Д. С. Левшинъ, А. П. Болотовъ, и проч. (9).

Въ 1820-мъ году, по представленію вдовствующей Императрицы, было приступлено къ учрежденію школъ для солдатскихъ дочерей, для обученія ихъ Закону Божію, грамотѣ и рукодѣліямъ. На первый разъ, тогда были основаны такія училища при пол-

кахъ Л. Гв. Семеновскомъ, Егерскомъ и Московскомъ. въ коихъ оказалось сто девяносто учениць ([10]).

Вслѣдъ за тѣмъ, Высочайше утверждено Положеніе объ учрежденіи при всѣхъ гвардейскихъ и нѣкоторыхъ другихъ полкахъ училищъ. по методѣ Ланкастера, для взаимнаго обученія нижнихъ чиновъ чтенію, письму и первымъ правиламъ Ариѳметикѣ. Число обучающихся первоначально простиралось до 2,150-ти человѣкъ ([11]). Въ устройствѣ ланкастерскихъ школъ принималъ большое участіе извѣстный журналистъ и писатель Николай Иван. Гречъ.

Въ 1822 году былъ учрежденъ корпусъ топографовъ, для государственныхъ съемокъ въ мирное время и для обозрѣнія мѣстъ въ тылу арміи во время войны. Для приготовленія въ топографы молодыхъ людей, изъ лучшихъ воспитанниковъ военно-сиротскихъ отдѣленій, было тогда-же учреждено училище, въ которомъ преподавались офицерами квартирмейстерской части всѣ предметы, необходимые по роду службы корпуса топографовъ ([12]).

Для обученія гвардейскихъ подпрапорщиковъ пѣхотныхъ полковъ была учреждена школа, предметомъ коей постановлено: 1) довершать военное воспитаніе тѣхъ молодыхъ дворянъ, кои, поступивъ на службу изъ университетовъ или университетскихъ пансіоновъ, не могли получить тамъ достаточныхъ познаній въ военныхъ наукахъ; 2) доставить средство къ образованію тѣмъ молодымъ людямъ, которые, по бѣдности или другимъ причинамъ, не успѣли пріобрѣсть необходимыя свѣдѣнія; 3) уравнять обученіе юнкеровъ по фронтовой части, и 4) наконецъ, дать имъ совершенно твердое понятіе о строгой подчиненности и прочихъ обязанностяхъ военнаго человѣка, а тѣмъ паче гвардейскаго офицера. На первый разъ предполагалось преподавать въ школѣ слѣ-

дующіе предметы: тактику, начиная съ воинскихъ уставовъ до соображеній, относящихся къ малымъ маневрамъ; правила форпостной службы и малой войны; полевую фортификацію; артиллерію; черченіе ситуаціи и глазомѣрную съемку; военное письмоводство; военное и гражданское законовѣдѣніе и порядокъ военнаго судопроизводства, и необходимыя для образованнаго офицера свѣдѣнія въ географіи и исторіи. Кромѣ того, отъ выпускаемыхъ изъ школы молодыхъ людей требовалось: совершенное знаніе рекрутской школы и основательное изученіе правильной стрѣльбы, сборки и разборки ружья, одежды солдата и пригонки аммуниціи.

Правила для пріема въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ могутъ служить мѣрникомъ для тогдашняго обычнаго образованія нашихъ наиболѣе достаточныхъ молодыхъ людей дворянскаго званія, именно требовалось: въ языкахъ русскомъ и одномъ изъ употребительнѣйшихъ иностранныхъ, *знаніе правилъ грамматики и употребленіе оныхъ*. „При испытаніи дворянъ: лифляндской, эстляндской, курляндской и бѣлорусскихъ губерній въ русскомъ языкѣ, экзаминаторы не будутъ излишне строги“. Въ математикѣ требовалось — *не только рѣшеніе предложеній, но и основательное доказательство оныхъ*. Въ исторіи – *общее познаніе чиселъ и именъ историческихъ періодовъ и изложеніе главныхъ происшествій*. Въ географіи—*общія свѣдѣнія о раздѣленіи частей свѣта, о положеніи земель, главныхъ городовъ, рѣкъ, горъ,* и проч. ([13]).

Въ томъ-же году, послѣдовало учрежденіе Института корпуса инженеровъ путей сообщенія, для образованія искусныхъ офицеровъ по сему вѣдомству. Въ это учебное заведеніе поступали молодые люди, не менѣе 15-ти лѣтъ отъ рода, по выдержа-

ніи испытанія въ Законѣ Божіемъ, языкахъ русскомъ и французскомъ, исторіи, геометріи, ариѳметикѣ и рисованіи. Число воспитанниковъ положено 72, изъ коихъ 40 на казенномъ содержаніи и 32 своекоштныхъ, со взносомъ по 1,200 рублей ассигнац. въ годъ, и кромѣ того до 24 прапорщиковъ и столько-же подпоручиковъ. Воспитанники (портупей-прапорщики), окончивъ двухъ-годичный курсъ въ первыхъ двухъ классахъ (4-мъ и 3-мъ), переходили въ слѣдующій классъ (2-й) прапорщиками, потомъ въ 1-й—подпоручиками и выходили оттуда на дѣйствительную службу — поручиками. Полный 4-хъ годичный курсъ заключалъ въ себѣ: чистую и прикладную математику, астрономію, минералогію, статистику, военное законовѣдѣніе, фортификацію, артиллерію, тактику, стратегію и черченіе различныхъ планетъ ([14]).

Въ февралѣ 1824 года, учреждено въ Оренбургѣ Неплюевское военное училище, въ память сенатора Неплюева, управлявшаго тамошнимъ краемъ и принесшаго ему большую пользу. Въ этомъ учебномъ заведеніи постановлено давать воспитаніе дѣтямъ: 1) офицеровъ иррегулярныхъ войскъ Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса; 2) азіятцевъ, несостоящихъ въ подданствѣ Россіи, и 3) вообще людей всѣхъ свободныхъ сословій. Число воспитанниковъ положено до 80-ти, изъ коихъ 40 содержались на счетъ доходовъ уличища, а прочіе были своекоштные, съ платою по 300 рублей ассигнац. въ годъ. Для помѣщенія училища назначенъ домъ, принадлежавшій оренбургской пограничной коммисіи; а для содержанія его опредѣлены:

во 1-хъ, проценты съ особаго капитала, собраннаго съ жителей края, простиравшагося до 152,000 рублей, всего . . . . 9,120 рубл.

во 2-хъ, часть мечетной суммы . . 1,125 „

въ 3-хъ, весь сборъ съ билетовъ, выдаваемыхъ Киргизамъ, нанимающимся въ работу у линейныхъ жителей. . . . 8,000 „

Всего-же ежегодно . 18,346 рубл.

И, кромѣ того, частныя пожертвованія.

Воспитанники оставались въ училищѣ шесть лѣтъ; но родители могли брать своихъ дѣтей и прежде окончанія курса. Впрочемъ, для поощренія Азіятцевъ къ просвѣщенію, положено, чтобы тѣ изъ нихъ, кои представятъ въ училище дѣтей своихъ, съ обязательствомъ не брать ихъ до окончанія курса наукъ, получали похвальные листы.

Предметы ученія были: 1) Законъ Божій; 2) Священная Исторія; (для Магометанъ, вмѣсто сихъ предметовъ, Алкоранъ и правила ихъ вѣроисповѣданія); 3) языки: русскій, арабскій, татарскій и персидскій; 4) общее нравоученіе; 5) исторія; 6) географія; 7) начальныя основаніи естественной исторіи и физики, съ приложеніемъ къ мѣстности оренбургскаго края; 8) чистая математика; 9) полевая фортификація; 10) начальныя основанія артиллеріи; 11) рисованье и черченіе плановъ; 12) военныя экзерциціи, которыя положено производить въ свободное отъ ученія и въ каникулярное время ([15]).

Въ 1823 году, Высочайше утверждены Положенія для тульскаго и сестрорѣцкаго оружейныхъ заводовъ.

Древнѣйшій изъ всѣхъ русскихъ оружейныхъ заводовъ, тульскій, возимѣлъ начало въ концѣ XVI столѣтія, когда тамошніе кузнецы стали заниматься выдѣлкою самопаловъ. Въ продолженіи ста лѣтъ, этотъ промыселъ распространился въ такой степени, что въ началѣ XVIII столѣтія тульскіе оружейники выдѣлывали ежегодно до 25-ти тысячъ ружей. Въ

1712 году, Петръ Великій повелѣлъ устроить на счетъ казны оружейный заводъ, который, два года спустя, уже открылъ свои дѣйствія. При Императорѣ Александрѣ I была устроена первая машина для устраненія остановокъ въ работѣ, бывшихъ при весеннихъ половодьяхъ и лѣтнихъ засухахъ, а также начали вводить по всѣмъ частямъ оружейнаго дѣла новые механизмы. Для правильной-же администраціи завода, начертано новое Положеніе.

Постановлено устроить его на выдѣлку отъ 50-ти до 70-ти тысячъ ружей. Находясь въ вѣдомствѣ артиллерійскаго департамента и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инспектора всѣхъ оружейныхъ заводовъ, тульскій заводъ получилъ свое правленіе, состоявшее изъ командира его и трехъ членовъ. Артиллерійскій департаментъ долженъ былъ вообще наблюдать за исправностью всей хозяйственной части завода, вести списки о всѣхъ при заводѣ служащихъ, а равно объ оружейникахъ, и дѣлать годовой нарядъ оружія, которое назначалось приготовить на заводѣ. На отвѣтственность департамента излагалось наблюденіе: во 1-хъ, чтобы непремѣнно было отдѣлано все предписанное количество оружія; во 2-хъ, чтобы оружіе въ точности соотвѣтствовало присланнымъ изъ департамента образцамъ и выдерживало установленную пробу; въ 3-хъ, чтобы все оружіе, выдѣланное на заводѣ, сохранялось въ цѣлости. Департаментъ долженъ былъ вносить потребныя на содержаніе завода и выдѣлку оружія суммы въ свою общую годовую смѣту, и отпускать на заводъ деньги, по мѣрѣ надобности и успѣха работъ его. Металлы, слѣдующіе заводу, на выдѣлку назначеннаго количества оружія и на собственныя издѣлія оружейниковъ, требовались артиллерійскимъ департаментомъ отъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, въ

установленные сроки, по представленіямъ командира завода. По окончаніи года, департаментъ долженъ былъ повѣрять всѣ отчеты завода въ употребленныхъ имъ суммахъ и матеріалахъ, равно и въ сдѣланномъ оружіи, и доставлять эти отчеты узаконеннымъ порядкомъ.

Командиру завода были подчинены всѣ служащіе тамъ чины и всякаго званія люди. Онъ-же долженъ былъ наблюдать за содержаніемъ въ исправности строеній, плотинъ, машинъ и инструментовъ; на немъ-же лежало попеченіе, чтобы матеріалы, какъ для строеній, такъ и для оружейныхъ работъ, всегда были лучшей доброты и сохранялись въ порядкѣ, а также, чтобы оружіе, выдѣлываемое на заводѣ, имѣло надлежащую прочность и доброту, и было сдѣлано въ назначенное время. Ему-же поручено наблюдать, чтобы, при отпускѣ оружія съ завода, поступаемо было по утвержденной инструкціи. Наконецъ, онъ-же доженъ былъ представлять артиллерійскому департаменту отчеты о состояніи завода и всего къ нему принадлежащаго.

Правленіе завода, подъ предсѣдательствомъ командира его, завѣдывало всѣми хозяйственными распоряженіями, и вмѣстѣ съ командиромъ завода наблюдало за исправностью всѣхъ частей его. Ему была дана власть, безъ представленія начальству, заключать контракты и дѣлать заготовленія въ одинъ разъ до 25-ти тысячъ рублей, по такимъ предметамъ, на кои была назначенная сумма. Правленію также предоставлялось наряжать къ заводскимъ работамъ приписныхъ къ заводу крестьянъ, въ тульской и калужской губерніяхъ, нанимать, на положенную въ штатѣ сумму, вольныхъ мастеровъ и рабочихъ. Оно-же обязано было завѣдывать всѣми принадлежащими заводу лѣсами и отвѣтствовало за ихъ сбереженіе.

Для управленія общественными дѣлами тульскихъ оружейниковъ, (которыхъ, въ то время, было до 14-ти тысячъ душъ обоего пола), постановлены при заводѣ: 1) цеховой разрядъ; 2) Словесный судъ, и 3) Сиротскій судъ, или оружейничья опека. Во всѣ эти присутственныя мѣста назначались члены и судьи изъ 60-ти человѣкъ, избранныхъ всѣми оружейными мастерами изъ среды своей, Тульскіе оружейники были обязаны обучать своихъ сыновей оружейному дѣлу; въ число рабочихъ не дозволялось принимать людей какого-либо другаго состоянія, исключая наилучшихъ мастеровъ, да и то съ разрѣшенія высшаго начальства. Оружейники, владѣющіе домами, и вообще всѣ домовладѣльцы въ оружейныхъ слободахъ, по правую сторону Упы, могли продавать либо закладывать свои домы не иначе, какъ оружейникамъ. При опредѣленіи годовыхъ уроковъ, распредѣленіе мастерамъ всего количества назначенныхъ къ дѣлу въ какомъ-либо цехѣ оружейныхъ вещей предоставлялось цеховому старостѣ съ старшинами цеха, подъ наблюденіемъ цеховаго смотрителя. За цѣлость казенныхъ матеріаловъ, изъ магазиновъ отпускаемыхъ рабочимъ, отвѣчалъ весь цехъ круговою порукою; а раздача припасныхъ и задѣльныхъ денегъ производилась цеховымъ старостою. Заводское начальство не должно было вступать въ распоряженіе собственными издѣліями оружейниковъ. Для облегченія-же ихъ промышенности, имъ отпускалось для собственныхъ издѣлій, на основаніи указа 25 іюня 1782 года, ежегодно по 25-ти тысячъ пудъ желѣза, по уменьшенной цѣнѣ, съ тѣмъ, чтобы получаемыя отъ сей продажи деньги причислялись къ общественной суммѣ оружейниковъ. При заводѣ было учреждена школа на 300 человѣкъ, изъ оружейничьихъ дѣтей. Больные оружейникики и уче-

ники отсылались въ военный госпиталь, на-равнѣ съ военными чинами ([16]).

Сестрорѣцкій оружейный заводъ основанъ при Петрѣ Великомъ, въ 1721 году, и началъ свои дѣйстія въ 1724-мъ, но въ послѣдствіи пришелъ въ упадокъ и въ 1740-мъ году выдѣлка тамъ оружія совершенно прекратилась; въ царствованіе-же Императора Павла опять тамъ выдѣлывалось до 5-ти тысячъ штукъ огнестрѣльнаго оружія.

Императоръ Александръ I, при которомъ веденныя войны заставили правительство обратить вниманіе на улучшеніе оружейныхъ заводовъ вообще, утвердилъ новое Положеніе для Сестрорѣцкаго завода, на которомъ предполагалось выдѣлывать отъ 30-ти до 40-ка тысячъ ружей.

Управленіе завода ввѣрено командиру его, безъ участія особаго заводскаго Правленія, но подъ наблюденіемъ инспектора всѣхъ оружейныхъ заводовъ и артиллерійскаго департамента, на такомъ-же основаніи, какъ и въ тульскомъ заводѣ. Работы назначено производить ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней и одной недѣли для говѣнья, такъ чтобы въ сутки онѣ продолжались отъ 10-ти до 11-ти часовъ; въ случаѣ-же экстренныхъ требованій оружія и другихъ заводскихъ издѣлій, разрѣшена прибавка рабочихъ дней, по представленію командира завода. Металлы доставлялись отъ горнаго вѣдомства, на совершенной его отвѣтственности, къ с.-петербургской арсенальной пристани.

Обязанности и власть командира сестрорѣцкаго завода были сходны съ тѣми, кои опредѣлены для командира тульскаго завода, но съ тою разницею, что о всѣхъ сверхъ-смѣтныхъ расходахъ въ первомъ постановлено было испрашивать разрѣшеніе артиллерійскаго департамента.

Мастера, оружейники и ученики были раздѣлены на цехи, отъ коихъ каждый назначалъ изъ среды себя выборнаго. на одинъ годъ, съ утвержденія командира завода. Цеховой выборной, получа отъ заводскаго казначея припасныя или задѣльныя деньги, раздавалъ ихъ мастеровымъ въ присутствіи всѣхъ старшинъ и при цеховомъ смотрителѣ. Мастера и оружейники, имѣющіе свои домы и хозяйство, оставаясь, въ качествѣ заводскихъ поселянъ и съ своими потомками, навсегда при заводѣ, не иначе могли быть удалены, какъ по суду за дурное поведеніе, или за тяжкія преступленія, по представленію командира. Всѣ люди. къ заводу принадлежащіе, поселялись въ заводской слободѣ и получали дозволеніе вырубить въ казенныхъ лѣсахъ дерево для построенія дома и всего къ хозяйству нужнаго, и, сверхъ того, по усмотрѣнію начальства, имъ дѣлалось заимообразно денежное пособіе. Жена поселившагося въ заводской слободѣ оружейника высылалась къ нему на счетъ экономической заводской суммы. Каждый изъ заводскихъ поселянъ долженъ былъ прослужить въ дѣйствительной заводской службѣ, на обыкновенномъ положеніи, 25 лѣтъ, по прошествіи коихъ получалъ награду (1-го класа—150, 2-го класса — 100 и 3-го — 50 рублей), а потомъ, прослуживъ безпорочно еще пять лѣтъ, получалъ въ прибавокъ къ наградѣ еще пятую долю ея. и столько-же по прослуженіи каждаго слѣдующаго пятилѣтія. Тѣже изъ заводскихъ поселянъ, кои прослужили безпорочно 40 лѣтъ, могли оставить заводскую работу и получали по смерть заслуженную ими награду ([17]).

Заключимъ изложеніе мѣръ, принятыхъ по военному вѣдомству, въ царствованіе Императора Александра I. очеркомъ благодѣтельныхъ дѣйствій учреж-

деннаго имъ Комитета 18 августа 1814 года (нынѣ— Комитетъ о раненныхъ).

Собранныя тайнымъ совѣтникомъ Пезаровіусомъ, изъ пожертвованій въ пользу раненыхъ воиновъ, а частью и изъ доходовъ издававшейся имъ газеты: Русскій Инвалидъ, сумма въ 395 тысячъ рублей ассигнац. послужила, (какъ сказано въ главѣ LVII-й), основаніемъ инвалидному капиталу, въ который въ послѣдствіи поступили:

Пожалованные изъ кабинета Его Императорскаго Величества	328,100	рубл.	асс.
Изъ государственнаго казначейства	4,842,190	рубл. 45 к.	ас.
Изъ капитула россійскихъ орденовъ	1,481,215	„ 53	„
Жалованье Императоровъ Александра Павловича, и Николая Павловича, по званію шефа Л. Гв. Преображенскаго полка.	71,470	„ 14	„
Дарованные Императрицею Маріею Θеодоровною, на приданое дочерямъ нижнихъ воинскихъ чиновъ	12,500	„ —	„
Великими Княгинями Маріею Павловною и Анною Павновною	19,000	„ —	„
Королевою Виртембергскою Екатериною Павловною	5,000	„ —	„
Оставшіеся отъ постройки тріумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ въ честь гвардіи .	86,764	„ 58	„
Въ числѣ пожертвованій, сдѣланныхъ частными лицами, въ первыя десять лѣтъ по			

учрежденіи Комитета важнѣйшія были:

Въ 1814 году, поручикомъ Пашковымъ	100,000	рубл.	— „
Въ 1815 году, бывшимъ государственнымъ канцлеромъ, графомъ Румянцовымъ . . .	237,742	„	— „
С.-Петербургскимъ купечествомъ.	50,000	„	— „
Въ 1816 году, статскимъ совѣтникомъ Яковлевымъ . .	100,000	„	— „
Супругою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графа Безбородко	50,000	„	— „
Костромскимъ дворянствомъ	50,000	„	— „
Жителями нижегородской губерніи	40,427	„	99 коп.
Жителями таврической губерніи	26,000	„	— „
Супругою генерала отъ инфантеріи, графа Ланжерона .	25,000	„	— „
Калужскимъ купцомъ Золотаревымъ	10,000	„	— „
Въ 1817 году, генераломъ отъ инфантеріи де-Ласси . .	237,090	„	80 „
Бывшимъ егермейстеромъ, княземъ Ѳеодоромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ и его супругою	127,510	„	33 „
Статскимъ совѣтникомъ Полтарацкимъ	50,000	„	— „
Ротмистромъ Владиміровымъ	50,000	„	— „

Дѣйствительнымъ тайнымъ

совѣтникомъ, графомъ Мошинскимъ	10,000 ,,	—	,,
Статсъ-дамою, графинею Чернышевою	10,000 ,,	—	,,
Въ 1819 году, тайнымъ совѣтникомъ Демидовымъ . .	100,000 ,,	—	,,
Генералъ-лейтенантомъ Балкомъ	50,000 ,,	—	,,
Генералъ-лейтенантомъ, графомъ Кенсономъ	34,062 ,,	—	,,
Уральскимъ войскомъ . .	10,000 ,,	—	,,
Камеръ-юнгферою Кольчугиною	10,000 ,,	—	,,
Въ 1820 году, подполковникомъ Долговымъ	24,000 ,,	—	,,
Графомъ Шереметевымъ .	10,000 ,,	—	,,
Въ 1821 году, штатсъ-дамою, графинею Браницкою .	200,000 ,,	—	,,
Въ 1823 году, поручикомъ Ивановымъ	10,000 ,,	—	,,
Въ 1825 году, ардатовскими и богородицкими купцами Рахмановыми	50,000 ,,	—	,,

Въ пособіе инвалидамъ и ихъ семействамъ, кромѣ процентныхъ денегъ съ пожертвованныхъ суммъ, назначены, по мѣрѣ полученія, слѣдующіе доходы: 1) вычеты изъ пожалованныхъ единовременныхъ награжденій и пособій, столовыхъ денегъ, арендъ и ссудъ, изъ суммъ отъ конфискацій и пеней по таможенному вѣдомству; 2) денежные взносы за пожалованные ордена, бриллiянтовыя вещи, подарки, медали и земли; 3) особые доходы: отъ адресныхъ сборовъ въ Петербургѣ, отъ заграничныхъ паспортовъ, съ публичныхъ зрѣлищъ въ пользу инвалидовъ, отъ изданія газеты „Русскій Инвалидъ“, изъ капитула россійскихъ Им-

ператорскихъ и Царскихъ орденовъ, отъ неполнаго комплекта кавалеровъ ордена Св. Георгія 1-го класса и проч.

Въ первое десятилѣтіе по учрежденіи Комитета, именно по 1-е генваря 1825 года, выдано, не считая суммъ, отпущенныхъ на сей-же предметъ изъ государственнаго казначейства:

I. *Генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ.*

Единовременно пособій, всего 885-ти лицамъ	591,290 р. 7 к.
и серебромъ.	181 „ 80 „
Пенсій въ разное время 401 лицу, на сумму ежегодно . .	268,190 „ — „
Выдано единовременно изъ остатка суммъ отъ неполнаго комплекта кавалеровъ, по орденамъ Св. Георгія 4-го класса и Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, 205-ти лицамъ .	61,500 „ — „
Назначено, вмѣсто деньщиковъ, для найма прислуги, деньгами, 14-ти лицамъ	2,100 „ — „

II. *Родителямъ и сиротамъ* (на основаніи Высочайшаго указа 9-го ноября 1816 года, о принятіи ихъ въ покровительство Комитета).

Родителямъ пенсій по смерть, 96-ти лицамъ, ежегодно . . .	35,300 „ — „
и 50 червонцевъ.	
Сиротамъ, для поступленія на службу и до выхода въ замужство, всего 182-мъ, ежегодно	52,840 „ — „

Пожаловано единовременно тѣмъ и другимъ. всего 240-а, и 200 червонцевъ. . 194,908 р. 10 к.

Опредѣлено сиротъ на казенный счетъ 38, на что выдано . . . . 21,975 „ — „

III. *Нижнимъ чинамъ.*

Пенсій инвалидамъ, коихъ было на попеченіи Комитета въ 1824 году 2150, въ продолженіи десяти лѣтъ, выдано. . . 610,368 „ 48½

А за всѣми расходами на помянутыя пособія и за отдѣленіемъ, въ 1823 году, 1.000,000 рублей въ вѣдѣніе Комитета о призрѣніи заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ ([18]), оставалось, къ 1-му генкаря 1825 года, въ распоряженіи Комитета 18 августа 1814 года, ассигнаціями: 6,057,610 рублей 53 коп. серебромъ: 3,416 рубл. 40 коп. и золотомъ 14 червонныхъ ([19]).

ГЛАВА LXXVI.

Водворенiе владычества Россiи на Кавказѣ и въ Закавказьѣ.

(1816—1820 г.)

Въ началѣ 1816 года генералъ-лейтенантъ Ермоловъ, находясь въ отпуску, въ Орлѣ, получилъ приказанiе прибыть въ Петербургъ, и по прiѣздѣ туда былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Кавказскаго края, и вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣно ему отправиться чрезвычайнымъ посломъ въ Тегеранъ.

Цесаревичъ В. К. Константинъ Павловичъ, постоянно благоволившiй къ Ермолову, писалъ ему по случаю новаго его назначенiя:

„Почтеннѣйшiй, любезнѣйшiй и храбрѣйшiй сотоварищъ, Алексѣй Петровичъ!

„Имѣлъ я удовольствiе читать начертанiе ваше къ единственному нашему Курутѣ, за которое благодарю весьма васъ, Патеръ Ермоловъ, видя въ немъ старое ваше ко мнѣ расположенiе. Будьте увѣрены всегда въ моихъ къ вамъ чувствахъ дружбы и уваженiя. Поздравляю васъ съ новымъ вашимъ назначенiемъ и съ довѣренностью, которую оказываетъ въ семъ случаѣ Всемилостивѣйшiй Государь Императоръ къ заслугамъ вашимъ. Признаюсь, что эта до-

вѣренность штука не изъ послѣднихъ, и во время òно самъ-бы Талейранъ съ товарищи задумался. Но теперь, какъ онъ не опасенъ, то думаю, что великій нынѣшняго вѣка Кастельри не съ большимъ удовольствіемъ узнаетъ о семъ, ибо, по словамъ старой пословицы: que tout chemin conduit à Rome, позже можно, не своpачивая ни мало, прогуляться въ мѣста расположенія всѣхъ богатствъ Англіи, сухимъ путемъ. О посольствѣ вашемъ совсѣмъ не удивляюсь. Я вамъ сказывалъ всегда, и повторяю вамъ снова, что единственный Ермоловъ гораздъ на все. Но избави Боже, отрыжки, et comme les extrémités se touchent, чтобъ, по поводу путешествія вашего, не сдѣлалось съ нашей стороны всеобщей прогулки по землямъ чуждымъ. Шпанская муха много перевела народу во Франціи. Избави Богъ, чтобы Персія тоже не перевела много православныхъ. Впрочемъ, все зависитъ отъ миссіонерства наслѣдника общества Грубера *). У насъ все смирно и, слава Богу, хорошо. Дѣло идетъ впередъ, но хлопотъ и работы много. Заднихъ дверей у насъ нѣтъ, и хотя вы и увѣрены, что и я наслѣдникъ Грубера, но, въ оправданіе, скажу вамъ, что для этого слишкомъ горячъ, строгъ и откровененъ. Въ доказательство чего прошу быть увѣрену во всегдашнемъ моемъ къ вамъ уваженіи и всегдашней дружбѣ“ (1).

Замѣтимъ, что Великій Князь, удостоивая своею благосклонностью Ермолова, нерѣдко упрекалъ его въ хитрости, называя патеромъ Груберомъ. „Я къ вамъ всею душою — писалъ онъ, — а вы немножко съ обманцемъ“.

Поводомъ къ отправленію генерала Ермолова

---

*) Извѣстно, что Ермолова называли именемъ извѣстнаго хитростью Іезуита, патера Грубера, находившагося въ Петербургѣ.

чрезвычайнымъ посломъ къ персидскому двору были слѣдующія обстоятельства:

Одновременно съ подписаніемъ мирнаго трактата между Россіею и Персіею, 12 октября 1813 года, въ Гюлистанѣ, по сепаратному акту, постановлено: „по заключеніи мира, посламъ, кои будутъ отправлены отъ Персидскаго владѣтеля къ Россійскому Двору, предоставляется просить Его Императорское Величество объ уступкѣ Персіи нѣкоторыхъ владѣній“... Какъ персидскій уполномоченный мирза Абулъ-Хассанъ-ханъ не имѣлъ яснаго понятія о разграниченіи сопредѣльныхъ земель по географическимъ картамъ и опасался отдать что-либо лишнее противъ условленнаго statu quo ad presentem (настоящаго положенія обоюдныхъ владѣній), то, по настоянію его, границы были обозначены наименованіемъ уступаемыхъ Россіи пограничныхъ владѣній. Уполномоченный Персіи согласился подписать эту статью только тогда, когда къ ней было прибавлено, что границы, для большей вѣрности, по заключеніи и ратификаціи трактата, будутъ опредѣлены избранными съ обѣихъ сторонъ коммисарами, со взаимнаго согласія (ст. 2-я). По размѣнѣ ратификацій, персидскій уполномоченный Абулъ-Хассанъ отправился въ Петербургъ, но не засталъ тамъ Государя, бывшаго въ отсутствіи за границею, сперва на вѣнскомъ конгресѣ, а потомъ — вслѣдствіе событій 1815 года. По возвращеніи-же Императора, Абулъ-Хассанъ, послѣ официальной аудіенціи, открылъ переговоры объ уступкѣ Персіи нѣкоторыхъ изъ завоеванныхъ Русскими областей. Изъявленныя имъ притязанія были непомѣрны; но легко было видѣть, что талышинское и карабагское ханства составляли предѣлъ домогательствъ Персіи. Императоръ Александръ, желая подать примѣръ умѣренности, внушаемой имъ его союз-

никамъ въ сношеніяхъ европейскихъ державъ, не хотѣлъ рѣшительно отказать Персіянамъ, не смотря на то, что они, послѣ подписанія и ратификаціи трактата, не имѣли права требовать какихъ-либо уступокъ, и по тому предполагалъ удовлетворить желанія персидскаго правительства, на сколько то было совмѣстно съ пользами Россіи. Съ этою цѣлью, Государь рѣшился: во 1-хъ, не давать персидскому послу опредѣлительнаго отвѣта; во 2-хъ, объявить ему, что сей отвѣтъ будетъ доставленъ Шаху чрезъ особое посольство, которое къ нему отправится изъ Россіи; въ 3-хъ, поручить нашему послу тщательное изслѣдованіе (un nouvel examen approfondi) на мѣстѣ пріобрѣтенныхъ Россіею провинцій, съ приказаніемъ прислать по сему предмету подробное и точное донесеніе, и въ 4-хъ, не прежде рѣшить окончательно это дѣло, какъ получивъ помянутое донесеніе нашего уполномоченнаго ([2]).

Выѣхавъ въ началѣ августа изъ Петербурга, Ермоловъ пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ, по случаю пребыванія тамъ Государя, и въ сентябрѣ пріѣхалъ на границу кавказской губерніи. Первымъ распоряженіемъ новаго начальника было удержаніе на службѣ пяти донскихъ полковъ, которые предмѣстникъ его, по просьбѣ графа Платова, согласился смѣнить поселенными на Линіи казаками, не смотря на то, что въ числѣ послѣднихъ было не менѣе половины молодыхъ людей нигдѣ не служившихъ, и даже несовершенно-лѣтнихъ. Отмѣнивъ увольненіе донцовъ, Ермоловъ донесъ о томъ Государю ([3]).

По прибытіи въ Тифлисъ, 10 октября, Ермоловъ отдалъ слѣдующій приказъ: „Принявъ начальство надъ войсками Высочайше мнѣ ввѣренными, объявляю о томъ всѣмъ новымъ по службѣ товарищамъ, отъ генерала до солдата. Уваженіе Государя Импе-

ратора къ заслугамъ войскъ заставляетъ меня почитать храбрость ихъ и каждый подвигъ ихъ на пользу службы, возложивъ на меня обязанность ходатайствовать у престола Государя, всегда справедливаго, всегда щедраго" (4).

Готовясь къ отъѣзду въ Тегеранъ, Ермоловъ приступилъ къ обозрѣнію важнѣйшей части нашихъ границъ съ Персіею, и съ этою цѣлью самъ отправился въ Карабахъ, поручивъ оберъ-квартирмейстеру грузинскаго корпуса, полковнику Иванову, осмотрѣть талышинское ханство. При возвращеніи въ Тифлисъ, 12 декабря, главный начальникъ уже успѣлъ нѣсколько ознакомиться со ввѣренною ему страною, и въ особенности съ характеромъ и свойствами различныхъ племенъ и владѣльцевъ ихъ. Онъ нашелъ, что ханы, обладавшіе богатѣйшими землями, завоеванными русскимъ оружіемъ отъ Персіи, большею частью были невѣжественные, жестокіе и алчные деспоты, на преданность коихъ нисколько не могло полагаться наше правительство. Одни изъ нихъ платили Россіи дань, ничтожную въ сравненіи съ получаемыми отъ своихъ владѣній доходами; другіе — не платили ничего, и даже не отвѣчали за безопасность Русскихъ, проѣзжающихъ чрезъ ихъ земли; а владѣлецъ Аваріи, генералъ-маіоръ русской службы, султанъ Ахметъ-ханъ, получалъ отъ нашего правительства жалованья 5 тысячъ рублей серебромъ, подъ предлогомъ, будтобы онъ намъ приноситъ пользу своимъ вліяніемъ на горскіе народы Дагестана, удерживая ихъ отъ нападеній на Грузію. Шамхалъ Тарковскій, признавшій власть Россіи и преданный русскому правительству, былъ не въ состояніи ни удерживать въ повиновеніи своихъ мятежныхъ подданныхъ, ни противиться набѣгамъ алчныхъ сосѣдей; а въ остальной части Дагестана многочисленныя воль-

ныя общества не признавали господства Россіи и постоянно занимались грабежемъ. Военно-грузинская дорога, исключительно служившая для сообщенія Россіи съ Закавказьемъ, подвергалась нападеніямъ Чеченцовъ и Лезгинъ. Берега Чернаго моря, окаймляющіе съ запада Закавказье, принадлежали Туркамъ, занимавшимъ Поти, Анапу, и другіе пункты, и производившимъ съ горцами постыдный торгъ невольниками и невольницами. Почти всѣ горскія племена, сосѣдственныя Черному морю, были намъ враждебны. Абхазскіе владѣтели, принявшіе христіанскую вѣру, покорились Россіи, но безпрерывныя междуусобія въ ихъ странѣ, шаткое положеніе ихъ самихъ и происки Турокъ содѣлывали наше вліяніе тамъ ничтожнымъ. Подвластное намъ Закавказье было подвержено нападеніямъ - съ одной стороны Лезгиновъ и Джарцевъ, а съ другой—Эриванскихъ Татаръ и Ахалцихскихъ Турокъ, необращавшихъ вниманія на миръ, заключенный между Россіею и Портою. Кавказская линія также не была безопасна: противъ праваго фланга ея, по лѣвому берегу Кубани, жили подвластныя Турціи, воинственныя племена, извѣстныя подъ общимъ именемъ Закубанцевъ; противъ центра линіи—Кабардинцы, съ давняго времени подданные Россіи, но, по водвореніи въ ихъ странѣ исламизма, возбужденные фанатиками, мусульманскими священно-служителями, враги христіанъ; а противъ лѣваго крыла—Чеченцы, наизлѣйшіе изъ всѣхъ кавказскихъ разбойниковъ; къ нимъ стекались отвсюду злодѣи, искавшіе убѣжище послѣ совершенныхъ ими преступленій ([5]).

Таково было положеніе Закавказья и Кавказской линіи въ 1816 году, когда ввѣрено было управленіе страною генералу Ермолову. Силы Грузинскаго (въ послѣдствіи—Кавказскаго) корпуса тогда не превы-

шали 56-ти тысячъ человѣкъ съ 132 орудіями ([6]). Считая необходимымъ возвысить нравственную силу войска, состоящаго въ непрестанной борьбѣ съ непріятелемъ и природою, Ермоловъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе: „отнынѣ впредь не отсылать въ Грузинскій корпусъ ни чиновниковъ, въ чемъ-либо виновныхъ, ни солдатъ за побѣги и другіе проступки наказанныхъ“. — „Отнынѣ впредь — писалъ главнокомандующій — гг. офицеры не увидятъ между собою таковыхъ, за поведеніе которыхъ должны были-бы они стыдиться. Въ рядахъ храбрыхъ солдатъ Грузинскаго корпуса не станутъ недостойные раздѣлять съ ними труды ихъ и славу“ ([7]).

Генералъ Ермоловъ, желая ознаменовать свое вступленіе въ командованіе Грузинскимъ корпусомъ подвигомъ добра, исходатайствовалъ у Государя прощеніе сорока грузинскимъ князьямъ, сосланнымъ въ Сибирь по навѣтамъ генералъ-лейтенанта князя Орбеліани. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принялъ за правило — наказывать непокорныхъ безъ послабленія, полагая, весьма основательно, что грубые азіятцы, преклоняясь предъ силою, считаютъ всякое снисхожденіе слабостью, вызывающею съ ихъ стороны презрѣніе и упорство. Въ особенности-же ему было противно выкупать плѣнныхъ захваченныхъ горцами, и тѣмъ какъ-бы поощрять ихъ къ разбоямъ и набѣгамъ. Еще до назначенія Ермолова командиромъ Грузинскаго корпуса, открыта была во всей Россіи подписка для сбора суммы на выкупъ захваченнаго въ плѣнъ близъ Кизляра, маіора Швецова, (въ послѣдствіи полковника и командира Куринскаго полка), за освобожденіе коего хищники требовали сперва 15,000, потомъ 10,000 рубл. серебромъ. Ермоловъ предписалъ командовавшему на Линіи генералъ-маіору Дельпоццо посадить въ кизлярскую крѣпость

всѣхъ туземныхъ князей, чрезъ земли которыхъ прошли свободно горцы плѣнившіе Швецова, и содержать ихъ подъ стражею, пока ихъ родственники внесутъ сумму нужную для его выкупа. Князья поспѣшно собрали 7000 рублей. Швецовъ былъ освобожденъ и приказано выпустить князей изъ подъ ареста; деньги-же, собранныя по подпискѣ, были отданы Швецову, въ вознагражденіе понесеннаго имъ убытка. Тѣмъ не менѣе однакоже до 1820 года назначалась, по смѣтѣ военнаго министерства, особая сумма для выкупа плѣнныхъ у горскихъ народовъ. Чтобы прекратить эту постыдную дань, Ермоловъ, захвативъ однажды большое число чеченскихъ женщинъ, выдалъ лучшихъ плѣнницъ замужъ за Имеретянъ, а прочихъ продалъ горцамъ по рублю серебромъ. Это навело такой ужасъ на Чеченцовъ и прочихъ хищниковъ, что они стали лишь изрѣдка захватывать Русскихъ въ плѣнъ, пользуясь чѣмъ Ермоловъ предложилъ обратить помянутую сумму на другое употребленіе ([8]).

Вскорѣ по пріѣздѣ генерала Ермолова въ Тифлисъ, тамъ были получены свѣдѣнія о значительныхъ военныхъ приготовленіяхъ въ пограничныхъ областяхъ Персіи и Турціи. По сему поводу, генералъ Ермоловъ сдѣлалъ Государю представленіе, что прибытіе въ Персію лица, соединяющаго въ себѣ должности посла и главнаго начальника сосѣдственной страны, могло-бы имѣть непріятныя послѣдствія, въ случаѣ враждебныхъ намѣреній Шаха. Императоръ Александръ, получивъ это донесеніе, разрѣшилъ Ермолову послать на его мѣсто довѣреннаго чиновника въ Тегеранъ. Отправленный для переговоровъ, коллежскій совѣтникъ Мазаревичъ, человѣкъ ловкій и знакомый съ азіятскою дипломатіей, донесъ главному начальнику, что Шахъ, весьма желая имѣть у себя

русское посольство, повелѣлъ сдѣлать всѣ приготовленія къ его принятію. Получивъ эти свѣдѣнія, генералъ Ермоловъ, 17-го апрѣля 1817 года, выѣхалъ изъ Тифлиса, съ большою свитою и военнымъ конвоемъ (9). Управленіе краемъ, на время своего отсутствія, поручилъ онъ генералъ-лейтенанту Ивану Александр. Вельяминову 1-му, старшему изъ двухъ братьевъ, отличавшихся умомъ, храбростью, военными дарованіями, благородствомъ характера и любовью къ наукамъ; дѣлами гражданскими, во время пребыванія Ермолова въ Персіи, завѣдывалъ генералъ-маіоръ Сталь; войска въ Закавказьѣ были ввѣрены генералъ-маіору Кутузову, а на Линіи — по прежнему, генералъ-маіору Дельпоццо.

3-го мая, Ермоловъ, подъѣзжая къ Эривани, былъ встрѣченъ сперва роднымъ братомъ Сардаря, а потомъ, по требованію нашего посла, самимъ Сардаремъ, однимъ изъ знатнѣйшихъ персидскихъ вельможей, который, не смотря на свою гордость, былъ принужденъ выѣхать за версту отъ города и привѣтствовать Ермолова. 19 мая, верстахъ въ 7-ми отъ резиденціи персидскаго наслѣдника, Тавриса, встрѣтили нашего посла сперва таврискій беглербегъ (военный губернаторъ) и потомъ сынъ втораго министра, мирзы Бизюрка, съ блистательною свитою. По словамъ Ермолова, онъ — „долженъ будучи выслушать безконечныя привѣтствія азіятскихъ сановниковъ, сколько ни щедръ былъ на вѣжливости, чувствовалъ, что не могъ сравниться съ ними“ *). Впе-

*) Чтобы дать понятіе о напыщенности слога тегеранской дипломатіи, приведемъ начало письма персидскаго верховнаго визиря, мирзы Шефи, къ графу Нессельроду: «Имѣющій визирское и княжеское мѣста̀, великолѣпный, высокій, великій, совершенный, въ совѣтахъ, подобно Юпитеру, мудрый, а въ умѣ на Меркурія похожій, украшающій высокое визирское достоинство, превосходящій знатныхъ министровъ

реди города стояли въ парадѣ войска, числомъ до 16 тысячъ человѣкъ, съ 42-мя орудіями, встрѣтившія русскаго посла отданіемъ воинскихъ почестей и пушечною пальбою. Самъ Аббазъ-мирза (наслѣдникъ престола), incognito, въ простой одеждѣ, объѣзжалъ позади войскà, наблюдая за ихъ устройствомъ.

На слѣдующій день, Ермоловъ со всѣми чиновниками посольства представлялся Аббасъ-мирзѣ; какъ, по этикету персидскаго двора, нельзя было войти къ наслѣдному принцу иначе, какъ снявъ сапоги и надѣвъ красныя чулки, (чтò соблюдалось присланнымъ отъ Наполеона генераломъ Гарданомъ и англійскими посланниками), а Ермоловъ не согласился на такое требованіе, несообразное, по его мнѣнію, съ достоинствомъ представителя Россіи, то Аббасъ-мирза принялъ его не въ комнатахъ и не сидя на коврѣ, а передъ домомъ, стоя на каменномъ помостѣ внутренняго двора, у самаго окна, чрезъ которое видѣнъ былъ портретъ Шаха. Пріемъ наслѣднаго принца отличался чрезвычайною вѣжливостью. На другой день Аббасъ-мирза показывалъ Ермолову свою конницу и стрѣльбу въ цѣль конной артиллеріи; потомъ пригласилъ въ свой садъ; тамъ готово было угощеніе чаемъ, въ одной комнатѣ для принца съ Ермоловымъ, а въ другой — для Русскихъ его свиты; но Ермоловъ настоялъ, чтобы всѣ чиновники посольства были угощаемы съ нимъ вмѣстѣ. Вообще — нашъ посолъ, зная гордость и высокомѣріе Персіянъ, не упускалъ ни одного случая наказывать ихъ презрѣніемъ со-

---

христіянства, приближенный въ сіяющемъ присутствіи Его Императорскаго Величества, милостивый почтенный другъ, графъ Нессельродъ, великій визирь знаменитой россійской Державы: да будетъ всегда твердая его мысль украшеніемъ благоустройства государственныхъ дѣлъ и дальновидный его умъ развязывающимъ узелъ трудностей въ распоряженіи занятій государства» (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

блюдаемыхъ ими обычаевъ, и по тому не согласился откланяться Аббасу-мирзѣ, а послалъ, вмѣсто себя, совѣтника посольства Соколова, объявивъ любимцу принца, каймакаму, что „какъ не былъ принятъ прилично, а встрѣтился съ принцемъ на дворѣ, и за аудiенцiю того счесть не можетъ, то и не полагаетъ себя обязаннымъ ему откланиваться; но, впрочемъ, какъ съ человѣкомъ милымъ и любезнымъ, съ которымъ прiятно знакомство, желалъ-бы еще гдѣ-нибудь встрѣтиться".

25 мая, генералъ Ермоловъ продолжалъ путь къ Тегерану и 5 iюля прибылъ въ приготовленный для его посольства лагерь у Саманархи, въ сосѣдствѣ обычной лѣтней резиденцiи Шаха, Султанiе. 9-го, получилъ онъ шахскую грамоту, которою уполномочивался вступить съ нимъ въ переговоры мирза Абдулъ-Вахабъ. Ермоловъ принялъ его ласково, но объяснилъ ему, что, еще не имѣвъ аудiенцiи у Шаха, не можетъ ни съ кѣмъ вести переговоры, и вслѣдъ за тѣмъ отослалъ назадъ нераспечатанною грамоту Шаха. Нѣсколько разъ мирза прiѣзжалъ на совѣщанiе съ Ермоловымъ, домогаясь возвращенiя завоеванныхъ нами ханствъ, но Ермоловъ отвѣчалъ ему, что Государь Императоръ будетъ крайне жалѣть о разрывѣ съ Персiею, но — „тѣмъ не менѣе — присовокупилъ нашъ посолъ, — я, зная мои обязанности наблюдать достоинство Россiи и моего Государя, если въ прiемѣ Шаха увижу холодность и въ переговорахъ о дѣлахъ замѣчу намѣренiе нарушить миръ, то объявлю самъ войну и потребую границъ по Араксъ". Затѣмъ, угрожая занять адербиджанскую провинцiю, сказалъ: „жаль мнѣ, что вы сочтете слова мои за хвастовство, которое между нами не должно имѣть мѣста, но я готовъ назначить день, въ который русскiя войска возмутъ Таврисъ".

Нѣсколько дней ожидали прибытія Шаха въ Султаніе; наконецъ онъ прибылъ туда 20-го іюля, а 31-го назначена была имъ нашему послу пріемная аудіенція, въ поставленной близъ дворца большой палаткѣ. Послѣ несговорчивости Ермолова на мелочныя домогательства Персіянъ, уже не могло быть и рѣчи о красныхъ чулкахъ и другихъ принадлежностяхъ персидскаго этикета, и даже исполнено было несогласное съ обычаями требованіе нашего посла — представиться Шаху вмѣстѣ со всѣми чиновниками, при немъ находившимися. Три дня спустя, Шахъ вторично принялъ наше посольство, очень былъ доволенъ присланными ему подарками, въ особенности-же чрезвычайно большими зеркалами, и обошелся весьма благосклонно съ нашими офицерами.

Послѣ церемоніяльныхъ представленій, приступили къ дѣлу. Генералъ Ермоловъ, зная, что въ понятіяхъ Персіянъ не стыдно было отпереться отъ собственныхъ своихъ словъ, настоялъ, чтобы всѣ сношенія производились письменно. Главнымъ затрудненіемъ переговоровъ была формальная уступка тегеранскимъ дворомъ областей прежде принадлежавшихъ Персіи, но, наконецъ, твердость нашего посла превозмогла упорство Персіянъ, и 16 августа Ермоловъ получилъ отъ мирзы Шефи (персидскаго министра иностранныхъ дѣлъ) бумагу, въ которой было сказано, что Шахъ предпочитаетъ пріязнь Государя Императора пользѣ отъ владѣнія землями. Въ тотъ-же день Фетъ-Али-Шахъ изустно подтвердилъ тоже самое Ермолову, въ самыхъ лестныхъ для нашего Государя выраженіяхъ. Персидскіе министры желали выставить эту уступку въ видѣ особенной милости Шаха нашему послу; но Ермоловъ заставилъ ихъ замолчать, спросивъ у нихъ: „Не предлагаетъ ли намъ Его Величество на выборъ какую-либо изъ

своихъ областей? Если-же милость Шаха ограничивается тѣмъ, чтобы не требовать отъ насъ принадлежащихъ намъ провинцій, то ихъ пришлось-бы взять у насъ, а нашъ Государь подданныхъ своихъ не оставляетъ безъ защиты".

За тѣмъ наступилъ цѣлый рядъ празднествъ, открывшихся, 22 августа, приглашеніемъ къ Шаху всѣхъ чиновъ русскаго посольства. Начало праздника состояло въ пляскахъ и акробатскихъ зрѣлищахъ, при звукахъ персидской и нашей полковой музыки; ввечеру сожженъ огромный фейерверкъ, подъ громомъ всей артиллеріи, тогда бывшей въ Султаніе, и трехъ сотъ фалконетовъ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней приказано было показать Ермолову и нашимъ офицерамъ всѣ сокровища тегеранскаго двора, и въ числѣ ихъ алмазъ, которому — по словамъ Ермолова — нѣтъ подобнаго въ свѣтѣ. Вскорѣ послѣ того нашъ посолъ со всею своею свитою получилъ отпускную аудіенцію. Повелитель Персіи былъ чрезвычайно ласковъ со всѣми Русскими и вручилъ Ермолову отвѣтъ на письмо Императора, сказавъ ему, что онъ такъ расположенъ къ нашему Государю, что языкъ его не въ силахъ произнести словъ прощанія съ его представителемъ. Наканунѣ были присланы Ермолову и всѣмъ чиновникамъ посольства знаки ордена „Льва и Солнца" и подарки, и по тому русскій посолъ на прощальной аудіенціи представлялся Шаху въ его орденѣ, что̀ принято имъ было съ особеннымъ удовольствіемъ.

Генералъ Ермоловъ, не имѣя возможности отказываться отъ приглашенія многихъ персидскихъ вельможъ на обѣды и чай, желалъ пригласить ихъ также къ себѣ; но въ это дѣло вмѣшался Садръ-Азамъ (верховный визирь), который счелъ нужнымъ доложить о томъ Шаху. На его разсмотрѣніе былъ под-

несенъ списокъ приглашенныхъ лицъ, и онъ исключилъ большую часть ихъ, кои „по неравенству съ прочими, не могли быть съ ними въ одномъ обществѣ“; такимъ образомъ у Ермолова, вмѣсто сорока или пятидесяти гостей, было только пятнадцать. Какъ мусульмане Аліевой секты не должны употреблять пищи, приготовленной христіанами, то прислана была въ домъ посла персидская прислуга, которая накладывала и подавала кушанья. Угощая нашего посла, Садръ-Азамъ и другіе знатные Персіяне предлагали ему весьма цѣнные подарки; но Ермоловъ не принялъ ихъ.

29 августа, русское посольство отправилось въ обратный путь и 9 сентября прибыло въ Таврисъ. Пріѣхавъ въ домъ каймакама, мурзы Бизюрка, Ермоловъ узналъ, что служащій въ войскахъ Аббасамирзы французскій офицеръ Мерше́ не дозволилъ музыкантамъ нашего посольства занять назначенную на одномъ дворѣ съ нимъ квартиру, и даже осмѣлился ударить одного изъ нихъ саблею. За этотъ наглый поступокъ, Мерше́, по приказанію Ермолова, былъ взятъ подъ караулъ и наказанъ плетьми, послѣ чего Ермоловъ написалъ Аббасу-мирзѣ, что, по всей вѣроятности, подобный негодяй въ службѣ его терпимъ не будетъ. На слѣдующій день, русское посольство представлялось персидскому Наслѣднику; Персіяне, по всей вѣроятности, знавшіе о пріемѣ, сдѣланномъ Русскимъ въ Тегеранѣ, уже не домогались о соблюденіи введеннаго у нихъ церемоніяла, и для Ермолова были приготовлены кресла. Русскій посолъ былъ приглашаемъ нѣсколько разъ къ Аббасъ-мирзѣ, обѣдалъ у него и долго бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ, относящихся къ политикѣ Россіи и Персіи; а, между тѣмъ, велъ переговоры съ каймакамомъ. Опредѣленіе времени для начертанія гра-

ницъ между обѣими державами было условлено безъ затрудненія; но когда дошло дѣло до возвращенія намъ плѣнныхъ и тѣхъ изъ нашихъ бѣглыхъ, которые сами того пожелаютъ, и каймакамъ сталъ увѣрять, что такихъ нѣтъ, божась въ томъ Алкораномъ, Ермоловъ разразился горькими упреками. „Неужели — сказалъ онъ — вы считаете возможнымъ скрыть свои злодѣйскіе и подлые поступки съ русскими плѣнными? Не удерживаете-ли вы насильственно тѣхъ, которые желаютъ возвратиться? Не заключаете развѣ ихъ въ темницы? Не смѣйте сказать ни слова: сегодня одинъ изъ такихъ несчастныхъ бросился съ крыши къ стоящему у обоза русскому караулу; онъ въ моихъ рукахъ... Насъ здѣсь двѣсти человѣкъ, среди столицы Наслѣдника и вашихъ войскъ; прибавьте къ нимъ еще сто баталіоновъ, и я васъ не болѣе уважать буду. Предупредите вашего Наслѣдника, что если во дворцѣ, въ числѣ его тѣлохранителей, узнаю русскаго солдата, то вырву его у васъ, не смотря на присутствіе принца“. Эта грозная рѣчь не имѣла однакоже никакихъ послѣдствій, и каймакамъ, съ обычнымъ ему вѣроломствомъ, опасаясь, чтобы русскіе солдаты, узнавъ о предстоявшемъ отъѣздѣ Ермолова, не явились къ нему, приказалъ ихъ всѣхъ посадить подъ стражу, и даже нѣсколькимъ изъ нихъ набить на ноги колодки. Описывая коварные поступки Персіянъ, Ермоловъ сознавался, что въ сношеніяхъ съ ними и самъ не соблюдалъ правды. Призывая безпрестанно во свидѣтели истины своихъ словъ великаго пророка, онъ, между прочимъ, увѣрялъ персидскихъ вельможъ, будтобы предки его были Татары, что ближайшіе изъ родныхъ его сдѣлались христіанами весьма недавно, и что самъ онъ — потомокъ Чингисъ-хана. „Нерѣдко разсуждая съ Персіянами о превратностяхъ судьбы — говоритъ Ермо-

ловъ — я удивлялъ ихъ замѣчаніемъ, что въ той самой странѣ, гдѣ владычествовали мои предки, гдѣ все покорялось ихъ страшному оружію, я нахожусь посломъ народа, побѣдившаго моихъ предковъ, утверждающимъ миръ и дружбу". Одинъ изъ вельможей спросилъ у Ермолова, сохранилъ-ли онъ родословную? Рѣшительный отвѣтъ посла, что она хранится у старшаго въ ихъ фамиліи, утвердилъ въ понятіяхъ Персіянъ навсегда мнимое родство Ермолова съ Чингисъ-ханомъ.

Откланявшись Аббасъ-мирзѣ, генералъ Ермоловъ выѣхалъ изъ Тавриса, 20-го сентября. Едва лишь успѣлъ онъ миновать заставу, какъ англійскій повѣренный въ дѣлахъ, со всѣми своими офицерами, нагнавъ его, простился съ нимъ самымъ пріятельскимъ образомъ.

10 октября 1817 года, Ермоловъ возвратился въ Тифлисъ. Еще не доѣзжая до русской границы, встрѣтилъ онъ офицера, присланнаго къ нему съ донесеніемъ о смерти генералъ-маіора Кутузова, командовавшаго войсками въ Грузіи: „въ немъ потерялъ я — говоритъ Ермоловъ — вѣрнаго друга, наилучшаго помощника по службѣ".... ([10]).

Немедленно по возвращеніи въ Тифлисъ, Ермоловъ составилъ соображеніе наивыгоднѣйшей по возможности обороны Кавказской Линіи отъ горскихъ набѣговъ. Правый флангъ Линіи былъ обезпеченъ несогласіемъ и взаимною враждою Закубанцевъ; обитавшіе страну противъ центра Линіи Кабардинцы, понеся страшныя потери отъ язвы, были безсильны. Напротивъ того, положеніе Лѣваго фланга внушало справедливыя опасенія; жившіе противъ него Чеченцы, подчиненные владычеству немногихъ господствовавшихъ между ними фамилій, сохраняли единство въ своихъ предпріятіяхъ и производили весьма дерзкіе набѣги, которыхъ успѣхъ поощрялъ къ хищни-

честву и прочіе народы. Экспедиціи въ ихъ землю стоили намъ много людей и вовсе не достигали цѣли—покоренія горцевъ. По мнѣнію Ермолова, оставалось только одно средство для отнятія у Чеченцевъ возможности производить разбои, именно—занять теченіе рѣки Сунжи рядомъ укрѣпленій: такая мѣра могла послужить къ стѣсненію хищниковъ въ ихъ горахъ и къ отнятію у нихъ пастбищныхъ мѣстъ, на которыхъ во всю зиму укрывали они стада свои отъ жестокой стужи. Селенія, устроенныя по Тереку, былибы охранены отъ набѣговъ, а. со временемъ, продоливъ Линію чрезъ аксаевскія и андреевскія селенія до рѣки Сулака, можно было прикрыть Кизляръ, городъ, приносящій казнѣ значительные доходы. Предполагая занять линію по Сунжѣ не вдругъ, (что̀ потребовало-бы чрезвычайныхъ средствъ), а постепенно въ два года, Ермоловъ считалъ достаточнымъ прибавить къ войскамъ на Линіи одинъ комплектный егерскій полкъ ([11]).

Наградою Ермолова за успѣшное посольство въ Персію было производство его въ генералы отъ инфантеріи. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, поздравляя его съ Царскою милостью, писалъ ему:

„Почтеннѣйшій, любезнѣйшій и храбрѣйшій, старинный другъ и товарищъ, Алексѣй Петровичъ!

„Достойному достойное! Истинно отъ всего сердца я весьма обрадованъ былъ повышеніемъ вашимъ, и отъ всей искренности спѣшу Ваше В. Превосходительство поздравить съ онымъ. Всякъ, кто безпристрастенъ и не терзаемъ завистію, знавши дарованія ваши, вѣрно будетъ для пользы отечества доволенъ симъ, и, кажется, теперь искренній вашъ другъ, князь Левъ Михайловичъ *), остался назади.

*) Яшвиль, произведенный въ генералы отъ артиллеріи въ слѣдующемъ году.

„Остается мнѣ желать, любя и уважая васъ, успѣховъ во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ, и прошу быть удостовѣрену въ чувствахъ особеннаго моего къ вамъ всегдашняго уваженія и дружбы“ ([12]).

Графъ Аракчеевъ, поручая сына одного изъ своихъ знакомыхъ Ильина въ покровительство Ермолова, писалъ къ нему: „Во первыхъ, поздравляю ваше В. Пр-во съ полученіемъ Монаршей милости. Вотъ всегда исполняется старинная пословица: За Богомъ молитва, а за Государемъ служба никогда не пропадаетъ. Желаю вамъ, Милостивый Государь, болѣе всего теперь здоровья, а тамъ, Богъ дастъ, будете и фельдмаршаломъ, и тогда я намѣренъ проситься къ вамъ, въ начальники штаба вашего“ ([13]).

Генералъ Ермоловъ, получивъ Высочайшее соизволеніе на занятіе Сунжи, а равно на подчиненіе ему Каспійской флотиліи, изложилъ подробнѣе свои виды въ донесеніи Государю ([14]), и въ началѣ апрѣля 1818 года отправился на Кавказскую Линію, по обозрѣніи коей, во второй половинѣ мая прибылъ въ Червленную станицу (гребенскаго войска), гдѣ къ тому времени собрался назначенный въ экспедицію отрядъ, въ составѣ шести баталіоновъ и 500 донскихъ и линейныхъ казаковъ, съ 16-ю орудіями ([15]).

24-го мая, весь отрядъ переправился на правый берегъ Терека, а на слѣдующій день перешелъ на Сунжу. Чеченцы, живущіе по лѣвую сторону этой рѣки, не сдѣлали ни одного выстрѣла; немногіе лишь изъ нихъ, отъявленные разбойники, бѣжали; прочіе же всѣ, давъ заложниковъ, появлялись въ русскомъ лагерѣ, гдѣ приказано было обходиться съ ними ласково. Самъ Ермоловъ, не скрывая отъ нихъ своего намѣренія—построить въ землѣ ихъ крѣпость, увѣрялъ, что пришелъ не для наказанія ихъ за прежнія злодѣйства, и требовалъ только, чтобы они возвра-

тили захваченныхъ ими плѣнныхъ. Между тѣмъ, продолжавшіеся сряду цѣлыя три недѣли, проливные дожди и холодная погода не позволяли нашимъ войскамъ не только приступить къ работамъ, но даже приготовлять нужные къ тому матеріалы. Чеченскіе старшины, пріѣзжавшіе въ лагерь, полагали, что войска наши, простоявъ въ землѣ ихъ нѣкоторое время, отойдутъ обратно за Терекъ, и по тому не выдавали плѣнныхъ, отдѣлываясь пустыми отговорками. Въ послѣдствіи приказано было селеніямъ, отъ коихъ были у насъ аманаты, доставлять лѣсъ на наши постройки. Ближайшія повиновались; прочія-же, и въ особенности тѣ, которыя находились за тѣсниною, поросшею частымъ лѣсомъ, именуемою Ханъ-Кале, отказали въ доставкѣ лѣса и объявили на отрѣзъ, что не хотятъ имѣть никакихъ сношеній съ Русскими. Рѣдкая ночь проходила безъ тревоги въ нашемъ лагерѣ; горцы, подъѣзжая къ противоположному берегу Сунжи, стрѣляли по нашимъ войскамъ и тревожили передовые посты. Не надѣясь однакоже на свои силы, Чеченцы послали просить помощи у лезгинъ и другихъ горскихъ народовъ; тогда-же получены извѣстія, что мехтулинцы и акушинцы, подстрекаемые аварскимъ ханомъ и грузинскимъ царевичемъ Александромъ, вооружились противъ тарковскаго Шамхала, требуя, чтобы онъ отказался отъ повиновенія Русскимъ, и что многіе изъ его собственныхъ подданныхъ приняли сторону Акуши. Командующій войсками въ кубанской провинціи и Дербентѣ также донесъ о духѣ мятежа, распространяющемся въ Дагестанѣ, и о возстаніи горцевъ противъ Шамхала и Уцмея каракайдацкаго, состоявшихъ подъ покровительствомъ Россіи. Изъ перехваченныхъ писемъ царевича Александра къ Аббасу-мурзѣ и министру его, мирзѣ Безюрку, оказалось, что персидскій Наслѣдникъ посылалъ царевичу

деньги, для возбужденія жителей Дагестана противъ Русскихъ. Получивъ эти свѣдѣнія, генералъ Ермоловъ немедленно приказалъ генералъ-маіору Пестелю, съ двумя баталіонами, нѣсколькими казачьими сотнями и шестью орудіями, двинуться къ городу Башлы, заключавшему до трехъ тысячъ семействъ, наиболѣе враждебныхъ Уцмею, удерживать ихъ въ повиновеніи своему владѣтелю и потребовать аманатовъ отъ акушинскаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дано было знать аварскому хану, чтобы онъ старался обуздать наглость акушинцевъ, а въ Акушу писано, что, какъ тамошніе жители обязались присягою не дѣлать набѣговъ на русскія владѣнія, то нарушеніе этого обязательства не останется безъ наказанія, и что мы сочтемъ нападеніе на земли Шамхала и Уцмея за непріязненныя дѣйствія противъ Россіи.

Между тѣмъ работы на Сунжѣ начались прегражденіемъ тѣснины Ханъ-Кале глубокимъ рвомъ и валомъ и высылкою карауловъ и пикетовъ по всѣмъ дорогамъ ведущимъ въ Чечню. Потомъ приступлено къ сооруженію вблизи отъ входа въ тѣснину крѣпости, названной *Грозною*. Чеченцы старались мѣшать работѣ, такъ что наши солдаты нерѣдко были принуждены, оставляя шанцовой инструментъ, браться за ружья. Въ продолженіи лѣта русскіе отряды выдерживали нѣсколько упорныхъ перестрѣлокъ съ горцами и отбили нападеніе непріятельской конницы, состоявшей изъ чеченцовъ и лезгинъ, кои, перейдя вбродъ черезъ Сунжу, кинулись на транспортъ, шедшій съ Кавказской Линіи въ Грозную, но, потерпѣвъ пораженіе, ушли обратно въ величайшемъ безпорядкѣ. Въ половинѣ октября, всѣ крѣпостныя земляныя работы были окончены, для гарнизона приготовлены землянки и для вооруженія крѣпости доставлена ар-

тиллерія. Чеченцы убѣдились, что Русскіе останутся на Сунжѣ.

Тогда-же разнесся слухъ, будтобы Пестель былъ атакованъ въ Башлахъ дагестанцами въ значительныхъ силахъ. Отъ Постеля давно уже не было донесеній, а изъ Кази-юртскаго укрѣпленія дали знать Ермолову, что сообщеніе съ Дербентомъ прервано, и что послѣднее предписаніе корпуснаго командира генералъ-маіору Пестелю не могло быть отослано. Генералъ Ермоловъ не надѣялся своевременно придти къ нему въ помощь, но разсчитавъ, что появленіе вспомогательнаго отряда во владѣніяхъ Шамхала отвлечетъ акушинцевъ и другихъ дагестанцевъ на защиту собственныхъ границъ, выступилъ, 25 октября, изъ Грозной, съ 5-ю баталіонами и тремя стами линейныхъ казаковъ, при 14-ти орудіяхъ ([16]), въ числѣ всего на все 3,200 человѣкъ, оставя въ крѣпости девять ротъ 16-го егерскаго полка и 400 линейныхъ казаковъ съ 6-ю орудіями.

Время было дорого: 23 октября, появились въ виду города Башлы, занятаго двумя тысячами человѣкъ, подъ начальствомъ Пестеля, аварскій султанъ, братъ его и бывшій кубинскій владѣлецъ Шихъ-Али-ханъ, съ 20-ю тысячами дагестанцевъ. Только Шамхалъ и городъ Тарки остались вѣрны Россіи. Войска наши были застигнуты въ расплохъ, но храбро оборонялись цѣлыхъ трое сутокъ, пока, наконецъ, недостатокъ въ продовольствіи и крайнее изнуреніе солдатъ не заставили Пестеля очистить Башлы и отступить сперва къ рѣкѣ Бугамѣ, а потомъ въ Дербентъ. Потеря непріятеля простиралась до 2,000 человѣкъ убитыхъ и вдвое болѣе раненыхъ; съ нашей стороны убито 3 офицера и 137 нижнихъ чиновъ; ранено 9 офицеровъ и 269 нижнихъ чиновъ ([17]). При отрядѣ находилось 29 дагестанскихъ заложни-

ковъ, изъ числа коихъ, въ послѣдствіи, по приказанію Ермолова, семнадцать были повѣшены, а остальные, малолѣтные, оставлены въ Дербентѣ.

Генералъ Ермоловъ, переправясь черезъ Сунжу, близъ устья этой рѣки, у селенія Брагунъ, пришелъ въ Андрееву деревню, 29 октября, и далъ войскамъ днёвку, а по прибытіи въ Тарки, 3-го ноября, расположилъ ихъ по квартирамъ, по случаю проливныхъ дождей не позволявшихъ идти далѣе. Шамхалъ находился при отрядѣ Пестеля; въ городѣ господствовали смятеніе и безпорядокъ. Въ измѣнѣ Ахметъ-хана аварскаго не было ни малѣйшаго сомнѣнія, хотя въ письмѣ къ Ермолову онъ старался оправдать свои вѣроломные поступки и предлагалъ услуги къ успокоенію Дагестана. „Не прибавляйте къ вашей гнусной измѣнѣ Государю великому и великодушному обмана – писалъ Ермоловъ хану. — Мнѣ давно извѣстно ваше поведеніе, и я знаю, что по вашему внушенію жители Дагестана возмутились и осмѣлились сразиться съ русскими войсками. На васъ падутъ проклятія обманутыхъ вами дагестанцевъ. Вы не защитите ихъ, и если соберете подобныхъ себѣ мошенниковъ, жестоко наказаны будете. Такова всегда участь подлыхъ измѣнниковъ!“ ([18]). Какъ, между тѣмъ, аварскій ханъ продолжалъ собирать ополченія, то генералъ Ермоловъ, оставя въ Таркахъ лишнія тяжести, подъ прикрытіемъ трехъ сотъ человѣкъ съ двумя орудіями, выступилъ, 11-го ноября, съ остальными войсками, къ Параулу, бывшей резиденціи хана. Пройдя пятнадцать верстъ чрезъ рядъ тѣснинъ, отрядъ ввечеру достигъ подошвы горы Талгинъ, на вершинѣ которой стоялъ Ахметъ-ханъ съ своими полчищами. Горцы встрѣтили нашихъ выстрѣлами и ругательствами; русскіе солдаты рвались въ бой; офицеры толковали между собою о неотла-

гательномъ нападеніи; но какъ атака съ фронта, по чрезвычайно крутому скату, перекопанному непріятелемъ, была весьма трудна, и надлежало разузнать мѣсто для обхода, то велѣно было, отойдя нѣсколько назадъ, остановиться на ночлегъ и варить кашу. Ободренные мнимымъ бездѣйствіемъ русскихъ войскъ, Лезгины и Чеченцы, предались шумной радости; съ наступленіемъ ночи, горы освѣтились кострами и раздались громкія пѣсни горцевъ. А, между тѣмъ, часу въ девятомъ вечера, Ермоловъ, подозвавъ къ себѣ незадолго предъ тѣмъ вырученнаго имъ изъ плѣна, маіора Швецова, приказалъ ему взять незамѣтно второй баталіонъ Кабардинскаго полка, и какъ можно тише провести его вправо, въ обходъ непріятеля. Кабардинцы выступили такъ тихо, что наши прочія войска не замѣтили ихъ движенія, и пройдя чрезъ лѣсъ по узкой тропинкѣ, взобрались на высоту и ударили во флангъ безпечно отдыхавшимъ горцамъ. Непріятели разсѣялись въ различныя стороны, и нашъ баталіонъ занялъ вершину хребта, потерявъ ранеными только двухъ солдатъ. Прочія войска устремились бѣгомъ и заняли прежнюю непріятельскую позицію. „Вотъ господа, какъ должно беречь русскую кровь!“ — сказалъ Ермоловъ собравшимся кругомъ его офицерамъ.

Весь слѣдующій день подымались на гору артиллерія и обозы отряда; а 13 ноября, войска, спустясь въ долину, заняли Параулъ, откуда жители бѣжали въ лѣса, оставя въ своихъ домахъ богатые запасы. Тогда-же послано приказаніе Пестелю — немедленно идти къ Башлы и занять это давнее гнѣздо разбойниковъ, что̀ и было исполнено. Самъ-же Ермоловъ, 14-го, выступилъ къ селенію Большой-Джангутай, въ десяти верстахъ отъ Параула. Тамъ впереди и нѣсколько правѣе селенія, на весьма крутой

горѣ, стоялъ непріятель за окопами и засѣками, примыкая лѣвымъ флангомъ къ крайнимъ домамъ раскинутымъ на противоположномъ скатѣ, и занявъ правымъ сады у рѣчки. Густой туманъ, не дозволявшій ничего видѣть въ нѣсколькихъ шагахъ, способствовалъ, высланнымъ впередъ, начальнику штаба, генералъ-маіору Вельяминову, и полковнику Верховскому, овладѣть на штыкахъ непріятельскою позиціей; но, за то, и горцы были обязаны спасеніемъ своимъ туману, который помѣшалъ казакамъ отрѣзать непріятелю путь отступленія. Селеніе Большой-Джангутай, принадлежавшее заклятому врагу Русскихъ, брату аварскаго хана, было предано пламени; изъ шестисотъ домовъ, находившихся въ селеніи, пощажена только небольшая часть для пристанища жителей просившихъ прощенія. На слѣдующій день, посланъ отрядъ, чтобы разорить селеніе Малый-Джангутай. Жители всей окрестности, пораженные страхомъ, покорились. Войска генерала Ермолова, возвратясь въ Параулъ, оставались тамъ для отдыха двое сутокъ, потомъ перешли въ Карабудагкентъ и оттуда, 20 ноября, въ Тарки. Туда явились родственникъ Уцмея и многіе старшины вольныхъ обществъ съ изъявленіемъ покорности русскому правительству. Генералъ Ермоловъ, поручивъ Шамхалу водворить спокойствіе въ его собственныхъ и сосѣдственныхъ владѣніяхъ, возвратился на Линію и 30 ноября переправился черезъ Терекъ, въ Старогладковской станицѣ. Войска, бывшія безпрерывно семь мѣсяцевъ на работахъ и въ походѣ, расположились на зимнихъ квартирахъ, и самъ главнокомандующій возвратился въ Тифлисъ, 25-го декабря.

Экспедиція, совершенная Ермоловымъ, не согласовалась съ миролюбивыми видами Императора Александра (19). Но Ермоловъ оправдывался необходи-

мостью вести военныя дѣйствія. „Нельзя избѣгать ихъ—говорилъ онъ—когда дерзкій непріятель приходитъ съ угрозами“.

Въ началѣ 1819 года, Ермоловъ уже вполнѣ ознакомясь съ положеніемъ ввѣреннаго его управленію края, сдѣлалъ Всеподданнѣйшее представленіе объ усиленіи отдѣльнаго Грузинскаго корпуса тремя полками пѣхоты и двумя ротами легкой артиллеріи, не считая 8-го егерскаго полка, временно причисленнаго къ корпусу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считалъ нужнымъ, для обороны крѣпостей, прибавить, въ продолженіи трехъ лѣтъ, еще 14,000 человѣкъ. Императоръ Александръ—„не находя возможнымъ увеличить составъ Грузинскаго корпуса безъ разстройства прочихъ армій, коихъ число и составъ опредѣлены по зрѣломъ размышленіи“, счелъ полезнымъ выслать десять пѣхотныхъ полковъ на укомплектованіе и смѣну полковъ Грузинскаго корпуса, которое присылкою рекрутъ никогда не достигалось —„ибо отъ столь дальняго перехода и непривычки переносить трудности, потери въ нихъ были всякій разъ весьма значительны“. Число полковъ, составлявшихъ корпусъ, должно было остаться прежнее, т. е. 8 пѣхотныхъ, 4 егерскихъ, 2 гренадерскихъ и 1 карабинерный, всего-же 15 полковъ, каждый изъ коихъ предписано привести въ 3,900 человѣкъ (300 унтеръ-офицеровъ и 3,600 рядовыхъ). Такимъ образомъ, въ корпусѣ можно было имѣть подъ ружьемъ болѣе 50,000 человѣкъ, изъ коихъ для обороны крѣпостей назначались вторые баталіоны всѣхъ пѣхотныхъ полковъ, кромѣ гренадерской бригады, въ числѣ 15,600 человѣкъ; а за тѣмъ оставалось для дѣйствій въ полѣ до 40,000 человѣкъ. Тогда-же повелѣно прислать назадъ кадры полковъ: Севастопольскаго, Троицкаго, Суздальскаго, Вологодскаго, Казанскаго, Бѣлевскаго,

8-го, 9-го, 15-го, 16-го и 17-го егерскихъ, а въ замѣну ихъ посылаемые полки распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Въ 19-ю дивизію, полки: Кабардинскій, Тенгинскій, Навагинскій, Мингрельскій, 43-й и 45-й (въ послѣдствіи переименованный въ 44-й) егерскіе.

Во 20-ю дивизію, полки: Апшеронскій, Ширванскій, Куринскій, Тифлисскій, 41-й и 42-й егерскіе ([20]).

Генералъ Ермоловъ, считая весьма важнымъ прочное занятіе Андреевскаго селенія, испросилъ Высочайшее соизволеніе на постройку тамъ крѣпости. Начальникъ штаба генералъ-маіоръ Алексѣй Александр. Вельяминовъ былъ отправленъ на Линію, съ приказаніемъ осмотрѣть укрѣпленія на Сунжѣ, Назрановскій редутъ при селеніяхъ ингушей и Преградный Станъ, сооруженный генераломъ Дельпоццо. Какъ построеніе Андреевской крѣпости не могло быть окончено прежде глубокой осени 1819 года, а до того времени надлежало поддерживать преданнаго намъ Шамхала и наблюдать за возмутившимися народами въ Дагестанѣ, кои готовились идти въ помощь чеченцамъ, то Ермоловъ, не имѣя возможности послать туда значительныя силы, ввѣрилъ назначенный въ дагестанскую экспедицію отрядъ генералъ-маіору князю Мадатову, который, будучи извѣстенъ быстротою и рѣшимостью своихъ дѣйствій, подавалъ надежду, какъ уроженецъ Карабага, принести несомнѣнную пользу, знаніемъ страны и знакомствомъ съ жителями. Самъ-же Ермоловъ, получивъ нѣкоторыя подкрѣпленія, которыя однакоже были недостаточны для укомплектованія корпуса, отправился 17 іюня на Кавказскую линію, и оттуда къ Андреевскому селенію,

гдѣ въ половинѣ іюля начались работы. Отрядъ, высланный туда, состоялъ изъ трехъ баталіоновъ 8-го егерскаго и двухъ баталіоновъ Кабардинскаго полковъ, трехъ сотъ казаковъ и одной піонерной роты, съ 16-ю орудіями; а, между тѣмъ, въ началѣ августа 1819 года, въ селеніи Исталярѣ, собрался отрядъ Мадатова, въ составѣ двухъ баталіоновъ съ 8-ю орудіями, 300 казаковъ и 650 человѣкъ конницы, изъ карабагцевъ, ширванцевъ и шекинцевъ, коихъ князь Мадатовъ склонилъ къ вооруженію противъ ихъ единовѣрцевъ: это былъ первый примѣръ безпрекословнаго повиновенія и преданности горцевъ русскому начальнику. Замѣтить должно, что татарская конница выступила въ походъ на собственномъ содержаніи; къ ней присоединилось 500 всадниковъ постоянно вѣрнаго русскому правительству, Асланъ-хана кюринскаго: такимъ образомъ половина отряда состояла изъ мусульманъ. „Ты вѣрно уже пришелъ съ иностранными твоими легіонами — писалъ Ермоловъ князю Мадатову. — Предвижу, что нельзя будетъ барону Вреде дать тебѣ столько войскъ, сколько предполагалъ Иванъ Александровичъ *), но въ томъ нѣтъ нужды, ибо не время еще рѣшительныхъ дѣйствій. Теперь надобно ограничиться наблюденіемъ за Табасаранью и пользоваться случаями дѣлать возможный вредъ Абдулъ-беку Ерсинскому, зятю Шихъ-Али-хана". (бывшаго дербентскаго хана, бѣжавшаго къ горцамъ). Нѣсколько дней спустя, Ермоловъ, извѣстивъ Мадатова о намѣреніи Шихъ-Али-хана идти съ акушинцами въ кубинскую провинцію, совѣтовалъ открыть съ ними переговоры, для выигранія времени, но не дѣлать никакихъ письменныхъ объ-

*) Генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ 1-й, братъ начальника корпуснаго штаба.

щаній, а отозваться, что для этого слѣдуетъ испросить разрѣшеніе главнаго начальника. Далѣе, въ томъже письмѣ Ермолова, находимъ: „Уцмей Каракайдакскій не упуститъ вступить съ вами въ сношеніе, ибо онъ всѣми пользуется случаями оказать намъ преданность, когда то не стоитъ ему ни труда, ни малѣйшихъ пожертвованій, и когда надѣется, ничего въ пользу нашу не дѣлая, сохранить къ себѣ довѣренность непріятелей нашихъ. Ему вы, какъ человѣкъ посторонній, откровенно будете говорить, что не такимъ какъ его поведеніе доказывается вѣрность Государю, и что того недовольно, чтобы явно не участвовать въ намѣреніяхъ непріятелей, но должно вѣрноподданному быть явно противъ оныхъ. Всегда мнѣнію вашему давайте видъ дружеской откровенности" ([21]). Въ послѣдующихъ письмахъ Ермолова къ Мадатову, безпрестанно встрѣчаются наставленія, преисполненныя недовѣрчивости къ горцамъ и владѣтелямъ ихъ ([22]).

Дѣйствія князя Мадатова были весьма успѣшны. Выступивъ съ отрядомъ изъ Исталяра въ Табасарань, онъ быстро перешелъ къ селенію Марагѣ. Тамъ получены были свѣдѣнія о сборѣ полчищъ Абдулъ-бека Ерсинскаго въ считавшемся неприступнымъ селеніи Хошни, въ тридцати верстахъ отъ Мараги. Въ ночи съ 13-го на 14-е августа, князь Мадатовъ, оставя часть отряда для прикрытія обозовъ, построенныхъ въ каре у Мараги, выступилъ съ отборнными войсками и 4-мя орудіями къ Хошни. Отрядъ шелъ по дорогамъ совершенно неизвѣстнымъ, чрезъ ущелья горъ и густые лѣса, по весьма крутымъ подъемамъ и спускамъ. Орудія перетаскивались, большею частью, на рукахъ, а колёса, при сближеніи къ непріятелю, обвертывались шинелями, чтобы подойти по возможности неожиданно къ по-

зиціи занятой горцами. Съ разсвѣтомъ, отрядъ находился на вершинѣ высокой горы, откуда крутой и лѣсистый спускъ велъ въ долину, усѣянную множествомъ утухавшихъ огней: то былъ непріятельскій бивакъ у селенія Хошни, до котораго оставалось версты четыре. Завидя горскій лагерь, татарская конница и казаки пошли впередъ на малыхъ рысяхъ; пѣхота, забывъ усталость, устремилась за ними бѣгомъ, но еще до прибытія ея дѣло было рѣшено ударомъ конницы. Непріятель, ошеломленный внезапнымъ нападеніемъ, кинулся бѣжать, и по тому потери обѣихъ сторонъ были незначительны; въ числѣ раненыхъ находился самъ Абдулъ-бекъ. Селеніе Хошни было оставлено въ цѣлости, кромѣ дома и сада, принадлежавшихъ беку, которые истреблены въ наказаніе за его измѣну. На другой-же день явились съ покорностью въ русскій лагерь всѣ старшины шести табасаранскихъ магаловъ (округовъ); князь Мадатовъ, именемъ Государя, объявилъ имъ прощеніе и торжественно привелъ ихъ къ присягѣ на вѣрность россійской державѣ, послѣ чего, поручивъ управленіе Табасаранью зятю Шамхала, возвратился съ отрядомъ къ деревнѣ Марагѣ ([23]).

Получивъ донесеніе отъ князя Мадатова объ одержанной имъ побѣдѣ, Ермоловъ писалъ ему:“ Цѣлую тебя, любезный мой Мадатовъ, и поздравляю съ успѣхомъ. Ты предпринялъ дѣло смѣлое и кончилъ славно! Весьма хорошо, что сіе произошло въ самое то время, когда дагестанская каналья дѣлаетъ противъ насъ заговоръ и присягу. Теперь не время помышлять имъ о истребленіи невѣрныхъ, надобно думать о собственной защитѣ. — Нѣкоторое время долженъ я, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ, стѣснить твою дѣятельность, но сего требуютъ обстоятельства. Потерпи немного; недалеки случаи, гдѣ

службѣ Царя нашего полезны будутъ храбрость и усердіе твои. Еслибы могъ я такъ положиться на каждаго изъ моихъ товарищей, то не столько было-бы мнѣ трудно, ибо ты не менѣе каждаго дѣлаешъ по должности, и не мало еще по дружбѣ ко мнѣ и давней свычкѣ.—Ты не воображаешъ, сколько я восхищенъ, что подъ твоимъ начальствомъ служатъ Татары храбро. Я все это опишу въ рапортѣ Государю, и увѣренъ, что сколько будетъ онъ доволенъ, столько и смѣяться будетъ" (?). Въ другомъ письмѣ, Ермоловъ, поздравляя Мадатова съ побѣдою, писалъ ему: „Разбитіе Абдула-бека должно необходимо имѣть вліяніе на наши дѣла, ибо увидятъ непріятели, что, не употребляя войскъ нашихъ въ дѣйствіе, подъ благоразумнымъ начальствомъ вашимъ, и самые жители сей страны сражаются храбро. Зная хорошо отличную всегда службу вашу, возлагая на васъ порученіе, я зналъ уже и самыя послѣдствія"..... ([24]).

Въ продолженіи августа, аварскій ханъ призывалъ къ себѣ горскія племена, обѣщая имъ не только остановить сооруженіе нашей новой крѣпости, но прогнать Ермолова за Терекъ и разорить Кизляръ. Собравъ до 6-ти или 7-ми тысячъ человѣкъ, онъ пришелъ къ селенію Боутугай, въ 16-ти верстахъ отъ Андреевой, лежащему на рѣкѣ Койсу, и занявъ тамъ ущеліе, прикрылся въ немъ окопами и завалами. Ему пришли въ помощь чеченцы и готовились вооружиться жители Кумыха; многіе изъ андреевскихъ узденей и салатавцы также приняли его сторону; всѣ племена, обитавшія кругомъ расположенія Ермолова, измѣнили ему. Горцы нападали на табуны отряда и отогнали до четырехъ сотъ артиллерійскихъ и обозныхъ лошадей; для сообщенія съ Линіей посылались большіе конвои. Войска были принуждены работать не только днемъ, но и по но-

чамъ, чтобы приспособить укрѣпленія къ оборонѣ, на случай нападенія горцевъ до прибытія войскъ, ожидаемыхъ изъ южной Россіи. Когда-же первымъ прибылъ 42-й егерскій полкъ, Ермоловъ, не выжидая прочихъ, рѣшился атаковать аварскаго хана и въ ночь на 29-е августа выступилъ противъ него съ главными силами, оставя небольшой гарнизонъ въ новой крѣпости, у Андреева селенія, получившей названіе *Внезапная*. При сближеніи къ непріятельской позиціи, шедшія въ авангардѣ двѣ роты 8-го егерскаго полка были встрѣчены горцами, которые сперва открыли сильный огонь, а потомъ кинулись на нашихъ солдатъ, съ шашками и кинжалами. Изумленные новымъ для нихъ образомъ боя, егеря отступили въ безпорядкѣ; но нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ остановили непріятеля, а, между тѣмъ, подошли прочія наши войска. Двѣ роты Кабардинскаго полка, ударивъ въ штыки, опрокинули горцевъ за ихъ окопы; селеніе Боутугай было занято нашею пѣхотою; но Ермоловъ, избѣгая напрасной потери, не атаковалъ окоповъ, довольствуясь стѣсненіемъ непріятеля въ горахъ и отрѣзаніемъ его отъ равнины, служившей ему источникомъ продовольствія. Послѣдствія совершенно оправдали такой образъ дѣйствій: въ ночи на 3-е сентября, аварскій ханъ бѣжалъ въ свои владѣнія такъ поспѣшно, что не было возможности догнать его; андреевцы, салатавцы и аксаевцы просили пощады. Войска Ермолова возвратились въ сооружаемую ими крѣпость ([25]).

Отрядъ князя Мадатова оставался на позиціи при селеніи Марага до 1-го сентября, когда Мадатовъ, устроивъ управленіе Табасарани, перешелъ за Дербентъ къ редуту Дарбахъ, на большой дорогѣ въ Тарки. Расположивъ тамъ отрядъ правымъ флангомъ къ Каспійскому морю, князь Мадатовъ прикры-

валъ вновь покоренную Табасарань и держалъ въ страхѣ Терекеменцевъ и другія племена, сосѣдственныя мятежной Акушѣ. Узнавъ вскорѣ за тѣмъ, что въ терекеменскихъ селеніяхъ собирались многочисленныя скопища, онъ выступилъ противъ нихъ, въ ночи на 4-е сентября, взявъ съ собою 500 человѣкъ пѣхоты съ двумя орудіями, 150 казаковъ и часть татарской, кюринской и табасаранской конницы. Несмотря на безпрестанныя препятствія при переходѣ черезъ канавы, служащія для орошенія полей, отрядъ подошелъ на разсвѣтѣ къ мятежнымъ селеніямъ, разбилъ непріятелей, и разсѣявъ ихъ полчища, захватилъ множество женщинъ и дѣтей. Князь Мадатовъ, желая показать горцамъ, какъ великодушны Русскіе, возвратилъ всѣхъ женщинъ и дѣтей къ ихъ семействамъ, и даже освободилъ почти всѣхъ плѣнныхъ. Уронъ непріятеля, убитыми и ранеными, вообще простирался до двухъ сотъ человѣкъ; съ нашей стороны, легко ранены два казака, да изъ татарской конницы убито и ранено 25 человѣкъ ([26]). Получивъ донесеніе Мадатова объ этой побѣдѣ, Ермоловъ писалъ ему: „Одобряю весьма, что возвратили захваченныхъ женщинъ; не говорю ничего и противъ освобожденія плѣнныхъ, ибо полезно вразумить, что Русскіе великодушно даруютъ и самую жизнь, когда (непріятели?) не дѣлаютъ упрямой и безразсудной защиты. Весьма хорошо изволили сдѣлать, что нукеровъ (княжескихъ слугъ) отправили въ крѣпостную работу въ Дербентъ. Они не прежде должны получить свободу, какъ господа ихъ окажутъ намъ опыты несомнѣнной вѣрности. Въ разсужденіи плѣнныхъ, предлагаю в-му сіят-ву къ соблюденію впредь слѣдующее замѣчаніе: внушить войскамъ, чтобы незащищающагося, или паче бросающаго оружіе, щадить непремѣнно. При малѣй-

шей-же защитѣ, истреблять необходимо, и тѣмъ пользуясь, необременять себя излишними и тягостными плѣнными. Отдавшихся, по усмотрѣнію, освобождать, но всегда удерживать бековъ и всякихъ людей и служителей, принадлежащихъ измѣнникамъ противъ насъ дѣйствующимъ, и отправлять ихъ въ крѣпостныя работы"…. ([27]).

За тѣмъ, когда владѣлецъ каракайдагскій Уцмей, сперва просившій защиты Русскихъ отъ мятежниковъ, тревожившихъ его землю, и отъ родственниковъ, оспаривавшихъ его права на господство въ Каракайдагѣ, потомъ измѣнилъ нашему правительству и склонилъ къ тому-же своего сына, присягнувшаго на подданство Россіи, Ермоловъ писалъ князю Мадатову, чтобы онъ старался воспользоваться раздорами между бѣжавшимъ къ нашимъ непріятелямъ Уцмеемъ и родственникомъ его Эмиръ-Гамзою, подавая надежду послѣднему получить уцмейское достоинство, если заслужитъ его преданностью русскому правительству ([28]). Въ другомъ-же письмѣ, Ермоловъ, совѣтывалъ избѣгать опредѣлительныхъ обѣщаній: „Если вамъ удастся — писалъ онъ — снискать довѣренность Эмиръ-Гамзы, и если въ самомъ дѣлѣ онъ будетъ хорошо служить, то можете ему дать почувствовать пріятность управлять симъ краемъ, но берегитесь ему обѣщать уцмейскій титулъ, ибо намъ невыгодно оставлять его, особливо по тому, что я надѣюсь, что чрезъ нѣсколько лѣтъ сія провинція будетъ управляться Русскими. Наблюдайте за предпріятіями Уцмея и не теряйте его изъ вида. Я полагаю, что онъ будетъ искать помощь у Акушинцевъ…. Не стращайте ихъ, но старайтесь ихъ угомонить. Они не обижаются, если ихъ называютъ скотами, но стращанія ихъ раздражаютъ".

Въ концѣ сентября, князь Мадатовъ, находясь

съ своимъ отрядомъ у терекеменскихъ селеній, узналъ, что въ Башлахъ собираются значительныя непріятельскія силы, въ числѣ коихъ было до трехъ тысячъ человѣкъ Уцмея, подъ начальствомъ Абдулъбека Ерсинскаго. Какъ ущеліе, чрезъ которое пролегала дорога въ Башлы, было наблюдаемо горцами, и нельзя было нечаянно атаковать ихъ позицію, то Мадатовъ счелъ нужнымъ вести войска свои въ два перехода, чтобы не изнурять ихъ напраснымъ форсированнымъ маршемъ. Отрядъ, проведя ночь, на 5-е октября у входа въ ущеліе, въ 16-ти верстахъ отъ Башлы, на другой день съ разсвѣтомъ двинулся далѣе. Князь Мадатовъ, приблизясь къ селенію версты на двѣ, гдѣ тѣснина, расширяясь, образуетъ долину, построилъ отрядъ въ боевой порядокъ и сдѣлалъ привалъ на полчаса, а самъ съ нѣсколькими всадниками выѣхалъ нѣсколько впередъ для обозрѣнія непріятельской позиціи. Селеніе Башлы, лежащее на отлогой покатости, было оставлено горцами; а вершину горы, покрытую лѣсомъ, занимали густыя толпы вооруженныхъ людей со множествомъ разноцвѣтныхъ значковъ. Въ продолженіи обозрѣнія, непріятель завязалъ перестрѣлку и ранено было съ нашей стороны нѣсколько человѣкъ татарской конницы. Вслѣдъ за тѣмъ, артиллерія открыла огонь, по селенію картечью, а по толпамъ стоявшимъ на вершинѣ горы — ядрами и гранатами; нѣсколько спустя, пѣхота пошла впередъ тремя колоннами; кавалерія-же оставалась въ резервѣ. Непріятель открылъ сильный ружейный огонь по ближайшей батареѣ и по наступавшимъ колоннамъ; но нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ картечью заставили его бѣжать въ лѣсъ, на вершинѣ горы, и только лишь немногіе смѣльчаки, засѣвъ въ каменномъ строеніи, продолжали обороняться; чтобы вытѣснить ихъ оттуда, Мадатовъ послалъ въ обходъ баталіонъ

съ четырьмя орудіями, что заставило горцевъ очистить крѣпкое строеніе и обратиться въ бѣгство. Эта побѣда стоила намъ всего 3-хъ убитыхъ и 20-ти раненыхъ. „Въ Грузіи солдатъ дорогъ; даромъ его не трать“ — говорилъ князь Мадатовъ. Домà Уцмея и главныхъ сообщниковъ его были сожжены, и Мадатовъ угрожалъ истребить все селеніе, ежели жители тотчасъ не изъявятъ покорности. Чрезъ часъ явились старшины, присягнули на вѣрность Россійскому Императору, дали заложниковъ, внесли подать и обязались немедленно доставить скотъ и хлѣбъ для продовольствія войскъ. Князь Мадатовъ, съ своей стороны, желая успокоить скрывшихся въ лѣсахъ Башлынцевъ, приказалъ отряду отойти на ночлегъ на прежнюю позицію.

Чтобы довершить покореніе Каракайдага, Мадатовъ рѣшился идти противъ Уцмея, занявшаго весьма крѣпкую позицію, за тѣсниною у Энгикента. Жители покоренной части владѣнія Уцмея выставили нѣсколько сотъ всадниковъ для содѣйствія русскому отряду: это подкрѣпленіе доставило важную выгоду Мадатову, разъединивъ силы враждебной страны. Отъ лагеря нашихъ войскъ до Энгикента считалось около 50 верстъ. Князь Мадатовъ, пройдя часть этого разстоянія, расположился, въ ночи на 22-е октября, у входа въ ущеліе, ведущее къ Энгикенту. На слѣдующее утро отрядъ выступилъ противъ непріятеля, имѣя въ головѣ вновь сформированную милицію изъ Терекеменцевъ. Баталіонъ Троицкаго полка сбилъ непріятеля съ укрѣпленныхъ высотъ, послѣ чего наши войска заняли Энгикентъ, потерявъ всего на все 4 человѣка убитыми и 7 ранеными. Старшины верхняго Каракайдага присягнули на вѣрноподданство русскому правительству. Такимъ образомъ, вытѣснивъ Уцмея изъ принадлежавшей ему страны, князь Ма-

датовъ возвратился въ лагерь при редутѣ Дарбахѣ, близъ Дербента ([29]).

Генералъ Ермоловъ, желая наказать Качкалыковъ за грабительства между Грозною и Терекомъ, приказалъ генералъ-маіору Сысоеву, съ 6-ю ротами и семьюстами линейныхъ и донскихъ казаковъ, при 4 орудіяхъ, напасть внезапно на одно изъ главныхъ селеній мятежнаго племени, Дада-юртъ. Это порученіе было исполнено 15 сентября. Непріятель, выбитый изъ окоповъ, оборонялся отчаянно въ домахъ, и даже нѣсколько женщинъ приняли участіе въ бою, кидаясь съ кинжалами на нашихъ солдатъ. До 500 человѣкъ погибло подъ развалинами своихъ жилищъ и только 14 раненыхъ взяты въ плѣнъ; съ нашей стороны убито 50 и ранено 180 человѣкъ. Самъ Сысоевъ былъ раненъ пулею въ ногу ([30]). Главное изъ качкалыкскихъ селеній, Истису (Горячевское) и нѣсколько другихъ были разорены, въ началѣ октября, отрядомъ, подъ личнымъ начальствомъ Ермолова ([31]).

Въ продолженіи времени этихъ дѣйствій, акушинцы, несмотря на данныя ими обѣщанія — не дозволять аварскому хану и его брату враждебныхъ покушеній противъ Шамхала — помогали нашимъ непріятелямъ. Пользуясь ихъ содѣйствіемъ, братъ аварскаго хана заставилъ Шамхала оставить Тарки; тогда-же акушинцы заняли земли вольныхъ обществъ, намъ преданныхъ, и прервали сообщенія Ермолова съ отрядомъ князя Мадатова, а другія дагестанскія племена, пройдя чрезъ владѣнія вѣроломнаго Сурхая, хана Казыкумыцкаго, напали на укрѣпленіе Чирахъ. Всѣ эти покушенія показывали необходимость наказать акушинцевъ, служившихъ опорою прочимъ народамъ Дагестана. „Извѣстно было — говоритъ Ермоловъ — что ударъ, имъ нанесенный, прочіе народы, какъ слабѣйшіе, удержитъ въ страхѣ и покорности“.

Работы въ крѣпости Внезапной были по возможности ускорены; жилища для гарнизона, на зимнее время, сооружены; артиллерія доставлена. Всѣ приготовленія къ предположенной экспедиціи были окончены къ началу ноября.

Получивъ свѣдѣніе, что акушинцы намѣревались занять Тарки, генералъ Ермоловъ выслалъ туда полковника Верховскаго, съ 4-мя баталіонами при 12-ти орудіяхъ, къ 11 ноября, и самъ, оставя одинъ баталіонъ для охраненія Внезапной, выступилъ съ прочими войсками и прибылъ, 14 ноября, въ Тарки, гдѣ предполагалъ оставаться до прибытія отряда князя Мадатова изъ Каракайдага, для соединенія съ нимъ и для заготовленія провіанта. „Завтрешняго, 17-го числа — писалъ онъ Мадатову — выступаютъ къ вамъ на встрѣчу, до Буйнака, три баталіона и восемь орудій. Предлагаю вамъ немедленно выступить и прибыть въ Урусъ-Булакъ, въ два перехода; оттуда вы будете слѣдовать до Карабудакента, гдѣ оставя баталіонъ Апшеронскаго полка съ двумя орудіями, вы отошлете назадъ два остальные баталіона съ артиллеріею. Вы увидитесь со мною прежде начатія операціи. Баталіонъ Апшеронскаго полка будетъ смѣненъ баталіономъ Троицкаго полка, что я постараюсь скоро исполнить, и сей баталіонъ будетъ прикрывать транспортъ съ провіантомъ, идущій для вашего отряда. Слѣдуя къ Урусъ-Булаку, возьмите всѣ предосторожности, дабы акушинцы не помѣшали вамъ соединиться съ моими войсками. Увѣдомьте меня, когда выступите, и вторично, когда прибудете въ Урусъ-Булакъ“ (32). На слѣдующій день, было предписано Мадатову, по прибытіи въ Карабудакентъ, оставить при себѣ Троицкій баталіонъ съ двумя орудіями, а баталіоны Апшеронскій и Куринскій съ шестью орудіями отправить обратно въ Тарки (33).

Вслѣдъ за тѣмъ, Ермоловъ писалъ ему-же, чтобы онъ, проходя съ отрядомъ чрезъ селенія Губденъ и Карабудакентъ, обходился съ жителями какъ можно ласковѣе и старался, чтобы наши войска сколь можно меньше имъ были въ тягость. „Я полагаю — продолжалъ онъ, — что губденскіе старшины будутъ у васъ просить позволенія вооружиться противъ Акушинцевъ, или, по крайней мѣрѣ, участвовать въ грабежѣ, къ чему ихъ и надобно ободрять, дабы поселить между ними вражду"... (34).

Отрядъ князя Мадатова, выступивъ изъ окрестностей Дербента, 18 ноября, прошелъ въ три перехода 120 верстъ, не смотря на затруднительныя переправы въ бродъ чрезъ устья рѣкъ Большаго и Малаго Бугамовъ и Озена, и прибылъ въ мехтулинское селеніе Карабудакентъ, лежащее въ тридцати верстахъ отъ Тарки. Оттуда Мадатовъ отправился на совѣщаніе въ Тарки. Генералъ Ермоловъ предполагалъ немедленно идти въ Акушу; но внезапно выпавшій снѣгъ завалилъ дороги такъ глубоко, что войска почти не могли по нимъ двигаться. Въ ожиданіи перемѣны погоды, экспедиція была на время отложена, а, между тѣмъ, изъ Кизляра подвезли провіантъ для отряда. Простоявъ на мѣстѣ 17 дней, въ продолженіи коихъ собранные изъ окрестностей двѣ тысячи жителей расчистили дорогу, генералъ Ермоловъ, 2 декабря, двинулся въ мехтулинскую провинцію и присоединилъ къ своимъ войскамъ отрядъ Мадатова, у селенія Шоры, близъ границы Акуши. При вторженіи въ эту страну, командованіе авангардомъ было поручено князю Мадатову. Войска наши, перейдя съ большимъ трудомъ чрезъ гору Калантау, при чемъ пришлось втаскивать по крутому скату артиллерію и обозы на волахъ, двинулись къ Урумѣ. Это селеніе было занято 12 декабря почти безъ сопротивленія Мада-

товымъ; 16-го. пришелъ туда-же Ермоловъ съ остальными войсками. На другой день было произведено имъ обозрѣніе непріятельской позиціи: замѣчены на крутыхъ высотахъ, уставленныхъ укрѣпленіями изъ плитняка, многочисленныя толпы, частью занимавшія гребень горнаго хребта. частью скрывавшіяся на противоположной покатости; вообще же можно было положить число непріятельскихъ полчищъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ. Правое крыло позиціи примыкало у селен. Лаваша къ рѣчкѣ Манасъ. текущей въ чрезвычайно утесистыхъ берегахъ. Взятые въ проводники жители окрестной страны показывали производившему обозрѣніе подполковнику Верховскому. какъ-бы въ насмѣшку, мѣста, гдѣ были нѣкогда разбиты войска Шаха-Надира и относились преувеличенно о силѣ и храбрости акушинскаго народа.

По прибытіи Ермолова въ Уруму, явились къ нему акушинскіе старшины, стараясь отклонить его отъ вторженія въ ихъ землю. Ермоловъ принялъ ихъ ласково. Такую снисходительность они приписали страху и неувѣренности въ успѣхѣ экспедиціи. Дѣйствительно — овладѣніе крѣпкою позиціей, защищаемою многочисленнымъ войскомъ, и дальнѣйшее движеніе къ главному городу страны Акушѣ, по чрезвычайно гористымъ мѣстамъ. на протяженіи восьмидесяти верстъ — казалось не подавали надежды преодолѣть сопротивленіе храбраго народа. Но не за тѣмъ пришелъ Ермоловъ къ непокорнымъ акушинцамъ, чтобы уйти обратно, не усмиривъ ихъ. и если онъ отлагалъ рѣшительныя дѣйствія, то единственно изъ желанія совершить задуманное имъ дѣло съ наименьшими потерями. „Прошу тебя тщательно осмотрѣть всѣ дороги — писалъ онъ князю Мадатову — ибо прямая на Лавашу, кромѣ построенныхъ укрѣпленій, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нарочно испорчена. и де-

филе пройти безъ чувствительной потери невозможно. Непремѣнно надобно обойти, и потому стараться должно изыскать дорогу... Давно служа съ тобою, ты уже знаешь, что люблю храбрыя наши войска, люблю я и малую въ нихъ потерю, и по тому гдѣ можно что-либо сдѣлать искусствомъ, не испытываю ихъ храбрость. Прошу тебя по пріятельски обратить все твое на сіе вниманіе. Всего болѣе — истолкуй сіе частнымъ начальникамъ“... (35).

Изъ форсированныхъ рекогносцировокъ непріятельской позиціи, предпринятыхъ въ продолженіи двухъ дней, оказалось, что она примыкала обоими флангами къ скалистымъ утесамъ, и что продолженіе составлявшаго ея весьма крутаго хребта, по другую сторону рѣки, не было занято непріятелемъ, вѣроятно потому, что онъ считалъ мѣста за рѣчкою лежащія совершенно неприступными. Положено было, не привлекая вниманія горцевъ въ ту сторону, переправиться въ ночи скрытно черезъ рѣчку и обойти непріятеля съ праваго фланга. Съ наступленіемъ ночи на 19-е декабря, нѣсколько Татаръ и линейныхъ казаковъ были отправлены для отысканія пути къ зарѣчнымъ высотамъ. Около полуночи они возвратились съ извѣстіемъ, что есть тропинка, хотя и весьма трудная, по которой можно взойти, и даже, съ помощью людей, взвести артиллерію на высоты. Въ два часа утра, войска получили приказаніе выступить къ непріятельской позиціи. отстоявшей не болѣе восьми верстъ; пять баталіоновъ съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ князя Мадатова, спустясь глубокими рытвинами къ рѣчкѣ, направились въ обходъ праваго фланга позиціи; а главныя силы, часомъ позже, двинулись противъ непріятеля съ фронта. Ночь была мѣсячная и чрезвычайно ясная; но непріятель, усыпленный нашимъ прежнимъ бездѣй-

ствіемъ, не сторожилъ насъ, и войска наши подошли къ нему почти на пушечный выстрѣлъ, не будучи замѣченными. Еще до разсвѣта, главныя силы Ермолова построились въ боевой порядокъ противъ непріятельской позиціи, а отрядъ Мадатова противъ ея праваго фланга. Какъ только орудія Ермолова открыли огонь, горцы, замѣтивъ появленіе русскихъ войскъ за рѣчкою, обратились противъ нихъ съ ужаснымъ крикомъ и ругательствами; князь Мадатовъ встрѣтилъ переправлявшіяся въ безпорядкѣ черезъ рѣчку толпы картечью и штыками, разсѣялъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Но несмотря на то и на жестокій уронъ, наносимый канонадою Ермолова, стоявшіе противъ него за тройнымъ рядомъ окоповъ, горцы не поколебались, и засѣвъ въ своихъ укрѣпленіяхъ, продолжали стрѣльбу по наступавшимъ войскамъ, пока батарея Мадатова открыла учащенную канонаду вдоль ихъ линіи. Тогда же находившіеся при его отрядѣ казаки направились на дорогу въ городъ Акушу, составлявшую главный путь отступленія непріятельскихъ полчищъ, и стрѣлки наши, устремясь бѣгомъ, угрожали занять ее. Поражаемые перекрестнымъ огнемъ и страшась быть совершенно отрѣзанными, горцы наконецъ очистили свою крѣпкую позицію и кинулись бѣжать. Наша татарская конница неотступно преслѣдовала непріятеля и отбросила его отъ большой дороги. За нею слѣдовалъ съ частью войскъ начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-маіоръ Вельяминовъ. Пѣхота князя Мадатова, перейдя обратно черезъ рѣчку, приняла участіе въ преслѣдованіи. Селеніе Лаваша было немедленно занято нашими войсками, а татарская конница и казаки высланы впередъ вслѣдъ за бѣгущими. Большая дорога, перекопанная во многихъ мѣстахъ, была тотчасъ исправлена, и на ночлегъ при Лавашѣ собра-

лись всѣ войска съ ихъ артиллеріей и обозами, кромѣ татарской конницы и шамхаловой милиціи, разсѣявшихся для грабежа ближайшихъ селеній.

Въ селеніи Лавашѣ захвачено нѣсколько жителей, не успѣвшихъ увести семействъ своихъ и съ ними оставшихся. Отъ нихъ и отъ плѣнныхъ были получены свѣдѣнія, что силы разбитаго непріятеля простирались до 15-ти тысячъ человѣкъ, и что этими полчищами предводили: Шихъ-Али-ханъ дербентскій, Уцмей каракайдагскій, Сурхай сынъ хана казикумыкскаго, и многіе владѣльцы дагестанскіе. Жители Лаваша разсказывали, что, во все время пребыванія у нихъ главнаго кади акушинскаго и знатнѣйшихъ старшинъ этого народа, ежедневно происходили совѣщанія. По словамъ ихъ, акушинцы были увѣрены, что Русскіе, по малочисленности своей, не отважатся напасть на нихъ; одинъ изъ посѣтившихъ нашъ лагерь старшинъ, возвратясь къ своимъ, объявилъ, что Русскихъ весьма немного, да и тѣ въ такомъ изнуренномъ состояніи, что противъ нихъ не стоитъ сражаться.

„Потеря наша, вмѣстѣ съ татарскою конницею, не превзошла пятидесяти человѣкъ, что̀, конечно, не покажется вѣроятнымъ“ — писалъ Ермоловъ.

На слѣдующій день, 20 декабря, войска наши двинулись къ городу Акушѣ. Селенія, оставленныя жителями, были истребляемы; тѣ-же, коихъ старшины просили о помилованіи, пощажены, и даже не позволено войскамъ приближаться къ нимъ, а равно хлѣбъ и стада ихъ остались неприкосновенными. Посланныя впередъ партіи замѣтили въ городѣ большое стеченіе народа и необыкновенное движеніе, изъ чего можно было заключить, что жители готовятся къ оборонѣ. Извѣстно было также по слухамъ, что дорога на протяженіи шести верстъ отъ города пролегала

чрезъ тѣснины и ущелія, и что самый городъ, по своему положенію, представлялъ средства къ упорной защитѣ. Генералъ Ермоловъ, желая имѣть болѣе подробное свѣдѣніе о мѣстности, куда никогда еще не проникали русскія войска, выслалъ, 21 декабря, къ городу начальника штаба Вельяминова и князя Мадатова, съ полутора тысячею татарскихъ всадниковъ и казаковъ, приказавъ имъ ограничиться обозрѣніемъ, не вступая въ бой до прибытія пѣхоты, и самъ двинулся въ слѣдъ за ними. На маршѣ его встрѣтили два изъ важнѣйшихъ старшинъ города, умоляя его замедлить на однѣ сутки наступленіе войскъ и обѣщая склонить своихъ согражданъ къ покорности. Генералъ Ермоловъ приказалъ сказать имъ, что онъ не можетъ полагаться на такія увѣренія, и продолжалъ идти далѣе. Нѣсколько спустя, начальникъ штаба прислалъ ему донесеніе, что наши передовыя войска, найдя городъ оставленнымъ жителями, заняли его безъ сопротивленія. Главныя силы расположились въ городѣ. Окрестныя горы были наполнены акушинцами, спасавшимися съ ихъ семействами и имуществомъ; но Ермоловъ запретилъ преслѣдовать ихъ. Жители, ободренные такимъ снисхожденіемъ грознаго побѣдителя, стали, мало по малу, возвращаться въ городъ. Женщины, не нашедшія своихъ грудныхъ дѣтей у себя дома, приходили отыскивать ихъ въ русскій лагерь, гдѣ солдаты сберегали, какъ умѣли, принесенныхъ ими изъ города малютокъ. Одному изъ знатнѣйшихъ старшинъ возвращена молодая дочь его, которую, во время плѣна ея, содержали со всѣмъ должнымъ уваженіемъ. Приказано было сохранять неприкосновеннымъ имущество жителей, и только немногіе домы, принадлежавшіе друзьямъ бѣглеца Шихъ-Али-хана, участникамъ его мятежныхъ замысловъ,

были разорены до основанія. Жители немедленно доставили продовольствіе для войскъ.

На слѣдующій день, городскіе граждане и главнѣйшіе изъ старшинъ всѣхъ окрестныхъ селеній были приведены къ присягѣ на подданство Императору, при громѣ ста одного пушечнаго выстрѣла. Генералъ Ермоловъ назначилъ главнымъ кадіемъ занимавшаго прежде это званіе, старика, извѣстнаго кротостью и уважаемаго акушинцами. Отъ знатнѣйшихъ фамилій взяты 24 аманата, которымъ пребываніе назначено въ Дербентѣ, и наложена дань, весьма ничтожная, единственно въ доказательство зависимости жителей отъ нашего правительства. Несмотря на дикость свою, акушинцы, тронутые великодушнымъ съ ними обращеніемъ Ермолова, поднесли ему саблю, въ знакъ особеннаго уваженія. Присяга ими данная была соблюдаема столь свято, что когда, шесть лѣтъ спустя, войска Аббаса-мирзы вторглись въ Грузію, жители Акуши, не только не приняли участія въ вооруженіи противъ Русскихъ, но прислали Ермолову всѣ письма Персіянъ, старавшихся ихъ склонить на свою сторону ([36]).

Покореніе Акуши доставило намъ господство надъ областью, заключавшею въ себѣ не менѣе пятнадцати тысячъ семействъ. Но, кромѣ того, побѣда при Лавашѣ отозвалась и въ прочихъ мѣстахъ Кавказа. Одновременно съ экспедиціей Ермолова, Сурхай-ханъ казыкумыцкій, собравъ до 5-ти или 6-ти тысячъ человѣкъ, напалъ на Чирахское укрѣпленіе, въ курахской провинціи, занятое двумя некомплектными ротами Троицкаго полка. Командовавшій ими, штабсъ-капитанъ Овечкинъ оборонялся отчаянно; но непріятель, пользуясь тѣмъ, что съ одной стороны мѣстность способствовала подходу къ укрѣпленію, уже готовилъ лѣстницы для штурма, когда внезапно по-

лученное имъ извѣстіе о занятіи русскими войсками Акуши поразило ужасомъ горцевъ и заставило ихъ разсѣяться, чтобы укрыть свои семейства отъ наказанія за измѣну ихъ хана. При оборонѣ Чираха, непріятель покушался занять находившуюся вблизи оттуда мечеть, обращенную въ магазинъ, что̀ подало-бы ему возможность подойти къ укрѣпленію. Молодой офицеръ (котораго имя, къ сожалѣнію, нигдѣ непоказано), долго защищался въ мечети, но, наконецъ, видя, что не будетъ въ силахъ устоять, отпустилъ въ укрѣпленіе свою команду, кромѣ четырехъ лучшихъ стрѣлковъ, и запасшись большимъ количествомъ патроновъ, засѣлъ въ минаретѣ при мечети, откуда поражалъ наступавшаго въ густыхъ толпахъ непріятеля. Потерявъ множество людей, горцы не прежде овладѣли минаретомъ, какъ подкопавшись подъ его основаніе и опрокинувъ его. Герои, оборонявшіеся на его развалинахъ, погибли, и уже мертвые, изрублены въ мелкія части разсвирѣпѣвшими горцами. Въ продолженіи этого полутора-суточнаго боя, непріятель потерялъ одними убитыми до 50-ти человѣкъ ([37]). По представленію Ермолова о доблестной защитѣ Чирахскаго поста, Императоръ Александръ пожаловалъ штабсъ-капитану Овечкину орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и повелѣлъ произвести его въ слѣдующій чинъ ([38]).

Войска Ермолова выступили изъ Акуши обратно, 26 декабря, и прибыли въ селеніе Параулъ, мехтулинской провинціи, 1 генваря 1820 года. Войскамъ данъ былъ отдыхъ въ окрестной странѣ; а съ наступленіемъ жестокой стужи, два полка и казачья сотня, съ 12-ю орудіями, были оставлены въ Дагестанѣ, подъ начальствомъ подполковника квартирмейстерской части Верховскаго, а прочія войска отведены на Линію. Желая наградить преданность русскому пра-

вительству Шамхала, генералъ Ермоловъ, именемъ Государя, далъ ему въ потомственное владѣніе, въ мехтулинской провинціи, до 2,500 семействъ, что̀ составляло, по крайней мѣрѣ, 10,000 душъ. Остальная часть провинціи была поручена въ управленіе наиба (чиновника), для сбора доходовъ въ пользу двухъ малолѣтныхъ дѣтей брата хана аварскаго, отправленныхъ въ Россію. Нѣкоторые изъ мехтулинскихъ старшинъ, постоянно возбуждавшіе своихъ соотечественниковъ противъ Россіи и враждовавшіе Шамхалу, были отвезены въ Кизляръ и тамъ повѣшены.

Въ началѣ 1820 года, генералъ Ермоловъ посѣтилъ Дербентъ, гдѣ осмотрѣвъ крѣпость, нашелъ ее совершенно безполезною; потомъ отправился въ Кизляръ и прибылъ туда 12 февраля, съ намѣреніемъ ѣхать въ Петербургъ, но получивъ отъ командующаго въ Грузіи, генералъ-лейтенанта Вельяминова, извѣстіе о происшедшихъ въ Имеретіи безпорядкахъ, счелъ нужнымъ побывать въ Тифлисѣ. Тамъ убѣдился онъ, что причиною имеретинскихъ смутъ была неспособность слабаго и нерѣшительнаго тамошняго правителя, генералъ-маіора Курнатовскаго, и по тому, предложивъ ему подать въ отставку, назначилъ на его мѣсто командира 44-го егерскаго полка, полковника Пузыревскаго. Но вскорѣ этотъ отличный офицеръ палъ жертвою гнуснѣйшей измѣны. Родной дядя владѣтельнаго князя Гуріи, Кайхосро Гуріель, извѣстный непокорностью нашему правительству и преданный Туркамъ, неисполнивъ одного изъ распоряженій, сдѣланныхъ полковникомъ Пузыревскимъ, и зная что онъ не оставитъ безнаказаннымъ его ослушаніе, ушелъ изъ до̀ма и скрываясь въ лѣсахъ, подговорилъ подобныхъ себѣ разбойниковъ убить Пузыревскаго. Случай къ тому вскорѣ представился: Пузыревскій, проѣзжая черезъ лѣсъ,

въ сопровожденіи трехъ человѣкъ, офицера, казака и переводчика, встрѣтился съ нѣсколькими Гурійцами, которые на вопросъ его: „гдѣ вашъ князь", отвѣчали выстрѣлами. Полковникъ и казакъ были убиты, а офицеръ и переводчикъ захвачены злодѣями. Ободренные смертью Пузыревскаго и бездѣйствіемъ начальника войскъ въ Имеретіи, подполковника Згорѣльскаго, жители Гуріи и Имеретіи возстали противъ Русскихъ; царевичъ Давидъ, князь Абашидзе и братъ владѣтеля Мингреліи, генералъ-маіора Дадіана, воспитанный въ пажескомъ корпусѣ, офицеръ Преображенскаго полка, со множествомъ дворянъ и духовныхъ, приняли участіе въ бунтѣ. Для наказанія мятежниковъ, посланы были отряды, подъ начальствомъ начальника корпуснаго штаба, генералъ-маіора Вельяминова, и вновь назначеннаго правителемъ Имеретіи, командира 41-го егерскаго полка, полковника князя Горчакова. Шайки царевича Давида и князя Абашидзе были разсѣяны; первый изъ нихъ убитъ, а другой бѣжалъ въ Ахалцихъ. По водвореніи совершеннаго спокойствія въ Имеретіи, Вельяминовъ вступилъ въ Гурію и подошелъ къ принадлежавшему Кайхосро весьма крѣпкому замку; но убійца, и тамъ не считая себя въ безопасности, ушелъ въ лѣса̀, и потомъ бѣжалъ въ Турцію. По взятіи за̀мка, Вельяминовъ приказалъ разорить его до основанія, кромѣ находившейся тамъ церкви, у коей тогда-же былъ поставленъ памятникъ полковнику Пузыревскому. Злодѣй, застрѣлившій его, выданный владѣтельнымъ княземъ Гуріелемъ, загнанъ сквозь строй до смерти; а Кайхосро въ послѣдствіи былъ также выданъ намъ своимъ племянникомъ и по представленію Ермолова отправленъ на службу рядовымъ въ сибирскіе гарнизоны; въ Мингрелію не было надобности посылать войскъ, потому что за-

чинщикъ смутъ въ этой области, братъ владѣтеля, бѣжалъ въ турецкую крѣпость Поти, и самъ владѣтель сторожилъ границу, наблюдая, чтобы не возвратился измѣнникъ ([39]).

Несравненно важнѣе были военныя дѣйствія князя Мадатова въ сѣверномъ Дагестанѣ. Цѣлью экспедиціи туда предпринятой было прекращеніе враждебныхъ намъ поступковъ, нарушившаго присягу, Сурхай-хана казикумыцкаго, котораго ополченія помогали акушинцамъ и осаждали Чирахское укрѣпленіе. Для дѣйствій противъ Сурхая, Мадатову было поручено собрать въ южномъ Дагестанѣ отрядъ, въ составѣ двухъ баталіоновъ Куринскаго, баталіона Апшеронскаго, двухъ баталіоновъ 41-го егерскаго полковъ, всего 2,500 человѣкъ пѣхоты, сотня казаковъ и 14 орудій; къ этимъ войскамъ присоединились 500 всадниковъ карабагскихъ, 300 шекинскихъ и 400 изъ Ширвана, коего владѣтель Мустафа-ханъ былъ родственникъ Сурхай-хана. Осмотрѣвъ татарскую конницу, князь Мадатовъ отправилъ ее въ южный Дагестанъ и самъ послѣдовалъ туда кратчайшею, но весьма трудною дорогою, чрезъ Кавказскій хребетъ. По свидѣтельству одного изъ участниковъ этой замѣчательной экспедиціи: „бурные потоки, послѣ сильныхъ дождей, стремясь съ горъ и увлекая огромные камни, заграждали ими дорогу; горные скаты были покрыты дремучими лѣсами. На самомъ возвышенномъ пунктѣ хребта находится ужасная пропасть, около шести сажень ширины и болѣе двухъ сотъ сажень глубиною, черезъ которую, вмѣсто моста, были перекинуты три дуба съ вѣтвями, образовавшіе переправу, шириною не болѣе какъ въ три фута. Князь Мадатовъ переѣхалъ первымъ по этому опасному мосту; за нимъ слѣдовали войска его. Когда всѣ перебрались на другую сторону крѣпости, одинъ изъ офи-

церовъ спросилъ у Мадатова о названіи моста. „Чертовскій!“ отвѣчалъ генералъ, и дѣйствительно едва-ли этотъ мостъ былъ достоинъ другаго имени (40).

По прибытіи въ Кубу, князь Мадатовъ присоединилъ къ своимъ войскамъ восемьсотъ отличныхъ всадниковъ полковника Асланъ-хана кюринскаго и брата его маіора Гассанъ-аги. Такимъ образомъ отрядъ состоялъ почти на половину изъ магометанъ, бывшихъ враговъ Россіи. Въ числѣ ихъ особенно была замѣчательна шекинская конница и еще болѣе обращали на себя вниманія наѣздники Асланъ-хана, атлеты ростомъ и осанкою, вооруженные длинными копіями и прикрытые панцырями, шлемами и щитами, что̀ давало имъ видъ средне-вѣковыхъ рыцарей. Однимъ изъ отважнѣйшихъ въ средѣ ихъ былъ Гассанъ-ага, столь-же самолюбивый, сколько и безстрашный. Однажды, разсказывая товарищамъ про свои подвиги, онъ воскликнулъ: „Еслибъ Аллахъ сказалъ, что есть въ мірѣ человѣкъ меня храбрѣе, я со стыда убилъ-бы себя“. Съ такими удальцами нужно было обращаться весьма осторожно. Когда князь Мадатовъ назначилъ Асланъ-хана командующимъ всею татарскою конницею, Гассанъ-ага обидѣлся тѣмъ, считая себя одного достойнымъ такого почетнаго званія, и въ бѣшенствѣ бросился въ палатку къ брату, вызывая его на поединокъ, за оказанное ему преимущество. Напрасны были усилія нѣсколькихъ офицеровъ примирить раздраженныхъ братьевъ; но одно слово князя Мадатова укротило ихъ. „Ты будешъ начальникомъ авангарда мусульманской конницы“ — сказалъ онъ Гассану, и мгновенно черные глаза кюринскаго наѣздника засверкали удовлетворенною гордостью, радость отразилась на смугломъ лицѣ его, и онъ отвѣчалъ: „теперь докажу тебѣ, кто я“. И дѣйствительно онъ оправ-

далъ довѣріе къ нему князя Мадатова, и въ первомъ-же бою, совершивъ чудеса храбрости, палъ убитый на повалъ пулею ([41]).

Узнавъ о наступленіи Русскихъ на Чирахъ, Сурхай-ханъ собралъ поголовное ополченіе, и присоединивъ къ нему войска лезгинскихъ вольныхъ обществъ, расположился съ 20,000 человѣкъ у селенія Хозрекъ, на неприступной и сильно укрѣпленной позиціи.

10-го іюня, войска князя Мадатова прибыли въ Чирахъ, а въ слѣдующую ночь передовые посты его уже находились на непріятельской землѣ, въ трехъ верстахъ за Чирахомъ. Оттуда до Хозрека оставалось 25 верстъ. Построивъ вагенбургъ у чирахскаго укрѣпленія, отрядъ выступилъ, 12-го іюня, съ разсвѣтомъ, при густомъ туманѣ, по дорогѣ къ Хозреку. Тогда-же, изъ показаній двухъ плѣнныхъ лезгинъ, узнали, что вся непріятельская конница находилась вблизи нашего лагеря, а самъ Сурхай съ отборною пѣхотою занималъ линію укрѣпленій впереди Хозрека. Дорога, по которой двигались наши войска, пролегаетъ между двумя обрывистыми отраслями Кавказскаго хребта, изъ коихъ лѣвая постепенно понижается, а правая, мало доступная, тянется до самаго селенія Хозрека ([42]).

Въ 6 часовъ утра, когда передовыя наши войска находились верстахъ въ семи отъ Хозрека, туманъ разсѣялся и можно было видѣть на высотахъ вправо отъ дороги толпы непріятельской конницы, съ развивающимися посреди ея разныхъ цвѣтовъ значками. Чтобы сколько нибудь обезпечить движеніе отряда вдоль подошвы этихъ высотъ и отвлечь значительную часть силъ, могущихъ оборонять укрѣпленія при Хозрекѣ, князь Мадатовъ приказалъ маіору Гассанъ-агѣ, съ авангардомъ татарской конницы, врѣзаться въ лѣвое крыло непріятеля. Гассанъ-ага, съ

своими всадниками, быстро устремился на высоты, но будучи встрѣченъ огнемъ несравненно сильнѣйшей непріятельской конницы, былъ отраженъ два раза, и только лишь при третьей атакѣ удалось ему врубиться въ густыя толпы и заставить ихъ отступить. Но въ эту самую минуту отважный Гассанъ былъ убитъ, отрядъ его заколебался, и непріятель, пользуясь тѣмъ, снова опрокинулъ кюринскихъ всадниковъ. Самъ князь Мадатовъ прискакалъ на мѣсто боя. Ободренные его присутствіемъ Азіятцы окончательно сбили непріятеля съ высотъ. Маіоръ Мартиненко, съ тремя ротами Апшеронскаго полка, подоспѣвъ въ помощь конницѣ, пошелъ на крайній завалъ лѣваго крыла казыкумыцкой позиціи, ударилъ въ штыки, ворвался въ укрѣпленіе и на скоро утвердился въ немъ такъ крѣпко, что непріятель былъ принужденъ отступить ко второму завалу. Между тѣмъ, артиллерія, подъ начальствомъ подполковника Флиге, открывъ сильный огонь по селенію Хозрекъ, нанесла большой вредъ толпамъ, тѣснившимся въ улицахъ и между домами; нѣсколько патронныхъ ящиковъ, присланныхъ Сурхай-ханомъ для снабженія зарядами пѣхоты, были взорваны. Князь Мадатовъ, выждавъ прибытіе остальной татарской конницы и шедшей въ арріергардѣ пѣхоты, приказалъ Асланъ-хану, съ его всадниками, направиться въ обходъ праваго фланга непріятельской позиціи, къ деревнѣ Гулули, чтобы отрѣзать Сурхаю дорогу въ Казыкумыкъ. Тогда-же вся остальная пѣхота, построенная въ трехъ колоннахъ, подошла къ укрѣпленіямъ Хозрека на ружейный выстрѣлъ. Артиллерія, удачною канонадою продолжавшеюся около часа, успѣла сдѣлать нѣсколько брешей въ валахъ, прикрывавшихъ селеніе, и за тѣмъ всѣ три колонны, съ крикомъ ура! кинулись на штурмъ. Командовав-

шій Апшеронцами подполковникъ Сагиновъ первымъ взошелъ на валъ и былъ раненъ; но вслѣдъ за тѣмъ наши колонны ворвались въ проломы, выбили штыками непріятеля изъ всѣхъ укрѣпленій, неотступно гнали его до мечети, и преодолѣвъ отчаянное сопротивленіе горцевъ, водрузили на минаретѣ знамя Апшеронскаго полка. Отрѣзанные отъ дороги въ Казыкумыкъ и тѣснимые со всѣхъ сторонъ, горцы принуждены были уходить по крутому ущелію, подъ выстрѣлами нашей артиллеріи. Уронъ ихъ простирался убитыми до 1500 и плѣнными до 600 человѣкъ. Съ нашей стороны убиты, кромѣ Гассанъ-аги, 17 солдатъ и 44 татарскихъ всадника; ранены: 2 штабъ-офицера (Сагиновъ и Ванъ-Галенъ), 81 нижнихъ чиновъ и 61 человѣкъ татарской конницы. Трофеями побѣды были: весь лагерь и богатая ставка Сурхая, 11 знаменъ и значковъ, и 2000 ружей ([43]).

Къ вечеру жители Хозрека стали, мало по малу, возвращаться изъ подземелій и лѣсовъ въ свои жилища. Раненые горцы были отосланы къ ихъ семействамъ, либо поручены мулламъ, подъ надзоромъ одного изъ русскихъ врачей, оставленнаго въ селеніи; а въ полночь приказано отпустить и всѣхъ прочихъ плѣнныхъ: такимъ образомъ Казыкумыкцы совершенно убѣдились, что война ведена была не съ ними, а съ притѣснявшимъ ихъ самихъ измѣнникомъ. Сурхай-ханъ, бѣжавшій съ поля сраженія въ сопровожденіи немногихъ нукеровъ, прискакалъ ночью къ воротамъ своей резиденціи—Казыкумыка; но тамъ уже знали о понесенномъ имъ пораженіи, и не впустивъ его, учредили временное правительство изъ городскихъ старшинъ, которое, согласно съ желаніемъ народа, объявило Сурхая лишеннымъ власти и послало депутатовъ къ Асланъ-хану, чтобы чрезъ его по-

средство изъявить покорность Всероссійскому Императору.

14-го іюня, князь Мадатовъ, оставя въ Хозрекѣ двѣ пѣхотныя роты съ двумя орудіями, выступилъ къ Казыкумыку. Переправы черезъ рѣки и перевалы черезъ горы были такъ трудны, что солдаты везли на себѣ орудія и зарядные ящики, и Мадатовъ нашелся въ необходимости оставить назади баталіонъ съ 8-ю орудіями и идти далѣе съ двумя баталіонами при 4-хъ орудіяхъ. Казыкумыцкіе старшины, желая ускорить прибытіе Русскихъ, разослали гонцевъ во всѣ окрестныя селенія, съ приказаніемъ жителямъ исправить дороги въ продолженіи ночи и содѣйствовать на другой день нашей пѣхотѣ въ перевозкѣ орудій и прочихъ тяжестей. 15-го, на маршѣ въ Казыкумыкъ, войска перешли текущую въ глубокомъ ущельѣ рѣку Койсу, по весьма узкому каменному мосту, объ одной аркѣ. Въ десяти верстахъ отъ города, встрѣтила князя Мадатова депутація, состоявшая изъ старшинъ всѣхъ восьми магаловъ (округовъ) казыкумыцкой области, съ хлѣбомъ и солью. Мадатовъ произнесъ къ нимъ, на ихъ природномъ языкѣ, рѣчь, объяснивъ имъ великодушныя намѣренія Императора Александра, коего войска пришли въ Казыкумыкъ единственно для избавленія ихъ отъ властителя, возбуждавшаго мятежи и смуты, и для возведенія хана, котораго управленіе обезпечитъ ихъ благоденствіе. При вступленіи въ городъ Мадатова, ему были вручены ключи крѣпости, въ коей найдено десять мѣдныхъ орудій и двѣ чугунныхъ пушки Шаха-Надира.

Нѣсколько дней спустя, старшины всѣхъ магаловъ, собранные въ большей мечети, торжественно принесли присягу на вѣрноподданство Императору Всероссійскому и на повиновеніе вступившему въ

управленіе областью, Асланъ-хану. По окончаніи обряда, новый владѣтель явился на городской стѣнѣ въ красной одеждѣ, надѣваемой ханами въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и въ тотъ-же мигъ раздались 24 выстрѣла русской артиллеріи. Самъ Мадатовъ не присутствовалъ при возведеніи Асланъ-хана, желая показать, что оно произошло безъ принужденія, по желанію народа. Но вслѣдъ за тѣмъ Асланъ-ханъ, съ многочисленною свитою, отправился къ Князю, и обратясь къ нему, изложилъ состояніе казыкумыцкой области и мѣры предполагаемыя имъ для пользы своего новаго владѣнія. Желая немедленно положить условія на счетъ дани и войскъ, назначаемыхъ русскимъ правительствомъ съ казыкумыкскаго ханства, Асланъ-ханъ просилъ о неотлагательномъ выводѣ нашего отряда и ручался за прямодушіе и вѣрность ввѣреннаго ему народа. Князь Мадатовъ отвѣчалъ, что, зная благонамѣренность Асланъ-хана, не требуетъ залога въ вѣрности Казыкумыковъ, и что русскія войска выступятъ изъ области, коль скоро жители сельскихъ обществъ будутъ приведены къ присягѣ. Народъ былъ обложенъ самою ничтожною податью, единственно въ знакъ зависимости отъ Россіи.

Вечеромъ 9-го іюня, снятъ былъ лагерь у Казыкумыка, и войска Мадатова, провожаемыя Асланъханомъ, съ его свитою, расположились на бивакахъ, въ 4-хъ верстахъ отъ города. На слѣдующій день, весь отрядъ перешелъ къ Хозреку. Пѣхота возвратилась на прежнія свои квартиры, а татарская конница была распущена. Въ продолженіи двухъ недѣль Мадатовъ покорилъ казыкумыкскую область и водворилъ въ ней совершенное спокойствіе ([44]). Такимъ образомъ исполнена воля человѣколюбиваго Монарха, начертанная въ одномъ изъ рескриптовъ его, гдѣ сказано: „лучшій образъ обхожденія съ по-

селянами покажетъ примѣръ превосходства управленія благоустроеннаго предъ своенравнымъ господствомъ азіятскимъ, и чрезъ то болѣе расположитъ сердца жителей къ Державѣ, всегда готовой споспѣшествовать благу своихъ подданныхъ" (45).

Сурхай-ханъ, потерявъ надежду возвратиться въ свои владѣнія, вознамѣрился бѣжать въ Персію куда взялись его провести лезгины чарскаго общества. Нѣсколько дней скрывался онъ въ лѣсахъ, предполагая переправиться черезъ Куру, близъ устья Алазани, у деревни Самухи, но опасаясь расположенныхъ по правому берегу русскихъ постовъ, рѣшился ѣхать чрезъ владѣнія своего зятя, генералъ-лейтетанта Мустафы-хана ширванскаго. Пользуясь измѣною высланныхъ для преслѣдованія его, шекинскихъ старшинъ, Сурхай пробрался въ ширванское ханство, и оттуда въ Персію. Мустафа покушался оправдаться въ содѣйствіи побѣгу своего тестя, и даже увѣрялъ, будтобы не зналъ совершенно о его проѣздѣ; но опасаясь быть уличеннымъ въ явной лжи и понести заслуженное наказаніе, бѣжалъ за Куру столь поспѣшно, что оставилъ двухъ малолѣтныхъ своихъ дочерей, изъ коихъ одну, грудную, нашли задавленною подъ кучею сундуковъ и другихъ пожитковъ; другая-же, по приказанію Ермолова, была снабжена приличною одеждою и въ сопровожденіи нѣсколькихъ прежнихъ ханскихъ прислужниковъ отослана къ Сурхаю, въ Персію. Туда-же были отпущены жены бѣжавшихъ съ ханомъ его родственниковъ и бековъ, со всѣмъ ихъ движимымъ имуществомъ.

По окончаніи экспедиціи въ Сѣверный Дагестанъ, князь Мадатовъ занялся водвореніемъ благоустройства въ ханствахъ, порученныхъ его управленію. Генералъ Ермоловъ, въ отзывѣ къ князю Петру Ми-

хайловичу Волконскому, извѣщая о лишеніи Мустафы его владѣній, писалъ:

„По необходимости дѣйствуя безпрерывно оружіемъ, вы не повѣрите, почтеннѣйшій князь, какъ радовался я, что оба ханства, Шекинское и Ширванское, достались намъ безъ выстрѣла. Первое пріобрѣлъ я истолкованіемъ трактата, какъ мусульмане толкуютъ Алкоранъ, то есть: какъ приличествуетъ обстоятельствамъ. Тамошній ханъ былъ наклоненъ къ боязливости, которую усиливала въ немъ ужасная ипохондрія. Не трудно было мнѣ его держать въ постоянномъ страхѣ, доводя до него стороною, что каждое его дѣйствіе мнѣ извѣстно. Наконецъ схватилъ я одного изъ ближайшихъ его людей, хранителя всѣхъ его тайнъ, и сіе рѣшило бѣгство хана...“ ([46]).

Въ 1820 году были построены, для прегражденія набѣгамъ чеченцевъ на аксаевскія земли и къ городу Кизляру, укрѣпленія: во 1-хъ, у такъ называемой Горячевской деревни (Истису), редутъ, получившій наименованіе *Неотступный станъ*, и во 2-хъ, на рѣкѣ Аксаѣ, противъ селенія того-же имени, обращена въ военный постъ небольшая деревня Герзелъ-Аулъ (*Злобный окопъ*). Тогда-же проложена дорога отъ Неотступнаго стана къ Гуйдермесъ на Сунжѣ, для чего Кумыки и Чеченцы выставили 2500 рабочихъ ([47]).

Въ семъ-же году Черноморское войско поступило подъ начальство командира Кавказскаго корпуса *).

Императоръ Александръ удостоилъ генерала Ермолова слѣдующимъ рескриптомъ:

„Алексѣй Петровичъ! Принятыя вами мѣры къ усмиренію народовъ буйныхъ уничтожили возмущенія

*) Въ 1820 году Грузинскій отдѣльный корпусъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ переименованъ въ Кавказскій отдѣльный корпусъ. Полн. Собр. Зак. Т. XXXVIII, № 28436.

въ Гуріи, Мингреліи и Имеретіи. Дагестанъ покоренъ Россіи твердостію и благоразумными во всѣхъ случаяхъ распоряженіями вашими. Я считаю справедливымъ долгомъ изъявить вамъ полную Мою признательность за успѣшныя дѣйствія ваши, будучи при томъ увѣренъ, что вы усугубите стараніе къ водворенію тишины и благоустройства въ областяхъ управленію вашему ввѣренныхъ" ([48]).

ГЛАВА LXXVII.

Водвореніе русскаго владычества на Кавказѣ и въ Закавказьѣ.

(*Продолженіе*)

(1821—1825 г.)

Въ концѣ 1820 года, всеобщее спокойствіе въ Закавказьѣ дозволило генералу Ермолову отправиться въ Петербургъ, для личнаго доклада Государю о дѣлахъ, требовавшихъ Высочайшаго разрѣшенія. По окончаніи троппаускаго конгреса, Императора ожидали въ Петербургѣ, но неаполитанская революція заставила продолжить совѣщанія Союзныхъ дворовъ и перенести конгресъ изъ Троппау въ Лайбахъ. Императоръ Александръ, предполагая содѣйствовать Австрійцамъ въ усмиреніи Италіи, назначилъ главнокомандующимъ долженствовавшей идти туда русской арміи генерала Ермолова и приказалъ ему пріѣхать къ себѣ въ Лайбахъ. Но успѣхи австрійскихъ войскъ въ Неаполѣ и Піемонтѣ положили конецъ народнымъ возстаніямъ въ Италіи, и Россійскій Монархъ, въ маѣ 1821 года, возвратился въ Петербургъ, куда велѣно было прибыть и генералу Ермолову.

Генералъ Ермоловъ, еще до отъѣзда изъ Грузіи, желая обезпечить отъ непріятельскихъ покушеній

преданнаго Россіи Шамхала, предполагалъ построить близъ резиденціи его Тарковъ крѣпость, подъ названіемъ *Бурной*. Производство тамъ работъ, въ отсутствіи главнокомандующаго, было поручено особому отряду, подъ командою начальника корпуснаго штаба, генералъ-маіора Вельяминова. Измѣнникъ, бывшій аварскій ханъ, желая помѣшать сооруженію крѣпости, собралъ огромное число лезгинъ и возмутившихся мехтулинцевъ, вторгнулся во владѣнія Шамхала и обложилъ мѣстечко Казанищи, гдѣ тогда находилась жена его. Прибытіе Вельяминова съ частью отряда въ окрестности Казанищей поразило страхомъ непріятеля; лезгины разбѣжались, а мехтулинцы просили пощады, и только лишь жители одного изъ ихъ селеній, Аймеки, дали убѣжище аварскому хану и отказались отъ повиновенія русскому правительству. Генералъ Вельяминовъ, подойдя къ мятежному селенію, 29 августа, взялъ его штурмомъ и истребилъ большую часть его защитниковъ. Уронъ съ нашей стороны не превышалъ 65-ти человѣкъ ([1]).

На возвратномъ пути въ Грузію, генералъ Ермоловъ, прибывъ въ Екатеринодаръ, получилъ свѣдѣнія о весьма удачномъ дѣлѣ генералъ-маіора Власова 3-го противъ закубанцевъ. Въ ночи на 3 октября, толпа хищниковъ, въ числѣ до трехъ тысячъ человѣкъ, собралась въ камышахъ на Кубани, чтобы вторгнуться въ земли Черноморскаго войска, разорить хутора и угнать богатыя стада черноморцевъ. Узнавъ заблаговременно о намѣреніи горцевъ, Власовъ собралъ 500 казаковъ, при трехъ орудіяхъ, и давъ закубанцамъ время переправиться черезъ Кубань и пройти нѣкоторое пространство, отрѣзалъ ихъ отъ рѣки и опрокинулъ къ болотистому заливу. Непріятель понесъ огромную потерю, простиравшуюся, по собственному сознанію плѣнныхъ, болѣе нежели

до тысячи человѣкъ. Съ нашей стороны уронъ былъ ничтоженъ ([2]).

Императоръ Александръ, по представленію Ермолова, о необходимости особенныхъ поощреній торговой промышленности въ Грузіи, соизволилъ утвердить слѣдующія постановленія: во 1-хъ, всѣмъ, торгующимъ въ теченіи десяти лѣтъ, съ 1 іюля 1822 года дарованы права первой гильдіи, безъ платежа податей, по сей гильдіи положенныхъ, и въ продолженіи того-же срока всѣ торгующіе освобождены отъ личной службы и личныхъ податей, а домà и магазины ихъ отъ военнаго постоя; во 2-хъ, всѣмъ торгующимъ разрѣшено получать отъ правительства участки земель для своихъ заведеній, по обыкновенной цѣнѣ, и пріобрѣтать недвижимую собственность; въ 3-хъ, всѣ товары, привозимые въ Грузію изъ иностранныхъ земель, не подлежали никакому платежу, кромѣ пяти процентовъ съ объявленной цѣны, сообразно пошлинѣ, взимаемой, въ силу Гюлистанскаго трактата, съ товаровъ, привозимыхъ изъ Персіи. (Но при ввозѣ сихъ товаровъ изъ Грузіи въ Россію, постановлено взимать установленную пошлину, по тарифамъ азіятскому и европейскому, сообразно происхожденію товаровъ). Въ 4-хъ, облегчены правила карантиннаго очищенія, на-равнѣ съ Одессою и другими русскими черноморскими портами; въ 5-хъ, повелѣно, для безопасности транспортовъ, на путяхъ отъ морскихъ портовъ до Тифлиса, снабжать ихъ надлежащимъ военнымъ прикрытіемъ; въ 6-хъ, дозволено на сихъ путяхъ устроивать караванъ-сараи, и повелѣно мѣстному начальству содѣйствовать тому отводомъ лѣса и другихъ матеріаловъ; въ 7-хъ, предписано открыть и устроить удобныя пристани для торговыхъ судовъ на берегу Чернаго моря ([3]).

Управленіе Ермолова Закавказьемъ отличалось со-

блюденіемъ казеннаго интереса и бережливостью. Свидѣтельствомъ тому служатъ неоднократно полученные имъ Высочайшіе рескрипты, въ коихъ Императоръ Александръ изъявлялъ ему признательность за сохраненіе значительныхъ суммъ, ассигнованныхъ на продовольствіе Кавказскаго корпуса ([4]). За то Ермоловъ не сносилъ мелочнаго вмѣшательства въ свои распоряженія: по поводу отзыва министра финансовъ, графа Гурьева, объ израсходованіи Ермоловымъ части доходовъ шекинской области, онъ писалъ:

„М. Г.

„Графъ Дмитрій Александровичъ!

„Желая избѣгать случаевъ, въ которыхъ объявленія офиціяльныя не могутъ быть пріятными, я имѣю согласіе вашего сіятельства на переписку партикулярную, и симъ пользуясь, прошу покорнѣйше взглянуть на сообщеніе, писанное ко мнѣ отъ 3 марта. Ваше сіятельство изволите увидѣть, что можно было избавить меня отъ заключающагося въ концѣ вопроса. Вы, конечно, не сдѣлали-бы таковаго, еслибы хотя минуту остановили вниманіе ваше на томъ, что провинцію Шекинскую присоединилъ я къ управленію нашему, принявъ на себя исполненіе въ пользу нашу дарованнаго хану трактата, ясно предоставляющаго наслѣдственное онымъ владѣніе, тогда какъ провинція сія приноситъ болѣе полумилліона доходу, а сдѣланныя мною издержки не составляютъ и десятой доли онаго. Сверхъ того, онѣ употреблены на предметы, дѣлающіе честь и достоинство правительству, ибо уплачены долги законные, да на содержаніе фамиліи умершаго владѣтеля.

„Я не имѣлъ на сіе Высочайшаго разрѣшенія, что вамъ не можетъ быть неизвѣстно, и мнѣ, когда нужно было дѣйствовать, затруднительно ожидать

онаго, единственно для того, чтобы соблюсти установленный порядокъ, который, впрочемъ, на провинцію, вновь къ управленію присоединенную, до прочнаго основанія въ ней устройства, распространиться не можетъ. Передавъ уже разъ сборъ доходовъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ, я не входилъ ни въ какое распоряженіе оными; но за прежнее до того время, и по законамъ, и по собственнымъ правиламъ чести, я ничѣмъ не обязанъ, кромѣ ясной отчетности, и таковая отдана правительству. Можетъ быть не знакомъ я вашему сіятельству со стороны бережливости, но въ теченіи довольно продолжительной, а иногда и видной, службы, хорошо будучи замѣченнымъ, оскорбительны подобные вопросы, а если сдѣланы съ намѣреніемъ, то и нестерпимы. Вамъ, милостивый государь, въ поступкѣ моемъ, когда я ищу только приличія, угодно видѣть присвоеніе излишней власти. Увѣрьтесь, ваше сіятельство, что я не кичусь воспользоваться ничтожностью“ ([5]).

Генералъ Ермоловъ, убѣдясь, что вѣрнѣйшее средство для охраненія центра Линіи и обузданія Кабарды было перенесеніе прежней линіи впередъ, на пространство между Владикавказомъ и верховьемъ Кубани, и занятіе поселеніями Линейныхъ казаковъ земель между Малкою и Кубанью, устроилъ, въ продолженіи 1822 года, у подошвы „Черныхъ горъ“, отъ Каменнаго моста на Малкѣ до Ардона, рядъ слѣдующихъ укрѣпленій: *Каменный мостъ*, *Баксанское*, *Чегемское*, *Нальчикское* и *Черекское*, а между Каменнымъ мостомъ на Малкѣ и верхнею Кубанью укрѣпленія: *Бургусантъ*, *Хахандуковское* и *Тахтамышевское*. Въ томъ же году приступлено къ устройству Лезгинской линіи, гдѣ сооружены укрѣпленія: *Натлисъ*, *Кварель* и *Бѣжаньяны*.

Учрежденіе новой Линіи у подошвы Черныхъ горъ и занятіе казачьими поселеніями пространства между Малкою и верхнею Кубанью прервали вредную связь кабардинцевъ съ горцами и закубанскими народами. и, кромѣ того, пріобрѣтены слѣдующія выгоды: сократилось протяженіе Линіи; укрѣпленія и посты устроились въ мѣстахъ выгодныхъ и здоровыхъ; наконецъ, новое размѣщеніе войскъ дало возможность приблизить часть ихъ къ рѣкѣ Кубани и неусыпно наблюдать за тамошними воинственными народами (6).

Вообще-же распоряженія Ермолова по устройству новыхъ Линій имѣли слѣдующія послѣдствія:

Во 1-хъ, чеченцы, жившіе на правомъ берегу Терека, которые, несмотря на названіе „мирныхъ", давали пристанище хищникамъ и участвовали въ ихъ набѣгахъ, со времени построенія *Грозной,* не только прекратили сношенія съ непріятелемъ, но вмѣстѣ съ нашими войсками ходили противъ горцевъ, своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, давали подводы, возили лѣсъ и безпрекословно исполняли всѣ требованія русскихъ властей.

Во 2-хъ, въ землѣ кумыковъ, мѣстечко Ендери (Андреево) издавна служило торжищемъ плѣнныхъ; оттуда увозили этихъ несчастныхъ, большею частью. чрезъ Анапу, въ Турцію. Но съ тѣхъ поръ, какъ тамъ была построена крѣпость *Внезапная,* постоянно занятая русскими войсками, въ Андреевѣ торгъ невольниками совершенно прекратился, и ни лезгины, ни чеченцы, уже не имѣли сношеній съ черкесами.

Въ 3-хъ, укрѣпленія, построенныя въ землѣ кумыковъ и въ Чечнѣ, дали защиту мирнымъ жителямъ страны отъ непокорныхъ чеченцевъ и лезгинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, у такъ называемыхъ „мирныхъ" горцевъ былъ отнятъ всякій предлогъ принимать участіе въ набѣгахъ непокорныхъ ихъ соплеменниковъ.

Въ 4-хъ, такое-же вліяніе оказали вновь устроенныя линіи, *Кабардинская* и *Кисловодская*, на все пространство отъ Екатеринограда до Георгіевска и далѣе до Ставрополя; съ учрежденіемъ ихъ прекратились торгъ невольниками и хищничество кабардинцевъ, которые стали охотно служить въ нашихъ войскахъ и отдавать дѣтей своихъ въ наши военно-учебныя заведенія.

Въ 5-хъ, устройство укрѣпленій въ землѣ кумыковъ и въ Кабардѣ дало намъ возможность поставить надъ жителями этихъ странъ начальниковъ изъ русскихъ офицеровъ и туземцевъ, преданныхъ нашему правительству; учреждены были также суды, подъ предсѣдательствомъ русскихъ чиновниковъ, для управленія народами и для разбора тяжбъ и ссоръ между жителями края, совершенно довольными безпристрастіемъ и быстротою распоряженій новаго начальства. Только лишь мусульманское духовенство роптало на вновь вводимыя учрежденія, домогаясь суда и расправы по Шаріату, дававшему мулламъ огромное вліяніе на ихъ единовѣрцевъ.

Въ 6-хъ, Акуша̀, Кубачи, Сюрхи, Каракайдагъ, Табасарань, ханства кюринское и казыкумыкское, составляющія весь центральный Дагестанъ и большую часть южнаго, покорились, платили дань и по требованію русскаго начальства выставляли ополченіе противъ единоплеменниковъ своихъ ([7]).

Одновременно съ возведеніемъ новыхъ укрѣпленій, войска наши усмиряли возстаніе туземныхъ племенъ, возбужденное ложными слухами о близкой войнѣ Россіи съ Турціею. Едва лишь генералъ-маіоръ князь Горчаковъ успѣлъ возстановить спокойствіе въ Абхазіи, какъ Чарскіе (Джарскіе) лезгины, сосѣдственные Кахетіи, стали производить набѣги на сію область. Для прекращенія этихъ безпорядковъ,

былъ посланъ генералъ-маіоръ князь Эристовъ, съ отрядомъ, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ Грузинскаго гренадерскаго и 41-го егерскаго полковъ, двухъ эскадроновъ Нижегородскаго драгунскаго полка, двухъ сотъ казаковъ и нѣсколькихъ сотень Грузинъ и Татаръ, при 14-ти орудіяхъ. Перейдя черезъ Алазань, Эристовъ побудилъ къ покорности Чары и Закаталы; только лишь жители селенія Катехи, оставя свои домы, укрѣпились въ горахъ и не помышляли о покорности. 3-го марта, три роты Грузинскихъ гренадеръ, подъ начальствомъ подполковника графа Симонича, взяли штурмомъ завалы, выбивъ оттуда непріятеля и истребивъ множество лезгинъ.

Въ концѣ 1822 года, владѣтель Карабага, генералъ-маіоръ Мехти-Кули-ханъ, навлекшій на себя подозрѣніе въ покушеніи на убійство родственника своего, полковника Джафаръ-Кули-аги, и ненавидимый своими подданными, бѣжалъ въ Персію. Слѣдствіемъ того было введеніе въ ханствѣ русскаго управленія. Самъ Ермоловъ, посѣтивъ всѣ три бывшія ханства, карабагское, шекинское и ширванское, сдѣлалъ многія распоряженія, клонившіяся къ возвышенію благосостоянія этой страны. Дабы доставить нѣсколько болѣе свободы торговлѣ, былъ уменьшенъ таможенный сборъ; обширные посѣвы сарацинскаго пшена, требовавшіе большихъ трудовъ и приносившіе весьма ограниченный доходъ, были замѣнены распространеніемъ шелководства. Тогда-же, по приказанію Ермолова, были сдѣланы изысканія, для проведенія чрезъ Кавказскій хребетъ новой дороги, изъ рачинскаго округа имеретинской области, и далѣе по теченію Ардона до кабардинской плоскости (8).

Главнымъ сподвижникомъ Ермолова, по водворенію благоустройства въ Закавказьѣ, явился князь Мадатовъ, которому было поручено управленіе хан-

ствами, многолюднѣйшими и богатѣйшими изъ всѣхъ областей страны. Не легко было пріучить къ повиновенію законамъ людей, издавна не знавшихъ никакого права, кромѣ грубой силы, либо произвольнаго толкованія правилъ Алкорана своекорыстными муллами. Учредивъ въ каждомъ изъ ханствъ диваны (областные суды), Мадатовъ самъ присутствовалъ въ нихъ, либо разсматривалъ дѣла для окончательнаго рѣшенія; каждый. считавшій себя обиженнымъ, имѣлъ свободный доступъ къ Князю и былъ увѣренъ, что жалоба его будетъ выслушана и что онъ получитъ справедливое удовлетвореніе. Спокойствіе и безопасность при князѣ Мадатовѣ были такъ прочны, что тогда существовала поговорка: „въ Карабагѣ можетъ женщина ходить безопасно съ блюдомъ золота на головѣ". Чтобы усилить торговлю и промышленность края, Мадатовъ предпринялъ улучшить дороги. Въ 1823 году приступлено къ исправленію дороги отъ Аскерана въ крѣпость Шушу и оттуда почти до Ахъ-Оглана; эта работа была окончена, въ 1825 году, жителями безъ всякихъ издержекъ со стороны правительства. Проложена съ 20-й версты отъ Елисаветполя до подъема въ Шушу новая дорога, и на ней самимъ княземъ Мадатовымъ указаны удобныя и здоровыя мѣста для казачьихъ постовъ и почтовыхъ станцій. Особенное-же вниманіе Мадатова было обращено на хозяйственную часть и на улучшеніе различныхъ отраслей земледѣльческой промышленности. При немъ размножены и улучшены шелковичные сады, въ ширванской и шекинской провинціяхъ, и произведены въ собственномъ его имѣніи, въ Карабагѣ, первые опыты посѣва сѣменъ хлопчатой бумаги, выписанныхъ съ острова Бурбона; не менѣе заботился онъ объ улучшеніи конскихъ заво-

довъ, изъ коихъ карабагскіе славились во всемъ Закавказскомъ краѣ, и даже въ Персіи (9).

Въ 1823 году, главныя дѣйствія русскихъ войскъ происходили на правомъ флангѣ Кавказской линіи, противъ закубанцевъ. Назначенный Ермоловымъ для командованія на линіи, начальникъ корпуснаго штаба Вельяминовъ, собравъ отрядъ при Невинномысскомъ укрѣпленіи, потребовалъ отъ закубанцевъ, чтобы они удалили отъ берега Кубани ближайшіе аулы, и перешелъ черезъ рѣку, 27-го іюня, у Баталпашинской переправы. Устрашенные наступленіемъ русскихъ войскъ, туземцы бѣжали за рѣчки Малый и Большой Зеленчукъ, съ потерею 1,400 душъ обоего пола, и огромныхъ стадъ скота. Всѣ захваченные нами плѣнные были поселены на правой сторонѣ Кубани. 30-го сентября, была предпринята экспедиція къ вершинѣ Лабы, доставившая около 600 плѣнныхъ и множество скота; а въ концѣ года, генералъ-маіоръ Власовъ, съ нѣсколькими тысячами конныхъ и пѣшихъ казаковъ, при шести орудіяхъ, вторгнулся въ землю шапсуговъ и заставилъ ихъ искать спасенія въ лѣсахъ покрывающихъ лѣвый берегъ Кубани; оставленныя ими селенія были разорены, при чемъ захвачена богатая добыча и орудія, полученныя закубанцами отъ Турокъ.

Между тѣмъ, еще лѣтомъ, взбунтовались мехтулинцы. Стоявшій тамъ съ отрядомъ, въ числѣ 1,300 человѣкъ при шести орудіяхъ, подполковникъ Евреиновъ расположился при Кафферъ-Кумыкѣ въ довольно крѣпкой позиціи; непріятельскія полчища, подойдя къ нашимъ войскамъ, сперва ограничивались перестрѣлкою, а потомъ стали рыть траншеи, чтобы подъ прикрытіемъ ихъ приблизиться къ нашему отряду и внезапно атаковать его. Но высланные въ ночи русскіе секретные пикеты открыли работу гор-

цевъ и завязали съ ними перестрѣлку; когда-же разсвѣло, наша артиллерія открыла огонь, а пѣхота ударила въ штыки, выбила непріятеля изъ окоповъ и истребивъ до двухъ сотъ человѣкъ, преслѣдовала остальныхъ до селенія, которое немедленно было занято русскими войсками. Уронъ нашъ не превосходилъ 43-хъ человѣкъ. За тѣмъ, отрядъ Евреинова, перейдя къ Параулу, расположился тамъ лагеремъ. Генералъ Ермоловъ, получивъ донесеніе о безпокойствіяхъ въ Дагестанѣ и не находя возможнымъ совершенно положиться на акушинцевъ, собралъ въ Владикавказѣ отрядъ, въ составѣ: баталіона Херсонскихъ гренадеръ, прибывшаго изъ Грузіи, баталіона Ширванскаго полка изъ Кабарды и сотни линейныхъ казаковъ, съ восемью орудіями, и двинулся, 20 сентября, по долинѣ Сунжи. Послѣ растаха въ крѣпости Грозной, войска шли, чрезъ крѣпость Внезапную и укрѣпленіе Кази-юртъ, до крѣпости Бурной, близъ Тарки, и прибыли туда 3-го октября. Генералъ Ермоловъ, на слѣдующій день, вступилъ въ мехтулинскій округъ и расположился въ Казаницѣ. Несмотря на слабость отряда, достаточно было прибытія главнаго начальника для удержанія въ повиновеніи всей окрестной страны ([10]).

Въ началѣ 1824 года, Ермоловъ посѣтилъ Шамхала въ Таркахъ. Туда пріѣхали къ нему нѣкоторые изъ бѣжавшихъ за Кубань кабардинцевъ, предлагая условія, на которыхъ они готовы были возвратиться на мѣста своего прежняго жительства, именно: 1) уничтожить сооруженныя нами въ 1822 году крѣпости и удалить наши войска отъ горъ; 2) оставить судную часть, на прежнемъ основаніи, въ рукахъ мусульманскаго духовенства, и 3) въ случаѣ отказа на сіи просьбы, оставить ихъ за Кубанью, запретивъ нашимъ войскамъ нарушать ихъ спокойствіе и взявъ

въ удостовѣреніе ихъ покорности заложниковъ. Генералъ Ерлоловъ, зная, что все это повело-бы къ продолженію разбоевъ, и что до побѣга Кабардинцевъ за Кубань мы имѣли отъ нихъ заложниковъ, и, при всемъ томъ, они продолжали дѣлать набѣги, отвѣчалъ, что былобы несправедливо предоставить имъ какія-либо выгоды на-равнѣ съ тѣми ихъ соотечественниками, которые не переставали быть вѣрными русскому правительству. Тогда-же явились съ повинною къ Ермолову нѣсколько извѣстныхъ бунтовщиковъ, изъявляя желаніе принести присягу на вѣрноподданство Императору. Изъ числа ихъ, отказано только тѣмъ, кои совершили непростительныя преступленія, да и такіе отпущены, какъ люди, предавшіе себя великодушію главнаго начальника. Но три изъ главнѣйшихъ виновниковъ мятежа, убившіе мехтулинскаго пристава, были повѣшены. Народъ, ожидавшій несравненно строжайшаго взысканія, сознавалъ умѣренность генерала Ермолова. Въ мартѣ, главнокомандующій проѣхалъ отъ Кубы до Шемахи съ конвоемъ 25-ти человѣкъ кубинской конницы ([11]).

На правомъ крылѣ Кавказской линіи, за болѣзнью генералъ-маіора Вельяминова, командовалъ артиллеріи полковникъ Коцаревъ, выказавшій необыкновенныя способности къ дѣйствіямъ Малой войны противъ закубанцевъ. Лучшимъ средствомъ для предупрежденія ихъ набѣговъ были стольже неожиданныя, сколько и быстрыя экспедиціи въ ихъ землю. Въ генварѣ 1824 года, Коцаревъ, намѣреваясь наказать бжедуховъ за ихъ разбои, собралъ по ночамъ къ Усть-Лабинской крѣпости до 2.300 человѣкъ пѣхоты и 1.000 линейныхъ казаковъ, съ 14-ю орудіями. Но какъ ни скрытны были его приготовленія, закубанцы успѣли собраться въ значительныхъ силахъ. Узнавъ о томъ, Коцаревъ переправился, 11-го вечеромъ, черезъ Ку-

банъ, разсѣялъ непріятельское скопище и разорилъ нѣсколько ауловъ. Вслѣдъ за тѣмъ, не давъ горцамъ времени оправиться, онъ сдѣлалъ удачный набѣгъ изъ Казанской станицы. Устрашенные нашими вторженіями, непріятели просили пощады. Въ апрѣлѣ того-же года, прибыли къ полковнику Коцареву князья и старшины всѣхъ закубанскихъ народовъ, отдавая себя и своихъ соотечественниковъ подъ покровительство Россіи и обѣщая исполнять всѣ приказанія русскихъ начальниковъ; вслѣдъ за тѣмъ явились нагайскіе султаны и мурзы, бѣжавшіе еще при Императрицѣ Екатеринѣ II-й въ горы, и просили о дозволеніи поселиться въ прежнихъ своихъ кочевьяхъ. Коцаревъ, желая имѣть въ нихъ вѣрныхъ союзниковъ для обузданія хищныхъ темиргойцевъ, согласился принять ихъ подъ покровительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ, чтобы они поселились на лѣвомъ берегу Кубани, между устьями Зеленчука и Урупа, что̀ и было немедленно исполнено. Нѣсколько спустя, кабардинскій князь Расламбекъ, желая открыть сообщеніе съ хищными каратаевцами, сталъ переселяться съ Урупа къ Каменному-мосту на верхней Кубани; ему содѣйствовали абазинцы, живущіе при вершинѣ Малаго Зеленчука. Полковникъ Коцаревъ, узнавъ о томъ, переправился черезъ Кубань у Баталпашинскаго редута и 20 іюня напалъ на абазинскіе аулы; жители ихъ, потерявъ 200 человѣкъ убитыми, до 400 душъ плѣнными, 600 лошадей и большія стада скота, бѣжали въ горы. Самъ Ермоловъ, получивъ преувеличенныя свѣдѣнія о сборѣ шапсуговъ и другихъ закубанцевъ на границахъ Черноморія, отправился на Линію. Анапскій паша, получивъ свѣдѣніе о его прибытіи, просилъ о прекращеніи дѣйствій противъ сосѣдственныхъ народовъ, увѣряя, что, съ своей стороны, приметъ мѣры для удержанія ихъ въ повино-

веніи; но нельзя было нисколько полагаться на такія обѣщанія, исполненіе которыхъ не зависѣло отъ воли Турокъ ([12]).

По представленіи Императору Александру донесеній генерала Ермолова, о дѣйствіяхъ полковника Коцарева противъ закубанцевъ, Высочайше повелѣно извѣстить Ермолова, что „Государь Императоръ согласенъ съ тѣмъ, чтобы начальствующіе войсками противъ горскихъ народовъ предупреждали ихъ вторженія, разсѣвая скопища, или отражая набѣги, вслѣдъ за оными, и наказывая ихъ, но отнюдь не за давно прошедшія хищничества; ибо, въ послѣднемъ случаѣ, по мнѣнію Его И. В-ва, такое дѣйствіе приметъ видъ мщенія, или попол3новенія къ добычѣ, и справедливо подастъ поводъ симъ народамъ укорять Россійское войско въ томъ, что имъ самимъ ставятъ въ укоризну. Сверхъ сего, Государь Императоръ, усматривая изъ отношенія, за № 307-мъ, что, при нападеніи на бжедуховскихъ горцевъ, 12-го генваря, немалое число спасавшихся на арбахъ женщинъ и малолѣтныхъ, бросавшихся въ воду, было перебито и потоплено, отозваться соизволилъ, что подобный успѣхъ не могъ служить ни къ славѣ россійскаго оружія, ни къ чести начальника отряда, и скорѣе возродитъ между непріязненными намъ горскими народами вящшее озлобленіе, чѣмъ склонитъ ихъ къ чувствамъ миролюбивымъ и довѣренности къ намъ; при томъ-же подобныя дѣйствія вовсе не согласуются съ тѣми благоразумными мѣрами, кои В. Высокопревосходительство къ удовольствію Его Вел-ва употребили при покореніи племенъ леклонскихъ, койсубулинскихъ и прочихъ за Сунжею..... ([13]).

Замѣчанія Государя, по поводу экспедиціи Коцарева, заставили Ермолова изложить обстоятельства, служившія къ оправданію подобныхъ дѣйствій про-

тивъ горскихъ народовъ. По его свидѣтельству, въ первые годы его управленія Закавказьемъ, онъ старался кроткими внушеніями побудить горцевъ къ сохраненію спокойствія, но всѣ такія усилія были безуспѣшны; его снисхожденіе имѣло въ глазахъ невѣжественныхъ племенъ видъ слабости и недостатка средствъ къ обузданію непокорныхъ; убійства и грабежи увеличились. Убѣдясь, что нерѣдко бываетъ выгоднѣе предупреждать враждебныя покушенія, нежели отражать ихъ, Ермоловъ разрѣшалъ начальникамъ войскъ на правомъ флангѣ Линіи переходить за Кубань и наказывать ближайшія селенія, гдѣ обыкновенно составлялись разбойничьи скопища. Когда же бѣглые кабардинцы успѣли склонить къ набѣгамъ въ наши земли единовѣрныхъ себѣ закубанцевъ, составили значительное скопище, и разоривъ селеніе Круглолѣское, увлекли въ плѣнъ триста душъ, тогда уже нельзя было оставить такое оскорбленіе безъ возмездія. Тѣмъ не менѣе однакоже Ермоловъ, зная, какъ пріятны были Государю кроткія мѣры, рѣшился испытать ихъ, прежде нежели прибѣгнуть къ оружію. Начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-маіоръ Вельяминовъ, собравъ отрядъ у Невиннагомыса, но еще не переходя за Кубань, собралъ почетнѣйшихъ закубанскихъ князей, безъ согласія коихъ не могло случиться разореніе Круглолѣскаго, объяснилъ имъ, какія могъ имѣть для нихъ самихъ гибельныя послѣдствія подобный набѣгъ, и потребовалъ, чтобы они возвратили захваченныхъ ими плѣнныхъ. Но невѣжество и надменность Азіятцевъ недоступны убѣжденію, если оно не поддерживается оружіемъ. Закубанцы отказали въ удовлетвореніи нашего справедливаго домогательства. Экспедиціи, совершенныя Вельяминовымъ, заставили нагайцевъ и сосѣдственныхъ имъ закубанцевъ раскаяться въ ихъ

дерзости, но не побудили къ сохраненію спокойствія. Въ такихъ обстоятельствахъ, надлежало продолжать дѣйствія, и командованіе отрядомъ, за болѣзнью генерала Вельяминова, было поручено полковнику Коцареву, который вовсе неискалъ наказать закубанцевъ за ихъ прежнія, давно минувшія, хищничества, а продолжалъ дѣйствія, начатыя противъ племенъ, наиболѣе участвовавшихъ въ разореніи селенія Круглолѣскаго и готовыхъ возобновить такіе-же разбои. Ограничиваясь отраженіемъ набѣговъ,—писалъ Ермоловъ — мы будемъ принуждены держать на Кубани излишнее число войскъ, да и тѣ, по неудобству кордонной обороны, не всегда успѣютъ встрѣтить во-время непріятеля, и покорные намъ жители подвергнутся большимъ бѣдствіямъ. По поводу-же сдѣланнаго Государемъ замѣчанія, на счетъ экспедиціи противъ бжедуховъ, генералъ Ермоловъ сознался, что „такія дѣйствія, конечно послужили-бы къ безславію войскъ, еслибы не были вынуждены крайнею необходимостью". Когда горцы, не успѣвъ удалить своихъ семействъ, защищаютъ ихъ отчаянно, либо когда бѣгущихъ женщинъ и дѣтей заслоняетъ толпа людей, сражающихся съ остервененіемъ, тогда никакая заботливость сострадательнѣйшаго изъ начальниковъ не можетъ спасти невинныхъ отъ гибели. Солдаты, видя опустошеніе собственныхъ селеній и слыша стоны соотечественниковъ, оплакивающихъ семейства свои, увлеченныя въ тяжкое рабство, не всегда могутъ заглушить въ себѣ чувство мщенія, да и укрощать ихъ начальническою властью не всегда удобно. „Исполняя священную волю Императора, не пренебрегается ни одного случая, въ которомъ-бы не было употреблено снисхожденія и кротости, буде возможны или приличествуютъ, и доказательство сему — число взятыхъ за Кубанью плѣнныхъ, обоего пола

и всякаго возраста, превосходящее двѣ тысячи душъ. Нерѣдко однакоже вынуждаютъ строгое наказаніе упорство горскихъ жителей, утверждаемое грубѣйшимъ невѣжествомъ, и наклонности, пораждаемыя привычкою къ свободѣ необузданной. Страхъ есть единственное чувство, воздерживающее ихъ отъ непріязненныхъ дѣйствій: опытъ многихъ лѣтъ въ томъ удостовѣряетъ"....(14).

Въ отвѣтъ на сей отзывъ генерала Ермолова, генералъ-адъютантъ Дибичъ писалъ ему: „Государь Императоръ изволилъ выслушать съ благосклоннымъ вниманіемъ излагаемыя вами обстоятельства къ обясненію мѣръ употребляемыхъ вами противъ горскихъ народовъ, и доводы, приводимыя къ оправданію дѣйствій полковника Коцарева. Признавая основательность первыхъ, Государь Императоръ изволилъ поручить мнѣ повторительно увѣрить Ваше Высокопр-во, что Его И. Величество всегда отдавалъ и отдаетъ полную справедливость благоразумнымъ предначертаніямъ вашимъ, служащимъ основою военныхъ дѣйствій въ томъ краю, съ самаго начала вступленія вашего въ управленіе онымъ, и что неоднократно увѣнчанныя блистательнымъ успѣхомъ предпріятія противъ горскихъ народовъ свидѣтельствуютъ и прозорливость вашу, и прочность оныхъ. Но одобряя мѣры рѣшительной строгости, гдѣ таковыя необходимы, Его Величество не изволилъ согласиться, что сіе когда-либо должно распространяться на угнетеніе обезоруженныхъ, и еще менѣе женъ и дѣтей ихъ. Государь Императоръ несомнѣнно увѣренъ, что россійскій воинъ чуждъ духа мщенія, что чувство сіе несовмѣстно со врожденною ему кротостью сердца и приверженностью законамъ, и что начальникъ, пріобрѣвшій довѣренность своихъ солдатъ, безъ труда, и въ самомъ пылу сраженія, мо-

жетъ управлять ихъ дѣйствіями. Незабвенная отечественная война, ознаменовавъ предъ вселенною кротость и великодушіе россійскаго воинства, служитъ ближайшимъ доказательствомъ сей истины, и Его Величество, видя частые примѣры оной и въ войскахъ Кавказскаго корпуса, желаетъ только, чтобы нигдѣ не оказывалось ни малѣйшаго отступленія" ([15]).

Въ Абхазіи, по смерти владѣтельнаго князя Димитрія Шервашидзе, возникли неудовольствія противъ преемника и брата его, князя Михаила. Для усмиренія мятежа выступилъ изъ Сухумъ-Кале, съ частью тамошняго гарнизона, подполковникъ Михинъ. Мятежники, оборонявшіеся въ одномъ изъ селеній, были истреблены; но самъ Михинъ былъ убитъ. Возмущеніе сдѣлалось общимъ во всей области, и князь Михаилъ, отправя свою мать подъ защиту нашихъ войскъ въ Сухумъ, укрылся съ тремя стами Русскихъ при двухъ орудіяхъ въ селеніи Соупсу и былъ обложенъ тамъ бунтовщиками болѣе полутора мѣсяца. Посланный на выручку его, командовавшій въ Имеретіи генералъ-маіоръ князь Горчаковъ, съ 1400 человѣкъ и двумя орудіями, переправился 8 іюня черезъ рѣку Кадоръ и двинулся противъ непріятеля, расположеннаго, въ числѣ 3000 человѣкъ, на довольно сильной позиціи, у морскаго берега. 9 іюля прибыли въ помощь Горчакову крейсеровавшіе у береговъ Абхазіи, фрегатъ и бригъ, и пришелъ владѣтель Мингреліи, князь Дадіанъ съ 1200 человѣкъ своей милиціи; а 10-го суда наши открыли пальбу по непріятельскимъ заваламъ, между тѣмъ какъ береговой отрядъ атаковалъ ихъ съ фланга; Абхазцы были обращены въ бѣгство и къ вечеру князь Гор-

чаковъ прибылъ въ Сухумъ-Кале. Слѣдствіемъ того было освобожденіе укрѣпленія у Соупсу. 24 іюля, чему содѣйствовала вылазка тамошняго гарнизона, подъ начальствомъ Мингрельскаго полка штабсъ-капитана Морачевскаго. Вся Абхазія покорилась своему владѣтелю.

Въ 1825 году, на Кубани, гдѣ командовалъ генералъ-маіоръ Вельяминовъ, было предпринято нѣсколько удачныхъ поисковъ, какъ самимъ начальникомъ войскъ, такъ и высланными имъ съ отрядами, генералъ-маіоромъ Власовымъ и полковникомъ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ, истребившими нѣсколько ауловъ и большіе запасы хлѣба и сѣна ([16]). Получивъ о томъ донесенія Ермолова, Императоръ Александръ отвѣчалъ на нихъ слѣдующимъ рескриптомъ:

„Алексѣй Петровичъ! Получивъ донесенія ваши, отъ 20 мая, отъ 9 и 23 іюня, о сдѣланныхъ поискахъ во владѣніяхъ закубанцевъ и объ истребленіи генералъ-маіоромъ Власовымъ нѣсколькихъ ауловъ, а полковникомъ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ одного селенія, въ коемъ было до 300 домовъ, Я не могу перемѣнить объявленное вамъ прежде убѣжденіе Мое, что подобные поиски и истребленіе селеній, коихъ жители не изобличены въ дѣйствительномъ участіи при нападеніи на подданныхъ или союзниковъ нашихъ, не усмиряютъ ихъ, но по духу сего народа, склоннаго и обычаями, и законами, къ мщенію за обиды, ведутъ только къ большему его противъ насъ ожесточенію. Почему повторяю вамъ желаніе Мое, чтобы поиски въ земляхъ сосѣдственныхъ намъ народовъ были дѣланы только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, какъ-то: для избавленія плѣнныхъ подданныхъ нашихъ, или союзниковъ, еслибы таковые увлечены были по какой-либо оплошности

или недостаточной осмотрительности по военной нашей линіи, или-же въ такомъ разѣ, когда вѣрныя извѣстія о сборѣ и намѣреніи разбойничьихъ шаекъ напасть на границы наши представятъ полезнымъ дѣломъ предупредить и разогнать ихъ сборища. Но и въ сихъ случаяхъ, кои могутъ быть рѣдки, Я желаю, чтобы вы внушили войскамъ, и въ особенности начальникамъ, подъ строжайшею ихъ отвѣтственностію, чтобы всѣ дѣйствія были соображаемы болѣе съ видами существенной пользы и Моими на то повелѣніями, и что истинная военная храбрость уважается и отличается только тогда, когда она употреблена противъ вооруженнаго непріятеля и соединена съ тою необходимою военною дисциплиной, которая въ минуту побѣды въ состояніи пощадить побѣжденнаго, и остановить всякое мщеніе надъ безоружными, надъ женами и дѣтьми, столь нетерпимое въ побѣдоносныхъ россійскихъ войскахъ и помрачающее всякую славу побѣдителей. Сіе самое останавливаетъ Меня и въ испрашиваемомъ вами награжденіи полковника князя Бековича-Черкасскаго орденомъ Св. Георгія; ибо если распоряженіе его къ первоначальному нападенію на непріятельское селеніе и овладѣнію онымъ безъ потери заслуживаетъ одобренія, то, съ другой стороны, онъ теряетъ право на награду тѣмъ, что благоразумно начатое дѣло было окончено совершеннымъ истребленіемъ болѣе 300 семействъ, изъ коихъ, конечно, большая часть была женщинъ и дѣтей, невинныхъ и вѣрно не участвовавшихъ въ защитѣ, еслибы даже нѣкоторые жители, при должномъ обѣщаніи пощады, и могли быть увлечены упорнѣйшими къ оборонѣ. Умѣніе держать подчиненныхъ въ должномъ повиновеніи при побѣдѣ, равно какъ и въ несчастіи, есть изъ первыхъ достоинствъ военачальника, и Я не намѣренъ награж-

дать тѣхъ, кои не дѣйствуютъ въ семъ важномъ случаѣ во всей точности Моихъ повелѣній.

„Таганрогъ. Сентября 29 дня 1825 года".

Въ это время возникло и стало распространяться между народами сѣвернаго Дагестана новое магометанское ученіе, получившее извѣстность подъ названіемъ *мюридизма*. Основателемъ его былъ лжепророкъ Мулла-Магометъ, уроженецъ селенія Ярагъ, въ кюринской области, который, увлекаясь самъ и увлекая невѣжественныхъ туземцевъ превратнымъ толкованіемъ Корана, возбуждалъ ихъ къ ополченію противъ невѣрныхъ (Казаватъ), какъ главнѣйшей обязанности послѣдователей Ислама. Въ 1824 году, число учениковъ Муллы-Магомета (мюридовъ) уже было столь значительно, что самъ Ермоловъ отправился въ Кубу и приказалъ Асланъ-хану казыкумыкскому прекратить безпорядки новой секты; но Асланъ-ханъ, хотя и покорный русскому правительству, не хотѣлъ, либо не могъ исполнить полученнаго имъ приказанія, и мюридизмъ ежедневно пріобрѣталъ новыхъ приверженцевъ въ Дагестанѣ и Чечнѣ. Въ числѣ ихъ былъ гимринскій житель, другой лжепророкъ, впослѣдствіи получившій громкую извѣстность, подъ именемъ Кази-муллы.

Ночью съ 7-го на 8-е іюля 1825 года, чеченцы, возбужденные Муллою-Магометомъ, напали на укрѣпленный постъ Амиръ-Аджи-юртъ. Начальникъ поста, 43-го егерскаго полка капитанъ Осиповъ, будучи застигнутъ врасплохъ, защищался упорно и уже раненый кинулся въ Терекъ и утонулъ; большая-же часть гарнизона успѣла переплыть черезъ Терекъ. Сарай, покрытый камышемъ, гдѣ хранились заряды крѣпостныхъ орудій, загорѣлся, и произошелъ сильный

взрывъ, отъ котораго погибло нѣсколько нашихъ и горцевъ. Генералъ-маіоръ Грековъ, узнавъ о нападеніи горцевъ на Амиръ-Аджи-юртъ, прибылъ съ отрядомъ, собраннымъ у станицы Червленной, къ Герзели-аулъ, усилилъ тамошній гарнизонъ ротою егерей съ двумя орудіями и приказалъ исправить укрѣпленіе; а оттуда двинулся въ крѣпость Внезапную, усилилъ и тамъ гарнизонъ одною ротою и возвратился въ Червленную, гдѣ подъ его начальствомъ собирались войска. Между тѣмъ чеченцы, распустивъ преувеличенные слухи объ одержанномъ ими успѣхѣ, привлекли къ себѣ сосѣднихъ горцевъ и въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ обложили Герзели-аулъ. Непріятель, отрѣзавъ гарнизонъ отъ воды, прикрылся окопами, въ видѣ траншей, и штурмовалъ укрѣпленіе. Чеченцы, перейдя черезъ ровъ, взлѣзли на валъ, но были отбиты; тѣмъ не менѣе однакоже къ нимъ пристали аксаевцы и готовы были также принять ихъ сторону андреевскіе жители. Мятежъ угрожалъ распространиться по всему пространству Дагестана. Для противодѣйствія многочисленнымъ скопищамъ, появившимся на нѣсколькихъ пунктахъ, начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи и Кавказской области, генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ, приказалъ 1-му баталіону Ширванскаго полка идти въ Грозную, а 2-му въ станицу Червленную; самъ-же, не выжидая его прибытія рѣшился, съ собранными у Червленной тремя ротами 43-го егерскаго полка и четырьмя сотнями линейныхъ казаковъ, при шести орудіяхъ, всего въ числѣ 1.400 человѣкъ, выступить на выручку Герзели-аула. Мятежники, атакованные Лисаневичемъ, 15 іюля, одновременно съ вылазкою гарнизона, понесли значительный уронъ и обратились въ бѣгство. Лжепророкъ бѣжалъ однимъ изъ первыхъ и всѣ послѣдователи его разсѣялись. Жители Аксая

просили пощады. Но генералъ Лисаневичъ, желая устрашить ихъ примѣромъ строгости, приказалъ представить къ себѣ почетнѣйшихъ старшинъ этого племени, и 16-го по утру уже до трехъ сотъ лучшихъ жителей Аксая было введено въ укрѣпленіе Герзель-аулъ. При этомъ не приняли никакихъ мѣръ осторожности: многіе изъ аксаевцевъ не были обезоружены, а нашъ караулъ не только не усиленъ, но и не выведенъ въ ружье, разосланы команды за дровами и на фуражировку, и въ укрѣпленіи оставалось менѣе солдатъ, нежели горцевъ. Генералъ Лисаневичъ, выйдя, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, къ горцамъ, сталъ, въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, упрекать ихъ въ гнусной измѣнѣ, не щадилъ угрозъ и вызывалъ старшинъ по представленному ему списку. Зная хорошо татарскій языкъ, онъ объяснялся безъ переводчика съ чрезвычайною строгостью. Двое изъ вызванныхъ старшинъ изъявили покорность и отдавъ свое оружіе, были отведены подъ стражу; а третій, видя участь первыхъ, подкрался къ Лисаневичу, бросился на него съ кинжаломъ, скрытымъ подъ одеждою, и поразилъ его въ животъ смертельно, а потомъ умертвилъ нѣсколькими ударами Грекова. Главный кумыкскій приставъ капитанъ Филатовъ, человѣкъ уже пожилой, бросился на убійцу и самъ былъ раненъ; но одинъ изъ Армянъ застрѣлилъ злодѣя. Генералъ Лисаневичъ, захватя рукою рану, стоялъ опершись о заборъ, и только при извѣстіи о смерти Грекова вырвалось у него роковое слово: „коли!" бывшее сигналомъ поголовнаго истребленія виновныхъ и невинныхъ, и даже людей совершенно преданныхъ намъ: въ числѣ ихъ было нѣсколько андреевскихъ жителей. Генералъ Ермоловъ, получивъ свѣдѣніе объ этомъ ужасномъ событіи, 22 іюля (за два дня до кончины Ли-

саневича), отправился на Линію, но былъ удержанъ въ Владикавказѣ тяжкою болѣзнью до 3-го августа. Къ счастью, чеченцы не воспользовались невольнымъ бездѣйствіемъ грознаго для нихъ русскаго военачальника. Во время пребыванія въ Владикавказѣ, Ермоловъ приказалъ оставить укрѣпленіе Преградный Станъ, построенный въ весьма невыгодномъ мѣстѣ, незадолго предъ тѣмъ умершимъ генералъ-маіоромъ Дельпоццо. Тогда-же сдѣлано Ермоловымъ распоряженіе — перенести военную дорогу, пролегавшую отъ Моздока до Владикавказа, черезъ хребетъ Кабардинскихъ горъ (весьма неудобную для движенія транспортовъ и подверженную набѣгамъ хищниковъ), на пространство отъ Екатеринограда, чрезъ урюхскую крѣпость и урочище Татартупъ, до Владикавказа.

Генералъ Ермоловъ, выступивъ изъ Владикавказа съ 1-мъ баталіономъ Ширванскаго полка и 250 казаками донскаго Сергѣева полка, при двухъ орудіяхъ, прибылъ въ Грозную, присоединилъ тамъ къ своему отряду двѣ роты 41-го егерскаго полка съ двумя орудіями, прошелъ Червленную станицу и переправясь черезъ Терекъ въ Амиръ-Аджи-юртѣ, двинулся поспѣшно, съ собранными имъ шестью пѣхотными ротами и 550 донскими и линейными казаками, къ Андреевскому, гдѣ нѣкоторые изъ жителей, возбужденные лжепророкомъ, готовились возмутиться. Появленіе нашихъ войскъ, 22 августа, заставило мятежниковъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Туда-же пришли прибывшіе изъ Бурной баталіонъ Апшеронскаго полка и одна рота 41-го егерскаго полка. Въ продолженіи пребыванія въ крѣпости Внезапной, Ермоловъ значительно исправилъ и усилилъ тамошнія укрѣпленія. Въ сентябрѣ крѣпостца Герзели-аулъ была перенесена на другое, болѣе удобное мѣсто, и жители Аксая переселены за рѣчку Ташъ-Кечу, гдѣ

они уже не могли сохранять связи съ побуждавшими ихъ къ измѣнѣ чеченцами. Часть собраннаго въ Герзели-аулѣ отряда, состоявшаго изъ двухъ баталіоновъ Ширванскаго, вторыхъ баталіоновъ Апшеронскаго и 41-го егерскаго полковъ, и роты 43-го егерскаго полка, при 12-ти орудіяхъ, была употреблена на усиленіе работъ въ Амиръ-Аджи-юртѣ, двѣ роты 41-го полка отправлены въ Грозную, а триста Донцевъ полковника Сергѣева отпущены на Донъ ([17]).

Между тѣмъ, на правомъ флангѣ Кавказской линіи велась весьма дѣятельно малая война.

Генералъ-маіоръ Вельяминовъ, заступившій мѣсто Лисаневича, предпринялъ, во второй половинѣ августа, нѣсколько удачныхъ поисковъ въ земли абадзеховъ, а потомъ, прибывъ въ Усть-Лабинскую крѣпость, 1-го сентября, и узнавъ о большомъ, сборѣ абадзеховъ и другихъ закубанцевъ, имѣвшемъ цѣлью вторженіе въ предѣлы покорныхъ Россіи племенъ, расположилъ казачьи полки, въ видѣ резервовъ, при редутахъ Св. Николая, Невинномысскомъ и Баталпашинскомъ, а маіора Грекова, съ 700 казаками и двумя орудіями, отправилъ къ устью Урюпа, и собравъ туда-же главныя силы отряда, перешелъ черезъ Кубань. Пользуясь удаленіемъ нашихъ войскъ отъ вершины Кубани, горцы напали на село Солдатское, при рѣкѣ Малкѣ, и вмѣстѣ съ кабардинцами разграбили и сожгли его; многіе изъ жителей были убиты, а другіе увлечены въ плѣнъ. Командиръ Кабардинскаго пѣхотнаго полка, подполковникъ Булгаковъ, догнавъ хищниковъ въ тѣсномъ ущельѣ, могъ наказать ихъ за дерзкое покушеніе, но не осмѣлился ударить на нихъ, за что велѣно ему подать въ отставку. „Мнѣ надобно было пройти чрезъ всю Кабарду—писалъ генералъ Ермоловъ Булгакову — чтобъ удостовѣриться, до какой степени простиралось неблагора-

зумное поведеніе ваше. Здѣсь-же я узналъ, до какой степени простиралось и подлая трусость ваша, когда, догнавъ шайку разбойниковъ, уже утомленную разбоемъ и обремененную добычею, вы не смѣли напасть на нее. Слышны были голоса нашихъ, просящихъ о помощи; но васъ заглушила подлая трусость; рвались подчиненные ваши освободить своихъ соотечественниковъ, но вы удержали ихъ. Изъ мыслей ихъ нельзя изгнать, что вы были или подлый трусъ, или измѣнникъ. И съ тѣмъ, и съ другимъ титуломъ, нельзя оставаться между людьми, имѣющими право гнушаться вами, а потому я прошу васъ успокоить ихъ поспѣшнымъ отъѣздомъ въ Россію. Я принялъ мѣры, чтобы, проѣзжая село Солдатское, вы не были осрамлены оставшимися жителями; конечно, я это сдѣлалъ не для спасенія труса, но сохраняя нѣкоторое уваженіе къ носимому вами чину. Примите увѣреніе въ томъ почтеніи, которое только вы заслуживать можете".

Происшествія въ Кабардѣ заставили генерала Ермолова отправиться, въ концѣ октября, изъ кумыкской области въ Грозную, и потомъ въ Екатериноградъ. На пути туда, выѣхавъ, 20 ноября, изъ Червленной станицы, Ермоловъ, въ сопровожденіи небольшаго казачьяго конвоя, подвергался нападенію значительнаго скопища чеченцовъ, но густой туманъ способствовалъ ему миновать устроенную противъ него засаду.

Въ Екатериноградѣ ожидалъ Ермолова возвратившійся изъ Персіи, повѣренный въ дѣлахъ, г. Мазаровичъ. Посольство Ермолова въ Тегеранъ не прекратило недоразумѣній, возникшихъ по поводу исполненія условій Гюлистанскаго трактата. Персіяне все еще надѣялись, что наше правительство имъ уступитъ часть завоеваній, сдѣланныхъ русскими войсками, и по тому ни усилія коммисаровъ, высланныхъ

для обоюднаго разграниченія обоихъ государствъ, ни представленія статскаго совѣтника Мазаровича не имѣли успѣха. Впрочемъ самый выборъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ оказался весьма неудаченъ. Вмѣсто того, чтобы заботиться о достиженіи важной цѣли — прекращенія несогласій между обѣими державами, Мазаровичъ исключительно обратилъ вниманіе на свои личныя выгоды и на удовлетвореніе личнаго честолюбія, употреблялъ всевозможные происки для удаленія изъ Персіи русскаго консула, статскаго совѣтника Ващенка, и чрезъ то совершенно потерялъ вѣсъ въ глазахъ тегеранскаго двора ([18]). Аббасъ-мирза, желая возвысить свое вліяніе на Шаха, пріобрѣтеніемъ какихъ-либо областей, уступленныхъ намъ по Гюлистанскому трактату, старался перетолковать его въ пользу Персіи; въ случаѣ-же возобновленія войны, надѣялся на лучшій прежняго успѣхъ, возбудивъ къ общему возстанію противъ Россіи мусульманъ, сдѣлавшихся недавно русскими подданными и сохранявшихъ прежнія связи съ Персіею. Войны желали тогда всѣ сословія въ Персіи: люди знатнаго рода, потому что во время мира, Шахъ, смиривъ различныя партіи, получалъ возможность поставить всюду начальниками многочисленныхъ дѣтей своихъ, и чрезъ то нарушить выгоды всѣхъ домогавшихся пріобрѣсть наивысшія мѣста въ государствѣ; простому народу была выгодна война, въ продолженіи коей персидское правительство нѣсколько смягчало свою обычную строгость и уменьшало налоги; въ особенности-же пограничные жители тогда пользовались всевозможными льготами изъ опасенія тегеранскаго двора, чтобы они не воздали за жестокость измѣною и не приняли Русскихъ, какъ избавителей отъ лежащаго на нихъ ига: люди военные увлекались надеждою полученія наградъ, не о-

пасаясь отвѣтственности, которую слагали съ нихъ прежнія неудачи Аббасъ-мирзы и извѣданное на опытѣ превосходство русскихъ войскъ; наконецъ, мусульманскіе духовные, во время войны, усердствуя видамъ правительства, получали средства къ обогащенію и пользовались большимъ уваженіемъ въ народѣ, возбуждая его фанатизмъ и не подвергаясь сами никакой опасности.

Въ мартѣ 1825 года прибылъ въ Тифлисъ, для переговоровъ о взаимныхъ границахъ обѣихъ державъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ персидскихъ сановниковъ, Фетъ-Али-ханъ, беглербегъ (намѣстникъ) таврисскій; при немъ находились инженерный офицеръ и секретарь, приданный, по обычаю тегеранскаго двора, беглербегу, для наблюденія за его дѣйствіями. Съ нашей стороны, поручено было вести переговоры генералъ-лейтенанту Вельяминову 1-му. Въ короткое время, всѣ недоразумѣнія разсѣялись, благодаря искреннему и разсудительному поведенію персидскаго дипломата. Фетъ-Али-ханъ былъ увѣренъ, что онъ оказалъ величайшую услугу своему отечеству, предупредивъ разрывъ и войну съ Россіею. Вышло иначе: Аббасъ-мирза принялъ его весьма неблагосклонно и сообщилъ Ермолову свои замѣчанія на актъ, заключенный Фетъ-Али-ханомъ, превратно толкуя условія Гюлистанскаго трактата. Вслѣдъ за тѣмъ, генералъ Ермоловъ получилъ отъ Мазаровича депешу, изъ которой было видно, что Аббасъ-мирза, уполномоченный Шахомъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, требовалъ отъ нашего правительства уступки части Карабага, Муганской степи и Талыша ([19]).

Императоръ Александръ, желая непремѣнно оставаться въ мирѣ съ Персіянами, повелѣлъ графу Нессельроду сообщить генералу Ермолову Высочайшую

волю — избѣгать всевозможно всякаго повода къ разрыву между обѣими державами (20).

Въ отвѣтъ на отзывъ графа Нессельрода, Ермоловъ писалъ, что.... „для избѣжанія войны, нерѣдко есть вѣрнымъ средствомъ самая къ войнѣ готовность", и что „симъ средствомъ удобнѣе всѣхъ прочихъ можно удержать Персіянъ отъ непріязненныхъ дѣйствій". Далѣе —было сказано: „Продолжу осторожность мою, дабы не подать повода къ нарушенію пріязненнаго расположенія, о чемъ подтверждено и всѣмъ пограничнымъ начальникамъ. Буду удерживать пространство земли по озеру Гокча, отъ рѣки большой Сатанеплъ до урощища Баратъ-Гедюкъ, на правахъ status quo ad praesentum, на каковыхъ удерживаютъ Персіяне со стороны Карабага пространство несравненно большее земли между рѣками Капанчаемъ и Канакчаемъ, которое они, вопреки смысла трактата, почитаютъ себя принадлежащимъ. Въ заключеніе обязанъ сказать, что никакія уступки не могутъ имѣть мѣста безъ ощутительнаго для насъ вреда, что̀ утверждать не престану" (21).

Вооруженія Персіи въ сосѣдствѣ нашихъ границъ, вмѣстѣ съ волненіями мусульманскаго населенія въ Закавказьѣ и появленіемъ значительныхъ скопищъ противъ праваго фланга и центра Кавказской Линіи, побудили генерала Ермолова просить объ усиленіи ввѣреннаго ему корпуса: въ такомъ положеніи была страна при кончинѣ Императора Александра I.

ГЛАВА LXXVIII.

Измѣненіе порядка престолонаслѣдія. Путешествіе Императора Александра въ восточныя области Европейской Россіи. Наводненіе въ Петербургѣ.

(1822—1824 г.)

Въ послѣдніе годы своей жизни, Императоръ Александръ I не предпринималъ заграничныхъ путешествій и только одинъ разъ былъ въ Варшавѣ, по случаю созваннаго тамъ въ 1825 году сейма. Въ эту эпоху, онъ проводилъ время большею частью въ любимомъ своемъ мѣстопребываніи, Царскомъ Селѣ, и посѣтилъ различныя страны Имперіи. Принявъ верховную власть какъ тяжкое бремя и совершивъ славные подвиги, Александръ вздыхалъ о спокойной, безмятежной жизни, и въ кругу лицъ, обладавшихъ его довѣріемъ, нерѣдко изъявлялъ желаніе отказаться отъ престола и промѣнять багряницу на скромный удѣлъ частнаго человѣка. Въ продолженіи Ахенскаго конгреса, бесѣдуя на-единѣ съ другомъ своимъ, Королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, Императоръ Александръ открылся ему въ намѣреніи удалиться отъ свѣта — „который — по словамъ Государя — наскучилъ ему". — „Я пересталъ заблуждаться на счетъ благодарности и преданности людей, и по тому обратилъ

всѣ мои помышленія къ Богу" — сказалъ онъ своему вѣнчанному другу. Неожиданная кончина любимой сестры Императора, Королевы Виртембергской Екатерины Павловны, усилила его мрачное настроеніе и заставила помышлять о собственной смерти, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь былъ снѣдаемъ заботою о будущей судьбѣ Россіи. Великій Князь Константинъ Павловичъ, которому предлежало, по праву старшинства, наслѣдство престола, никогда не готовилъ себя къ столь высокому сану, и даже не помышлялъ о томъ. Добрый, но до крайности вспыльчивый и не владѣвшій собою, онъ чувствовалъ самъ, какъ трудны были-бы для него обязанности, налагаемыя правленіемъ огромной Монархіи, и не желалъ никакой перемѣны въ своемъ положеніи. Императоръ Александръ, знавшій виды Великаго Князя, готовилъ себѣ въ преемники Николая Павловича, старшаго изъ своихъ прочихъ братьевъ, кои будучи гораздо моложе его, относились къ нему, какъ дѣти къ уважаемому и любимому родителю (1).

Великій Князь Николай Павловичъ, въ небольшомъ кругу своихъ тогдашнихъ обязанностей, исполняя ихъ съ усердіемъ и дѣятельностью, постоянно заслуживалъ одобреніе Государя. Въ іюнѣ 1819 года, Императоръ былъ восхищенъ распоряженіями своего брата на маневрахъ въ Финляндіи. Въ августѣ того-же года, осмотрѣвъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ 2-ю гвардейскую бригаду, состоявшую подъ командою Великаго Князя, онъ выразилъ ему свою живѣйшую признательность, и отобѣдавъ у него въ палаткѣ, продолжалъ съ нимъ искреннюю бесѣду, въ присутствіи его супруги, Великой Княгини Александры Ѳеодоровны. „Твое усердіе и твоя добросовѣстность, любезный Николай — сказалъ онъ — радуютъ меня, тѣмъ паче, что на тебя будутъ возложены въ

послѣдствіи гораздо важнѣйшія обязанности и отвѣтственность, нежели ты ожидаешь самъ". Великій Князь полагалъ, что Вѣнчанный братъ его хотѣлъ поручить ему въ команду какую-либо значительную часть войскъ, но Государь не оставилъ его въ недоумѣніи на счетъ своихъ видовъ и обратясь къ юной четѣ, продолжалъ: „Съ радостью вижу ваше семейное и родительское счастіе, хотя самъ, быть можетъ - по собственной винѣ, не испыталъ его, да и воспитаніе, данное мнѣ и брату Константину, не было направлено къ тому, чтобы мы научились цѣнить подобное счастіе. Государямъ, для тяжкихъ и постоянныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ исполненіемъ лежащихъ на нихъ обязанностей, необходимы, сверхъ другихъ качествъ, въ нашемъ вѣкѣ болѣе чѣмъ когда-либо, здоровье и физическія силы: а я чувствую постепенное ихъ ослабленіе и предвижу, что вскорѣ не буду въ состояніи исполнять эти обязанности такъ, какъ всегда ихъ понималъ, почему считаю за долгъ и непреложно рѣшился отказаться отъ престола, лишь только замѣчу, по упадку своихъ силъ, что настало къ тому время. Я не разъ говорилъ объ этомъ съ Константиномъ, но онъ, будучи почти однихъ со мною лѣтъ, въ тѣхъ-же семейныхъ обстоятельствахъ, и съ врожденнымъ, сверхъ того, отвращеніемъ отъ престола, рѣшительно отказывается мнѣ наслѣдовать, тѣмъ болѣе, что мы оба видимъ на васъ явный знакъ благодати Божіей, даровавшей вамъ сына. И такъ вы должны знать, что васъ ожидаетъ въ будущемъ Императорскій санъ".

Какъ громомъ пораженные неожиданною вѣстью, молодые супруги, въ слезахъ, не находили словъ для отвѣта. Александръ, видя сильное волненіе Великаго Князя и его супруги, со свойственною ему ангельскою лаской, старался успокоить ихъ. „Не бой-

тесь — сказалъ онъ. — Минута къ тому еще не наступила: быть можетъ до нея пройдетъ нѣсколько лѣтъ. Я хотѣлъ только заблаговременно пріучить васъ къ мысли о непреложно и неизбѣжно ожидающей васъ будущности". Напрасно Великій Князь представлялъ, что никогда не готовился къ высокому сану Императора; что не чувствуетъ въ себѣ ни достаточныхъ силъ, ни необходимой крѣпости духа для такого великаго дѣла; что у него одно желаніе — служить Государю вѣрою и правдою, въ назначенномъ ему кругу обязанностей. Государь отвѣчалъ: „я самъ, внезапно вступивъ на престолъ, не былъ приготовленъ къ тому, да и дѣла тогда были крайне запущены: хотя въ послѣдніе годы Императрицы Екатерины порядку было и мало, однакоже все держалось еще прежнимъ; а послѣ нея, вслѣдствіе принятаго правила совершенно уничтожить все, дотолѣ бывшее, и остальной порядокъ былъ разрушенъ безъ замѣна другимъ; мое положеніе было весьма трудно, но теперь, послѣ преобразованій, мною сдѣланныхъ, ты найдешь все въ устройствѣ и тебѣ придется только поддерживать его (2).

Въ послѣдствіи, Государь, въ бесѣдахъ съ Великимъ Княземъ и его супругою, не рѣдко опять намекалъ на тотъ-же предметъ, не входя въ какія-либо подробности, а они сами всячески старались отъ сего уклониться (3).

Въ 1819 году, Императоръ Александръ посѣтилъ Варшаву, чтобы лично убѣдиться въ непреложности намѣренія Великаго Князя Константина Павловича — отказаться отъ престола. Когда Великій Князь открылъ ему желаніе свое — расторгнуть бракъ съ своею супругою и вступить въ новый съ графинею Жанетою Грудзинскою, Государь объявилъ ему, что такой союзъ лишитъ его права на престолонаслѣдіе. Кон-

стантинъ Павловичъ отвѣчалъ, что онъ охотно пожертвуетъ этимъ правомъ семейному счастію. Слѣдствіемъ совѣщанія Августѣйшихъ братьевъ было расторженіе перваго брака Великаго Князя и супружескій союзъ его съ Грудзинскою, получившею титулъ княгини Ловичъ. Тогда-же, въ Высочайшемъ Манифестѣ, было объявлено слѣдующее: „если какое лице изъ Императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицемъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, т. е. непринадлежащимъ ни къ какому Царствующему или Владѣтельному Дому, въ такомъ случаѣ лице Императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ Императорской фамиліи, и раждаемыя отъ такого союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованіе престола“ (4). Этотъ манифестъ не долженъ былъ оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ отреченіи Константина Павловича отъ престолонаслѣдія; но объявленіе правительства о предметѣ, долженствовавшемъ оказать столь важное вліяніе на судьбы Имперіи, прошло у насъ незамѣтно, не возбудивъ никакихъ толковъ въ обществѣ. Напротивъ того, въ Пруссіи, вѣсть о высокой будущности, ожидавшей принцессу, дочь Короля Фридриха-Вильгельма, разнеслась съ быстротою молніи и возбудила общій восторгъ. Когда, въ октябрѣ 1820 года, Александра Ѳеодоровна, впервые послѣ своего замужства, посѣтила вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Берлинъ, народъ встрѣтилъ ихъ громкими восклицаніями, и раздались возгласы: „да здравствуетъ великій князь, русскій наслѣдникъ!“ Знаменитый Александръ Гумбольдтъ, будучи представленъ Королемъ Великому Князю, сказалъ въ полголоса своему Государю: „быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что этотъ молодой принцъ будетъ величайшимъ Монархомъ своего времени“. Великій Князь,

весьма ласково принявшій Гумбольдта, до того былъ недоволенъ его нескромнымъ замѣчаніемъ, что перестал съ нимъ говорить и удалился отъ него.

Августѣйшіе братья Царственнаго дома были связаны между собою тѣснѣйшею, искреннею дружбою; но взаимныя отношенія ихъ представляли существенное различіе: въ средѣ ихъ, Александръ, какъ добрый отецъ, уважаемый и любимый прочими братьями, питалъ особенное расположеніе къ Николаю: а Константинъ къ Михаилу. Лѣтомъ 1821 года, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, по выздоровленіи отъ тяжкой болѣзни, пользовался водами въ Карльсбадѣ и Маріенбадѣ и на возвратномъ пути заѣхалъ въ Варшаву, гдѣ тогда ожидали съ Эмскихъ водъ и Великаго Князя Николая Павловича съ супругою. Готовясь его встрѣтить, Цесаревичъ открылъ Михаилу Павловичу непремѣнное намѣреніе свое — уступить старшему по себѣ брату право на престолонаслѣдіе и служить ему вѣрно до гроба; „а когдабы и его не стало — продолжалъ Великій Князь — то съ такимъ-же усердіемъ буду служить его сыну, можетъ быть еще и съ большимъ, потому что онъ носитъ имя моего благодѣтеля“. По пріѣздѣ въ Варшаву Николая Павловича, Цесаревичъ принялъ его съ обычнымъ радушіемъ, но оказалъ ему такія высокія почести, которыя — казалось — не соотвѣтствовали его сану и по тому приводили въ замѣшательство юнаго Великаго Князя, но напрасно просилъ онъ освободить его отъ недолжнаго ему почета; Цесаревичъ продолжалъ обходиться съ нимъ по прежнему, отговариваясь шуткою: „это все отъ того, что ты Царь Мирликійскій!“ сказалъ онъ ([5]).

Въ слѣдующемъ году (1822) суждено было пріуготовиться великому событію, имѣвшему важное вліяніе на судьбы Россіи. Новый годъ былъ встрѣченъ

Царственнымъ семействомъ въ Петербургѣ, гдѣ собрались всѣ Великіе Князья, братья Государя, и Великая Княгиня Марія Павловна. Нѣсколько дней спустя, Цесаревичъ, окончательно изъявивъ Императору и вдовствующей Императрицѣ непремѣнную рѣшимость свою — отказаться отъ престолонаслѣдія, вручилъ, 14-го генваря, Государю письмо, проектъ котораго былъ разсмотрѣнъ и собственноручно исправленъ самимъ Императоромъ. Вотъ это письмо, съ означеніемъ въ немъ (курсивомъ) поправокъ Александра:

„Всемилостивѣйшій Государь! Обнадеженъ опытами неограниченнаго благосклоннаго расположенія Вашего Императорскаго Величества ко мнѣ, осмѣливаюсь еще разъ прибѣгнуть *къ оному* *) и изложить у ногъ Вашихъ, Всемилостивѣйшій Государь! всенижайшую просьбу мою:

„Не чувствуя въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть, когдабы то ни было, возведену на то достоинство, къ которому по рожденію моему могу имѣть право, осмѣливаюсь **) просить Вашего Императорскаго Величества передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ меня, и тѣмъ самымъ утвердить навсегда непоколебимое положеніе нашего Государства. Симъ *могу я прибавить* ***) еще новый залогъ и новую силу тому обязательству, которое ****) далъ *непринужденно и торжественно*, при случаѣ развода моего съ первою моею женою. Всѣ обстоятельства нынѣшняго моего положенія меня наиболѣе *къ сему* *****) убѣждаютъ и

---

*) Въ проектѣ письма было написано: «къ онымъ».

**) Въ проектѣ было здѣсь еще слово «вѣрноподданнѣйше».

***) Вмѣсто сихъ словъ, въ проектѣ было написано: «симъ самымъ я могу дать».

****) Стоявшее здѣсь въ проектѣ мѣстоимѣніе «я» зачеркнуто.

*****) Въ проектѣ было написано: «въ семъ».

будутъ предъ Государствомъ нашимъ и свѣтомъ новымъ *доказательствомъ моихъ искреннихъ чувствъ* *).

„Всемилостивѣйшій Государь! Примите просьбу мою благосклонно; испросите на оную согласіе всеавгустѣйшей родительницы *нашей* **) и утвердите оную Вашимъ Императорскимъ словомъ. Я же потщусь всегда, поступая въ партикулярную жизнь, быть примѣромъ Вашихъ вѣрноподданныхъ и вѣрныхъ сыновъ любезнѣйшаго Государства нашего".

Но Императоръ Александръ все еще колебался окончательно рѣшить дѣло и уже спустя двѣ недѣли, 2-го февраля, собственноручно отвѣчалъ Цесаревичу:

„Любезнѣйшій братъ! Съ должнымъ вниманіемъ читалъ Я письмо ваше. Умѣвъ всегда цѣнить возвышенныя чувства вашей доброй души, сіе письмо Меня не удивило. Оно дало Мнѣ новое доказательство искренней любви вашей къ Государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго.

„По вашему желанію предъявилъ Я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ Нашей. Она его читала съ тѣмъ-же, кахъ и Я, чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, васъ руководствовавшимъ.

„Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній".

На сей разъ, всѣ распоряженія Императора Александра по первостепенному государственному вопросу ограничились этими семейными письмами, о содер-

---

*) Сими словами замѣнены слѣдующія, находившіяся въ проектѣ: «опытомъ и новымъ залогомъ въ непринужденномъ моемъ на то согласіи, будучи торжественно сдѣлано».

**) Въ проектѣ было написано: «моей».

жанiи которыхъ не знали даже Николай Павловичъ и его супруга.

Въ 1823 году, Императоръ Александръ, возвращаясь, послѣ конгреса въ Веронѣ, въ Петербургъ, подвергся великой опасности. При проѣздѣ его по мосту близъ Порхова, подломилась подъ тяжестью царскаго экипажа перекладина и Государь былъ страшно ушибенъ. Къ счастью, этотъ случай не оказалъ ни какихъ вредныхъ послѣдствiй на здоровье Императора; но обычное ему грустное расположенiе духа усилилось. Томимый предчувствiемъ близкой кончины, онъ пожелалъ облечь силою закона семейное распоряженiе условленное имъ съ Цесаревичемъ, хотя и не хотѣлъ преждевременно объявлять о томъ во всеобщее свѣдѣнiе. Быть-можетъ кроткiй Александръ полагалъ, что, обнаруживъ тайну, низводившую съ высокой степени старшаго по немъ брата, онъ могъ оскорбить его самолюбiе, неоставляющее человѣка и въ самыхъ великодушныхъ порывахъ его. Составленiе акта объ измѣненiи порядка престолонаслѣдiя, утвержденнаго государственнымъ закономъ, было поручено московскому архiепископу (въ послѣдствiи — митрополитъ) Филарету. Ему было передано подлинное письмо Цесаревича, 14 генваря 1822 года, и повелѣно написать проектъ манифеста о назначенiи наслѣдникомъ престола Великаго Князя Николая Павловича, съ тѣмъ, чтобы сей актъ, оставаясь въ тайнѣ до времени его исполненiя, хранился въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Удостоенный Монаршаго довѣрiя Святитель усомнился въ томъ, какимъ образомъ, при восшествiи на престолъ, имѣющемъ быть въ Петербургѣ, сообразить это дѣйствiе съ манифестомъ втайнѣ хранящемся въ Москвѣ. Онъ не скрылъ

своего недоумѣнія, и Государь, вслѣдствіе того, соизволилъ, чтобы списки съ составляемаго акта хранились также и въ Петербургѣ, именно: въ государственномъ совѣтѣ, синодѣ и сенатѣ. Манифестъ, написанный Филаретомъ и исправленный имъ по указанію Государя, былъ слѣдующаго содержанія:

„Съ самаго вступленія Нашего на Всероссійскій престолъ, непрестанно Мы чувствуемъ Себя обязаннымъ предъ Вседержителемъ Богомъ, чтобы не только во дни Наши охранять и возвышать благоденствіе возлюбленнаго Намъ отечества и народа, но также предуготовить и обезпечить ихъ спокойствіе и благосостояніе послѣ Насъ, чрезъ ясное и точное указаніе преемника Нашего, сообразно съ правами Нашего Императорскаго Дома и съ пользами Имперіи. Мы не могли, подобно предшественникамъ Нашимъ, рано провозгласить его по имени, оставаясь въ ожиданіи, будетъ-ли благоугодно недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ даровать Намъ наслѣдника престола въ прямой линіи. Но чѣмъ далѣе протекаютъ дни Наши, тѣмъ болѣе поспѣшаемъ Мы поставить престолъ Нашъ въ такое положеніе, чтобы онъ ни на мгновеніе не могъ оставаться празднымъ.

„Между тѣмъ какъ Мы носили въ сердцѣ Нашемъ сію священную заботу, возлюбленный братъ Нашъ, Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, по собственному внутреннему побужденію, принесъ Намъ просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое онъ могъ-бы нѣкогда быть возведенъ по рожденію своему, передано было тому, кому оное принадлежитъ послѣ него. Онъ изъяснилъ при семъ намѣреніе, чтобы такимъ образомъ дать новую силу дополнительному акту о наслѣдованіи престола, постановленному Нами въ 1820 году, и имъ, поко-

лику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному.

„Глубоко тронуты Мы сею жертвою, которую Намъ возлюбленный братъ, съ такимъ забвеніемъ своей личности, рѣшился принести для утвержденія родовыхъ постановленій Нашего Императорскаго Дома и для непоколебимаго спокойствія Всероссійской Имперіи.

„Призвавъ Бога въ помощь, размысливъ зрѣло о предметѣ столь близкомъ къ Нашему сердцу и столь важномъ для государства, и находя, что существующія постановленія о порядкѣ наслѣдованія престола у имѣющихъ на него право не отъемлютъ свободы отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ никакого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи престола,— съ согласія августѣйшей родительницы Нашей, по дошедшему до Насъ наслѣдственно верховному праву главы Императорской фамиліи, и по врученной Намъ отъ Бога самодержавной власти, Мы опредѣлили: во-первыхъ, свободному отреченію перваго брата Нашего, Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, отъ права на Всероссійскій престолъ, быть твердымъ и неизмѣннымъ; актъ-же сего отреченія, ради достовѣрной извѣстности, хранить въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ и въ трехъ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ Имперіи Нашей: въ святѣйшемъ синодѣ, государственномъ совѣтѣ и правительствующемъ сенатѣ; во вторыхъ, въ слѣдствіе того, на точномъ основаніи акта о наслѣдованіи престола, наслѣдникомъ Нашимъ быть второму брату Нашему, Великому Князю Николаю Павловичу.

„Послѣ сего, Мы остаемся въ спокойномъ уповаціи, что въ день, когда Царь Царствующихъ, по общему для земнородныхъ закону, воззоветъ насъ отъ сего временнаго царствія въ вѣчность, государствен-

ныя сословія, которымъ настоящая непреложная воля Наша и сіе законное постановленія Наше, въ надлежащее время, по распоряженію Нашему, должно быть извѣстно, немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору единаго нераздѣльнаго престола Всероссійской Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго. О насъ-же просимъ всѣхъ вѣрноподданныхъ Нашихъ, да они съ тою любовію, по которой Мы въ попеченіи о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагали высочайшее на землѣ благо, принесли сердечныя молитвы къ Господу и Спасителю Нашему Іисусу Христу о принятіи души Нашей, по неизреченному Его милосердію, въ царствіе Его вѣчное".

О существованіи сего акта знали, кромѣ составителя его, архіепископа Филарета, только два лица, именно: пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ Монарха, графъ Аракчеевъ, и князь Александръ Никол. Голицынъ. Филаретъ, во время бытности Государя въ Москвѣ, 27 августа, получилъ манифестъ въ запечатанномъ конвертѣ, съ собственноручною надписью Императора: „Хранить въ Успенскомъ соборѣ, съ государственными актами, до востребованія Моего, а въ случаѣ Моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ Соборѣ, прежде всякаго другаго дѣйствія". Исполняя Высочайшую волю, объявленную графомъ Аракчеевымъ — положить манифестъ для храненія безъ малѣйшей огласки — Филаретъ, 29 августа, когда въ соборѣ были только протопресвитеръ, сакелларій и прокуроръ синодальной конторы съ печатью, вошелъ въ алтарь, показалъ имъ печать, не открывая надписи конверта, положилъ его въ ковчегъ, заперъ, запечаталъ и объявилъ повелѣ-

ніе Государя — сохранять о совершившемся глубочайшую тайну. Списки съ манифеста, снятые рукою князя А. Н. Голицына, были разосланы по принадлежности, уже въ октябрѣ, въ конвертахъ за Императорскою печатью, съ собственноручными надписями Государя (6).

Императоръ Александръ, въ семъ-же году (1823), посѣтилъ новгородское военное поселеніе, а потомъ отправился во внутреннія области Имперіи. Выѣхавъ изъ Царскаго Села поутру 16-го августа, Государь въ тотъ-же день подробно осмотрѣлъ адмиралтейскій Ижорскій заводъ, (основанный Петромъ Великимъ), въ Колпинѣ, и проѣхавъ чрезъ Шлиссельбургъ, ночевалъ въ Ладогѣ. За тѣмъ, продолжуя путь чрезъ Тихвинъ, прибылъ, 20-го, въ Мологу, и далѣе, чрезъ Рыбинскъ, въ Ярославль. Жители Мологи, не успѣвъ насмотрѣться на Монарха, устремились въ слѣдъ за нимъ, одни—пѣшкомъ, другіе—на лошадяхъ, большею-же частью на лодкахъ; многіе изъ нихъ сопровождали Государя до самаго Ярославля. Встрѣченный тамъ купечествомъ съ хлѣбомъ и солью, Императоръ Александръ соизволилъ, на слѣдующій день, принять губернскихъ чиновниковъ, а также дворянъ и купцовъ, собравшихся въ городѣ; потомъ осмотрѣлъ заведенія приказа общественнаго призрѣнія, Демидовское училище, гимназію, градскую больницу и тюремный замокъ, а ввечеру удостоилъ своимъ присутствіемъ балъ приготовленный отъ дворянства и купечества. 23-го, утромъ, Государь, выѣхавъ изъ Ярославля, прибылъ въ 11-мъ часу въ Ростовъ, слушалъ Божественную литургію въ Яковлевскомъ монастырѣ, посѣтилъ келью настоятеля, и отобѣдавъ въ домѣ купца 1-й гильдіи Мясникова, осмо-

трѣлъ лазаретъ Суздальскаго пѣхотнаго полка и прикладывался къ Св. мощамъ Аврамія въ Богоявленскомъ и Св. Царевича Петра—въ Петровскомъ монастырѣ, а также блаженнаго Исидора—въ церкви Вознесенія. За тѣмъ, вторично посѣтивъ Яковлевскій монастырь, Государь совершилъ тамъ молебенъ, приложился къ мощамъ Святителей Димитрія и Іакова, осмотрѣлъ въ ризницѣ вклады своихъ Августѣйшихъ предковъ и навѣстилъ извѣстнаго благочестивою жизнью іеромонаха Амфилохія. Возвращаясь на приготовленную ему квартиру, въ домѣ Мясникова, уже вечеромъ, онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу жителей, вышедшихъ на улицы, при блескѣ иллюминаціи и освѣщеніи окрестностей города несмѣтнымъ числомъ смоляныхъ костровъ, отражавшихся въ водахъ озера. На слѣдующій день (24-го), проѣхавъ чрезъ Переяславль, Государь прибылъ въ Москву 25-го августа, въ 3-мъ часу по полуночи.

Колокольный звонъ, раздавшійся съ 6-ти часовъ утра по всему протяженію первопрестольной столицы, возвѣстилъ ея жителямъ присутствіе Монарха, и едва лишь успѣлъ онъ выдти на Красное крыльцо, какъ былъ встрѣченъ громогласными восклицаніями во множествѣ собравшихся москвитянъ. Государь, шествуя медленно къ Успенскому собору, кланялся во всѣ стороны съ обычною ему ласковостью, и казалось свѣтлые очи его обращались съ любовью къ каждому изъ окружавшихъ его тысячей народа. При входѣ въ соборъ, онъ былъ встрѣченъ умилительною рѣчью архіепископа московскаго Филарета. Послѣ обѣдни представлялись Государю губернскіе и уѣздные предводители дворянства, и потомъ знатнѣйшее московское купечество; въ тотъ-же день были приглашены въ кремлевскій дворецъ къ обѣденному столу военные и гражданскіе чины первыхъ трехъ классовъ. 26-го,

Государь слушалъ обѣдню въ придворной церкви „Спаса за золотою рѣшеткою“, и потомъ осматривалъ на Ходынскомъ полѣ 5-й пѣхотный корпусъ, состоявшій подъ командою генерала отъ инфантеріи графа Толстаго. 27-го, въ присутствіи Государя, происходила стрѣльба въ цѣль — сперва унтеръ-офицеровъ 5-го пѣхотнаго корпуса, и потомъ артиллеріи; 28-го, близъ села Всесвятскаго, произведены маневры, послѣ чего Государь осматривалъ: двѣ больницы при съѣзжихъ дворахъ; домъ, назначенный для переводимаго изъ Костромы кадетскаго корпуса, и екатерининскій институтъ. 29-го, Государь слушалъ въ Архангельскомъ соборѣ обѣдню, предъ которою отправлена панихида по убіеннымъ на брани за вѣру и отечество; послѣ обѣдни осматривалъ военный госпиталь, а потомъ принималъ старшинъ дворянскаго собранія, приглашавшихъ Его Величество осчастливить своимъ присутствіемъ балъ, имѣвшій быть на слѣдующій день. 30-го августа, въ день тезоименитства Императора Александра, съ ранняго утра, Кремль наполнился несчетными толпами народа. Государь слушалъ въ Успенскомъ соборѣ Божественную литургію, предъ окончаніемъ которой преосвященный Филаретъ произнесъ краснорѣчивое слово. Къ обѣду во дворцѣ были приглашены всѣ высшіе военные и гражданскіе чины, а вечеромъ въ домѣ благороднаго собранія данъ великолѣпный балъ.

На слѣдующій день, 31-го августа, въ семь часовъ утра, Государь, отправясь въ дальнѣйшій путь, переночевалъ въ Серпуховѣ, а 1-го сентября, въ 4-мъ часу по полудни, прибывъ въ Тулу, прямо подъѣхалъ къ собору, гдѣ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Дамаскиномъ и всѣмъ городскимъ духовенствомъ съ крестомъ и св. водою: тамъ-же ожидали его генералъ-губернаторъ Балашовъ, гражданскій губернаторъ, на-

чальникъ оружейнаго завода генералъ-маіоръ Штаденъ и многіе чиновники и дворяне. Государь, приложась къ св. иконамъ, отправился въ назначенный для его пребыванія домъ купца Бѣлобородова. 2 сентября, онъ, принявъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, дворянъ и депутатовъ отъ купечества и мѣщанства, слушалъ Божественную службу въ соборѣ, а потомъ осматривалъ экзерциргаузъ, арсеналъ и ружейный заводъ, и снизойдя на просьбу дворянскихъ предводителей, удостоилъ своимъ присутствіемъ приготовленный ими обѣдъ, отдавъ выборъ приглашенныхъ къ тому на собственную ихъ волю; передъ вечеромъ посѣтилъ Александровское дворянское военное училище. 3-го сентября, Государь, проѣхавъ въ 7-мъ часу по полудни чрезъ Мценскъ, гдѣ остановился на полчаса въ домѣ градскаго главы, купца Жегалкина, прибылъ около полночи въ Орелъ. Не смотря на позднее время, народъ толпился во множествѣ по всѣмъ улицамъ, гдѣ долженъ былъ ѣхать Государь. Императоръ отправился въ Михайло-Архангельскую церковь, гдѣ ожидалъ его преосвященный Гавріилъ со многочисленнымъ духовенствомъ, а также были собраны гражданскіе чиновники, дворяне и купечество. Изъ собора Государь поѣхалъ на квартиру для него приготовленную въ домѣ гражданскаго губернатора Шредера, гдѣ до двухъ часовъ ночи принималъ высшихъ военныхъ чиновниковъ. На слѣдующій день былъ на смотру войскъ 1-го резервнаго корпуса, генералъ-лейтенанта Ламберта, и 3-го резервнаго, генералъ-лейтенанта Дуки, а по возвращеніи на квартиру принималъ проѣзжавшаго чрезъ Орелъ князя Алексѣя Борисовича Куракина, преосвященнаго Гавріила съ избраннымъ духовенствомъ, генералитетъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, дворянство и депутатовъ отъ купечества всѣхъ го-

родовъ губерніи, съ хлѣбомъ и солью. 5-го сентября, въ день тезоименитства Императрицы Елисаветы Алексѣевны, Государь слушалъ въ Борисоглѣбскомъ соборѣ Божественную литургію, по окончаніи которой отправился на маневры гренадерскаго корпуса, состоявшаго подъ командою генералъ-лейтенанта князя Шаховскаго; къ обѣденному столу его Величества были приглашены: преосвященный Гавріилъ, князь Куракинъ, тайный совѣтникъ Тепловъ, главнокомандующій графъ Сакенъ и всѣ генералы, и проч. Вечеромъ того-же дня Государь удостоилъ своимъ присутствіемъ балъ, данный дворянствомъ орловской губерніи. 6-го сентября, Императоръ Александръ опять присутствовалъ на маневрахъ, начавшихся у самаго города и окончившихся въ шести верстахъ отъ него, у деревни Александровской, гдѣ Государь принялъ обѣдъ, приготовленный генералами, полковыми и баталіонными командирами, въ построенной нарочно по сему случаю изящной галереѣ, украшенной воинскими доспѣхами и оружіемъ; тогда-же всѣ войска, собранныя подъ Орломъ въ числѣ 43-хъ тысячъ человѣкъ, были угощаемы на окрестныхъ поляхъ, въ виду Государя, депутатами отъ всѣхъ городовъ орловской губерніи. Во время питья за здоровье Императрицы и всего Царскаго Дома производилась пальба изъ 96-ти орудій, при громкихъ восклицаніяхъ войскъ и безчисленнаго народа, собравшагося кругомъ ихъ. Потомъ, по предложенію графа Сакена, пили здоровье „всѣхъ Россіянокъ“. По возвращеніи въ городъ, Государь, въ сопровожденіи губернатора, осматривалъ пожарную команду, тюремный замокъ и заведенія общественнаго призрѣнія, входя во всѣ подробности ихъ устройства и отвѣдывая на кухняхъ пищу, приготовленную для больныхъ и арестантовъ. При посѣщеніи больницы умалишенныхъ, доложили

ему объ отставномъ солдатѣ Савельевѣ, который помѣшался на томъ, будтобы ему не было выдано жалованье за три года. Государь приказалъ удовлетворить претензію этого несчастнаго. Когда-же смотритель больницы замѣтилъ, что это успокоитъ Савельева не на долго, Александръ сказалъ: „что нужды? Пусть онъ будетъ доволенъ хотя нѣсколько минутъ". 7-го сентября, въ 8 часовъ утра, Государь, сопровождаемый стекшимся со всѣхъ сторонъ народомъ, отправился въ лагерь гренадерскаго корпуса, расположенный близъ города, выразилъ личное свое благоволеніе командующему корпусомъ и начальникамъ всѣхъ частей его, которые въ ожиданіи его Величества были собраны на правомъ флангѣ, и уже садясь въ коляску, для отбытія въ дальнѣйшій путь, снова изъявилъ свое удовольствіе какъ имъ, такъ и гражданскому губернатору, а градскаго главу Минина благодарилъ за угощеніе войскъ. Гренадеры, желая сдѣлать что̀-либо угодное Государю, избрали изъ среды своей 24 отличнѣйшихъ солдатъ и представили ихъ на прощаньѣ Его Величеству, какъ достойныхъ перевода въ Гвардію. Государь соизволилъ исполнить ихъ желаніе.

Въ тотъ-же день, 7-го сентября, Государь, проѣхавъ чрезъ Карачевъ, гдѣ остановился на короткое время въ домѣ купца Шестакова, прибылъ въ 9-мъ часу вечера въ Брянскъ. На послѣдней станціи къ этому городу, именуемой „Житная Поляна", онъ благосклонно принялъ поднесенные ему отъ Бѣлобержской пустыни образъ Божіей Матери и десять деревянныхъ ложекъ, сдѣланныхъ монахами, и по просьбѣ лѣснаго смотрителя, нѣкогда служившаго въ гусарахъ, изъявилъ согласіе быть воспріемникомъ его сына. По прибытіи въ Брянскъ, Государь отправился въ приготовленный для него домъ градскаго головы

Бабаева и пожелалъ видѣть семейство городничаго Брунера, служившаго долго при дворѣ покойной Королевы Виртембергской Екатерины Павловны, въ Твери, и тамъ бывшаго извѣстнымъ Императору. Государь, обласкавъ дѣтей Брунера, пожаловалъ ему двѣ тысячи рублей. На другой день, 8-го, обозрѣвъ арсеналъ и военный госпиталь, онъ присутствовалъ на смотру двухъ баталіоновъ Брянскаго пѣхотнаго и 21-го егерскаго полковъ, а потомъ, въ два часа, обѣдалъ съ особами своей свиты, при чемъ обратилъ вниманіе на хрустальныя вазы весьма изящной формы, и узнавъ, что онѣ сдѣланы на стеклянной фабрикѣ г. Мальцова, въ брянскомъ уѣздѣ, сказалъ, что ему пріятно видѣть въ такой степени прекрасныя русскія издѣлія. За тѣмъ, проѣхавъ чрезъ Рославль, Чериговъ и Старый Быховъ, Государь прибылъ, 12-го сентября, въ Бобруйскъ, гдѣ ожидалъ его Великій Князь Николай Павловичъ. На слѣдующій день, Императоръ Александръ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ осматривали войска 9-й пѣхотной дивизіи и 3-й піонерной бригады, госпиталь и укрѣпленія; а 14-го сентября, по выслушаніи литургіи въ Троицкомъ монастырѣ, оба отправились по тракту въ Брестъ-Литовскъ.

16-го сентября, Государь выѣхалъ изъ Слонима, и будучи встрѣченъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ Кобринѣ, прибылъ въ 10-мъ часу вечера въ Брестъ-Литовскъ. 17-го и 18-го, онъ, вмѣстѣ съ Великими Князьями, Константиномъ, Николаемъ и Михаиломъ, Прусскимъ принцемъ Вильгельмомъ и познанскимъ намѣстникомъ княземъ Радзивиломъ, осматривалъ войска Литовскаго корпуса и Польской арміи; а 20-го, выѣхавъ поутру изъ Бреста, прибылъ, въ 11-мъ часу ночи, въ Ковель, гдѣ у грекороссійской церкви былъ встрѣченъ духовенствомъ съ

крестомъ и св. водою. На слѣдующій день, повѣтовый (уѣздный) маршалъ представлялъ Императору чиновниковъ и духовенство, послѣ чего Государь отправился, чрезъ Луцкъ и Дубно, въ Острогъ, и прибывъ туда въ полночь, остановился у Праскево-Пятницкой церкви, гдѣ ожидалъ его преосвященный Стефанъ съ архимандритами и прочимъ духовенствомъ. Государь, приложась къ св. кресту, отправился, въ сопровожденіи корпуснаго, дивизіоннаго, бригадныхъ и полковыхъ командировъ, въ приготовленный для него домъ владѣльца города, князя Яблоновскаго. Тамъ представился ему иностранный фабрикантъ съ пробами 176-ти различныхъ красокъ, извлеченныхъ имъ изъ русскихъ растеній, и былъ за то награжденъ драгоцѣннымъ перстнемъ. 22-го сентября, Государь, выѣхавъ изъ Острога, въ 9 часовъ утра, осматривалъ у Заславля третью егерскую бригаду 8-й пѣхотной дивизіи и ночевалъ въ Проскуровѣ, а 23-го, осмотрѣвъ тамъ прибывшую въ караулъ роту Вятскаго пѣхотнаго полка, отправился въ Каменецъ-Подольскъ и пріѣхалъ туда въ 6 часовъ по полудни. У дверей собора привѣтствовалъ его краткою рѣчью архіепископъ Ксенофонтъ, а по окончаніи эктеніи и многолѣтія онъ-же поднесъ Его Величеству икону Св. Александра Невскаго. Ввечеру весь городъ былъ иллюминованъ, и дворянствомъ данъ великолѣпный балъ, на коемъ находился присланный изъ Лемберга, для поздравленія Государя съ благополучнымъ прибытіемъ, генералъ-адъютантъ Императора Австрійскаго, баронъ фонъ-Куттеръ. 24-го сентября, Императоръ Александръ отправился, черезъ Могилевъ и Хотинъ, въ Черновицъ, для свиданія съ Императоромъ Францомъ, который ожидалъ его въ пограничномъ мѣстечкѣ Новоселицѣ. Въ половинѣ 7-го часа по полудни, оба Монарха въ одной коляскѣ въѣхали въ Черновицъ, чрезъ

построенныя на тотъ случай тріумфальныя ворота, при громѣ канонады и радостныхъ восклицаніяхъ стоявшихъ въ парадѣ войскъ и многочисленнаго народа. По прибытіи на приготовленную квартиру, Государь посѣтилъ Императора Франца въ мундирѣ австрійскаго Имени своего полка. Вечеромъ, всѣ жители освѣтили домà свои. 25-го, представлялись Императору Александру: духовенство, городскіе чиновники, генералы и офицеры стоявшихъ въ окрестности австрійскихъ войскъ. 27-го, по соизволенію обоихъ Монарховъ, являлись къ нимъ нѣсколько Липованъ, поселившихся близъ Сучавы. 29-го, Государь, посѣтивъ Императора Франца, отправился обратно по тракту чрезъ Могилевъ на Днѣстрѣ и Брацлавль, и на слѣдующій день прибылъ въ мѣстечко Крапивну, гдѣ ожидалъ его главнокомандующій второю арміей, графъ Витгенштейнъ, со всѣмъ своимъ штабомъ. Въ окрестностяхъ Тульчина, были собраны для Царскаго смотра 6-й и 7-й корпусы второй арміи. Въ ночи на 1-е октября, ракеты, пущенныя на переправѣ чрезъ Бугъ, возвѣстили о прибытіи Государя.

1-го октября, Императоръ Александръ, отслушавъ обѣдню въ деревенской церкви, отправился изъ Крапивны, въ 9 часовъ, верхомъ, къ 7-му корпусу, построенному въ нѣсколькихъ линіяхъ, въ двухъ верстахъ отъ мѣстечка. Войска прошли мимо Государя, послѣ чего, онъ, изъявивъ совершенную благодарность корпусному командиру генералъ-лейтенанту Рудзевичу, отправился въ палатку, приготовленную офицерами корпуса для обѣденнаго стола, впереди лагеря. Послѣ обѣда, Государь присутствовалъ при стрѣльбѣ въ цѣль 120-ти орудій и стрѣлковъ всего корпуса (по 48-ми съ каждаго баталіона), а по окончаніи смотра, около 5-ти часовъ по полудни, выѣхалъ изъ лагеря, чрезъ Брацлавъ, въ Тульчинъ, и въ 8

часовъ прибылъ въ назначенный для его пребыванія домъ помѣщика Вресца. 2-го октября, происходилъ Высочайшій смотръ 6-му пѣхотному корпусу и Сводной піонерной бригадѣ, въ такомъ-же порядкѣ, какъ и на-канунѣ; за тѣмъ, Государь, посѣтивъ садъ князя Четвертинскаго, лежащій по откосу возвышенія, откуда представляются взору живописные виды, возвратился въ Тульчинъ. Слѣдующій день посвященъ былъ на осмотръ главнаго штаба и прочихъ заведеній главной квартиры, послѣ чего Государь отправился верхомъ на такъ-называемое „Суворовское поле", гдѣ нашъ великій полководецъ нѣкогда обучалъ свои войска, и гдѣ было построено имъ полевое укрѣпленіе, на которое велись примѣрные штурмы, а на окрестныхъ поляхъ производились знаменитыя *сквозныя атаки.* Государь, послѣ ученія и развода Учебному баталіону и 2-му баталіону Уфимскаго полка, произвелъ смотръ манежной ѣзды полуэскадронамъ отъ всѣхъ полковъ 3-й драгунской дивизіи. 4-го и 5-го, происходили маневры всею арміею на пространствѣ 18-ти верстъ отъ Тульчина до рѣки Буга, и обратно до селенія Клебани. По окончаніи маневра, принесено было молебствіе о долголѣтіи Императора, и потомъ, въ устроенномъ нарочно на тотъ случай обширномъ зданіи, приготовленъ для Государя обѣдъ, къ которому приглашены всѣ генералы и штабъ-офицеры; по обѣ стороны зданія были устроены мѣста для зрителей, составлявшія вмѣстѣ съ нимъ одну сторону каре; прочія-же три стороны каре были заняты войсками въ сомкнутыхъ колоннахъ, а за ними стояли палатки, въ коихъ изготовленъ обѣдъ для всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ корпуса. У дверей павильона, Государь былъ встрѣченъ множествомъ народа, изъ среды котораго вышедшій столѣтній старикъ, житель селенія Клебани, по имени Опальникъ, упавъ на ко-

лѣніи передъ Монархомъ, сказалъ ему: „Государь! Я у тебя ничего не прошу. Мнѣ близъ ста лѣтъ отъ роду; я скоро умру, но прежде нежели увижу Царя Небеснаго, позволь мнѣ видѣть Царя земнаго!“ Александръ, тронутый словами старца, поднялъ и обласкалъ его. Послѣ молебствія и возглашенія многолѣтія, Государь отправился пѣшкомъ въ павильонъ, откуда можно было видѣть всю армію, угощаемую въ глазахъ своего Монарха. За обѣдомъ, когда главнокомандующій поднялъ чашу за здравіе Его Величества, раздалось ура! возглашенное семидесятью тысячами воиновъ и послѣдовалъ залпъ изъ 196-ти орудій, послужившій сигналомъ къ сильнѣйшему батальному огню всей пѣхоты. Послѣ обѣда, Государь уѣхалъ въ Тульчинъ, потомъ, на слѣдующій день, 6-го октября, отправился чрезъ Умань въ южныя поселенія, а по осмотрѣ ихъ, въ крѣпость Замостье, гдѣ обозрѣвъ, 23-го октября, какъ самыя укрѣпленія, такъ и собранную въ окрестности Сводную кавалерійскую бригаду Польской арміи, возвратился, чрезъ Брестъ, Суражъ и Великіе-Луки, въ Царское Село, 3-го ноября (8).

---

8 (20) февраля 1824 года, было совершено бракосочетаніе младшаго изъ братьевъ Государя, Великаго Князя Михаила Павловича съ блиставшею стольже душевными качествами, сколько и красотою, віртембергскою принцессою Шарлотою, нареченною по принятіи православнаго исповѣданія Великою Княжною Еленою Павловною.

Осенью 1824 года, Императоръ Александръ совершилъ путешествіе въ восточныя области Европейской Россіи.

Государь, быстро проскакавъ отъ Царскаго Села къ Москвѣ, и оттуда чрезъ Тамбовъ и Чембаръ, къ Пензѣ, осматривалъ, 31-го августа, собранныя тамъ войска 2-го пѣхотнаго корпуса, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи князя Горчакова; на слѣдующій день, въ Высочайшемъ присутствіи, были произведены маневры и стрѣльба въ цѣль. 4-го сентября, выѣхавъ изъ Пензы, Императоръ посѣтилъ, 6-го, Симбирскъ и 8-го, Ставрополь, откуда отправился водою въ Самару; 11-го, въ 4 часа по подудни, прибылъ въ Оренбургъ къ Преображенскому собору. Тамъ ожидали его: армимандритъ Веніаминъ со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, гражданскими чиновниками и дворянами. По принесеніи благодарственнаго молебствія, Государь, приложась къ св. кресту, поѣхалъ въ сопровожденіи народа, стекшагося отвсюду ему на встрѣчу, на приготовленную для него квартиру въ казенномъ домѣ военнаго губернатора, гдѣ, на флангѣ почетнаго караула, его встрѣтили: военный губернаторъ П. К. Эссенъ и оренбургскій комендантъ генералъ-маіоръ Головнинъ, съ прочими генералами и военными чиновниками. 12-го сентября, представлялись Его Величеству военные и гражданскіе чины оренбургскаго края, а также киргизскіе ханы и султаны; въ числѣ представлявшихся была супруга хана Меньшей орды. Государь пожаловалъ ей бриліантовый фермуаръ и спросилъ у ней: „гдѣ ей пріятнѣе: въ Оренбургѣ, или въ степи?“ — „Государь — отвѣчала ханша.—Здѣсь очень хорошо, но тамъ, гдѣ кто родился, кажется еще лучше“. Вечеромъ, Государь былъ на балу, данномъ генераломъ Эссеномъ въ загородномъ его домѣ, и самъ, открывъ танцы съ женою начальника корпуснаго штаба, генералъ-маіора Веселицкаго, оставался на балѣ полтора часа. 13-го, въ 6 часовъ утра, Императоръ отправился въ Илец-

кую-Защиту, лежащую въ киргизской степи, въ 68-ми верстахъ отъ Оренбурга. На пути онъ заѣзжалъ въ киргизское кочевье, обратилъ вниманіе на кибитки и домашнюю утварь киргизовъ, распрашивалъ о ихъ образѣ жизни, ласкалъ малолѣтнихъ ханскихъ дѣтей и пожаловалъ другой супругѣ хана бриліантовый фермуаръ, а дочерямъ его—по богатымъ серьгамъ. Обрадованные неожиданнымъ посѣщеніемъ Монарха, киргизы провожали его нѣсколько верстъ, громогласно изъявляя желаніе: „чтобы жизнь добраго Государя продолжалась столько лѣтъ на землѣ, сколько звѣздъ на небесахъ", и т. п. Въ Илецкой-Защитѣ, Государь осматривалъ соляныя копи въ продолженіи трехъ часовъ, спускался въ шахту и всходилъ на крутую гору, гдѣ построенъ замокъ для рабочихъ, большею частью ссыльныхъ, отвѣдалъ приготовленную для нихъ пищу и пожаловалъ въ каждую изъ ихъ артелей по сту рублей. Въ 3-мъ часу по полудни, къ обѣду Государя были приглашены, кромѣ сопровождавшихъ его, князя Волконскаго и баронета Виллiе, военный губернаторъ Эссенъ, управляющій солянымъ промысломъ Струковъ, командиръ 1-го тептярскаго полка полковникъ Окуневъ и адъютантъ генерала Эссена Муратовъ. Послѣ обѣда, Государь возвратился въ Оренбургъ. 14-го сентября, Императоръ, отслушавъ Божественную литургію въ военной Петро - Павловской церкви, отправился верхомъ на смотръ расположенныхъ въ трехъ верстахъ отъ города: Оренбурскаго гарнизоннаго и 2-го тептярскаго полковъ, конно-артиллерійской бригады оренбургскаго казачьяго войска, сотни оренбургскихъ казаковъ и трехъ сотъ башкирцевъ 9-го кантона, вооруженныхъ саблями, пиками и стрѣлами, и одѣтыхъ въ желѣзныя кольчуги, либо въ тяжелыя латы. Кругомъ войскъ все поле было усѣяно густыми толпами народа: тамъ стояли—и Русскіе въ праздничныхъ на-

рядахъ, и бухарцы въ большихъ чалмахъ, и хивинцы въ круглыхъ шапкахъ; въ одномъ мѣстѣ можно было видѣть татаръ въ широкихъ халатахъ и островерхихъ тюбетейкахъ; въ другомъ — киргизъ-кайсаковъ въ косматыхъ вывороченныхъ шубахъ и въ огромныхъ малахаяхъ (шапкахъ): казалось - Европа и Азія, подавъ одна другой руки на своемъ рубежѣ, встрѣчали Россійскаго Монарха. Государь, объѣхавъ войска, приказалъ имъ пройти мимо себя церемоніальнымъ маршемъ и потомъ пожелалъ видѣть воинственныя упражненія башкирцевъ. Удалые наѣздники, съ пронзительнымъ гикомъ, понеслись во всѣ стороны, мгновенно разсыпались по полю и столь-же быстро собрались вмѣстѣ. По осмотрѣ войскъ, Государь посѣтилъ военный госпиталь, градскую богадѣльню и казармы, занимаемыя военными арестантами. 15-го сентября, Императоръ Александръ, послѣ Божественной литургіи въ Преображенскомъ соборѣ, отправился, въ восемь часовъ утра, въ Уфу, и оттуда, 20-го, въ Златоустовскіе заводы.

Подъ именемъ Златоустовскихъ заводовъ вообще извѣстны: собственно Златоустовскій, въ 411-ти верстахъ отъ Уфы, и лежащіе въ окрестностяхъ его: Кусинскій, Міасскій и Саткинскій; къ нимъ-же причисляютъ, пермской губерніи, Артинскій заводъ, въ 210-ти верстахъ отъ Златоустовскаго завода.

Эти заводы основаны графомъ Строгановымъ и туляками Масаловымъ и Лугининымъ, въ 1754—1788 годахъ, и скуплены заводчикомъ Лугининымъ, а въ 1799 году проданы имъ въ казну. Всѣ они, кромѣ Міасскаго, на которомъ обработывалась мѣдная руда и промывались золотосодержащіе пески, устроены для плавки чугуна и для выдѣлки желѣза. Сверхъ того, въ 1815 году, при Златоустовскомъ заводѣ основана оружейная фабрика. Поводомъ къ тому послу-

жилъ вызовъ нѣсколькихъ солингенскихъ мастеровъ— завести въ Россіи фабрику клинковъ, ножей и другихъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій. По соизволеніи на то Государя, прибыли въ 1814 году въ Петербургъ 98 солингенскихъ и клингентальскихъ мастеровъ съ ихъ семействами. Всѣ они были немедленно отправлены въ Златоустъ. Въ 1817 году, фабрика была уже совершенно устроена; для пособія иностраннымъ мастерамъ и для изученія ихъ искусства были приданы имъ русскіе рабочіе, изъ заводскихъ людей, и въ продолженіи года многіе ученики сравнялись съ обучавшими ихъ мастерами. Число рабочихъ во всѣхъ пяти Златоустовскихъ заводахъ и на оружейной фабрикѣ, въ 1824 году, простиралось до 5,747, а вмѣстѣ съ престарѣлыми и дѣтьми недостигшими 12-ти лѣтъ, до 9,184 душъ. Количество вырабатываемыхъ металловъ ежегодно составляло: чугуна—до 400 тысячъ пудъ, желѣза кричнаго до 170 тысячъ пудъ, листоваго и шиннаго до 30 тысячъ пудъ, косъ до 12 тысячъ штукъ, мѣди—до тысячи пудъ. Золотосодержащіе пески близъ Міасскаго завода были открыты еще въ 1799 году, но правильная промывка ихъ началась не прежде 1823 года, и въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ небольшимъ числомъ рабочихъ добыто и отправлено на петербургскій монетный дворъ золота около тринадцати пудовъ.

Императоръ Александръ, осмотрѣвъ подробно производство работъ на Златоустовскомъ заводѣ, посѣтилъ нѣсколько домовъ иностранныхъ оружейниковъ, и поговоря съ однимъ изъ нихъ, 90-та лѣтнимъ старикомъ, изъявилъ желаніе у него завтракать, а затѣмъ, поблагодаривъ его съ семействомъ за радушное угощеніе, пожаловалъ его невѣсткѣ 500 рублей. Въ тотъ-же день, за обѣдомъ, узнавъ о богатствѣ ново-открытаго золотаго Царево-Александровскаго

рудника, сказалъ: „завтра поѣдемъ на мой рудникъ; я буду тамъ работать на мое счастіе“. Потомъ, выйдя на балконъ, любовался окрестными видами, сравнивая ихъ съ видами Тироля; а вечеромъ занимался чтеніемъ подробныхъ свѣдѣній о Златоустовскомъ округѣ, и усмотрѣвъ, что на дѣйствіе заводовъ достанетъ лѣса въ продолженіи 34-хъ лѣтъ, поручилъ начальнику стараться объ отысканіи торфа или каменнаго угля. На другой день, Государь посѣтилъ Міасскія розсыпи, гдѣ поднесли ему найденный за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ въ Первопавловскомъ рудникѣ самородокъ золота, вѣсомъ болѣе 8-ми фунтовъ. Императоръ Александръ пожаловалъ работнику, нашедшему самородокъ, 500 рублей, отправился на Царево-Александровскій рудникъ, и прибывъ туда, изъявилъ желаніе работать; начальникъ завода подалъ ему кайло (мотыгу) и желѣзную лопатку; принявъ эти орудія, Государь сказалъ: „теперь я буду берггауеръ“ и сталъ работать. Орудія, употребленныя Государемъ, и добытый имъ песокъ въ послѣдствіи были отправлены въ контору заводскаго управленія. Посѣтивъ Саткинскій заводъ, Государь замѣтилъ начальнику его, что въ кричныхъ фабрикахъ слишкомъ долго работаютъ и что слѣдующій день — воскресный; начальникъ завода отвѣчалъ, что сами работники, получая задѣльную плату, не охотно оставляютъ работу. Государь приказалъ дать имъ волю работать по собственному желанію.

Въ послѣднихъ числахъ октября, Императоръ Александръ посѣтилъ Екатеринбургъ. Прибывъ на Нижнеисетскій заводъ, Государь вошелъ въ литейную, гдѣ въ его присутствіи было отлито нѣсколько ядеръ, которыя, будучи вынуты изъ формъ еще несовершенно охладѣвшими, вышли въ кускахъ; когдаже Государь сказалъ, что они никуда не годны, упра-

витель отвѣчалъ: „Ваше Величество! У хлѣба бываетъ не безъ крохъ“. Императоръ улыбнулся, и обратясь къ Виллiè, передалъ ему на французскомъ языкѣ отвѣтъ управителя. За тѣмъ, посѣтивъ кузницу, Александръ, вмѣстѣ съ однимъ изъ работниковъ, отковалъ два гвоздя, а у другаго горна—топоръ, послѣ чего сказалъ: „хорошiй моцiонъ; это видно по лицу и здоровому сложенiю кузнеца“. Во время пребыванiя въ Екатеринбургѣ, Государь, снисходя на прошенiе старообрядцевъ, позволилъ имъ поставить крестъ на вновь построенномъ ими молитвенномъ домѣ. „Объ этомъ—сказалъ онъ—будетъ дано повелѣнiе губернатору; а васъ—продолжалъ онъ, обратясь къ начальнику заводовъ—уполномочиваю немедленно утѣшить сѣтующихъ о крестѣ“.

30-го сентября, Императоръ Александръ прибылъ въ Пермь и прежде всего посѣтилъ военный госпиталь, обошелъ всѣ палаты и приказалъ провести себя въ прачешную и кухню, гдѣ отвѣдывалъ приготовленные для больныхъ пищу, хлѣбъ, квасъ и пиво. Потомъ, осматривая во всей подробности отдѣленiе военныхъ кантонистовъ, отвѣдалъ ихъ кашицу со свѣжими стерлядями и спросилъ: „всегда-ли такъ кормятъ воспитанниковъ“. Начальникъ отдѣленiя отвѣчалъ, что: „въ постные дни готовятъ для нихъ кашицу со свѣжею рыбою, какая дешевле“. Въ тюремномъ замкѣ, Александръ спрашивалъ губернскаго прокурора объ имени и преступленiи каждаго изъ арестантовъ и простилъ двухъ преступниковъ, назначенныхъ къ отправленiю въ Сибирь. Выйдя изъ тюремнаго зàмка, Государь изъявилъ желанiе посѣтить богадѣльни Приказа общественнаго призрѣнiя; губернаторъ доложилъ Его Величеству о наудобности дороги; но Государь не обратилъ вниманiя на это представленiе и доѣхавъ до первой богадѣльни, сказалъ

губернатору: „Напрасно вы затруднялись везти меня по этой дорогѣ; я ѣзжалъ по несравненно худшимъ".— 2-го октября, Императоръ Александръ посѣтилъ бывшаго пермскаго епископа Іустина, больнаго изнеможеннаго старца, а на слѣдующій день подъѣхалъ къ церкви Рождества Богородицы, приложился къ св. кресту и принявъ благословеніе преосвященнаго епископа Діонисія, отправился по тракту въ Вятку, сопровождаемый множествомъ жителей города. По выѣздѣ за заставу, Государь откланялся городничему и народу, сказавъ: „счастливо оставаться!"

Непосредственно по отбытіи Государя изъ Перми, тамошній губернаторъ Тюфяевъ, желая сохранить память посѣщенія Императоромъ при-уральскаго края, ходатайствовалъ о Высочайшемъ дозволеніи — „поставить на томъ мѣстѣ, гдѣ Государь находился у развода, скромный памятникъ, съ надписью, изображающею время пребыванія Его Величества въ пермской губерніи". По докладѣ о томъ Императору Александру, Высочайше повелѣно отвѣчать пермскому губернатору, что „Его Величество съ удовольствіемъ видитъ въ таковомъ желаніи новое доказательство усердія и преданности къ Его Особѣ; но принялъ за правило нигдѣ не позволять ставить для себя памятниковъ, коихъ желаетъ единственно въ томъ, чтобы въ сердцахъ вѣрноподданныхъ укоренились любовь и приверженность къ Монарху и благодарныя чувствованія къ искреннему желанію Его Величества устроить благоденствіе Богомъ ввѣреннаго и возлюбленнаго имъ народа (8).

На пути отъ Перми къ Вяткѣ, Императоръ, встрѣтивъ три партіи арестантовъ, пожаловалъ имъ пять тысячъ рублей (9).

Возвратясь въ Царское Село, 24 октября, и едва успѣвъ отдохнуть послѣ продолжительнаго вояжа, Государь былъ свидѣтелемъ ужаснаго бѣдствія, постигшаго сѣверную столицу — наводненія 7 ноября.

Въ сей день, съ восьми часовъ утра, начала быстро прибывать вода, какъ въ Невѣ, такъ и во всѣхъ городскихъ каналахъ. Жители Петербурга, въ теченіи многихъ лѣтъ не испытавшіе наводненія (10), сначала не обращали вниманія на необычайное возвышеніе воды и были столь-же безпечны, сколько жители подножій Везувія и Этны. Но вскорѣ вода вышла изъ стрегущихъ ея береговъ, покрыла набережныя, проникла во дворы и стала пробираться въ домы, сперва въ Галерной гавани и другихъ низкихъ мѣстностяхъ, а потомъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ города, мало по малу обратившагося въ обширное озеро, залившее нижніе этажи и надворныя строенія. На Невскомъ проспектѣ доходила вода до Троицкаго переулка. Счастливы были тѣ, которымъ удалось пробраться въ верхніе этажи, либо поймать лодку и спасти на ней свои семейства и наиболѣе цѣнные пожитки. Немногіе лодочники, цѣною золота, предлагали свою помощь застигнутымъ въ расплохъ на улицахъ и площадяхъ и перевозили ихъ чрезъ бушевавшую воду. Въ довершеніе бѣды поднялся сильный вѣтеръ, колебавшій деревянныя строенія, подмытыя водою, и грозившій имъ совершеннымъ разрушеніемъ. На всемъ пространствѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ цвѣтущаго города, встрѣчалъ взоръ страшное зрѣлище сорванныхъ съ мѣста и несомыхъ волнами разсвирѣпѣвшей стихіи сараевъ и деревянныхъ домовъ съ живыми, либо придавленными людьми и домашнимъ скотомъ; многіе искали спасенія на бревнахъ, либо на дверяхъ, служившихъ вмѣсто паромовъ; другіе взлѣзали на деревья; а между тѣмъ

желѣзные листы, сорванные съ кровель, и цѣлыя деревянныя крыши переносились черезъ улицы и площади, довершая общее смятеніе несчастныхъ жителей города. Увѣряютъ, что чрезъ нѣсколько часовъ, когда вода уже спала, найдено было множество сиговъ и другихъ рыбъ въ погребахъ и нижнихъ этажахъ домовъ, и, между прочимъ, въ подвалѣ Императорской Публичной Библіотеки. Трудно сказать достовѣрно, сколько людей сдѣлались жертвами наводненія; еще труднѣе исчислить убытки, понесенные жителями столицы, количество товаровъ увлеченныхъ, подмоченныхъ, либо расплывшихся въ этотъ ужасный день; многіе тяжеловѣсные предметы, доски, бревна и проч. перенесенные водою съ одного двора на другой, подали въ послѣдствіи поводъ къ спорамъ и пререканіямъ между сосѣдями, потерпѣвшими общее разореніе.

Легко можно представить, что̀ тогда чувствовало сострадательное, нѣжное сердце Александра. Любимецъ Государя, графъ Аракчеевъ, писалъ ему на другой день послѣ ужасной катастрофы:

...„Я не могъ спать всю ночь, зная ваше душевное расположеніе; а потому и увѣренъ самъ въ себѣ, сколь много Ваше Величество страдаете теперь о вчерашнемъ несчастіи. Но Богъ, конечно, иногда посылаетъ подобныя несчастія и для того, чтобы избранные его могли еще болѣе показать страдательное свое попеченіе къ несчастнымъ. Ваше Величество конечно употребите оное нынѣ въ настоящее дѣйствіе. Для сего надобны деньги, и деньги неотлагательныя, для поданія помощи бѣднѣйшимъ, а не богатымъ. Подданные ваши должны вамъ помогать; а по тому и осмѣливаюсь представить вамъ мои мысли. Вашимъ, Батюшка, благоразумнымъ распоряженіемъ съ моими малыми трудами составленъ

довольно знатный капиталъ военнаго поселенія. Я, по званію своему, не требовалъ изъ онаго даже столовыхъ себѣ денегъ. Нынѣ испрашиваю въ награду себѣ отдѣлить изъ онаго капитала одинъ милліонъ на пособіе бѣднѣйшимъ людямъ, за что, конечно, Богъ поможетъ дѣлу сему съ пользою для отечества и славою Вашего Величества еще лучшимъ образомъ въ исполненіи своемъ продолжаться"... (11).

Вотъ какое *сердечное* участіе къ жертвамъ петербургскаго наводненія выказалъ Аракчеевъ; его-же инициативѣ принадлежитъ образованіе особаго комитета для пособія жителямъ столицы, подъ предсѣдательствомъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Назначены были военными губернаторами генералъ-адъютанты: Депрерадовичъ — въ Выборгскую часть, графъ Комаровскій — на Петербургскую сторону и Бенкендорфъ — на Васильевскій островъ, и каждому изъ нихъ, на первый случай, отпущено по сту тысячъ рублей. Самъ Государь, призвавъ ихъ къ себѣ, 8 ноября, въ три часа по полудни, объявилъ имъ свою волю: „подать самую скорую и дѣятельную помощь несчастнымъ, пострадавшимъ отъ ужаснаго происшествія". Графъ Комаровскій, описывая пріемъ, сдѣланный ему и прочимъ военнымъ губернаторамъ Императоромъ Александромъ, пишетъ, что у него замѣтны были слезы на глазахъ. „Я увѣренъ — сказалъ Государь — что вы раздѣляете мои чувства состраданія" и продолжалъ говорить съ такимъ трогательнымъ краснорѣчіемъ, что всѣ, слышавшіе его слова, были чрезвычайно тронуты. „Вотъ вамъ инструкція — прибавилъ онъ, — сердца ваши ее дополнятъ" (12).

Въ пособіе разоренным отъ наводненія, согласно представленію графа Аракчеева, отпущено изъ экономическихъ суммъ военнаго поселенія 1,000,000 ру-

блей ассигнаціями. Пожаловано отъ Императорской фамиліи и особо отъ Императрицы Маріи Θеодоровны 251.000 рублей. Отъ коммисіи духовныхъ училищъ 500.000 рублей. Отъ Великаго Княжества Финляндскаго 300.000 рубл. Пожертвовано разными лицами по 28-е декабря 1824 года: въ Петербургѣ 317.822 рубл. въ Москвѣ 358,513 рубл. 32 коп. Прислано изъ Риги. Ревеля и Митавы 83.900 рубл. 39 коп. изъ разныхъ городовъ 60.247 рубл. 2 коп. Изъ за границы: отъ герцога Ольденбургскаго 20.000 рубл. отъ братьевъ Ротшильдовъ изъ Вѣны 10.000 рубл. отъ генералъ-маіора Бенкендорфа изъ Карльсруэ 10.000 рубл. отъ тайнаго совѣтника Алопеуса и графа Росса изъ Берлина 710 рубл. Кромѣ того поступило въ распоряженіе временныхъ военныхъ губернаторовъ: васильевской части. отъ биржеваго общества 5.000 и петербургской части частныхъ пожертвованій 12,500 рублей. Всего-же по 28-е декабря 1824 года было въ приходѣ 3,229.692 рубля 73 коп. ассигнаціями: 205 рубл. 75 коп. серебромъ: 1 имперіалъ и 16 полуимперіаловъ. а съ послѣдующими пожертвованіями до 3.300.000 рубл. ассигнаціями. Важнѣйшія изъ частныхъ приношеній были: графини Орловой-Чесменской — 100.000 рубл. графа Шереметева и отставнаго корнета Яковлева по 50.000 рублей: отъ тайнаго совѣтника Демидова 20.000 рублей ([13]).

Кромѣ денежныхъ суммъ. было сдѣлано много пожертвованій вещами и съѣстными припасами: нѣкоторые изъ петербургскихъ жителей предложили неимущимъ крова помѣщеніе въ домахъ своихъ. либо уступили имъ на время цѣлые домы. Императрица Марія Θеодоровна. съ обычною своею заботливостью о поданіи помощи несчастнымъ. открыла во Вдовьемъ домѣ (въ одномъ изъ строеній Смольнаго монастыря) пристанище и доставила пропитаніе всѣмъ быв-

шимъ воспитанницамъ: Общества благородныхъ дѣвицъ, Военнаго отдѣленія и Мѣщанскаго училища, Военно-сиротскаго, Екатерининскаго и Маріинскаго институтовъ, съ дѣтьми сихъ воспитанницъ. Въ предположеніи, написанномъ по сему случаю собственноручно Августѣйшею благодѣтельницею страждущихъ, было сказано: „А какъ въ такомъ-же безпокровномъ положеніи находиться могутъ малолѣтныя дѣти разнаго званія людей, не принадлежащія къ означеннымъ выше сего, лишенныя отца или обоихъ родителей и всякаго пособія; первый-же предметъ Воспитательнаго дома есть благотвореніе сирымъ и несчастнымъ, а цвѣтущее состояніе, которымъ Всеблагій Промыслъ благословилъ сіе заведеніе, доставляетъ ему возможность исполнять сію обязанность, то почитаю Я, равно какъ и Опекунскій Совѣтъ, соотвѣтствующимъ благодѣтельной его цѣли — употребить при нынѣшнемъ общемъ бѣдствіи часть своихъ доходовъ на вспоможеніе несчастнымъ, и предполагаю подъ вѣдомствомъ Воспитательнаго дома открыть также временное убѣжище для малолѣтныхъ дѣтей“.... Далѣе были изложены правила, на основаніи коихъ предполагалось принимать дѣтей въ пристанище. Императоръ Александръ, на подлинномъ проектѣ своей Августѣйшей родительницы, надписалъ: „Предположенія Вашего Императорскаго Величества достойны сострадательнаго сердца Вашего и полезно содѣйствовать будутъ предпринятымъ мѣрамъ отъ Правительства, для пособія потерпѣвшимъ отъ наводненія“ ([14]).

Временные военные губернаторы, дѣйствуя съ усердіемъ и успѣхомъ, показали себя достойными Монаршаго довѣрія и высокаго порученія имъ даннаго. Опустошеніе столицы наводненіемъ было такъ велико, что, въ первое время, послѣ сдѣланнаго ими обзора

ввѣренныхъ ихъ попеченію частей города, они не знали за что приняться. Не говоря уже о томъ, что на всемъ пространствѣ подвергавшемся наплыву водъ были въ нижнихъ этажахъ разбиты оконныя стекла и разрушены печи, многіе изъ деревянныхъ, наиболѣе ветхихъ, домовъ были снесены совершенно. Множество жителей скиталось по улицамъ, загроможденнымъ всякаго рода хламомъ; почти всѣ мосты на канавахъ были сорваны и сообщеніе сдѣлалось весьма затруднительнымъ. Для удовлетворенія неотлагательнымъ потребностямъ, были избраны изъ обывателей надежные и честные люди, раздававшіе въ каждомъ кварталѣ ежедневно по нѣсколько тысячъ порцій горячей пищи, состоявшей въ скоромные дни изъ щей съ говядиною, а въ постные—изъ кашицы со снятками. Когда-же въ домахъ бѣднѣйшихъ жителей были вставлены окна и устроены печи, тогда стали отпускать имъ дрова, муку и другіе съѣстные припасы. При гарнизонномъ баталіонѣ, расположенномъ на петербургской сторонѣ, и при другихъ войскахъ, устроили швальни, въ которыхъ шили армяки и тулупы, а также изготовляли прочую одежду и обувь. Самъ Государь, въ первые-же дни послѣ наводненія, посѣтилъ наиболѣе пострадавшія мѣстности, переправляясь въ катерѣ въ зарѣчныя части города. Разсказывая о видѣнномъ имъ, съ замѣтнымъ состраданіемъ, онъ, между прочимъ, сказалъ: „Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, видалъ послѣ битвы мѣста, покрытыя бездушными трупами, слыхалъ стоны раненыхъ, но это—неизбѣжный жребій войны; а тутъ увидѣлъ людей, вдругъ, такъ сказать, осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ было любезнѣе въ жизни; это ни съ чѣмъ сравниться не можетъ!“ (15). Въ народѣ существуетъ повѣрье, что „бѣда никогда не приходитъ одна“: послѣ на-

водненія наступили морозы до 10° по Реомюру; бѣднѣйшіе изъ столичныхъ жителей, пріютившись какъ Богъ послалъ, плохо одѣтые и обутые, заболѣвали сотнями, потомъ тысячами. Учрежденіе больницъ въ достаточномъ числѣ сдѣлалось невозможнымъ, и въ особенности на петербургской сторонѣ, гдѣ почти вовсе не было удобныхъ къ тому зданій ([16]).

Народъ, готовый видѣть во всемъ сверхъестественное вліяніе, полагалъ, что наводненіе 7-го ноября было Небесною карою за неподаніе Россіею помощи единовѣрнымъ съ нами Грекамъ. Самъ Александръ, послѣ этого бѣдствія, сдѣлался еще болѣе склоннымъ къ уединенію, которому постоянно предавался въ промежутки своихъ быстрыхъ путешествій. Его любимымъ мѣстопребываніемъ, болѣе нежели когда-либо, было Царское Село; но и тамъ не находилъ онъ спокойствія, содѣлавшагося крайнимъ предѣломъ его пожеланій: умиротворивъ Европу, онъ видѣлъ въ собственныхъ владѣніяхъ предвѣстія новыхъ бѣдствій въ волненіяхъ созданныхъ имъ военныхъ поселеній, въ смутахъ возстановленной имъ Польши и въ распространеніи тайныхъ обществъ, угрожавшихъ потрясти весь государственный строй Россіи ([17]).

———

ГЛАВА LXXIX.

Главные дѣятели и общественное мнѣніе, въ послѣдніе годы царствованія Александра I.

(1818—1825 г.)

Въ послѣдніе годы царствованія Александра I, довѣреннымъ лицомъ его, непосредственнымъ исполнителемъ его предначертаній, почти исключительно, былъ графъ Аракчеевъ. Постоянное благоволеніе къ нему Государя съ перваго взляда необъяснимо, тѣмъ болѣе, что душевныя свойства Монарха и любимца его были совершенно противоположны: Александръ, привѣтливый, ласковый, обладалъ даромъ привлекать къ себѣ сердца̀ всѣхъ имѣвшихъ къ нему доступъ, и по образованію своему, достойный внукъ Екатерины, не имѣлъ ничего общаго съ грубымъ, суровымъ, „воспитаннымъ на мѣдныя деньги“ Аракчеевымъ. Императоръ Павелъ, немедленно по вступленіи на престолъ, вызвалъ Аракчеева въ Петербургъ и принявъ его весьма ласково, подвелъ къ Александру и вложивъ въ его руки руку Аракчеева, сказалъ: „будьте друзьями!“ — „И мы всегда были друзьями“ — въ послѣдствіи говаривалъ Аракчеевъ. Извѣстно, напротивъ того, что этотъ родительскій завѣтъ не оказалъ большаго вліянія на Александра, и что вообще

Аракчеевъ, при Императорѣ Павлѣ, не пользовался сочувствіемъ Великаго Князя Наслѣдника, который нерѣдко въ кругу близкихъ къ нему лицъ изъявлялъ отвращеніе къ „гатчинскому капралу". Но по восшествіи на престолъ Императора Александра I, Аракчеевъ успѣлъ возобновить въ немъ воспоминаніе о своей безпредѣльной преданности въ Бозѣ почившему Государю, и даже - какъ говорятъ — намекалъ, что Императоръ Павелъ, отдаливъ его отъ себя, въ послѣдніе дни свои, лишился въ немъ человѣка вполнѣ вѣрнаго. Справедливы-ли такіе разсказы — нѣтъ возможности изслѣдовать точно, но извѣстно, что, съ первыхъ-же лѣтъ своего царствованія, юный Императоръ призвалъ къ себѣ Аракчеева. Первымъ правомъ на довѣріе Александра было неограниченное благоговѣніе Аракчеева къ памяти покойнаго Монарха. Императоръ Александръ не могъ оставаться равнодушнымъ къ чувствамъ безкорыстной, загробной преданности вѣрноподданнаго: среди ликованій всей Россіи, привѣтствовавшей съ восторгомъ зарю новаго царствованія, юный властитель съ умиленіемъ слышалъ голосъ признательности Аракчеева Императору Павлу, и это впечатлѣніе осталось неизгладимо въ склонномъ ко всему честному, великодушному, Александрѣ. Послѣдующая жизнь Аракчеева была посвящена благоговѣйному культу Императора Александра: получивъ въ награду портретъ Государя, осыпанный бриллiантами, Аракчеевъ отослалъ ихъ назадъ, сказавъ, что будетъ носить образъ своего Царственнаго благодѣтеля безъ всякаго украшенія; отъ пожалованной ему андреевской ленты онъ отказался, считая себя „недостойнымъ носить одинъ орденъ съ Государемъ"; извѣстно также, что онъ отклонилъ намѣреніе Императора Александра — произвести его въ фельдмаршалы, что впрочемъ было весь

ма благоразумно со стороны человѣка, не отличавшагося военною доблестью. Вникая въ письма Аракчеева къ Монарху—эти показанія величайшей исторической важности — мы видимъ въ нихъ вездѣ, о-бокъ съ выраженіемъ безпредѣльной преданности Государю, чувства удивленія къ нему и самоуничиженія; вездѣ Аракчеевъ являетъ себя точнымъ, пассивнымъ исполнителемъ великихъ соображеній Императора Александра, вездѣ напоминаетъ объ ожидающей Монарха славѣ, о присущей ему благотворительности. Самое учрежденіе военныхъ поселеній, возбудившее столь дружныя нареканія всей Россіи, выказывается, въ письмахъ Аракчеева, какъ благодѣяніе, неоцѣненное по достоинству неблагодарностью и невѣжествомъ народа *).

Мы уже имѣли случай сказать, что, вмѣстѣ съ возвышеніемъ графа Аракчеева de facto на степень перваго министра, почти единственнаго исполнителя велѣній Самодержавнаго Монарха, всѣ прочіе сановники Имперіи утратили силу и вліяніе на дѣла государственныя. Укажемъ на перемѣны, тогда происшедшія въ высшей сферѣ нашей администраціи.

Въ 1819 году скончался министръ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ. Его управленіе ознаменовалось полезною дѣятельностью по распространенію фабрикъ и заботливостью о развитіи раціональнаго сельскаго хозяйства. Мѣсто его занялъ, съ августа по ноябрь, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, а съ ноября 1819 года графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, одновременно съ назначеніемъ котораго совершилось соединеніе министерствъ внутреннихъ дѣлъ и полиціи; тогда-же департаментъ

*) Письма къ Императору Александру графа Аракчеева съ 1804-го по 1825-й годъ, помѣщены въ особомъ приложеніи къ VI тому.

мануфактуръ и торговли присоединенъ къ министерству финансовъ, а нѣсколько дней спустя почтовый департаментъ подчиненъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю Александру Никол. Голицыну. Въ 1823 году, графъ Кочубей, по семейнымъ обстоятельствамъ, испросилъ увольненіе отъ занимаемой имъ должности. На мѣсто его, управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, былъ назначенъ въ іюнѣ государственный контролеръ, баронъ Балтазаръ Балтазар. Кампенгаузенъ, по смерти котораго, въ августѣ того-же года, министерство поручено Василію Сергѣев. Ланскому. Еще при Императрицѣ Екатеринѣ, Ланской, лихой гусарскій полковникъ Сумскаго полка, былъ назначенъ губернаторомъ въ Саратовъ и совершенно оправдалъ своими дѣйствіями выборъ мудрой Монархини. При Императорѣ Александрѣ, онъ, по собственному желанію, былъ переведенъ, въ томъ-же званіи, въ Гродно, и оставался тамъ до 1812 года; а по занятіи нашими войсками Варшавы, нѣсколько лѣтъ занималъ должность члена временнаго правительства герцогства варшавскаго. Въ продолженіи своего управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, онъ не обнаружилъ большой дѣятельности, но оставилъ по себѣ память ласковаго, доступнаго государственнаго сановника.

Министерство народнаго просвѣщенія, послѣ восьми-лѣтняго управленія князя Александра Никол. Голицына, перешло, въ 1824 году, въ руки дряхлаго старца Шишкова.

Князь Голицынъ, получившій довольно поверхностное, исключительно свѣтское, образованіе и совершенный невѣжда въ богословскихъ наукахъ, при всей добротѣ своей, сдѣлался жестокимъ гонителемъ людей, несогласныхъ съ нимъ во мнѣніяхъ и вопросахъ, которые ему самому были непонятны. Высоко-

преосвященный Амвросій, болѣе двадцати лѣтъ митрополитъ с.-петербургскій и первенствующій членъ синода, соединялъ въ себѣ уступчивость придворнаго съ достоинствами верховнаго пастыря Церкви. Но покровительство, оказываемое Голицынымъ самымъ безумнымъ сектамъ, наконецъ превзошло мѣру терпѣнія святителя и заставило его слегка противодѣйствовать совращеніямъ, производимымъ подъ сѣнью предержащей власти. Къ несчастью своему, старикъ, любя пышность, вздумалъ сшить себѣ саккосъ, для освященія воды въ день Крещенія на Іорданѣ, приказавъ опушить подолъ и рукава этой одежды горностаями съ мантій, коими были покрыты при погребеніи тѣла Великихъ Княженъ Маріи и Елисаветы Александровнъ. Въ Петербургѣ сильно заговорили о горностаяхъ на одѣяніи митрополита. Замѣтимъ, что, по закону Анны Іоанновны, употребленіе горностаева мѣха было запрещено всѣмъ, кромѣ особъ Императорской фамиліи. Государя въ то время не было въ столицѣ; но вскорѣ послѣ Крещенія онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Ему доложили, что „митрополитъ служилъ на Іорданѣ въ царскомъ платьѣ". Государь, недовольный тѣмъ, повелѣлъ сдѣлать Амвросію строгое замѣчаніе и посовѣтовать ему стороною, чтобы онъ подалъ просьбу объ увольненіи: для него отдѣлили новгородскую епархію. Сосланный туда, Амвросій вскорѣ угасъ въ горести о незаслуженномъ имъ гоненіи ([1]). На его мѣсто, въ Петербургъ, былъ призванъ, извѣстный кротостью, архіепископъ черниговскій Михаилъ, который, однакоже, къ удивленію князя Голицына и его совѣтниковъ, оказался жаркимъ поборникомъ Православія. Опять начались несогласія, и въ этой борьбѣ вскорѣ истощились силы маститаго старца, привыкшаго къ уединенной, спокойной жизни. Чувствуя приближеніе кон-

чины, митрополитъ, въ началѣ 1821 года, рѣшился писать къ Государю, тогда находившемуся на конгресѣ въ Лайбахѣ. Въ этомъ посланіи, начертанномъ уже охладѣвающею рукою, Михаилъ убѣдительно, искренно, изобразилъ опасности, угрожавшія Греко-Россійской Церкви; о противникѣ своемъ, князѣ Голицынѣ, отзывался верховный пастырь безъ гнѣва, какъ о слѣпотствующемъ, достойномъ сожалѣнія: вообще-же это письмо было исполнено чувствомъ глубокой горести. „Государь! — сказалъ въ заключеніе святитель. — Когда дойдетъ до васъ сіе писаніе, вѣроятно меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего, кромѣ истины, не вѣщалъ я людямъ, наипаче-же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь дать отчетъ высшему Судіѣ“. Это письмо поразило Государя тѣмъ болѣе, что черезъ двѣ недѣли онъ получилъ извѣстіе о смерти митрополита. По возвращеніи въ Петербургъ Императора Александра, былъ назначенъ преемникомъ Михаилу (какъ говорятъ — по совѣту Аракчеева), московскій митрополитъ Серафимъ — „мужъ простъ, словомъ не силенъ, но ревностенъ къ дѣлу Божію“. Съ его назначеніемъ началось постепенное паденіе князя Голицына, Библейскаго общества и мистицизма (²). Главнымъ виновникомъ тому былъ архимандритъ новгородскаго Юрьева монастыря, Фотій, сильный дружбою Аракчеева и тайнымъ благоволеніемъ митрополита Серафима, поддерживаемый сокровищами и связями графини Анны Алексѣевны Орловой. Въ 1822 году, по представленію князя Голицына, получивъ приказаніе явиться къ Государю, Фотій вручилъ ему древній образъ Спаса Нерукотвореннаго. Императоръ Александръ, приложась къ образу, сказалъ: „Я давно желалъ тебя видѣть, отецъ Фотій, видѣть и принять твое благословеніе“. Затѣмъ Государь, посадивъ возлѣ себя архимандрита,

распрашивалъ о прежней службѣ его въ кадетскомъ корпусѣ и въ монастырѣ; а Фотій, давъ краткіе отвѣты на эти вопросы, обратилъ рѣчь на предметы общіе каждому христіанину и сталъ говорить о святой Церкви, Вѣрѣ и спасеніи души; замѣтивъ, что Государь внимательно слушалъ слова его, Фотій отозвался о митрополитѣ Серафимѣ, что „пастырь сей есть единственный по любви своей къ святой Церкви, царству и ко благу, благодать Господня съ нимъ есть“. Когда-же Александръ сказалъ ему: „Не имѣешъ-ли, отецъ Фотій, что̀ особенно сказать мнѣ?“ — архимандритъ отвѣчалъ: „Никакихъ нуждъ я не имѣлъ земныхъ для обители и себя, и не имѣю; съ нами Богъ; съ нимъ все у насъ есть. — Одно только скажу Тебѣ — продолжалъ Фотій. — Враги Церкви Святой и царства весьма усиливаются... хотятъ сотворить тайныя злыя общества, вредъ великъ святой Вѣрѣ Христовой и царству всему, но они не успѣютъ, бояться ихъ нечего; надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ, внутрь самыя столицы, въ успѣхахъ немедленно остановить“... По всей вѣроятности Фотій не ограничился неопредѣленными обвиненіями, что̀ можно заключить изъ собственныхъ его показаній. „Возвратився — пишетъ онъ — въ Лавру, къ Владыкѣ Серафиму, повѣдалъ ему все втайнѣ; онъ, объявши меня въ старческія свои объятія, лобзалъ, (радуясь?) что Господь благодать далъ втайнѣ предъ лицемъ Царя; уповалъ, что можетъ успѣхъ быть въ дѣлахъ Церкви: сила вражія вскорѣ будетъ удержана отъ успѣховъ своихъ и дѣлъ. Когда-же видѣлъ князя *) по семъ, не повѣдалъ ему ничтоже, что съ Царемъ тайное было говорено, ниже Царь никогда не повѣдалъ князю, при всѣхъ его желаніяхъ испытать о существенности бывшія бесѣды“... ([3]).

*) Князя Александра Никол. Голицына.

А, между тѣмъ, какъ Фотій, въ бесѣдѣ съ Царемъ, обвинялъ князя Голицына (какъ обнаружилось въ послѣдствіи), въ потворствѣ врагамъ Вѣры и Царства, незлобивый князь изъявлялъ сожалѣніе, что не познакомился ранѣе съ отцемъ Фотіемъ, передавшимъ ему цвѣты отъ графини Орловой, писалъ о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ, соболѣзновалъ о приключившейся ему болѣзни, и радовался, получивъ отъ него разрѣшеніе обращаться къ графинѣ Орловой, какъ *Сестрѣ о Господѣ!* ([1]). По отъѣздѣ Фотія въ Новгородъ, князь Голицынъ получалъ отъ него довольно часто длинныя письма, что̀ нисколько не мѣшало друзьямъ архимандрита передавать Государю черезъ Аракчеева доносы и жалобы на противное православію, и даже христіанству, направленіе преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ. Этимъ проискамъ усердно содѣйствовали Магницкій и Руничъ, облагодѣтельствованные княземъ Голицынымъ и служившіе подъ его начальствомъ. Самъ Фотій, мало по малу, сбросивъ личину пріязни къ князю, явно укорялъ его „въ потворствѣ злымъ“ ([5]).

Въ особенности-же повредили князю Голицыну дѣйствія Библейскаго общества, коего онъ былъ предсѣдателемъ. Еслибы это общество ограничивало свою дѣятельность изданіемъ и распространеніемъ книгъ Св. Писанія, то не подало бы̀ повода къ соблазну вѣрующихъ и противодѣйствію поборниковъ Православія. Но наше Библейское общество, не довольствуясь этою благою цѣлью, стало содѣйствовать переводу и изданію въ свѣтъ такихъ книгъ, въ коихъ встрѣчались мысли, отвергаемыя Православною Церковью, какъ наприм. отрицаніе иконъ и Св. чудесъ, и т. п. Свободомысліе въ дѣлѣ религіи казалось адептамъ подобныхъ толковъ средствомъ къ соглашенію различныхъ христіанскихъ ученій, о чемъ возноситъ

мольбы наша Церковь; но, вмѣсто того, духъ изслѣдованія повелъ къ отклоненію многихъ отъ догматовъ Православія и къ сектаторству, послѣдователи котораго нашли въ князѣ Голицынѣ покровителя и защитника.

Переводъ нѣмецкаго сочиненія: *Толкованіе на Новый Завѣтъ*, изданнаго состоявшимъ въ большой милости у князя Голицына, католическимъ священникомъ Госнеромъ, послужилъ оружіемъ для нанесенія рѣшительнаго удара министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Эта книга, несогласная съ ученіемъ Православія, (въ которой, между прочимъ, было сказано, будтобы Спаситель, прежде земной своей жизни, воплощался въ другихъ мірахъ), возбудила явное преслѣдованіе дѣйствій князя Голицына по всѣмъ частямъ ввѣреннаго ему управленія. Цензоры, разрѣшившіе напечатаніе перевода злосчастной книги, подверглись аресту на гауптвахтѣ; оба директора департаментовъ министерства, Поповъ (одинъ изъ переводчиковъ Госнерова сочиненія) и Александръ Иван. Тургеневъ, были отставлены, а князь Голицынъ уволенъ, 15 мая 1824 года, отъ управленія министерствомъ, и два дня спустя — отъ званія президента Библейскаго общества. Но утративъ вліяніе на дѣла государственныя, онъ сохранилъ сердечную привязанность и довѣріе Императора Александра, и никакіе навѣты враговъ князя не могли поколебать этихъ чувствъ Государя къ товарищу его юности. Ни одинъ изъ случаевъ лично относившихся къ Особѣ Монарха, ни одна изъ семейныхъ тайнъ Августѣйшаго дома, не были скрыты отъ преданнаго всею душею Царю, князя Голицына (6). На мѣсто его, 15 мая 1824 года, назначенъ Шишковъ, подъ названіемъ министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій; пра-

вославная часть отошла, въ видѣ особой канцеляріи, къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода; а доклады Государю по ней представлялись черезъ Аракчеева. Президентомъ-же Библейскаго общества былъ назначенъ митрополитъ Серафимъ. Шишковъ*, которому тогда уже было около восьмидесяти лѣтъ, человѣкъ по своему времени образованный, но упрямый въ пристрастіи ко всему старому, удряхлѣвшему, не смотря на доброту и благонамѣренность свою, сдѣлался игралищемъ Магницкаго и подобныхъ ему обскурантовъ.

Военнымъ министромъ, по смерти барона Меллера-Закомельскаго, былъ назначенъ, въ 1823 году, генералъ-кригсъ-коммисаръ Александръ Иван. Татищевъ; оба они завѣдывали исключительно хозяйственною частью военнаго вѣдомства, исправляя собственно обязанности генералъ-интендантскія, и по тому находились въ нѣкоторой зависимости отъ начальника главнаго штаба. Занимавшій семь лѣтъ эту должность, князь Петръ Мих. Волконскій пользовался особеннымъ благоволеніемъ Государя и былъ неразлучнымъ спутникомъ его, во всѣхъ походахъ и вояжахъ. Самые ласковые, самые уживчивые люди подвержены минутнымъ порывамъ нетерпѣнія, о которыхъ знаютъ только тѣ, которые состоятъ съ ними въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Императоръ Александръ, столь кроткій въ своемъ величіи, иногда измѣнялъ обычной безмятежности своего характера. Очаровательный благодушіемъ съ каждымъ, отъ вельможи до пахаря, онъ иногда былъ неузнаваемъ на-единѣ съ княземъ Волконскимъ, и Волконскій, искренно преданный Государю, сносилъ безропотно эти вспышки — слѣдствіе физической усталости, либо неблагопріятныхъ извѣстій. Случалось только кое-когда князю жаловаться на скупость Государя, и Александръ, зная о томъ, го-

варивалъ: „пусть себѣ ворчитъ сколько душѣ угодно, а деньги не наши, а государственныя".

Въ началѣ 1823 года, какія-то недоразумѣнія по военной смѣтѣ побудили князя просить объ отпускѣ за границу. Пользуясь его отсутствіемъ, постоянно соперничавшій съ нимъ графъ Аракчеевъ подготовилъ на его мѣсто начальника штаба первой арміи, барона Дибича, который, въ слѣдующемъ-же году, былъ утвержденъ въ званіи начальника главнаго штаба. Иванъ Ивановичъ Дибичъ началъ службу въ Семеновскомъ полку, коего офицеры отличались въ обществѣ ловкостью и щегольствомъ. Молодой Дибичъ былъ неуклюжъ и невзраченъ, но будучи одаренъ твердостью духа и благоразуміемъ, снискалъ уваженіе и довѣріе товарищей, которые, въ своихъ недоразумѣніяхъ и несогласіяхъ, прибѣгали къ его совѣтамъ и подчинялись его рѣшеніямъ. Всегда степенный, разсудительный, хладнокровный въ обычныхъ обстоятельствахъ вседневной жизни, онъ, въ важныхъ случаяхъ, преисполненъ былъ рѣшимости и пламенной фантазіи. Въ продолженіи кампаній 1805 и 1807 годовъ противъ Французовъ, онъ, будучи откомандированъ въ армію, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, отличился во многихъ дѣлахъ, особенно-же при Гейльсбергѣ и Фридландѣ, и получилъ въ награду орденъ Св. Георгія 4-й степени; а въ войну 1812 года находился при графѣ Витгенштейнѣ, въ званіи корпуснаго оберъ-квартирмейстера. Обладая обширными и многосторонними свѣдѣніями, одаренный высокими душевными качествами, Дибичъ былъ удостоенъ благоволеніемъ Императора Александра и Августѣйшаго преемника его и оправдалъ довѣріе Монарховъ незабвенными заслугами отечеству (7).

Морской министръ, маркизъ Иванъ Иван. де-Траверсé, старый и мало-дѣятельный, но уважаемый все-

сильнымъ Аракчеевымъ, продолжалъ управлять ввѣренною ему частью, благодаря полезному содѣйствію назначеннаго начальникомъ морскаго штаба, вице-адмирала Антона Васил. Моллера.

По увольненіи отъ службы графа Каподистріа, управленіе дѣлами внѣшними сосредоточилось въ рукахъ графа Нессельрода, хотя Императоръ Александръ, по прежнему, занимался con amore иностранною политикою, которая, въ послѣдніе годы его царствованія, ограничивалась, со стороны Россіи, безусловнымъ охраненіемъ существующаго порядка.

Министромъ юстиціи, по прежнему, оставался князь Дмитрій Иван. Лобановъ-Ростовскій.

Министромъ финансовъ, на мѣсто графа Гурьева, въ апрѣлѣ 1823 года, былъ назначенъ Егоръ Франц. Канкринъ, котораго вся предидущая жизнь была приготовленіемъ къ этой трудной должности. Получивъ образованіе въ гиссенскомъ и марбургскомъ университетахъ, гдѣ преимущественно изучалъ законовѣдѣніе и политическую экономію, Канкринъ желалъ поступить на службу въ своемъ отечествѣ Гессенѣ, но, не успѣвъ въ томъ, отправился, въ 1799 году, въ Россію, къ отцу своему, тогда бывшему директоромъ старорусскихъ соляныхъ промысловъ. Въ 1800 году, уже будучи 26-ти лѣтъ, онъ былъ назначенъ въ помощники отцу своему, а съ 1809-го состоялъ инспекторомъ иностранныхъ колоній петербургской губерніи. Въ это время, онъ составилъ нѣсколько записокъ о русскихъ финансахъ, а въ 1810 году сошелся съ военнымъ министромъ Барклаемъ де-Толли и написалъ проектъ „О средствахъ продовольствія большихъ армій“, чтò обратило на него вниманіе Императора Александра и послужило къ его быстрому возвышенію. Въ 1812 году, Канкринъ, уже генералъ-интендантъ 1-й арміи, былъ переименованъ въ ге-

нералъ-маіоры, а съ 1813-го по 1815-й годъ занималъ должность генералъ-интенданта всей русской арміи, дѣйствовавшей въ Германіи и Франціи, и въ 1816 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты. По окончаніи войны, онъ, съ большимъ успѣхомъ, ликвидировалъ всѣ дѣла съ Союзными государствами по довольствію нашихъ войскъ за границею. Въ 1820 году. Канкринъ написалъ сочиненіе „О военной экономіи во время войны и мира, и о вліяніи ея на дѣйствія войскъ", доставившее автору почетное имя въ Европѣ ([8]).

Еще въ молодости, Канкринъ былъ выше большей части своихъ товарищей, а въ послѣдствіи серіозныя занятія и опытность сдѣлали его однимъ изъ геніяльныхъ людей того времени. Съ обширными, многосторонними, хотя и не съ равно глубокими свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, съ изумительною дѣятельностью и способностью къ быстрой работѣ, съ дальновидностью и необыкновенно практическимъ умомъ, онъ соединялъ въ себѣ чрезвычайный даръ находить простую и легчайшую развязку самыхъ сложныхъ и щекотливыхъ вопросовъ. Въ его рѣчахъ, не смотря на странный нѣмецкій ихъ складъ, и еще болѣе странный выговоръ, всегда было нѣчто *пластическое*, осязательное, доступное для всякихъ умовъ и понятій. Когда не удавалось ему достигнуть своей цѣли убѣжденіемъ, онъ призывалъ въ помощь иронію, и даже площадную шутку, которая шла къ лицу лишь ему одному и нерѣдко исторгала согласіе на его предложенія силою возбужденнаго имъ гомерическаго смѣха. „Однакоже его поль-де-кокщина никогда не мѣшаетъ ему быть государственнымъ и геніяльнымъ человѣкомъ" (et cependant le Paul de Kock n'exclut jamais en lui l'homme d'état et de génie) справедливо сказалъ о немъ Великій Князь Михаилъ

Павловичъ. Если избранныя имъ средства иногда были ошибочны, если его финансовая система находила многихъ и сильныхъ порицателей, если, сдѣлавъ многое, онъ не сдѣлалъ всего, что̀ могъ сдѣлать по своимъ способностямъ, то причину тому должно искать не столько въ заблужденіяхъ его ума, сколько въ недостаткахъ его характера, коего отличительными чертами были: безмѣрное тщеславіе, непреклонная самонадѣянность, упорное противоборство всему, что̀ не исходило отъ него самаго; презрѣніе къ каждой чужой мысли, къ каждому указанію, совѣту, можно даже сказать—къ умственной способности всѣхъ людей, кромѣ себя самаго. Одаренный сердцемъ, вообще расположеннымъ къ добру, онъ не искалъ привязать къ себѣ равныхъ и пренебрегалъ мнѣніемъ общества; а грубость его обращенія увеличивала то, что̀ было противнаго, отталкивающаго въ его нескрываемомъ самолюбіи. Кромѣ того, его непонятное упрямство въ нѣкоторыхъ предметахъ и какъ-бы умышленное бездѣйствіе въ другихъ, не рѣдко подавали благонамѣреннымъ людямъ поводъ сомнѣваться въ самой привязанности *Нѣмца*—какъ называли его въ публикѣ—къ Россіи, и даже въ чистотѣ его правилъ. Наконецъ, злой, никого не щадившій, языкъ Канкрина возстановилъ противъ него многихъ, отвѣчавшихъ ему оружіемъ—столь-же страшнымъ у насъ какъ и во Франціи — оружіемъ насмѣшки, которая часто сама собою вызывалась его причудами. Такимъ образомъ министръ, принесшій Россіи незабвенныя услуги, соединявшій въ себѣ все, дававшее ему право вписать свое имя въ Исторію и пріобрѣсть огромную популярность, былъ полезенъ только въ половину и навлекъ на себя порицаніе и ненависть многихъ (9).

При вступленіи Канкрина въ должность министра финансовъ, уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ суще-

ствовалъ дефицитъ; для возстановленія равновѣсія между доходами и расходами государства, надлежало увеличить первые и сократить послѣдніе. Для увеличенія государственныхъ доходовъ, обратились къ возвышенію главнаго источника ихъ, питейнаго сбора, который поступилъ къ казенное управленіе. Продажа вина, по болѣе дорогой цѣнѣ, производилась въ большемъ числѣ мѣстъ, что̀ оказало вредное вліяніе на нравственность народа предавшагося пьянству, и къ тому-же увеличившійся доходъ казны держался только до тѣхъ поръ, пока не истощились скудныя средства низшихъ народныхъ сословій, и вскорѣ упалъ болѣе нежели на 20 процентовъ. Многіе изъ членовъ государственнаго совѣта возставали противъ дохода, основаннаго на возбужденіи народа къ пьянству; но Канкринъ, по необходимости, отстаивалъ его. „Я согласенъ съ вами, *батюшки*—говорилъ онъ противникамъ своимъ—и готовъ отказаться отъ питейнаго сбора, если только вы укажете мнѣ, въ замѣну его, столь-же изобильный источникъ доходовъ". Главное-же вниманіе Канкрина было обращено на введеніе порядка въ финансахъ и на экономію въ расходахъ, благодаря чему, онъ, въ первые четыре года своего управленія, постепенно уменьшилъ годовой расходъ на $^1/_7$ часть и скопилъ къ 1827 году 160,300,000 рубл. ассигн. (около 42,600,000 рубл. серебр.) ([10]).

Министерство полиціи, по кончинѣ стараго графа Вязмитинова, въ 1819 году, послѣ кратковременнаго управленія имъ прежняго министра Балашова, было присоединено къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Туда-же поступило и отдѣленіе тайной полиціи, подъ именемъ особой канцеляріи, состоявшее въ вѣдѣніи нѣмца-либерала фонъ-Фока, что̀ впрочемъ не мѣшало дѣятельности ввѣреннаго ему отдѣленія полиціи. Милорадовичъ, по должности петербургскаго генералъ-

губернатора, почти ежедневно представлялъ Государю цѣлыя тетради большею частью пустыхъ доносовъ. Спасеніемъ обвиняемыхъ было - кроткое сердце Александра.

Распоряженія по вѣдомству путей сообщеній, переименованному въ главное управленіе, были ввѣрены, въ 1822 году, дядѣ Государя, герцогу Александру виртембергскому, бывшему прежде бѣлорусскимъ генералъ - губернаторомъ. Благодаря дѣятельности герцога, искоренены многія злоупотребленія по части путей сообщеній и исполнены многія важныя работы (11).

Въ послѣдніе годы царствованія Александра I, проявлялось въ русскомъ обществѣ неудовольствіе — слѣдствіе несбывшихся надеждъ, возбужденныхъ прежними дѣйствіями Благословеннаго Монарха. Какъ не рѣдко случается—восхваляли времена минувшія, славили вѣкъ Екатерины, забывъ то, что̀ прежде казалось достойнымъ порицанія. Самовластье былыхъ временщиковъ исчезло въ памяти новаго поколѣнія, считавшаго несноснымъ бременемъ господство Аракчеева. Ему приписывали всѣ бѣдствія, всѣ язвы Россіи: и застой народнаго богатства, и тяжкій трудъ исправленія дорогъ, и новые налоги, и дороговизну необходимѣйшихъ предметовъ общей потребности. Кроткое правленіе Александра не могло ни истребить, ни даже уменьшить лихоимства судовъ; казнокрадство по откупамъ, подрядамъ и общественнымъ работамъ достигло крайней степени. Когда инженеры путей сообщенія въ первый разъ представлялись своему новому начальнику, герцогу Александру виртембергскому, онъ обратился къ нимъ съ словами: „Господа! Въ вашемъ корпусѣ тьма безпорядковъ, хищничества; я не прежде надѣну вашъ мундиръ, пока вы не очи-

стите его лучшими поступками. Постараюсь васъ понудить къ тому сильными мѣрами“ ([12]).

Военные были недовольны не только учрежденіемъ аракчеевскихъ поселеній, угрожавшихъ распространиться на всю армію, но и строгими порядками, введенными по возвращеніи нашихъ войскъ изъ-за границы. Императоръ Александръ, замѣтивъ ослабленіе дисциплины между офицерами, и особенно въ 1-й арміи, поручилъ главнокомандующему, генералу отъ инфантеріи Сакену, возстановить во ввѣренныхъ ему войскахъ надлежащій порядокъ. Множество офицеровъ было предано военному суду и исключено изъ службы. При всей справедливости такихъ мѣръ, онѣ казались жестокими и возбудили ропотъ въ военныхъ обществахъ Осужденіе вкривь и вкось дѣйствій правительства вошло въ моду; либеральничанье считалось признакомъ высокой образованности и умственнаго развитія.

Неменѣе волновали общество дѣла нашей внѣшней политики. Лучезарный блескъ, озарявшій подвиги освободителя Европы отъ наполеонова ига, омрачился возстановленіемъ Польши и зловѣщими слухами о предстоявшемъ расширеніи ея предѣловъ до Днѣпра и Двины. Эти слухи, распускаемые съ умысломъ княземъ Чарторыскимъ и другими Поляками, получали достовѣрность въ Россіи при отдѣленіи выборгской губерніи въ пользу Финляндіи, да и самъ Государь иногда подавалъ поводъ къ толкамъ — о предположеніи возстановить Польшу въ прежнихъ ея границахъ. Говорили, будтобы онъ, отъѣзжая въ послѣдній разъ изъ Петербурга, сказалъ на прощаньѣ Карамзину, въ присутствіи жены его: „а я все-таки несогласенъ съ вами на счетъ Польши“. Безразсудные поступки Поляковъ измѣнили расположеніе къ нимъ Императора Александра; но въ русскомъ обществѣ не преставали

толки, будтобы Государь предпочитаетъ Польшу Россіи, любитъ иностранцевъ преимущественно предъ Русскими и жертвуетъ въ пользу чужихъ державъ выгодами собственной страны. Такъ, между прочимъ, возникло и утвердилось убѣжденіе, будтобы Императоръ Александръ отказался отъ слѣдовавшей, по трактату 1815 года, на долю Россіи, французской военной контрибуціи, чего вовсе не было, и доказательствомъ тому служатъ „генеральные отчеты" министерства финансовъ, гдѣ эта контрибуція показана въ числѣ чрезвычайныхъ доходовъ. Возстаніе Грековъ и уклоненіе нашего правительства содѣйствовать ихъ освобожденію подали поводъ къ осужденію принятой Государемъ политической системы. Немногіе лишь у насъ признавали основательность дѣйствій Императора Александра, который, поддерживая права̀ законной власти на западѣ Европы, считалъ непозволительнымъ поддерживать мятежъ противъ союзной ему Порты. Но большинство Русскихъ видѣло въ Грекахъ единовѣрныхъ, братій, которымъ слѣдовало помогать всѣми силами. Императоръ Александръ жаловался, что онъ сохраняетъ миръ съ Турками на перекоръ всему своему народу ([13]).

Таковы были отношенія русскаго общества къ верховной власти въ послѣднее время царствованія Александра I. Легко представить себѣ, что̀ долженъ былъ чувствовать Монархъ, преисполненный любви къ своимъ подданнымъ.

ГЛАВА LXXX.

Масонскія ложи и тайныя общества. Союзъ Спасенія. Союзъ общественнаго благоденствія. Сѣверное Общество.

(1816—1825 г.).

Политическія тайныя общества возникли въ Россіи позже, нежели въ Западной Европѣ, хотя давно уже научныя и религіозныя цѣли прежнихъ обществъ служили нѣкоторымъ изъ ихъ членовъ покровомъ для скрытія другихъ, политическихъ цѣлей. Такимъ образомъ и масонскія ложи считали, въ числѣ адептовъ своихъ, людей, отличавшихся либеральнымъ направленіемъ: Новикова, Радищева. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II-й, когда французская революція сдѣлала свободу синонимомъ необузданности, стали смотрѣть у насъ на масоновъ и мартинистовъ, какъ на якобинцевъ. Императоръ Павелъ, напротивъ того, оказывалъ покровительство нѣкоторымъ изъ масоновъ, но при немъ ни одна изъ ложъ не была открыта въ Россіи. Императоръ Александръ I-й дѣйствовалъ въ отношеніи къ масонамъ весьма снисходительно: правительству были извѣстны всѣ ложи, и въ теченіи многихъ лѣтъ никто не думалъ о надзорѣ за ихъ дѣйствіями. Въ числѣ братьевъ-масоновъ на-

ходились Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и много почетныхъ и извѣстныхъ лицъ, какъ наприм. графъ Ланжеронъ, генералъ-адъютанты: Бенкендорфъ, Бороздинъ и Сипягинъ; графъ Потоцкій, министръ народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ; генералъ-лейтенанты: Инзовъ, Ротъ, Ферстеръ и графъ Шуваловъ; генералъ-маіоры: князь Мадатовъ, князь Меншиковъ, Муравьевъ 1-й, Тучковъ 1-й и Шубертъ; полковникъ Михайловскій-Данилевскій и подполковникъ Л. В. Дубельтъ; П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, попечитель московскаго университета; К. И. Арсеньевъ, профессоръ Гауэншильдъ, П. И. Свиньинъ; основатель „Русскаго Инвалида" Пезаровіусъ, почетный членъ академіи художествъ графъ Ѳ. П. Толстой; Ѳ. Н. Глинка, Н. И. Гречъ, Ф. Ф. Вигель, послѣдующіе декабристы: Батенковъ, фонъ-деръ-Бригенъ, фонъ-Визинъ, Митьковъ, Рылѣевъ, и проч. и проч. Что-же касается до приступленія къ братству масоновъ самаго Императора Александра I, то свѣдѣнія о томъ, помѣщенныя въ иностранныхъ сочиненіяхъ, не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія.

Въ Петербургѣ, при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, была открыта первая ложа не прежде 1805 года. Изъ этой ложи, производившей свои работы по шведскому обряду, образовались три: русская, нѣмецкая и французская, кои, подъ руководствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бёбера, составили вмѣстѣ, въ 1809 году, великую директоріальную ложу *Владиміра къ порядку*; а нѣсколько спустя были учреждены, также въ Петербургѣ, двѣ другія ложи, по французскому обряду, работавшія на французскомъ языкѣ: одною изъ нихъ: Les amis réunis (Соединенные друзья) управлялъ камергеръ Жеребцовъ, а другою: La Palestine (Палестина), большею частью, камеръ-юнкеръ графъ Вьельгорскій (1).

Въ 1810 году, всѣ управляющіе ложами были призваны къ министру полиціи, и, по Высочайшему повелѣнію, взяты на разсмотрѣніе всѣ ихъ акты, которые потомъ возвращены Бёберу министромъ просвѣщенія графомъ Разумовскимъ. (Причиною тому полагали масоны доносъ на нихъ сдѣланный профессоромъ Фесслеромъ). Съ того времени, Бёберъ, въ качествѣ Великаго Мастера, постоянно представлялъ министру полиціи краткіе отчеты о занятіяхъ ложъ. Въ 1811 году, учреждена въ Ревелѣ ложа *Изиды*, а въ 1813-мъ, въ Кронштадтѣ, ложа *Нептуна*. Всѣ эти пять ложъ состояли подъ управленіемъ Бёбера до 1814 года, когда на его мѣсто былъ избранъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ. Но Бёберъ продолжалъ исполнять обязанности Великаго Мастера до возвращенія графа Шувалова изъ-за границы. Когда-же Шуваловъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, отказался отъ предложеннаго ему достоинства, извиняясь частыми отлучками изъ столицы, тогда приступлено къ избранію новаго Великаго Мастера, и 20 генваря 1815 года единогласно облеченъ этимъ званіемъ тайный совѣтникъ графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ.

Причинами оставленія Бёберомъ главенства надъ русскими масонами были преклонность его лѣтъ и несогласія, возникшія между ложами, изъ коихъ однѣ изъявляли желаніе, чтобы, по примѣру Англіи и большей части Германіи, уничтожены были въ нихъ такъ называемые „высшіе градусы" (степени), признанные въ новѣйшее время искаженіемъ древняго масонства, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ братья, облеченные званіемъ сихъ высшихъ степеней, не присвоивали себѣ неумѣстнаго надъ прочими начальства, а другіе, напротивъ того, не соглашались, ни на отмѣну сопряженныхъ съ высшими степенями преимуществъ, ни

на продолженіе своихъ работъ по древнему англійскому обряду.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, въ качествѣ Великаго Мастера, принялъ на себя такую-же отвѣтственность, въ отношеніи правительства, какая лежала на его предшественникѣ, но ограничился начальствомъ надъ іоаннитскими ложами трехъ первыхъ степеней; прочія-же ложи высшихъ степеней остались, по прежнему, въ зависимости Бёбера, какъ викарія саломонова (Vicaire de Salomon) и префекта верховнаго совѣта (préfet du Conseil Sublime). Такимъ образомъ, у насъ масонство распалось на двѣ отрасли: одна изъ великихъ ложъ, подъ начальствомъ Мусина-Пушкина, управляла ложами: *Петра къ Истинѣ*, *Палестины*, *Изиды*, *Нептуна къ надеждѣ*, и проч. а другая, директоріальная или такъ называемая *провинціальная*, завѣдывала ложами: *Елисаветы къ Добродѣтели*, *Соединенныхъ Друзей*, и проч. Несогласія между масонами, еще болѣе усилившіяся, заставили Мусина-Пушкина обратиться къ правительству, съ просьбою, чтобы состоявшія въ его вѣдѣніи ложи, будучи совершенно устранены отъ вліянія высшихъ степеней, управлялись избранными изъ среды своей мастерами, а прочія, состоявшія подъ іерархіей высшихъ степеней, находились въ зависимости и подъ отвѣтственностью Бёбера.

По одобреніи с.-петербургскимъ главнокомандующимъ предположенія, представленнаго графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, ложи *Петра*, *Палестины*, *Изиды* и *Нептуна*, (къ коимъ вскорѣ потомъ присоединилась и многочисленная ложа *Александра къ Вѣнчанному Пеликану*), учредили между собою директоріальную ложу, подъ названіемъ: *Астрея*, и составили основный договоръ (2). Другія-же двѣ ложи: *Елисаветы* и *Соединенныхъ Друзей*, состоявшія подъ

начальствомъ уничтоженной съ общаго согласія директоріальной ложи: *Владиміра къ Порядку*, или *Провинціальной*, учредили, не испросивъ на то разрѣшенія правительства, новыя ложи: *Полярной Звѣзды* и *Трехъ Добродѣтелей*. (Въ числѣ членовъ послѣдней находился адъютантъ графа Витгенштейна, Пестель, въ послѣдствіи—главный дѣятель Южнаго тайнаго общества). На запросъ с.-петербургскаго главнокомандующаго, о причинѣ такого отступленія отъ опредѣленнаго порядка, Бёберъ отозвался, что все это сдѣлано членами высшихъ степеней безъ его участія, и что, послѣ сложенія имъ съ себя начальства надъ двумя помянутыми ложами, онѣ избрали въ Великіе Мастера камеръ-юнкера графа Вьельгорскаго, который съ тѣхъ поръ управлялъ всѣми дѣлами ихъ.

Въ 1820 году, генералъ-адъютантъ маркизъ Паулуччи донесъ Государю, въ слѣдствіе, сообщеннаго княземъ Волконскимъ, Высочайшаго повелѣнія, на счетъ масонской ложи, будтобы существовавшей въ Ригѣ, что, еще до своего отъѣзда въ Италію, въ 1816 году, узнавъ о предположеніи возстановить закрытую въ 1796 году рижскую ложу, онъ выразилъ по сему предмету такое мнѣніе, что больше о томъ не было и рѣчи. По возвращеніи-же изъ Италіи, онъ узналъ, что въ его отсутствіи учредили масонскую ложу въ Митавѣ, и утвердясь еще болѣе въ своихъ убѣжденіяхъ о вредѣ всякихъ тайныхъ обществъ, закрылъ митавскую ложу, что̀ удостоилось Высочайшаго одобренія. За тѣмъ, онъ нашелъ въ Ревелѣ двѣ масонскія ложи, учрежденныя съ дозволенія министерства полиціи, и заключивъ, изъ всѣхъ собранныхъ свѣдѣній, что онѣ не могли имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій, тѣмъ паче, что эстлядская губернія, по своему мѣстному положенію, не имѣетъ

прямыхъ сношеній съ Пруссіею и Польшею, ограничился надзоромъ за ревельскими ложами, не закрывая ихъ, что̀ повело-бы къ столкновенію съ министерствомъ полиціи. По полученіи-же письма князя Волконскаго, генералъ Паулуччи потребовалъ отъ директоровъ масонскихъ ложъ, чтобы они пріостановили свои занятія впредь до разрѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Паулуччи заявилъ положительно, для доклада Государю, что въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ масонскія ложи, судя по духу ихъ, никогда не могли обратиться въ скопища карбонаровъ; впрочемъ, по его мнѣнію, многіе изъ ученыхъ, преимущественно-же иностранцевъ, прибывающихъ искать счастія въ Россіи, пользуясь открытіемъ ложъ, не упустили-бы случая для распространенія своихъ космополитическихъ идей. Только Дерптъ отличался исключительнымъ духомъ своихъ жителей, образуя нѣчто въ родѣ ученой республики и находясь въ совершенной независимости отъ мѣстнаго управленія; но и тамошній университетъ не внушалъ никакихъ опасеній на счетъ сохраненія тишины и порядка, ограничиваясь, подобно многимъ нѣмецкимъ университетамъ, приготовленіемъ учащейся въ немъ молодёжи къ усвоенію идей, основанныхъ на утопіяхъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, Паулуччи, въ донесеніи Государю, открывая существованіе секты „евангелическихъ католиковъ", въ числѣ послѣдователей коей были Госснеръ, два брата Гейнлейта и проч., испрашивалъ разрѣшеніе: во 1-хъ, закрыть собранія тайныхъ обществъ. подъ какими-бы то ни было названіями и цѣлью они ни существовали, принявъ къ тому мѣры снисхожденія и благости, врожденной въ сердцѣ Его Величества (innée dans le cœur de V. M. I-le), и во 2-хъ, поручить надзоръ за учебными заведеніями административной власти (3).

Кромѣ этихъ ложъ, были учреждены многія другія. Правительство, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, ограничивалось весьма поверхностнымъ надзоромъ за ихъ дѣйствіями. Но революціонныя покушенія политическихъ сектъ въ Западной Европѣ наконецъ заставили обратить вниманіе на дѣйствія масонскихъ обществъ. Еще въ 1821 году, по предложенію Новосильцова, были закрыты масонскія ложи въ Варшавѣ и Вильнѣ; вслѣдъ за тѣмъ, 1 августа 1822 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ уничтоженіи во всей Россіи масонскихъ ложъ и всякихъ тайныхъ обществъ (4).

Еще въ 1819 году, во время контрактовъ въ Кіевѣ, была открыта масонская ложа, подъ названіемъ: *Бѣдные Славяне*, усиленнымъ стараніемъ флигель-адъютанта князя Александра Яковл. Лобанова-Ростовскаго. Съ каждаго брата-масона брали въ общую казну по двадцати рублей серебромъ, а богатые давали по сту и болѣе рублей. Число вкладчиковъ, на контрактахъ, по малой мѣрѣ, простиралось до тысячи человѣкъ. Собранныя суммы, по донесеніямъ мѣстныхъ властей, назначались на усиленіе братіи, съ революціонною цѣлью. Когда же послѣдовалъ указъ о закрытіи тайныхъ обществъ, кіевская ложа, бывшая въ домѣ Шиллинга, прекратила свое существованіе. Но, въ замѣнъ того, отставной генералъ-маіоръ Бѣгичевъ и графъ Ходкевичъ открыли новое общество, подъ предлогомъ магнетизированія, въ чемъ явно принялъ участіе и генералъ Раевскій съ своими адъютантами Капнистомъ и Мухановымъ. Публика сперва вѣрила ясновидящимъ, видя, что магнетизированіемъ занимался заслуженный, первый человѣкъ въ городѣ; но потомъ начала смѣяться надъ магнетизмомъ (5).

Въ Россіи тайныя общества образовались позже, нежели на западѣ Европы. Правда — еще въ 1808 году разнеслись слухи, дошедшіе до свѣдѣнія Государя — о составленіи въ Петербургѣ графомъ Потоцкимъ тайнаго общества изъ офицеревъ, большею частью Поляковъ; но, по всей вѣроятности, такіе слухи оказались ложными, потому что это дѣло было оставлено безъ вниманія и не имѣло никакихъ послѣдствій (6). Дѣйствительное-же начало тайныхъ обществъ у насъ должно отнести къ тому времени, когда наша армія возвратилась на родину послѣ заграничныхъ походовъ. Продолжительное пребываніе нашихъ войскъ въ Германіи и Парижѣ и послѣдовавшая за тѣмъ, трехъ-лѣтняя стоянка цѣлаго корпуса во Франціи, оказали вліяніе на образъ мыслей, не только русскихъ военныхъ, участвовавшихъ въ походахъ, но и вообще въ Россіи. Многое изъ того, что̀ прежде казалось обычнымъ дѣломъ, приняло въ общемъ мнѣніи видъ несносныхъ злоупотребленій, которыя могли быть искоренены не одною лишь властью правительства, но усиліями всѣхъ и каждаго. Нѣкоторые изъ членовъ тайныхъ обществъ въ послѣдствіи сознавались, что развитію вольнолюбиваго духа ихъ много способствовало чтеніе западныхъ публицистовъ, и въ особенности Биньона, Бенжамена Констана, Маккіавелли, Монтескье, Райналя, Contrat Social Жанъ-Жака Руссо и проч. Люди образованные, но, большею частью, молодые и неопытные, бесѣдуя между собою, съ полною свободою, разсуждали о современномъ положеніи Россіи, разбирая главныя язвы нашего отечества: крѣпостное право, подававшее поводы къ столь многимъ притѣсненіямъ и варварствамъ; закоснѣлость и невѣжество народа; жестокое обращеніе съ солдатами, несправедливость въ судахъ, повсемѣстное лихоимство и безстыдное ка-

знокрадство; наконецъ — явное неуваженіе къ человѣку и человѣчеству (7).

Одинъ изъ членовъ тайнаго общества, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, бывшій въ числѣ отличнѣйшихъ воспитанниковъ царско-сельскаго лицея, объясняя въ послѣдствіи причины, побудившія его желать инаго порядка дѣлъ, писалъ, что одною изъ нихъ была *распространяющаяся и въ простомъ народѣ порча нравовъ*, особенно-же лукавство и недостатокъ честности, которыя онъ приписывалъ угнетенію и всегдашней неувѣренности, въ коей находится рабъ (крѣпостной) на счетъ права пользоваться своимъ имуществомъ. „Признаюсь — продолжалъ онъ — что эта причина была для меня одна изъ самыхъ главныхъ, ибо взирая на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ народъ русскій, народъ первый въ свѣтѣ по славѣ и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему въ Европѣ нѣтъ подобнаго, наконецъ — по радушію, мягкосердію, остроумію и непамятозлобію, ему предъ всѣми свойственными, я душею скорбѣлъ, что все это подавляется, вянетъ и быть можетъ опадетъ, не принесши никакого плода въ нравственномъ мірѣ. Да отпуститъ мнѣ Богъ за скорбь сію часть прегрѣшеній моихъ, а милосердый Царь — часть заблужденій моихъ, въ которыя вовлекла меня слѣпая, можетъ быть, но безпредѣльная любовь къ отечеству! Другою причиною моего неудовольствія настоящимъ положеніемъ дѣлъ было *крайнее стѣсненіе, которое Россійская Словесность претерпѣвала въ послѣднее время*, не въ силу Цензурнаго Устава, но, какъ полагалъ я, отъ самоуправства цензоровъ. Считаю долгомъ объяснить, что сіе до невѣроятія тягостное стѣсненіе породило рукописную словесность, весьма вредную для нравовъ и религіи, и опасную, можетъ быть, и для прави-

тельства: во 1-хъ, по тому, что за нею едвали можно слѣдить и присматривать; во 2-хъ, по тому, что всякое порожденіе оной, какъ-бы жалко ни было (наприм. *Вадимъ*, трагедія Княжнина), въ глазахъ мало просвѣщенныхъ читателей получаетъ цѣну отъ самаго запрещенія; въ 3-хъ, потому что молодые писатели, которые нынѣ обращаютъ дарованія свои на сочиненія, расходящіяся въ рукописяхъ и содержащія въ себѣ много предосудительнаго, при цензурѣ менѣе взыскательной, употребили-бы талантъ свой на пользу и славу отечества" ([8]).

Очевидно, что многія изъ такихъ жалобъ и нареканій были неосновательны, или, по крайней мѣрѣ, преувеличены. Конечно — тогдашнее положеніе нашего государства, несмотря на блескъ славы, озарявшей Россію, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было неудовлетворительно: всѣ области Имперіи, отъ западныхъ границъ до самой Москвы, опустошенныя непріятелемъ, еще не могли придти въ прежнее состояніе; торговля находилась въ упадкѣ; финансы были разстроены. Но и въ другія эпохи нашей Исторіи, Россія подвергалась столь-же тяжкимъ испытаніямъ, и мы переносили ихъ безропотно. Быть можетъ, главную причину неудовольствія тогда объявшаго русское общество должно искать въ тѣхъ надеждахъ, кои возбудила заря воцаренія юнаго Монарха, торжественно давшаго своему народу слово — „управлять по законамъ и по сердцу Великой Екатерины". Эти надежды были вполнѣ оправданы первыми дѣяніями Императора Александра: онъ повелъ свой народъ по пути благодѣтельныхъ преобразованій и указалъ ему конечную цѣль ихъ. Преобразователи государствъ вѣчно живутъ въ памяти народовъ своими подвигами; но чтобы посѣянныя ими сѣмена принесли плодъ, должно зорко слѣдить за

исполненіемъ добра, внушеннаго ихъ свѣтлымъ умомъ и любящимъ сердцемъ. Императоръ Александръ сдѣлалъ много для счастья своихъ подданныхъ и хотѣлъ сдѣлать еще болѣе, но желанія народа, имъ возбужденныя, опережали ходъ дѣйствій правительства, и неудовольствіе болѣе и болѣе распространялось, преимущественно-же въ кругу образованныхъ людей, познавшихъ цѣну реформъ, но не успѣвшихъ вполнѣ оцѣнить всѣ сопряженныя съ ними затрудненія.

Откровенный обмѣнъ мыслей въ задушевныхъ бесѣдахъ, гдѣ, въ числѣ различныхъ предметовъ, разсуждали о современномъ ходѣ дѣлъ и средствахъ улучшить положеніе Россіи, былъ первымъ шагомъ къ составленію въ 1816-мъ и 1817 годахъ тайнаго общества, подъ названіемъ *Союза Спасенія*, или *истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества*, подъ предлогомъ достиженія тѣхъ благъ, кои дарованы въ наше время русскому народу великодушнымъ его Монархомъ, въ дѣйствительности-же съ сокровенною цѣлью введенія въ Россіи представительнаго образа правленія. Основателями, либо первоначальными членами тайнаго общества были: Александръ Никол. и Никита Михайл. Муравьевы, князь Сергѣй Петр. Трубецкой, князь Илья Долгоруковъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы, генералъ-маіоръ Ш..... и братъ его, (вскорѣ оба отставшіе отъ общества), маіоръ Лунинъ, князь Ѳ. Шаховской, полковникъ Глинка, бывшій правитель канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора Новиковъ, капитанъ Якушкинъ и адъютантъ графа Витгенштейна, Павелъ Пестель, сынъ бывшаго сибирскаго генералъ-губернатора (9). Нерѣдко и прежде, наши военные, проводя время вмѣстѣ на бивакахъ, разсуждали между собою о долгѣ лежавшемъ на всякомъ вѣрномъ сынѣ отечества—не только жертвовать жизнью въ военное время, но и содѣйство-

вать намѣреніямъ Государя, общими силами, и во время мира. Для такого дружнаго содѣйствія—казалось имъ—были необходимы нѣкоторыя правила и формы. Александръ Муравьевъ, молодой человѣкъ, тихій, скромный, но съ пылкимъ воображеніемъ, возимѣвъ первый идею основать общество, предлагалъ всѣмъ раздѣлявшимъ образъ мыслей его принять за образецъ масонство, казавшееся ему какимъ-то совершенствомъ человѣчества, но князь Трубецкой и нѣкоторые другіе члены Союза Спасенія, не были масонами, и по тому предложеніе Муравьева было отринуто, а положено написать свой собственный уставъ, для порядка и формы дѣйствій общества. Уставъ былъ составленъ Пестелемъ, а вступленіе къ нему написано княземъ Ильею Андреевичемъ Долгоруковымъ (въ послѣдствіи совершенно оставившимъ общество) (10).

Въ этомъ уставѣ, который былъ прочтенъ въ собраніи основателей общества, выражалась только явная цѣль его—подвизаться всѣми силами на пользу общую, поддерживать всѣ благія мѣры правительства и полезныя частныя предпріятія, препятствовать всякому злу и для того обличать злоупотребленія чиновниковъ и безчестные поступки частныхъ лицъ. Сами члены обязывались вести себя и поступать во всѣхъ отношеніяхъ такъ, чтобы не заслужить ни малѣйшей укоризны. *Бояре*, (то есть первоначальные члены), были обязаны, въ случаѣ уменьшенія числа ихъ, замѣнять убылыхъ новыми, достойными сего званія, членами. Всѣ члены должны были стремиться къ общей цѣли и исполнять всѣ рѣшенія *верховнаго собора*, составленнаго изъ бояръ. Въ случаѣ значительнаго распространенія общества, предполагалось раздѣлить его на *округи*, управляемые думами, подъ начальствомъ уполномоченныхъ на то отъ верховна-

го собора бояръ, а подъ вѣдомствомъ думъ учредить меньшіе отдѣлы, или *управы* (11).

Такимъ образомъ возимѣло начало тайное общество, въ послѣдствіи считавшее въ средѣ своей людей самыхъ разнообразныхъ свойствъ. Во всякомъ подобномъ обществѣ, хотя-бы оно въ началѣ было составлено изъ честнѣйшихъ людей, въ послѣдствіи непремѣнно являются люди совершенно инаго закала, которые, подъ личиною благонамѣренности, стараются незамѣтно склонить общество къ своей собственной цѣли, и всегда успѣваютъ въ томъ, если сколько-нибудь одарены умомъ и ловкостью. Предлогами для составленія тайныхъ обществъ служатъ: общее благо, любовь къ отечеству, но эти святыя чувства, превратно понятыя, ведутъ къ преступнымъ замысламъ и къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ. Не даромъ говорятъ Французы: l'enfer est pavé de bonnes intentions. (Адъ вымощенъ добрыми намѣреніями). Можно отдавать справедливость благонамѣренности Тургенева, можно жалѣть не только о Бестужевыхъ и другихъ членахъ тайнаго общества, которыхъ дѣятельность, принявъ иное направленіе, могла-бы принести несомнѣнную пользу Россіи, но и о тѣхъ, кои „не вѣдали что̀ творятъ“. Но считать всѣхъ декабристовъ мучениками за правду — какъ видимъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ сочиненіяхъ — былобы верхомъ заблужденія, и, напротивъ того, потомство справедливо подвергнетъ русскія тайныя общества упреку въ томъ, что ихъ покушеніе подало поводъ къ реакціи и отодвинуло на многіе годы тѣ благодѣтельныя реформы, которыя совершены въ наше время.

Въ концѣ 1817 года, вся царская фамилія переѣхала въ Москву и оставалась тамъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Еще въ августѣ, прибылъ туда отрядъ гвардейскаго корпуса, состоявшій изъ первыхъ баталіо-

новъ всѣхъ пѣшихъ и первыхъ эскадроновъ всѣхъ конныхъ полковъ. Командовалъ отрядомъ генералъ-маіоръ Розенъ, а начальникомъ штаба его былъ Александръ Муравьевъ. Въ это время также прибыли въ Москву Никита Муравьевъ и Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы; туда-же пріѣхалъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, вступившій въ общество, но вскорѣ оставившій его. Между тѣмъ общество весьма распространилось; въ немъ приняли участіе: командиръ 38-го егерскаго полка полковникъ фонъ-Визинъ; Бурцевъ, въ послѣдствіи отставшій отъ общества и уже въ чинѣ генералъ-маіора убитый близъ Бейбурта, князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ, и многіе другіе. Какъ члены общества, большею частью, были недовольны первоначальнымъ уставомъ, то положено тогда-же приступить къ составленію другаго, болѣе удобнаго, чтò и было исполнено уже въ 1818 году.

Въ концѣ 1817 года, когда со дня на день ожидали Императора въ Москвѣ, однажды Александръ Муравьевъ, собравъ у себя Никиту Муравьева, Матвѣя и Сергѣя Муравьевыхъ-Апостоловъ, фонъ-Визина, Якушкина, Лунина и князя Ѳедора Шаховскаго, прочелъ имъ только-что полученное письмо отъ князя Трубецкаго, въ коемъ, извѣщая о петербургскихъ слухахъ, Трубецкой писалъ, что Государь, любя Польшу и считая ее несравненно образованнѣе Россіи, намѣревался отторгнуть отъ Имперіи западныя губерніи и присоединить къ Царству Польскому, но зная, какое неудовольствіе могла произвести эта мѣра въ дворянствѣ, хотѣлъ уѣхать со всею Императорскою фамиліею въ Варшаву и туда перенести свою столицу. Эти извѣстія возбудили толки и сокрушеніе о бѣдственномъ состояніи Россіи, о военныхъ поселеніяхъ и жестокомъ усмиреніи бунтовъ, къ коимъ подало поводъ это

новое учрежденіе, и проч. Здѣсь впервые Александръ Муравьевъ выразилъ ужасную мысль цареубійства, (возбуждавшую въ немъ горькое раскаяніе во всю остальную жизнь его), на что̀ тотчасъ вызвался Якушкинъ, страдавшій безнадежною любовью и уже нѣсколько разъ покушавшійся на самоубійство; бывшіе при томъ члены, въ пылу негодованія, возбужденнаго письмомъ Трубецкаго, изъявили сочувствіе гнусному предложенію, и одинъ изъ нихъ, князь Шаховской подалъ совѣтъ (неизвѣстно почему) воспользоваться временемъ, когда въ караулѣ будетъ стоять Семеновскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ, и также вызывался на это злодѣяніе, послѣ чего Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ иначе не называлъ его, какъ le tigre. Когда-же успокоилось общее волненіе, члены общества одумались и собравшись на другой день вечеромъ у фонъ-Визина, разсуждали совершенно въ противномъ смыслѣ прежнимъ толкамъ, увѣряя Якушкина, что все, сказанное въ письмѣ Трубецкаго, не должно принимать за несомнѣнную истину, что смерть Императора Александра въ настоящую минуту не можетъ поправить положенія дѣлъ, и что исполненіе задуманнаго имъ Якушкинымъ отчаяннаго поступка погубило-бы общество, могущее со временемъ принести большую пользу Россіи. Рѣшительное сопротивленіе всѣхъ членовъ намѣренію Якушкина заставило его не только отказаться отъ столь гнуснаго дѣла, но и выдти на время изъ общества ([12]).

Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ Якушкинъ оставилъ свое преступное намѣреніе, полковникъ Артамонъ Муравьевъ посѣтилъ Александра Муравьева, съ предложеніемъ покуситься на жизнь Государя, говоря, что онъ берется это исполнить на балѣ въ Грановитой Палатѣ, но Александръ Муравьевъ отклонилъ его отъ ужаснаго злодѣянія ([13]).

Основаніемъ новому уставу тайнаго общества, получившаго въ 1818 году названіе *Союза Благоденствія*, послужили статуты нѣмецкаго общества *Tugendbund* (Союзъ Добродѣтели), дѣятельно участвовавшаго въ возстаніи 1813 года Германіи противъ Наполеона. Передѣлка правилъ нѣмецкаго устава на русской манеръ была поручена Михайлѣ Муравьеву, князю Трубецкому и Никитѣ Муравьеву, но какъ часть, написанная послѣднимъ, несоотвѣтствовала прочимъ, то ее отдали исправить Петру Колошину *). Всѣ члены Союза Благоденствія были расписаны на *управы*, изъ коихъ главная, подъ названіемъ *думы*, руководившая дѣйствіями прочихъ, находилась въ Петербургѣ. Въ каждой управѣ были, избираемые по большинству голосовъ, *предсѣдатель* и *блюститель:* первый распоряжался дѣлами общества, а другой долженъ былъ наблюдать за нравственностью членовъ и за порядкомъ дѣлопроизводства. Предсѣдатели управъ относились по всѣмъ дѣламъ къ предсѣдателю *кореннаго совѣта*, коего члены избирались изъ среды главной или *коренной думы*, а блюстители управъ — къ блюстителю кореннаго совѣта. Цѣль Союза Благоденствія была выражена въ уставѣ его слѣдующимъ образомъ: „Способствовать правительству къ приведенію въ исполненіе всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ въ пользу государства, ибо правительство, безъ добровольнаго содѣйствія гражданъ, не можетъ довольно успѣшно приводить въ дѣйствіе мѣры имъ принимаемыя". Положено было сохранять въ тайнѣ дѣйствія общества, дабы избѣгнуть противодѣйствія неблагонамѣренныхъ людей. Но нѣкоторые изъ членовъ, напротивъ того, предлагали ходатайствовать

---

*) Первая часть устава въ послѣдствіи была отыскана, а вторая, неоконченная, уничтожена въ 1822 году Александромъ Муравьевымъ.

о разрѣшеніи Государемъ существованія общества. Настоящая-же цѣль Союза Благоденствія, по собственному сознанію его членовъ, заключалась въ томъ, чтобы ввести въ Россіи представительное правленіе, при чемъ они надѣялись на содѣйствіе своимъ видамъ самаго Государя. Многіе изъ нихъ полагали, что Императоръ Александръ былъ намѣренъ дать Россіи такія-же политическія права, какія были дарованы имъ Царству Польскому, и что первою мѣрою къ тому долженствовало быть освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ: это мнѣніе утвердилось еще болѣе послѣ рѣчи, произнесенной Государемъ при открытіи польскаго сейма въ 1818 году, и послѣ освобожденія крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Дѣйствительно — Императоръ Александръ, воспитанникъ Лагарпа, котораго вліяніе на него обнаруживалось во всю жизнь Монарха, не преставалъ, въ теченіи многихъ лѣтъ своего царствованія, помышлять о водвореніи въ Россіи свободныхъ учрежденій. Мы уже имѣли случай сказать, что, въ первое-же время по восшествіи на престолъ, Александръ задумалъ, вмѣстѣ съ товарищами своей юности, составить Уложеніе, и что часть этого труда была приведена въ исполненіе *). Продолжительныя войны, веденныя при Императорѣ Александрѣ, не дозволили окончить сей работы, и къ тому-же неопытность и малое знакомство съ Россіею тогдашнихъ совѣтниковъ Государя поселяли сомнѣніе въ раціональномъ примѣненіи на практикѣ новаго уложенія. По свидѣтельству Николая Иван. Тургенева, Императоръ Александръ, неоставляя своего намѣренія, поручилъ Сперанскому, незадолго до войны 1812 года, составить проектъ реформъ, которыя долженствовали водворить въ Рос-

*) Т. I. Стран. 130—131 и 135.

сіи представительный образъ правленія *). Паденіе Сперанскаго повлекло за собою уничтоженіе всѣхъ предложенныхъ имъ преобразованій. Но въ послѣдствіи, уже по дарованіи конституціи Царству Польскому, Государь, не оставляя постоянной своей мысли—распространить ее на всѣ подвластныя ему страны, поручилъ Новосильцеву составить уложеніе, на основаніи котораго былибы опредѣлительно обезпечены: свобода печати, равенство гражданъ передъ закономъ и другія права ихъ **). Этотъ трудъ, по мѣрѣ изготовленія, былъ представляемъ на разсмотрѣніе Государю, который Собственноручно исправлялъ его. Такъ наприм. въ статьѣ о выборѣ членовъ въ земскія собранія, было сказано, что депутаты будутъ назначаемы по большинству голосовъ ими полученныхъ. „Да вѣдь такимъ образомъ, пожалуй, выберутъ Панина"—сказалъ Государь, не любившій бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Панина, и измѣнилъ проектъ статьи, постановивъ, чтобы земство представляло по три кандидата, изъ коихъ правительство избирало-бы одного для занятія депутатской должности ([14]).

Нельзя оставить безъ замѣчанія, что тайныя общества, полагая освобожденіе крестьянъ краеугольнымъ камнемъ всей будущей организаціи государства, встрѣчали сильную оппозицію не только въ современныхъ понятіяхъ огромнаго большинства высшихъ сословій, но и въ людяхъ, считавшихся передовыми по своему образованію и направленію. Извѣстный патріотъ Мордвиновъ говорилъ во всеуслышаніе, что для Россіи была необходима богатая и сильная ари-

---

*) Извлеченіе изъ этого проекта помѣщено въ 3-мъ томѣ сочиненія Тургенева: La Russie et les Russes. Pp. 423—508.

**) Portfolio, ou collection de documents politiques, relatifs à l'histoire contemporaine. Trad. de l'anglais. V. 378—419.

стократія, для образованія которой надлежало раздать знатнѣйшимъ фамиліямъ всѣ казенныя имѣнія. Да и самые члены тайнаго общества, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, отличавшіеся крайнимъ вольномысліемъ, предполагали, давъ личную свободу своимъ крестьянамъ, предоставить имъ только ихъ усадьбы и выгоны, а сами хотѣли пользоваться всею остальною землею, обработывая ее вольнонаемными людьми, либо отдавая въ наемъ своимъ людямъ. Такимъ образомъ, по распоряженію этихъ филантроповъ, явилось-бы и у насъ, какъ на Западѣ, многочисленное сословіе пролетаріевъ, неимѣющихъ никакой осѣдлости и зависящихъ болѣе нежели прежде отъ того самаго произвола землевладѣльцевъ, противъ котораго возставали мнимые преобразователи Россіи. Еслибы они въ дѣйствительности были объяты духомъ любви къ меньшей братіи, то могли и тогда, на основаніи указа 1805 года, о вольныхъ хлѣбопашцахъ, освободить своихъ крѣпостныхъ людей на условіяхъ добровольно съ ними заключенныхъ. Но сами крестьяне, понимая свою пользу, отказывались отъ полученія одной лишь личной свободы и на подобныя предложенія отвѣчали: „нѣтъ! пусть уже лучше все останется по прежнему: мы ваши, а земля наша“ ([15]).

Всѣ члены Союза Благоденствія были расписаны, по собственному ихъ указанію, на четыре отдѣла: *правосудія, просвѣщенія, благотворительности и народнаго хозяйства;* каждый изъ записавшихся по какому-либо изъ этихъ отдѣловъ былъ обязанъ стараться о пріобрѣтеніи относящихся къ нему познаній и по возможности содѣйствовать его преуспѣянію. Обрядовъ при вступленіи въ общество не было никакихъ, а принимались новые члены съ общаго согласія членовъ той управы, въ которую поступали. Списки чле-

намъ, присылаемые въ главную управу, немедленно были уничтожаемы.

1819-й и 1820-й годы были временемъ наибольшаго распространенія Союза Благоденствія: въ него поступили многіе люди, отличные по своему образованію и общественному положенію, большею частью, сочувствуя филантропическимъ его видамъ и не зная настоящей цѣли. Отъѣзжая въ Тульчинъ, Бурцовъ принялъ князя Оболенскаго, Пущина, Нарышкина, Лорера, и многихъ другихъ. Успѣхи общества поселили въ нѣкоторыхъ его членахъ такую самонадѣянность, что они вздумали-было подать Императору адресъ, въ которомъ, по изложеніи въ самомъ мрачномъ видѣ положенія Россіи, предлагали созвать Земскую Думу, для принятія мѣръ къ общему спасенію. Но когда фонъ-Визинъ и Якушкинъ показали адресъ командиру Лубенскаго гусарскаго полка, полковнику Г...... онъ убѣдилъ ихъ, что такой поступокъ привелъ-бы зачинщиковъ его къ заключенію въ крѣпость и подвергъ-бы уничтоженію общество ([16]).

Въ петербургской коренной думѣ возникли несогласія по поводу правленія, которое Союзъ Благоденствія хотѣлъ ввести въ Россіи. Идею учрежденія республики впервые выразилъ Новиковъ, (вскорѣ за тѣмъ умершій). Самъ Пестель въ послѣдствіи показалъ, что, въ началѣ 1820 года, по его предложенію, въ Петербургѣ, у полковника Глинки, было собраніе Коренной думы *Союза Благоденствія*, или *Зеленой Книги* *), гдѣ блюститель верховнаго совѣта, князь Илья Долгоруковъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы Пестель изложилъ всѣ выгоды и невыгоды республиканскаго и монархическаго правленій, съ

*) По цвѣту переплета книги, заключавшей въ себѣ уставъ общества.

тѣмъ, чтобы каждый членъ потомъ подалъ свое мнѣніе. Послѣ продолжительнаго пренія, объявлено, чтобы каждый изъ членовъ, при подачѣ голоса, объяснялъ побуждавшія его къ тому причины. Когда дошла очередь до Тургенева, онъ, по показанію Пестеля, выразился словами: „un président sans phrases“ (президента безъ дальнихъ толковъ), и за тѣмъ, всѣ приняли единогласно республиканское правленіе, неисключая и полковника Глинки, который, въ продолженіи совѣщанія, одинъ стоялъ за монархическое правленіе, предлагая возвести на престолъ Императрицу Елисавету Алексѣевну. Рѣшеніе коренной думы, какъ законодательной власти Союза Благоденствія, положено сообщить всѣмъ прочимъ думамъ ([17]). Когда-же въ одномъ изъ частныхъ собраній разсуждали о крайнихъ мѣрахъ, которыя могли сдѣлаться необходимыми при основаніи республики, и даже о цареубійствѣ, изъявляя однакоже опасеніе, что такое гнусное злодѣяніе повлечетъ за собою анархію, Пестель возразилъ, что общество можетъ предупредить ее, назначивъ изъ среды своей временное правительство. Эта мысль была поддержана только однимъ Никитою Муравьевымъ. Маіоръ Лунинъ предложилъ напасть на Государя во время проѣзда его по Царско-Сельской, или какой-либо другой дорогѣ, замаскированною шайкою, а Пестель, зная, что покушеніе противъ Особы Государя возбудило-бы негодованіе народа, намѣревался составить изъ отчаянныхъ людей особый отрядъ (cohorte perdue) для совершенія дѣла, которое онъ называлъ первымъ актомъ революціи (le premier acte de la révolution) ([18]). Предлагая учредить республику, Пестель принималъ на себя ролю Вашингтона, но главные дѣятели общества, зная его непомѣрное властолюбіе, находили въ немъ болѣе сходства съ Наполеономъ; другіе-же,

склонные къ увлеченію, невольно покорялись его уму, хладнокровно взвѣсивавшему самыя опасныя предпріятія. Не разбирая средствъ и рѣшаясь на все для достиженія своей цѣли, онъ старался окружить себя надежными сообщниками, удаляя слабосердыхъ и представляя имъ всѣ опасности и трудности задуманнаго имъ дѣла. Въ Тульчинѣ, куда онъ отправился на службу, для принятія въ команду Вятскаго пѣхотнаго полка, члены тайнаго общества, не опасаясь такого надзора надъ своими дѣйствіями, какой могъ быть въ столицѣ, ежедневно собирались у Пестеля, либо у Юшневскаго, генералъ-интенданта 2-й арміи, и возбуждали одни другихъ къ дѣятельности, на что̀ впрочемъ было достаточно и одного Пестеля ([19]). Зная нерѣшительность многихъ членовъ, и даже одного изъ коренныхъ членовъ (основателей общества), Александра Муравьева, который, усомнившись въ возможности осуществить свои планы, изъявлялъ намѣреніе совершенно оставить общество, Пестель предложилъ пригласить въ Москву депутатовъ изъ Петербурга и Тульчина, для общаго совѣщанія о дѣлахъ общества и для приданія ему большей дѣятельности. Съ этою цѣлью, въ концѣ 1820 года, отправились, для вызова депутатовъ, фонъ-Визинъ съ братомъ своимъ въ Петербургъ, а Якушкинъ въ Тульчинъ и Кишиневъ ([20]).

Въ генварѣ 1821 года, собрались въ Москвѣ уполномоченные члены тайнаго общества: изъ Петербурга Николай Тургеневъ и Ѳедоръ Глинка; изъ Кіева Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ и адъютантъ его Охотниковъ; кромѣ того, пріѣхали тогда-же въ Москву: Бурцовъ. Комаровъ, братья фонъ-Визины, Михайло Николаевичъ Муравьевъ и Якушкинъ ([21]). Михаилъ Орловъ въ прежнее время пользовался особенною благосклонностью Императора Александра, который

былъ о немъ высокаго мнѣнія и употреблялъ его по дипломатической части. Ему были поручены въ 1814 году переговоры о сдачѣ Парижа; а по окончаніи войны его послали въ Норвегію, для устраненія затрудненій, возникшихъ по поводу присоединенія этой страны къ Швеціи. Но вмѣсто того, чтобы убѣдить Норвежцевъ къ совершенному слитію съ Шведами и къ образованію съ ними общаго сейма, (какъ предписано было въ данной ему инструкціи), Орловъ сблизился съ туземными либералами и содѣйствовалъ тому, что Норвегія, сохранивъ свое собственное представительное сословіе, осталась во многихъ отношеніяхъ страною отдѣльною отъ Швеціи. Въ 1817 году, когда сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе Императора Александра образовать отдѣльный Литовскій корпусъ, нѣкоторые изъ нашихъ генераловъ, считая эту мѣру началомъ отдѣленія Литвы и другихъ западныхъ областей отъ Имперіи, рѣшились подать Государю адресъ, въ которомъ излагали вредъ, могущій произойти отъ учрежденія такого корпуса. Въ числѣ генераловъ, подписавшихъ эту бумагу, былъ генералъ-адъютантъ Илар. Васил. Васильчиковъ, который однакоже, немедленно раскаявшись въ своемъ поступкѣ, отправился къ Императору, разсказалъ ему все дѣло и назвалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ и главнаго побудителя къ тому, составившаго адрессъ, Орлова. Государь потребовалъ къ себѣ Орлова, напомнилъ благоволеніе, коимъ удостоивалъ его, и приказалъ ему принести бумагу, подписанную генералами; но Орловъ скрылъ ее и отперся отъ всего имъ сдѣланнаго, послѣ чего Императоръ Александръ навсегда разстался съ прежнимъ своимъ любимцемъ. Вскорѣ послѣ того, Орловъ получилъ мѣсто начальника штаба въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ, состоявшемъ подъ командою генерала Раевскаго, а потомъ

16-ю дивизію во 2-й арміи, которой штабъ стоялъ въ Кишиневѣ. Тамъ завелъ онъ солдатскую школу взаимнаго обученія, поручивъ надзоръ за нею капитану Василію Ѳедор. Раевскому, который своими дѣйствіями возбудилъ подозрѣніе начальства и попалъ подъ судъ ([22]).

На совѣщаніяхъ уполномоченныхъ въ Москвѣ, большею частью происходившихъ у фонъ-Визина, съ перваго-же раза возникло разномысліе. Орловъ, тогда уже помолвленный на дочери генерала Раевскаго, желая во чтобы то ни стало выдти изъ тайнаго общества, привезъ писанныя условія, на которыхъ соглашался оставаться въ немъ: въ этой бумагѣ онъ предлагалъ прибѣгнуть къ весьма преступнымъ средствамъ — завести типографію или литографію, для печатанія статей противъ правительства, и фабрику фальшивыхъ ассигнацій, что̀, по словамъ его, доставило-бы обществу огромныя средства и послужило-бы къ подрыву правительственнаго кредита. Такія предложенія изумили членовъ, которые отвѣчали Орлову, что вѣроятно онъ шутитъ, внося на ихъ обсужденіе столь неистовыя мѣры. Этого и нужно было Орлову, который тотчасъ воспользовался предлогомъ разорвать сношенія съ тайнымъ обществомъ, и объявилъ, что оставляетъ его. Примѣру его послѣдовали Глинка, князь Илья Долгоруковъ и другіе. На слѣдующихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ Николая Тургенева, прежде всего признано нужнымъ измѣнить не только уставъ, но устройство, и самый составъ Союза Благоденствія. Чтобы отдалить ненадежныхъ членовъ, рѣшено объявить, что въ настоящихъ обстоятельствахъ *) общество не можетъ продолжать свои дѣй-

*) Въ то время, по случаю безпорядковъ, происшедшихъ въ Семе-

ствія, не возбудивъ противъ себя преслѣдованіе полиціи, и по тому прекращаетъ свое существованіе. Это постановленіе должны были передать Бурцовъ и Комаровъ Пестелю, съ которымъ петербургскіе члены не хотѣли имѣть никакого дѣла. Многіе изъ нихъ удалились, а съ выступленіемъ гвардіи въ Вильну, весною 1821 года, общество совершенно разсѣялось ([23]). Впрочемъ, наиболѣе ярые члены не оставляли своихъ замысловъ. Никита Муравьевъ, отправясь по дѣламъ службы въ Минскъ, началъ тамъ писать конституцію, въ духѣ ограниченной монархіи, а потомъ приступилъ къ составленію такъ называемаго Катихизиса, наполненнаго лжеумствованіями и софизмами, о которомъ самъ авторъ въ послѣдствіи сказалъ, что „къ счастью, его не кончилъ“. Въ дѣлѣ по слѣдствію о заговорѣ 14 декабря, сохранился отрывокъ этого произведенія необузданной фантазіи, подъ заглавіемъ: „Любопытный разговоръ“. Онъ былъ извѣстенъ Императору Александру, что̀ несомнѣнно явствуетъ изъ надписи на этой бумагѣ: «l'original a été remis à S. M. le 23 mars 1822». Императоръ Николай Павловичъ также читалъ „Любопытный разговоръ“ и собственноручно надписалъ внизу: «quelle infamie!!!» (какая гнусность!!!).

По возвращеніи Бурцова и Комарова изъ Москвы въ Тульчинъ, они объявили тамошней думѣ о прекращеніи „Союза Общественнаго Благоденствія“. Но Пестель и Юшневскій отвѣчали депутатамъ, что восемь человѣкъ не имѣли никакого права уничтожить все общество. Послѣдній, въ собраніи тульчинскихъ членовъ, произнесъ рѣчь, имѣвшую цѣлью отдалить всѣхъ робкихъ, ненадежныхъ товарищей; но она

новскомъ полку, полиція усилила надзоръ за соблюденіемъ общественнаго порядка.

оказала совершенно неожиданное дѣйствіе: немногіе лишь члены (и въ числѣ ихъ Бурцовъ) оставили общество, и дѣятельность его распространилась и возрасла болѣе нежели когда-либо. Подъ руководствомъ Пестеля и Юшневскаго образовалось новое общество, подъ названіемъ *Южнаго*, явно стремившееся къ учрежденію въ Россіи республиканскаго правленія ([24]).

Мы уже имѣли случай сказать, что, еще въ 1821 году, масонскія и тайныя общества, по представленію Новосильцова, были запрещены въ Царствѣ Польскомъ, и что 1 августа 1822 года, послѣдовало такое-же распоряженіе во всей Имперіи, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, въ Рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея.

Въ Петербургѣ, послѣ московскаго совѣщанія уполномоченныхъ Союза Благоденствія и выступленія гвардіи, въ маѣ 1821 года, въ Литву, общество совершенно разстроилось; одни изъ членовъ его разъѣхались, а другіе перешли на югъ, гдѣ продолжали дѣйствовать, подъ руководствомъ Пестеля и Юшневскаго. По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, въ 1822 году, Никита Муравьевъ дѣятельно участвовалъ въ возстановленіи Союза, подъ названіемъ *Сѣвернаго Общества*, и въ учрежденіи думы, въ которую тогда-же были избраны: Никита Муравьевъ, князь Оболенскій и Николай Иван. Тургеневъ; послѣдній однако-же не занимался пріемомъ новыхъ членовъ и отличался особенною умѣренностью, неоднократно изъявляя, что главною его цѣлью было достиженіе свободы помѣщичьихъ крестьянъ, распространенія въ Россіи народнаго образованія и свободной печати. При отъѣздѣ за границу, въ апрѣлѣ 1824 года, Тургеневъ разорвалъ всякія сношенія съ обществомъ

и считалъ себя уже вышедшимъ изъ него. Охлажденію его къ обществу много способствовали переданныя ему отъ имени Государя увѣщанія — „не какъ приказаніе, а какъ совѣтъ одного христіанина другому“ — оставить свои заблужденія. Очевидно, что Императоръ Александръ зналъ объ участіи Тургенева въ тайномъ обществѣ и великодушно простилъ его ([25]).

Какъ въ 1822-мъ, такъ и въ слѣдующемъ году, чрезъ Никиту Муравьева, постоянно велись сношенія Сѣвернаго общества съ Южнымъ, состоявшія во взаимныхъ извѣщеніяхъ о принятіи значительныхъ членовъ и въ преніяхъ объ основаніяхъ представительнаго правленія. Пестель и Муравьевъ долго не могли согласиться между собою: первый предпочиталъ республиканскую, а второй — монархическую форму правленія. Никита Муравьевъ, наконецъ, послалъ князя Сергѣя Волконскаго въ Тульчинъ къ Пестелю и сообщилъ ему готовую часть своей конституціи, извѣщая, что составляетъ ее въ монархическомъ смыслѣ, ради вновь принимаемыхъ членовъ, какъ завѣсу, подъ покровомъ которой – писалъ онъ – мы устроимъ дѣла свои (comme un rideau derrière lequel nous formerons nos colonnes), увѣряя, что онъ такой-же приверженецъ республиканскаго правленія, какимъ былъ и прежде. Тоже самое повторилъ онъ и при личномъ свиданіи съ Пестелемъ, въ Петербургѣ, въ 1824 году. Но въ послѣдствіи Муравьевъ говорилъ, что если онъ и писалъ это Пестелю, то все-таки никогда не былъ искренно согласенъ съ нимъ въ намѣреніи установить республику ([26]).

Въ теченіи 1823 и 1824 годовъ, кромѣ князя Сергѣя Волконскаго, пріѣзжали въ Петербургъ, съ порученіями отъ Пестеля: зять генерала Раевскаго Василій Давыдовъ, полковникъ Повало-Швейковскій

и Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, которые сообщили сперва Никитѣ Муравьеву, а потомъ занявшему, по отъѣздѣ Тургенева за границу его мѣсто въ думѣ, князю Трубецкому, о предположеніяхъ Южнаго общества — ввести республиканскій образъ правленія, истребивъ Императорскій Домъ; но Сѣверное общество всячески отклоняло предлагаемое ему соединеніе съ Южнымъ. Не болѣе успѣха также имѣло доставленное чрезъ князя Барятинскаго Никитѣ Муравьеву письмо Пестеля, въ которомъ онъ сообщалъ преувеличенныя извѣстія объ успѣхахъ Южнаго общества, о большомъ числѣ его членовъ, о силѣ войска, готоваго поддерживать общество, и спрашивалъ — когда Сѣверное общество будетъ довольно сильно для возстанія по призыву Южнаго? «Les demi-mesures ne valent rien; il faut faire maison nette». (Полумѣры никуда не годятся; надобно работать на-чисто) — писалъ Пестель. На вопросъ подполковника Поджіо Муравьеву — „что̀ думаетъ онъ объ этомъ письмѣ", Муравьевъ отвѣчалъ: „вѣдь они Богъ вѣсть что̀ затѣяли; они всѣхъ хотятъ истребить", а Барятинскому сказалъ: „здѣсь молодые люди несклонны къ тому; впрочемъ — мы стараемся объ увеличеніи числа членовъ" ([27]).

Вообще сношенія Южнаго Общества чрезъ уполномоченныхъ его съ членами думы, Никитою Муравьевымъ и княземъ Трубецкимъ, были безуспѣшны, что̀ заставило самаго Пестеля, въ 1824 году, пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ снова настаивалъ на введеніе республики. Замѣтивъ несогласіе на то Сѣверныхъ членовъ, онъ измѣнилъ обычному своему хладнокровію и сильно ударилъ кулакомъ по столу, сказавъ: „такъ будетъ-же республика!" На счетъ гласности конституціи, онъ также не сошелся съ Никитою Муравьевымъ, желавшимъ сообщить составленный имъ

проектъ всѣмъ членамъ общества; напротивъ того, Пестель полагалъ, что начала конституціи должны были оставаться въ тайнѣ для всѣхъ, кромѣ управляющихъ обществомъ. Князь Трубецкой и Никита Муравьевъ съ ужасомъ узнали отъ Пестеля, что онъ хотѣлъ умертвить Императора Александра во время предположеннаго тогда смотра 2-й арміи, учредить Директорію, заставить Синодъ и Сенатъ признать временное правительство и раздать важнѣйшія мѣста членамъ общества. Услышавъ отъ него, что онъ обрекалъ гибели всю Императорскую фамилію, Трубецкой отвергъ гнусное предложеніе, а Н. Муравьевъ сказалъ, что люди, обагренные кровью лицъ, священныхъ въ понятіяхъ русскаго народа, будутъ посрамлены въ общемъ мнѣніи, которое не дозволитъ имъ пользоваться похищенною властью. Муравьевъ упрекалъ Пестеля также въ томъ, что онъ, войдя въ сношенія съ польскимъ тайнымъ обществомъ, обѣщалъ признать совершенную независимость Польши и уступалъ Полякамъ пріобрѣтенныя отъ нихъ Русскими области. Въ отвѣтъ на эти упреки, Пестель сказалъ: „на то воля южныхъ бояръ; обѣщано — и перемѣнить нельзя" ([28]).

Въ числѣ дѣятельнѣйшихъ членовъ Сѣвернаго общества явился Рылѣевъ, принятый въ началѣ 1823 года коллежскимъ ассесоромъ Пущинымъ. На первомъ изъ происходившихъ тогда совѣщаній, единогласно избранъ въ члены думы Тургеневъ, но онъ отказался, сказавъ, (какъ въ послѣдствіи показалъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ), что „въ первый разъ не былъ счастливъ, и по тому не хочетъ останавливать дѣйствія общества; къ тому-же — прибавилъ онъ — разстройство моего здоровья требуетъ, чтобы я ѣхалъ за границу". За тѣмъ, палъ выборъ на полковника Л. Гв. Финляндскаго полка Митькова; когда-же от-

казался и онъ, избрали Никиту Муравьева, и вмѣстѣ съ нимъ — князя Оболенскаго и князя Трубецкаго. На второмъ совѣщаніи, у Митькова, Тургеневъ читалъ проектъ о составѣ и устройствѣ общества, раздѣляя его членовъ на *Соединенныхъ* (младшихъ) и *Убѣжденныхъ* (старшихъ), и положено содѣйствовать цѣли общества сочиненіями въ его духѣ. Согласно тому, Рылѣевъ взялся окончить начатый Никитою Муравьевымъ Катихизисъ свободнаго человѣка; онъ-же писалъ вольнодумныя пѣсни и стихотворенія, которыя ходили въ публикѣ, всегда жадной къ запрещеннымъ сочиненіямъ. На этомъ-же совѣщаніи, Н. Тургеневъ обѣщалъ написать статью объ уголовномъ судопроизводствѣ, Никита Муравьевъ — планъ конституціи, а князь Оболенскій — объ обязанностяхъ гражданина (29)

Рылѣевъ, отъ самаго дѣтства весьма любознательный, дерзкій съ начальниками, въ послѣдствіи — республиканецъ, будучи выпущенъ изъ 1-го кадетскаго корпуса въ артиллерію, вскорѣ вышелъ въ отставку, служилъ, по выборамъ дворянства, засѣдателемъ въ петербургской уголовной палатѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ правителемъ дѣлъ общества Россійско-Американской Компаніи. Въ обѣихъ этихъ должностяхъ онъ выказывалъ себя честнымъ, полезнымъ дѣятелемъ; нѣжный мужъ, столь-же нѣжный отецъ, Рылѣевъ былъ рожденъ для безмятежной домашней жизни. Но его самолюбіе, возбужденное нѣкоторыми литературными успѣхами, вскружило ему голову. Отъ дерзкихъ посланій и другихъ стихотвореній, которыя, большею частью, ходили въ рукописяхъ, онъ перешелъ къ политическимъ утопіямъ, а знакомство съ Никитою Муравьевымъ, Пущинымъ и другими дѣятелями тайнаго общества рѣшило судьбу его. Не увлекаясь никакими разсчетами, кромѣ какой-то платонической любви къ свободѣ, онъ дѣйствовалъ перомъ, готовился принять

личное участіе въ насильственномъ переворотѣ и побуждалъ своихъ товарищей къ бунту. Занявъ мѣсто князя Трубецкаго въ думѣ, Рылѣевъ нашелъ усерднаго пособника въ другомъ, болѣе себя знаменитомъ литераторѣ, Александрѣ Бестужевѣ (въ послѣдствіи—Марлинскій). Даровитый, образованный, преисполненный ума, Бестужевъ увлекся желаніемъ играть видную ролю и увлекъ съ собою трехъ своихъ братьевъ (30).

Такой-же участи подвергся человѣкъ, несравненно болѣе опытный—подполковникъ Батенковъ. Будучи выпущенъ, въ 1813 году, изъ 2-го кадетскаго корпуса, прапорщикомъ въ артиллерію, Батенковъ участвовалъ въ походахъ 1813 и 1814 годовъ, и послѣ дѣла при Монмиралѣ, находясь съ двумя орудіями въ арріергардѣ, былъ окруженъ непріятелями, получилъ десять ранъ и остался за-мертво на полѣ сраженія. Въ донесеніи было сказано: „потеряны двѣ пушки со всею прислугою отъ чрезмѣрной храбрости командовавшаго ими офицера". По возвращеніи въ Россію, Батенковъ, имѣвшій особенное влеченіе къ математикѣ, выдержалъ экзаменъ въ институтѣ путей сообщенія и перешелъ въ это вѣдомство. Тамъ онъ служилъ усердно и честно, но будучи ославленъ *безпокойнымъ человѣкомъ*, былъ командированъ въ Иркутскъ, гдѣ прозябалъ, не находя пищи для своей дѣятельности, пока прибылъ туда Сперанскій, который, разгадавъ способности молодаго капитана путей сообщенія, взялъ его въ свою канцелярію. Батенковъ, мастерски владѣвшій перомъ, сдѣлался правою рукою своего начальника и по его указанію написалъ много проектовъ, въ числѣ коихъ были *Положеніе о Киргизахъ* и *Положеніе о ссыльныхъ*. Въ послѣдствіи, Батенковъ, разсказывая съ восторгомъ о времени своей службы при Сперанскомъ, говорилъ о немъ, что „при всей простотѣ своего обращенія, онъ всегда являлся

на неприступной высотѣ“. По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ, онъ рекомендовалъ Батенкова графу Аракчееву, и когда Аракчеевъ изъявилъ желаніе, чтобы онъ вступилъ въ службу по военнымъ поселеніямъ, Сперанскій совѣтовалъ ему принять это предложеніе. Батенковъ изъявилъ согласіе служить въ поселеніяхъ, сказавъ, что не гоняется ни за чинами, ни за знаками отличія, а хотѣлъ-бы получать хорошее содержаніе. Его назначили членомъ совѣта военныхъ поселеній съ 10-ю тысячами рублей жалованья. Аракчеевъ любилъ его, называлъ его *мой математикъ*, но мало по малу охладѣлъ къ нему, чему причиною были наговоры генерала К.......... Когда-же, въ 1825 году, болѣзнь и душевное разстройство Аракчеева, послѣ убійства его Настасьи *), подали поводъ къ слухамъ, будтобы онъ намѣревался просить увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ, Батенковъ, опасаясь, чтобы К.......... не сдѣлался его главнымъ начальникомъ, подалъ въ отставку и получилъ ее. Оставшись безъ мѣста, Батенковъ находился въ раздражительномъ состояніи, которымъ дѣятели тайнаго общества незамедлили воспользоваться. Первый поводъ къ соучастію съ ними подалъ ему Александръ Бестужевъ, заведя рѣчь о томъ, какія моглибъ быть послѣдствія еслибъ Россія имѣла представительное правленіе. На замѣчаніе Батенкова, о недостаткѣ людей, которые поддерживали-бы такое правленіе, Бестужевъ возразилъ, что „есть люди, которые стремятся къ тому“. Когда-же Батенковъ отвѣчалъ, что „и самъ онъ съ полною готовностью желалъ-бы чѣмъ нибудь тому содѣйствовать“, Бестужевъ сказалъ: „стоитъ только рѣшиться, а кратчайшій тому путь — заставить сенатъ,

*) Настасья Минкина, любовница и довѣренная особа графа Аракчеева, жестоко обходившаяся съ его дворовыми людьми, была ими зарѣзана въ 1825 году.

чтобы онъ объявилъ конституцію". Въ послѣдствіи, Батенковъ увѣрялъ, что, зная дерзкій образъ мыслей Александра Бестужева и не раздѣляя его убѣжденій, онъ прекратилъ съ нимъ этотъ разговоръ; въ дѣйствительности-же онъ не прерывалъ сношеній съ нимъ и другими членами тайнаго общества, и даже возбудилъ въ нихъ надежду устроить основаніе ихъ дѣйствій въ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ, по словамъ его, было много недовольныхъ своимъ настоящимъ положеніемъ. По словамъ Батенкова: „Зрѣлище военныхъ поселеній и Западной Сибири, угнетаемой самовольнымъ и губительнымъ управленіемъ, общее неустройство, общія жалобы, бѣдность, упадокъ и стѣсненіе торговли, ученія и самыхъ чувствъ возвышенныхъ, неосновательность и бездѣйствіе законовъ, несуществованіе истинной полиціи: все располагало съ одной стороны не любить существующій порядокъ, а съ другой—думать, что революція близка и неизбѣжна". Однажды, когда Николай Бестужевъ сказалъ Батенкову, что, по мнѣнію Рылѣева—„Кронштадтъ есть нашъ островъ Леонъ", (т. е. резиденція либеральнаго правленія), и прибавилъ отъ себя: „а тамъ, кромѣ картъ и билліарда, ни о чемъ не думаютъ", Батенковъ отвѣчалъ, что: „напротивъ того, нашъ островъ Леонъ долженъ быть на Волховѣ, либо на Ильменѣ" ([31]). Многіе изъ членовъ общества цѣнили Батенкова такъ высоко, что когда зашла рѣчь о назначеніи членами временнаго правленія Мордвинова и Сперанскаго, и возникло сомнѣніе, чтобы Сперанскій согласился принять на себя эту должность, тогда верховная дума намѣревалась избрать для занятія ея Батенкова.

Хотя Сѣверное общество отказывалось отъ соединенія съ Южнымъ и отвергало предполагаемыя имъ крайнія мѣры, однакоже не ограничивалось вы-

жиданіемъ, и не рѣдко въ средѣ его возникали весьма буйныя предложенія. Весною 1824 года, молодой, но весьма рьяный членъ, прапорщикъ Вадковскій, говоря о разныхъ средствахъ ввести республиканское правленіе, сказалъ, что „можно былобы воспользоваться придворнымъ баломъ въ Бѣлой залѣ Зимняго дворца для истребленія Императорской фамиліи, и тамъ-же провозгласить объ учрежденіи республики". За тѣмъ, спросивъ корнета Свистунова и другихъ, согласны-ли они на его предложеніе и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, Вадковскій прибавилъ, что еслибы общество находилось въ опасности, то слѣдовало-бы тотчасъ дѣйствовать, и что должно ко всему быть готовыми. Тогда-же Свистуновъ узналъ отъ Матвѣя Муравьева-Апостола о намѣреніи его—покуситься на жизнь Императора Александра, ежели братъ его Сергѣй, съ обнаруженіемъ дѣйствій общества, подвергнется опасности (32).

Особенное звѣрство оказалъ поступившій въ Сѣверное общество, уже въ 1825 году, капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Якубовичъ. Начавъ службу въ гвардіи, онъ былъ переведенъ на Кавказъ за участіе въ поединкѣ графа А. В. Завадовскаго съ Шереметевымъ, убитымъ на повалъ. Грибоѣдовъ, бывшій секундантомъ у Завадовскаго, также отправился на Кавказъ и поступилъ въ канцелярію Ермолова. Якубовичъ, винившій Грибоѣдова въ несчастномъ исходѣ поединка, вызвалъ его въ Тифлисѣ и ранилъ его. На Кавказѣ Якубовичъ сражался храбро, былъ раненъ и съ повязкою на головѣ возвратился, весною 1825 года, въ Петербургъ—хлопотать о своемъ переводѣ обратно въ гвардію. Вскорѣ по пріѣздѣ въ столицу, онъ сблизился съ Рылѣевымъ, который однакоже не замедлилъ убѣдиться въ его дерзости и безсовѣстности. Въ концѣ іюня, Рылѣевъ,

въ присутствіи Никиты Муравьева, открылъ фонъ-деръ-Бригену, что Якубовичъ, раздраженный за высылку его изъ гвардіи и питавшій личную ненависть къ Государю, имѣлъ намѣреніе посягнуть на его жизнь. „И я это исполню — сказалъ злодѣй — явно, на какомъ-либо парадѣ, при большомъ стеченіи войскъ и народа, чтобы всѣ видѣли мой подвигъ; одѣтъ буду я въ черное платье, черкесскимъ наѣздникомъ, и выѣду на вороном конѣ". Полковникъ Измайловскаго полка, фонъ-деръ-Бригенъ, человѣкъ добрый, тихій, хорошо образованный, никогда не видалъ Якубовича, но наслышался о немъ вдоволь, какъ о сумасбродѣ, кричавшемъ во всю глотку только о томъ, чтобы кого-либо изрубить, или застрѣлить, и тогдаже изъявилъ къ его похвальбѣ справедливое омерзеніе. Рылѣевъ, согласясь съ нимъ и Муравьевымъ, взялся уговаривать Якубовича, чтобы онъ оставилъ свое гнусное намѣреніе, и нѣсколько дней спустя, снова увидясь съ Бригеномъ, сказалъ ему: „благодаря Бога, я усмирилъ Якубовича; онъ далъ мнѣ слово отложить свой злой умыселъ — сперва на годъ, потомъ до того времени, когда получитъ въ команду гвардейскій кавалерійскій полкъ: „тогда — прибавилъ онъ — со всѣмъ полкомъ пойду въ атаку и буду рубить всѣхъ, и друга, и недруга"; а наконецъ сказалъ, что лучше всего ему будетъ отправиться опять на Кавказъ, завести тамъ Запорожскую сѣчу и жить тамъ отъ добычи получаемой грабежемъ ([33]).

Къ несчастью Бригена, который въ то время отправлялся въ Москву и Кіевъ, Рылѣевъ поручилъ ему сообщить князю Трубецкому о злоумышленіи Якубовича, а равно о томъ, что Рылѣевъ, желая избѣжать цареубійства, предполагалъ вывести моремъ за границу Императорскую фамилію ([34]).

Трудно сказать, что̀ въ дѣйствительности замыш-

лялъ Рылѣевъ; извѣстно только то, что, во время пребыванія его въ думѣ, общество искало завести связи во флотѣ и отчасти успѣло въ томъ. Въ 1825 году, принятъ былъ лейтенантъ Завалишинъ, человѣкъ восторженный, игравшій роль духовидца. Въ продолженіи совершенныхъ имъ путешествій, онъ посѣтилъ Сѣверо-Американскіе Штаты, коихъ учрежденія возбудили въ немъ удивленіе и сочувствіе, побывалъ въ Калифорніи, и возвратясь въ Европу, думалъ основать общество, подъ именемъ *Ордена возстановленія*. Въ послѣдствіи, онъ увѣрялъ, что идею къ учрежденію этого ордена подало ему намѣреніе произвести въ Испаніи контръ-революцію для возстановленія Короля Фердинанда VII, не прибѣгая къ пособію французскаго правительства и очистивъ Францію отъ безпокойныхъ головъ, которые нашли-бы пищу своей дѣятельности въ Испаніи: такимъ образомъ, орденъ возстановленія послужилъ-бы громовымъ отводомъ. Въ письмѣ, представленномъ Завалишинымъ на имя Императора Александра, съ просьбою о принятіи сего ордена подъ Монаршее покровительство, показана была цѣль всего учрежденія—содѣйствовать правительству и ратовать противъ вольнодумства. Государь, отнесясь съ выгодной стороны объ усердіи Завалишина, не счелъ нужнымъ принять предложенное имъ средство. Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, Завалишинъ сблизился съ членами Сѣвернаго общества, въ 1825 году, и сталъ вербовать въ него своихъ товарищей по флоту. По свидѣтельству мичмановъ Дивова, обоихъ Бѣляевыхъ и лейтенанта Арбузова, Завалишинъ старался утвердить ихъ въ вольномысліи, осуждалъ дѣйствія правительства, превозносилъ конституціонное правленіе, говорилъ, что въ Россіи народъ и духовенство потеряли свои права̀ и что для возвращенія ихъ необходимъ переворотъ. Онъ пола-

галъ, что для успѣха въ такомъ дѣлѣ надлежало увеличить число недовольныхъ, говоря: „чтобы разрушить зданіе—надобно прежде его потрясти"; убѣждалъ въ возможности ввести въ Россіи республиканское федеративное правленіе, и въ доказательство легкости подобныхъ переворотовъ приводилъ Испанію, гдѣ — по словамъ его — нѣсколькихъ человѣкъ было достаточно, чтобы заставить Короля дать конституцію, при чемъ осуждалъ Испанцевъ за то, что они, понадѣявшись на слова, выпустили Короля изъ своихъ рукъ. За тѣмъ—Завалишинъ сначала предлагалъ своимъ товарищамъ вывезти всю Императорскую фамилію за границу; когда-же убѣдился, что они на него не донесутъ, и что онъ можетъ открыть имъ свои дѣйствительные замыслы, тогда сталъ доказывать примѣромъ Испаніи, что полумѣры никуда не годятся, что необходимымъ условіемъ переворота должно быть истребленіе Императорской фамиліи, и что „революцію должно начинать съ головы". На счетъ тайныхъ обществъ, онъ говорилъ, что такія общества существуютъ во всей Россіи, что они очень сильны въ Москвѣ и въ 1-й арміи, гдѣ на сторонѣ ихъ цѣлый корпусъ. Завалишинъ называлъ военныя поселенія лучшею народною гвардіей, полагая удобнымъ учредить тамъ временное правительство; онъ-же сообщилъ Бѣляевымъ и Арбузову, что въ кругу его знакомыхъ разсуждали о возможности произвести революцію во время петергофскаго праздника 1-го іюля, и что нашелся человѣкъ, котораго понукать не нужно, а за самимъ нужно ходить съ кинжаломъ, (намекая на Якубовича); онъ также увѣрялъ, что у заговорщиковъ все готово, но что они опасаются двадцати-пяти-лѣтія царствованія Александра, думая, что изданіе Всемилостивѣйшаго манифеста успокоитъ многихъ недовольныхъ. Завалишинъ представлялъ Бѣляевымъ и

Арбузову *орденъ* (общество) *возстановленія* въ видѣ общества, имѣющаго основаніями добродѣтель и любовь къ отечеству, увѣряя, что этотъ орденъ, получившій начало за границею, существуетъ во всѣхъ государствахъ. Однажды, давъ прочесть своимъ товарищамъ постановленія ордена, онъ сказалъ, что когда просилъ у Государя дозволеніе образовать его въ Россіи, подъ видомъ содѣйствія законной власти, то подъ словами: „законная власть" разумѣлъ: „союзъ народовъ для возстановленія представительныхъ, или республиканскихъ правленій", по тому — прибавилъ онъ — „что законную власть можно понимать различно". Въ послѣдствіи, когда уже открылись дѣйствія тайнаго общества, Завалишинъ увѣрялъ, что онъ писалъ Государю другой разъ, будтобы остерегая его отъ угрожавшей ему опасности; и дѣйствительно онъ писалъ Государю вторично, но Императоръ Александръ, получивъ письмо Завалишина, и полагая, что въ немъ опять шло дѣло объ орденѣ возстановленія, приказалъ возвратить его нераспечатаннымъ: такимъ образомъ содержаніе этого письма осталось неизвѣстно. Въ продолженіи лѣта, собираясь ѣхать въ Москву, Казань, Кіевъ и другіе города, Завалишинъ говорилъ своимъ товарищамъ, что ѣдетъ туда, будтобы *жать*, но въ дѣйствительности *сѣять*; впрочемъ, надежды его вскорѣ разсѣялись, и пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, онъ писалъ Арбузову, что тамъ, отъ высшаго до нижшаго класса, всѣ обманули его ожиданія (35).

Гораздо болѣе вліянія на своихъ товарищей по флоту оказалъ старшій братъ Александра Бестужева, Николай, человѣкъ рѣдкихъ способностей и талантовъ. Капитанъ-лейтенантъ Бестужевъ, литераторъ, художникъ, любимый всѣми его знавшими, имѣлъ пагубное вліяніе на многихъ молодыхъ людей, и осо-

бенно во флотѣ, гдѣ, благодаря ему и Завалишину, общество пріобрѣло четырнадцать сподвижниковъ, увлеченныхъ въ бездну изрытую собственными ихъ руками ([36]).

Мы уже имѣли случай сказать, что коноводы Сѣвернаго общества расходились въ видахъ съ Пестелемъ, и вообще отвергали и введеніе республиканскаго правленія, и гнусныя предложенія цареубійства; но въ послѣдствіи, когда были приняты въ общество отчаянные безумцы, подавшіе голосъ въ пользу такихъ-же самыхъ кровавыхъ мѣръ, намѣренія петербургской думы совершенно измѣнились, и рѣшено было водворить республику, посредствомъ военнаго мятежа — одного изъ ужаснѣйшихъ преступленій въ сословіи людей, обязанныхъ соблюдать дисциплину и безусловное повиновеніе начальству. Для этого старались завести сношенія въ гвардейскихъ полкахъ, и, къ сожалѣнію, отчасти успѣли въ томъ. Нѣсколько офицеровъ, большею частью по легкомыслію, допустили отклонить себя отъ священнаго долга, возложеннаго на нихъ присягою. Оставалось увлечь солдатъ, и это отчасти удалось крамольникамъ по обстоятельствамъ, которымъ подобнаго примѣра не представляетъ намъ Исторія.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1824 года, князь Трубецкой былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ 4-й пѣхотный корпусъ, и, пользуясь тѣмъ, принялъ на себя обязанность наблюдать за Пестелемъ, которому постоянно недовѣряло Сѣверное общество. По прибытіи въ Кіевъ, онъ сблизился съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ-Рюминымъ, и получивъ тамъ изъ Петербурга извѣстіе о намѣреніи Якубовича — покуситься на жизнь Государя изъ личной мести, сообщилъ о томъ Пестелю, чтобы выказать къ нему довѣріе, но не одобрялъ

его конституціи. Уѣзжая изъ Кіева, князь Трубецкой обѣщалъ Сергѣю Муравьеву и Бестужеву устроить все по ихъ желанію въ Петербургѣ и Москвѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ началѣ ноября 1825 года, онъ нашелъ общество весьма увеличившимся. Кончина Государя и отреченіе отъ престола Цесаревича Константина Павловича казались заговорщикамъ весьма благопріятными для введенія въ Россіи конституціи. Чтобы избѣжать разномыслія, постоянно замедлявшаго дѣйствія общества, Рылѣевъ, князь Оболенскій, Александръ Бестужевъ и другіе положили, за себя и за прочихъ членовъ, назначить князя Трубецкаго диктаторомъ (полновластнымъ начальникомъ). Планъ Трубецкаго, составленный имъ совмѣстно съ Батенковымъ, состоялъ въ томъ, чтобы внушить гвардіи сомнѣніе въ отреченіи Цесаревича и вести первый отказавшійся отъ присяги полкъ къ другому полку, увлекая постепенно за собою войскà, а потомъ, собравъ ихъ вмѣстѣ, объявить солдатамъ, будтобы есть завѣщаніе въ Бозѣ почившаго Императора — убавить срокъ службы нижнимъ чинамъ, и что надобно требовать, чтобы завѣщаніе сіе было исполнено, но на одни слова не полагаться, а утвердить крѣпко, и для того не расходиться. Трубецкой былъ увѣренъ, что полки на полки не пойдутъ, что въ Россіи не можетъ возгорѣться междуусобіе, что есть много желающихъ конституціи, которые къ нему пристанутъ, и что самъ Государь не захочетъ кровопролитія и согласится отказаться отъ самодержавной власти. За тѣмъ, предполагалось объявить въ манифестѣ, отъ имени сената, о созваніи депутатовъ отъ всѣхъ сословій, упомянувъ, въ томъ-же манифестѣ, что это собраніе составитъ законоположенія для управленія государствомъ, и что всѣ сословія будутъ пользоваться равными гражданскими правами, а, между тѣмъ, учре-

дить временное правительство, которое, прежде всего, сдѣлаетъ распоряженія для избранія въ губерніяхъ депутатовъ. Все это было изложено княземъ Трубецкимъ въ составленной имъ запискѣ, найденной при его арестованіи ([37]). При неудачѣ, (чего впрочемъ не ожидали), намѣревались отступить къ военнымъ поселеніямъ.

Вообще—Трубецкой является человѣкомъ надменнымъ, желавшимъ играть видную роль и страшившимся исполнить собственныя предначертанія. Его бездѣйствіе, въ день 14-го декабря 1825 года, положившій конецъ крамоламъ Сѣвернаго общества, ослабило пагубную рѣшимость его сподвижниковъ и уменьшило число жертвъ безумнаго покушенія ([38]).

ГЛАВА LXXXI.

Тайныя общества. Южное общество. Патріотическое (Польское) общество. Общество Соединенныхъ Славянъ.

(1821—1825 г.)

Главнымъ дѣятелемъ, душею *Южнаго общества*, или *южнаго отдѣла Союза Благоденствія*, былъ командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Павелъ Иван. Пестель. До двѣнадцати лѣтъ онъ воспитывался въ родительскомъ домѣ, а въ 1805 году, его отправили, вмѣстѣ съ братомъ его Владиміромъ (въ послѣдствіи — флигель-адъютантъ) на воспитаніе въ Дрезденъ, откуда, черезъ четыре года, они возвратились къ родителямъ, въ С.-Петербургъ. Во время пребыванія за границею, воспитаніемъ обоихъ молодыхъ людей руководилъ иностранецъ Зейдель, въ послѣдствіи вступившій въ русскую службу. Готовясь опредѣлиться въ верхній классъ пажескаго корпуса, Пестель учился у профессора политическихъ наукъ Германа, и поступивъ въ корпусъ камеръ-пажемъ, въ 1810-мъ году, былъ выпущенъ, въ 1811-мъ, прапорщикомъ въ Л. Гв. Литовскій (нынѣ — Московскій) полкъ, и за тѣмъ участвовалъ во всѣхъ походахъ войны 1812—1814 годовъ. Въ битвѣ при Бо-

родинѣ, онъ былъ раненъ пулею въ ногу съ раздробленіемъ кости и за отличіе въ семъ сраженіи получилъ золотую шпагу съ надписью „за храбрость", а въ походахъ 1813 и 1814 годовъ служилъ адъютантомъ при графѣ Витгенштейнѣ. Въ ноябрѣ 1821 года. Пестель былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, стоявшаго въ подольской губерніи. При началѣ греческаго возстанія, его послали въ Молдавію, развѣдать о причинѣ вспыхнувшаго тамъ возмущенія; въ донесеніи своемъ, Пестель сравнивалъ его съ освобожденіемъ Россіи отъ татарскаго ига (1).

По свидѣтельству самаго Пестеля, онъ, получивъ довольно основательныя понятія въ политическихъ наукахъ пристрастился къ нимъ. и убѣдясь, что благосостояніе государствъ и народовъ преимущественно зависитъ отъ ихъ правительствъ, возимѣлъ еще большую склонность къ пріобрѣтенію свѣдѣній. относящихся къ политикѣ и истоіри. „Сначала — писалъ онъ — я занимался ими безъ всякаго вольнодумства, съ однимъ лишь желаніемъ быть когда-нибудь полезнымъ слугою Государю и отечеству. Потомъ — началъ разсуждать; соблюдены-ли въ устройствѣ нашего правленія начàла политическихъ наукъ, при чемъ, не касаясь верховной власти, размышлялъ о министерствахъ, мѣстныхъ начальствахъ, и прочихъ учрежденіяхъ. Находя въ нихъ много несообразнаго съ правилами политическихъ наукъ, я сталъ обдумывать — какими учрежденіями они моглибъ быть замѣнены, пополнены, или улучшены; обращалъ я также мысли на положеніе народа, при чемъ всегда сильно поражало меня рабство помѣщичьихъ крестьянъ, а равно дѣйствовали на меня преимущества аристократіи, которую считалъ я — такъ сказать — стѣною, между Монархомъ и народомъ стоящею, и

отъ Монарха, ради собственныхъ выгодъ, истинное положеніе народа укрывающею. Къ этому въ послѣдствіи стали присоединяться разныя другія мысли и слышанные мною толки, какъ-то: о преимуществахъ присоединенныхъ областей надъ коренными русскими; о военныхъ поселеніяхъ; объ упадкѣ торговли, промышленности и общественнаго богатства въ Россіи; о несправедливости и подкупности нашихъ судовъ и другихъ властей; о тягости военной службы для солдатъ, и многихъ подобныхъ предметахъ, составлявшихъ, по моимъ понятіямъ, общую картину народнаго неблагоденствія. Тогда сталъ возникать во мнѣ внутренній ропотъ противъ правительства.

„Возстановленіе дома Бурбоновъ могу назвать эпохою въ моихъ политическихъ убѣжденіяхъ и образѣ мыслей. Я видѣлъ, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціей, была сохранена при реставраціи Монархіи и признана за благо, между тѣмъ какъ прежде всѣ, да и я самъ, возставали противъ революціи; изъ этого я сдѣлалъ выводъ, что видно революція не такъ дурна, какъ ее изображали, и даже можетъ быть полезна, въ чемъ утвердила меня еще болѣе мысль, что тѣ государства, гдѣ ея не было, продолжали быть лишенными многихъ преимуществъ и учрежденій. Тогда начали во мнѣ раждаться конституціонныя монархическія и революціонныя идеи: послѣднія были очень слабы и темны, но, мало по малу, сдѣлались опредѣлительнѣе и сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ развивало во мнѣ эти понятія. Ужасныя событія французской революціи заставляли меня искать средствъ къ избѣжанію подобныхъ бѣдствій, что̀ въ послѣдствіи внушило мнѣ мысль о необходимости временнаго правленія и дало поводъ ко всегдашнимъ моимъ толкамъ о предупрежденіи всякаго междуусобія. Отъ

монархическаго конституціоннаго образа мыслей перешелъ я къ республиканскому преимущественно по слѣдующимъ соображеніямъ: французское сочиненіе де Траси *) подѣйствовало на меня очень сильно: оно убѣдило меня въ томъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лице, ежели его санъ наслѣдственъ, непремѣнно ведетъ къ деспотизму. Съ другой стороны, всѣ газеты и политическія сочиненія такъ заманчиво представляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, приписывая сіе ихъ государственному устройству, что тамъ думалъ я видѣть явное доказательство превосходства республиканскихъ учрежденій. Когда Новиковъ сталъ говорить мнѣ о составляемой имъ конституціи для Россіи, я сперва оспаривалъ его, а потомъ, припоминая его сужденія, съ ними соглашался. Я вспоминалъ блаженныя времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и послѣдующее, жалкое ея положеніе; я сравнивалъ славу Рима во дни республики съ его плачевною долею при императорахъ. Исторія Великаго Новгорода также утверждала меня въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и Англіи конституціи суть одни лишь покрывала (?), никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что̀ пожелаютъ, и въ семъ отношеніи я предпочиталъ самодержавіе такимъ конституціямъ, ибо въ самодержавномъ правительствѣ неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ какъ въ конституціонныхъ монархіяхъ существуетъ таже неогра-

---

*) Графъ Destutt de Tracy, знаменитый французскій публицистъ временъ революціи и начала нынѣшняго столѣтія, извѣстный своими сочиненіями: Eléments d'Idéologie и Commentaire de l'esprit des lois. Въ послѣднемъ, авторъ, разсмотрѣвъ всѣ политическія законодательства, отдаетъ преимущество демократіи.

ниченность, и хотя тамъ медленнѣе дѣйствуетъ, однако, за то, и худое не можетъ скоро исправить. Чтоже касается до обѣихъ палатъ, то онѣ служатъ лишь для покрывала (?). Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на происхожденіи основанными. Я судилъ, что сіи аристократіи сдѣлаются наконецъ сильнѣе самаго Монарха, какъ въ Англіи, что онѣ составляютъ главное препятствіе государственному благоденствію и могутъ быть устранены однимъ лишь республиканскимъ строемъ правленія. Происшествія въ Неаполѣ, Испаніи и Португаліи также оказали на меня большое вліяніе. Я находилъ въ нихъ неоспоримыя доказательства непрочности конституціонныхъ монархій и достаточныя причины недовѣрчивости народовъ къ истинному согласію Монарховъ на принимаемыя ими конституціи: эти послѣднія соображенія весьма сильно укрѣпили меня въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мыслей. Все это сдѣлало меня республиканцемъ"... (2).

Эти показанія Пестеля весьма любопытны въ психологическомъ отношеніи, какъ политическая исповѣдь человѣка умнаго и съ сильнымъ характеромъ, увлеченнаго лжемудріемъ на путь гибели. И дѣйствительно — не есть-ли верхъ безразсудства основывать науку правленія, чисто-практическую, на отвлеченныхъ теоріяхъ, безъ примѣненія ихъ къ обычаямъ, убѣжденіямъ, вѣрованіямъ, ко всему быту народа?

Другимъ изъ главныхъ дѣятелей Южнаго общества былъ подполковникъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, сынъ бывшаго въ Мадритѣ русскимъ посланникомъ, Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола. Сергѣй Муравьевъ, поступивъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія,

въ 1810 году, былъ выпущенъ оттуда, въ 1811-мъ, шестнадцати лѣтъ отъ рода, прапорщикомъ, а въ 1813 году, переведенъ въ баталіонъ Великой Княгини Екатерины Павловны, поручикомъ; участвовалъ въ походахъ противъ Французовъ 1812 — 1814 годовъ, по окончаніи-же войны, перешелъ въ Семеновскій полкъ, и уже въ капитанскомъ чинѣ былъ переведенъ, въ 1820 году, вмѣстѣ съ прочими офицерами этого полка, въ армію, и поступилъ подполковникомъ въ Полтавскій, а въ 1822 году — въ Черниговскій пѣхотный полкъ. Служа въ гвардіи, онъ снискалъ довѣріе начальства, уваженіе товарищей и преданность солдатъ, и отличался образованіемъ и кроткимъ нравомъ. Семеновское происшествіе, въ которомъ онъ былъ изъ числа немногихъ офицеровъ, непотерявшихъ голову, поселивъ въ немъ неудовольствіе и озлобленіе противъ правительства, совершенно измѣнило его характеръ и сдѣлало его ожесточеннымъ, готовымъ на самыя ужасныя преступленія. Братъ его Матвѣй, увлеченный имъ въ гибель, человѣкъ болѣзненный, тяжело раненый въ 1813 году, искренно раскаялся въ своемъ заблужденіи и не вышелъ изъ тайнаго общества единственно изъ любви къ брату. Третій братъ Ипполитъ въ послѣдствіи убитъ при усмиреніи мятежа у Бѣлой-Церкви (3).

Однимъ также изъ главныхъ дѣятелей Южнаго общества былъ подпоручикъ Полтавскаго пѣхотнаго полка Бестужевъ-Рюминъ. Получивъ тщательное образованіе въ родительскомъ домѣ, Бестужевъ почерпнулъ первыя либеральныя идеи, по собственному сознанію, изъ трагедій Вольтера; потомъ, готовясь къ экзамену, для вступленія въ статскую службу, пристрастился къ политическимъ сочиненіямъ, изъ коихъ — говорилъ Бестужевъ — наиболѣе вреда ему сдѣлалъ пустословъ Прадтъ. За тѣмъ, пожелавъ по-

ступить въ военную службу, занимался военными науками, и въ бытность гвардейскаго отряда въ Москвѣ, въ 1818 году, выдержалъ экзаменъ и опредѣлился въ Кавалергардскій полкъ, изъ коего перешелъ въ Семеновскій, за нѣсколько мѣсяцевъ до происшедшаго тамъ возмущенія. Переводъ его, вмѣстѣ съ прочими подпрапорщиками, въ армію, пресѣкъ его надежды на блестящую карьеру, и поселивъ въ немъ неудовольствіе противъ правительства, побудилъ его къ поступленію въ общество, гдѣ онъ выказалъ себя неистовымъ, безтолковымъ фанатикомъ, готовымъ на самыя безумныя предпріятія (4).

Мы уже сказали, что по возвращеніи уполномоченныхъ тульчинской управы, Комарова и Бурцова, изъ Москвы, въ мартѣ 1821 года, Пестель и Юшневскій не признали общества разрушеннымъ. Послѣдній сказалъ рѣчь, клонившуюся къ устраненію робкихъ членовъ общества, но она оказала совершенно противное дѣйствіе: за исключеніемъ оставившихъ его Бурцова и Комарова, всѣ прочіе дали слово усердно стремиться къ его цѣли, введенію республики, и одобрили способы къ достиженію того— упраздненіе престола и въ случаѣ необходимости истребленіе лицъ, представляющихъ преграду обществу, а полковникъ Аврамовъ объявилъ, что „еслибы и всѣ члены оставили Союзъ, онъ не перестанетъ полагать его существующимъ въ себѣ одномъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, вошли въ силу правила, составленныя Пестелемъ для первоначальнаго тайнаго общества. Предсѣдателями, или директорами думы были избраны Пестель и Юшневскій, которые назначили третьимъ товарищемъ себѣ Никиту Муравьева, члена Сѣверной думы, для открытія съ нею прямыхъ сношеній (5).

Генералъ-интендантъ 2-й арміи, 4-го класса Юшневскій, не успѣвъ окончить курса наукъ въ москов-

скомъ университетѣ, началъ службу въ канцеляріи гражданскаго губернатора. Какой-то Италіянецъ далъ ему въ юношествѣ то пагубное направленіе, которое ввергло его въ пропасть. Въ 1819 году, будучи уже въ чинѣ 6-го класса, Юшневскій былъ принятъ въ тайное общество Комаровымъ и Бурцовымъ, а въ 1821-мъ вмѣстѣ съ Пестелемъ избранъ однимъ изъ директоровъ тульчинской думы. Участвовавшіе въ первомъ совѣщаніи и вскорѣ приставшіе члены Южнаго общества приняли названіе *бояръ* и присоединялись къ директоріи, для совѣщаній о важнѣйшихъ вопросахъ; прочіе-же члены раздѣлялись на *мужей*, имѣвшихъ право принимать новопоступающихъ, и *братьевъ*, не пользовавшихся этимъ правомъ. Въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ учрежденіемъ управъ, одна изъ нихъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Пестеля и Юшневскаго, находилась въ Тульчинѣ (главной квартирѣ 2-й арміи); другая, въ вѣдѣніи Сергѣя Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, въ Васильковѣ, а третья, князя Сергѣя Волконскаго и полковника Василія Давыдова, въ Каменкѣ ([6]). Самъ Пестель принялъ на себя составленіе конституціи.

По показанію Пестеля, конституція, предложенная въ началѣ тайнаго общества, Новиковымъ, была совершенно сходна съ тою, которая введена въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Конституція Никиты Муравьева, не вполнѣ имъ оконченная, заключала въ себѣ слѣдующія главныя основанія: 1) федеративный образъ правленія, съ раздѣленіемъ Россіи на державы и области. Мѣстнымъ правительствомъ державъ была предоставлена столь обширная власть, что они даже могли сами для себя составлять законы, такъ что для верховной власти почти ничего неоставалось. 2) Права на занятіе государственныхъ должностей и на участіе въ общественныхъ дѣлахъ были осно-

ваны исключительно на цензѣ, т. е. на имуществѣ. 3) Всѣ сословія уравнивались въ своихъ правахъ и сливались въ одно общее сословіе—гражданъ. 4) Министерствъ всего было четыре: иностранныхъ дѣлъ, военное, морское и финансовъ; прочія-же отрасли правленія имѣли свои высшія инстанціи въ державахъ. Конституція Муравьева не нравилась Пестелю и другимъ членамъ Южнаго общества, которые порицали: во 1-хъ, федеративное раздѣленіе Россіи, находя въ немъ сходство съ бѣдственною системою древнихъ княжескихъ удѣловъ, и во 2-хъ, преимущество, отдаваемое богатству, въ ущербъ личнымъ качествамъ гражданъ. Конституція-же Пестеля, названная имъ *Русскою Правдою*, (въ воспоминаніе письменныхъ законовъ, данныхъ Руси княземъ Ярославомъ 1-мъ), также не была окончена и состояла, большею частью, изъ отрывковъ. Предполагалось раздѣлить ее на десять главъ, именно: *первая*, о границахъ государства и о раздѣленіи его на области, округи, уѣзды и волости; значеніе и составъ волостей; *вторая*, о жителяхъ Россіи; раздѣленіе ихъ на коренной народъ русскій и на племена подвластныя, съ указаніемъ средствъ для слитія всѣхъ русскихъ жителей въ одинъ народъ; *третія*, о различныхъ сословіяхъ въ государствѣ и мѣрахъ для слитія ихъ въ одно общее сословіе—гражданъ; *четвертая*, о политическомъ или общественномъ состояніи народа, о правахъ гражданъ, о равенствѣ ихъ предъ закономъ, о представительномъ порядкѣ въ избирательныхъ собраніяхъ; *пятая*, о гражданскомъ, или частномъ состояніи народа, въ отношеніи лицъ, имуществъ и частныхъ сношеній; *шестая*, о верховной власти, которую предполагалось написать вдвойнѣ: одну въ монархическомъ, а другую въ республиканскомъ смыслѣ, чтобы какую-либо изъ нихъ потомъ включить

въ общее сочиненіе; *седьмая*, о правилахъ для образованія правительственныхъ мѣстъ въ волостяхъ, уѣздахъ, округахъ и областяхъ, а равно объ учрежденіи министерствъ, которыхъ предполагалось десять; *восьмая*, о частяхъ правленія, устроивающихъ государственную безопасность, какъ внутренную, такъ и внѣшнюю, т. е. о министерствахъ: юстиціи, полиціи, внѣшнихъ сношеній, военныхъ силъ, морскихъ силъ; *девятая*, о частяхъ правленія, завѣдывающихъ общественнымъ благосостояніемъ, т. е. о министерствахъ: финансовъ, народнаго хозяйства или внутреннихъ дѣлъ, просвѣщенія и учебной системы, духовныхъ дѣлъ и *общемъ дѣлосводѣ; десятая* глава должна была заключать въ себѣ родъ Наказа для составленія общаго уложенія. 1-я, 2-я и большая часть 3-й главы были окончены, а 4-я и 5-я написаны въ чернѣ. Статьи о финансахъ и народномъ хозяйствѣ поручено было составить Сергѣю Муравьеву-Апостолу (7).

Цѣлью Южнаго общества, подобно тому какъ и Сѣвернаго, было ниспроверженіе существующаго порядка и введеніе конституціи, чего Пестель и другіе главные дѣятели тульчинской думы надѣялись достигнуть посредствомъ возмущенія войскъ. Командуя Вятскимъ полкомъ, Пестель—то дѣлалъ всевозможныя послабленія по службѣ, то, когда войска готовились къ Высочайшему смотру, подвергалъ своихъ солдатъ жестокимъ наказаніямъ. „Пусть думаютъ—говорилъ онъ сообщникамъ своимъ—что не мы, а высшее начальство и самъ Государь причиною нашей строгости". Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ всячески старался привязать къ себѣ солдатъ Черниговскаго и другихъ полковъ 9-й дивизіи, преимущественно-же выписанныхъ изъ прежняго Семеновскаго полка; онъ призывалъ ихъ къ себѣ по одиначкѣ и по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, называлъ своими быв-

шими сослуживцами, распрашивалъ о ихъ нуждахъ, давалъ имъ деньги и внушалъ мысли о близости общаго переворота, требуя отъ нихъ обѣщанія всюду за нимъ слѣдовать, когда онъ того пожелаетъ. Онъ увѣрялъ своихъ сочленовъ по обществу, будтобы надѣется увлечь за собою Пензенскій и Саратовскій полки, посредствомъ находившихся въ нихъ Семеновцевъ, изъ коихъ одинъ поклялся привести къ нему весь Саратовскій полкъ безъ офицеровъ. По словамъ рядоваго того-же полка. Николаева, однажды—когда онъ съ 15-ю своими товарищами былъ призванъ къ подполковнику Муравьеву—онъ, Муравьевъ, по выходѣ изъ балагана этихъ нижнихъ чиновъ, кромѣ Николаева и другаго солдата Афанасьева, сказалъ бывшимъ тамъ офицерамъ: „вотъ, господа, какой старикъ долженъ служить Государю; не смотря, что онъ уже давно отслужилъ свои лѣта, его принуждаютъ оставаться на службѣ“, и обратясь къ Николаеву, прибавилъ: „тебѣ теперь не грѣхъ изъ чистаго ружья (?) застрѣлить Государя“. Когда-же ужаснувшійся Николаевъ отвѣчалъ: „нѣтъ, ваше высокоблагородіе! Не только это сдѣлать, но и помыслить никогда не осмѣлился-бы и позволилъ-бы себя за такое намѣреніе растерзать“, Муравьевъ. давъ ему съ Афанасьевымъ 5 рублей, выслалъ обоихъ вонъ ([8]).

Въ генварѣ 1823 года, на контрактахъ въ Кіевѣ, съѣхались Пестель, Юшневскій, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ, Василій Давыдовъ и князь Сергѣй Волконскій.

Отставной полковникъ Василій Львов. Давыдовъ получилъ воспитаніе сперва въ пансіонѣ аббата Николя. потомъ — дома, гдѣ учился у аббата Фроманъ (Froment), вообще-же преимущественно занимался французскою словесностью и получилъ образованіе весьма поверхностное. За тѣмъ, поступивъ на служ-

бу, пятнадцати лѣтъ отъ рода, въ Лейбъ-гусарскій полкъ, былъ въ слѣдующемъ году произведенъ въ корнеты; въ отечественную войну 1812 года находился адъютантомъ при генералъ-маіорѣ Шевичѣ, и потомъ при князѣ Багратіонѣ, по кончинѣ котораго возвратился во фронтъ, подъ Кульмомъ раненъ штыкомъ въ бокъ, а подъ Лейпцигомъ—пикою, и будучи переведенъ подполковникомъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, вышелъ въ отставку въ 1820-мъ году. По словамъ его: сначала желаніе блага отечеству, потомъ самолюбіе, можно сказать даже—мода, завлекли его въ Союзъ Благоденствія, и этотъ первый шагъ погубилъ его (9).

Генералъ-маіоръ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій представляетъ поразительный примѣръ человѣка, осыпаннаго дарами фортуны, сдѣлавшаго блистательную карьеру и увлеченнаго на ложный путь тѣмъ-же самолюбіемъ и человѣкоугодіемъ, которымъ Давыдовъ приписывалъ свое нравственное паденіе. Сергѣй Волконскій до четырнадцати-лѣтняго возраста воспитывался у родителей своихъ, потомъ—въ пансіонѣ у аббата Николя, въ Петербургѣ, до 16-ти лѣтъ. Будучи записанъ съ малолѣтства на службу въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, Волконскій числился „въ отпуску до окончанія наукъ", а въ концѣ 1805 года, поступилъ на дѣйствительную службу поручикомъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1810 и 1811 годахъ, слушалъ лекціи о военномъ искусствѣ у бывшаго тогда у насъ въ большой славѣ, генерала Фуля; въ 1812 году, произведенъ за отличіе въ полковники; въ слѣдующемъ году—въ генералъ-маіоры, двадцати четырехъ лѣтъ отъ рода, а въ 1821 году, назначенъ командиромъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи. Князь Волконскій, поступивъ въ Южное общество, былъ преимущественно употребляемъ

главными его дѣятелями для сношеній съ другими обществами: молодой аристократъ, извѣстный своими успѣхами на поприщѣ службы и въ частной жизни, казалось, соединялъ въ себѣ всѣ условія столь-же дѣятельнаго, сколько и вліятельнаго агента ([10]).

Совѣщанія Южнаго общества, въ началѣ 1823 г., происходили въ Кіевѣ и въ деревнѣ Каменкѣ, у Давыдова. На первомъ собраніи, Пестель читалъ своимъ сочленамъ отрывки изъ *Русской Правды* и предложилъ ввести въ Россіи республиканскій образъ правленія посредствомъ революціи. По его-же инициативѣ, возникъ вопросъ: „при введеніи новыхъ учрежденій, какъ поступить съ Императорскою фамиліей?" — „Истребить всѣхъ!" сказалъ Пестель, и съ нимъ согласились Юшневскій, Давыдовъ и Волконскій; Бестужевъ полагалъ достаточнымъ посягнуть на жизнь одного Императора, а Сергѣй Муравьевъ на сей разъ отвергнулъ гнусное дѣло, предлагая начать явное возмущеніе и достигнуть цѣли открытою силою. На совѣщаніи-же въ Каменкѣ, гдѣ разсуждали объ учрежденіи временнаго правительства, для введенія новаго порядка вещей, Муравьевъ согласился не только на лишеніе жизни Императора, (какъ сознался онъ самъ—„въ угожденіе господствовавшему мнѣнію общества"), но и на истребленіе всей Императорской фамиліи. Самъ Пестель, говоря о средствахъ къ исполненію этого ужаснаго дѣла, предложилъ составить отрядъ изъ отчаянныхъ людей, подъ начальствомъ Лунина, какъ человѣка, извѣстнаго своею рѣшительностью; а Бестужевъ тогда-же сказалъ, что у него есть такіе люди, (имѣя въ виду — какъ онъ показалъ послѣ — общество Соединенныхъ Славянъ, съ которыми готовился войти въ ближайшія сношенія) ([11]). По его-же свидѣтельству, какъ онъ, такъ и Сергѣй Муравьевъ, долго сопротивлялись намѣренію лишить

жизни Государя, полагая достаточнымъ отреченіе его отъ престола, и когда, наконецъ, согласились на единодушное мнѣніе всѣхъ членовъ, о необходимости смерти Императора Александра для задуманнаго обществомъ преобразованія Россіи, они однакоже настояли на томъ, чтобы не посягать на жизнь прочихъ особъ Императорской фамиліи и склонить къ тому своихъ товарищей ([12]).

Въ томъ-же году (1823), во время стоянки войскъ 9-й пѣхотной дивизіи въ лагерѣ при Бобруйскѣ, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ хотѣли, въ положенное время, ночью, съ помощью нѣсколькихъ сообщниковъ, переодѣтыхъ въ мундиры солдатъ Саратовскаго полка, коимъ командовалъ членъ общества, полковникъ Повало-Швейковскій, задержать ожидаемыхъ тамъ Государя и Великаго Князя Николая Павловича, возмутить дивизію, и оставя въ крѣпости гарнизонъ, быстро двинуться къ Москвѣ. Муравьевъ, желая открыть сношенія съ Пестелемъ и воспользоваться его содѣйствіемъ, чрезъ Василія Давыдова, вызывалъ его къ себѣ въ Бобруйскъ, но Давыдовъ не пріѣхалъ и не отвѣчалъ на письмо Муравьева, и потому злодѣйскій замыселъ былъ оставленъ ([13]).

Южное общество, не ограничиваясь умноженіемъ членовъ и приготовленіями къ явному возстанію, вошло въ сношенія съ польскимъ — такъ называемымъ — Патріотическимъ обществомъ. Со времени ареста и наказанія, постигшихъ Лукасинскаго и его товарищей, дѣятельность *патріотическаго союза* весьма ослабилась. Но, мало по малу, время ослабило страхъ внушенный открытіемъ заговора, и общество возобновилось въ соединеніи немногихъ, но весьма дѣятельныхъ членовъ: подполковника Крыжановскаго, князя Антона Яблоновскаго, референдарія Гржимайлы и секретаря Плихты; вскорѣ за тѣмъ, они пріобрѣли

главу въ лицѣ весьма уважаемаго своими соотечественниками, графа Станислава Солтыка. Не смотря на преклонность лѣтъ *), графъ Солтыкъ могъ принести пользу обществу, какъ своимъ именемъ и близкимъ родствомъ съ бывшимъ краковскимъ епископомъ Гаетаномъ, такъ и опытностью, пріобрѣтенною въ исполненіи высшихъ государственныхъ должностей. Вмѣстѣ съ нимъ Крыжановскій и Яблоновскій образовали *верховный совѣтъ общества*, цѣлью котораго было: соединить и сдѣлать независимыми всѣ части прежней Польши.

Князь Яблоновскій и другой членъ патріотическаго общества Оссолинскій, по частнымъ дѣламъ своимъ, иногда бывали въ волынской губерніи и на кіевскихъ контрактахъ. Замѣтивъ между русскими офицерами неудовольствіе, выражавшееся въ нескромныхъ рѣчахъ, при множествѣ свидѣтелей, и слыша толки о переворотѣ, долженствующемъ вскорѣ измѣнить весь существующій порядокъ въ Россіи, они сообщали слышанное ими верховному совѣту патріотическаго общества. Волненія и мятежи, угрожавшіе Россіи, были весьма благопріятны для достиженія цѣли предположенной членами польскаго общества, которые, будучи весьма обрадованы полученными извѣстіями, положили сперва развѣдать о видахъ и средствахъ русскаго общества, а потомъ, если найдется удобнымъ, то и войти съ нимъ въ сношеніе. Съ своей стороны, Южное общество, получивъ отъ Бестужева-Рюмина свѣдѣнія о существованіи такого-же общества въ Варшавѣ, пожелало имѣть точнѣйшія о немъ свѣдѣнія. Въ теченіи 1823 года, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ, исполняя порученіе тульчинской думы, открыли сношенія

*) Ему было около 80-ти лѣтъ.

съ Поляками, чрезъ графа Ходкевича, который не принадлежалъ къ обществу, но зная нѣкоторыхъ изъ его членовъ, обѣщалъ свое посредничество и далъ русскимъ уполномоченнымъ письмо къ графу Прозору, помѣщику минской губерніи, однакоже вскорѣ потребовалъ письмо назадъ, увѣряя, что въ тоже лѣто одинъ изъ членовъ польскаго общества пріѣдетъ въ Бобруйскъ, гдѣ назначенъ былъ сборъ 9-й пѣхотной дивизіи, въ которой служили Муравьевъ и Бестужевъ. Это обѣщаніе не было исполнено, но Ходкевичъ далъ слово, что польскій депутатъ непремѣнно явится въ Кіевъ, на контракты 1824 года, и дѣйствительно Крыжановскій туда прибылъ въ назначенное время.

Совѣщаніе Сергѣя Муравьева и Бестужева съ Крыжановскимъ открылось объявленіемъ послѣдняго, что онъ не имѣетъ ни полномочія, ни права, заключать какія-либо окончательныя условія, и что единсвенная цѣль его есть установить между обоими обществами дружественныя связи. Вообще, не смотря на пылкость обоихъ русскихъ депутатовъ и на изъявленную Крыжановскимъ готовность къ искреннимъ объясненіямъ, обоюдное недовѣріе не замедлило обнаружиться. На слова Муравьева, что „чувства взаимной ненависти обоихъ народовъ, родившіяся во времена варварства, должны исчезнуть въ просвѣщенномъ вѣкѣ, когда пользы всѣхъ народовъ однѣ и тѣже, и по тому русское общество предлагаетъ Польшѣ возвращеніе прежней ея независимости и готово всѣми средствами способствовать къ уничтоженію вражды между обѣими націями“ — Крыжановскій отвѣчалъ, что „*можетъ быть* онъ самъ, какъ и депутаты русскаго общества, выше такого чувства, но что сила обстоятельствъ сдѣлала сей предразсудокъ всеобщимъ, и не скоро будетъ можно уговорить Поляковъ

войти въ связь съ Русскими, а еще труднѣе внушить имъ довѣріе; что, впрочемъ, хорошо былобы, еслибы Русскіе помогали Полякамъ въ дѣлахъ, для коихъ они пріѣзжаютъ въ Петербургъ и Кіевъ".

На просьбу депутатовъ русскаго общества—удержать Литовскій корпусъ отъ противодѣйствія ихъ предпріятіямъ, Крыжановскій сказалъ, что „ежели эти войскà станутъ на сторонѣ Цесаревича, то польское общество обезоружитъ ихъ, либо инымъ образомъ принудитъ къ бездѣйствію". Такимъ образомъ Крыжановскій намекалъ на участіе въ его видахъ польской арміи, гдѣ замыслы общества были почти неизвѣстны. За тѣмъ зашла рѣчь о совокупномъ дѣйствіи обоихъ обществъ; Крыжановскій пожелалъ знать: „когда Русскіе приступятъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ?" Но тульчинскіе депутаты не могли дать ему опредѣлительнаго отвѣта: Бестужевъ сказалъ, что лѣтъ чрезъ пять, а Сергѣй Муравьевъ, что, напротивъ, гораздо скорѣе. На вопросъ о будущихъ границахъ Польши, депутаты русскаго общества отвѣчали уклончиво, что они не могутъ рѣшить этого дѣла, что мнѣнія ихъ сочленовъ на сей предметъ еще не установились, и что есть даже такіе въ числѣ ихъ, которые требуютъ неприкосновенности нынѣшнихъ предѣловъ Россіи. Касательно-же будущаго правленія обоихъ государствъ, депутаты русскаго общества выразились опредѣлительно, сказавъ, что Польша, для собственной пользы своей, должна вмѣстѣ съ Россіей ввести у себя устройство республиканское, подобное существующему въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Когда-же Крыжановскій отвѣчалъ, что̀ между его сочленами еще никогда не было разсуждаемо о будущей формѣ правленія, и, не зная, что̀ сказать на домогательства Бестужева, замѣтилъ ему, что

онъ слишкомъ горячится, Бестужевъ возразилъ: „безъ восторга нельзя сдѣлать ничего великаго“.

Впрочемъ, Муравьевъ и Бестужевъ считали главнымъ предметомъ совѣщанія, сообразно наставленіямъ ими полученнымъ отъ думы—обязать Поляковъ, чтобы они не дозволили, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, Цесаревичу возвратиться въ Россію для противодѣйствія готовившейся революціи. Въ отвѣтъ на это предложеніе, Крыжановскій сказалъ: „если наше общество утвердитъ условленное между уполномоченными, то, конечно, сдѣлаетъ все возможное, чтобы исполнить ваше желаніе, но съ тѣмъ, чтобы вы не требовали посягательства на жизнь Великаго Князя“. Вообще-же Крыжановскій выказалъ большую осторожность, просилъ депутатовъ русскаго общества прекратить всякія политическія сношенія съ графомъ Ходкевичемъ, (подъ предлогомъ его разномыслія съ обществомъ), и пожелалъ, чтобы никто изъ прочихъ членовъ общества не зналъ депутатовъ другаго, а предложилъ назначить людей, съ коими Русскіе моглибы сноситься по дѣламъ обоихъ обществъ. Съ этою цѣлью, веденіе дальнѣйшихъ сношеній патріотическаго общества съ Муравьевымъ и Бестужевымъ было поручено Крыжановскимъ кіевскому помѣщику Гродецкому. Крыжановскій познакомилъ его съ тульчинскими депутатами, и тогда-же положили, что если понадобится Русскимъ писать въ Варшаву, то, вмѣсто подписи, Бестужевъ будетъ ставить стихъ изъ трагедіи Танкредъ:

„Moi, toujours éprouvé, moi qui suis mon ouvrage!“

а Муравьевъ: „Vive la joie!“ Кромѣ Гродецкаго, Крыжановскій избралъ для сношеній между обществами Антона Чарковскаго, но не сообщилъ ему объ этомъ порученіи, и по тому единственнымъ довѣреннымъ

лицомъ польскаго общества для сношеній съ Русскими остался Гродецкій.

Въ дѣйствительности-же совѣщанія на кіевскихъ контрактахъ, въ 1824 году, остались безъ всякихъ послѣдствій, но Бестужевъ, вѣроятно, желая придать важность своему участію въ этомъ дѣлѣ, написалъ проектъ договора, помѣстилъ въ немъ свои собственныя объясненія, и въ такомъ видѣ передалъ его Юшневскому, для представленія тульчинской думѣ. Крыжановскій не зналъ о существованіи этого документа, а Юшневскій, видя, что онъ ни кѣмъ не подписанъ, уничтожилъ его, въ присутствіи многихъ членовъ, тогда бывшихъ въ Кіевѣ, *какъ бумагу, замѣнявшую словесное извѣщеніе.*

Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, польское патріотическое общество не помышляло о какихъ-либо сношеніяхъ съ Русскими, которые, наконецъ, стали жаловаться Гродецкому на холодность и недовѣрчивость его соотечественниковъ. Бестужевъ, по этому поводу, произнесъ высокопарную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что: „Россія, наскучивъ правленіемъ самовластнымъ, рѣшилась учредить конституціонное"; что „стремящееся къ тому Сообщество, уже многочисленное и сильное, съ каждымъ днемъ увеличиваетъ силы свои, и съ его только помощью Поляки могутъ имѣть надежду возстановить свое отечество"; что „для этого патріотическое общество должно вступить въ сношеніе съ обществомъ русскимъ, чрезъ членовъ, уполномоченныхъ на заключеніе окончательныхъ условій, и если Поляки соединятся съ Русскими, то, безъ сомнѣнія, получатъ отъ нихъ достаточную помощь для возвращенія принадлежащихъ нынѣ другимъ державамъ своихъ областей и будутъ народомъ независимымъ". Сергѣй Муравьевъ, подтвердивъ въ нѣсколькихъ словахъ все ска-

занное его товарищемъ, просилъ Гродецкаго довести ихъ разговоръ до свѣдѣнія патріотическаго общества. Гродецкій, зная, что графъ Мошинскій состоялъ въ числѣ членовъ, отправился въ Бердичевъ и передалъ ему все слышанное отъ Русскихъ, для сообщенія въ Варшаву, но юный Мошинскій, хотя и взялся-было исполнить это опасное порученіе, однакоже, при всей неопытности своей, размысливъ о могущихъ быть того послѣдствіяхъ, не исполнилъ своего обѣщанія.

Въ томъ-же году (1824), Бестужевъ былъ еще два раза въ Кіевѣ, для переговоровъ съ Гродецкимъ. На первомъ изъ этихъ свиданій, онъ сказалъ Гродецкому, что русское тайное общество, присоединивъ къ себѣ многихъ вліятельныхъ и отличныхъ людей, столь сильно, что надѣется вскорѣ достигнуть своей цѣли; что, сверхъ того, имъ заведены сношенія съ Венгріей, Италіей и всѣми германскими странами ([14]). Спустя два мѣсяца, Бестужевъ объявилъ Гродецкому, что „русское общество уже имѣетъ вполнѣ достаточное число членовъ“, что „русскіе депутаты ждутъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда въ Кіевъ члена патріотическаго общества, для заключенія окончательныхъ съ нимъ условій“ и что „Русскимъ кажутся странны медленность и нерѣшимость Поляковъ“. Гродецкій ограничился отвѣтомъ, что „онъ сообщилъ все прежде слышанное графу Мошинскому“, и что „варшавское общество, конечно, пришлетъ члена съ надлежащимъ полномочіемъ, но, по всей вѣроятности, не прежде контрактовъ 1825 года“. На объявленіе Бестужева—о желаніи русскаго общества, чтобы Поляки неотлагательно умертвили Цесаревича, Гродецкій отвѣчалъ, что онъ извѣститъ о томъ общество, и прибавилъ: „вѣроятно—они согласятся“ ([15]). Бездѣйствіе Поляковъ заставило усомниться въ нихъ самаго Пестеля, который поручилъ Бестужеву сне-

стись прямо съ патріотическимъ обществомъ. Письмо Бестужева было вручено князю Волконскому, при проѣздѣ черезъ Васильковъ, съ порученіемъ отъ думы доставить этотъ отзывъ Гродецкому, но Волконскій возвратилъ его Бестужеву, сказавъ, что письменныя сношенія запрещены уставомъ общества ([16]).

Не успѣвъ осуществить надежды на дѣятельное участіе патріотическаго общества, тульчинская дума рѣшилась возобновить свои преступныя покушенія, не только противъ Особы Государя, но и противъ всей Императорской фамиліи. Уже и прежде, это ужасное намѣреніе было принято въ нѣсколькихъ совѣщаніяхъ, гдѣ участвовали, кромѣ Пестеля, Сергѣя Муравьева-Апостола и Юшневскаго, полковникъ Аврамовъ, князь Барятинскій, оба Крюковы, штабъ-лекарь Вольфъ, и проч. ([17]).

Адъютантъ главнокомандующаго 2-й арміи, штабсъ-ротмистръ князь Барятинскій воспитывался въ петербургскомъ іезуитскомъ пансіонѣ, вышелъ оттуда, въ концѣ 1814 года, пятнадцати лѣтъ отъ рода, и по волѣ родителей своихъ, противъ собственнаго желанія, опредѣлился въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Какъ для поступленія туда нужно было имѣть аттестатъ изъ педагогическаго института, то Барятинскій, въ теченіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, бралъ уроки русскаго, римскаго и естественнаго права у профессора Кукольника, а также слушалъ въ институтѣ лекціи физики и политической экономіи. „Послѣ того — говоритъ Барятинскій — я получилъ полный аттестатъ, никогда болѣе не обращалъ вниманія на сіи науки, и онѣ совсѣмъ изгладились изъ моей памяти". Барятинскій былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ: принявъ Вадковскаго, онъ сказалъ подполковнику Поджіо: c'est un bon bras, et c'est ce qu'il nous faut; (это рука—хоть куда, а намъ та-

кихъ надо); а принимая подполковника квартирмейстерской части Фалленберга, сказалъ ему, что общество имѣетъ намѣреніе просить у Государя конституцію, и въ знакъ искренности Фалленберга взялъ съ него клятву—жертвовать всѣмъ на пользу общества, и даже, въ случаѣ необходимости, покуситься на жизнь Государя ([18]).

Въ числѣ первыхъ членовъ, поступившихъ въ тайное общество по возобновленіи его, были братья Крюковы. Одинъ изъ нихъ служилъ адъютантомъ при графѣ Витгенштейнѣ, а другой—по квартирмейстерской части. Послѣдній начерталъ мрачную картину своего нравственнаго паденія. „До 1813 года — пишетъ онъ—я находился въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ; потомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ пансіонѣ у Стадлера; съ 1814-го, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, воспитывался у родителей, гдѣ наставникомъ моимъ былъ жившій у насъ въ домѣ французъ-эмигрантъ Моринò, а преподавателями наукъ учители нижегородской гимназіи и англичанинъ Вольемутъ. Въ 1817 году, я поступилъ въ училище колонно-вожатыхъ Николая Никол. Муравьева, откуда выпущенъ прапорщикомъ квартирмейстерской части въ 1819 году. До выпуска на службу, я мало занимался чтеніемъ; когда-же былъ произведенъ въ офицеры и присланъ въ главную квартиру 2-ой арміи, тогда началъ помышлять о лучшемъ себя образованіи, но какъ сначала имѣлъ весьма небольшое знакомство, то долженъ былъ довольствоваться коекакими книгами, изрѣдка мнѣ попадавшимися. Вскорѣ послѣ того я поѣхалъ въ отпускъ, гдѣ занемогъ, и во время болѣзни прочитавъ нѣсколько книгъ, и въ числѣ ихъ Руссо и Делиль-Десаля (Delisle de Sales), получилъ страсть къ занятіямъ. Во мнѣ родилось желаніе познать человѣка и то, чтò можетъ служить къ

его счастію. Съ этою цѣлью я старался добывать такихъ авторовъ, которые обогатили-бы мой умъ познаніями философическими и политическими. Тогда прочелъ я: Вейсса, Филанджіери, Монтескье, Лакретеля и другихъ. Пылая любовью къ отечеству, но небудучи твердъ въ христіанской религіи, я смѣло шелъ впередъ и старался опровергнуть, мало по малу, все, чтò находилъ въ ней несогласнымъ съ тогдашнимъ образомъ моихъ мыслей. Во первыхъ, отвергъ многіе богослужебные обряды, какъ нелѣпые обычаи, питающіе суевѣріе; потомъ — сталъ сомнѣваться въ Ипостасной Троицѣ,какъ неудобопостижимой для ума человѣческаго. Всевышній—думалъ я во слѣпотѣ своей — одарилъ насъ разумомъ для распознаванія добра и зла: слѣдовательно—разумъ есть единственный свѣтильникъ, которымъ должны мы руководствоваться въ сей жизни, и по тому первый долгъ нашъ состоитъ въ томъ, чтобы просвѣтить свой разумъ, очиствивъ его отъ вредныхъ предразсудковъ. Такимъ образомъ оправдывая все то, въ чемъ хотѣлъ себя увѣрить, я отверзалъ двери къ свободомыслію. Наконецъ, вступилъ въ тайное общество и чрезвычайно радовался, что могу симъ средствомъ содѣйствовать благополучію моего отечества. Съ этихъ поръ я совершенно посвятилъ себя ученію.... Я прочелъ Бекkаріа, Траси, Гельвеція, Бентама, Кондильяка, Сея, Гольбаха, Вателя, Смитта, Маккіавели, и проч. утвердился въ прежнихъ моихъ мнѣніяхъ, принялъ за истину ложное правило, будтобы цѣль оправдываетъ средства, и получилъ яснѣйшее понятіе объ устройствѣ представительнаго правленія... Находясь на съемкѣ подольской губерніи, видѣлъ, до какой степени простирается угнетеніе крестьянъ помѣщиками и жидами. Я болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что одно лишь общее просвѣщеніе можетъ сдѣлать людей благо-

получными и негодовалъ на религіозные предразсудки, препятствовавшіе (по моему мнѣнію) его распространенію. Надежда на будущую жизнь—думалъ я—отвращаетъ отъ просвѣщенія, питаетъ эгоизмъ, способствуетъ угнетенію и мѣшаетъ людямъ видѣть, что счастіе можетъ обитать и на землѣ. Религія казалась мнѣ болѣе вредною, нежели полезною. Долго не рѣшался я отвергнуть Бога; наконецъ, оживотворивъ матерію и приписавъ случаю все существующее въ природѣ, я потушилъ едва мелькавшій свѣтъ чистой религіи, мною самимъ составленной. Однакоже я никогда не могъ совершенно убѣдить себя въ безвѣріи, ибо встрѣчалъ такія сильныя доказательства противъ онаго, что не находилъ на нихъ никакого отвѣта; но полагалъ, что мои сомнѣнія происходятъ отъ долговременной привычки мыслить противное.... Такимъ образомъ тихій огнь любви къ человѣчеству возжегъ во мнѣ страсть къ просвѣщенію, которая, не бывъ озарена свѣтомъ христіанской религіи, наконецъ обратилась въ адскій пламень вольнодумства“..... ([19]).

Въ апрѣлѣ 1824 года, Пестель, Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, оба Поджіо*), Давыдовъ и Швейковскій, полагая, что Государь будетъ въ семъ году осматривать войска 3-го пѣхотнаго корпуса при мѣстечкѣ Бѣлая-Церковь, условились между собою, что въ первую-же ночь послѣ пріѣзда Императора въ павильонъ александрійскаго парка, при смѣнѣ часовыхъ, нѣсколько офицеровъ, (большею частью разжалованныхъ), переодѣтыхъ въ солдатскіе мундиры,

---

*) Штабсъ-капитанъ Поджіо 2-й вступилъ въ Южное общество, въ началѣ 1824 года, по предложенію Василія Давыдова, въ то самое время, когда искалъ руки племянницы его Бороздиной. Опасаясь потерять данную ему надежду, онъ согласился быть членомъ общества, не раздѣляя его убѣжденій.

ворвутся въ покои Государя и умертвятъ его. Тогда-же Сергѣй Муравьевъ, Швейковскій и командиръ Полтавскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Тизенгаузенъ намѣревались произвести возмущеніе въ лагерѣ, и двинуться на Кіевъ и на Москву, между тѣмъ какъ Бестужевъ приметъ начальство надъ Черниговскимъ полкомъ, а Сергѣй Муравьевъ отправится изъ Кіева въ Петербургъ и возбудитъ къ дѣятельности Сѣверное общество ([20]). Но Высочайшаго смотра не было, и по тому не сдѣлано предложенія офицерамъ и рядовымъ, назначеннымъ въ убійцы, которые быть-можетъ отвергли-бы съ ужасомъ столь гнусное преступленіе: по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, выписанный изъ гвардіи, Жуковъ, въ послѣдствіи сказалъ Бестужеву: „знаю, что для успѣха намъ нужна смерть Государя; но если жребій велитъ мнѣ быть исполнителемъ ужаснаго приговора, то я самъ себя лишу жизни“ ([21]).

Еще въ началѣ 1824 года, въ продолженіи кіевскихъ контрактовъ, когда князь Волконскій и подполковникъ Поджіо, возвратясь изъ Петербурга въ Кіевъ, объявили о нерѣшимости Сѣвернаго общества, Сергѣй Муравьевъ предлагалъ начать дѣло (возмущеніе) съ тѣми силами, какія имѣло Южное общество. Братъ его Матвѣй сперва былъ также однимъ изъ ревностныхъ сподвижниковъ Пестеля и предполагаемой республики, и даже изъявлялъ согласіе на истребленіе всего Царствующаго Дома, лишь-бы это злодѣяніе было совершено людьми, избранными внѣ тайнаго общества, чтобы на нихъ, а не на общество, пало праведное омерзеніе народа ([22]). Въ 1824 году, Пестель, послѣ неудачныхъ переговоровъ съ Сѣвернымъ обществомъ, поручилъ Матвѣю Муравьеву съѣздить въ Петербургъ, и самъ отправился туда, чтобы удостовѣриться въ положеніи дѣлъ и тайно принять нѣ-

сколько членовъ, (въ числѣ ихъ нѣсколько кавалергардскихъ офицеровъ) въ Южное общество. Излагая Муравьеву свой планъ введенія республики въ Россіи, Пестель говорилъ ему о намѣреніи—составить внѣ общества особенную партію для истребленія Императорской фамиліи. Самъ Муравьевъ, не получая долго писемъ отъ своего брата, и узнавъ отъ графа Олизара о прибытіи генерала Эртеля въ Кіевъ, возмнилъ, что Южное общество открыто и братъ его находился въ опасности, что̀ побудило его принять преступный замыселъ — посягнуть на жизнь Императора и сообщить о томъ Пестелю, который, одобривъ его намѣреніе, сказалъ: „Матвѣй понимаетъ дѣло". Артамонъ Муравьевъ, Вадковскій и Свистуновъ также изъявили согласіе на его предпріятіе. Но, вскорѣ за тѣмъ, Матвѣй Муравьевъ, получивъ отъ брата увѣдомленіе, что онъ не писалъ къ нему за отлучкою въ деревню, оставилъ свое намѣреніе и поспѣшилъ извѣстить о томъ помянутыхъ членовъ общества. А, между тѣмъ, Вадковскій открылся ему, что, живя въ Новой-деревнѣ и имѣя при себѣ духовое ружье, самъ помышлялъ убить Государя. Впослѣдствіи-же убѣжденія Матвѣя Муравьева значительно измѣнились, и онъ старался отклонить горячо любимаго имъ брата отъ всякихъ преступныхъ покушеній, доказывая ему, если не беззаконность, то, по крайней мѣрѣ, безразсудство задуманнаго обществомъ предпріятія и невозможность его успѣха ([23]). Въ письмѣ Матвѣя Муравьева, отъ 3 ноября 1824 года, къ его брату Сергѣю, находимъ: „Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Государь восхищенъ пріемомъ, которымъ встрѣчали его во всѣхъ посѣщенныхъ имъ губерніяхъ. Народъ, желая его ближе видѣть, бросался подъ колеса царскаго экипажа; Императоръ принужденъ былъ останавливаться, чтобы избѣжать послѣдствій общаго во-

сторга. Будущіе граждане республики вездѣ изъявляли свою любовь къ нему, и не вздумайте полагать, чтобы это было по заказу; напротивъ того, исправники, того не ждавшіе, совсѣмъ потеряли голову. Эти извѣстія сообщилъ мнѣ человѣкъ вѣрный, котораго одинъ изъ знакомыхъ участвовалъ въ Высочайшемъ путешествіи. Мнѣ случилось быть на манёврахъ гвардіи; на эти полки намъ нельзя разсчитывать. Солдаты не такъ недовольны, какъ мы думали. Происшествіе нашего полка (Семеновскаго) совершенно забыто. Въ Москвѣ, я слышалъ отъ двухъ нашихъ членовъ, что ничего не сдѣлано, да и нечего дѣлать сообразнаго съ здравымъ смысломъ. Вотъ, любезный мой другъ, все, что̀ скажу тебѣ при свиданіи, которое, надѣюсь, незамедлится. Не удивляйся перемѣнѣ, которую найдешъ во мнѣ. — Время лучшій наставникъ"…. (24).

Немногіе лишь изъ членовъ общества были такъ искренны во взаимныхъ сношеніяхъ между собою; прочіе-же всѣ, увлекаясь тщеславіемъ и пылкимъ воображеніемъ, заблуждались сами и обманывали одни другихъ. Князь Сергѣй Волконскій сообщалъ Пестелю, что онъ принялъ въ общество многихъ изъ офицеровъ всѣхъ полковъ 19-й дивизіи, кромѣ полка его личнаго непріятеля Бурцова. Самъ Матвѣй Муравьевъ, уже послѣ помянутаго письма къ брату, увѣрялъ Пестеля въ привязанности къ нему и въ своемъ усердіи къ успѣху его плановъ. И по тому не удивительно, что Пестель былъ полновластнымъ распорядителемъ дѣйствій Южнаго общества: одни изъ членовъ вѣрили ему слѣпо; на другихъ онъ дѣйствовалъ такъ хитро, что внушенныя имъ идеи усвоивались ими за свои собственныя. Такимъ нашелъ его подполковникъ Поджіо, при первомъ свиданіи съ нимъ, въ сентябрѣ 1824 года. „Наконецъ говорилъ

Поджіо—я столкнулся съ человѣкомъ, славою котораго (въ тайномъ обществѣ?) уши мои были полны. Я столько зналъ, столько слышалъ о немъ, что онъ уже не могъ удивить меня—ни умомъ, ни замыслами, ни чѣмъ. Хотя онъ, съ своей стороны, также зналъ, что я кое-что читалъ и понималъ, хотя и зналъ мою рѣшимость, ибо до того еще спрашивалъ Давыдова: *не нужно-ли Поджіо пришпорить*, и Давыдовъ сказалъ ему, что *этого вовсе ненужно*, однакоже, по обыкновенію своему—испытывать, оспаривать, даже въ томъ, въ чемъ былъ увѣренъ самъ, дабы чрезъ то узнать способности и твердость убѣжденій каждаго, онъ счелъ за нужное начать со мною съ азбуки—и въ политикѣ, и въ преступленіи. Начавъ отъ Немврода, онъ подробно прослѣдилъ всѣ измѣненія правленій, всѣ понятія о нихъ различныхъ народовъ, коснулся временъ свободы Греціи и Рима, которымъ—по словамъ его—она была мало понятна, потому что у нихъ не было народнаго представительства, быстро пронесся въ изображеніи времени Среднихъ Вѣковъ, поглотившаго свободу и просвѣщеніе, пріостановился на французской революціи, не упустивъ изъ вида нерѣшимости ея цѣли и непрочности ея; наконецъ, обрушась на Россію, сталъ говорить о несовмѣстности монархическаго правленія съ представительнымъ, доказывалъ, сколь наслѣдованіе престола по первородству противно цѣли всякаго благоустроеннаго государства; коснулся избирательной монархіи, не упустивъ пагубныхъ ея послѣдствій—внутреннихъ раздоровъ и междуусобій, и въ заключеніе пришелъ къ своей республикѣ, основанной на народномъ представительствѣ. На все сказанное имъ, онъ желалъ знать мое мнѣніе, и я отвѣчалъ, что во всемъ согласенъ съ нимъ. *Должно сознаться*—прибавилъ я—*что всѣ жившіе до насъ ничего не разумѣли въ го-*

сударственной наукѣ, и что они были ученики, а наука въ младенчествѣ“.

На другой день, когда Поджіо опять пріѣхалъ къ Пестелю, послѣдній сталъ, мало по малу, намекать, что для торжества здравыхъ идей, для водворенія республики, необходимы жертвы. Въ отвѣтъ на эти внушенія, воспламененный страстью Поджіо сказалъ: „принесемъ на жертву всѣхъ!“ — „Давайте считать ихъ“, отвѣчалъ Пестель, и съ сими словами сжалъ свою руку, готовясь вести кровавый счетъ по пальцамъ. По мѣрѣ того, какъ Поджіо называлъ священныхъ для русскаго народа особъ, Пестель считалъ ихъ. Дойдя до царственныхъ лицъ женскаго пола, Пестель на минуту остановился. „Знаешь-ли, Поджіо, что это—ужасное дѣло?“ сказалъ онъ, однакоже продолжалъ страшный счетъ, и насчитавъ *тринадцать*, прибавилъ: „вѣдь этому и конца не будетъ; придется покуситься на жизнь и тѣхъ, которые за границею“. На слова-же Поджіо: „да, точно, конца не будетъ; у всѣхъ Великихъ Княгинь есть дѣти; довольно объявить ихъ лишенными права на царство, да и кто пожелаетъ окровавленнаго престола?“ Тогда Пестель, замолчавъ съ минуту, сказалъ: „Я уже поручилъ Барятинскому приготовить двѣнадцать рѣшительныхъ человѣкъ; онъ уже набралъ нѣсколько“, и за тѣмъ, спросилъ у Поджіо: „Кто-же будетъ у насъ главою временнаго правительства?“ — „Безъ сомнѣнія тотъ, кто совершитъ великое дѣло революціи“. — „Я ношу не русское имя“. — „Что нужды! Вы заставите замолчать всѣхъ, и даже своихъ непріятелей, удалясь, какъ Вашингтонъ, въ среду простыхъ гражданъ: вѣдь временное правительство продлится годъ, много — два“. — „Нѣтъ! Нѣтъ! — возразилъ Пестель. — Не менѣе десяти лѣтъ, чтобы все устроить; между тѣмъ, займемъ умы внѣшнею

войною, возстановленіемъ Греціи. А окончивъ дѣло, удалюсь въ Кіево-Печерскую Лавру, сдѣлаюсь схимникомъ и тогда возьмусь за вѣру" (25). Вообще Пестель хотя и старался скрывать отъ своихъ пособниковъ питаемые имъ властолюбивые помыслы, однакоже не рѣдко проговаривался. Однажды, когда онъ хвалилъ Наполеона въ присутствіи Рылѣева, который замѣтилъ, что теперь уже нельзя быть Наполеономъ, и что даже честолюбивому человѣку, для собственной выгоды, должно подражать Вашингтону, Пестель отвѣчалъ: „правда, но еслибы у насъ явился и Наполеонъ, то мы не остались-бы въ проигрышѣ"( ).

Подполковникъ Поджіо, вышедшій въ отставку на покой и занимавшійся хозяйствомъ въ своей усадьбѣ подъ Кіевомъ, сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ Южнаго общества. Въ послѣдствіи, сознавшись въ своемъ заблужденіи, онъ ставилъ въ числѣ причинъ, побудившихъ его сначала къ неудовольствію противъ правительства, а потомъ къ поступленію въ тайное общество, вліяніе на нашу политику вѣнскаго кабинета и тѣ жертвы, которыя въ угоду ему была принуждена приносить Россія. По словамъ его, для предохраненія государствъ совершенно намъ чуждыхъ отъ внутреннихъ смутъ, мы содержали многочисленную армію, въ коей послѣ паденія Наполеона не видѣли никакой надобности, а были принуждены заключать новые займы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣнскій дворъ старался отклонить Императора Александра отъ оказанія помощи нашимъ единовѣрцамъ, угнетеннымъ Грекамъ, которые постоянно пользовались покровительствомъ Россіи со временъ Екатерины Второй по 1820-й годъ. Завоеваніе Турціи, казавшееся возможнымъ въ эпоху возстанія Грековъ, подавало самыя блестящія надежды нашей упадшей торговлѣ. Когда въ 1821 году 6-й корпусъ двинулся

къ турецкой границѣ и выступила въ походъ гвардія, всѣ ожидали войны съ Портою, объясняя такою цѣлью и огромность арміи, и исключительныя заботы правительства объ усовершенствованіи войскъ; но вскорѣ всѣ удостовѣрились въ истинной цѣли содержанія столь многочисленной арміи. До какой степени она была обременительна для Россіи, можно было видѣть изъ того, что послѣдовало повелѣніе уволить въ отпускъ цѣлую треть войскъ. „Я самъ былъ свидѣтелемъ, — говорилъ Поджіо — какъ отправляли насильно въ отпускъ солдатъ, не имѣвшихъ на родинѣ никакого пристанища, и какъ они были принуждены просить милостыни, либо искать себѣ пропитаніе постыдными средствами. Видя разстройство финансовъ, злоупотребленія по виннымъ откупамъ и происходящій отъ того ущербъ казны, мы не только негодовали, но считали необходимымъ прибѣгнуть къ преступнымъ средствамъ для измѣненія существующаго порядка дѣлъ, и это убѣжденіе мы возимѣли въ 1822 году, когда, при возобновленіи общества, Пестель поставилъ его цѣлью введеніе республики"... ([27]).

Сношенія Южнаго общества съ польскимъ, несмотря на частыя свиданія въ Кіевѣ Поляка Гродецкаго съ Бестужевымъ-Рюминымъ и княземъ Сергѣемъ Волконскимъ, не привели къ опредѣлительнымъ условіямъ. Князь Яблоновскій и Гродецкій опасались вѣтренности заносчиваго Бестужева, и по тому въ бесѣдахъ съ нимъ избѣгали рѣшительныхъ объясненій, и самъ Бестужевъ сознавался своимъ сообщникамъ, что сношенія его съ Поляками имѣютъ характеръ частнаго знакомства, а не официальныхъ занятій дѣлами общества. Но въ началѣ 1825 года, князь

Волконскій познакомилъ, у себя въ домѣ, Гродецкаго съ самимъ Пестелемъ, который, открывъ Гродецкому цѣль своего пріѣзда въ Кіевъ — заключеніе договора съ польскимъ обществомъ, спросилъ у него: имѣетъ-ли онъ такое-же полномочіе, какое дано ему, Пестелю, отъ Южнаго общества? Гродецкій отвѣчалъ отрицательно; вслѣдъ за тѣмъ прибылъ на контракты князь Яблоновскій; Крыжановскій также былъ тогда въ Кіевѣ, но отказался отъ участія въ переговорахъ съ депутатами русскаго общества, прося Яблоновскаго принять на себя это дѣло. Въ назначенный день, съѣхались у князя Волконскаго Пестель и Яблоновскій, а Гродецкій прибылъ туда позже, уже въ концѣ совѣщаній.

Переговоры начались объявленіемъ Пестеля о великихъ силахъ русскаго тайнаго общества, за которое будтобы готовы были ратовать народъ и войска, желающія свергнуть съ себя иго деспотизма; онъ сказалъ, что общество, не сомнѣваясь въ содѣйствіи настоящихъ Русскихъ, желаетъ знать расположеніе и тѣхъ областей, которыя достались Россіи въ позднѣйшее время; что остзейскія губерніи желаютъ оставаться соединенными съ Россіею, и что теперь нужно лишь свѣдѣніе о видахъ Поляковъ. „Нѣтъ средины — продолжалъ Пестель. — Вы должны объявить себя за насъ, или противъ насъ. Но мы, и безъ вашей помощи, можемъ оружіемъ пріобрѣсти свободу, а вы, если пропустите настоящій случай, должны будете навсегда потерять надежду быть народомъ независимымъ“. Онъ хотѣлъ знать, какой образъ правленія польское общество предполагаетъ ввести въ страну свою? Яблоновскій отвѣчалъ, что единственная цѣль ихъ общества есть возстановленіе независимости Польши въ прежнихъ предѣлахъ, и что по тому, прежде всего, депутаты рус-

скаго общества должны объявить — согласно-ли оно признать независимость Поляковъ? „На счетъ вашей независимости — отвѣчалъ Пестель — не можетъ быть ни малѣйшаго затрудненія“. Касательно-же будущихъ границъ между Россіею и Польшею, Пестель въ послѣдствіи увѣрялъ, что объ этомъ не было имъ сказано ни слова, но Бестужевъ, Поджіо, князь Волконскій и маіоръ Лореръ показали, что было заключено условіе объ уступкѣ Полякамъ завоеванныхъ у нихъ областей, а Никита Муравьевъ — что, когда Сѣверная дума упрекала Пестеля за намѣреніе отторгнуть отъ Россіи принадлежащія ей области, онъ отвѣчалъ: „мы уже на то дали слово и не можемъ измѣнить его“. Къ тому-же и на картѣ, приложенной къ найденной рукописи Пестеля, *Русской Правдѣ*, была отдѣлена часть польскихъ областей, пріобрѣтенныхъ Россіею, въ пользу будущей Польши. Не смотря однакоже на столь явныя улики, Пестель старался отклонить лежавшій на немъ упрекъ, говоря, что когда Яблоновскій спросилъ у него: „кому желаемъ мы поручить пріемъ новыхъ членовъ въ Литовскомъ корпусѣ“, онъ отвѣчалъ, что „Поляки, какъ и Русскіе, могутъ набирать членовъ вездѣ“. По словамъ Пестеля, еслибъ въ сношеніяхъ съ Поляками шло дѣло объ уступкѣ имъ Литвы, то о Литовскомъ корпусѣ не могло-бъ быть и рѣчи. — На счетъ будущаго правленія, уполномоченные были различныхъ мнѣній. Пестель выхвалялъ республиканскія учрежденія, подобныя тѣмъ, кои существуютъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; напротивъ того, Яблоновскій объявилъ, что „патріотическое общество не желаетъ республики“, и что, по его собственному убѣжденію, для Польши правленіе конституціонное монархическое приличнѣе всякаго инаго; однакоже согласился учредить временное правительство, пока не

выразится воля всего народа. За тѣмъ, положили, чтобы при началѣ революціи Поляки задержали Цесаревича, дабы отъ него не послѣдовало противодѣйствіе обществамъ, и поступили-бы съ нимъ, какъ въ Россіи поступятъ съ прочими Великими Князьями. Въ заключеніе совѣщаній, условлено собраться снова въ Бердичевѣ, или въ Кіевѣ на контрактахъ, чтобы окончательно устроить соглашеніе обществъ послѣ свиданія Яблоновскаго съ его директоріею; а въ ожиданіи того, Пестель обѣщалъ дать полномочіе для сношенія съ польскимъ обществомъ служившему тогда въ Литовскомъ корпусѣ подполковнику Лунину. Положено также завести связи въ этомъ корпусѣ графу Мошинскому и полковнику Швейковскому. Но всѣ эти предположенія не имѣли никакихъ послѣдствій ([28]).

Особенною дѣятельностью отличалась Васильковская управа, составлявшая планы и рѣшавшаяся на предпріятія, несбыточныя даже по мнѣнію самаго Пестеля, безъ согласія, но съ вѣдома тульчинской думы. Эта управа приняла многихъ новыхъ членовъ; она-же первая вступила въ сношенія съ польскимъ обществомъ, и ею-же открыто, въ 1825 году, другое тайное общество, *Соединенныхъ Славянъ*, не имѣвшее важности — ни по числу, ни по свойствамъ членовъ своихъ, большею частью молодыхъ артиллерійскихъ и пѣхотныхъ офицеровъ 3-го корпуса.

Основателемъ общества *Соединенныхъ Славянъ* былъ подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады Борисовъ 2-й. По словамъ его, еще въ дѣтствѣ, чтеніе греческой и римской исторіи и жизнеописаній великихъ мужей поселило въ немъ любовь къ свободѣ, а потомъ, когда онъ уже поступилъ въ военную службу, жестокость начальниковъ къ ихъ подчиненнымъ усиливала и питала это чувство часъ отъ часу

болѣе. Еще въ 1818 году, онъ замышлялъ основать тайное общество. Въ 1819-мъ, незадолго до похода въ Грузію той роты, въ коей тогда служилъ онъ, ротный командиръ наказалъ, при всей своей командѣ, бывшаго фельдфебеля, фейерверкера и рядоваго, за пьянство и растрату артельныхъ денегъ, палками, приказавъ снять съ виноватыхъ рубашки. „Я былъ до того пораженъ этою экзекуціей — говоритъ Борисовъ — что тогда-же далъ себѣ слово уничтожить такія наказанія, хотя-бы это стоило мнѣ жизни.... Желаніе быть полезнымъ человѣчеству занимало меня всегда, и я, положивъ себѣ за правило — искать истину, думалъ найти ее въ мнѣніяхъ меня погубившихъ“. Въ 1823 году, Борисовъ, познакомившись съ волынскимъ шляхтичемъ Люблинскимъ, который показался ему человѣкомъ опытнымъ (?), предложилъ своему брату составить тайное общество, съ тою цѣлью, чтобы произвести отдаленный и безъ большихъ потрясеній государственный переворотъ, и пригласилъ къ содѣйствію въ томъ Люблинскаго. Согласясь между собою всѣ трое, они положили образовать общество, подъ названіемъ *Соединенныхъ Славянъ*, принявъ главною цѣлью его — соединить всѣ славянскія племена федеративнымъ союзомъ; въ центрѣ союзныхъ странъ они хотѣли построить городъ, славянскую столицу, гдѣ собирались-бы депутаты всѣхъ Славянъ, и гдѣ находилось-бы главное управленіе, а на берегахъ морей основать торговые порты. Желая придать важность обществу, учредители его, съ самаго начала, открывали вновь поступавшимъ членамъ существованіе мнимыхъ сообщниковъ своихъ въ славянскихъ земляхъ, внѣ Россіи, а чтобы сильнѣе дѣйствовать на воображеніе новыхъ членовъ, заставляли ихъ давать клятву на шпагѣ. Клятвенное обѣщаніе и Катихизисъ Соединенныхъ Славянъ были напи-

саны Борисовымъ 2-мъ, и переведены на польскій языкъ Люблинскимъ. Въ Катихизисѣ и для переписки между членами общества были приняты слѣдующіе знаки: ═— оружіе, ☨ свобода, ♜ городъ, ✱ девизъ общества, означавшій восемь славянскихъ поколѣній *), союзныхъ между собою и окруженныхъ четырьмя морями **).

Въ Катихизисѣ, наполненномъ школьными изрѣченіями о природѣ, о просвѣщеніи и предразсудкахъ, о простотѣ выраженій великодушія и напыщенномъ слогѣ рабства, между прочимъ, сказано: „не надѣйся ни на кого кромѣ друзей и своего ═— . Друзья тебѣ помогутъ, а оружіе тебя защититъ.... Ты еси Славянинъ, и на землѣ твоей, при берегахъ морей ее окружающихъ, построишъ четыре порта, Черный, Бѣлый, Далматскій, Ледовитый, воздвигнешъ городъ и въ немъ своимъ могуществомъ посадишъ на тронѣ Богиню просвѣщенія, и проч. Желаешь сего, жертвуй 10-ю частью своихъ доходовъ, и будешь обитать въ сердцѣ друзей". (Люблинскій, съ перваго-же слова, отказался отъ такого пожертвованія) ([29]).

Братъ Борисова 2-го, отставной артиллеріи подпоручикъ Борисовъ 1-й, приписывалъ себѣ первую мысль общества Соединенныхъ Славянъ. „Будучи еще юнкеромъ, — говорилъ онъ — я принялъ намѣреніе учредить такое тайное общество, которое, по усиленіи своемъ, потребовало-бы отъ Государя положительныхъ законовъ, коимъ и самъ онъ былъ-бы подвластенъ". Къ этому онъ старался склонить брата своего и юнкера Волкова. 13 мая 1817 года, было составлено ими *общество друзей природы*, съ объяв-

*) Россія, Польша, Богемія, Моравія, Далмація, Кроація, Венгрія съ Трансильваніей, Сербія съ Молдавіей и Валахіей.

**) Моря: Балтійское, Бѣлое, Черное и Адріатическое.

ленною поступающимъ членамъ цѣлью — улучшенія нравственности и очищенія религіи отъ предразсудковъ. Въ это общество поступило нѣсколько другихъ юнкеровъ; когда-же Борисовы были произведены въ офицеры, оно разсѣялось, и уставъ его былъ истребленъ. Послѣдующіе поступки старшаго Борисова были достойны начала его карьеры: недоучившись русской грамотѣ, (что̀ видно изъ письменныхъ отвѣтовъ его на вопросы слѣдственной коммисіи), онъ принялъ на себя роль реформатора Россіи и даже въ кругу своихъ жалкихъ сообщниковъ — Соединенныхъ Славянъ не отличался ничѣмъ, кромѣ дерзости ([30]). Иностранные публицисты, (и въ числѣ ихъ наиболѣе правдивый и безпристрастный въ отношеніи къ Россіи Шпицлеръ), говорятъ будтобы наше правительство придавало особенную важность Соединеннымъ Славянамъ и поступило съ ними строже, нежели съ членамѣ прочихъ тайныхъ обществъ ([31]); но это ничѣмъ не доказано. Правда, что большая часть такъ-называемыхъ Славянъ были молодые люди; но не юноши. Имъ было отъ 24-хъ до 30-ти лѣтъ, и почти всѣ они, получивъ общественное воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ, направили первые шаги свои на поприщѣ жизни къ преступной цѣли—ниспроверженію государственнаго порядка и цареубійству.

Третій изъ основателей Славянскаго общества, волынскій дворянинъ Люблинскій, съ дѣтства учился въ мижиричской школѣ, у ксендзовъ Піаровъ, но, по слабости здоровья, не окончилъ курса и возвратился домой въ 1809 году, одиннадцати лѣтъ отъ рода. Съ малолѣтства, получивъ охоту къ умственнымъ занятіямъ, и не имѣя возможности, по болѣзненному состоянію, проводить время съ своими товарищами, Люблинскій изучилъ, безъ помощи преподавателей, языки: русскій, латинскій, французскій, и отчасти

италіянскій и нѣмецкій. Посвящая все свое время чтенію книгъ, онъ въ особенности увлекался политическими сочиненіями, изъ числа коихъ, по словамъ его, труды Beccaria и Filangieri развили въ немъ человѣколюбіе. „Но могу совершенно откровенно сознаться — пишетъ Люблинскій — что я никогда не былъ приверженцемъ республиканскаго правленія, котораго бѣдствій видѣлъ свѣжій примѣръ во Франціи, свергнувшей съ престола своихъ Королей, за тѣмъ только, чтобы возвести на оный человѣка, неоставившаго по себѣ ничего, кромѣ пустой славы, да и другія революціи не повели ни къ чему дѣльному. Напротивъ того, въ Даніи, народъ, наскуча злоупотребленіями аристократіи, самъ пожелалъ учредить самодержавную монархію. Если-же я и вошелъ въ общество Соединенныхъ Славянъ, то сдѣлалъ это единственно по неопытности моей, уступивъ настояніямъ Борисовыхъ и считая Катихизисъ Славянъ сущимъ ребячествомъ“ (32).

Изъ числа тридцати шести членовъ Славянскаго общества, большая часть состояла изъ офицеровъ 8-й и 9-й артиллерійскихъ бригадъ и Пензенскаго пѣхотнаго полка. Въ августѣ 1825 года, одинъ изъ нихъ, капитанъ Тютчевъ извѣстилъ Борисова 2-го о существованіи Южнаго общества и познакомилъ его съ Бестужевымъ-Рюминымъ, который съ обычною ему хвастливостью говорилъ ему о великихъ средствахъ, состоявшихъ въ распоряженіи его сочленовъ, и выдавая себя за уполномоченнаго ими въ 3-мъ корпусѣ, совѣтовалъ Соединеннымъ Славянамъ соединиться съ Южнымъ обществомъ, для совокупныхъ дѣйствій. Борисовъ не остался въ долгу у него, увѣряя, съ своей стороны, будтобы средоточіе дѣйствій Славянскаго общества находится въ Петербургѣ, и оно имѣетъ многочисленныхъ членовъ во всѣхъ славянскихъ на-

родахъ. Сначала нѣкоторые изъ Славянъ, опасаясь сдѣлаться орудіями Южнаго общества, (какъ въ послѣдствіи и было), не хотѣли присоединиться къ нему, но Бестужевъ склонилъ ихъ къ тому, говоря: „ваша цѣль очень многосложна, и едвали можно когда-нибудь достигнуть ее, и при томъ надо болѣе думать о своихъ Русскихъ нежели о иноземцахъ“ ([33]).

Передавая одному изъ главныхъ членовъ общества Славянъ, маіору Спиридову, извлеченный изъ *Русской Правды* Пестеля, *Государственный Завѣтъ*, Бестужевъ-Рюминъ увѣрялъ его, что законы, составленные тайнымъ обществомъ, были посылаемы на обсужденіе извѣстнѣйшихъ иностранныхъ публицистовъ и ими одобрены. Выдержки изъ Русской Правды, сообщенныя Спиридову, заключали въ себѣ слѣдующія постановленія: „Границы Россіи и подвластныхъ ей народовъ, могущихъ пользоватяся самобытностью, опредѣляются взаимными ихъ выгодами. Польша признается независимою и самостоятельною. Всѣ племена, населяющія Россійское Государство, принимаютъ названіе Русскихъ. Всѣ сословія отмѣняются и сливаются въ одно сословіе – гражданъ. Государство раздѣляется на три округа, Столичный, Донской и Кавказскій, и на десять губерній, губерніи — на уѣзды, уѣзды — на волости, каждая въ тысячу душъ. Земля въ волостяхъ раздѣляется на участки, и каждому гражданину дается одинъ изъ участковъ; остающаяся-же отъ раздачи земля составляетъ имущество всей волости и отдается въ наемъ, но не болѣе какъ на одинъ годъ. Народное управленіе сосредоточивается въ Москвѣ или Нижнемъ-Новгородѣ. Подать платится съ земли. Каждая волость имѣетъ два списка: *волостной* и *скарбовый;* всякой изъ гражданъ вносится въ первый изъ сихъ списковъ только въ одной волости, что означаетъ его политическое состояніе;

но онъ можетъ быть записанъ въ скарбовыхъ спискахъ многихъ волостей, по своему имуществу. Законодательная часть поручается *народному вечу*, состоящему изъ депутатовъ, выбранныхъ на одинъ годъ (по показанію Шимкова — на пять лѣтъ); исполнительная-же принадлежитъ *державной думѣ*, изъ пяти депутатовъ, также выбранныхъ изъ среды народа на одинъ годъ (по показанію Шимкова—на пять лѣтъ). Первымъ дается право объявлять войну и заключать миръ, а послѣднимъ — вести войну и переговоры о мирѣ. Кромѣ сихъ двухъ властей, есть еще блюстительное сословіе, именуемое *верховнымъ соборомъ* и состоящее изъ пятидесяти (по словамъ Шимкова — изъ ста двадцати) членовъ, избираемыхъ народомъ на всю жизнь и называемыхъ *боярами;* они должны удерживать законодательную и исполнительную власти въ предѣлахъ законности. Никакой законъ, изданный народнымъ вечемъ, не можетъ быть приведенъ въ исполненіе державною думою безъ утвержденія верховнымъ соборомъ. Каждый изъ гражданъ долженъ быть увѣдомленъ о предполагаемомъ законѣ и можетъ дѣлать на него замѣчанія. Губерніи находятся на военномъ положеніи (?). Войска повинуются верховной думѣ, и только по выступленіи ихъ за предѣлы отечества главнокомандующій принимаетъ надъ ними начальство (!). Губерніи управляются воеводами и посадниками. Все заводится сперва въ казенныхъ селеніяхъ; господскіе-же крестьяне выкупаютъ свою свободу деньгами либо лѣтнею работою, и сдѣлавшись вольными, поступаютъ въ волости"...([34]).

Въ продолженіи лагеря при мѣстечкѣ Лещинѣ (житомирскаго уѣзда), въ августѣ и сентябрѣ 1825 года, на собраніяхъ у Сергѣя Муравьева, членовъ общества Соединенныхъ Славянъ, Борисова 2-го, Горбачевскаго, Громницкаго, Тютчева и другихъ,

главнымъ предметомъ бесѣдъ было соединеніе Славянскаго Союза съ Южнымъ обществомъ. Ораторомъ этихъ сходбищъ постоянно являлся Бестужевъ, возглашавшій, что послѣднее общество существуетъ съ 1816 года и что составленная имъ конституція одобрена знаменитѣйшими законодавцами Франціи, Англіи и Голландіи; а Муравьевъ старался склонять Славянъ къ принятію республиканскаго правленія, осуждая Испанцевъ, повѣрившихъ на слово своему Королю. „Смѣшно думать — сказалъ онъ — чтобы тотъ, кто привыкъ повелѣвать съ колыбели, захотѣлъ вдругъ заключить въ предѣлы свою неограниченную власть: для этого надобно быть полубогомъ!“ (35).

За тѣмъ совѣщанія Соединенныхъ Славянъ происходили, близъ лещинскаго лагеря, въ селеніи Млыницахъ, на квартирѣ подпоручика 8-й артиллерійской бригады Андреевича 2-го, которая, по своему удаленному положенію, представляла удобства для тайныхъ сборищъ. Туда-же былъ приглашенъ и маіоръ Спиридовъ, тогда еще не поступившій въ тайное общество, но вскорѣ сдѣлавшійся однимъ изъ ревностнѣйшихъ его членовъ. По собственному его показанію, онъ, воспитываясь въ родительскомъ домѣ, преимущественно учился у Француза Леграна и у какого-то Поляка, а дядьками при немъ постоянно были иностранцы. 2 сентября, Спиридовъ, пріѣхавъ къ Андреевичу, нашелъ тамъ многихъ Соединенныхъ Славянъ. Бестужевъ произнесъ рѣчь, возбуждая присутствовавшихъ къ возмущенію, и воспламенилъ ихъ въ высшей степени. Всѣ одобряли цѣль и намѣренія Южнаго общества, кричали: „виватъ конституція!“ а одинъ изъ артиллерійскихъ офицеровъ, фанатикъ Бечасновъ возгласилъ: „кто не пристанетъ къ намъ и объявитъ, тому десять пуль въ лобъ!“

Здѣсь, по предложенію Бестужева, было рѣшено: а) стремиться къ ниспроверженію существующаго порядка вещей и введенію конституціи, съ истребленіемъ Государя, и б) начать дѣйствія въ 1826 году, при соединеніи въ лагерѣ 3-го и 4-го корпусовъ, и вмѣстѣ со 2-ю арміей идти въ Москву, гдѣ учредить временное правительство. Тогда-же составленъ списокъ членовъ, въ число коихъ включенъ и Спиридовъ, и раздѣлено общество на два округа: артиллерійскій и пѣхотный ([36]).

На второмъ совѣщаніи Соединенныхъ Славянъ, 4-го сентября, Бестужевъ объявилъ, что цѣль, предполагаемая Южнымъ обществомъ, есть введеніе республики, и что всѣ сословія, нынѣ существующія въ Россіи, сольются въ одно сословіе — гражданъ. Когда-же у него спросили: не будетъ-ли при семъ междуусобія или анархіи, и замѣтили, что Царствующая фамилія на то, конечно, не согласится, онъ сталъ увѣрять, что все предусмотрѣно, и что препятствіе, представляемое Императорскою династіей, будетъ устранено ея истребленіемъ. На это одинъ изъ членовъ, подпоручикъ Горбачевскій сказалъ: „но вѣдь это противно Богу и религіи". — „Отнюдь нѣтъ!" возразилъ Сергѣй Муравьевъ, и въ подкрѣпленіе своего нечестиваго мнѣнія сталъ приводить выписки изъ Библіи, ложно толкуя ихъ и стараясь доказать, что монархическое правленіе не законно, и что слѣдуетъ истребить всѣхъ членовъ Царствующаго Дома. „Надобно самый прахъ ихъ разсѣять по землѣ!" вскричалъ изступленный Бестужевъ. „Я присланъ къ вамъ отъ верховной думы — продолжалъ онъ.—Мнѣ поручено распоряжать дѣйствіями по 3-му корпусу; всякой изъ васъ долженъ имѣть столько великости духа (?) и отважности, что для освобожденія отечества, конечно, не содрогнется нанести ударъ, хотя-

бы и самому Государю". На эту безумную рѣчь всѣ члены сказали въ отвѣтъ: „безъ сомнѣнія!" и въ подтвержденіе своего богопротивнаго обѣта цѣловали образъ, снятый Бестужевымъ съ шеи. На этомъ-же засѣданіи, по предложенію Спиридова, право пріема новыхъ членовъ предоставлено только однимъ начальникамъ округовъ, а также постановлено строго хранить тайну, не выходить въ отставку и не просить о переводѣ въ другія части войскъ ([37]). Въ томъ-же собраніи, когда Бестужевъ, обратясь вообще къ членамъ общества, просилъ ихъ объявить свои сомнѣнія на счетъ предлагаемыхъ имъ средствъ, Борисовъ спросилъ у него: „какія мѣры приняты вашимъ обществомъ для удержанія временнаго правительства въ предѣлахъ законности (?) и для обузданія его властолюбивыхъ видовъ, могущихъ быть весьма пагубными для новорожденной республики". На эти слова Бестужевъ съ жаромъ возразилъ: „Какъ не стыдно вамъ объ этомъ спрашивать? Неужели тѣ, которые для полученія свободы рѣшились умертвить своего Монарха, потерпятъ власть похитителей?" ([38]).

Въ третьемъ и послѣднемъ собраніи у Андреевича, 12 сентября, Бестужевъ снова произнесъ рѣчь, въ коей мрачными красками изобразилъ современное состояніе Россіи, всеобщее неудовольствіе народа и войскъ, необходимость положить конецъ такому положенію дѣлъ и распространился о необъятныхъ средствахъ тайнаго общества. Воспламенивъ еще болѣе нежели прежде умы своихъ слушателей, онъ предложилъ имъ приготовлять нижнихъ чиновъ къ возмущенію на слѣдующій годъ, поселяя въ нихъ неудовольствіе противъ правительства, подавая надежду на уменьшеніе служебныхъ обязанностей, обѣщая имъ ослабленіе строгости, прибавку жалованья и со-

кращеніе срока службы; совѣтовалъ принимать новыхъ членовъ, преимущественно изъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ, и назначилъ въ начальники округовъ: артиллерійскаго — подпоручика Горбачевскаго, а пѣхотнаго — маіора Спиридова, пригласивъ ихъ, а также Пестова и Тиханова, непремѣнно побывать у него до выступленія изъ лагеря, для полученія нужныхъ наставленій. Исполняя его требованіе, Спиридовъ, Горбачевскій и Пестовъ, 15-го сентября, явились въ балаганъ Сергѣя Муравьева, гдѣ Бестужевъ предложилъ имъ покуситься на жизнь Государя, и когда они на то изъявили согласіе и безбожно поклялись на образѣ исполнить это преступленіе, Бестужевъ взялъ у нихъ списки членамъ и сталъ отмѣчать крестиками тѣхъ, которые, по ихъ мнѣнію, были способны участвовать въ цареубійствѣ. Въ тотъ-же день, Горбачевскій и Пестовъ сообщили Борисову 2-му, что онъ, его братъ, Бечасновъ, Тютчевъ, Громницкій и Лисовскій, вмѣстѣ съ ними, назначены исполнить это предпріятіе, но что Бестужевъ неохотно соглашался видѣть въ числѣ ихъ его, Борисова, и потребовалъ, чтобы онъ пріѣхалъ самъ и лично далъ клятву въ непреложности своего намѣренія. На другой день, рано утромъ, Борисовъ былъ въ балаганѣ Муравьева, у Бестужева, который встрѣтилъ его словами: „слышали вы? сказывалъ ли вамъ Горбачевскій?“ — „Слышалъ и знаю все“. — „Рѣшаетесь-ли?“ — „Я назначенъ и не отказываюсь“. — „Помните — это тайна для другихъ членовъ“. — „Знаю“. — „Клянитесь“, и Борисовъ поклялся, поцѣловавъ образъ, поданный ему Бестужевымъ ([39]).

Исполняя данное порученіе, члены Союза Славянъ, по присоединеніи къ Южному обществу, ревностно старались привлечь на свою сторону нижнихъ чиновъ; въ особенности-же отличался преступнымъ

усердіемъ маіоръ Спиридовъ. Въ началѣ декабря 1825 года, онъ пріѣзжалъ въ городъ Острогъ, гдѣ тогда содержала караулы 1-я гренадерская рота Саратовскаго полка, которою онъ прежде командовалъ; предлогомъ поѣздки въ Острогъ ему служили счеты, кои не были совершенно сведены при сдачѣ имъ роты; подъ видомъ окончанія ихъ, Спиридовъ призывалъ къ себѣ унтеръ-офицеровъ, капральныхъ ефрейторовъ, артельщиковъ и другихъ гренадеръ и стрѣлковъ бывшей своей роты, подчивалъ ихъ водкою и пилъ съ ними цѣлыми стаканами; а, между тѣмъ, внушалъ имъ, что нынѣ служба стала чрезвычайно тяжела, что нѣтъ возможности служить не только солдатамъ, но и офицерамъ, и что онъ самъ не радъ маіорскому чину и охотно согласился-бы командовать своею прежнею ротою; говорилъ также, что Государь не наблюдаетъ справедливости, увѣщевалъ потерпѣть немного, обнадеживая, что вскорѣ все перемѣнится и солдатская служба будетъ несравненно легче, лишь-бы они держались его, Спиридова, когда что̀ начнется (!). Всего-же говореннаго солдатамъ бывшимъ ихъ командиромъ они не могли припомнить, потому что, по словамъ ихъ: „бывая у Спиридова, почти всегда напивались до пьяна и многихъ рѣчей не разбирали“ ([40]). Средствами къ возбужденію въ солдатахъ мятежнаго духа вообще служили: разсказы о жестокости и несправедливости высшаго начальства; ласковое обхожденіе членовъ тайнаго общества съ ихъ подчиненными и послабленія по службѣ; принятіе участія въ положеніи нижнихъ чиновъ; раздача имъ денегъ; льстивыя обѣщанія разныхъ служебныхъ льготъ при предстоящей будтобы вскорѣ перемѣнѣ. Ослѣпленные самолюбіемъ и злобою, члены общества не стыдились увѣрять этихъ простодушныхъ людей, что солдаты — основаніе всему, что на

нихъ держится государство и правительство, что стоитъ имъ только пожелать перемѣны законовъ, и все тотчасъ устроится сообразно ихъ желанію ([41]). „Пора — говорили они — избавиться отъ притѣсненія начальниковъ, большею частью нѣмцевъ". Не всегда однакоже удавались эти хитрости. Солдаты, не понимая всего того, что̀ старались внушить имъ человѣколюбивые ихъ покровители, нерѣдко отвѣчали: „хорошо! мы съ вами, лишь-бы не было бунта, или какого инаго худа". Другіе даже спрашивали: „да полно, ваше благородіе, не противно-ли это присягѣ и знаетъ-ли про то Государь?" И ругаясь надъ ихъ легковѣріемъ, заговорщики увѣряли ихъ, что „все согласно съ присягою и извѣстно Государю" ([42]). Подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка Мозганъ, говоря съ рядовымъ Бородинымъ, спросилъ: бывалъ-ли онъ у подполковника Муравьева, и получивъ отвѣтъ: „не бывалъ, а хаживалъ туда рядовой Гульбинъ", приказалъ ему потолковать съ Гульбинымъ. Дѣйствительно — Бородинъ спросилъ у Гульбина, что̀ слышалъ онъ отъ Муравьева? „Что̀ Богъ дастъ, то и будетъ — отвѣчалъ Гульбинъ — глупыхъ рѣчей нечего слушать" ([43]).

Соединенные Славяне вовлекали въ свое общество новыхъ членовъ всѣми возможными средствами. По словамъ Громницкаго, знакомство его съ Борисовымъ 2-мъ поселило въ немъ первыя идеи вольнодумства; „впрочемъ, убѣжденія Борисова, при вступленіи моемъ въ общество — говорилъ Громницкій — можетъ быть, не былибы достаточны, еслибъ онъ не подкрѣплялъ ихъ доводами изъ разныхъ авторовъ. *Противъ столькихъ враговъ устоять я былъ не въ силахъ*". Подпоручикъ Фроловъ, объясняя причину, побудившую его вступить въ тайное общество, сказалъ: „Богъ свидѣтель, что я это сдѣлалъ безъ вся-

каго умысла, единственно изъ подражанія своему ротному командиру, капитану Тютчеву; хотѣлъ снискать его расположеніе, и это вовлекло меня въ пагубное общество, сдѣлавшее меня на вѣки несчастнымъ". По свидѣльству подпоручика Мозгалевскаго, онъ былъ принятъ въ общество, въ лагерѣ при Лещинѣ, прапорщикомъ Шимковымъ, и оставался членомъ подъ страхомъ угрозъ маіора Спиридова. Увѣряя, что не зналъ о замыслѣ цареубійства, Мозгалевскій писалъ: „клянусь Всемогущимъ Богомъ, что не слыхалъ этого заговора, по тому самому, какъ могу припомнить, что въ тотъ вечеръ уснулъ на совѣщаніи и проснулся уже по окончаніи его; могу сослаться въ томъ на Шимкова, который мнѣ говорилъ, когда мы шли домой, что я почти во все время спалъ"....(44). Поручикъ Лисовскій, никогда не будучи членомъ тайнаго общества, былъ приглашенъ на 1-е и 3-е собранія, происходившія у Андреевича, гдѣ, имѣвъ несчастіе слышать рѣчи Бестужева и совѣщанія членовъ, сдѣлался преступнымъ (45). Такая-же участь постигла командира 2-й легкой роты 9-й артиллерійской бригады, подполковника Берстеля, человѣка въ зрѣломъ возрастѣ, прослужившаго въ офицерскихъ чинахъ уже двадцать лѣтъ, которому Борисовъ, при сочленѣ своемъ Пестовѣ, открылъ существованіе тайнаго общества и цѣль его — введеніе конституціи. Движимый любопытствомъ Берстель сталъ распрашивать своихъ собесѣдниковъ: „какая конституція? Кто члены общества?" и совѣтовалъ Борисову и Пестову быть осторожнѣе. „Вы можете погубить и себя, и другихъ" — сказалъ онъ, однакоже обѣщалъ молчать о слышанномъ. Какъ, въ продолженіи этого разговора, Пестовъ сказалъ ему, будтобы командиры артиллерійскихъ ротъ, подполковникъ Фроловъ и капитанъ Пыхачевъ обѣщали содѣйствовать

обществу, то Берстель отправился къ нимъ и распрашивалъ того и другаго — не знаютъ-ли они чего о предстоящей перемѣнѣ правленія? Оба они отозвались, что: „это пустыя затѣи, о которыхъ не только говорить, но и думать не слѣдуетъ“, а Берстель, какъ знавшій преступные замыслы и не донесшій о томъ, подвергся суду и наказанію (46).

Во время совѣщаній о присоединеніи *Соединенныхъ Славянъ* къ Южному обществу, лѣтомъ 1825 года, пылкая васильковская управа едва не рѣшилась немедленно поднять знамя бунта, либо предпринять какое-либо столь-же отчаянное покушеніе, по внушеніямъ наиболѣе усердныхъ своихъ дѣятелей, и въ особенности новаго члена, командира Ахтырскаго гусарскаго полка, полковника Артамона Муравьева 3-го.

Артамонъ Муравьевъ, получивъ первоначальное воспитаніе въ родительскомъ домѣ, опредѣлился въ 1809 году въ московскій университетъ и окончивъ тамъ курсъ, возвратился домой въ Петербургъ, произведенъ въ офицеры по квартирмейстерской части и находился въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ (47). Въ августѣ 1825 года, во время сбора войскъ для маневровъ при мѣстечкѣ Лещинѣ, будучи принятъ въ Южное общество родственникомъ своимъ, Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, участвовалъ въ совѣщаніяхъ его съ Бестужевымъ-Рюминымъ и полковниками Повало-Швейковскимъ, Тизенгаузеномъ и Враницкимъ. Когда въ лагерѣ былъ полученъ Приказъ объ отнятіи у Швейковскаго команды надъ Саратовскимъ полкомъ, (по поводу донесенія корпуснаго командира о найденныхъ въ немъ неисправностяхъ), самъ Швейковскій и сообщники его пришли въ от-

чаяніе. Муравьевы и Бестужевъ хотѣли немедленно возмутить 3-й корпусъ (8-ю и 9-ю пѣхотныя и 3-ю кирасирскую дивизіи), идти на Кіевъ и послать въ Петербургъ нарочныхъ, съ приглашеніемъ — начать дѣйствія. Но Швейковскій совѣтовалъ своимъ товарищамъ, чтобы отложили всякое рѣшительное предпріятіе до смотра въ 1826-мъ году, сказавъ: „мое несчастіе не должно имѣть никакого вліянія на дѣлà общества, да еслибы вели меня на казнь, то и въ такомъ случаѣ заклинаю васъ оставить меня моей участи; а если вы не отложите своего предпріятія, то я сей-же часъ рапортуюсь больнымъ и уѣзжаю изъ лагеря“. Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ обѣда у Артамона Муравьева, самъ онъ и Сергѣй Муравьевъ предложили послать убійцъ въ Таганрогъ, для лишенія жизни Государя. Сергѣй Муравьевъ изъявилъ намѣреніе поручить это гнусное дѣло Якубовичу, какъ человѣку готовому на все; а Бестужевъ брался найти человѣкъ пятнадцать изъ *Соединенныхъ Славянъ* и другихъ, извѣстныхъ ему и вполнѣ *надёжныхъ* людей. И дѣйствительно—какъ мы уже видѣли—нѣкоторые изъ членовъ помянутаго общества обязались слѣпо повиноваться этому безумному фанатику, цѣлуя образъ въ подтвержденіе своей нечестивой клятты *). Но едва лишь Бестужевъ успѣлъ окончить рѣчь, какъ Артамонъ Муравьевъ, ставъ посреди своихъ товарищей, торжественно громкимъ голосомъ призвалъ Бога въ свидѣтели, что, не смотря на жену и дѣтей, кои для него дороже всего на свѣтѣ, если не найдется никого другаго на это дѣло, онъ пожертвуетъ собою и совершитъ ударъ. Самъ онъ сознавался впослѣдствіи, что, произнося такую безумную клятву, онъ вовсе не думалъ исполнить ее, а хотѣлъ

*) Спиридовъ, Горбачевскій, Борисовъ 2-й, Бечасновъ, Пестовъ.

выказаться въ глазахъ своихъ товарищей смѣлымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ, въ надеждѣ, что Сергѣй Муравьевъ, уже рѣшась отложить дѣло до будущаго смотра, не приметъ его вызова. Съ этою-же цѣлью, онъ настаивалъ на исполненіи страшнаго намѣренія, говоря, что въ 1826-мъ году не будетъ смотра, что духъ 3-го корпуса вѣрно извѣстенъ Государю, и по тому онъ не пріѣдетъ. Затѣмъ, обратясь къ Тизенгаузену, спросилъ: „а вы что думаете, полковникъ?" Тизенгаузенъ, человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ и весьма умѣреннаго образа мыслей, хорошій служака, уже раскаявшійся въ сношеніяхъ своихъ съ тайнымъ обществомъ, отвѣчалъ: „Неужели вы полагаете, что такъ легко поднимется рука на Государя? Немного найдется готовыхъ на то изверговъ". Тогда Артамонъ, въ совершенномъ изступленіи, громко вскричалъ: „Ну такъ я вамъ отвѣчаю за себя, и еще разъ скажу, что готовъ жертвовать собою." Впрочемъ—надежда его сбылась, и рѣшено было окончательно отложить всякое покушеніе до 1826 года. Когда зашла рѣчь о дѣйствіяхъ войскъ послѣ задуманнаго возмущенія, Тизенгаузенъ сказалъ, что „въ походѣ солдаты должны состоять на хорошемъ продовольствіи, а для этого нужны деньги, которыхъ у насъ, кажется, нѣтъ". На это Сергѣй Муравьевъ отвѣчалъ, что на первый разъ можно воспользоваться артельными суммами, а потомъ брать деньги въ казенныхъ казначействахъ. „Нѣтъ, — возразилъ Тизенгаузенъ — солдатская собственность должна быть неприкосновенна, да къ тому-же артельныя деньги имѣются не во всѣхъ полкахъ"— „Пожалуй, есть еще изобильнѣе источникъ: въ погребахъ графини Браницкой, — сказалъ Швейковскій.—Нѣтъ господа! Согласитесь со мною, что всѣ такого рода средства ни въ какихъ обстоятельствахъ не могутъ быть извинительны. Займите деньги и раз-

дайте ихъ въ полки, а, безъ того, я согласенъ съ Тизенгаузеномъ, что нечего и затѣвать дѣло". Когда за тѣмъ предложили складку, Тизенгаузенъ, несочувствовавшій предпріятіямъ общества, но увлеченный общимъ пыломъ, сказалъ: „я готовъ отдать все, что имѣю, и даже продать послѣднее платье жены своей" ([48]).

Согласясь между собою, усердные дѣятели Южнаго общества положили непремѣнно *приступить къ дѣлу* въ 1826 году. Бестужевъ, принявъ на себя руководить Соединенныхъ Славянъ, продолжалъ увѣрять ихъ въ силѣ своего тайнаго общества, будтобы уже не имѣющаго нужды въ новыхъ членахъ, повторялъ, что, при смотрѣ у Бѣлой Церкви, будетъ удобный случай возбудить мятежъ и произвести задуманный ими переворотъ, и совѣтовалъ привлекать къ содѣйствію въ томъ нижнихъ чиновъ. Самъ Пестель, видя невозможность удержать своихъ сообщниковъ, измѣнилъ обычной ему осторожности и готовился дѣйствовать. По свидѣтельству Давыдова и князя Волконскаго, Пестель, излагая имъ свои намѣренія, сказалъ: „Муравьевъ нетерпѣливъ и скоръ, однакоже если онъ начнетъ удачно, я отъ него не отстану".

А, между тѣмъ, какъ оба тайныя общества, Сѣверное и Южное, возбуждаемыя — одно Рылѣевымъ, а другое Муравьевыми и Бестужевымъ, готовились дѣйствовать рѣшительно, ихъ замыслы были открыты правительству. Генералъ графъ Виттъ, узнавъ о существованіи общества въ Тульчинѣ, поручилъ кіевскому помѣщику Бошняку собрать о немъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Бошнякъ, будучи знакомъ съ однимъ изъ членовъ его, подпоручикомъ квартирмейстерской части Лихаревымъ, былъ принятъ имъ въ общество и рекомендованъ полковнику Давыдову, какъ

болѣе вліятельному члену, и пріѣхавъ къ нему въ Каменку, объявилъ, что генералъ графъ Виттъ уже давно знаетъ цѣль общества и совершенно раздѣляетъ его убѣжденія; что онъ имѣетъ желаніе вступить въ общество, и въ такомъ случаѣ обѣщаетъ возмутить южныя песеленія и съ пятидесятью тысячами человѣкъ присоединиться къ тѣмъ, которые поднимутъ оружіе противъ правительства, и что за сіе требуетъ только, чтобы ему поручено было начальство надъ всею кавалеріей. Бошнякъ пріѣзжалъ къ Давыдову нѣсколько разъ, домогался объясненій, открытій, настаивалъ, отъ имени графа Витта, о немедленномъ начатіи дѣйствій, увѣрялъ, что для общества нѣтъ другаго средства къ спасенію кромѣ возстанія; что всѣ члены его извѣстны правительству; что Императоръ получилъ доносъ на общество; что у ~~Пестеля~~ въ полку есть шпіонъ, и т. под. Давыдовъ, нежелая лишить общество важнаго сочлена, но недовѣряя Бошняку, писалъ о переговорахъ съ нимъ Пестелю, который отвѣчалъ чрезъ князя Барятинскаго, что предложеніе графа Витта казалось ему подозрительнымъ, но что впрочемъ должно дѣйствовать по собственному усмотрѣнію Давыдова. Князь Сергѣй Волконскій, въ 1825 году, послѣ лагеря, узнавъ отъ Давыдова о сношеніяхъ его съ Бошнякомъ и чрезъ него съ графомъ Виттомъ, совѣтовалъ отклонить его предложеніе и даже прекратить всякое сношеніе съ Виттомъ, объявивъ повѣренному его Бошняку, что общество разрушилось (49).

Незадолго до послѣдняго выѣзда Императора Александра изъ Петербурга на югъ Россіи, Государь получилъ довольно подробныя свѣдѣнія о заговорѣ Южнаго общества, отъ унтеръ-офицера изъ вольно-опредѣляющихся Шервуда. Этотъ молодой человѣкъ, родомъ англичанинъ, получилъ въ домѣ отца своего,

отличнаго механика, управлявшаго Купавинскими фабриками, блестящее воспитаніе, и когда семейство его, по стеченію многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, совершенно разорилось, пожелалъ вступить въ военную службу и опредѣлился въ Новомиргородскій уланскій полкъ. Одинъ изъ офицеровъ этого полка, зная свѣдѣнія Шервуда по части механики, рекомендовалъ его отставному генералу Александру Львов. Давыдову, которому нужно было пустить въ ходъ испортившуюся машину водяной мельницы. Шервудъ отправился въ имѣніе Давыдовыхъ Каменку, исправилъ мельницу и возвратился въ полкъ, стоявшій въ Новомиргородѣ. Во время пребыванія въ Каменкѣ, Шервудъ замѣтилъ, что каждую субботу вечеромъ съѣзжались къ его хозяевамъ одни и тѣ-же гости: полковники Пестель, Муравьевы и Янтальцевъ, генеральнаго штаба подпоручикъ Лихаревъ, помѣщикъ Поджіо. Всѣ они появлялись только за обѣдомъ и ужиномъ, проводя все остальное время въ пристройкѣ дома, на половинѣ Василія Львовича Давыдова. Желая узнать, что это значило, Шервудъ высмотрѣлъ и подслушалъ чрезъ замочную скважину смѣжной комнаты, все, что происходило на тайныхъ совѣщаніяхъ. Узнавъ, что дѣло шло о заговорѣ противъ правительства, онъ рѣшился основать свою карьеру на открытіи тайныхъ замысловъ. Какъ для этого ему слѣдовало продлить свое пребываніе въ Каменкѣ, а мельница была уже почти совсѣмъ исправлена, то онъ снова испортилъ ея механизмъ и принялся за прежнюю работу, а, между тѣмъ, продолжалъ свои тайныя наблюденія, ознакомился совершенно съ устройствомъ общества, узналъ имена не только главныхъ членовъ, но и сообщниковъ ихъ, разсѣянныхъ по всей Имперіи, и составилъ имъ списокъ. Съ этими свѣдѣніями возвратясь въ Новомиргородъ, Шервудъ имѣлъ

намѣреніе писать прямо къ Государю, однакоже удержался, не имѣя въ рукахъ достовѣрныхъ доказательствъ къ раскрытію заговора. Но вскорѣ случай помогъ ему. Родной братъ командира Новомиргородскаго полка, командиръ Бугскаго уланскаго полка, полковникъ Гревсъ 2-й попалъ подъ слѣдствіе, и чтобы выпутаться изъ бѣды, взялъ къ себѣ въ Вознесенскъ знавшаго аудиторскую часть Шервуда, который тамъ познакомился съ нѣсколькими офицерами, и въ числѣ ихъ съ богатымъ, образованнымъ и вольнодумнымъ графомъ Булгари. Найдя его имя въ спискѣ членовъ тайнаго общества, Шервудъ сблизился съ нимъ, привелъ у него въ помѣстьѣ заведеніе испанскихъ овецъ въ надлежащій порядокъ, увѣрилъ его, что самъ готовъ пристать къ обществу, и прощаясь съ нимъ, просилъ доставить случай познакомиться съ тѣми членами, которыхъ, какъ новичекъ, не зналъ еще. Булгари далъ ему письмо къ Вадковскому, сказавъ, что онъ сведетъ его со всѣми участниками общаго дѣла ([50]).

Вадковскій, одинъ изъ самыхъ ярыхъ дѣятелей Южнаго общества, получилъ первоначальное воспитаніе въ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, у Виллерса, а по занятіи Москвы Французами привезенъ въ Петербургъ и отданъ на руки аббату Лемри (Lemry), потомъ учился въ пансіонѣ у преподавателя исторіи въ Петропавловскомъ училищѣ Гинрихса, готовился дома къ экзамену въ пажескій корпусъ, и наконецъ былъ отданъ въ пансіонъ Годеніуса, откуда поступилъ на службу и произведенъ въ корнеты въ кавалергардскій полкъ; а въ 1824-мъ году, за неприличное поведеніе, переведенъ прапорщикомъ въ Нѣжинскій конно-егерскій полкъ. Въ 1822-мъ году, будучи принятъ въ Сѣверное общество княземъ Барятинскимъ и потомъ поступивъ въ бояре Южнаго обще-

ства, принялъ до десяти членовъ, привлекая ихъ ложными показаніями о цѣли и силѣ общества ([51]). Подобно графу Булгари, Вадковскій повѣрилъ, что Шервудъ состоялъ въ числѣ его сообщниковъ, принялъ его въ бояре, и не только открылъ всѣ подробности заговора, но передалъ ему списокъ всѣхъ членовъ тайнаго общества ([52]).

Пользуясь тѣмъ, Шервудъ отправилъ изъ Богодухова, на имя графа Аракчеева, письмо, въ которомъ объяснилъ, что, открывъ заговоръ противъ правительства и Царской фамиліи и имѣя въ своихъ рукахъ несомнѣнныя тому доказательства, желаетъ представить ихъ лично Государю, почему и проситъ разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ, въ ожиданіи чего будетъ оставаться въ Богодуховѣ. За тѣмъ, вскорѣ получивъ отъ графа повелѣніе съ подорожною и прогонами, Шервудъ проскакалъ на курьерскихъ безъ отдыха, отъ Богодухова до Грузина, и прямо съ дороги явился Аракчееву, который потребовалъ, чтобы онъ сказалъ ему: гдѣ и какъ онъ открылъ тайное общество, изъ какихъ лицъ состоитъ оно, и какія онъ имѣетъ на то доказательства? Смѣлый Шервудъ отвѣчалъ, что „хотя и знаетъ вполнѣ, что его сіятельство пользуется неограниченнымъ монаршимъ довѣріемъ, однакоже, какъ тайна заговора относится собственно къ особѣ его величества, то считаетъ себя обязаннымъ открыть ее лично Государю". По словамъ Шервуда, Аракчеевъ, злобно взглянувъ на него, сказалъ: *хорошо! я посмотрю, что ты будешь тамъ говорить. Ступай, пообѣдай и будь готовъ.* Не успѣлъ онъ кончить послѣдняго блюда, какъ его отправили съ фельдъегеремъ, на курьерской тройкѣ, въ Петербургъ, на Литейную, въ домъ Аракчеева.

Ночью, уже поздно, вошелъ въ комнату отведенную Шервуду адъютантъ графа и повезъ его во дво-

рецъ. Камердинеръ Государя, доложивъ о немъ Его Величеству, сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы онъ вошелъ въ смѣжную комнату—кабинетъ Императора. Государь стоялъ у камина, разговаривая съ Аракчеевымъ, и при появленіи Шервуда, обратясь къ нему, спросилъ: „ты открылъ тайный заговоръ? Мнѣ доложилъ объ этомъ графъ".—„Точно такъ, ваше величество!" отвѣчалъ Шервудъ.—„Какія ты имѣешь доказательства?" снова спросилъ Государь, посмотрѣвъ на него пристально.—„Вотъ списокъ лицамъ тайнаго общества—сказалъ Шервудъ, подавая Императору эту бумагу—я получилъ его изъ рукъ ихъ сообщника, прапорщика Вадковскаго".

Государь, на-скоро просмотрѣвъ списокъ, съ тревожнымъ выраженіемъ въ лицѣ, отдалъ его Аракчееву, и повернувшись къ Шервуду, продолжалъ: „какими путями ты узналъ эту тайну?" Шервудъ разсказалъ подробно всѣ свои дѣйствія. Государь, выслушавъ его съ большимъ вниманіемъ, сказалъ ему: „благодарю тебя за твою вѣрность мнѣ и моему престолу. Ежели окажется все такъ, какъ ты говоришь, то получишь достойную награду... Я не забуду твоей услуги... Но мнѣ все еще не вѣрится. Я не ожидалъ, чтобы въ Россіи нашлись измѣнники".... А за тѣмъ, обратясь къ Аракчееву, продолжалъ: „графъ! отпусти его къ мѣсту и дай ему всѣ средства къ открытію злоумышленниковъ". И взглянувъ на Шервуда, прибавилъ: „а ты дѣйствуй, какъ укажетъ тебѣ совѣсть, и относись прямо къ графу".

На другой день, утромъ, позвали Шервуда въ кабинетъ Аракчеева, который, распросивъ его подробно о всемъ сказанномъ имъ Государю и напомнивъ о необходимости сохранять сдѣланный имъ доносъ въ глубочайшей тайнѣ, приказалъ выдать ему подорожную, изъ курьерскихъ, на три мѣсяца, во всѣ

города Имперіи, и экстраординарную сумму на расходы ([53]).

Вслѣдъ за тѣмъ, когда уже не стало Императора Александра, еще яснѣе открылись цѣль и дѣйствія Южнаго тайнаго общества.

Въ ноябрѣ 1825 года, Вятскаго пѣхотнаго полка, (того самаго, коимъ командовалъ Пестель), капитанъ Майборода, принятый въ члены Южнаго общества, въ августѣ 1824 года, сдѣлалъ доносъ на Высочайшее Имя, чрезъ генералъ-лейтенанта Рота. Въ донесеніи своемъ, онъ писалъ, что слишкомъ уже годъ замѣчалъ онъ наклонность полковника Пестеля къ нарушенію общаго спокойствія посредствомъ тайнаго общества, существующаго десять лѣтъ. Далѣе въ рапортѣ было сказано: „Ежели благоугодно Вашему Императорскому Величеству будетъ удостовѣриться въ сей истинѣ, то повелите кому прибыть, кіевской губерніи, липовецкаго уѣзда, въ село Балабановку, гдѣ нахожусь я съ ввѣренною мнѣ ротою на квартирахъ. Я укажу мѣсто, гдѣ хранятся приготовленные какіе-то законы, подъ названіемъ *Русская Правда* ([54]), и много другихъ подобныхъ сочиненій, составленіемъ коихъ занимаются тутъ генералъ-интендантъ арміи Юшневскій и полковникъ Пестель, а въ Петербургѣ служащій въ генеральномъ штабѣ Никита Муравьевъ“. За тѣмъ, Майборода писалъ: „Я дерзаю ожидать отъ Вашего Величества, за неограниченную мою преданность, только той награды, что осчастливите меня въ скорѣйшемъ времени повелѣніемъ предстать предъ особу Вашего Величества, и ежели не лично удостоить выслушать всѣ подробности сего обстоятельства, то вблизи Васъ передать повелите чрезъ кого будетъ Вамъ угодно... Государь! Жизнь моя съ сего времени въ опасности, а потерявъ меня, Ваше Величество едва-ли сыщете чело-

вѣка, которому случай доставилъ-бы возможность узнать это дѣло столько, сколько оно мнѣ извѣстно. Ежели Вашему Императорскому Величеству не благоугодно будетъ меня видѣть, то поручите сіе человѣку такому, чрезъ котораго-бы я могъ смѣло передать все то, что̀ на душѣ моей для Вашего Величества хранится". Въ заключеніе, онъ доносилъ, что намѣревался открыть все извѣстное ему своему начальству, но, по мнительности характера, не рѣшился на то, и проситъ о переводѣ куда либо изъ 2-й арміи. (Донесеніе капитана Майбороды, отъ 25 ноября, было отправлено, на слѣдующій день, генералъ-лейтенантомъ Ротомъ въ Таганрогъ, начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту Дибичу).

Не подлежитъ сомнѣнію, что и прежде офиціальнаго доноса, сдѣланнаго Шервудомъ, до Императора Александра доходили слухи о тайныхъ обществахъ. Увѣряютъ даже, будтобы существованіе ихъ уже давно было извѣстно правительству, и что противодѣйствіе крамоламъ, угрожавшимъ общественному порядку, замедлялось единственно свойственнымъ кроткому Государю отвращеніемъ отъ крутыхъ мѣръ, которыя пришлось-бы принять въ отношеніи многихъ лицъ, удостоенныхъ вниманіемъ и осыпанныхъ милостями Императора Александра. Найдя въ спискѣ, поданномъ Шервудомъ, имена нѣсколькихъ офицеровъ 7-го корпуса, онъ отмѣнилъ Высочайшій смотръ, назначенный войскамъ въ 1825-мъ году у Бѣлой-Церкви, но, на пути въ Таганрогъ, при проѣздѣ чрезъ Кіевъ, имѣвъ случай видѣть полки бригады князя Сергѣя Волконскаго, (одного изъ главныхъ членовъ Южнаго общества), и найдя ихъ въ неудовлетворительномъ состояніи, выразилъ свое неудовольствіе бригадному командиру, который, желая оправдаться въ неисправности ввѣренной ему

части войскъ, испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе представиться Государю. Императоръ повелѣлъ сказать ему, что онъ его приметъ, во время прогулки въ саду, послѣ обѣда. Около семи часовъ, Государь, прохаживаясь, какъ и всегда, одинъ, встрѣтился съ Волконскимъ, обошелся съ нимъ ласково, распрашивалъ о его семействѣ и частныхъ дѣлахъ, и не напомнилъ ни однимъ словомъ о своемъ прежнемъ неудовольствіи. Тронутый столь неожиданнымъ пріемомъ, князь Волконскій бросился къ ногамъ Монарха, благодаря его за незаслуженную милость. Императоръ Александръ поднялъ его и подавъ ему руку, сказалъ: „я забуду *все*, но совѣтую вамъ заниматься болѣе своею дивизіей, нежели политикою, а, паче всего, оставить проекты конституціи" ([55]).

ГЛАВА LXXXII.

Послѣднее путешествіе и кончина Александра I.

(1825 г.)

При наступленіи осени 1825 года, здоровье Императрицы Елисаветы Алексѣевны, давно уже разстроенное, возбуждало справедливыя опасенія. Состоявшіе при ней врачи и лейбъ-медикъ Виллiè, замѣтивъ, что болѣзнь ея постепенно болѣе и болѣе принимала характеръ хронической чахотки, полагали, что Императрица должна была провести предстоящую зиму въ Италіи, либо на островѣ Мальтѣ; но она рѣшительно отказалась отъ путешествія за границу. „Я совершенно здорова — сказала она — да ежелибы и дѣйствительно болѣзнь моя усилилась, то женѣ Русскаго Императора слѣдовало-бы умереть въ Россіи". Государь показывалъ видъ, будтобы не замѣчалъ нездоровья Императрицы, старался превозмочь обычное ему тогда мрачное расположеніе духа, и въ присутствіи Августѣйшей больной казался спокойнымъ и даже веселымъ. Опасаясь встревожить ее, Александръ рѣшился отправиться вмѣстѣ съ нею на югъ Россіи, подъ предлогомъ собственной болѣзни. „Виллiè! Мое здоровье плохо — сказалъ онъ своему лейбъ-медику — посовѣтуйте мнѣ ѣхать въ южную

Россію, въ Крымъ, куда-бы то ни было, только-бы это путешествіе принесло пользу Императрицѣ, которая тамъ будетъ вмѣстѣ со мною" ([1]).

Тогда-же Государь изъявилъ намѣреніе посѣтить южныя военныя поселенія, а также Крымъ и Кавказъ. Главнымъ мѣстопребываніемъ Императора и Императрицы былъ назначенъ небольшой городокъ Таганрогъ, на Азовскомъ морѣ, близъ устья Дона, въ разстояніи около 1800 верстъ отъ Петербурга ([2]).

Таганрогъ обязанъ своимъ существованіемъ Петру Великому, который, имѣя въ виду возобновленіе древняго торга Русскихъ съ Востокомъ, основалъ на высокомъ мысѣ, вдавшемся въ Азовское море, портовый городъ, названный Троицкомъ. Неудача на Прутѣ заставила Петра отказаться отъ видовъ на Востокъ, и Таганрогъ оставался въ запустѣніи до открытія турецкой войны въ 1769 году, когда Императрица Екатерина II, достойная исполнительница предположеній Великаго Монарха, снова обратила вниманіе на этотъ важный пунктъ, и по заключеніи Кучюкъ-Кайнарджискаго мира поручила инженеръ-генералу де-Волану осмотрѣть тамошнюю мѣстность и составить проектъ приведенія порта въ надлежащее состояніе. Послѣдующія войны не дозволили исполнить полезныя предположенія де-Волана, но, не смотря на природныя неудобства таганрогскаго порта, торговля тамъ болѣе и болѣе распространялась и по важности комерческихъ оборотовъ долго не уступала одесской. При Императорѣ Александрѣ I, учреждены въ Таганрогѣ многія конторы, возникло нѣсколько торговыхъ домовъ и построено частными людьми до двухъ сотъ складочныхъ каменныхъ амбаровъ. Но таганрогскій рейдъ, въ 15-ти верстахъ отъ совершенно засорившейся гавани, имѣетъ только 14 фут. глубины, и по тому корабли принуждены останавливаться

въ открытомъ морѣ; дальнѣйшая-же доставка товаровъ къ городу производилась на лодкахъ, да и тѣ могли подходить къ берегу не ближе двухъ сотъ или двухъ сотъ пятидесяти сажень, а съ лодокъ товары перегружались на высокія телѣги и перевозились лошадьми, бредущими въ водѣ по уши. Несмотря однакоже на такія неудобства, богатство страны, орошаемой Дономъ и Волгою, привлекало въ Таганрогъ довольно значительную часть нашей заграничной торговли (3). Что̀ касается климата, то городъ подверженъ сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, быстро охлаждающимъ температуру, и къ тому-же испаренія тинистаго порта оказываютъ вредное вліяніе на здоровье жителей (4). Опытные врачи совѣтовали Государю отправиться въ Крымъ, гдѣ климатъ несравненно благопріятнѣе, нежели въ Таганрогѣ, но онъ не обратилъ вниманія на ихъ представленія. Императрица, съ своей стороны, казалась весьма довольна выборомъ назначеннаго для нея мѣстопребыванія. „Видно — Таганрогъ полезенъ для здоровья Государя — сказала она. — А мнѣ съ нимъ будетъ хорошо вездѣ“ (5).

Императоръ Александръ, на основаніи предварительно собранныхъ свѣдѣній, не полагалъ, чтобы пребываніе въ Таганрогѣ могло оказать вредное вліяніе на здоровье Императрицы; самъ-же онъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше, и только доходившія до него донесенія о зловѣщихъ слухахъ, ходившихъ въ народѣ, усиливали тревожное состояніе его духа. 20 августа, сгорѣла до основанія прекрасная церковь Св. Преображенія, въ Литейной части; многіе сочли этотъ несчастный случай Божіей карою за дозволеніе постройки католическаго храма въ Царскомъ Селѣ. Незадолго предъ тѣмъ, появилась небольшая комета, усмотрѣнная съ дерптской обсерваторіи въ ночи 11

(23) іюля, и хотя ее нельзя было видѣть безъ пособія телескопа, однакоже въ слѣдующія ночи всѣ петербургскіе жители искали ее съ напряженнымъ вниманіемъ — разумѣется напрасно. Но вслѣдъ за тѣмъ, появилась другая комета, доступная зрѣнію и безъ помощи трубъ, и какъ она двигалась по направленію отъ сѣвера къ югу, то многіе находили въ томъ предзнаменованіе, относившееся къ путешествію Государя. Императоръ Александръ, узнавъ объ этихъ толкахъ, сказалъ Императрицѣ: „у насъ съ тобою двѣ кометы, твоя и моя; онѣ идутъ вмѣстѣ и кажется дружны между собою“ (6).

Государь выѣхалъ изъ Петербурга, 1 (13) сентября, съ начальникомъ главнаго штаба, барономъ Дибичемъ, и лейбъ-медикомъ Вилліе; а Императрица Елисавета Алексѣевна отправилась два дня спустя, 3 (15), въ сопровожденіи генералъ-адъютанта, князя Волконскаго. За два дня до отдѣзда, Государь, вмѣстѣ съ Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ, Великою Княгинею Александрою Ѳеодоровною и высшими государственными сановниками, прибылъ къ 11-ти часамъ утра въ Александро-Невскую Лавру, гдѣ ожидало его все знатнѣйшее столичное духовенство. По совершеніи литургіи соборнѣ митрополитомъ Серафимомъ, въ присутствіи дипломатическаго корпуса, Государь посѣтилъ митрополита, и принявъ предложенный имъ завтракъ, отозвалъ въ сторону святителя. „Прошу васъ — сказалъ онъ шопотомъ — отслужить для меня одного послѣзавтра, въ 4 часа утра, панихиду, которую желаю отслушать предъ отъѣздомъ въ южныя губерніи“. — „Панихиду?“ — спросилъ митрополитъ, удивленный столь неожиданною просьбою. — „Да! — отвѣчалъ Государь съ тяжкимъ вздохомъ. — Отправляясь куда-либо, я обыкновенно приношу молитву въ Казанскомъ Соборѣ, но

настоящее путешествіе мое не похоже на прежнія.... И къ тому-же, здѣсь почиваютъ мои малолѣтныя дочери и вблизи отсюда столь-же дорогая мнѣ.... Да будетъ мой путь подъ покровомъ этихъ Ангеловъ!" Тогда-же Императоръ изъявилъ волю, чтобы на паннихидѣ находилась вся братія Лавры, но чтобы никто изъ постороннихъ не зналъ о намѣреніи его присутствовать при сей божественной службѣ.

1 (13) сентября, еще до разсвѣта, митрополитъ, со всею братьею Александро-Невской Лавры, въ траурномъ облаченіи, ожидалъ Государя у вратъ монастыря. Императоръ, прискакавъ въ коляскѣ, запряженной тройкою, вышелъ изъ экипажа, приложился къ кресту и принялъ благословеніе святителя. По совершеніи паннихиды, митрополитъ пригласилъ Государя въ свою келью, „Хорошо — отвѣчалъ Александръ, — но только на нѣсколько минутъ; я уже опоздалъ полчаса". Какъ Государь казался углубленнымъ въ задумчивости, оставаясь въ безмолвіи, то Серафимъ, желая разсѣять его думу и зная, что онъ питалъ особенное благоволеніе къ схимникамъ, сказалъ ему, что недавно поселился въ монастырѣ такой отшельникъ. „Не пожелаете-ли, Ваше Величество, чтобы я приказалъ позвать его?" — спросилъ Серафимъ. — „Пусть придетъ онъ — отвѣчалъ Государь. — Я охотно приму его и попрошу помолиться за меня". Нѣсколько минутъ спустя, вошелъ почтенный старецъ, изможденный трудомъ и лишеніями. Александръ принялъ его ласково, бесѣдовалъ съ нимъ и пожелалъ получить отъ него напутственное благословеніе. Исполнивъ Монаршую волю, схимникъ сталъ просить Государя, чтобы онъ удостоилъ посѣтить его убогую келью. Государь изъявилъ согласіе и послѣдовалъ за отшельникомъ въ его обиталище. Войдя туда, Александръ былъ пораженъ мрачнымъ

видомъ окружавшихъ его предметовъ: вся келья была обита чернымъ сукномъ; такія-же скамьи стояли вдоль стѣнъ, у одной изъ коихъ стоялъ большой крестъ и теплилась денно и нощно передъ образами лампада. Престарѣлый схимникъ, павъ ницъ у подножія креста, обратился къ Монарху: „Государь! Помолимся" — сказалъ онъ, и совершивъ молитву тихимъ голосомъ, пригласилъ Императора и митрополита присѣсть на скамью: самъ-же съ трудомъ лишь рѣшился занять мѣсто въ почтительномъ отдаленіи отъ Государя. „Какъ зовутъ его?" спросилъ Александръ тихо митрополита. — „Алексѣй — отвѣчалъ митрополитъ, понизивъ голосъ. — Онъ проводитъ время безпрестанно въ постѣ и молитвѣ. Истинно — чудо, какъ можетъ онъ жить почти безъ пищи и безъ сна". — „Дѣйствительно, здѣсь нѣтъ постели и даже соломы" — продолжалъ Александръ. „Государь! — перервалъ схимникъ. — И у меня есть постель не хуже другихъ; я вамъ покажу ее прежде, нежели Богъ вамъ пошлетъ такую-же", и произнеся эти слова гробовымъ голосомъ, подошелъ къ углу своей кельи, гдѣ, за чернымъ покровомъ, въ небольшомъ альковѣ, стоялъ открытый гробъ, окруженный горящими свѣчами. „Вотъ мое ложе — сказалъ монахъ — и оно принадлежитъ не мнѣ одному, но всѣмъ людямъ. Мы всѣ успокоимся на немъ послѣднимъ сномъ вѣчнымъ". Александръ, подъ вліяніемъ словъ отшельника, оставался недвижимъ. Тогда схимникъ, какъ-бы восторженный, продолжалъ: „Государь! Я старъ и много видѣлъ, и потому внимай моему слову: до моровой язвы 1771 года, въ Москвѣ, нравы были чище, народъ былъ болѣе преданъ вѣрѣ Господней. За тѣмъ, развратъ объялъ святую Русь. Двѣнадцатый годъ былъ временемъ покаянія и обращенія къ лучшему: но, по окончаніи войны, зло достигло еще высшей степени. Ты Го-

сударь и властитель нашъ; тебѣ довлѣетъ стоять на стражѣ общественныхъ нравовъ; ты — старшій сынъ Православной Церкви и хранитель истинной вѣры — долженъ ратовать въ ея защиту. Таковъ завѣтъ Бога, Царя Царей!“ Слова отшельника произвели неизгладимое впечатлѣніе на Императора Александра. Выходя изъ мрачной кельи, онъ просилъ маститаго старца еще разъ благословить его. „Этотъ схимникъ — пророкъ“ — сказалъ онъ Серафиму. Послѣднія слова Государя, при выѣздѣ изъ Лавры, были: „Любезные братья о Христѣ! Молитесь за меня, молитесь за Императрицу!“ (7).

Еще наканунѣ, когда внезапно нашли тучи и омрачилось небо, Александръ, занимаясь у себя въ кабинетѣ, спросилъ огня, и нѣсколько разъ повторилъ это приказаніе, прежде нежели принесли ему двѣ зажженныхъ свѣчи. Нѣсколько времени спустя, когда разсѣялись облака и появилось солнце во всемъ своемъ блескѣ, служитель поспѣшно вошелъ въ кабинетъ и сталъ торопливо убирать свѣчи. „Что̀ это ты дѣлаешь, Өедоръ? — сказалъ Государь. — Подождалъ-бы, по крайней мѣрѣ, пока окончу писать“. — „Ваше Величество! отвѣчалъ старый слуга. — У насъ не водится днемъ зажигать свѣчи“. — „Право? А я не зналъ о томъ. Но почему-же ты это считаешь дурнымъ? — спросилъ Императоръ. — „Потому, что комната освѣщенная днемъ похожа на ту, въ которой ставятъ покойниковъ“ — сказалъ Өедоръ.

Императоръ Александръ совершилъ путешествіе весьма быстро, и не смотря на то, что нѣсколько разъ останавливался на пути, прибылъ въ Таганрогъ 14 (26) сентября. Императрица, хотя и дала ему слово ѣхать не торопясь, однакоже была въ дорогѣ не болѣе 20 дней. Государь выѣхалъ ей на встрѣчу, 23 сентября (5 октября), и водворилъ ее въ домѣ,

приготовленномъ для Августѣйшихъ посѣтителей, гдѣ все было устроено по образцу столь любимаго Александромъ Царскаго Села (8). Въ ожиданіи Императрицы, Государь постоянно занимался приспособленіемъ покоевъ для удобнаго пребыванія своей супруги, а по прибытіи ея, въ первые дни, посвящалъ ей все свободное время, то бесѣдуя съ нею, то сопровождая ее на прогулкахъ пѣшкомъ, либо въ колнскѣ. Какъ здоровье Императрицы замѣтно шло къ лучшему, то Государь могъ удѣлить нѣсколько дней на обозрѣніе ближайшей страны, проѣхалъ по берегу Азовскаго моря до устья Дона, посѣтилъ города Ростовъ и Нахичевань, отправился въ Новочеркаскъ, и обозрѣвъ нѣсколько станицъ донскихъ казаковъ, возвратился чрезъ Азовъ въ Таганрогъ. За тѣмъ, пользуясь отличною погодою, во всю первую (послѣднюю по нов. ст.) половину октября, Государь уступилъ настояніямъ новороссійскаго генералъ-губернатора графа Михаила Семен. Воронцова, предложившаго ему посѣтить Крымъ. Имѣя намѣреніе осуществить завѣтную мечту своей юности—поселиться гдѣ-либо въ странѣ, богатой дарами природы, и вести жизнь частнаго человѣка, Александръ избралъ къ тому Крымъ, и, говоря о приглашеніи графа Воронцова, сказалъ: „добрымъ сосѣдямъ слѣдуетъ жить въ согласіи". Вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ, занимаясь выборомъ мѣста для дворца въ Крыму и проектомъ его постройки, Государь изъявлялъ желаніе, чтобы все было устроено тамъ, какъ можно проще,—„чтобы переходъ къ частной жизни не былъ слишкомъ рѣзокъ", сказалъ онъ. „И ты, вмѣстѣ со мною выйдешь въ отставку, и будешь у меня библіотекаремъ", говаривалъ онъ князю Волконскому (9).

По плану, заранѣе начертанному во всей подробности, поѣздка Императора въ Крымъ должна была

продолжаться 17 дней. Отправясь изъ Таганрога, 20 октября (1 ноября), Государь прибылъ, два дня спустя, въ Молочанскія колоніи Менонистовъ. При выходѣ его изъ коляски у перваго изъ менонистскихъ поселеній — фермы Штейнбахъ, онъ былъ встрѣченъ старшинами колоній, вручившими ему письменное привѣтствіе. Потомъ, войдя въ комнаты, Государь сталъ говорить очень милостиво съ хозяиномъ и хозяйкою дома, и сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ мелитопольскому исправнику о генералѣ Инзовѣ и прочихъ начальникахъ иностранныхъ колоній, пожелалъ знать: сколько вышло менонистовъ изъ Пруссіи въ прошломъ году; въ чемъ состоятъ главныя занятія колонистовъ, и бываютъ-ли за ними недоимки? Исправникъ отвѣчалъ, что въ 1824 году вышло изъ Пруссіи пять семей, что менонисты преимущественно упражняются улучшеннымъ скотоводствомъ, землedѣліемъ и разными ремеслами, и что за ними случаются недоимки весьма рѣдко. За тѣмъ, Государь спросилъ: „бываютъ-ли между ними важныя уголовныя преступленія?"—„Въ продолженіи восьми-лѣтняго моего управленія — отвѣчалъ исправникъ — случилось только одно".—„Какое?" — „Одинъ менонистъ, въ нетрезвомъ видѣ, переѣхалъ повозкою ребёнка на дорогѣ". — „Это неумышленно. А развѣ бываютъ между ними пьяницы?"—„Весьма рѣдко". — „Это хорошіе люди", сказалъ Государь. Потомъ спросилъ: „мирно-ли они живутъ съ своими сосѣдями Нагайцами", и получилъ отвѣтъ, что послѣдніе иногда безпокоятъ менонистовъ, но мѣстное начальство старается всѣми средствами сохранять порядокъ. При въѣздѣ Государя въ ферму, всѣ окна тамошнихъ строеній были полны менонистокъ въ праздничныхъ нарядахъ, какъ вдругъ поднялась буря съ проливнымъ дождемъ. Государь сказалъ: „шквалъ! шквалъ!

Ces pauvres femmes seront toutes mouillèes". (Эти бѣдныя женщины совершенно измокнутъ), и обратясь къ Виллiè и къ Соломкѣ, спросилъ: у кого они ночевали въ Нагайскѣ и хороши-ли были у нихъ квартиры?

Между тѣмъ Миллеръ подалъ обѣдъ. Государь, увидя костяной ножъ, коимъ Виллiè рѣзалъ хлѣбъ, и посмотрѣвъ на надпись ножа, сказалъ: „*Москва*, латинскими буквами! Наши фабриканты имѣютъ страсть или писать на своихъ произведенiяхъ *Лондонъ* и *Парижъ*, или хотя и *Москву* либо *Петербургъ*, но всетаки иностранными буквами". Послѣ обѣда, Императоръ, принявъ съѣхавшихся изъ разныхъ колонiй менонистскихъ старшинъ, спросилъ у нихъ: „всѣмъ-ли они довольны и не имѣютъ-ли какихъ жалобъ?" и получивъ отвѣтъ, что они довольны и счастливы во всѣхъ отношенiяхъ, и что имъ остается только благодарить Государя за всѣ его милости, сказалъ: „я также доволенъ вами за мирную жизнь и трудолюбiе, но желаю, чтобы вы основали лѣсныя плантацiи, особенно изъ американскихъ акацiй, весьма успѣшно въ этихъ мѣстахъ растущихъ, по полдесятины на хозяина".

Въ колонiи Орловѣ, гдѣ перемѣнялись лошади у одного менонистскаго дома, отличавшагося отъ прочихъ величиною и внѣшнимъ видомъ, Императоръ Александръ вышелъ изъ коляски и посѣтилъ домъ. Хозяинъ его побѣжалъ перемѣнять кафтанъ; оробѣвшая хозяйка прижалась въ углу, у переднихъ дверей; малолѣтныя дочери исправника, нарочно прiѣхавшiя изъ Екатеринослава, чтобы видѣть Государя, находились въ другой комнатѣ, дверь которой была отворена. Императоръ вошелъ туда, обласкалъ дѣтей, и узнавъ отъ хозяина, что стоявшая въ углу первой комнаты женщина — хозяйка дома, взялъ ее за руку. Хозяйка, полагая, что Государь хочетъ по-

жать ей руку, протянула ее; но когда онъ неожиданно поцѣловалъ у ней руку, менонистка, пораженная тѣмъ, поблѣднѣла и не была въ состояніи произнести ни слова.

На слѣдующій день, Государь, отъѣхавъ шестьдесятъ верстъ отъ колоній, обѣдалъ на хуторѣ помѣщика Прудницкаго. За столомъ, когда зашла рѣчь о менонистахъ, одинъ изъ присутствовавшихъ сказалъ, что онъ просилъ начальство колонистовъ о прісканіи ему менонистскаго семейства въ его тамбовскую деревню, для управленія скотоводствомъ. Государь на это замѣтилъ: „желаю тебѣ успѣха, но врядъ-ли что изъ того выйдетъ. Всякій менонистъ, поселяясь здѣсь, ищетъ положить основаніе благосостоянію не только собственному, но и потомства своего; въ кругу своихъ собратій, онъ находится какъ-бы въ коренномъ отечествѣ своемъ; они помогаютъ ему въ его нуждахъ, знакомятъ его съ мѣстнымъ положеніемъ, обстоятельствами, и проч. а у тебя, въ отдаленности отъ нихъ, онъ будетъ лишенъ всѣхъ этихъ удобствъ. Сверхъ того, я не думаю, чтобы ихъ общество согласилось отпустить отъ себя хорошаго человѣка, изъ опасенія, чтобы онъ не испортился нравственно и не сдѣлалъ навыка къ обычаямъ и порокамъ, кои доселѣ имъ чужды; а въ дурномъ — тебѣ мало будетъ пользы“. Послѣдствія совершенно оправдали заключеніе Государя: никто изъ извѣстныхъ по хорошимъ качествамъ менонистовъ не согласился оставить своихъ товарищей ([10]).

Вечеромъ 24-го октября (5 ноября) Императоръ Александръ прибылъ въ главный городъ Тавриды—Симферополь, и переночевавъ тамъ, отправился на южный берегъ, столь извѣстный и своимъ превосходнымъ климатомъ, и роскошною растительностью, напоминающими Италію. Но для достиженія этой оча-

ровательной страны, надлежало переѣхать черезъ горы, и на этомъ пути Государь сдѣлалъ 35 верстъ верхомъ, по чрезвычайно труднымъ дорогамъ и усѣяннымъ камнями тропинкамъ. Утомленіе на семъ пути и отступленія отъ обычной діеты Августѣйшаго путешественника причинили ему разстройство желудка, бывшее началомъ его тяжкой болѣзни. 25 октября (6 ноября), Государь прибылъ въ Алупку, гдѣ графъ Воронцовъ, въ великолѣпномъ дворцѣ своемъ, принималъ Высокаго гостя. Оттуда — Императоръ проѣхалъ чрезъ Ливадію и Оріанду въ Ялту, осмотрѣлъ знаменитый садъ въ Никитѣ и возвратился въ Алупку. Желая ознакомиться ближе съ бытомъ туземцевъ, Александръ посѣтилъ пѣшкомъ небольшую колонію княгини Голицыной, гдѣ въ то время свирѣпствовала повальная лихорадка, и переночевалъ у Татарина, удивленнаго случаемъ оказать гостепріимство повелителю Сѣвера. Государь восхищался прогулками въ очаровательной странѣ, гдѣ для него все было ново, ходилъ много пѣшкомъ, одинъ, безъ всякой свиты, и нерѣдко уставалъ болѣе, нежели слѣдовало. Изъ Алупки онъ отправился чрезъ высокую гору на дачу Мордвинова, проѣхалъ верхомъ сорокъ верстъ, и наконецъ прибылъ въ байдарскую долину, гдѣ ожидали его царскіе экипажи. Но Государь, и при дальнѣйшемъ путешествіи къ Севастополю, совершилъ нѣсколько поѣздокъ верхомъ, осмотрѣлъ Балаклаву, посѣтилъ живописныя мѣста монастыря Св. Георгія, и забывая усталость, подвергался вредной вечерней свѣжести воздуха. По прибытіи въ Севастополь, 27 октября (8 ноября), въ девятомъ часу вечера, онъ, по своему всегдашнему обычаю, тотчасъ отправился въ главную церковь и выйдя оттуда, сдѣлалъ смотръ морскимъ экипажамъ. Весь слѣдующій день былъ посвященъ флоту. Рано утромъ, Государь присутство-

валъ при спускѣ вновь построеннаго корабля и соизволилъ принять на немъ завтракъ, а потомъ поѣхалъ въ морской госпиталь, за три версты отъ города. Нѣсколько часовъ прошли въ пріемѣ почетныхъ лицъ, желавшихъ представиться Его Величеству; за тѣмъ, послѣ прогулки пѣшкомъ по морскому прибрежью, Государь отправился въ шлюпкѣ къ линейному кораблю, стоявшему на рейдѣ, и осмотрѣвъ его, посѣтилъ морскіе госпитали и наконецъ присутствовалъ при стрѣльбѣ калеными ядрами съ Александровской батареи. Возвратясь уже поздно вечеромъ въ городъ, Государь отобѣдалъ со всѣми адмиралами Черноморскаго флота и не давъ себѣ нималѣйшаго отдыха, занимался нѣсколько часовъ съ начальникомъ главнаго штаба Дибичемъ. Здѣсь, говоря о революціонныхъ смутахъ, угрожавшихъ спокойствію Европы, и о своихъ усиліяхъ сохранить порядокъ, Государь, между прочимъ, сказалъ: „Et pourtant—on a beau dire ce qu'on veut de moi, j'ai vécu et je mourrai républicain!“ (А всё-таки—чтобы не говорили о мнѣ, я жилъ и умру республиканцемъ). На слѣдущій день, 29 октября (10 ноября), Императоръ, обозрѣвъ Сѣверное укрѣпленіе, отправился въ Бахчисарай, переночевалъ во дворцѣ бывшихъ татарскихъ хановъ, столь-же грязномъ и неудобномъ въ дѣйствительности, сколько великолѣпномъ въ стихахъ нашего великаго поэта, и поѣхалъ въ Джуфутъ-Кале, главное мѣсто караимскихъ колоній, гдѣ посѣтилъ нѣсколько синагогъ, а на обратномъ пути остановился въ греческомъ монастырѣ. За тѣмъ, обѣдалъ въ ханскомъ дворцѣ, угощая муфтія и нѣсколькихъ татарскихъ мирзъ (князей), очарованныхъ его ласковымъ пріемомъ и веселостью, и пожелавъ видѣть ихъ мечети, присутствовалъ при нѣкоторыхъ обрядахъ Ислама. Возвратясь во дворецъ, Государь послалъ за лейбъ-медикомъ

Виллiе, говорилъ о своихъ опасенiяхъ на счетъ здоровья Императрицы Елисаветы, по случаю полученнаго ею извѣстiя о кончинѣ зятя ея, Короля Максимилiана Баварскаго, и изъявилъ сожалѣнiе, что, находясь отъ нея далеко, не можетъ утѣшать ее въ горѣ. Потомъ, будтобы къ слову, сознался, что онъ и самъ нездоровъ разстройствомъ желудка, и что уже нѣсколько ночей спалъ безпокойно. „Впрочемъ—прибавилъ онъ съ усмѣшкою – я не вижу надобности ни въ васъ, ни въ вашей латинской кухнѣ, и сумѣю вылѣчить себя самъ. Къ тому-же, я твердо надѣюсь на милость Божiю и на мою крѣпкую натуру“. Несмотря на довѣрiе, коимъ Императоръ Александръ удостоивалъ Виллiе, всѣ настоянiя лейбъ-медика — принять лекарство для предупрежденiя болѣзни, остались напрасны. „Моя жизнь въ рукахъ Божiихъ; ничто не можетъ измѣнить начертаннаго мнѣ предѣла“: таковъ былъ отвѣтъ Александра.

А, между тѣмъ, болѣзнь его усиливалась; обычная ему веселость исчезла; онъ говорилъ мало и проводилъ цѣлые часы въ дремотѣ, либо въ мрачной задумчивости.

31-го октября (12 ноября), прибывъ въ Евпаторiю, Государь осмотрѣлъ церкви, мечети, синагогу, казармы и карантинъ, говорилъ долго на молѣ съ капитаномъ турецкаго судна и принялъ депутацiю жителей города, съ просьбою о возстановленiи у нихъ порто-франко. Въ Перекопѣ, Императоръ, превозмогая сильный пароксизмъ лихорадки, посѣтилъ госпиталь. Но далѣе, онъ продолжалъ путь уже безостановочно и 5 (17) ноября, почти согласно съ маршрутомъ, возвратился въ Таганрогъ. Князь Волконскiй, встрѣтивъ его, спросилъ о здоровьѣ. „Довольно хорошо — отвѣчалъ Государь. — Впрочемъ, я досталъ въ Крыму небольшую лихорадку, и несмотря на про-

славленный тамошній климатъ, убѣдился, что Таганрогъ лучше для пребыванія Императрицы" [11]. Александръ провелъ весь вечеръ въ покояхъ супруги своей и на слѣдующій день обѣдалъ вмѣстѣ съ нею и занимался въ своемъ кабинетѣ. Прибывшій изъ Елисаветграда графъ Виттъ, будучи принятъ Государемъ, донесъ ему о заговорѣ Пестеля во 2-й арміи. Хотя Императоръ Александръ уже зналъ о томъ, однакоже новыя подробности, сообщенныя графомъ Виттомъ, произвели на него глубокое впечатлѣніе; пароксизмъ лихорадки былъ гораздо сильнѣе прежнихъ. Вилліе предложилъ принимать хининъ; но Государь не согласился на то, приписывая усиленіе своей болѣзни разстройству нервовъ. „Въ настоящее время, есть много причинъ тому, и болѣе нежели когда-либо", сказалъ онъ, заливаясь слезами. Къ вечеру генералъ-маіоръ Арнольди, исправлявшій должность коменданта въ городѣ, явился за полученіемъ пароля. Государь казался спящимъ и окружавшіе его говорили между собою шопотомъ; но Александръ услышалъ о чемъ шло дѣло, и сказалъ: „пароль — *Таганрогъ*". — „Позовите ко мнѣ Арнольди" — продолжалъ онъ, и когда Арнольди подошелъ къ дивану, Государь, взглянувъ на него пристально, спросилъ: „Знаешь-ли полковника Пестеля?" — „Онъ мой зять, весьма храбрый офицеръ" — отвѣчалъ Арнольди. — „Онъ мятежникъ; онъ питаетъ преступные замыслы. Я слѣжу за нимъ" — сказалъ Александръ [12]. Императрица оставалась у него до десяти часовъ и уговорила его принять лекарство. Еще на-канунѣ онъ собственноручно писалъ вдовствующей Императрицѣ о своемъ возвращеніи изъ Крыма, и не скрывъ отъ нея постигшей его болѣзни, старался успокоить ее увѣреніями, что онъ бережетъ себя и что здоровье его не представляетъ ничего опаснаго. Съ 7-го (19-го) ноября, годовщины

наводненія въ Петербургѣ, болѣзнь Государя стала замѣтно усиливаться. 9-го (21-го), онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, но не будучи въ состояніи писать самъ, поручилъ князю Волконскому извѣстить о томъ вдовствующую Императрицу; а 12-го (24-го) приказалъ Дибичу написать въ Варшаву, къ генералу Курутѣ, для донесенія Великому Князю Константину Павловичу, что Государь, на возвратномъ пути изъ Крыма, подвергся болѣзненнымъ припадкамъ, которые, по мнѣнію врачей, обратились въ перемежающуюся лихорадку; вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ Дибичъ писалъ, что есть надежда на благопріятный исходъ болѣзни, которая, по видимому, приняла оборотъ къ лучшему, и что, во всякомъ случаѣ, доведено будетъ чрезъ нарочныхъ курьеровъ до свѣдѣнія Его Высочества о дальнѣйшемъ ходѣ здоровья Августѣйшаго больнаго ([13]).

Чрезъ нѣсколько дней, Государь уже не могъ сходить съ поставленнаго въ его кабинетѣ дивана. Императрица Елисавета не оставляла его почти ни минуты, не уступая никому обязанности усладить послѣднія минуты своего друга нѣжными заботами. При видѣ опасности угрожавшей ему, она не помышляла о своей собственной болѣзни. Уже ея дни были сочтены, и она отдавала ихъ радостно тому, кому была посвящена отъ самой юности вся жизнь ея. Казалось — самоотверженіе возстановило угасшія ея силы. А, между тѣмъ, припадки болѣзни Государя, обратившейся въ тифозно-желчную горячку, съ каждымъ днемъ дѣлались продолжительнѣе и сильнѣе. Изнуренный злокачественнымъ потомъ, онъ сохранялъ глубокое безмолвіе; а 14-го (26-го), будучи то въ безпамятствѣ, то въ бреду, вскричалъ громко, обратясь къ Виллiѐ: „другъ мой! какое дѣло, какое ужасное дѣло!“ Самъ Виллiѐ совершенно ясно разслышалъ эти слова; другіе сви-

дѣтели увѣряли, будтобы Государь повторилъ нѣсколько разъ: „чудовища! неблагодарные!“ и проч. Въ тотъ день, всѣ врачи, призванные подать мнѣніе о болѣзни Августѣйшаго страдальца, должны были сознаться, что уже не оставалось ни малѣйшей надежды на его выздоровленіе. Надлежало передать ужасную вѣсть Императрицѣ. „Государь не слушаетъ докторовъ — сказалъ ей князь Волконскій. — Пусть исполнитъ онъ долгъ христіанина. Быть-можетъ, голосъ религіи заставитъ его принять врачебныя пособія“. Императрица, видя въ предложеніи князя послѣднее средство къ спасенію своего супруга, подошла къ больному и стала просить его, чтобы онъ причастился Св. Таинъ. „Такъ я очень боленъ“, спросилъ Александръ. — „Нѣтъ, дорогой мой другъ, но ты не хочешь принимать никакихъ лекарствъ; попробуемъ этого“. — „Хорошо“, сказалъ Государь, и призвавъ Виллiè, спросилъ: дѣйствительно-ли его положеніе опасно? — „Да, Государь! — отвѣчалъ взволнованный медикъ. — Вамъ не угодно было принять мои совѣты; въ настоящую-же минуту считаю христіанскою обязанностью предупредить васъ, что вы не должны терять ни минуты“. Но вскорѣ за тѣмъ наступившій пароксизмъ заставилъ отложить религіозный обрядъ до слѣдующаго утра.

15-го (27-го), еще до разсвѣта, положеніе больнаго сдѣлалось такъ опасно, что Императрица тотчасъ послала за своимъ духовникомъ, который, будучи предупрежденъ о томъ еще наканунѣ, ночевалъ возлѣ царскаго кабинета, у гофъ-фурьера Бабкина. Въ 6 часовъ, протоіерей Федотовъ, съ крестомъ и св. дарами, вошелъ къ Государю. Александръ открылъ глаза и съ усиліемъ приподнялся, опираясь на локоть. „Я долженъ быть одинъ“, сказалъ онъ Императрицѣ. Всѣ вышли. „Садитесь — продолжалъ

онъ, обратясь къ священнику.—Забудьте мой санъ и обращайтесь со мною, какъ съ христіаниномъ". Послѣ краткой исповѣди, Государь пригласилъ къ себѣ свою супругу, сподобился при ней принять Св. Причастіе, поцѣловалъ крестъ и руку служителя божія, и прерывающимся, но выразительнымъ, голосомъ произнесъ слова благодарности ко Всевышнему: „Я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ положеніи, какъ теперь", сказалъ онъ. Императрица и священникъ, павъ на колѣни у постели Августѣйшаго больнаго, умоляли его, для блага ихъ, для блага всѣхъ, исполнить предписанія врачей. Всѣ они, Виллiѐ, Стофрегенъ и Александровичъ, совѣтовали употребить піявки. Государь согласился.

Во весь день, 16 (28), больной оставался въ летаргическомъ снѣ, отъ времени до времени, прерываемомъ конвульсіями. Къ вечеру, едва можно было замѣтить признаки жизни; но пульсъ показывалъ до ста двадцати пяти біеній въ минуту. На слѣдующее утро, въ восемь часовъ, казалось, болѣзнь приняла лучшій видъ. Мушки и другія сильныя средства прекратили тяжкое усыпленіе Государя. Онъ открылъ глаза, поцѣловалъ обѣ руки Императрицы и прижалъ ихъ къ сердцу. Замѣтивъ обычную улыбку на устахъ Александра, обрадованный Волконскій хотѣлъ поцѣловать его руку, но онъ живо отнялъ ее, какъ будто съ упрекомъ. Наконецъ, прервавъ молчаніе, произнесъ: «Comme il fait beau!» (какой прекрасный день!), и обратясь къ Императрицѣ, сказалъ почти вслухъ: „Ты, должно быть, очень устала". Но нѣжная, самоотверженная Елисавета не чувствовала утомленія. Виллiѐ сказалъ ей, что еще не слѣдовало отчаяваться. Обрадованная словомъ надежды, она спѣшила передать его Августѣйшей матери Государя. Немедленно былъ отправленъ курьеръ въ Петербургъ съ

утѣшительнымъ извѣстіемъ. Оно пришло черезъ десять дней, поутру 26 ноября (8 декабря), одними лишь сутками ранѣе другаго, роковаго извѣстія, о кончинѣ Государя.

Послѣдній лучъ надежды, озарившій ложе Августѣйшаго больнаго, былъ встрѣченъ радостно жителями Таганрога. Утромъ 17 (29), всѣ бросили свои обычныя занятія; всѣ домы были пусты, всѣ лавки — заперты; и старый — и малый, стекались въ соборъ на молебствіе о здравіи Государя; всѣ плакали и самъ священникъ неоднократно прерывалъ чтеніе молитвъ рыданіями. Къ вечеру, больному опять сдѣлалось хуже; силы его замѣтно истощались, и возобновился тяжелый сонъ, волнуемый конвульсіями. Въ ночи съ 18-го на 19-е (съ 30-го ноября на 1-е декабря), князь Волконскій старался удалить Императрицу, пріискавъ для нея въ городѣ другое помѣщеніе. Но Елисавета, съ твердостью, не допускавшею настояній, сказала: „Я увѣрена, что вы раздѣляете мою горесть. Вы знаете, что не блескъ царскаго вѣнца привлекалъ меня къ мужу. И по тому, умоляю васъ, не разлучайте меня съ нимъ въ его послѣднія минуты“.

Утромъ 19 ноября (1 декабря), больной открылъ глаза. Уже онъ не могъ говорить, но еще узнавалъ всѣхъ, собравшихся кругомъ его постели. Едва будучи въ силахъ подать почти незамѣтный знакъ, онъ пожелалъ, чтобы Императрица подошла къ нему ближе, и поцѣловалъ у ней руку. Это было послѣднее прощаніе... Настало предсмертное хрипѣніе и душа Александра отлетѣла въ вѣчность. Было десять часовъ пятьдесятъ минутъ ([14]).

Донесенія объ ужасномъ событіи были посланы, въ тотъ-же день, начальникомъ главнаго штаба, барономъ Дибичемъ, Великому Князю Константину Пав-

ловичу, въ Варшаву, и вдовствующей Императрицѣ, въ Петербургъ. Неутѣшная Елисавета нашла въ себѣ довольно силъ, чтобы написать къ Маріи Θеодоровнѣ слѣдующія строки:

„Маменька! Нашъ Ангелъ въ небесахъ, а я еще влачу жизнь на землѣ. Кто думалъ, чтобы я, слабая больная, могла пережить его? Не оставляйте меня... Я одна, совершенно одна, въ этомъ плачевномъ мірѣ... Нашъ милый другъ сохранилъ обычный ему благосклонный видъ; его посмертная улыбка убѣждаетъ меня въ томъ, что онъ счастливъ, что тамъ лучше нежели здѣсь.... Въ такой потерѣ, единственное мое утѣшеніе — надежда вскорѣ соединиться съ нимъ" ([15]).

Вся Россія оплакивала Александра: тому были тысячи свидѣтелей, и сомнѣваться въ искренности такихъ слезъ былобы — обвинить въ лицемѣріи весь народъ русскій.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXVIII.

---

(1) Журналы совѣщаній лайбахскаго конгресса, отъ 11 и 12 генваря н. ст. 1821 года.

(2) Журналъ совѣщаній конгреса, отъ 4 (16) генваря 1821 года.

(3) Журналъ совѣщаній конгреса, отъ 9 (21) генваря 1821 года.

(4) Журналъ совѣщаній конгреса, отъ 16 (28) и 18 (30) генваря 1821 года.

(5) Журналъ совѣщаній конгреса, отъ 21 генваря (2 февраля) 1821 года.

(6) Журналъ совѣщаній конгреса, отъ 8 (20) февраля 1821 года.

(7) Журналъ совѣщаній конгреса, отъ 9 и 10 (21 и 22) февраля 1821 года.

(8) Gervinus. Histoire du dix-neuvième siècle depuis les traités de Vienne. Trad. par Minssen. VIII. 245—257.

(9) Gervinus. VIII. 263—291.

(10) Составъ русской арміи, назначенной въ 1821 году для движенія въ Италію.

Литовскій корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Довре	36,550 челов.
1-й арміи:	
3-й пѣхотный корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Рота	37,290 »
4-й резервный кавалерійскій корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бороздина	10,678 »
2-й арміи:	
Корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Рудзевича	28,382 »
Всего . .	112,900 челов.

(Записки Ермолова. II. Прил. къ стран. 137-й).

(11) Записки Ермолова во время управленія Грузіей. 125—126

(12) Извѣстія изъ австрійской арміи. (Арх. мин. иностр. дѣлъ).

(13) Gervinus. VIII. 299—315.

(14) Палеологъ и Сивинисъ. Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи. 10—12. — Записки князя Ханджери (рукопись).

(15) Θеоктистовъ. Борьба Греціи за независимость. 32—33.

(16) Записки Ханджери.

(17) Записки Ханджери — Θеоктистовъ 37.

(18) Палеологъ и Сивинисъ. 14—26.—Θеоктистовъ. 37—38.

(19) Письмо графа Каподистріа къ князю Александру Ипсиланти, отъ 26 марта 1821 года изъ Лайбаха.

(20) Палеологъ и Сивинисъ. 17.—18. — Gervinus. XII. 41 — 44. — Θеоктистовъ. 42—44.

(21) Gervinus. XII. 56

(22) Gervinus. XII. 98—101. — Донесенія барона Строганова, отъ 15 (27) апрѣля, 27 апрѣля (9 мая) и 7 (19) мая. – Письмо Строганова къ графу Нессельроду, отъ 15 (27) апрѣля. (Помѣщено въ особомъ Приложеніи къ сей главѣ).

(23) Нота барона Строганова, отъ 24 мая (5 іюня).

(24) Нота отъ 16 іюня, сообщенная дивану 18 іюля н ст. 1821 ода.

(25) Freih. v. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche. I. 78—82.

(26) Черновыя записки и соображенія генералъ-адъютанта барона Дибича, о дѣйствіяхъ противъ Турціи, читанныя имъ Императору Александру I, въ Царскомъ Селѣ, въ 1821 году.

Письмо барона Строганова къ графу Нессельроду.

Péra, ce 15 (27) Avril, à deux heures du matin, 1821.

La catastrophe exécrable que je signale aujourd'hui a abimé tout mon être, et je ne puis définir encore le sentiment qui m'agite: c'est plus que de la douleur, c'est une indignation profonde qui bouleverse, exaspère et fait naitre en moi la première impression haineuse qui aie jamais pénétré dans mon coeur.

Vous jugerez, Monsieur le Comte, de l'effort que j'ai dû faire sur moi-même, par la modération de la note que j'ai présenté à la Porte sur cet objet. Je n'ai encore agi qu'à titre de Chrétien. Faites moi parler au nom de l'Empereur, dictez moi le langage que je dois tenir et garottez moi, s'il se peut, pour m'empêcher d'en dire davantage.

Je n'ai pu résister au besoin de citer cet horrible attentat dans la note collective, dont la redaction avait été confiée à mes soins et qui après de legers changemens avait été adoptée par tous mes collegues, y compris l'ambassadeur britannique, qui très subitement a cru devoir changer d'avis, ainsi que Vous l'observerez dans une de mes dépèches du jour. Il va s'en faire probablement un mérite près de la Porte, quoiqu'il ne nous aye pas déguisé qu'il avait déjà invité l'amiral anglais qui croise dans la Méditerranée de détacher

de son escadre un vaisseau et une frégate vers les Dardanelles. Il eut été bien plus généreux d'en prévenir la Porte ainsi qu'on etait convenu de le faire: c'eut été un moyen de prévenir toute nouvelle complication.

Je n'ai rien à ajouter, Monsieur le Comte, à l'expédition du jour. Ma lettre est courte; j'ai la fièvre dans le sang, un brasier dans le cerveau et la mort dans l'ame. Envoyez nous vite un courier; je compte les instans, et s'il me trouve en vie, je manierai avec ferveur les foudres du chef révéré de l'Eglise Orthodoxe. Agréez, je Vous prie, les assurances de mon inviolable attachement.

Stroganoff.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXIX.

(¹) Письмо верховнаго визиря графу Нессельроду, отъ 27 іюля 1821 года.

(²) Отзывъ лорда Кестельри (маркиза Лондондерн) англійскому резиденту при с. петербургскомъ дворѣ, кавалеру Беготу, отъ 28 октября н. ст. 1821 года, изъ Ганновера.—Письмо графа Нессельрода графу Головкину, отъ 27 ноября ст. ст. изъ Петербурга.

(³) ..... „quand même les désirs de l'Empereur devraient être trompés, quand même aucune démarche, aucune représentation n'ouvrirait les yeux au Divan sur ses véritables intérêts, l'Empereur, obligé de prendre les armes, ne les prendrait néanmoins ni pour reculer les frontières de la Russie, ni pour augmenter Son influence politique, mais simplement pour remplir les devoirs, que des Traités solennels Lui imposent envers Ses peuples d'une part, Ses coreligionnaires de l'autre, et aux quels S. M. I-le ne saurait jamais renoncer". Изъ письма графа Каподистріа графу Ливену, отъ 27 ноября ст. ст. 1821 года, изъ Петербурга.

(⁴) Записка лорда Странгфорда о совѣщаніи 16 февраля н. ст. 1822 года, въ Константинополѣ.

(⁵) Нота (note verbale), врученная тайнымъ совѣтникомъ Татищевымъ князю Меттерниху, 8 марта 1822 года. въ Вѣнѣ.—Проектъ протокола, сообщенный конфиденціально князю Меттерниху Татищевымъ и Головкинымъ, 12 апрѣля 1822 года.—Протоколъ, за подписью графа Бернсторфа и Алопеуса, 14 марта 1822 года.—Gervinus. Histoire du dixneuvième siècle depuis les traités de Vienne, trad. par Minssen. XIII. 47—48.

(⁶) Gervinus. XIII. 61—64 et 69.

(⁷) Письмо графа Нессельрода кавалеру Беготу, отъ 25 мая 1822 года.

(⁸) Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche. I. 165.

(⁹) Mémorandum sur la conférence de l'Ambassadeur d'Angleterre avec les ministres de la Porte, le 27 juillet 1822. — Observations sur le Mémorandum. Въ заключеніе этого документа сказано:

„....Sans vouloir inculper en aucune façon les intentions et la conduite du

Representant d'une Puissance amie dont la loyauté et les bonnes dispositions envers la Russie sont suffisamment connues, mais en résumant l'ensemble des observations que provoque le Mémorandum de L. Strangford, on est forcé de convenir que dans sa dernière conférence il n'a point reussi à faire envisager, sous leur vrai jour, les principes, les vues et les droits de S. M. l'Empereur Alexandre, et qu'en présentant aux ministres turcs une apologie indirecte de la conduite repréhensible du Divan à l'égard de la Russie, il leur a donné à croire, selon toute probabilité, que les Cabinets Alliés improuvaient celle du Cabinet de St. Pétersbourg". (Архивъ минист. иностр. дѣлъ).

(10) Извлечено изъ протокола совѣщанія 27 августа н. ст. 1822 года въ Константинополѣ.

(11) Comte Capo d'Istrias. Aperçu de ma carrière politique depuis 1798 jusqu'à 1822. (Рукопись хранящаяся въ Архивѣ минист. иностр. дѣлъ).

(12) Нота графа Нессельрода, отъ 26 сентября н. ст. 1822 года, въ Вѣнѣ.

(13) Ноты резидентамъ въ Мадридѣ: прусскому, отъ 22 ноября н. ст. русскому и австрійскому, отъ 26 ноября н. ст. 1822 года, изъ Вероны.

(14) Протоколы совѣщаній конгреса въ Веронѣ, 26 и 27 ноября н. ст. 1822 года.

(15) Chateaubriand. Congrès de Vérone. 1838. I. 157—158.

(16) Gervinus. XIII. 91—93.

(17) Инструкція лорду Странгфорду, отъ 14 февраля н. ст. 1823 года.—Prokesch. I. 195—196.

(18) Gervinus. XIII. 112—113 et 123—124.—Ѳеоктистовъ. Борьба Греціи за независимость. 103—105.

(19) Mémoire du cabinet de Russie sur la pacification de la Grèce. Le 9 janvier 1824.

(20) Gervinus. XIV. 28—29.—Ѳеоктистовъ. 108—110.

(21) Протоколы совѣщаній въ Петербургѣ.

(22) Нота 18 августа 1825 года.

(23) Письмо Поццо ди-Борго, 16 октября 1825 года.

(24) Письма Каннинга лорду Ливерпулю, отъ 25 октября, и лорду Гренвиллю, отъ 8 ноября 1825 года.—Ѳеоктистовъ. 112—114.

(25) Gervinus. XIV. 70.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXX.

(1) Именной указъ сенату, отъ 23 марта 1818 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXV. № 27, 316-й).

(2) Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. № 26,279-й. Т. XXXIV. № 27,024-й, Т. XXXV-й. № 27,411-й и Т. XXXVI. № 27,735-й.

(3) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVI. №№ 27,734-й и 27,735-й.

(4) Rabbe. Histoire d'Alexandre I-r. II. 295—296.

(5) Сенатскій указъ, въ слѣдствіе Именнаго, отъ 30 сентября 1818 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXV. № 27,549-й).

(6) Сенатскій указъ 25 февраля 1818 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXV. № 27,294-й).

(7) Высочайше утвержденное, 8 августа 1818 года, мнѣніе государств. совѣта (Полн. Собр. Закон. Т. XXXV. № 27,457-й).

(8) Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Ч. I-я и II-я.

(9) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 29,392-й.

(10) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 29,413-й.

(11) Полн. Собр. Закон. Т. XXXV. № 27,281-й.

(12) Полн. Собр. Закон. Т. XXXV. № 27,261-й.

(13) Высочайше утвержденное, 1 іюня 1821 года, мнѣніе государственнаго совѣта (Полн. Собр. Зак. Т. XXXVII. № 28,635-й).

(14) Синодскій указъ 29 іюля и Высочайше утвержденный докладъ Синода 15 сентября 1825 года (Полн. Собр. Закон. Т. XL. № 30,436-й. *а* и № 30,483-й).

(15) Полн. Собр. Закон. Т. XXXV. № 27,308-й и Т. XXXVII. № 28,324-й.

(16) Высочайше утвержденное, 18 марта 1823 года, мнѣніе государственнаго совѣта (Полн. Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 29,362-й).

(17) Именной указъ, отъ 25 іюля 1818 года Полн. Собр. Закон. Т. XL. Общее приложеніе. № 27,32. *а*).

(18) Именной указъ сенату, 14 апрѣля 1822 года. (Полн. Собр. Зак. Т. XXXVIII. № 29,000-й).

(19) Высочайше утвержденное, 29 марта 1824 года, Положеніе комитета министровъ (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIX. № 29,858-й).

(20) Именной указъ управляющему министерствомъ полиціи (графу Вязмитинову), 2 генваря 1819 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXVI. № 27,618-й).

(21) Арх. минист. внутр. дѣлъ, 1817 года, №№ 23-й и 24-й.

(22) Полн. Собр. Закон Т. XXXVII. № 28,086-й,

(23) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVII. № 28,198-й.

(24) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVI. № 27, 722-й.

(25) Бар. М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. II. 164—170.

(26) Бар. М. А. Корфъ. II. 172—174 и 227.

(27) Полн. Собр. Зак. Т. XXXVII. № 28,706-й. Т. XXXVIII. №№ 28,892-й и 29,066-й Высочайше утвержденный 22 іюля 1822 года докладъ Сибирскаго комитета.

(28) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVII. №№ 28,220-й и 28,228-й.

(29) Высочайше утвержденное, 28 генваря 1822 года, мнѣніе государственнаго совѣта (Полн. Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 28,898-й).

(30) Именной указъ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Головину, 20 февраля 1818 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXV. № 27,285-й).

(31) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVII. № 28,433-й.

(32) Высочайше утвержденный, 22 марта 1823 года, докладъ министра внутреннихъ дѣлъ (Полн. Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 29,377-й).

(33) Именной указъ управляющему министерствомъ полиціи, 23 сентября 1818 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXV. № 27,544-й).

(34) Полн. Собр. Закон. Т. XXXV. № 27,429-й.

(35) Именной указъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (графу Кочубею), 6 августа 1820 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXVII. № 28,373. *а*). — Именной указъ рязанскому генералъ-губернатору Балашеву, 27 августа 1824 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXIX. № 30,038-й).

(36) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 29,105-й.

(37) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVII. № 28,140-й, № 28,218-й и № 28,269-й.—Варадиновъ. Исторія минист. внутр. дѣлъ. Ч. II. Кн. 1-я. 566. Ч. II. Кн. 2-я. 84—85.

(38) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVII. № 28,656-й.

(39) Полн. Собр. Закон. Т. XXXIX. № 30,155-й.

(40) Ишимова. Императрица Марія Θеодоровна.

(41) Тамъ-же.

(42) Варадиновъ. Ч. I. 113. Ч. II. Кн. 2-я. 13—15.

(43) Варадиновъ. Ч. II. Кн. 2-я. 520—521.

(44) Варадиновъ. Ч. II. Кн. 2-я. 519 и 523.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXI.

(¹) Составъ Отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній, въ концѣ 1825 года.

Въ новгородскомъ поселеніи:

Первые, вторые и третьи баталіоны 1-й гренадерской дивизіи и третьи баталіоны 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій.

Третьи баталіоны дивизій:

1-й пѣхотной, полковъ: 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Морскихъ, 1-го и 2-го егерскихъ.

2-й пѣхотной, полковъ: Калужскаго, принца Вильгельма прусскаго, Либавскаго, принца Карла прусскаго, Ревельскаго и Эстляндскаго; 3-го и 4-го егерскихъ.

3-й пѣхотной, полковъ: Староингерманландскаго, Новоингерманландскаго, Псковскаго и Великолуцкаго; 5-го и 6-го егерскихъ.

4-й пѣхотной, полковъ: Архангелогородскаго, Вологодскаго, Костромскаго и Галицкаго; 7-го и 8-го егерскихъ.

5-й пѣхотной, полковъ: Бѣлозерскаго, Олонецкаго, Шлиссельбургскаго и Ладожскаго; 9-го и 10-го егерскихъ.

6-й пѣхотной, полковъ: Невскаго, Софійскаго, Нарвскаго и Копорскаго; 11-го и 12-го егерскихъ.

7-й пѣхотной, полковъ: Муромскаго, Нижегородскаго, Низовскаго и Симбирскаго; 13-го и 14-го егерскихъ.

8-й пѣхотной, полковъ: Троицкаго, Пензенскаго, Тамбовскаго и Саратовскаго; 15-го и 16-го егерскихъ.

9-й пѣхотной, полковъ: Черниговскаго, Полтавскаго, Алексопольскаго и Кременчугскаго; 17-го и 18-го егерскихъ.

12-й пѣхотной, полковъ: Курскаго, Старосколькаго, Рыльскаго Воронежскаго; 23-го и 24-го егерскихъ

Всего девяносто баталіоновъ.

Въ могилевскомъ поселеніи:

10-й пѣхотной, полковъ: Смоленскаго, Могилевскаго, Витебскаго Полоцкаго; 19-го и 20-го егерскихъ.

11-й пѣхотной. полковъ: Елецкаго, Сѣвскаго, Брянскаго и Орловскаго; 21-го и 22-го егерскихъ.

Всего двѣнадцать баталіоновъ.

Въ слободско-украинскомъ поселеніи:

13-й пѣхотной, полковъ: Владимірскаго, Суздальскаго, Углицкаго и Ярославскаго; 25-го и 26-го егерскихъ.

14-й пѣхотной, полковъ: Московскаго, Бутырскаго, Бородинскаго и Тарутинскаго; 27-го и 28-го егерскихъ.

15-й пѣхотной, полковъ: Рязанскаго, Ряжскаго, Бѣлевскаго и Тульскаго; 29-го и 30-го егерскихъ.

2-й уланской дивизіи, полковъ: Таганрогскаго, Чугуевскаго, Борисоглѣбскаго и Серпуховскаго.

2-й кирасирской дивизіи, кадры полковъ: Екатеринославскаго, Глуховскаго, Астраханскаго и Псковскаго.

Всего восмнадцать баталіоновъ и девяносто шесть эскадроновъ.

Въ херсонскомъ и екатеринославскомъ поселеніяхъ:

16-й пѣхотной дивизіи, полковъ: Селенгинскаго, Якутскаго, Охотскаго и Камчатскаго; 31-го и 32-го егерскихъ.

18-й пѣхотной, полковъ: Казанскаго, Вятскаго, Уфимскаго и Пермскаго; 35-го и 36-го егерскихъ.

19-й пѣхотной, полковъ: Азовскаго, Днѣпровскаго, Украинскаго и Одесскаго; 37-го и 38-го егерскихъ.

Бугской уланской дивизіи, полковъ: 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Бугскихъ уланскихъ.

Украинской (3-й) уланской, полковъ: 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинскихъ уланскихъ.

3-й кирасирской, кадры полковъ: Орденскаго, Стародубовскаго, Малороссійскаго и Новгородскаго.

Всего восмнадцать баталіоновъ и сто сорокъ четыре эскадрона.

(²) Извлечено изъ писемъ къ Императору Александру I графа Аракчеева: отъ 30 сентября и 30 ноября 1820 года; 28 генваря 1821 г. 4 и 13 марта 1824 года.

(³) Слово, произнесенное протоіереемъ Малиновск[illegible], при посѣщеніи Императоромъ Александромъ I военныхъ поселеній новгородской губерніи, въ 1819 году.

Далѣе — духовный витія сказалъ:

«....Воздвиже Господь Богъ духъ Твой, да тѣ брега, на которыхъ, такъ сказать, родилось отечество наше, откуда распространилось владычество во всѣ страны онаго, гдѣ водруженъ первый скипетръ самодержавія предковъ Твоихъ; брега, знаменитые въ отдаленнѣйшихъ временахъ древности величіемъ на нихъ событій; брега, потерпѣвшіе нѣкогда сильныя опустошенія, что ознаменовано и донынѣ насыпями надъ костями предковъ нашихъ, и потомъ въ мирѣ покоющіеся, со временъ родоначальника Твоего Царя Михаила, обселены будутъ въ благословенное царствованіе Твое сими защитниками отечества нашего, да повѣдаютъ изъ рода въ родъ силу и могущество Вседержителя.

«Взирая, яко на дѣйствія Промысла Божія, начатки совершающихся намѣреній Твоихъ, и изъ опыта увѣряясь въ преуспѣяніи оныхъ, можемъ-ли не воздать славу и благодареніе Богу Спасителю нашему, споспѣшествующему на благое.

«Благоволи, Благочестивѣйшій Государь Императоръ, да мы, въ Высочайшемъ присутствіи Твоемъ, изліемъ чувства душъ и сердецъ нашихъ предъ Господомъ Благодѣтелемъ нашимъ, на него-же уповахомъ, не постыдимся во вѣкъ».

(4) Изъ письма графу Аракчееву князя Лопухина, отъ 27 іюня 1822 года.

(5) Письмо графу Аракчееву генералъ адъютанта Чернышева, отъ 9 іюля 1822 года.

(6) Письмо графу Аракчееву графа Кочубея, отъ 22 августа 1822 года, изъ Царскаго Села.

(7) Бар. М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. II. 281—282.

(8) Извлечено изъ брошюры графа Сперанскаго: «О военныхъ поселеніяхъ. 1825 г.» Въ послѣдствіи она была помѣщена въ «Новгородскомъ Сборникѣ».

(9) Общее обозрѣніе капиталовъ военныхъ поселеній, представленное Государю за подписью графа Аракчеева и начальника штаба военныхъ поселеній генерала Клейнмихеля.

Къ 1-му марта 1823 года, по вѣдомству военныхъ поселеній состояли на лицо слѣдующіе капиталы:

Общій капиталъ, изъ котораго ежегодно назначалась по смѣтамъ сумма на устройство поселеній . . . . 13,048,948 р.

Капиталъ для поддержанія конскихъ заводовъ въ поселенныхъ кавалерійскихъ дивизіяхъ . .	1,508,886 „	91 к.
Капиталъ для покупки верховыхъ офицерскихъ лошадей	102 378 „	92½ к.
Капиталъ для снабженія рогатымъ скотомъ поселенныхъ баталіоновъ 1-й гренадерской дивизіи	584,662 „	39½ к.
Капиталъ въ мукѣ вспомогательныхъ хлѣбныхъ магазиновъ	233,703 „	
Капиталъ мастеровыхъ изъ кантонистовъ, находящихся въ ученіи у мастеровъ	169,117 „	9 к.
Капиталъ для устройства ресторацій въ округахъ военнаго поселенія 1-й гренадерской дивизіи	46,901 „	37 к.
Капиталъ церквей военныхъ поселеній . .	83,070 „	
Оставшаяся въ экономіи сумма изъ ассигнованныхъ, по смѣтѣ 1821 года, на расходы по военнымъ поселеніямъ, денегъ	258,246 „	32¾ к.
Слѣдуемой изъ главнаго казначейства суммы, вносимой за освобожденіе отъ поставки рекрутъ по 89-му набору	34,065 „	61 к.
Слѣдуемой изъ коммисаріатскаго департамента суммы, по тому-же набору, отъ зачета рекрутскаго обмундированія въ срочную дачу войскамъ	377,168 „	64 „

Въ вѣдѣніи начальниковъ военнаго поселе-

нія, въ херсонской, екатеринославской и слободско-украинской губерніяхъ, остальной откупной суммы, за продажу питей въ 1822 году	76,395 „ 3¼ к.
Доходъ собранный за отдачу въ наемъ: садовъ, мельницъ, лавокъ и другихъ заведеній . .	9,820 „ 18½ „
Всего же . .	16,633,363 р. 48½ к.

Независимо отъ этихъ общихъ суммъ, военныя поселенія имѣли особые частные капиталы:

I. Офицерскій вспомогательный капиталъ . .	54,734 р.
II. Заемный капиталъ военныхъ поселеній .	944,599 „
III. Капиталъ типографіи штаба военныхъ поселеній	10,309 „ 20 к.
IV. Капиталъ штабной квартиры гренадерскаго корпуса	7,596 „ 17 „
V. Капиталъ учебнаго баталіона изъ кантонистовъ гренадерскаго графа Аракчеева полка .	3,685 „ 55 „
VI. Капиталъ 5-го и 7-го военно-рабочихъ баталіоновъ	75,348 „
VII. Капиталъ для устройства Охтенскаго пороховаго завода	9,756 „ 73 „
Всего-же . .	1,106,028 р. 65 к.
Вообще-же капиталы военнаго поселенія въ началѣ 1823 года составляли сумму	17,739,392 р. 13¾ к.

(10) Счетъ наличнымъ капиталамъ военныхъ поселеній къ 1-му апрѣля 1824 года, за подписью дѣйствительнаго статскаго совѣтника Персидскаго, полковника Новосильцова и подполковника Рерберга.

(11) Счетъ наличнымъ капиталамъ военныхъ поселеній къ 1-му апрѣля 1825 года.

(12) Счетъ наличнымъ капиталамъ военныхъ поселеній къ 1-му апрѣля 1826 года.

(13) Высочайше утвержденный, указомъ 2 февраля 1819 г., Проектъ Положенія для Экономическаго комитета военныхъ поселеній.

(14) Высочайше конфирмованные доклады со смѣтами Экономическаго комитета военныхъ поселеній.

(15) Извлечено изъ годовыхъ смѣтъ Экономическаго комитета военныхъ поселеній.

(16) Высочайше утвержденный, 17 апрѣля 1821 года, докладъ главнаго надъ военными поселеніями начальника (Полн. Собр. Закон. Т. XXXVII. № 28,610-й).

(17) Высочайше утвержденный, 7 генваря 1820 года, докладъ графа Аракчеева.

(18) Полн. Собр. Зак. Т. XXXVII. № 28,764-й.

(19) Бунтъ военныхъ поселеній въ 1831 году. (Разсказъ инженеръ-подполковника Панаева. Стран. 67—69).

(20) Рапортъ Государю графа Аракчеева, отъ 4 ноября 1818 года и другіе.

(21) Записки о происшествіяхъ въ военныхъ поселеніяхъ, въ 1818, 1819, 1820 и 1821 годахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXII.

(1) Донесенія Государю тайнаго совѣтника Новосильцова, отъ 6 (18) и 26 апрѣля (8 мая) 1816 года.

(2) Донесеніе Государю Новосильцова, отъ 26 апрѣля (8 мая) 1816 г.

(3) Письмо Государю князя Чарторыскаго, отъ 1 (13) мая 1816 года.

(4) Изъ письма къ Государю Новосильцова, отъ 14 (26) сентября 1818 года.

(5) Донесеніе Государю Новосильцова, отъ 20 декабря 1819 года (1 генваря 1820 года).

(6) Донесенія Государю Новосильцова, отъ 21 февраля (4 марта) и 28 декабря 1820 года (9 генваря 1821 года).

(7) Донесенія Государю Новосильцова: 12 (24) и 27 мая (8 іюня); 1 (13) и 11 (23) іюля; 5 (17) августа и 24 сентября (6 октября) 1821 года.

(8) Изъ записокъ барона М. А. Корфа.

(9) Донесеніе Государю Новосильцова, отъ 5 (17) августа 1821 года.

(10) Донесенія Государю Новосильцова: 22 октября (3 ноября) 1821 года; 9 (21) апрѣля 1822 года, и проч.

(11) Повелѣніе князю Гарденбергу, отъ 7 іюля н. ст. 1821 года, изъ Спа.

(12) Донесенія Государю Новосильцова: 22 августа (3 сентября), 27 ноября (9 декабря) и 5 (17) декабря 1821 года; 7 (19) генваря, 29 генваря (10 февраля), 11 (23) февраля и 26 марта (7 апрѣля) 1822 года.

(13) Донесеніе Намѣстнику Царства Польскаго слѣдственной коммисіи, по дѣлу о «Союзѣ Друзей», отъ 22 іюня н. ст. 1822 года.

(14) Изъ записки по дѣлу Обнискаго.

(15) Записка по слѣдствію, производившемуся надъ обществомъ «національное масонство», (патріотическій, или національный союзъ).

(16) Записка, составленная со словъ Нагорскаго, въ присутствіи сенатора Новосильцова и генераловъ Гауке и Раутенштрауха, генералъ-прокуроромъ Подоскимъ, 29 марта 1822 года.

(17) Донесеніе Государю Новосильцова, отъ 29 іюня (11 іюля) 1822 г.

(18) Записка по слѣдствію надъ обществомъ: «національное масонство». — Записка графа Чернышева къ Великому Князю Цесаревичу

Константину Павловичу, о Лукасинскомь, 27 декабря 1830 года (8 генваря 1831 года).—Собственноручная черновая записка Великаго Князя Константина Павловича, о Лукасинскомъ.

([19]) Изъ дѣла о масонскихъ ложахъ и тайныхъ обществахъ, существовавшихъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ. (Арх. Канцел. Военн. Минист.).

([20]) Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, въ царствованіе Императора Александра I.

([21]) Высочайшее повелѣніе Его Императорскому Высочеству Цесаревичу, Великому Князю Константину Пввловичу, отъ 20-го февраля 1824 года.

([22]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. I. № 489-й.

([23]) Тамъ-же, № 506-й.

([24]) Отчетъ государственнаго совѣта, читанный въ собраніи обѣихъ палатъ, 14 мая н. ст. 1825 года.

([25]) Rapport sur la situation du pays, présenté par le Conseil d'Etat. 1830.

([26]) Dyaryusz Seymu Królestwa Polskiego. 1825. (Журналъ совѣщаній польскаго сейма, 1825 года).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXIII.

---

(1) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи. Кн. 2-я. Стран. 178.

(2) Генеральный отчетъ о приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1816—1825 годы. (См. особ. Прилож. къ сей главѣ).

(3) Генеральный отчетъ, за 1817 годъ.

(4) Генеральный отчетъ, за 1818-й годъ.

(5) Степановъ. Внутренній государственный кредитъ. 125.

(6) Изъ рѣчи, произнесенной графомъ Гурьевымъ въ совѣтѣ кредитныхъ установленій.

(7) Генеральный отчетъ, за 1819-й годъ.

(8) Генеральный отчетъ, за 1820-й годъ.

(9) Генеральный отчетъ, за 1821-й годъ.

(10) Мнѣніе, представленное адмираломъ Мордвиновымъ. при случаѣ разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ росписи о доходахъ и расходахъ на 1821-й годъ.

(11) Генеральный отчетъ, за 1822-й годъ.

(12) Полн. Собр. Зак. Т. XXXVII. № 28381-й и Т. XXXVIII. № 29073-й.

(13) Е. Ламанскій. Статистическій обзоръ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій, съ 1817 года до настоящаго времени (1854 г.). (Въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о Россіи». Стран. 188).

(14) Степановъ. 127.

(15) Мнѣніе адмирала Мордвинова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государственнымъ казначействомъ. 1816 г.

(16) W. Goldmann. Das russische Papiergeld. Zw. Aufl. 45—46.

(17) Генеральный отчетъ, за 1823-й годъ.

(18) Генеральный отчетъ, за 1824-й годъ.

(19) Генеральный отчетъ, за 1825-й годъ.

(20) Е. Ламанскій. Статистическій обзоръ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій, и проч.

(21) Виды внѣшней торговли.

Общая вѣдомость государственнымъ приходамъ и расходамъ, съ 1816-го по 1825-й годъ.

1816 г.	рубл.	коп.	рубли.	коп.
Къ 1-му генваря 1816 года числилось въ остаткѣ отъ прошлаго года.			180,309,375	7¼
Поступило въ доходъ			436,837,852	63
всего-же въ приходѣ . .			617,147,227	70¼
Въ числѣ доходовъ:				
Податей . .	132,300,920	28½		
Экономическихъ доходовъ .	44,568,292	54½		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ	163,138,936	42½		
Долговъ . . .	3,557,172	51		
Чрезвычайныхъ доходовъ . .	93,272,530	86½		
Въ расходѣ			428,105,004	61¼
Въ томъ числѣ:				
На Высочайшій дворъ .	23,666,642	97¼		
На духовный штатъ . .	2,341,615	32¾		
На министерства:				
Военное . .	234,380,137	90½		
Морское . .	19,590,383	61½		
Иностран. дѣлъ .	6,595,730	89¼		
Внутрен. дѣлъ .	5,097,939	12½		
Народн. просвѣщ	2,470.562	66½		
Финансовъ. .	118,752,772	9¼		
Юстиціи . .	3,186,962	57¾		
Полиціи . .	9,046,458	69		
На управленіе путей сообщенія . .	2,727,126	25¼		
На Государственный контроль .	248,672	50		
И того	428,105,004	61¼		
Въ томъ числѣ уплачено:				
По счетамъ прежнихъ лѣтъ . .	50,088,460	2		
По смѣтѣ текущаго года.	279,687,196	78		
По особымъ указамъ. .	73,387,190	27¾		
На счетъ смѣты будущаго года . . .	24,942,157	53½		
Оставалось			189,042,223	9

1817 г.	рубл.	коп.	рубли.	коп.
Къ 1-му генваря 1817 года числилось въ остаткѣ			189,042,223	9
Поступило въ доходъ . . .			437,102,602	16¼
всего-же въ приходѣ . .			626,144,826	25¼
Въ числѣ доходовъ:				
Податей . .	127,002,452	4½		
Экономическихъ доходовъ .	45,007,562	26½		
Пошлинъ и сборовъ . .	173,501,185	71½		
Долговъ . .	4,010,907	53		
Чрезвычайныхъ доходовъ .	87,580,494	24¼		
Въ расходѣ			438.423,984	19½
Въ томъ числѣ:				
На Высочайшій дворъ . .	24,165,716	55		
На духовный штатъ . .	2,934,229	75¼		
На министерства:				
Военное . .	178,979,121	3¾		
Морское . .	23,220,068	15½		
Иностран. дѣлъ	4,651,828	20		
Внутрен. дѣлъ.	15,815,144	48½		
Народнаго просвѣщенія .	3,091,792	18½		
Финансовъ .	123,710,436	52¾		
Юстиціи . .	3,152,763	72½		
Полиціи . .	10,304,172	92½		
На управленіе путей сообщенія . .	6,770,780	9½		
На Государственный контроль .	294,365	14		
Государств. долгъ	41,433.565	42		
Итого . .	438,423.984	19½		
Въ томъ числѣ уплачено:				
По счетамъ прежн. лѣтъ.	24,047,737	30		
По смѣтѣ текущаго года .	303,110,267	6½		
По особымъ указамъ .	82,983,859	80		
На счетъ смѣты будущаго года	28,282,120	3		
Оставалось			187,720,841	6

1818 г.	рубли.	коп.
Къ 1-му генваря 1818 года числилось въ остаткѣ	187,720,841	6
Поступило въ доходъ	444,125,662	60
всего-же въ приходѣ . .	631,846,503	66
Въ числѣ доходовъ:		
Податей . . 129,674,012 44 1/4		
Экономическихъ доходовъ . 49,226,897 13 1/4		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ 176,830 051 21		
Долговъ . . 3,862,810 72		
Чрезвычайныхъ доходовъ . 84,531,891 9		
Въ расходѣ	443,285,569	16
Въ томъ числѣ:		
На Высочайшій дворъ . . 24,457,336 6 1/2		
На духовный штатъ . . 1,988,807 50 1/4		
На министерства:		
Военное . . 188,851,027 86 1/4		
Морское . . 23,150.577 16 1/2		
Иностран. дѣлъ 4,741,682 43		
Внутрен. дѣлъ. 19.237 391 48 1/2		
Народн. просв. 3,825,218 7		
Финансовъ . 101,235,476 32 3/4		
Юстиціи . . 3,301,687 8 1/4		
Полиціи . . 8,456,828 84 1/2		
На управленіе путей сообщенія . . 6,997.331 40 1/2		
На Государственный контроль . 292,852 83		
На уплату государственнаго долга . 56,749,352 9		
Итого. . 443,285,569 16		
Въ томъ числѣ уплачено:		
По счетамъ прежн. лѣтъ. 25,553,237 7		
По смѣтѣ текущаго года . 345,794,818 82		
По особымъ указамъ . 61,715,870 88		
На счетъ смѣты будущаго года 10,221,642 29		
Оставалось	188,560.934	49

1819 г.	рубли.	коп.
Къ 1-му генваря 1819 года числилось въ остаткѣ	188,560,934	49
Поступило въ доходъ	483,681,939	7
всего-же въ приходѣ . .	672,242,873	56
Въ числѣ доходовъ:		
рубл. коп.		
Податей . . 132,831,616 97		
Экономическихъ доходовъ . 16,888,692 32		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ 260,109,935 97 1/2		
Долговъ . . 3,883,716 62 1/2		
Чрезвычайныхъ доходовъ . 69,967,977 17		
Въ расходѣ	479,657,716	51
Въ томъ числѣ:		
На Высочайшій дворъ . . 20,188,163 90 1/2		
На министерства:		
Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія . . 9,723,060 29 3/4		
Военное . 183,430,432 17		
Морское . . 26,187,591 60 1/2		
Иностранныхъ дѣлъ . . . 5,603,896 17		
Внутрен дѣлъ 22 152,241 14		
Финансовъ . 124,826,654 76 1/4		
Юстиціи . . 3,786,844 72		
Полиціи . . . 8,777,271 12 1/2		
На Управленіе путей сообщенія . . 12,733,235 93		
На Государственный контроль 394,148 73		
На уплату государственнаго долга . . 56,853,175 95 1/2		
Итого 479,657,716 51		
Въ томъ числѣ уплачено:		
По счетамъ прежнихъ лѣтъ . 28,995,230 9 1/4		
По смѣтѣ текущаго года 390,841,415 4 3/4		
По особымъ указамъ . . 52,026,336 71 1/2		
На счетъ смѣты будущаго года 7,794,734 65 1/2		
Оставалось	192,585,157	5

1820 г.	рубли.	коп.
Къ 1-му генваря 1820 года числилось въ остаткѣ	192,585,157	5
Поступило въ доходъ	478,537,948	3½
всего-же въ приходѣ . .	671,123,105	8½
Въ числѣ доходовъ:		
Податей . . 132,321,383 29		
Экономическихъ доходовъ . 15,264,594 40½		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ 275,971,493,55½		
Долговъ . . 8,521,059 64		
Чрезвычайныхъ доходовъ . 46,459,417 13		
Въ расходѣ	499,804,043	89
Въ томъ числѣ:		
На Высочайшій дворъ 22,953,632 35		
На министерства:		
Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія . 6,547,738 36		
Военное . . 197,770,936 71		
Морское . . 25,836,900 23		
Иностран. дѣлъ 6,165,456 93		
Внутрен. дѣлъ 14,683,210 48		
Финансовъ . 139,606,943 85		
Юстиціи . . . 4,364,877 70½		
Полиціи . . . 4,128,045 50		
На Управленіе путей сообщенія . . 11,316,289 46		
На государственный контроль . . 327,596 30		
На уплату государственнаго долга 66.102,416 1½		
Въ томъ числѣ уплачено:		
По счетамъ прежнихъ лѣтъ 35,208,489 53		
По смѣтѣ текущаго года 411,384,182 83½		
По особымъ указамъ . 46,020,953 46½		
На счетъ смѣты будущаго года 7,190,416 6		
Оставалось . . . . , .	171,319,061	19½

1821 г.	рубли.	коп.
Къ 1-му генваря 1821 года числилось въ остаткѣ . . .	171,319,061	19½
Поступило въ доходъ . . .	453,290,128	52¼
всего-же въ приходѣ . .	624,609,189	71¾
Въ числѣ доходовъ:		
Податей . . 119,117,088 5		
Экономическихъ доходовъ . 13,952,443 53		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ 261,149,860 10		
Долговъ . . . 6,801,736 91		
Чрезвычайныхъ доходовъ . 52,268,999 92		
Въ расходѣ	482,319,283	39¾
Въ томъ числѣ:		
На Высочайшій дворъ . . 19,326,143 8		
На министерства:		
Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія . . 7,927,970 21		
Военное . . 204,404,456 87		
Морское . . 27,280,605		
Иностран. дѣлъ 7,244,496 39¾		
Внутрен. дѣлъ 19,077,965 5½		
Финансовъ 118,847,435 75¾		
Юстиціи . . 4,965,476 75½		
На Управленіе почтъ . . . 4,347,554 34½		
На Управленіе путей сообщенія . . 10,435,750 36		
На Государственный контроль . . 334,218 42½		
На уплату государственнаго долга . . 58,127,210 72		
Въ томъ числѣ уплачено:		
По счетамъ прежнихъ лѣтъ 27,545,294 62¼		
По смѣтѣ текущаго года 403,670,333 70		
По особымъ указамъ . 43,203,749 77½		
На счетъ смѣты будущаго года 7,899,905 30		
Оставалось	142,289,906	32

1822 г.	рубли.	коп.	1823 г.	рубли.	коп.
Къ 1-му генваря 1822 года числилось въ остаткѣ	142,289,906	32	Къ 1-му генваря 1823 года числилось въ остаткѣ	135,973,071	56
Поступило въ доходъ . . .	450,154,364	61	Поступило въ доходъ . . .	463,425,785	60
всего-же въ приходѣ . . .	592,444,270	93	всего-же въ приходѣ . .	599,398,857	16
Въ числѣ доходовъ:			Въ числѣ доходовъ:		
Податей . 125,082,919 4			Податей . 133,886,971 22½		
Экономическихъ доходовъ . 13,978,828, 31¾			Экономическихъ доходовъ . 16,878,109 97½		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ 238,579,104 59¼			Пошлинъ и разныхъ сборовъ 234,356,999 32		
Долговъ . . 3,530,774 65			Долговъ . . 3,410,353 19		
Чрезвычайныхъ доходовъ . 68,982,738 1			Чрезвычайныхъ доходовъ . 74,893,350 89		
Въ расходѣ	456,471,199	37	Въ расходѣ	479,148,147	47
въ томъ числѣ:			Въ томъ числѣ:		
На Высочайшій дворъ . . 20,146,403 24			На Высочайшій дворъ . . . 21,257,257 2		
На министерства:			На министерства:		
Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія . . 8,724,935 58			Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія . . 6,553,372 11		
Военное . . 185,889,354 73			Военное . . 195,555,909 14		
Морское . . 25,215,930 72			Морское . . 26,716,517 48		
Иностран. дѣлъ 6,059,899 99			Иностран. дѣлъ 6,872,677 52		
Внутрен. дѣлъ 16,464,403 21			Внутрен. дѣлъ 17,003,453 40		
Финансовъ . . 113,309,501 13			Финансовъ . 117,398,981 83		
Юстиціи . . 5,089,026 15			Юстиціи . . 5,052,849 20		
На Управленіе почтъ . . . 4,762,929 64			На управленіе почтъ . . 4,929,515 20		
На Управленіе путей сообщенія . . . 8,238,167 11			На управленіе путей сообщенія . . 11,032,865 66		
На государственный контроль . . 478,434 67			На Государственный контроль . . 503,173 73		
На уплату государственнаго долга . . 61,642,213 10			На уплату государственнаго долга . . 66,271,575 11		
Въ томъ числѣ уплачено:			Въ томъ числѣ уплачено:		
По счетамъ предшествовавшаго года . . 37,056,828 96			По счетамъ предшествовавшаго года . . . 54,249,849 3		
По смѣтѣ текущаго года 390,121,406, 87			По смѣтѣ текущаго года . 386,735,093 13		
По особымъ указамъ . 22,659,577 46			По особымъ указамъ . 18,522,326 44		
На счетъ смѣты будущаго года 6,633,386 8			На счетъ смѣты будущаго года 19,640,878 87		
Оставалось	135,973,071	56	Оставалось	120,250,709	68½

1824 г.	рубли.	коп.
Къ 1-му генваря 1824 года числилось въ остаткѣ	120,250,709	68
Поступило въ доходъ . . .	407,809,705	19
всего-же въ приходѣ . .	528,060,414	87
Въ числѣ доходовъ:		
Податей . 118,042,138 55½		
Экономическихъ доходовъ . 20,146,091 65		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ 230,095,276 93		
Долговъ . . 2,674,304 48		
Чрезвычайныхъ доходовъ . 36,851,893 57		
Въ расходѣ	417,026,925	51
Въ томъ числѣ:		
На Высочайшій дворъ . . 22,798,985 83		
На министерства:		
Народнаго просвѣщенія и иностран. вѣроисвов. 6,538,350 42¾		
Военное . . 157,235,876 79½		
Морское . . 23,012,545 84¾		
Иностран. дѣлъ 6,443,278 37½		
Внутрен. дѣлъ 18,241,150 12½		
Финансовъ . 102,065,945 32¾		
Юстиціи . . . 5,241,721 51¼		
На Управленіе почтъ . . 5,051,088 70		
На управленіе путей сообщенія . . 8,998,013 87		
На Государственный контроль . . 465,983 70		
На уплату государственнаго долга 60,933,985		
Въ томъ числѣ уплачено:		
По счетамъ предшествовавшаго года . 37,391,647 33		
По смѣтѣ текущаго года 342,725,732 17½		
По особымъ указамъ . . 25,492,889 1½		
На счетъ смѣты будущаго года 11,416,656 99		
Оставалось	111,033,489	36

1825 г.	рубли.	коп.
Къ 1-му генваря 1825 года числилось въ остаткѣ	111,033,489	36
Поступило въ доходъ	418,680.747	45
всего-же въ приходѣ . .	529,714,236	81
Въ числѣ доходовъ:		
Податей . . 120,758,237 89		
Экономическихъ доходовъ . . 17,926,992 39		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ . 245,526,530 6½		
Долговъ . . 2,766,741 21½		
Чрезвычайныхъ доходовъ . 11,787,899 43		
Занято на подкрѣпленіе государственнаго казначейства . 19,914,346 46		
Въ расходѣ	413,459,847	10
Въ томъ числѣ:		
На Высочайшій дворъ . . 23,997,563 98		
На министерства:		
Народн. просвѣщ. и иностр. вѣроисп. 8,600,933 86		
Военное . . 155,202,151 16		
Морское . . 24,224,585 36		
Иностран. дѣлъ 5.457,002 24		
Внутрен. дѣлъ 17,117,900 12		
Финансовъ . 100,722,800 73		
Юстиціи . . . 5,813,127 9		
На управленіе почтъ . . . 4,975,075 40		
На управленіе путей сообщ. 10,112,239 16		
На Государственный контроль . . . 471,636 62		
На уплату государственнаго долга . 56,764,831 39		
Въ томъ числѣ уплачено:		
По счетамъ предшествовавшаго года 46,228,814 68		
По смѣтѣ текущаго года . 331,391,779 16¾		
По особымъ указамъ . . 24,418,317 77¾		
На счетъ смѣты будущаго года 10,192,742 41½		
Оборотныхъ . 1,228,193 7		
Оставалось къ 1-му генваря 1826 года	116,254,389	71

	рубли.	коп.
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ		
о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1816-й годъ.		
Приходъ.		
По отчету за 1815-й годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1816 года суммъ всего	180,309,375	$7^1/_4$
Поступило въ доходъ:		
Податей 132,300,920 р. $28^1/_2$ к. (въ томъ числѣ: съ купеческихъ капиталовъ 9,953,113 р. процентныхъ съ доходовъ 2,769,064 р. подушныхъ и оброчныхъ 110.740,225 р. съ иностранныхъ ремесленниковъ 138,636 р. подымная подать 528,646 р. податей собранныхъ въ Закавказьѣ 1,347,582 р. и проч.).		
Экономическихъ доходовъ 44,568,292 р. $54^1/_2$ коп. (въ томъ числѣ: пошлинъ за вино поставляемое казною 34,229,439 р. съ казенныхъ имѣній 5.006,846 р. съ казенныхъ лѣсовъ 2,211,635 р. съ казенныхъ горныхъ заводовъ добыто: золота, серебра, мѣди и желѣза на 1,572,585 р. Прибыли по Заемному банку 1,540,000 р. и проч.).		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ 163,138,936 р. $42^1/_2$ к. (въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 66,985,094 р. питейныхъ по губерніямъ, на особыхъ правахъ состоящимъ, 12,812,870 р. Таможенныхъ 27,396,704 р. Отъ продажи соли 17,212,593 р. Съ купчихъ крѣпостей 12,166,916 р. Почтовый сборъ 9,363,454 р. За гербовую и вексельную бумагу 4,541,832 р. За паспорты 3,943,876 р. Съ частныхъ горныхъ заводовъ 1,300,421 р. Подорожный сборъ 1,064,811 р. Рекрутскихъ въ пограничныхъ губерніяхъ, вмѣсто поставки рекрутъ, 4,847,614 р. и проч.).		
Долговъ 3,557,172 р. 51 коп.		
Чрезвычайныхъ доходовъ 93,272,530 р. $86^1/_2$ коп. (въ томъ числѣ, заимообразно: изъ приказовъ общественнаго призрѣнія 1,391,222 р. Изъ Удѣльнаго департамента 1,999,000 р. Изъ Опекунскаго Совѣта 14,060,000 р. Изъ Государственнаго Заемнаго банка 6,000,000 р. и проч.).		
Всего-же доходъ	436,837,852	63
Итого въ приходѣ	617,147,227	$70^1/_4$
Расходъ.		
На Высочайшій дворъ 23,666.642 р. $97^1/_4$ к. (въ томъ числѣ: Императорской фамиліи 1,833,618 р. Кабинетъ Его Величества		

4,315,000 р. Придворная контора 6,762,840 р. На покупку картинъ для дворцовъ 1,135,263 р. На содержаніе Государственнаго Совѣта 173,445 р и проч.).

На духовный штатъ 2,341,615 р. 32¾ коп.

На Военное министерство 234,380,137 р. 90½ к. (въ томъ числѣ: департаментамъ: провіантскому 88,441,964 р. коммисаріатскому 63,089,075 р. артиллерійскому 9,177,955 р. инженерному 4,017,816 р. На покупку сукна для арміи 19,630,769 р. Въ распоряженіе главнокомандующихъ 16,049,759 р. Польскимъ войскамъ 17,500,000 р. и проч.).

На Морское министерство 19,590,383 р. 61½ коп.

На министерство Иностранныхъ дѣлъ 6,595,730 р 89¼ коп. (въ томъ числѣ: миссіи и консульства 640,541 р. На дополненіе по вексельному курсу 2,200,297 р. Шведскому правительству, по конвенціи, заключенной въ Вѣнѣ, 1815 года, 729,550 р. и проч.).

На министерство Внутреннихъ дѣлъ 5,097,939 р. 12½ коп.

На министерство Народнаго просвѣщенія 2,470,562 р. 66½ к. (въ томъ числѣ: на университеты, гимназіи и училища 1,682,240 р Академія наукъ 120,000 р. Академія художествъ 147,910 р. Медико-хирургическая академія 387,220 р. и проч.).

На министерство Финансовъ 118,752,772 р. 9¼ к. (въ томъ числѣ: казенное винокуреніе и развозка вина 6,318,820 р. Горные заводы 5,096,236 р. Добываніе соли 10,302,867 р. Пенсіи 6,095,562 р. Потерпѣвшимъ разореніе жителямъ московской губерніи 5,145,297 р. Казенныя палаты 1,529,348 р. и проч.).

На министерство Юстиціи 3,186,962 р. 57¾ к. (въ томъ числѣ: Правительствующій сенатъ 813,607 р. Уголовныя и гражданскія палаты 1,527,947 р. и проч.).

На министерство Полиціи 9,046,458 р. 69 к.

На управленіе путей сообщенія 2,727,126 р. 25¼ к. (въ томъ числѣ: на продолженіе работъ по Обводному каналу 150,000 р.).

На государственный контроль 248,672 р. 50 коп.

Итого въ расходѣ	428.105,004	61¼
За тѣмъ къ 1-му генваря 1817 года въ остаткѣ . . .	189,042,223	9

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1817-й годъ.

По отчету за 1816-й годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1817 года суммъ, всего	189,042,223	9

Поступило въ доходъ:

Податей 127,002,452 р. 41½ к. (въ томъ числѣ: съ купе-

ческихъ капиталовъ 9,048,677 р. Процентныхъ съ помѣщ. доходовъ 2,901,820 р. Подушныхъ и оброчныхъ 108,920,235 р. Съ иностранныхъ ремесленниковъ 356,203 р. Податей съ Закавказья 1,371,610 На устройство дорогъ 4,179,628 р. и проч.).

Экономическихъ доходовъ 45,007,562 р. $26\frac{1}{2}$ к. (въ томъ числѣ: пошлинъ за вино поставляемое казною 35,091,151 р. Съ казенныхъ имѣній 4,856,478 р. Съ казенныхъ лѣсовъ 2,145,275 р. Съ казенныхъ горныхъ заводовъ, за добытыя золото, серебро, мѣдь и желѣзо, 1,405,477 р. Прибыли по Заемному банку 1,500,000 р. и проч.).

Пошлинъ и разныхъ сборовъ 173,501,185 р. $71\frac{1}{2}$ к. (въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 62,467,575 р. Питейныхъ по губерніямъ, на особыхъ правахъ состоящимъ, 11,580,963 р. Таможенныхъ 43.219,948 р. Отъ продажи соли 18,021,981 р. Съ купчихъ крѣпостей 12,015,083 р. Почтовый сборъ 9,779,126 р. За гербовую и вексельную бумагу 4,773,355 р. За паспорты 4,264,243 р. Съ частныхъ горныхъ заводовъ 1,323,560 р. Подорожный сборъ 1,075,453 р. Рекрутскихъ въ пограничныхъ губерніяхъ, вмѣсто поставки рекрутъ, 3,301,784 р. и проч.).

Долговъ 4,010,907 р. 53 коп.

Чрезвычайныхъ доходовъ 87,580,494 р. $24\frac{1}{4}$ коп.

Всего-же доходъ	437,102,602	$16\frac{1}{2}$
Итого въ приходѣ	626,144,825	$25\frac{1}{2}$

Расходъ.

На Высочайшій дворъ 24,165,716, р. 55 коп. (въ томъ числѣ: Императорской фамиліи 1,715,589 р. Кабинетъ Его Величества 4,315,000 р. Придворная контора 7,830,415 р. Выдано вдовствующей Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ 496,854 р. На покупку картинъ 1,193,923 р. и проч.).

На духовный штатъ 2,934,229 р. $75\frac{1}{4}$ коп.

На Военное министерство 178,979,121 р. $3\frac{3}{4}$ коп. (въ томъ числѣ, на департаменты: Провіантскій 76,057,924 р. Коммисаріатскій 66,302,285 р. Артиллерійскій 6,694,219 р. Инженерный 4,970,711 р. На покупку сукна для арміи 11,788,602 р. Польскимъ войскамъ 3,000,000 р. На устройство поселеній 1,808,844 р. За продовольствіе войскъ, датскому правительству 532,379 р. и проч.).

На Морское министерство 23,220,060 р. $15\frac{1}{2}$ коп. (въ томъ числѣ на экспедицію въ Камчатку 420,532 р.).

На министерство Иностранныхъ дѣлъ 4,651,828 р. 20 к. (въ томъ числѣ: на миссіи и консульства 1,046,137 р. На дополненіе по вексельному курсу 2,025,856 р. и проч.).

На министерство Внутреннихъ дѣлъ 15,815,144 р. $48\frac{1}{2}$ коп.

На министерство Народнаго просвѣщенія 3,091,792 р. $18\frac{1}{2}$ к.

(въ томъ числѣ: на университеты, гимназіи и училища 1,665,764 р. На академію Наукъ 120,000 р. На академію Художествъ 195,457 р. На Медико-Хирургическую академію 456,230 р. На Императорскую Публичную библіотеку 45,500 р. и проч.). *На министерство Финансовъ* 123,710,436 р. 52¾ коп. (въ томъ числѣ: казенное винокуреніе 6,980,287 р. Добываніе соли 8,857,968 р. Виннымъ поставщикамъ 30,995,127 р. Пенсіи 6.240,442 р. Казенныя палаты 1,531.403 р. По облигаціямъ Коммисіи погашенія долговъ 26,848,087 р. Потерпѣвшимъ разореніе жителямъ московской губерніи 2,568.755 р. и проч.). *На министерство Юстиціи* 3,152,763 р. 72½ коп. *На министерство Полиціи* 10,304,172 р. 92½ коп. (въ томъ числѣ: врачебныя управы 738,205 р. На заготовленіе аптекарскихъ матеріаловъ 1,578,568 р. и проч.). *На управленіе путей сообщенія* 6,770,780 р. 9½ к. (въ томъ числѣ: на продолженіе работъ по Обводному каналу 300,000 р. На составленіе капитала для устройства дорогъ 5,104.821 р. и проч.). *На государственный контроль* 294,365 р. 14 коп. *На уплату государственнаго долга* 41,433,565 р. 42 коп.		
Итого въ расходѣ . . .	438,423,984	19½
За тѣмъ къ 1-му генваря 1818 года въ остаткѣ . . .	187,720,841	6

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1818-й годъ.

По отчету за 1817-й годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1818 года суммъ, всего	187,720,841	6
Поступило въ доходъ: *Податей* 129,674.012 р. 44¼ к. (въ томъ числѣ: съ купеческихъ капиталовъ 9,056,664 р. Процентныхъ съ доходовъ 2,796,371 р. Подушныхъ и оброчныхъ 110,742,671 р. Съ иностранныхъ ремесленниковъ 215,870 р. Податей съ Закавказья 885.084 р. На устройство дорогъ и улучшеніе путей сообщенія 5,880,352 р. и проч.). *Экономическихъ доходовъ* 49,226,897 р. 13¼ к. (въ томъ числѣ: пошлинъ за вино поставляемое казною 36,739,531 р. Съ казенныхъ имѣній 6,339,053 р. Съ казенныхъ лѣсовъ 2,113,634 р. Съ казенныхъ горныхъ заводовъ 2,433,891 р. Прибыли по Заемному банку 1,590,010 р. и проч.). *Пошлинъ и разныхъ сборовъ* 176,830,051 р. 21 коп. (въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 59,771,249 р. Питейныхъ по губер-		

ніямъ на особыхъ правахъ состоящимъ 11,870,211 р. Таможенныхъ 43,557,861 р. Отъ продажи соли 17,770,463 р. Съ купчихъ крѣпостей 14,228,550 р. Почтовый сборъ 9,343,324 р. За гербовую и вексельную бумагу 5,473,433 р. За паспорты 4,394,661 р. Съ частныхъ горныхъ заводовъ 2,306,108 р. Подорожный сборъ 1,037,795 р. Рекрутскихъ, вмѣсто поставки рекрутъ, 3,365,468 р. и проч.).

Долговъ 3,862,810 р. 72 коп.

Чрезвычайныхъ доходовъ 84,531,891 р. 9 к. (въ томъ числѣ заимообразно изъ Опекунскаго Совѣта 4,100,000 р. и изъ Приказовъ общественнаго призрѣнія 19,000 р.).

Всего-же доходъ	444,125,662	60
Итого въ приходѣ . . .	631,846,503	66

Расходъ.

На Высочайшій дворъ 24,457,336 р. 6½ к. (въ томъ числѣ: Императорской фамиліи 1,715,589 р. Кабинетъ Его Величества 4,315,000 р. Придворная контора 8,298,763 р. Содержаніе Государственнаго Совѣта 224,747 р. На извѣстные Его Величеству расходы 534,400 р. На исправленіе дворцовъ 1,157,916 р. и проч.).

На духовный штатъ 1,988,807 р. 50¼ коп.

На Военное министерство 188,851,027 р. 86¼ к. (въ томъ числѣ департаментамъ: Провіантскому 76,200,488 р. Коммисаріатскому 81,480,352 р. Артиллерійскому 5,637,218 р. Инженерному 6,216,659 р. На устройство военныхъ поселеній 1,716,288 р. Въ распоряженіе военнаго министерства на заблаговременныя заготовленія 15,000,000 р. За продовольствіе войскъ: прусскому правительству 1,000,000 р. Австрійскому и баварскому правительствамъ 3,815,026 р. Въ распоряженіе главнокомандующихъ 948,228 р. и проч.).

На Морское министерство 23,150,577 р. 16½ к.

На министерство Иностранныхъ дѣлъ 4,741,682 р. 43 коп. (въ томъ числѣ: миссіи и консульства 1,048,608 р. На дополненіе по вексельному курсу 2,012,728 р. и проч.).

На министерство Внутреннихъ дѣлъ 19,237,391 р. 48½ к. (въ томъ числѣ: на заготовленіе суконъ 10,349,123 р. На содержаніе губернскихъ почтамтовъ 2,155,930 р. На устройство Макарьевской ярмарки 1,500,000 р. На плату за иностранную корреспонденцію 450,000 р. Возка почтъ 745,000 р. и проч.).

На министерство Народнаго просвѣщенія 3,825,218 р. 7 к. (въ томъ числѣ: университеты, гимназіи и училища 2,191,841 р. Академіи наукъ и художествъ 321,805 р. Медико-хирургическая академія 495,814 р. Публичная библіотека 45,500 р. и проч.).

На министерство Финансовъ 101,235,476 р. 32¾ к. (въ томъ

числѣ: казенное винокуреніе 7,227,876 р. Горные заводы 3,508,158 р. Добываніе соли 9,668,011 р. Виннымъ поставщикамъ и за доставку вина 43,775,706 р. Жалованье виннымъ приставамъ 1,529,249 р. Пенсіи 6,488,103 р. Казенныя палаты 1,532,042 р. и проч.).		
На министерство Юстиціи 3,301,687 р. $8^1/_4$ к.		
На министерство Полиціи 8,456,828 р. $84^1/_4$ к. (въ томъ числѣ на учебныя управы 1,058,749 р.).		
На управленіе путей сообщенія 6,997,331 р. $40^1/_2$ к.		
На государственный контроль 292,852 р. 83 к.		
На уплату государственнаго долга 56,749,352 р. 9 к.		
Итого въ расходѣ . . .	443,285,569	$16^1/_2$
За тѣмъ къ 1-му генваря 1819 года въ остаткѣ	188,560,934	49

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1819-й годъ.

По отчету за 1818-й годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1819 года суммъ, всего	188,560,934	49
Поступило въ доходъ:		
Податей 132,831,616 р. 97 к. (въ томъ числѣ: процентовъ съ купеческихъ капиталовъ 8,769,058 р. Процентныхъ съ доходовъ 3,458,244 р. Подушныхъ и оброчныхъ 112,405,908 р. Съ иностранныхъ ремесленниковъ 367,279 р. Податей съ Закавказья 1,602,029 р. На устройство дорогъ 4,948,695 р. На улучшеніе путей сообщенія 1,480,240 р. и проч.).		
Экономическихъ доходовъ 16,888,692 р. 32 к. (въ томъ числѣ: съ казенныхъ имѣній 4,864,254 р. Съ казенныхъ лѣсовъ 2,145,276 р. Пошлинъ за вино поставляемое казною 2,093,813 р Съ казенныхъ горныхъ заводовъ 6,278,057 р. Прибыли по Заемному банку 1,500,000 р. и проч.).		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ 260,109,935 р. $97^1/_2$ к. (въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 152,732,336 р. Таможенныхъ 43,823,338 р. Отъ продажи соли 21,216,093 р. Съ купчихъ крѣпостей 12,545,913 р. Почтовый сборъ 9,885,754 р. За гербовую и вексельную бумагу 5,250,985 р. За паспорты 4,499,598 р. Съ частныхъ горныхъ заводовъ 1,212,938 р. Подорожный сборъ 746,605 р. Рекрутскихъ, вмѣсто поставки рекрутъ, 4,129,374 р. и проч.).		
Долговъ 3,883,716 р. $62^1/_2$ к.		
Чрезвычайныхъ доходовъ 69.967,977 р. $17^3/_4$ к.		
Всего-же доходъ	483,681,939	7
Итого въ приходѣ . . .	672,242,873	56

Расходъ.

На Высочайшій дворъ 20,188,163 р. 90½ к. (въ томъ числѣ: Императорской фамиліи 1,515,039 р. Кабинетъ Его Величества 4,315,000 р. Придворная контора 7,231,000 р. Содержаніе Государственнаго Совѣта 237,518 р. Выдано вдовствующей Императрицѣ 498,904 р. На исправленіе дворцовъ 120,740 р. и проч.).

На Военное министерство 188,430,432 р. 17 к. (въ томъ числѣ департаментамъ: Провіантскому 74,383,629 р. Коммисаріатскому 80,561,194 р. Артиллерійскому 7,194,413 р. Инженерному 4,697,071 р. На устройство военныхъ поселеній 1,556,146 р. Въ распоряженіе военнаго министерства для заблаговременныхъ заготовленій 15,000,000 р. и проч.).

На Морское министерство 26,187,591 р. 60½ к.

На министерство Иностранныхъ дѣлъ 5,603,896 р. 17 к. (въ томъ числѣ: миссіи и консульства 1,143,573 р. На дополненіе по курсу 2,078,944 р. Посланнику въ Парижѣ Поццо-ди-Борго 207,029 р. и проч.).

На министерство Внутреннихъ дѣлъ 22,152,241 р. 14 к. (въ томъ числѣ: на устройство Макарьевской ярмарки 1,500,000 р. На заготовленіе суконъ 11,069,934 р. Иностранная корреспонденція 475,000 р. Возка почтъ 1,600,000 р. и проч.).

На министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія 9,723,060 р. 29¾ к. (въ томъ числѣ: университеты, гимназіи и училища 2,201,114 р. Академія наукъ и художествъ 387,385 р. и проч.).

На министерство Финансовъ 124,826,654 р. 76¼ к. (въ томъ числѣ: казенное винокуреніе 8,075,539 р. Казенные горные заводы 3,901,279 р. Добываніе соли 8,941,371 р. Пенсіи 6,613,616 р. На заготовленіе вина для продажи 56,276,382 р. На транспортъ денегъ изъ однихъ казначействъ въ другія 2,322,614 р. и проч.).

На министерство Юстиціи 3,786,844 р. 72 к. (въ томъ числѣ: Правительствующій сенатъ 1,292,717 р. Уголовныя и гражданскія палаты 1,548,888 р.).

На министерство Полиціи 8,777,271 р. 12½ к. (въ томъ числѣ: на врачебныя управы 1,272,699 р. На заготовленіе аптекарскихъ матеріаловъ 1,381,578 р. и проч.).

На управленіе Путей сообщенія 12,733,235 р. 93 к. (въ томъ числѣ: на составленіе капитала для устройства дорогъ 4,848,529 р. На устройство водяныхъ сообщеній 5,000,000 р. и проч.).

На государственный контроль 394,148 р. 73 к.

На уплату государственнаго долга 56,853,175 р. 95½ к.

Итого въ расходѣ . . .	479,657,716	51
За тѣмъ къ 1-му генваря 1820 года въ остаткѣ . . .	192,585,157	5

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1820-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1819-й годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1820 года суммъ, всего	192,585,157	5
Поступило въ доходъ:		
Податей 132,321,383 р. 29 к. (въ томъ числѣ: съ купеческихъ капиталовъ 8,628,762 р. Процентныхъ съ доходовъ 1,312,698 р. Подушныхъ и оброчныхъ 114,707,077 р. Съ иностранныхъ ремесленниковъ 98,394 р. Съ Закавказья 909,785 р. На устройство дорогъ 5,109,081 р. На улучшеніе путей сообщенія 1,387,319 р. и проч.).		
Экономическихъ доходовъ 15,264,594 р. 40½ к. (въ томъ числѣ: съ казенныхъ имѣній 5,231,367 р. Съ казенныхъ лѣсовъ 2,280,666 р. Пошлинъ за вино поставляемое казною 1,968,115 р. Съ казенныхъ горныхъ заводовъ 4,770,610 р. Прибыли по заемному банку 1,000,000 р. и проч.).		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ 275,971,493 р. 55½ к. (въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 155,057,290 р. 44 к. Таможенныхъ 52,483,037 р. Почтовый сборъ 9,355,311 р. Гербовая и вексельная бумага 6,300,756 р. Паспорты 4,702,214 р. Отъ продажи соли 20,611,287 р. и проч.).		
Долговъ 8,521,059 р. 64 к.		
Чрезвычайныхъ доходовъ 46,459,417 р. 13 к.		
Всего-же доходъ	478,537,948	3½
Итого въ приходѣ . . .	671,123,105	8½

Расходъ.

На Высочайшій дворъ 22,953,632 р. 35 к. (въ томъ числѣ: для Императорской фамиліи 1,564.551 р. Кабинетъ Его Величества 4,300,000 р. Придворная контора 7,540,000 р. Содержаніе Государственнаго Совѣта 260,545 р. Выдано вдовствующей Императрицѣ 421,000 р. На путешествіе Государя 2,206.330 р. и проч.).		
На Военное министерство 197,770,936 р. 71 к. (въ томъ числѣ департаментамъ: Провіантскому 79,731,700 р. Коммисаріатскому 84,648,228 р. Артиллерійскому 6,320,458 р. Инженерному 7,123,053 р. На устройство поселенныхъ войскъ 609,253 р. Въ распоряженіе военнаго министерства на заготовленія 15,000,000 р. и проч.).		
На морское министерство 25,836,900 р. 23 к. (въ томъ числѣ на кораблестроеніе 4,750,000 р.).		

На министерство Иностранныхъ дѣлъ 6,165,456 р. 93 к. (въ томъ числѣ миссіи и консульства 1,284,329 р.).

На министерство Внутреннихъ дѣлъ 14,683,210 р. 48 к. (въ томъ числѣ на устройство Макарьевской ярмарки 1,500,000 р.).

На министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія 6,547,738 р. 36 к. (въ томъ числѣ: на университеты, гимназіи и училища 1,793,403 р.).

На министерство Финансовъ 139,606,943 р. (въ томъ числѣ: на заготовленіе вина для продажи 60,460,700 р. Казенное винокуреніе 10,090,833 р. Казенные горные заводы 5,379,492 р. Добываніе соли 13,758,100 р. Пенсіи 7,464,887 р. На транспортъ денегъ изъ однихъ казначействъ въ другія 3,220,060 р. и проч.).

На министерство Юстиціи 4,364,877 р. $70\frac{1}{2}$ к.

На управленіе почтъ 4,128,045 р.

На управленіе путей сообщенія 11,316,289 р. 46 к. (въ томъ числѣ: на составленіе капитала для устройства дорогъ 4,848,529 р. На устройство водяныхъ сообщеній 5,000,000 р.).

На государственный контроль 327,596 р.

На уплату государственнаго долга 66,102,416 р. $1\frac{1}{2}$ к.

Итого въ расходѣ . . .	499,804,043	89
Затѣмъ, къ 1-му генваря 1821 года въ остаткѣ	171,319,061	19

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ расходахъ и остаткахъ за 1821-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1820-й годъ состояло остававшихся къ 1 му генваря 1821 года суммъ, всего	171,319,061	19

Поступило въ доходъ:

Податей 119,117,068 р. 5 к. (въ томъ числѣ: съ купеческихъ капиталовъ 7,278,798 р. Процентныхъ съ доходовъ 186,975 р. Подушныхъ и оброчныхъ 95,904,221 р. Съ иностранныхъ ремесленниковъ 49,752 р. Податей съ Закавказья 1,640,695 р. На устройство дорогъ 4,667,090 р. На улучшеніе путей сообщенія 1,224,110 р.).

Экономическихъ доходовъ 13,952,443 р. 53 к. (въ томъ числѣ: съ казенныхъ имѣній 4,688,682 р. Съ казенныхъ лѣсовъ 1,942,412 р. Пошлинъ за вино поставляемое казною 2,000,690 р. Съ казенныхъ горныхъ заводовъ 5,331,088 р. и проч.).

Пошлинъ и разныхъ сборовъ 261,149,860 р. 10 к. (въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 149,403,227 р. Таможенныхъ 49,733,140 р. Почтовый сборъ, 8,944.963 р. Гербовая и вексельная бумага

5,775,946 р. Паспорты 4,542,360 р. Пошлинъ съ судовъ проходящихъ по каналамъ 2,232,944 р. Отъ продажи соли, 21,013,995 р. Отъ продажи штыковой мѣди 1,936,320 р. и проч.).		
Долговъ 6,801,736 р. 91 к.		
Чрезвычайныхъ доходовъ 52,268,999 р. 92³/₄ к.		
Всего-же доходъ	453,290,128	52³/₄
Итого въ приходѣ	624,609,189	71³/₄
Расходъ.		
На Высочайшій дворъ 19,326,143 р. 8 к. (въ томъ числѣ: для Императорской фамиліи 1,448,925 р. Кабинетъ Его Величества 4,315,000 р. Придворная контора 770,000 р. Выдано вдовствующей Императрицѣ 423,000 р. На путешествіе Государя 1,031,491 р.).		
На Военное Министерство 204,404,456 р. 87 к. (въ томъ числѣ на департаменты: Провіантскій 77,615,707 р. Коммисаріатскій 87,523,750 р. Артиллерійскій 5,773,451 р. Инженерный 7,030,582 р.). На устройство поселенныхъ войскъ 1,795,619 р. Въ распоряженіе военнаго министерства 15,000,000 р. и проч.).		
На Морское Министерство 27,280,605 р. 42 к. (въ томъ числѣ на кораблестроеніе 4,750,000 р. и проч.).		
На Министерство Иностранныхъ дѣлъ 7,244,496 р. 39 к. (въ томъ числѣ: миссіи и консульства 1,285,642 р. На дополненіе вексельнаго курса 2,481,711 р. и проч.).		
На министерство Внутреннихъ дѣлъ 19,077,965 р. 5¹/₂ к.		
На министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія 7,927,970 р. 21 к.		
На министерство Финансовъ 118,847,435 р. 75 к. (въ томъ числѣ: казенное винокуреніе 5,047,811 р. На заготовленіе вина для продажи 50,598,980 р. Горные заводы 5,415,657 р. Пенсіи 7,868,000 р. На транспортъ денегъ изъ однихъ казначействъ въ другія 3,257,482 р. и проч.).		
На министерство Юстиціи 4,965.476 р. 75 к.		
На управленіе почтъ 4,347,554 р. 34 к.		
На управленіе путей сообщенія 10,435,750 р. 36 к. (въ томъ числѣ: на составленіе капитала для устройства дорогъ 4,848,529 р. На устройство водяныхъ сообщеній 5,000,000 р. и проч.).		
На государственный контроль 334,218 р. 42 к.		
На уплату государственнаго долга 58,127,210 р. 72 к.		
Итого въ расходѣ . . .	482,319,283	39³/₄
За тѣмъ, къ 1-му генваря 1822 года въ остаткѣ . . .	142,289,906	32

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1822-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1821-й годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1822 года суммъ, всего	142,289,906	32
Поступило въ доходъ:		
Податей 125,082,919 р. 4 к. (въ томъ числѣ: процентныхъ съ купеческихъ капиталовъ 7,718,604 р. Процентныхъ съ доходовъ 199,410 р. Подушныхъ и оброчныхъ 115,169,437 р. Съ иностранныхъ ремесленниковъ 44,330 р. Податей съ Закавказья 1,786,711 р.		
Экономическихъ доходовъ 13,978,828 р. 31¾ к. (въ томъ числѣ: въ казенныхъ имѣній 4,527,904 р. Съ казенныхъ лѣсовъ 1,806,400 р. Пошлинъ за вино казною поставляемое 2,107,865 р. Съ казенныхъ заводовъ золота на 2,714,897 р. и проч.).		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ 238,579,104 р. 59¼ к. (въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 136,235,536 р. Таможенныхъ 40,775,790 р. Почтовый сборъ 9,064,503 р. Гербовая и вексельная бумага 8,306,140 р. Паспорты 4,275,198 р. Свидѣтельства крестьянамъ на право торговли 1,215,590 р. Съ частныхъ горныхъ заводовъ 1,244,883 р. Пошлинъ съ купчихъ крѣпостей 10,057,353 р. Съ судовъ проходящихъ по каналамъ 1,951,399 р. Отъ продажи соли 23,473,550 р. Отъ продажи штыковой мѣди 723,735 р. и проч.).		
Долговъ 3,530,774 р. 65 к.		
Чрезвычайныхъ доходовъ 68,982,738 р. 1 к. (въ томъ числѣ заимообразно: отъ комитета военныхъ поселеній 3,000,000 р. отъ удѣльнаго департамента 9,967,000 Изъ запаснаго капитала государственнаго казначейства 11,224,315 р. Изъ Заемнаго банка 3,000,000 р. Изъ заграничнаго займа 21,186,629 р. и проч.).		
Всего-же доходъ	450,154,361	61
Итого въ приходѣ . . .	592,444,270	93

Расходъ.

На Высочайшій дворъ 20,146,403 р. 24 к. (въ томъ числѣ: Императорской фамиліи 1,448,925 р. Кабинетъ Его Величества 4,731,756 р. Въ распоряженіе вдовствующей Императрицы 656,738 р. На путешествіе Государя 1,?83,185 р. и проч.).

На Военное министерство 185,889,354 р. 73 к. (въ томъ числѣ департаментамъ: Провіантскому 87,688,102 р. Коммисаріатскому 83,416,932 р. Артиллерійскому 4,843,830 р. Инженерному 6,452,710 р. На военныя поселенія 2,095,396 р. и проч.).

На Морское министерство 25,215,930 р. 72 к. (въ томъ числѣ на кораблестроніе 5,950,000 р.). *На министерство Иностранныхъ дѣлъ* 6,059,899 р. 99 к. *На министерство Внутреннихъ дѣлъ* 16,464,403 р. 21 к. *На министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія* 8,724,935 р. 58 к. (въ томъ числѣ: учебныя заведенія 1,481,480 р. Академіи наукъ и художествъ 445,197 р. и проч.). *На министерство Финансовъ* 113,309,501 р. 13 к. (въ томъ числѣ: казенное винокуреніе 5,331,793 р. Казенные горные заводы 8,036,868 р. Заготовленіе солдатскаго сукна 11,017,639 р. Пенсіи 8,152,749 р. и проч.). *На министерство Юстиціи* 5,089,026 р. 15 к. *На управленіе почтъ* 4,762,929 р. 64 к. *На управленіе путей сообщенія* 8,238,167 р. 11 к *На государственный контроль* 478,434 р. 67 к. *На уплату государственнаго долга* 61,642,213 р. 10 к. За тѣмъ, къ 1-му генваря 1823 года въ остаткѣ . . .	456,471,199	37
Итого въ расходѣ . . .	135,973,071	56

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1823-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1823-й годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1823 года суммъ, всего	135,973,071	56

Поступило въ доходъ:

Податей 133,886,971 р. 22½ к. (въ томъ числѣ: процентныхъ съ купеческихъ капиталовъ 7,882,639 р. Процентныхъ съ доходовъ 200,763 р. Подушныхъ и оброчныхъ 123,525,971 р. Податей съ Закавказья 2,078,219 р. и проч.).

Экономическихъ доходовъ 16,878,109 р. 97½ к. (въ томъ числѣ: съ казенныхъ имѣній 4,337,244 р. Съ казенныхъ лѣсовъ 1,927,408 р. Пошлинъ за вино казною поставляемое 1,877,649 р. Съ казенныхъ горныхъ заводовъ золота на 2,942,015 р. и проч.).

Пошлинъ и разныхъ сборовъ 234,356,999 р 32 к. (въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 128,858,448 р. Таможенныхъ 41,213,875 р. Почтовый сборъ 8,807,443 р. Гербовая и вексельная бумага 8,264,664 р. Паспорты 4,839,995 р. Пошлинъ съ купчихъ крѣпостей 8,949,214 р. Съ судовъ проходящихъ по каналамъ 2,380,862 р. Отъ продажи соли 27,352,697 р. и проч.).

Долговъ 3,410,353 р. 19 к.

Чрезвычайныхъ доходовъ 74,893,350 р. 89 к. (въ томъ числѣ заимообразно изъ Заемнаго банка 20,000,000 р.).		
Всего-же доходъ	463,425,785	60
Итого въ приходѣ . . .	599,398,857	16

Расходъ.

На Высочайшій дворъ 21,257,257 р. 9 к. (въ томъ числѣ: Императорской фамиліи 1,448,925 р. Кабинетъ Его Величества 4,315,000 р Придворная контора 5,208,329 р. Переведено за границу, на извѣстные Его Величеству расходы, 1,134,851 р. Выдано вдовствующей Императрицѣ 600,538 р. и проч.).

На Военное министерство 195,555,909 р. 14 к. (въ томъ числѣ департаментамъ: Провіантскому 83,611,463 р. Коммисаріатскому 80,716,709 р. Артиллерійскому 5,034,447 р. Инженерному 5,184,687 р. На военныя поселенія 2,239,328 р. и проч.).

На Морское министерство 26,716,517 р. 48 к. (въ томъ числѣ на кораблестроеніе 4,969,613 р.).

На министерство Иностранныхъ дѣлъ 6,872,677 р. 52 к. (въ томъ числѣ: миссіи и консульства 1,204,931 р. На дополненіе по вексельному курсу 2,479,340 р. и проч.).

На министерство Внутреннихъ дѣлъ 17,003,453 р. 40 к.

На министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія 6,553,372 р. 11 к. (въ томъ числѣ: на учебныя заведенія 1,363,880 р. Академіи наукъ и художествъ 371,147 р. и проч.).

На министерство Финансовъ 117,398,981 р. 83 к. (въ томъ числѣ: въ возвратъ комитету военныхъ поселеній 3,015,534 р. Коммисіи погашенія долговъ 10,000,000 р. Коммерческому банку 2,000,000 р. Казенное винокуреніе 5,854,662 р. Добываніе соли 11,789,356 р. Заготовленіе вина 42,399,795 р. и проч.).

На министерство Юстиціи 5,052,849 р. 20 к.

На управленіе почтъ 4,929,515 р. 20 к.

На управленіе путей сообщенія 11,032,865 р. 66 к.

На государственный контроль 503,173 р. 73 к.

На уплату государственнаго долга 69,271,575 р. 11 к.

Итого въ расходѣ . . .	479,148,147	47½
За тѣмъ къ 1-му генваря 1824 года въ остаткѣ . . .	120,250,709	68½

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1824-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1823-й годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1824 года суммъ, всего	120,250,709	68½

Поступило въ доходъ:

Податей 118,042,138 р. 55½ к. (въ томъ числѣ: процентныхъ съ купеческихъ капиталовъ 5,167,805 р. Съ доходовъ имѣній 180,199 р. Подушныхъ и оброчныхъ 110,671,622 р. Податей съ Закавказья 1,816,141 р. и проч.).

Экономическихъ доходовъ 20,146,091 р. 65 к. (въ томъ числѣ: съ казенныхъ имѣній 4,672,961 р Съ казенныхъ лѣсовъ 1,831,131 р. Пошлинъ за вино поставляемое казною 1,807,131 р. Съ казенныхъ заводовъ золота на 4,100,659 р. и проч.).

Пошлинъ и разныхъ сборовъ 230,095,276 р. 93 к. (въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 118,615,030 р. Таможенныхъ 50,225,527 р. Почтовый сборъ 9,173,037 р. За гербовую и вексельную бумагу 10,140,542 р. Паспорты 4,839,961 р. Пошлинъ съ купчихъ крѣпостей 10,630,356 р. Съ судовъ проходящихъ по каналамъ 145,142 р. Отъ продажи соли 23,595,280 р. Отъ продажи штыковой мѣди 4,264,345 р. и проч.).

Долговъ 2,674,304 р. 48 к.

Чрезвычайныхъ доходовъ 36,851,893 р. 57 к.

Всего-же доходъ	407,809,705	19
Итого въ приходѣ . . .	528,060,414	87

Расходъ.

На Высочайшій дворъ 22,798,985 р. 83 к. (въ томъ числѣ Императорской фамиліи 1,448,925 р. Кабинетъ Его Величества 4,135,000 р. Придворная контора 4,771,726 р. Выдано вдовствующей Императрицѣ 684,504 р. и проч.).

На Военное министерство 157,235,876 р. 79½ к. (въ томъ числѣ департаментамъ: Провіантскому 69,188,699 р. Коммисаріатскому 75,247,519 р. Артиллерійскому 5,083,241 р. Инженерному 5,261,505 р. На военныя поселенія 2,176,406 р. и проч.).

На Морское министерство 23,082,545 р. 84¼ к. (въ томъ числѣ: на кораблестроеніе 5,740,606 р.).

На министерство Иностранныхъ дѣлъ 6,443,278 р. 37½ к. (въ томъ числѣ: миссіи и консульства 1,815,431 р. На дополненіе по вексельному курсу 2,499,324 р. и проч.).

На министерство Внутреннихъ дѣлъ 18,241,150 р. 12½ к.

На министерство просвѣщенія и иностранныхъ вѣроисповѣданій 6,538,350 р. 42¾ к. (въ томъ числѣ: учебныя заведенія 1,488,980 р. Академіи наукъ и художествъ 446,012 р. и проч.).

На министерство Финансовъ 102,065,945 р. 32¾ к. (въ томъ числѣ: казенное винокуреніе 5,710,629 р. Казенные горные заводы 5,776,983 р. Добываніе соли 11,733,753 р. Заготовленіе вина 27,383,000 р. Заготовленіе солдатскаго сукна 8,000,000 р. Пенсіи 8,867,911 р. и проч.).

На министерство Юстиціи 5,241,721 р. 51¼ к.
На управленіе почтъ 5,051,088 р. 70 к.
На управленіе путей сообщенія 8,998,013 р. 87 к.
На государственный контроль 465,983 р. 70 к.
На уплату государственнаго долга 60,933,985 р.

Итого въ расходѣ . . .	417,026,925	51
За тѣмъ, къ 1-му генваря 1825 года въ остаткѣ . . .	111,033,489	36

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1825-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1824-й годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1825 года суммъ, всего	111,033.489	36

Поступило въ доходъ:

Податей 120,758,237 р. 89 к. (въ томъ числѣ: процентныхъ съ доходовъ имѣній 110,891 р. Подушныхъ и оброчныхъ 118,856,501 р. Податей съ Закавказья 1,398,379 р. и проч.).

Экономическихъ доходовъ 17,926,992 р. 39 к. (въ томъ числѣ: съ казенныхъ имѣній 5,212,777 р. Съ казенныхъ лѣсовъ 1,920,405 р. Пошлинъ за вино поставляемое казною 3,877,102 р. Съ казенныхъ заводовъ золота на 4,000,000 р. и проч.).

Пошлинъ и разныхъ сборовъ 245,526,530 р. 6½ к. (въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 115,069,075 р. Свидѣтельствъ на право торговли 19,864,475 р. Съ частныхъ горныхъ заводовъ 2,250,685 р. Таможенныхъ 54,353,281 р. Почтовый сборъ 8,610,270 р. За гербовую и вексельную бумагу 7,537,924 р. Паспорты 5,453,950 р. Пошлинъ съ купчихъ крѣпостей 9,630,924 р. Отъ продажи соли 21,502,390 р. Отъ продажи штыковой мѣди 1,645,303 р. и проч.).

Долговъ 2,766,741 р. 21½ к.

Чрезвычайныхъ доходовъ 11,787,899 р. 43 к.

Занято на подкрѣпленіе государственнаго казначейства 19,914,346 р. 46 к.

Всего-же доходъ	418,680,747	45
Итого въ приходѣ . . .	529,714,236	81

Расходъ.

На Высочайшій дворъ 23,997,563 р. 98 к. въ томъ числѣ: Императорской фамиліи 1,448,925 р. Кабинетъ Его Величества 5 315,000 р. Придворная контора 4,737,975 р. Вдовствующей

Императрицѣ 574,360 р. На путешествіе Государя 1,471,465 р. и проч.).

На Военное министерство 155,202,151 р. 16 к. (въ томъ числѣ на департаменты: Провіантскій 58.594,718 р. Коммисаріатскій 77,797.140 р. Артиллерійскій 5,287.522 р. Инженерной 5.946.207 р. На военныя поселенія 2,950,214 р. и проч.).

На Морское министерство 24,224.585 р. 36 к. (въ томъ числѣ на кораблестроеніе 4,999,180 р.).

На министерство Иностранныхъ дѣлъ 5,457,002 р. 24 к. (въ томъ числѣ: на миссіи и консульства 811,584 р. На дополненіе по вексельному курсу 2,697,306 р. и проч.).

На министерство Внутреннихъ дѣлъ 17,117,900 р. 12 к.

На министерство Народнаго просвѣщенія и иностранныхъ вѣроисповѣданій 8.600.933 р. 86 к. (въ томъ числѣ: учебныя заведенія 1,486,230 р. Академіи наукъ и художествъ 449,090 р. и проч.).

На министерство Финансовъ 100,722,800 р. 73 к. (въ томъ числѣ: казенное винокуреніе 4,163,952 р. Казенные горные заводы 5,252,871 р. Добываніе соли 11.213,993 р. Заготовленіе вина 22,943,000 р. Заготовленіе солдатскаго сукна 8,639,207 р. Пенсіи 9.251,697 р. и проч.).

На министерство Юстиціи 5,813,127 р. 9 к.

На управленіе почтъ 4,975,075 р. 40 к.

На управленіе путей сообщенія 10,112,239 р. 16 к.

На государственный контроль 471,636 р. 62 к.

На уплату государственнаго долга 56,764,831 р. 39 к.

Итого въ расходѣ . . .	413,459,847	10
За тѣмъ, къ 1-му генваря 1826 года въ остаткѣ . . .	116,254,389	71

Цѣнность серебрянаго рубля въ послѣдній періодъ царствованія Императора Александра I.

въ 1815 году	4 р. 15 к.	асс.
« 1816 «	4 р. 5 к.	«
« 1817 «	3 р. 89 к.	«
« 1818 «	3 р. 82 к.	«
« 1819 «	3 р. 73 к.	«
« 1820 «	3 р. 74 к.	«
« 1821 «	3 р 78 к.	«
« 1822 «	3 р. 73 к.	«
« 1823 «	3 р. 74 к.	«
« 1824 «	3 р. 72 к.	«
« 1825 «	3 р. 71 к.	«

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXIV.

---

(1) Именной указъ сенату, 14 февраля 1818 года (Полн. Собр. Закон. № 27,268-й). — Именной указъ начальнику главнаго штаба, 14 февраля 1818 года (Полн. Собр. Закон. № 27,269-й).

(2) Высочайше утвержденный, 29 мая 1818 года, уставъ Россійской Императорской Академіи.

(3) Высочайше утвержденный, 8 февраля 1818 года, докладъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

(4) Полн. Собр. Закон. №№ 28,302-й и 28,303-й.

(5) Именной указъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, 8 февраля 1819 года.

(6) Полн. Собр. Закон. № 28,875-й.

(7) Полн. Собр. Закон. № 28,863-й.

(8) По новому распредѣленію губерній на учебные округи, состояли: *С.-Петербургскій округъ* изъ 8-ми губерній: с.-петербургской, архангельской, олонецкой, вологодской, витебской, могилевской, смоленской и калужской; *Московскій* изъ 11-ти губерній: московской, новгородской, тверской, ярославской, костромской, владимірской, рязанской, тульской, орловской, воронежской и тамбовской; *Дерптскій* временно изъ 3-хъ губерній: курляндской, лифляндской и эстляндской; *Харьковскій* изъ 16-ти губерній и областей: слободско-украинской, черниговской, полтавской, кіевской, курской, астраханской, кавказской, Грузіи, Имеретіи, Мингреліи, херсонской, екатеринославской, таврической, бессарабской области, земель войскъ донскаго и черноморскаго; *Казанскій* изъ 12-ти губерній: казанской, нижегородской, симбирской, саратовской, пензенской, оренбургской, вятской, пермской, тобольской, томской, иркутской и енисейской; *Виленскій* изъ 6-ти губерній: виленской, гродненской, минской, волынской, подольской и бѣлостокской области; псковская-же, долженствующая принадлежать къ Дерптскому округу, причислена временно къ Петербургскому (Полн. Собр. Закон. № 30,102-й).

(9) Полн. Собр. Закон. № 27,978-й.

(10) Полн. Собр. Закон. № 27,979-й.

(11) Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, въ царствованіе Императора Александра I.

([12]) Высочайше утвержденный, 21 октября 1821 года, докладъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

([13]) Сухомлиновъ.

([14]) Историческая записка о дѣлѣ с.-петербургскаго университета. (Составлена профессоромъ Плисовымъ).

([15]) Краткая записка о общемъ собраніи императорскаго с.-петербургскаго университета, 3, 4 и 7-го ноября 1821 года, отъ 12 ноября того-же года. (Составлена Руничемъ).

([16]) Мнѣніе попечителя казанскаго округа, по дѣлу профессоровъ Германа и Раупаха, отъ 28 ноября 1821 года.

([17]) Мнѣніе графа Лаваля: о Всеобщей теоріи статистики Германа; объ отрѣшеніи университетскихъ профессоровъ, и о духѣ общественнаго преподаванія. (Прилож. къ сочин. професс. Сухомлинова).

([18]) Представленіе министра народнаго просвѣщенія, отъ 23-го генваря 1822 года.

([19]) Письмо къ Государю дѣйствительнаго статскаго совѣтника Уварова, отъ 18 ноября 1821 года.

([20]) Сухомлиновъ.

([21]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. I. 1522.

([22]) Сборникъ постановленій. I. 1541.

([23]) Сборникъ постановленій I. 1597—1598.

([24]) Сборникъ постановленій. I. 1600—1602.

([25]) Мнѣніе Шишкова, по дѣлу о петербургскихъ профессорахъ.

([26]) Изъ донесенія митрополиту, отъ 1-го октября 1824 года.

([27]) Записки адмирала А. С. Шишкова. Стран. 59.

([28]) Записки Шишкова.—Записки Греча. (Русск. Архивъ. 1868. IX).

([29]) Записки Шишкова.—Записки Греча.

([30]) Записка, составленная извѣстнымъ библіографомъ Серг. Дмитр. Полторацкимъ.—«Сынъ Отечества» и другія періодическія изданія.

([31]) В. Водовозовъ. Новая русская литература. 16. — А. Галаховъ. Исторія русской словесности. II. 260—262.

([32]) Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю.—Записки гидрографическаго департамента. VII.

([33]) Voyage de découvertes dans la mer du Sud et au détroit de Béring, pour trouver un passage au nord-est, 1815—1818.—Nouveau voyage autour du monde dans les années 1823—1826.

([34]) Никол. Муравьевъ. Путешествіе въ Туркменію и Хиву, въ 1819 и 1820 годахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXV.

---

(1) Именной указъ 11 марта 1816 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. № 26,190-й). Высочайше утвержденное, 16 апрѣля 1818 года, штатное положеніе о россійскихъ гвардейскихъ полкахъ въ Варшавѣ находящихся.—Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. № 26,119-й.—Росписаніе артиллеріи за 1817-й годъ.

(2) Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ. X.

(3) Полн. Собр. Закон. Т. XXXV. № 27,508-й; Т. XXXVI. № 27,905-й Т. XXXIX. № 30,024-й.

(4) Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ. X.

(5) Именное повелѣніе, объявленное въ приказѣ начальника главнаго штаба, 18 сентября 1818 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXV. № 27,541-й).

(6) Сенатскій указъ, 11 октября 1820 года (Полн. Собр. Закон. № 28,436-й).

(7) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVI. № 27,998-й. — Историческій очеркъ развитія Главнаго Инженернаго училища. 1819 — 1869. Стран. 25—27 и 29—36.

(8) Высочайше утвержденный, 3 марта 1820 года, проектъ образованія школы для офицеровъ, при главной квартирѣ 1-й арміи (Полн. Собр. Закон. Т. XXXVII. № 28,184-й).

(9) Современникъ. 1852. V. Николай Николаевичъ Муравьевъ.

(10) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVII. № 28,207-й.

(11) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVII. № 28 216-й.

(12) Высочайше утвержденное, 28 генваря 1822 года, Положеніе о корпусѣ топографовъ (Полн Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 28,901-й).

(13) Высочайше утвержденный, 9 мая 1823 года, проектъ учрежденія школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ (Полн. Собр. Зак. Т. XXXVIII. № 29,460-й).

(14) Высочайше утвержденное, 19 декабря 1823 года, Положеніе

института корпуса инженеровъ путей сообщенія (Полн. Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 29,702-й).

(15) Высочайше утвержденное Постановленіе о Неплюевскомъ училищѣ (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIX. № 29,770-й).

(16) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 29,472-й.

(17) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 29,473-й.

(18) Въ Именномъ указѣ Комитету министровъ, отъ 21 февраля 1823 года, сказано, что «учрежденіемъ Комитета 18 августа 1814 года обезпечены по возможности заслуженные офицеры въ ихъ нуждахъ и недостаткахъ.... Признателенъ будучи не менѣе къ заслугамъ гражданскихъ чиновниковъ, Я справедливымъ нахожу, тѣмъ изъ нихъ, кои, служа съ усердіемъ и лишась силъ отъ трудовъ, понесенныхъ въ прехожденіи отъ должностей, не имѣютъ средствъ къ приличному себя содержанію, открыть новый путь къ разнымъ вспомоществованіямъ, подобно тому, какъ производятся оныя военнымъ офицерамъ чрезъ Комитетъ 18 августа». Съ этою цѣлью былъ учрежденъ особый комитетъ, подъ названіемъ: *Призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ*, и въ распоряженіе его отдѣленъ милліонъ рублей изъ капитала инвалидовъ, съ нѣкоторыми доходами отъ гражданскихъ чиновниковъ, опредѣленными особымъ Положеніемъ. (Полн. Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 29,326-й).

(19) Сравнительный отчетъ Комитета, учрежденнаго въ 18-й день августа 1814 года, со времени учрежденія его по 1825 годъ. — Русскій Инвалидъ. 18 августа 1864 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXVI.

(¹) Письмо Великаго Князя Константина Павловича, отъ 25-го іюня 1816 года, изъ Варшавы.

(²) Инструкція генералъ-лейтенанту Ермолову, собственноручно исправленная Императоромъ Александромъ (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(³) Записки А. П. Ермолова.

(⁴) Приказъ по войскамъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, 16-го октября 1816 года.

(⁵) Изъ записокъ А. П. Ермолова и генераловъ А. А. Вельяминова и Менда.

(⁶) Составъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, въ октябрѣ 1816 года.

19-я пѣхотная дивизія. . . . . 20-я » »	30,336	челов.
Резервная гренадерская бригада	7,024	»
Гарнизонные полки и баталіоны	5,920	»
Нижегородскій драгунскій полкъ . . . . . , .	711	»
Линейные казачьи полки	5,302	»
Донскіе » »	5,237	»
Астраханскіе » »	1,634	»
Всего . .	56,164	челов.

Артиллерія.

Батарейная	48	орудій.
Легкая	60	»
Конно-казачья	24	»
Всего . .	132	орудія.

(⁷) Приказъ по корпусу, 6-го апрѣля 1817 года.

(⁸) Изъ записокъ Д. В. Давыдова.

(⁹) Общій штатъ посольства въ Персію: два совѣтника; секретарь; маршалъ; три кавалера; четыре канцелярскихъ чиновника; коммисаръ; казначей; докторъ; лекарь; аптекарь; два живописца; шесть офицеровъ

квартирмейстерской части и одинъ колонновожатый; адъютантъ; священникъ и четыре церковника при походной церкви; капельмейстеръ и двадцать четыре музыканта; казачья команда: командиръ, два урядника и 23 казака; Тифлисскаго полка два унтеръ-офицера и 24 отборныхъ гренадеръ; кабардинскій князь съ двумя узденями; поручикъ фельдъегерскаго корпуса, фельдъегерь и два ѣздовыхъ; четыре толмача два чиновника при подаркахъ Шаху, отправленныхъ чрезъ Астрахань; полиціймейстеръ; фершелъ и цырюльникъ; шесть мастеровыхъ и до 70-ти служителей, всего-же 203 человѣка.

Лошадей верховыхъ, упряжныхъ и казачьихъ до ста; подставныхъ перемѣнныхъ и подъ вьюки 275.

Повозокъ подъ тяжести восемь; подъ астрономическіе инструменты и на случай заболѣвшихъ, носилокъ на лошакахъ шесть.

(Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(10) Записки Ермолова.

(11) Рапортъ Его Императорскому Величеству генералъ-лейтенанта Ермолова, въ ноябрѣ 1817 года.

(12) Письмо Великаго Князя Константина Павловича, отъ 5-го марта 1818 года.

(13) Письмо графа Аракчеева, отъ 2-го сентября 1818 года. (Аракчеевъ былъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи еще въ 1807 году).

(14) Рапортъ Государю генералъ-лейтенанта Ермолова, въ ноябрѣ 1817 года.

(15) Составъ отряда, назначеннаго для экспедиціи въ Чечню: по два баталіона егерскихъ полковъ 8-го (прибывшаго изъ Крыма) и 16-го; по одному баталіону полковъ Троицкаго и Кабардинскаго; 6 батарейныхъ, 6 легкихъ и 4 конныхъ орудій; 500 линейныхъ и донскихъ казаковъ.

(16) Составъ пѣхоты отряда: 2 баталіона Кабардинскаго, одинъ баталіонъ Троицкаго и 2 баталіона 8-го егерскаго полковъ.

(17) Рапортъ начальнику штаба отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, генералъ-маіору Вельяминову 3-му, генералъ-маіора Пестеля, отъ 30-го октября 1818 года.

(18) Письмо Ермолова Ахметъ-хану аварскому, отъ 5-го ноября 1818 года.

(19) «Войны Государю Императору ни подъ какимъ предлогомъ неугодно»—писалъ начальникъ главнаго штаба, князь Волконскій Ермолову, 30-го сентября 1818 года.

(20) 16-го іюля 1819 года, 45-й егерскій полкъ переименованъ въ 44-й, а 44-й въ 45-й (Высочайшее повелѣніе командиру отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, генералу отъ инфантеріи Ермолову, 19-го апрѣля 1819 года.—Росписаніе войскъ, 2-го іюля 1819 года).

(21) Письма Ермолова князю Мадатову, отъ 26-го іюля и 1-го августа 1819 года, изъ Андрея (Андреевой деревни).

(22) Письма Ермолова князю Мадатову, отъ 8-го и 15-го августа 1819 года.

(23) Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова. Изд. 2-е. 33—37

(24) Письма Ермолова князю Мадатову, отъ 22-го августа 1819 года.

(25) Записки Ермолова. — Письма Ермолова князю Мадатову, отъ

30-го августа, изъ Боутугая на рѣкѣ Койсу, и 6-го сентября, изъ Андреевой-деревни.

(26) Жизнь князя Мадатова. 38—41.

(27) Изъ письма Ермолова князю Мадатову, отъ 11-го сентября 1819 года, изъ Андреевой-деревни.

(28) Изъ письма Ермолова князю Мадатову, отъ 11-го сентября, 1819 г.

(29) Жизнь князя Мадатова. 38—51.

(30) Донесеніе генералу Ермолову генералъ-маіора Сысоева, отъ 16-го сентября, 1819 г.

(31) Записки Ермолова.

(32) Изъ письма Ермолова, отъ 16-го ноября 1819 года, изъ Тарки.

(33) Изъ письма Ермолова, отъ 17-го ноября 1819 года, изъ Тарки.

(34) Изъ письма Ермолова, отъ 18-го ноября 1819 года, изъ Тарки.

(35) Письмо Ермолова князю Мадатову, отъ 11-го декабря 1819 г., изъ Параула.

(36) Записки Ермолова.—Жизнь князя Мадатова. 61—62.

(37) Записки Ермолова.

(38) Приказъ по войскамъ генерала Ермолова, 12-го мая 1820 года

(39) Записки Ермолова.

(40) Записки маіора Ванъ-Галена.

(41) Записки маіора Ванъ-Галена.

(42) Жизнь князя Мадатова. 70—71.

(43) Донесеніе Ермолову князя Мадатова, отъ 13-го іюня 1820 года.

(44) Жизнь князя Мадатова. 72—81.

(45) Извлечено изъ Высочайшаго рескрипта князю Мадатову.

(46) Изъ письма генерала Ермолова князю Волконскому, отъ 25-го сентября 1820 года, изъ Тифлиса.

(47) Записки Ермолова.

(48) Высочайшій рескриптъ, 18-го августа 1820 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXVII.

(¹) Донесеніе генералу отъ инфантеріи Ермолову генералъ-маіора Вельяминова, отъ 31-го августа 1821 года.

(²) Рапортъ начальнику главнаго штаба, князю Волконскому, генерала Ермолова, отъ 9-го ноября 1821 года.

(³) Высочайшее повелѣніе генералу Ермолову, отъ 8-го октября 1821 года.

(⁴) Высочайшіе рескрипты, 26-го сентября 1823 года, изъ Черновицъ, и 2-го октября 1824 года, изъ Перми.

(⁵) Письмо Ермолова къ графу Гурьеву, отъ 17-го іюня 1822 года, изъ лагеря въ Кабардѣ.

(⁶) Письма генерала Ермолова начальнику главнаго штаба, князю Волконскому, отъ 28-го іюля и 1-го сентября 1822 года.

(⁷) Историческій обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ (рукопись генер. Менда).

(⁸) Записки А. П. Ермолова.

(⁹) Жизнь генер.-лейт. князя Мадатова. 83—87.

(¹⁰) Записки Ермолова.

(¹¹) Записки Ермолова.

(¹²) Отношенія генерала Ермолова къ начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту барону Дибичу, отъ 29-го февраля 1824 года. — Записки Ермолова.

(¹³) Извлечено изъ отзыва генералъ-адъютанта Дибича къ генералу Ермолову, отъ 23-го апрѣля 1824 года.

(¹⁴) Отзывъ генерала Ермолова къ генералъ-адъютанту Дибичу, отъ 2-го іюня 1824 года.

(¹⁵) Отзывъ генералъ-адъютанта Дибича къ генералу Ермолову, отъ 3-го іюля 1824 года.

(¹⁶) Донесенія генерала Ермолова, отъ 20-го мая, 9-го и 21-го іюня 1825 года.

(¹⁷) Отзывы генерала Ермолова къ генералъ-адъютанту Дибичу. — Записки Ермолова.

(18) Донесенія директору Азіятскаго департамента Конст. Константиновичу Родофиникину русскаго консула въ Персіи, статск. совѣтн. Ващенка (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(19) Отзывъ генерала Ермолова графу Нессельроду отъ 28-го августа 1825 года.

(20) Отзывъ графа Нессельрода генералу Ермолову, отъ 15-го ноября 1825 года, изъ Петербурга.

(21) Отзывъ генерала Ермолова графу Нессельроду, отъ 10-го декабря 1825 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXVIII.

(1) Lacroix Histoire de l'empereur Nicolas I-r. I. 217—218 et 225—226. — A. Th. v. Grimm. Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland. I. 184—188.

(2) Разговоръ Императора Александра I съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ изложенъ согласно съ сочиненіемъ бар. М. А. Корфа: «Восшествіе на престолъ Императора Николая I.» – См. также v. Grimm. I. 147—149.

(3) Бар. М. А. Корфъ. Восшествіе на престолъ Императора Николая I. Изд. 5-е. Стр. 13.

(4) Манифестъ 20-го марта 1820 года. О расторженіи брака Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича съ Великою Княгинею Анною Θеодоровною и о дополнительномъ постановленіи объ Императорской фамиліи (Полн. Собр. Зак. Т. XXXVII, № 28,208-й).

(5) Баронъ М. А. Корфъ. 14—16.—Lacroix. I. 231—234.

(6) Баронъ М. А. Корфъ. 23—25 и 29—31.

(7) Подробности путешествія Императора Александра I въ 1823 году извлечены изъ современныхъ періодическихъ изданій и словесныхъ показаній.

(8) Письмо къ начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту Дибичу, отъ 22-го октября, и отвѣтъ его, отъ 26-го ноября 1824 года.

(9) Изъ современныхъ періодическихъ изданій.

(10) 1777 года, 5-го октября, въ три часа по полуночи, вода въ Невѣ поднялась на 10 футовъ; 1824 года, 7-го ноября, въ часъ по полудни, на 12 футовъ, а въ Галерной гавани—до 16-ти футовъ. (Изъ дѣлъ канцеляріи Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи).

(11) Письмо къ Государю графа Аракчеева, 8-го ноября 1824 года. См. въ общемъ приложеніи къ 6-му тому.

(12) Изъ записокъ генералъ-адъютанта графа Комаровскаго.

(13) Русскій Инвалидъ 1824 и 1825 годовъ.

(14) Предположеніе вдовствующей Императрицы, утвержденное Императоромъ Александромъ I-мъ 12-го ноября 1824 года.

(15) Изъ записокъ графа Комаровскаго.

(16) Изъ записокъ графа Комаровскаго.—Schnitzler. Histoire intime de la Russie. II. 9.

(17) Schnitzler. II. 10 et suiv.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXIX.

(1) Русскій Вѣстникъ. 1868. IV. 512—513.

(2) Воспоминанія Вигеля.

(3) Изъ записокъ архимандрита Фотія. Русск. Архивъ. 1869. № 6-й.

(4) Письма князя А. Н. Голицына къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской, въ 1811 и 1813 годахъ. Русск. Архивъ. 1869 г. № 6-й.

(5) Письмо архимандрита Фотія къ князю А. Н. Голицыну, отъ 22-го апрѣля 1824 года.

(6) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. I.

(7) Императоръ Александръ и его сподвижники, въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. Біографія князя П. М. Волконскаго. — Воспоминанія Вигеля.

(8) Очеркъ жизни и государственной дѣятельности графа Канкрина.—Encyclopedie des gens du monde. IV. 2-me partie.

(9) Изъ записокъ барона М. А. Корфа.

(10) Очеркъ жизни и государственной дѣятельности графа Канкрина.

(11) Воспоминанія Вигеля.—Показанія современниковъ.

(12) Воспоминанія Вигеля.

(13) Воспоминанія Вигеля.—Извлеченія изъ частныхъ писемъ.

Доносъ архимандрита Фотія.

1. Филаретъ всегда принадлежалъ къ партіи тайныхъ обществъ, числился въ оныхъ терпѣлъ ихъ и въ тѣсномъ союзѣ съ оными былъ.

2. Всегда былъ другъ, совѣтникъ собесѣдникъ Кошелева, кн. Голицына, Лабзина, и проч. и не по службѣ, а дѣйствіемъ тайныхъ обществъ выходилъ на видъ.

3. Необдуманная реформа учебныхъ заведеній, какъ атака на православіе тайныхъ обществъ, или черезъ Филарета особенно, и многое дѣлалось, тайно и явно, по его планамъ.

4. Филаретъ дѣйствуетъ всегда принаровляясь къ мѣсту, ко времени и къ людямъ; а можетъ-ли на пользу Церкви и отечества, и по вѣрности къ Царю дѣйствовать, имѣя свои планы — въ семъ едва-ли кто найдется увѣренъ.

5. Всѣ правовѣрные, архіереи, господа, духовные, купцы и народъ, не могутъ и имени его слышать, такъ почитаютъ его неправовѣрнымъ: это общій гласъ народа.

6. Митрополитъ Амвросій, Михаилъ, архіереи Инокентій, Симеонъ, и проч. правовѣрные въ Филаретѣ имѣли всегда гонителя; ибо партія тайныхъ обществъ чрезъ Филарета дѣйствовала на все.

7. Филаретъ со своими не возставалъ противъ сектъ и книгъ. Книги противъ вѣры и власти прежде печатанія читывалъ, но то по терпимости, то по связямъ съ тайными обществами, то по инымъ видамъ, не отвергалъ, и книгу *воззваніе къ человѣчеству*, т. е. зовъ на революцію, прежде печатанія, перечитывалъ въ рукописи и не отвергъ. Самъ кн. Голицынъ сіе мнѣ говорилъ въ оправданіе.

8. Какъ митрополитъ возсталъ противъ Госнера, то и Григорій возставалъ; ибо Григорій не за церковь, а за личность Филарета хотѣлъ возстать, потому что подъ именемъ Филарета хотѣли выпустить, то Филаретъ писалъ къ епископу Григорію, дабы не приставалъ къ дѣлу, подъ тѣмъ предлогомъ, что аки-бы не его дѣло, между тѣмъ какъ его-то дѣло и было съ академіею вооружиться.

9. Филаретъ зналъ о Госнерѣ; его-же орудіе вѣрное, священникъ Павскій Казанскаго Собора цензировалъ нѣкоторыя сочиненія Госнера; но чтоже не доносилъ?

10. Отъ Филарета не можетъ быть никогда, ни великихъ дѣлъ, ни пользы особенной Церкви и Государству противъ тайныхъ обществъ; ибо вся надежда тайныхъ обществъ была сперва на благосклонность Филарета и его терпимость, а потомъ на Іону, Димитрія и Гавріила Орловскаго.

11. Ежели Филаретъ вызовется въ Синодъ, то вотъ что можетъ сдѣлаться:

Онъ принадлежалъ искренно къ партіи тайныхъ обществъ, а партія та уже пала, то Филаретъ, идя всегда кривыми путями, будетъ поддерживаться партіею упадшею, и по связи и знакомству самъ будетъ ее въ разныхъ видахъ поддерживать, а отъ сего произойдетъ равновѣсіе добра и зла, и слѣдственно борьба; а отсюда великій вредъ Церкви и Государству. Онъ можетъ со временемъ взойти на митрополію С.-Петербургскую и быть первымъ въ Синодѣ, и будетъ набирать свою партію изъ новоученыхъ и приверженныхъ, и раздѣлится духовенство на двѣ партіи: 1) *старую, правовѣрную* и 2) *новую, Филаретовскую*. И будетъ послѣдняя бѣда опаснѣе первой.

Дабы избѣжать всего зла и всѣхъ крайностей, и положить прочное начало добра и пользы, въ Синодъ надобно вызвать кіевскаго митрополита Евгенія.

Сей человѣкъ умнѣе Филарета, мудрѣе, старѣе, опытнѣе, писатель и историкъ отличный; при томъ — правовѣренъ; въ Кіевѣ-же за нимъ большаго дѣла нѣтъ. Онъ и въ Питерѣ не живалъ и партій не имѣетъ, и одинъ токмо можетъ быть надеженъ по всему.

На всякій случай на видъ поставляю, хотя и не знаю лично, славящихся благочестивою жизнію, правовѣріемъ и ученостью доброю, что вотъ еще архіереи: 1) Архіепископъ могилевскій Іоасафъ, 2) Филаретъ Калужскій, 3) Владиміръ Курскій, 4) Парѳеній Владимірскій, 5) Ѳеофилактъ Тамбовскій, 6) Авраамій Ярославскій (но, по старости, неспособенъ къ большимъ дѣламъ).

А Евгеній, митрополитъ кіевскій, великій человѣкъ и столбъ Церкви.

Пятнадцать лѣтъ Филаретъ мнѣ извѣстенъ такъ, какъ я самъ себѣ. Онъ меня любитъ и я его люблю, но Царя, Церковь, отечество и правосуднаго Бога болѣе люблю нежели Филарета. Князь Голицынъ меня любилъ, и я его любилъ; но какъ скоро онъ невѣрно служилъ Царю, то я, за всю любовь его и вѣрныя обѣщанія, не пощадилъ, все открылъ, и о Филаретѣ теперь открываю; я, по присягѣ, Царя люблю и служу ему вѣрою и правдою, другу не дружа и врагу не мстя. Пусть Филаретъ поживетъ нѣсколько въ Москвѣ, пока партія тайная исчахнетъ.

Дѣла отлично хорошо начались и можно надѣяться великой пользы Церкви и Государству; только въ выборѣ людей нужно имѣть осторожность и вѣрность. Планъ тайныхъ обществъ разстроенъ вдругъ. Радость во всѣхъ великая; мольба за Царя несказанная. Прославится Царь симъ, и Богу весьма угодны настоящія дѣла. Слава Богу! Слава Богу! Отрада Церкви! Веселіе Россіи! Ахъ какъ хорошъ и добръ нашъ Царь! Подлинно онъ Ангелъ Божій, а не человѣкъ, въ дѣлахъ. Вѣрую, что съ Царемъ Господь пребудетъ навѣки. Аминь.

1824 года 18 мая.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXX.

(1) Всѣ эти и прочія свѣдѣнія о масонскихъ ложахъ, при Императорѣ Александрѣ I, заимствованы изъ рукописи: «Записка о масонскихъ ложахъ 25 генваря 1816 года», хранящейся въ Архивѣ канцеляріи военнаго министерства.

(2) Основный и соединительный договоръ, заключенный ложами, *Петра къ истинѣ*, *Палестины*, *Изиды и Нептуна къ Надеждѣ*, при учрежденіи великой ложи *Астреи*.

§ 1. Вышепомянутыя четыре ложи соединяются для составленія общаго масонскаго правленія, подъ названіемъ великой ложи Астреи, которой предсѣдатель носитъ титулъ Великаго Мастера и по истеченіи каждаго двухъ-лѣтія избирается большинствомъ голосовъ. Онъ служитъ порукою и защитникомъ сей Великой и всѣхъ отъ оной зависящихъ ложъ предъ правительствомъ и блюдетъ за точнымъ исполненіемъ всего до законовъ государства относящагося.

§ 1. Les quatre Loges ci-dessus nommées, se réunissent pour constituer une autorité suprême maçonique, chargée de la direction générale de leurs affaires sous le nom distinctif de la Grande Loge d'Astrée présidée par un Grand Maitre éligible tous les deux ans, à la pluralité des voix, lequel sera auprès du Gouvernement, l'organe et le repondant de la dite Grande Loge, qui exécutera toujours fidèlement les ordres relatifs à l'Etat.

§ 2. Великая масонская ложа Астрея и всѣ къ ней принадлежащія ложи обязуются не имѣть никакихъ отъ верховнаго правительства таинствъ.

§ 2. La Grande Loge d'Astrée, ainsi que les Loges qui travaillent sous sa direction, déclarent n'avoir aucun secret pour l'autorité suprême de l'Etat.

§ 3. Оныя ложи предъявляютъ узаконенія свои верховному правительству, дабы быть увѣренными, что въ оныхъ ничего не заключается противнаго государственнымъ законамъ.

§ 3. Ces Loges présenteront leur code de loix à la dite autorité afin d'assurer qu'il ne renferme rien qu'elle puisse désaprouver.

§ 4. Онѣ признаютъ себя совершенно независимыми отъ такъ называемыхъ неизвѣстныхъ верховныхъ начальниковъ или иностранныхъ Великихъ Востоковъ и ложъ, утверждая, что и на будущее время таковымъ никогда не подчинятся.

§ 5. Онѣ объявляютъ, что цѣлью ихъ работъ не могутъ быть ни таинственныя мечтанія, ни правила такъ называемыхъ Иллюминатовъ или Мистиковъ, ни алхимія, ни другіе предметы противоположные правамъ естественнымъ и гражданскимъ, ни наконецъ возстановленіе древнихъ рыцарскихъ орденовъ.

§ 6. Онѣ признаютъ главнымъ предметомъ своихъ работъ: усовершенствованіе человѣческаго благополучія посредствомъ распространенія нравственности, добродѣтели, вѣры, совершенной преданности къ Государю и строжайшаго исполненія государственныхъ законовъ.

§ 7. Онѣ признаютъ ненарушаемымъ правиломъ своего соединенія и устройства великой ложи, совершенное равенство представителей каждой ложи, такъ, что каждая изъ соединенныхъ ложъ имѣетъ равное участіе въ общемъ управленіи и распоряженіи масонскихъ дѣлъ.

§ 8 Онѣ поставляютъ ненарушаемымъ правиломъ своего соединенія терпимость всѣхъ системъ истиннаго масонства, признанныхъ другими справедливыми Великими Востоками или великими ложами, такъ, что всякая отъ великой ложи Астреи зависящая ложа можетъ работать по каждой таковой признанной системѣ, подъ тѣми-же однакоже условіями: 1) чтобы верховное правительство въ системѣ сей не находило никакого неудобства; 2) посылку нѣкоторыя системы, сверхъ

§ 4. Elles déclarent, ne dépendre ni directement, ni indirectement, d'aucun système admettant des supérieurs inconnus, ni de Grands Orients ou Grandes Loges des pays étrangers quelconques, et de ne jamais pouvoir en dépendre.

§ 5. Elles déclarent n'avoir rien de commun avec les réveries des mystogognes, les principes des Illuminés, l'Alchymie ou d'idées ou objets semblables, contraires aux loix naturelles et positives, ni de travailler au rétablissement d'anciens ordres de chevalerie.

§ 6 Elles déclarent n'avoir d'autre but dans leurs travaux que l'augmentation de la félicité humaine, en inspirant l'amour des vertus morales, des sentiments religieux, le dévouement le plus entier au Souverain et la soumission la plus stricte aux loix de l'Etat.

§ 7. Elles reconnaissent pour principe irrévocable et fondamental de leur réunion et de l'organisation de la Grande Loge, l'égalité de la représentation de manière que chaque Loge associée à cette réunion, jouisse d'un droit parfaitement égal à l'administration générale des affaires maçoniques.

§ 8. Elles reconnaissent pour base inséparable de la vraie maçonnerie et pour condition irrévocable de leur réunion la tolérance de tous les rites et systêmes maçoniques reconnus et professés par d'autres Grands Orients ou Grandes Loges, de manière que chaque Loge, travaillant sous la constitution de la Grande Loge d'Astrée, peut choisir le rite qui lui plaira sous les conditions suivantes: 1) Que l'Autorité suprême de l'Etat n'aie rien à opposer à l'introduction d'un de ces rites.

2) Que la Grande Loge d'Astrée

степени мастера, имѣютъ еще большее или меньшее число такъ называемыхъ высшихъ или поучительныхъ степеней, а великая ложа Астрея составляетъ токмо главное правленіе трехъ, такъ именуемыхъ Іоаннитскихъ степеней, то изъ этого слѣдуетъ:

А. Чтобы высшія степени могущія принадлежать къ какой-либо изъ системъ признанныхъ великою ложею Астреею, не находились ни въ внутреннемъ, ни въ существенномъ отношеніяхъ съ устройствомъ, управленіемъ и работами сей великой ложи.

В. Чтобы высшія степени недавали братьямъ въ оныя посвященнымъ права участвовать въ распоряженіяхъ великой ложи или Іоаннитскихъ ложъ, изъ чего вновь слѣдуетъ: a) что посвященныя въ высшія степени, исключая управляющихъ и намѣстныхъ мастеровъ, надзирателей и представителей Іоаннитскихъ ложъ или чиновниковъ великой ложи, не имѣютъ права засѣдать и подавать голоса въ великой ложѣ; по сему-же правилу не могутъ и члены великой ложи быть при работахъ высшихъ степеней, не имѣя оныхъ; b) что въ великой ложѣ Астреѣ ничего не можетъ быть распоряжаемо и рѣшено относительно высшихъ степеней, т. е. сверхъ степени мастера.

§ 9. Великая ложа Астрея и всѣ подъ ея правленіемъ соединенныя ложи, по какой-бы онѣ системѣ не работали, признаютъ необходимымъ и обѣщаются не имѣть ни какихъ таинствъ отъ управляющаго великаго мастера съ тѣмъ, чтобы онъ, при вступленіи въ сіе званіе, по данному имъ обязательству, посвящаемъ былъ въ высшія степени

étant une Autorité suprême uniquement pour les trois grades symboliques ou de S. Jean, les rites qui admettent au dessus du grade de Maître un plus ou moins grand nombre de grades ou degrès de connaissances, n'accordent à ces grades supérieurs faisant partie du rite de l'un ou de l'autre des systèmes approuvés et permis par la Grande Loge:

A. Aucun droit à l'organisation, à l'administration où à la direction de la Grande Loge, ni des Loges de St.-Jean en particulier.

B. Aucun droit aux possesseurs de cés hauts grades de prendre part comme tels, à la direction et administration des affaires maçoniques de la Grande Loge, ni à celle des Loges de St.-Jean, d'ou il s'en suit: *a*) que jamais les possesseurs des hauts Grades ne peuvent comme tels, s'ils ne sont vénérables adjoints, premier et second surveillants, représentants de Loges de St.-Jean ou grands officiers de la Grande Loge, assister et voter dans la Grande Loge, de même que les membres de la Grande Loge ne peuvent prendre part aux travaux et à la direction des hauts grades, s'ils ne les possèdent pas: *b*) que rien de ce qui concerne les grades au dessus de celui de Maître, ne peut-être discuté ou jugé dans la Grande Loge.

§ 9. La Grande Loge d'Astrée et les Loges qui travaillent sous sa direction, quelque soit leur systême, s'engagent de n'avoir rien de secret pour le Grand Maître de la Grande Loge, de l'initier en cas de besoin par une simple obligation dans tous leurs grades ou degrés de connaissance, et de lui référer en rapports suivis de toutes leurs parties, ce qui en sera

всѣхъ системъ по которымъ ложи работаютъ, и получая точныя и безпрерывныя донесенія о работахъ всѣхъ сихъ отдѣленій, яко единый глава всего общества, могъ оправдать въ полной мѣрѣ принятую имъ на себя предъ правительствомъ отвѣтственность.

§ 10. Всякая на будущее время къ общему союзу прибывающая, какъ нынѣ существующая, такъ и впредь основанною быть имѣющая ложа, къ оному приступаетъ на томъ-же точно основаніи, какъ и четыре соединенныя уже и выше помянутыя ложи, посредствомъ подписки сего условія представителями оной.

§ 11. Всякая ложа, пожелающая присоединиться къ великой ложѣ Астреѣ, имѣетъ отнестись въ оную писменно, обязуясь въ полной мѣрѣ принять и соблюсти всѣ пункты сего основнаго и соединительнаго договора.

Принятіе таковой ложи въ общій союзъ разрѣшается въ великой ложѣ по большинству голосовъ.

§ 12. Каждой ложѣ предоставляется право отступать и отдѣлиться отъ общаго союза, но прежде сего должна она отнестись къ великой ложѣ, съ подробнымъ описаніемъ побудившихъ къ тому причинъ; послѣ чего таковой ложѣ, хотя-бы причины и недостаточными оказались, позволяется отойти отъ союза, въ каковомъ случаѣ и сообщается ей составленный по сему предмету протоколъ. Если-же ложа, желающая отдѣлиться отъ общаго союза, во время вступленія отъ оной писменнаго о семъ отношенія, будетъ находиться подъ слѣдствіемъ, по какимъ-либо поступившимъ на нее жалобамъ, то увольненіе сей ложи производится уже по окончаніи слѣдственнаго дѣла, производство котораго про-

nécessaire pour le mettre en état de remplir comme seul chef de cette réunion, la responsabilité qu'il a pris sur lui envers l'Autorité suprême de l'Etat.

§ 10. Une Loge déjà existante ou bien nouvellement fondée, qui veut se réunir sous la direction de la Grande Loge, sera considérée avoir expressement accédée à ce pacte de réunion et y sera inscrite par la signature de ses représentants.

§ 11. Une Loge, qui désire se joindre à la Grande Loge, doit faire sa demande par écrit et s'engager d'accepter ce pacte fondamental de réunion. La Grande Loge décide sur son admission par la pluralité des voix.

§ 12. Chaque Loge a le droit de quitter cette réunion; elle doit pour cet effet se déclarer par écrit à la Grande Loge, et lui communiquer les motifs qui l'engagent à se séparer; sa démission lui sera accordée lors même que ses raisons seraient trouvées être insuffisantes, et le protocole concernant cet objet lui sera expédié.

Mais au cas que cette Loge fut impliquée dans une dénonciation intentée contre elle auprès de la Grande Loge ou dans une enquête ordonnée par celle-ci, sa démission ne lui sera accordée qu'après l'affaire jugée et la poursuite se faira malgré sa demande ou déclaration de demission.

должается, не смотря на объявленіе желанія сей ложи оставить союзъ.

§ 13. Учрежденная въ С.-Петербургѣ великая ложа Астрея, есть общество, въ настоящемъ смыслѣ слова сего, почему и должна имѣть постоянное общественное учрежденіе.

§ 13. La Grande Loge d'Astrée à l'Orient de St.-Pétersburg est une société, établie dans le sens juridique et doit comme telle en tout tems avoir une constitution authentique.

§ 14. Она составлена изъ масоновъ, кои таковыми признаны и суть члены одной изъ присоединенныхъ къ ней справедливыхъ и совершенныхъ ложъ, не смотря на систему въ какой-бы она ни работала.

§ 14. Elle est composée de maçons dûment reconnus et qui sont membres d'une des Loges justes et parfaites travaillant sous ses auspices, dans quel systême que ce soit.

§ 15. Каждая изъ сихъ ложъ имѣетъ въ великой ложѣ, посредствомъ одного или болѣе представителей, тоже число голосовъ, какъ и прочія. Сіи установленнымъ порядкомъ собранные представители, вмѣстѣ съ избранными изъ нихъ на законномъ основаніи великими чиновниками, составляютъ высшее масонское правленіе сего союза или великую ложу, которая въ отношеніи круга ея дѣйствій замѣняетъ и представляетъ то, что въ чужихъ краяхъ называется Великимъ Востокомъ, или Директоріальною ложею, которую всѣ Іоаннитскія ложи исключительно признаютъ высшимъ своимъ масонскимъ правленіемъ.

§ 15. Chacune de ces Loges jouit dans la Grande Loge, soit par un, soit par plusieurs représentants, d'un nombre egal de voix. Ces représentants et les Grands officiers dignitaires légalement élus par eux dûment assemblés forment l'autorité suprême de la réunion ou la Grande Loge, qui a les mêmes pouvoirs et prérogatives, que dans d'autres pays les Grands Orients, Loges directoriales ou Grandes Loges mères, toutes les Loges symboliques la déclarent être la seule autorité compétente, qu'elles reconnaissent pour leur autorité suprême maçonique.

§ 16. Къ достиженію предмета масонскихъ работъ, въ § 6-мъ изложеннаго, ведутъ: 1) Великою ложею Астреею признанныя и въ ней обычныя три степени: ученика, товарища и мастера, коихъ распространеніе и раздача основаны на непремѣняемыхъ законахъ; 2) Общественное уложеніе, въ сей Великой ложѣ учрежденное.

§ 16. Les travaux qui conduisent au but maçonique indiqué par le § 6 sont:

1) Les trois grades symboliques: d'apprentif, compagnon et maître, professes et reconnus par la Grande Loge, dont l'initiation est attachée à des loix fixes et stables.

2) La constitution sociale, en vertu de laquelle toute la sphêre de l'activité maçonique de la Grande Loge consiste:

Почему и самый кругъ дѣйствія оной состоитъ.

a. Въ соблюденіи и образованіи масонскаго уложенія, и

a. Dans le maintien et le perfectionnement de la constitution (l'organisation) maçonique.

b. Въ распредѣленіи и раздачѣ сихъ трехъ степеней.

Настоящій основный и соединительный договоръ имѣетъ быть между договаривающимися сторонами размѣненъ такъ, чтобы каждая изъ четырехъ къ соединенію приступающихъ ложъ, получивъ по одному экземпляру сего договора, подписаннаго первыми четырьмя всѣхъ четырехъ ложъ чиновниками, могла положить его для храненія въ свой архивъ; сверхъ того, одинъ таковой-же экземпляръ, былъ-бы доставленъ въ архивъ Великой ложи, а одинъ Великому Мастеру для препровожденія онаго при первомъ его донесеніи, куда слѣдовать будетъ.

Въ С.-Петербургѣ,
20-го Іюля 1815 года.

b. Dans l'administration et la dispensation des trois grades qu'elle admet.

Le présent Pacte fondamental de réunion sera dûment échangé entre les parties contractantes, de manière, qu'un exemplaire, signé des quatre premiers officiers (dignitaires) de toutes les quatre Loges, soit remis à chacune d'elle, pour être deposé dans leurs archives; qu'un exemplaire soit deposé dans les archives de la Grande Loge et qu'enfin un exemplaire soit présenté au Grand-Maître, pour accompagner son premier rapport.

Fait à St.-Pétersbourg, le 20 Juillet 1815.

([3]) Письмо генерала Паулуччи къ генералъ-адъютанту князю Волконскому, отъ 19 декабря 1820 г. и донесеніе Государю Паулуччи, отъ 10 апрѣля 1821 г. (Изъ дѣла о тайныхъ обществахъ, эстляндской, лифляндской и курляндской губерній, хранящ. въ архивѣ Канцеляріи военн. министерства).

([4]) Именной указъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею (Полн. Собр. Закон. Т. XXXVIII. № 29,151-й).

Графъ Викторъ Павловичъ.

Безпорядки и соблазны, возникшіе въ другихъ государствахъ отъ существованія разныхъ тайныхъ обществъ, изъ коихъ иныя, подъ наименованіемъ ложъ масонскихъ, первоначально цѣль благотворенія имѣвшихъ, другія, занимаясь сокровенно предметами политическими, въ послѣдствіи обратились ко вреду спокойствія государствъ, принудили въ нѣкоторыхъ сіи тайныя общества запретить.

Обращая всегда бдительное вниманіе, дабы твердая преграда была полагаема всему, что ко вреду государства послужить можетъ, и въ особенности въ такое время, когда къ несчастію отъ умствованій нынѣ существующихъ, проистекаютъ столь печальныя въ другихъ краяхъ послѣдствія, я призналъ за благо въ отношеніи помянутыхъ обществъ предписать слѣдующее:

1. Всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то: масонскихъ ложъ, или другими, закрыть и учрежденія ихъ впредь недозволять.

2. Объявя о томъ всѣмъ членамъ сихъ обществъ, обязать ихъ подписками, что они впредь ни подъ какимъ видомъ, ни масонскихъ, ни другихъ тайныхъ обществъ, подъ какимъ-бы благовиднымъ названіемъ они ни были предлагаемы, ни внутри Имперіи, ни внѣ ея, составлять не будутъ.

3. Какъ несвойственно чиновникамъ, въ службѣ находящимся, обязывать себя какою-либо присягою, кромѣ той, которая законами опредѣлена: то поставить въ обязанность всѣмъ министерствамъ и другимъ начальствамъ, въ обѣихъ столицахъ находящимся, потребовать отъ чиновниковъ, въ вѣдомствѣ ихъ служащихъ, чтобъ они откровенно объявили, не принадлежатъ-ли они къ какимъ-либо масонскимъ ложамъ, или другимъ тайнымъ обществамъ въ Имперіи или внѣ оной, и къ какимъ именно?

4. Отъ принадлежащихъ къ онымъ взять особую подписку, что они впредь принадлежать уже къ нимъ не будутъ, и есть-ли кто, таковаго обязательства дать не пожелаетъ, тотъ не долженъ остаться на службѣ.

5. Поставить въ обязанность главноуправляющихъ въ губерніяхъ и гражданскихъ губернаторовъ строго наблюдать: во первыхъ, чтобъ нигдѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, не учреждалось никакихъ ложъ или тайныхъ обществъ, и во вторыхъ, чтобъ всѣ чиновники, кои къ должностямъ будутъ опредѣляемы, обязываемы были, на основаніи статей 3-й и 4-й, подписками, что они ни къ какимъ ложамъ или тайнымъ обществамъ не принадлежатъ и впредь принадлежать не будутъ, безъ каковыхъ подписокъ они и къ мѣстамъ или въ службу опредѣляемы быть не могутъ.

Вы неоставите сдѣлать всѣ нужныя къ исполненію сего распоряженія, сообщивъ объ ономъ и другимъ министрамъ, для единообразнаго по сему предмету руководства.

Александръ.

Каменный Островъ.
1-го августа 1822 года.

(5) Отзывъ къ начальнику главнаго штаба Дибичу главнокомандующаго 1-й арміи Сакена, отъ 31 марта 1824 года, изъ Могилева-Бѣлорусскаго. Рапортъ генералу Сакену военнаго-генералъ-полиціймейстера Эртеля, отъ 30 марта 1824 года.

(6) Изъ дѣла о составленномъ графомъ Потоцкимъ обществѣ (Арх. Канц. военн. минист.).

(7) Показанія Александра Муравьева, князя Евгенія Оболенскаго подполковника Батенкова, и другихъ.

(8) Изъ показаній Вильгельма Кюхельбекера.

(9) Изъ показаній князя Трубецкаго, Александра Муравьева, полковника Пестеля и капитана Якушкина.

(10) Изъ показаній князя Трубецкаго и Пестеля.

(11) Изъ показаній князя Трубецкаго, Никиты Муравьева, и проч.

(12) Изъ показаній князя Трубецкаго, Александра Муравьева, Матвѣя Муравьева-Апостола, Якушкина, и проч.

(13) Изъ показаній Александра Муравьева.

(14) N. Tourgeneff. La Russie et les Russes I. 94.

(15) Записки Ивана Дмитр. Якушкина.

(16) Тамъ-же.

(17) Изъ показаній Пестеля.

(18) Изъ показаній Пестеля, Никиты Муравьева и подполковника Лунина.

(19) Изъ донесенія слѣдственной коммисіи по дѣлу о тайныхъ обществахъ.

(20) Изъ показаній Якушкина и подполковника Комарова.

(21) Записки Якушкина. 55—58.

(22) Записки Якушкина. 48—49.

(23) Изъ показаній Пестеля, Комарова и Якушкина.

(24) Изъ показаній Пестеля —Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen. 12.

(25) Изъ показаній Никиты Муравьева и Пестеля. — Изъ записки объ участіи въ тайномъ обществѣ Никол. Тургенева.

(26) Изъ показаній Никиты Муравьева и Пестеля.

(27) Изъ показаній Никиты Муравьева.

(28) Изъ показаній Никиты Муравьева.

(29) Изъ показаній Рылѣева и князя Оболенскаго. — Изъ записки объ участіи въ тайномъ обществѣ Никол. Тургенева.

(30) Изъ записокъ Никол. Иван. Греча

(31) Изъ показаній подполковника Батенкова.

(32) Изъ показаній корнета Свистунова.

(33) Изъ показаній полковника фонъ-деръ-Бригена. — Изъ донесенія слѣдственной коммисіи по дѣлу о тайныхъ обществахъ.

(34) Изъ показаній князя Трубецкаго.

(35) Изъ показаній лейтенанта Завалишина, мичмановъ Дивова и братьевъ Бѣляевыхъ и лейтенанта Арбузова.

(36) Изъ донесенія слѣдственной коммисіи.—Изъ записокъ Никол. Иван. Греча.—Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen. 28—29.

(37) Изъ записки о князѣ Трубецкомъ, въ дѣлѣ слѣдственной коммисіи. Въ бумагахъ Трубецкаго найдена была также неоконченная конституція, весьма схожая съ тою, которую составилъ Никита Муравьевъ.

Она заключала въ себѣ:

А Исчисленіе предметовъ, кои предполагалось объявить въ сенатскомъ манифестѣ, объ учрежденіи временнаго правительства: 1) уничтоженіе прежняго правительства; 2) учрежденіе новаго, *временнаго*, до установленія *постояннаго* выборными отъ народа; 3) свобода печати; 4) свобода Богослуженія; 5) уничтоженіе владѣнія крѣпостными людьми; 6) равенство всѣхъ гражданъ предъ законами, и по тому отмѣна военныхъ судовъ и всякихъ судныхъ коммисій; 7) объявленіе права каждому изъ гражданъ избирать родъ занятій и занимать всякія должности; 8) сложеніе подушныхъ и недоимокъ; 9) уничтоженіе монополій и предоставленіе каждому права винокуренія и добыванія соли, съ уплатою пошлинъ по количеству добываемыхъ продуктовъ; 10) уничтоженіе рекрутской повинности и военныхъ поселеній; 11) сокращеніе срока службы для нижнихъ чиновъ и уравненіе воинской повинности между всѣми сословіями (конскрипція); 12) увольненіе въ отставку всѣхъ нижнихъ чиновъ прослужившихъ 15 лѣтъ; 13) учрежденіе волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ управленій, и назначеніе въ нихъ членовъ по выбору, въ замѣнъ всѣхъ нынѣшнихъ чиновниковъ; 14) гласность судовъ; 15) введеніе присяжныхъ въ суды уголовные и гражданскіе.

Б. Временное правительство состоитъ изъ двухъ или трехъ лицъ. Ему поручается привести въ исполненіе:

1) Уравненіе правъ всѣхъ сословій.

2) Образованіе волостныхъ, уѣздныхъ, и проч. управленій.

3) Образованіе внутренней народной стражи.

4) Образованіе судной части съ присяжными.

5) Уравненіе рекрутской повинности.

6) Распущеніе постоянной арміи.

7) Учрежденіе порядка выборовъ въ палату народныхъ представителей, кои долженствуютъ установить на будущее время образъ правленія и государственные уставы

Далѣе — слѣдуетъ *вступленіе*, въ коемъ доказывается, что только лишь федеральное правительство, подъ надзоромъ Государя, можетъ согласить *величіе народа* и *свободу гражданъ*. Потомъ — идутъ главы: I. О русскомъ народѣ; II. О гражданахъ; III. О личныхъ правахъ и обязанностяхъ русскихъ гражданъ; IV. О Россіи, въ законодательномъ и исполнительномъ отношеніяхъ. Россію, съ ея тогдашними 22,630,000 душъ мужескаго пола, предполагали раздѣлить на 14 державъ и 2 области, именно, *державы*: Ботническая, Балтійская, Заволжская, Западная, Днѣпровская, Бужская, Черноморская, Окинская, Украинская, Низовская, Камская, Кавказская, Обійская и Ленская; *области*: Славянская и Донская. Столицу и резиденцію русскаго правительства хотѣли учредить въ Нижнемъ-Новгородѣ, а Петербургъ и Москву — сдѣлать столицами Ботнической и Окинской державъ. V. О внутреннемъ устройствѣ волостныхъ и уѣздныхъ правленій. VI. О правительствахъ державъ. VII О законодательной власти державъ. VIII. О власти державныхъ законодательныхъ собраній. IX. О исполнительной власти державъ. X. О народномъ вѣчѣ. XI О палатѣ представителей. XII. О верховной думѣ. Власть ея: законы; миръ и война; договоры; военная сила; земское войско. XIII. О Императорѣ. Власть его: назначеніе судей и прочихъ чиновниковъ высшихъ мѣстъ; замѣщеніе ихъ, когда дума распущена; назначеніе главы казначейскаго приказа (финансовъ), сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ, внѣшнихъ сношеній.

([38]) Изъ записки о князѣ Трубецкомъ, въ дѣлѣ слѣдственной коммисіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXXI.

---

(1) Формулярный списокъ полковника Пестеля.—Собственныя показанія Пестеля.—Изъ записокъ Николая Иван. Греча.

(2) Изъ показаній Пестеля.

(3) Формулярный списокъ подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола.—Изъ записокъ Никол. Иван. Греча.

(4) Показанія Бестужева-Рюмина. — Изъ записокъ Николая Иван. Греча.

(5) Изъ показаній адъютанта главнокомандующаго 2-й арміи, штабсъ-ротмистра князя Барятинскаго, подтвержденныхъ Пестелемъ.

(6) Показанія Пестеля, князя Барятинскаго и артиллеріи подполковника Ентальцова.

(7) Изъ показаній Никиты Муравьева и Пестеля. Оба проекта конституціи обнаруживаютъ совершенное незнаніе Россіи и русскаго народа, въ особенности-же проявляется невѣжество автора въ такъ названной *Русской Правдѣ*. Редакторъ, раздѣляя Имперію на большія области, именуетъ Лифляндію, Эстляндію, Курляндію и губерніи новгородскую и тверскую, *холмогорскою областью*, а губерніи: архангельскую, вологодскую, ярославскую, костромскую, вятскую и пермскую—*сѣверскою*, или *сѣверянскою* областью. По плану Пестеля, временное правительство долженствовало служить переходомъ отъ самодержавія къ республикѣ, и первою мѣрою этого правительства предполагалось запрещеніе тайныхъ обществъ и заведеніе искуснаго, дѣятельнаго шпіонства, производимаго людьми умными и *самой чистой нравственности*, и т. п. См. Донесеніе слѣдственной коммисіи. Стр. 28—29.

(8) Показаніе рядоваго Николаева.

(9) Формулярный списокъ полковника Василія Давыдова. — Показанія самаго Давыдова.

(10) Формулярный списокъ генералъ-маіора князя Сергѣя Волконскаго.—Собственныя его показанія.

(11) Показанія подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола и отставнаго подполковника Поджіо.

(12) Изъ показаній подпоручика Бестужева-Рюмина.

([13]) Изъ показаній Сергѣя Муравьева-Апостола и Давыдова.

([14]) Показанія Гродецкаго. — Донесеніе Цесаревичу В. К. Константину Павловичу варшавскаго слѣдственнаго комитета.

([15]) Показанія Бестужева-Рюмина.

([16]) Показанія князя Сергѣя Волконскаго.

([17]) Показанія Пестеля, Сергѣя Муравьева-Апостола и другихъ членовъ Южнаго общества.

([18]) Показанія князя Барятинскаго.

([19]) Показанія поручика Крюкова 2-го.

([20]) Показанія: Пестеля, Бестужева-Рюмина, Давыдова, полковника Повало-Швейковскаго и штабсъ-капитана Поджіо.

([21]) Показанія Бестужева-Рюмина.

([22]) Показанія Давыдова и подполковника Поджіо.

([23]) Показанія отставнаго подполковника Матвѣя Муравьева-Апостола.

([24]) Подлинное письмо Матвѣя Муравьева, найденное въ бумагахъ его брата.

([25]) Показанія подполковника Поджіо.

([26]) Показанія его-же.

([27]) Показанія его-же.

([28]) Показанія Пестеля, Бестужева-Рюмина и князя Яблоновскаго.

([29]) Показанія подпоручика Борисова 2-го и прапорщика Шимкова.

([30]) Показанія подпоручика Борисова 1-го.—Слѣдственное дѣло.

([31]) Schnitzler. Histoire intime de la Russie. III. 123.

([32]) Показанія дворянина Люблинскаго.

([33]) Показанія Борисова 2-го и капитана Тютчева.

([34]) Показанія Борисова 2-го и Шимкова.

([35]) Показанія Борисова 2-го.

([36]) Показанія маіора Спиридова.

([37]) Показанія Спиридова и прапорщика Бечаснова.

([38]) Показанія Борисова 2-го, Спиридова, Бечаснова и поручика Громницкаго

([39]) Показанія Борисова 2-го и подпоручиковъ Горбачевскаго и Пестова.

([40]) Показанія рядовыхъ: Апойченка, Андреева и Янтаря. Подобныя-же показанія сдѣланы еще 16-ю рядовыми Саратовскаго пѣхотнаго полка.

([41]) Показанія подпоручика Андреевича.

([42]) Донесеніе слѣдственной коммисіи.—Показанія Борисова 2-го.

([43]) Показанія подпоручика Мозгана.

([44]) Показанія поручика Громницкаго и подпоручиковъ Фролова 2-го и Мозгалевскаго.

([45]) Показанія поручика Лисовскаго.

([46]) Показанія подполковника Берстеля и подпоручика Борисова 2-го

([47]) Показанія командира Ахтырскаго гусарскаго полка, полковника Артамона Муравьева.

([48]) Показанія полковниковъ: Артамона Муравьева, Повало-Швейковскаго и командира Полтавскаго пѣхотнаго полка Тизенгаузена.

([49]) Изъ показаній князя Волконскаго, Давыдова и князя Барятинскаго.

([50]) Шервудъ. Изъ записокъ генералъ-маіора Б. П. 4—23.

([51]) Показанія прапорщика Вадковскаго.

([52]) Шервудъ. 25. Въ письмѣ Вадковскаго къ Пестелю, посланномъ 3-го ноября 1825 года, чрезъ Шервуда, находимъ:

....«Чрезъ полгода, находясь въ Ахтыркѣ у одного изъ моихъ знакомыхъ, я нашелъ тамъ посылаемаго къ вамъ человѣка. Узнавъ его, черезъ три часа я принялъ его въ общество, и не смотря на поспѣшность этого пріема, считаю его наилучшимъ, наиболѣе замѣчательнымъ изъ всѣхъ мною сдѣланныхъ. Вы убѣдитесь въ томъ перечнемъ услугъ, которыя сей достойный и славный членъ оказалъ намъ въ продолженіи года. Его характеръ—вообще англійскій: непоколебимъ, полонъ чести (imbu d'honneur), онъ твердъ въ своемъ словѣ и неуклонно стремится къ своей цѣли. На первый взглядъ, кажется холоденъ, но онъ способенъ къ горячей, безпредѣльной преданности; нѣтъ жертвъ, на которыя онъ не рѣшился-бы для достиженія своихъ замысловъ; нѣтъ опасностей, которыя онъ не презрѣлъ-бы, чтобы успѣть въ задуманномъ имъ предпріятіи. Осмѣливаюсь просить васъ, чтобы вы были къ нимъ совершенно искренны. Онъ въ состояніи оказать наиважнѣйшія услуги нашему семейству (?), потому что обладаетъ, вмѣстѣ съ исчисленными мною качествами, необычайною тонкостью въ выборѣ средствъ для своихъ дѣйствій. Все, что говорю вамъ, основано на тщательно сдѣланномъ мною изслѣдованіи его способностей и душевной силы, и потому вѣрьте мнѣ....

«Я принялъ его (Шервуда) въ бояре, неимѣя на то никакого права: извините меня въ томъ, наипочтенный другъ (trop respectable ami). Вообразите человѣка пылкаго, ревностнаго, каковъ я, который въ продолженіи полугода не только не можетъ сдѣлать ни малѣйшей услуги нашему семейству (?), но даже не встрѣчаетъ порядочнаго человѣка; (un voisin assez chrétien), коему онъ могъ-бы открыть свои чувства. И вдругъ—ему представляется возможность работать и принести пользу. Должно-ли поставить ему въ вину, если онъ употребитъ всѣ извѣстныя ему средства, для достиженія успѣха. Я разсчиталъ, что, оставаясь одинъ одинёшенекъ и будучи лишенъ всѣхъ способовъ къ соглашенію съ кѣмъ-бы то ни было, я не долженъ былъ стѣсняться правилами, и видя, что этотъ человѣкъ могъ оказать болѣе важныя услуги, нежели я, передалъ ему тѣ права, которыя вы мнѣ дали. Ежели это сочтете за преступленіе, то отымите у меня преимущества, данныя мнѣ нашими постановленіями (que notre loi m'accorde), но съ тѣмъ, чтобы ими воспользовался Шервудъ, потому что, поступивъ иначе, мы дѣйствовали-бы во вредъ нашему дѣлу».... (Изъ дѣлъ слѣдственной коммисіи).

([53]) Шервудъ. 25—32.

([54]) Такъ называемая *Русская Правда* находилась на сохраненіи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами Пестеля, у одного изъ членовъ Южнаго общества, подпоручика квартирмейстерской части Заикина; въ послѣдствіи-же, по собственному согласію Пестеля, эти бумаги были зарыты въ землю поручиками квартирмейстерской части, братьями Бобрищевыми-Пушкиными, и братомъ Заикина, подпрапорщикомъ Перм-

скаго пѣхотнаго полка.—Л. Гв. штабсъ-ротмистръ Слѣпцовъ, которому поручено было отыскать *Русскую Правду*, долго не могъ успѣть въ своемъ порученіи, по запирательству подпоручика Заикина; но наконецъ братъ его указалъ мѣсто, гдѣ были скрыты бумаги, сознавшись, что, когда онъ съ Бобрищевыми зарывалъ ихъ, младшій Бобрищевъ сказалъ ему: „тутъ лежатъ моя и брата твоего головы". Для отысканія этого мѣста, Слѣпцовъ отправился, 6 февраля 1826 года, вмѣстѣ съ подпрапорщикомъ Заикинымъ, изъ Тульчина въ село Кирнасовку (брацлавскаго уѣзда), и, по указанію своего сопутника, достигнувъ корчмы у въѣзда въ село, повернулъ на лѣво, проѣхалъ селомъ до второй плотины, за которою, опять поворотивъ на лѣво, миновалъ мельниковъ дворъ, и въ разстояніи отъ него около тридцати или сорока саженъ, сдѣлавъ поворотъ въ право, по дорогѣ въ гору, ведущей въ лѣсъ, увидѣлъ большой крестъ, не доѣзжая коего пятьдесятъ или шестьдесятъ саженъ, почти подъ прямымъ угломъ, шла старая канава. Въ этой самой канавѣ, на разстояніи до 180-ти шаговъ отъ дороги, по указанію подпрапорщика Заикина, были найдены бумаги, у межи, отличающейся отъ прочихъ своею возвышенностью и шириною. (Донесеніе штабсъ-ротмистра Слѣпцова.—Показанія братьевъ Заикиныхъ).

(⁵⁶). Свѣдѣніе сообщенное княгинею С. А. М.........

Списокъ членамъ тайныхъ обществъ, преданнымъ Верховному уголовному суду, по Манифесту 1 Іюня 1826 года.

Сѣвернаго общества.

Имена и фамиліи.	Званія.	Число лѣтъ въ 1825 году.	Гдѣ воспитывались.
Князь Сергѣй Трубецкой.	Полковникъ Л.-Гв. Преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса.	34	Воспитывался дома; преподавателями и наставниками были иностранцы.
Кондратій Рылѣевъ.	Отставной подпоручикъ артилеріи.	29	Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ
Князь Евгеній Оболенскій.	Поручикъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, старшій адъютантъ командира гвардейскаго корпуса.	28	Дома, у родителей; наставниками были французскіе гувернёры, въ числѣ отъ 16-ти до 18-ти.
Никита Муравьевъ.	Капитанъ квартирмейстерской части (генеральнаго штаба).	29	Сперва — дома; потомъ — въ московскомъ университетѣ, гдѣ не окончилъ курса.
Петръ Каховскій.	Отставной поручикъ гвардіи.	27	Въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ.
Князь Дмитрій Щепинъ-Ростовскій.	Штабсъ-капитанъ Л.-Гв. Московскаго полка.	27	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Александръ Бестужевъ 2-й	Штабсъ-капитанъ Лейбъ драгунскаго полка, адъютантъ герцога Александра виртембергскаго.	28	Въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ.
Михаилъ Бестужевъ 3-й.	Штабсъ-капитанъ Л.-Гв. Московскаго полка.	25	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Антонъ Арбузовъ.	Лейтенантъ Гвардейскаго экипажа.	28	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Николай Бестужевъ 1-й.	Капитанъ-лейтенантъ 8-го экипажа.	34	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Николай Пановъ.	Поручикъ Л.-Гв. гренадерскаго полка.	22	Воспитывался дома, у родителей; наставники — иностранцы.
Александръ Суттофъ.	Поручикъ Л.-Гв. гренадерскаго полка.	25	Воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, но курса наукъ не кончилъ.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.	Коллежскій ассесоръ.	26	Въ Царско-Сельскомъ лицеѣ.
Иванъ Пущинъ.	Коллежскій ассесоръ.	27	Въ Царско-Сельскомъ лицеѣ.
Князь Александръ Одоевскій.	Корнетъ Конно-гвардейскаго полка.	23	Получилъ образованіе въ домѣ родителей.
Александръ Якубовичъ.	Капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка.	29	Воспитывался сперва у родителей, у иностранныхъ наставниковъ, потомъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ.
Николай Цебриковъ.	Поручикъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.	25	Въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, но не кончилъ курса.
Николай Репинъ.	Штабсъ-капитанъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.		Первоначальное воспитаніе получилъ въ пансіонѣ Жакино́.
Александръ Муравьевъ.	Полковникъ гвардейскаго генеральнаго штаба.	33	Воспитывался дома. Учители были разные и часто перемѣнялись; дядьки — иностранцы.
Иванъ Якушкинъ.	Отставной капитанъ.	32	Воспитывался у родителей, имѣя большею частью иностранныхъ наставниковъ; потомъ кончилъ курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ.
Михаилъ фонъ Визинъ.	Отставной генералъ.	38	Воспитывался сперва дома, потомъ въ Петербургѣ, въ нѣмецкомъ училищѣ Св Петра, и наконецъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ.
Князь Θедоръ Шаховской.	Отставной маіоръ.	29	Обучался одинъ годъ въ пансіонѣ Жакино́, потомъ, уже будучи на службѣ, въ Москвѣ, слушалъ курсъ политическихъ наукъ у профессора Шлецера.
Михаилъ Лунинъ.	Подполковникъ Л.-Гв. Гродненскаго гусарскаго полка.	43	Воспитывался у родителей дома; преподаватели, большею частью, были иностранцы.
Петръ Мухановъ.	Штабсъ-капитанъ Л.-Гв. Измайловскаго полка.	29	Учился дома, потомъ въ московскомъ университетѣ и въ училищѣ колонно-вожатыхъ.
Михаилъ Митьковъ.	Полковникъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.	34	Во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Дмитрій Завалишинъ.	Лейтенантъ 8-го экипажа	23	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Гавріилъ Батеньковъ.	Подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія.	35	Во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Баронъ Владиміръ Штейнгель.	Отставной подполковникъ.	43	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Константинъ Торсонъ.	Капитанъ - лейтенантъ, старшій адъютантъ начальника морскаго штаба.	30	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Князь Валеріанъ Голицынъ	Камеръ-юнкеръ.	23	Воспитывался сперва дома, потомъ въ пансіонахъ: въ Петербургѣ іезуитскомъ и Жонсона и въ Москвѣ у професора Шлецера, и наконецъ въ Пажескомъ корпусѣ.
Александръ Бѣляевъ 1-й	Мичманъ гвардейскаго экипажа.	23	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Петръ Бѣляевъ 2-й.	Мичманъ гвардейскаго экипажа.	20	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Василій Дивовъ.	Мичманъ гвардейскаго экипажа.	22	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Петръ Бестужевъ 4-й.	Мичманъ 27-го экипажа.	22	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Петръ Свистуновъ.	Корнетъ Кавалергардскаго полка.	23	Воспитывался въ пансіонахъ іезуитскомъ и у барона Шабо, и въ Пажескомъ корпусѣ.
Иванъ Анненковъ.	Поручикъ Кавалергардскаго полка.	24	Воспитывался дома; преподавали науки: Швейцарецъ Дюбуа и Французъ Берже.
Сергѣй Кривцовъ.	Подпоручикъ гвардейской конной артиллеріи.	23	Сперва въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ; потомъ въ Швейцаріи, въ институтѣ Фелленберга.
Александръ Муравьевъ 2-й	Корнетъ Кавалергардскаго полка	24	Воспитывался дома; преподавателями были: професоры Единке, Раупахъ и Германъ; дядька — Швейцарецъ Видо.
Михаилъ Нарышкинъ.	Полковникъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка.	30	Воспитывался дома; наставниками были Нѣмцы: Гесслеръ и Кастнеръ. Потомъ пользовался частными уроками у профессоровъ: Куницына, Германа и Соловьева.

Александръ фонъ-деръ Бригенъ.	Отставной полковникъ Л. Гв. Измайловскаго полка.	32	Воспитывался въ Петербургѣ, въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, а потомъ въ пансіонѣ Мейера, преимущественно у профессора Раупаха.
Михаилъ Пущинъ.	Капитанъ Л. Гв. піонернаго эскадрона.	26	Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Борисъ Бодиско 1-й.	Лейтенантъ гвардейскаго экипажа.	27	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Михаилъ Кюхельбекеръ.	Лейтенантъ гвардейскаго экипажа.	28	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Епафродитъ Мусинъ-Пушкинъ.	Лейтенантъ гвардейскаго экипажа.	33	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Николай Акуловъ.	Лейтенантъ гвардейскаго экипажа.	28	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Ѳедоръ Вишневскій.	Лейтенантъ гвардейскаго экипажа.	27	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Михаилъ Бодиско 2-й.	Мичманъ гвардейскаго экипажа.	24	Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Іосифъ Грабе (Графъ) Горскій.	Статскій совѣтникъ.	49	Свѣдѣній не имѣется.
Графъ Петръ Коновницынъ.	Подпоручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба.		Воспитывался дома.
Николай Оржицкій.	Отставной штабсъ-ротмистръ.	29	Воспитывался въ петербургскихъ пансіонахъ: іезуитскомъ, Мейера Жирардена; потомъ въ С.-Петербургской гимназіи, и наконецъ въ пансіонѣ Жакино.
Нилъ Кожевниковъ.	Подпоручикъ Л.-Гв. Измайловскаго полка.	21	Воспитывался дома, имѣя наставникомъ Француза Дюбю; потомъ—въ пансіонѣ Шлитера.
Александръ Фокъ.	Подпоручикъ Л.-Гв. Измайловскаго полка.	22	Воспитывался дома; наставниками были — Моке и Лесливскій.
Матвѣй Лаппа.	Подпоручикъ Л.-Гв. Измайловскаго полка.	27	Воспитывался въ могилевскомъ іезуитскомъ пансіонѣ, а потомъ въ Петербургѣ, у пастора Коленса
Михаилъ Назимовъ.	Штабсъ-капитанъ гвардейскаго піонернаго эскадрона.	26	Воспитывался въ Петербургѣ, въ частномъ институтѣ у протоіерея Каменскаго.

Баронъ Андрей Розенъ.	Поручикъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.	26	Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Михаилъ Глѣбовъ.	Коллежскій секретарь.	25	Въ петербургскомъ университетскомъ пансіонѣ.
Андрей Андреевъ 2-й.	Подпоручикъ Л.-Гв. Измайловскаго полка.	21	Воспитывался въ С.-Петербурбургской гимназіи.
Владиміръ Толстой.	Прапорщикъ Л.-Гв. Московскаго полка.	20	Воспитывался у родителей. Учители: московскій священникъ Покровскій, преподаватель московской гимназіи Кудрявцевъ и студентъ Брезгунъ; наставники — иностранцы.
Графъ Захарій Чернышевъ.	Ротмистръ Кавалергардскаго полка.	28	Воспитывался дома, подъ руководствомъ берлинскаго уроженца Жуае, а потомъ поступилъ въ школу колонновожатыхъ генер. Муравьева.
Николай Чижовъ.	Лейтенантъ 2-го экипажа.	25	Воспитывался въ городѣ Николаевѣ, въ пансіонѣ учителя черноморскаго штурманскаго училища Голубева.
Николай Тургеневъ.	Дѣйствительный статскій совѣтникъ.	35	Въ гётингенскомъ университетѣ.

Южнаго общества.

Имена и фамиліи.	Званія.	Число лѣтъ въ 1825 году.	Гдѣ воспитывались.
Павелъ Пестель.	Полковникъ, командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка.	33	Получилъ воспитаніе сперва за границею, въ Дрезденѣ, потомъ въ домѣ у родителей и наконецъ въ Пажескомъ корпусѣ.
Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.	Подполковникъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.	31	Воспитывался въ Парижѣ, въ пансіонѣ у Гикса (Collège de M-r Hix).
Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ.	Подпоручикъ Полтавскаго пѣхотнаго полка.	24	Воспитывался дома, у родителей, пользуясь уроками: Сенъ-

			Жерманъ, Зонненберга, Шрамма, Рикардсона, и профессоровъ: Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова и Каменецкаго.
Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.	Отставной подполковникъ.	32	Въ Парижѣ, у Г-на Гикса, вмѣстѣ съ братомъ Сергѣемъ.
Алексѣй Юшневскій	4-го класса, генералъ-интендантъ 2-й арміи.	40	Въ московскомъ университетѣ, но не кончилъ курса.
Князь Сергѣй Волконскій.	Генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи.	37	Воспитывался до 14-ти лѣтъ дома, у иностранца Фриза и отставнаго подполковника барона Каленберга; потомъ, до 16-ти лѣтъ, въ Петербургѣ у аббата Николя и въ пансіонѣ Жакино.
Василій Давыдовъ.	Отставной полковникъ.	33	Десяти лѣтъ отъ рода отданъ въ пансіонъ аббата Николя; потомъ съ двѣнадцати лѣтъ воспитывался дома, подъ руководствомъ аббата Фроманъ.
Князь Александръ Барятинскій.	Ротмистръ Лейбъ-гусарскаго полка, адъютантъ графа Витгенштейна.	27	Воспитывался въ Петербургѣ, въ іезуитскомъ пансіонѣ.
Александръ Поджіо.	Отставной подполковникъ.	28	Учился въ Одесскомъ институтѣ только до 12-ти лѣтъ, а потомъ жилъ при матери, не занимаясь ни чѣмъ.
Артамонъ Муравьевъ.	Полковникъ, командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка.	33	Первоначально воспитывался дома; потомъ, 17-ти лѣтъ отъ рода, поступилъ въ московскій университетъ и жилъ у инспектора, професора Рейнгарда, а также слушалъ лекціи у дяди своего, генералъ-маіора Николая Муравьева.
Иванъ Повало-Швейковскій.	Полковникъ, командиръ Алексопольскаго пѣхотнаго полка.	39	Воспитывался сперва въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ; потомъ дома у наставниковъ: Новикова, Готарда и Абраля.
Өедоръ Вадковскій.	Прапорщикъ Нѣжинскаго конно-егерскаго полка.	25	Воспитывался отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ отъ рода въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ;

			потомъ былъ отданъ въ Петербургѣ на руки аббату Лелуги, а съ 14-ти лѣтъ учился въ пансіонахъ Гинрихса и Годеніуса.
Баронъ Василій Тизенгаузенъ.	Полковникъ, командиръ Полтавскаго пѣхотнаго полка.	46	Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Василій Враницкій.	Полковникъ квартирмейстерской части.	40	Въ Богеміи, въ пражской гимназіи, у католическихъ ксендзовъ Піаристовъ.
Николай Крюковъ 2-ой.	Поручикъ квартирмейстерской части.	25	Въ училищѣ колонно-вожатыхъ генерала Муравьева.
Петръ Фаленбергъ.	Подполковникъ квартирмейстерской части, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи.	34	Воспитывался дома, имѣя учителей: Циммермана, Вейля, Катерфельда и пастора Фольборта; потомъ въ рижской школѣ (Domschule), и наконецъ въ царскосельскомъ лѣсномъ институтѣ.
Николай Лореръ.	Маіоръ Вятскаго пѣхотнаго полка.	30	Воспитывался у родныхъ, потомъ въ дворянскомъ полку. Наставникомъ его былъ Гернгутеръ Нидерштеттеръ.
Семенъ Краснокутскій.	Дѣйствительный статскій совѣтникъ, оберъ-прокуроръ.	38	Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Владиміръ Лихаревъ.	Подпоручикъ квартирмейстерской части.	23	До пятнадцати лѣтъ отъ рода, воспитывался у родителей, подъ руководствомъ Г. Де[illegible]ь, и имѣлъ различныхъ учителей, потомъ у пастора Галлера; окончательное-же образованіе получилъ въ училищѣ колонно-вожатыхъ генерала Муравьева.
Фердинандъ Вольфъ.	Штабъ-лекарь при главной квартирѣ 2-й арміи.	33	Воспитывался сперва въ пансіонѣ при новой лютеранской церкви въ Москвѣ, потомъ въ Медико-хирургической академіи.
Александръ Крюковъ 1-ой.	Поручикъ Кавалергардскаго полка, адъютантъ графа Витгенштейна.	32	Воспитывался въ Петербургѣ, въ пансіонахъ у иностранцевъ Крия и Мейера, потомъ въ Петро-Павловской школѣ.

Іосифъ Поджіо.	Отставной штабсъ-капитанъ.	34	Воспитывался въ Петербургѣ, въ іезуитскомъ училищѣ.
Павелъ Аврамовъ.	Полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка	35	Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Василій Норовъ.	Отставной подполковникъ	33	Въ Пажескомъ корпусѣ.
Андрей Ентальцовъ.	Подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты № 27-го.	38	Въ петербургскомъ пансіонѣ иностранца Мейера.
Василій Ивашевъ.	Ротмистръ Кавалергардскаго полка, адъютантъ графа Витгенштейна.	28	До четырнадцати лѣтъ отъ рода, дома, подъ надзоромъ француза Динокура; потомъ—въ Пажескомъ корпусѣ.
Николай Басаргинъ.	Поручикъ Л.-Гв. Егерскаго полка, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-ой арміи.	25	Воспитывался сперва въ домѣ родителей, потомъ—въ училищѣ колонно-вожатыхъ генерала Муравьева.
Александръ Корниловичъ.	Штабсъ-капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба.	25	Воспитывался въ Одесскомъ пансіонѣ (ришельевскомъ лицеѣ).
Николай Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й.	Поручикъ квартирмейстерской части.	25	Воспитывался дома, имѣя дядькою Альзаеца Облингера, потомъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, и наконецъ — въ училищѣ колонно-вожатыхъ генерала Муравьева.
Павелъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й.	Поручикъ квартирмейстерской части.	23	Получилъ одинаковое воспитаніе съ братомъ Николаемъ.
Николай Заикинъ.	Подпоручикъ квартирмейстерской части.	24	Воспитывался въ Москвѣ, сперва пансіонахъ Дельсаля и Борденау; съ 1812-го по 1815-й годъ не учился ничему, а потомъ находился въ пансіонѣ Кряжова и окончилъ воспитаніе въ училищѣ колонно-вожатыхъ генерала Муравьева.
Иванъ Аврамовъ.	Поручикъ квартирмейстерской части.	24	Воспитывался въ домѣ родителей, имѣя иностранныхъ наставниковъ, потомъ въ пансіонѣ при Тульскомъ Александровскомъ училищѣ, и наконецъ — въ училищѣ колонно-вожатыхъ генерала Муравьева.

Николай Загорецкій.	Поручикъ квартирмейстерской части.	29	Учился дома и слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ; кончилъ воспитаніе въ училищѣ колонно-вожатыхъ генерала Муравьева.
Иванъ Поливановъ.	Отставной полковникъ.	28	Сперва у родителей, а на 12-мъ году отъ рода отданъ въ московскій университетскій пансіонъ; потомъ въ пансіонъ Виллерса; окончилъ воспитаніе дома, гдѣ жили французы: Дерошъ, Маркъ, Мартенъ, и Англичане: Іонгъ, Брадшовъ и Джаксонъ.
Баронъ Алексѣй Черкасовъ.	Поручикъ квартирмейстерской части.	26	Воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и въ училищѣ колонно-вожатыхъ генерала Муравьева.
Иванъ Фохтъ.	Штабсъ-капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка.	31	Воспитывался съ дѣтьми помѣщика Гора, въ домѣ котораго жилъ учитель Каменскій, кёнигсбергскій уроженецъ.
Графъ Николай Булгари.	Поручикъ Кирасирскаго Ея Величества полка.	21	Воспитывался въ пансіонахъ: у пастора Коленса, потомъ у барона Шабо и бралъ уроки дома у разныхъ учителей, а по выдержаніи испытанія въ Пажескомъ корпусѣ поступилъ на службу.

Общество Соединенныхъ Славянъ.

Имена и фамиліи.	Званія.	Число лѣтъ въ 1825 году.	Гдѣ воспитывались.
Петръ Борисовъ 2-й.	Подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.	25	Въ домѣ, у отца.
Андрей Борисовъ 1-й.	Отставной подпоручикъ.	28	Въ домѣ, у родителей, а математикѣ и артиллеріи обучался у капитана Берстеля.
Михаилъ Спиридоновъ.	Маіоръ Пензенскаго пѣхотнаго полка.	29	Въ домѣ, у родителей, преимущественно-же пользовался урока-

			ми француза Леграна и нѣмца Шрека.
Иванъ Горбачевскій.	Подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.	26	Съ дѣтства до 13-ти лѣтъ обучался въ витебскомъ народномъ училищѣ, а потомъ до 17-ти лѣтъ въ витебской гимназіи.
Владиміръ Бечасновъ.	Прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.	24	Сперва въ рязанскомъ народномъ училищѣ и рязанской гимназіи; а потомъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Александръ Пестовъ.	Подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.	23	Воспитывался дома, имѣя учителей Пьера, Финка, фонъ Берга и Дунальштета, и сверхъ того учился у Г-жи Кузнецовой.
Яковъ Андреевичъ 2-й.	Подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.	25	Во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Юліанъ Люблинскій.	Дворянинъ волынской губерніи.	27	Воспитывался въ Межиричскомъ училищѣ до 11-ти лѣтъ отъ рода; потомъ, по болѣзни, оставался дома, занимаясь изученіемъ языковъ и чтеніемъ политико-экономическихъ и юридическихъ сочиненій.
Алексѣй Тютчевъ.	Капитанъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.	25	Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и вышелъ оттуда, не кончивъ курса.
Петръ Громницкій.	Поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.	25	Во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Иванъ Кирѣевъ.	Прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.	24	Воспитывался сперва дома, а потомъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Андрей Фурманъ.	Капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.	30	Воспитывался въ Дворянскомъ полку.
Аполлонъ Веденяпинъ.	Подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.	24	Воспитывался сперва въ Тамбовскомъ, а потомъ—во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Алексѣй Веденяпинъ.	Прапорщикъ 9-й артиллерійской бригады	22	Воспитывался сперва въ Тамбовскомъ, а потомъ—въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Иванъ Шимковъ.	Прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.	23	Въ Харьковскомъ университетѣ.

Павелъ Мозганъ.	Подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.	24	Въ Ѳеодосійскомъ уѣздномъ училищѣ.
Илья Ивановъ.	Провіантскій чиновникъ 10-го класса.	25	Воспитывался въ Житомирѣ у разныхъ учителей.
Александръ Фроловъ.	Подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.	21	Воспитывался у родителей, которые учили его сами.
Николай Мозгалевскій.	Подпоручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.	24	До 13-ти лѣтъ отъ рода воспитывался въ Нѣжинскомъ народномъ училищѣ и разныхъ пансіонахъ; потомъ — въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Николай Лисовскій.	Поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.	26	Воспитывался въ Кременчугскомъ народномъ училищѣ.
Павелъ Выгодовскій.	Чиновникъ канцеляріи Волынскаго гражданскаго губернатора.	24	Воспитывался въ Старо-Константиновскомъ (уѣздномъ) училищѣ, у ксендзовъ Тринитаровъ.
Александръ Берстель.	Подполковникъ, командиръ Легкой № 2-го роты 9-й артиллерійской бригады.	37	Во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Андрей Шахиревъ.	Поручикъ, адъютантъ генерала Тиханова.	26	Воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXXXII.

---

(1) Schnitzler. Histoire intime de la Russie. II. 25. — Lacroix. Histoire de Nicolas I-r empereur de Russie. I. 278—279.

(2) Lacroix. I. 283.

(3) Отечественныя записки. 1826. I.

(4) Schnitzler. II. 26.

(5) Lacroix. I. 284.

(6) Lacroix. I. 285—286.

(7) Schnitzler. II. 30—37.

(8) Schnitzler. II. 27. — Lacroix. I. 301—302.

(9) Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время. 159.

(10) Отечественныя записки. 1827. II.

(11) Schnitzler. II. 42—51. — Показанія генерала Дибича.

(12) Lacroix. I. 312—313.

(13) Письмо генерала Дибича къ генералу Курутѣ, отъ 12 ноября ст. ст. 1825 года.

(14) Письмо очевидца кончины Императора Александра I. — Schnitzler. II. 53—62.

(15) Письмо Императрицы Елисаветы Алексѣевны Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

«Maman, notre ange est au ciel, et moi, je végète encore sur la terre. Qui aurait pensé que moi, faible malade, je pourrais lui survivre? Maman, ne m'abandonnez pas, car je suis absolument seule dans ce monde de douleurs.... Notre cher défunt a repris son air de bienveillance; son sourire me prouve qu'il est heureux et qu'il voit des choses plus belles qu'ici-bas... Ma seule consolation, dans cette peite irréparable, est que je ne survivrai pas à mon bien-aimé époux. J'ai l'espérance de m'unir bientôt à lui».

Письма графа Аракчеева къ Императору Александру I, съ 1804-го по 1825-й годъ.

1804

Смоленскъ, 23 Іюня.

По пріѣздѣ моемъ въ Смоленскъ, роты 8-го артиллерійскаго полка баталіона Полковника Мертенса 1-го прибыли по-ротно изъ Москвы при мнѣ, и я осмотря оныя, нашелъ: людьми состоятъ комплектны, которые довольно всѣ хороши и неспособныхъ къ службѣ пѣтъ; люди обмундированы и вооружены всемъ безъ изъятія, получали всегда все, и претензій и жалобъ никакихъ не было. Артиллерія исправнаго состоянія, и даже отъ переходу ничего не потерпѣла, недостаетъ-же въ ономъ баталіонѣ еще 8-и орудіевъ и 48-и зарядныхъ ящиковъ; конская упряжь и обозъ во всемъ баталіонѣ состоятъ по новымъ штатамъ въ полномъ числѣ и въ исправномъ положеніи, лошади артиллерійскія довольно хороши и уже розданы по новому положенію въ роты, но недостаетъ еще по военному времени 522 лошадей.

Касательно-же обученія людей оказалось: люди выправлены еще дурно, въ маршировкѣ слабы, а въ движеніяхъ съ орудіями на лошадяхъ съ порохомъ совсѣмъ не обучались, да и самые офицеры не тверды въ ономъ, почему нужно послать изъ гвардейскаго баталіона Капитана для обученія одной роты, о чемъ я и писалъ къ Г. М. Касперскому, назначивъ къ оному Капитана Раля.

Гарнизонъ Смоленскій артиллерійской довольно хорошъ и люди всѣмъ обмундированы, выключая пуговицъ и натрусокъ; претензій и жалобъ не было, напротивъ безпорядокъ найденъ въ службѣ, что караулъ смѣнялся чрезъ трое сутокъ, что мною и запрещено.

Порохъ пушечной найденъ очень дурной—который дѣланъ 1801-го года на Шостенскомъ пороховомъ заводѣ.

Шефа новоформируемаго 2 баталіона Коннаго, Генералъ-Маіора Богданова, требовалъ къ себѣ и сдѣлалъ всѣ ему нужныя наставленія, но дабы его смотрѣть, то оный еще баталіонъ къ оному не готовъ и многихъ вещей аммуничныхъ не получилъ; а о нужныхъ недостаткахъ представляю къ Вашему Величеству особо рапортомъ.

По части здѣшняго Военнаго Губернатора, по замѣчанію моему, ка-

жется, идетъ очень въ хорошемъ порядкѣ, но въ проѣздъ чрезъ городъ Великіе-Луки Псковской губерніи, слышалъ жалобы на Секретаря находящагося у Гражданскаго Губернатора, о которомъ говорятъ, что онъ Губернаторомъ командуетъ и кармапъ свой наполняетъ.

Брянскъ, 1 Іюля.

Выѣхавъ изъ Смоленска 24 числа, пріѣхалъ 26 Іюня въ г. Брянскъ, гдѣ находится устроенный въ 1783-мъ году Артиллерійскій Литейной Домъ и Арсеналъ, но съ 1785-го года никакимъ Начальникомъ Артиллерійскимъ не былъ осматриванъ; употребилъ пять дней для точнѣйшаго и акуратнѣйшаго во всѣхъ частяхъ осмотра, и оказалось слѣдующее:

Люди обмундированы всѣмъ, жалованье и аммуницію всю сполна получали всегда, жалобъ и неудовольствій никакихъ не объявили, лазаретъ содержится очень порядочно, но лѣкарь не прилеженъ и незнающъ, о чемъ я писалъ къ Министру внутреннихъ дѣлъ, мастеровые-же всѣ въ своихъ мастерствахъ довольно знающи, лафеты и зарядные ящики, въ теченіи командующаго мною времени, оказались сдѣланы хорошо и акуратны, почему и назначены мною къ отправленію въ полкъ.

Образъ новой оковки, конфирмованной Вашимъ Величествомъ, мною при себѣ учрежденъ, и надѣюсь въ окуратности оной.

По сдѣланному мною предварительному предписанію, изготовленное литье орудіевъ сдѣлано въ присутствіи моемъ, но окуратной отдѣлкѣ оныхъ препятствуетъ еще старинная, вертикальная, сверлильная машина, почему и сдѣлано какъ о сооруженіи новой горизонтальной машины, такъ и о другихъ нужныхъ распоряженіяхъ, представленіе къ Вашему Величеству чрезъ Министра военныхъ силъ; я желалъ-бы дабы оные поднесены были Вашему Величеству въ оригиналѣ.

Строенія казенныя, принадлежащія къ оному Арсеналу, всѣ очень хорошо содержаны и поправокъ почти никакихъ не требуютъ, какъ равномѣрно и лошади казенныя оказались хороши.

Найдя еще въ 1799 году, во время моего командованія Артиллеріею, чрезвычайно большую нужду въ заготовленіи дубовыхъ лѣсовъ, сдѣлано мною было предписаніе о заготовленіи оныхъ при здѣшнемъ Арсеналѣ, которое и продолжалось только въ то время два года, и послѣ остановлено, а какъ въ сухомъ лѣсѣ самая необходимая надобность, то нынѣ во время моего пребыванія сдѣлалъ по оному вновь распоряженіе.

Найдя порядочное во всѣхъ дѣлахъ теченіе, осмѣливаюсь, Батюшка, Ваше Величество, для примѣру другимъ, по прилагаемой у сего запискѣ, испросить, какъ Начальнику онаго Арсенала, такъ нѣкоторымъ подкомандующимъ и нижнимъ чинамъ, милосердое Ваше награжденіе.

Занимаясь здѣсь пять дней безпрестанно, какъ осмотромъ такъ и новыми распоряженіями, не упустилъ такъ-же, узнавъ, что находится здѣсь въ городѣ, въ присмотрѣ городничаго, 84 человѣка, собранные съ уѣзда рекруты, съ Ноября мѣсяца прошлаго года, и кажется должны Военною Коллегіею быть забытые; осмотрѣлъ лично я оныхъ: люди всѣ довольно хороши, но уже гораздо обносились, не имѣя семь мѣсяцевъ

никакой казенной аммуниціи; я объ нихъ представилъ къ Военному Министру, чтобъ ихъ отдать въ число недостающее по Артиллеріи.

Нашелъ я еще въ здѣшнемъ городѣ несчастнаго офицера Путвинскаго, который, бывъ выпущенъ изъ гродненскаго корпуса, въ нынѣшнемъ году 22 генваря, въ Прапорщики, въ Борисоглѣбской драгунской полкъ, расположенный на Кавказской линіи, и не доѣзжая сего города, опрокинута была ямщикомъ его кибитка, отчего и переломило ему лѣвую руку въ двухъ мѣстахъ.—Молодой жалкой человѣкъ началъ нынѣ выздоравливать, но въ кавалеріи служить будетъ уже неспособенъ, то и проситъ о переводѣ въ пѣхотный полкъ, не имѣя чѣмъ содержаться; я осмѣлился изъ находящихся у меня Вашихъ дорожныхъ денегъ оставить ему Именемъ Вашего Величества.

Во время моего проѣзда чрезъ г. Рославль, гдѣ расположенъ Курской пѣхотный полкъ, выставлены были подъемныя лошади полковыя, и какъ сказали мнѣ, что другихъ въ городѣ нѣтъ, то и везли меня цѣлую станцію на оныхъ, но хотя въ ямскихъ кафтанахъ, но полковые фурлейты ими управляли, и кажется у нихъ сіе въ обыкновеніи.

Изъ Нѣжина, 10 Іюля.

Пріѣхавъ сего мѣсяца 4 числа на Шостенскіе пороховые заводы, пробылъ на оныхъ пять дней, употребляя оное время на обозрѣніе во всѣхъ подробностяхъ онаго и нашелъ лучше еще нежели я себѣ представлялъ. Строеніе онаго, будучи съ 1799-го года начатое, вновь перестраиваютъ, состоитъ довольно въ хорошемъ положеніи, выключая самыхъ пороховыхъ фабрикъ, которыя уже совершенно обвѣтшали, и нужно, не упуская время, приступить къ построенію новыхъ, о чемъ я и сдѣлаю къ будущему году другія распоряженія.

Бѣгуны, чѣмъ стирается пороховой составъ, во всѣхъ фабрикахъ каменные старые, которые по составу своему чаще бываютъ причиною къ случающимся взрывамъ, и которые мною предполагаемы были въ 1799-мъ году къ перемѣнѣ на чугунные, но по сіе время оставлены были безъ исполненія, то и нужно оные мнѣ стараться скорѣе перемѣнить, ибо взрывъ одной пороховой мельницы послѣдовалъ и нынѣ, за 8 дней до моего пріѣзда на заводъ, но къ счастію люди, по личному осмотру моему, оказались только больно опаленными, а не изувѣченными.

Лазаретъ содержится хорошо и во всемъ достаточно, но нашелъ въ ономъ лежащихъ двухъ человѣкъ съ отмороженными обѣими ногами въ 1802 году на казенной работѣ.

Люди обмундированы всѣ сполна, положенное по законамъ получали безъ изъятія и благословляютъ Имя Вашего И. В. за положенную десятикопеешную ежедневную порцію, которой они очень достойны, ибо, выключая ежедневной тяжелой опасной работы, и мѣсто занимаемое заводомъ чрезвычайно дурно и нездорово, окружено будучи со всѣхъ сторонъ болотами и уединено отъ всѣхъ постороннихъ селеній.

По всему положенію, лично мною осмотренному, естьли начальникъ будетъ ограниченъ, такъ какъ я и надѣюсь сдѣлать, то долженъ имѣть особое какое нибудь вознагражденіе отъ Вашего И. В—а по совершенно уединенному и скучному оному мѣсту.

Люди принесли мнѣ двѣ жалобы, 1-ю, что онп, будучи въ 1802-мъ году употреблены на построеніе при оныхъ заводахъ плотины, не получили ни какой сверхъ жалованья своего платы.

Вторую, что имѣющіе дѣтей не получаютъ на оныхъ провіанта, когда во всемъ Вашего Вел-а войскѣ оные довольствуются, почему первое остается отъ милосердаго Вашего разрѣшенія, а о второмъ отнесся я чрезъ Министра военныхъ силъ.

Пороху стараго я нашелъ на заводахъ только около пяти тысячъ пудъ, и которой не хорошъ, а прочій весь уже отправленъ въ разныя мѣста, новой-же нынѣшняго года работы гораздо лучше, но все еще не такой, какъ я намѣренъ имѣть, но на сіе надобно нѣсколько времени.

Осмѣлился бы просить у Вашего И. В-а симъ бѣднымъ по рублю, ежели-бы не боялся онымъ наскучить. Число-же ихъ 520 человѣкъ.

Завтра къ вечеру надѣюсь быть въ Кіевѣ, гдѣ долженъ буду пробыть около двухъ недѣль для обозрѣнія всего тамъ принадлежащаго Артиллерійскому Департаменту.

Изъ Кіева, 18-го Іюля.

Не хотѣлъ я безпокоить Вашего В-а при началѣ описываемаго сего дѣла, но нынѣ видя на счетъ мой дѣлаемые шиканы, принужденъ объ оныхъ донесть Вашему Величеству.

Въ Артиллерійской Экспедиціи находился около 20-ти лѣтъ Оберъ-плутъ, Секретарь Космачовъ, которому я приказалъ избавить отъ себя и выдти изъ оной, что онъ и исполнилъ, и я радовался, что служба В-го В-а избавилась онаго Профессора, но Г. Министръ военныхъ силъ принялъ и опредѣлилъ его съ очень большимъ жалованьемъ въ свой Департаментъ, и теперь оной дѣлаетъ совсѣмъ по чину моему непристойныя шиканы, начавъ въ отсутствіе мое.

А какъ извѣстно Вашему В-ву, что я служу единственно изъ особаго къ Особѣ Вашей отмѣннаго моего усердія, то оставшись отъ онаго огорченія въ Кіевѣ, нѣсколько дней былъ больнымъ, при множествѣ въ здѣшнемъ краю запущенныхъ Артиллерійскаго Департамента дѣлъ.

Изъ Кіева, 22-го Іюля.

Пробывъ въ Кіевѣ 12 дней, я только лишь могъ успѣть осмотрѣть всѣ Артиллерійскія команды и строенія принадлежащія оному Департаменту, гдѣ и оказалось слѣдующее:

5-го Артил: полка люди обмундированы довольно хорошо и соблюдено должное равенство, какъ равномѣрно и удовольствованы всѣмъ сполна и претензій никакихъ не объявили, выправлены-же очень дурно, въ маршировкѣ слабы, а въ ученьѣ при орудіяхъ на лошадяхъ еще очень малознающи. — Рота-же, отданная въ обученіе присланному отъ меня Адъютанту и учащаяся ежедневно уже около мѣсяца, начинаетъ приходить въ должное знаніе, которая мною самимъ три дня сряду была обучаема, и дабы оную довесть до окончанія, то Адъютантъ мой оставленъ продолжать оное, и потомъ приказалъ я ему отправиться въ Херсонъ въ 6-й Артил. полкъ, гдѣ также на ономъ основаніи обучить одну роту.

Лазаретъ содержится, по множеству больныхъ отъ другихъ командъ присылаемыхъ, нѣсколько хуже прочихъ мѣстъ, о чемъ отъ меня Вашему В-ву представлено особымъ рапортомъ, но дабы имѣть мнѣ сравненіе Артил: лазарета съ другими здѣсь находящимися, то былъ я въ лазаретѣ Московск. полка, въ которомъ нашелъ уже несравненно хуже моего и который кажется нужно поправить.

Лошади, состоящія по мирному времени, хороши, а слѣдуемыя къ дополненію по военному положенію еще искупаются, а къ полку не прибыли.

Артиллерійскими орудіями оный полкъ укомплектованъ полнымъ числомъ совсѣмъ исправными и къ движенію годными, въ которомъ исправленіи много было старанія Шефа полка Г. Л. Меллера, ибо у всѣхъ оныхъ орудій лафеты были негодные, строенія подряднаго отъ Экспедиціи и бывшаго Инспектора, но не достаетъ въ полку зарядныхъ ящиковъ, а имѣются прежнія зарядныя фуры.

Гарнизонъ-же Артиллерійской, здѣсь состоящій, удовольствованъ и обмундированъ всѣмъ сполна, но только совсѣмъ не ученъ и похожъ болѣе на мастеровыхъ.

Мастеровые Кіевскаго Арсенала удовольствованы и обмундированы всѣмъ сполна, но въ производствѣ работъ, а особливо въ разсужденіи новаго образа оковки, еще будутъ слабы и надобно много старанія и присмотра. — Строеніе, состоящее изъ мастерскихъ, магазиновъ и лабораторіи, все деревянное и требуетъ по худобѣ своей совсѣмъ новой постройки.

Каменный-же Арсеналъ, въ крѣпости находящійся, прекрасное и солидное строеніе, которое можно сказать дѣлаетъ украшеніе всему городу, но содержитъ въ себѣ очень мало, а именно одну осадную Артиллерію, которая совершенно гнилая и никуда не годится, и о которой я не въ состояніи еще принять и подумать прежде двухъ лѣтъ по множеству другихъ дѣлъ.

Не имѣя время быть нынѣшнее лѣто въ Херсонѣ, вытребовалъ я въ Кіевъ Шефа 6-го Артил. полка Г. М. Сиверса, отъ котораго отобралъ нужныя мнѣ извѣстія и по онымъ сдѣлалъ ему свои приказанія и наставленія; между прочими безпорядками, бывшими въ Херсонѣ у Г. М. Медема, найденъ имъ по пріѣздѣ лазаретъ Артил—ой въ такомъ дурномъ положеніи, что всѣ больные были одѣты какъ Исторія намъ сказываетъ о одѣяніи Адама въ раю, но нынѣ уже, увѣряю Ваше Величество, что оное исправлено.

Здѣсь въ Кіевѣ жары несносные и разводъ бываетъ, кромѣ праздниковъ, ежедневно въ 11-ть часовъ, что кажется для сбереженія людей нужно приказать перемѣнить, ибо отъ жару люди падаютъ.

Сегоднишній день отправляюсь я изъ Кіева и по дозволенію Вашего В-ва ѣду къ Липецкимъ водамъ, гдѣ естьли ихъ найду полезными, то долженъ пробыть до 21 Августа, а потомъ поѣду въ Москву и осмотрѣвъ тамъ всѣ принадлежащія мнѣ части, отправлюсь въ С. Петербургъ.

Изъ Вышняго-Волочка, 5 Августа.

Пробывъ у Липецкихъ водъ только 13-ть дней, дабы поспѣшить окон-

чаніемъ своихъ осмотровъ, по пріѣздѣ въ Москву осмотрѣлъ всѣ части Артил.-му Департаменту принадлежащія и нашелъ: 8-го Артил. полка баталіонъ Г. М. Булыгина обмундированъ и удовольствованъ всѣмъ и претензій люди никакихъ не имѣютъ, расположенъ въ казармахъ отмѣнно выгодно и хорошо и соблюдается должная чистота. Обозъ и конская упряжь построены стараніемъ Шефа хорошо и прочно.

Лошади артиллерійскія еще искупаются, которыхъ и недостаетъ для всего полка до пяти сотъ. — Артиллерія въ должной исправности, но недостаетъ еще 8-ми орудіевъ и новыхъ зарядныхъ всѣхъ ящиковъ, которые, по сдѣланному мною распоряженію, пріуготовляются въ Брянскомъ Арсеналѣ, вмѣсто которыхъ состоятъ фуры.

Служба ежедневно при разводахъ отправляется лучше всѣхъ осматриваемыхъ мною мѣстъ. — Напротивъ онаго, аммуниція не приведена еще въ должное равенство. — Люди выправлены дурно и при орудіяхъ въ ученьяхъ еще слабы, а особливо фейерверкеры.

Прочія команды какъ то: Понтоннаго полка рота ничто еще иное какъ собраніе рекрутъ, а гарнизонная команда, употребляемая безпрестанно въ командировкахъ, хуже дурныхъ Инвалидовъ, не по неспособности своей, а по содержанію оныхъ. — Изъ коихъ первые еще не обмундированы, а послѣдніе удовольствованы всѣмъ сполна, но претензій первые не объявили, а вторые принесли жалобу о жалованьѣ, о чемъ представлено будетъ Вашему Им-ому В-ву особымъ рапортомъ.

Арсеналъ Московскій есть много стоющее казнѣ зданіе, но очень неспособное, а притомъ нынѣ еще почти ничемъ незанятое строеніе, выключая нѣсколько десятковъ негодныхъ лафетовъ и ящиковъ.

Со временъ Императора Петра Великаго, устроенные близъ Москвы два партикулярные пороховые завода, поставляютъ въ казну порохъ, который при пробѣ моей оказался хотя и до ольно силенъ, но дурно сушенъ, отчего въ продолженіи времени можетъ быть дуренъ, а сіе дѣлалось для выгоды поставщиковъ въ тяжести онаго.

Пріѣхавъ сего числа въ Вышній-Волочокъ, долженъ я, по назначенію моему, полученныя по почтѣ дѣла здѣсь обработать, почему и пробуду нѣсколько дней, а между тѣмъ, по любопытству своему, издали взгляну на здѣшнюю водяную коммуникацію, которая кажется также суха, какъ и прошлаго года, а Боровицкіе пороги становятся сердитѣе годъ отъ году, особливо противу Вашего В-ва, ибо, при послѣднемъ спускѣ, изъ 370 барокъ 44 разбило, изъ коихъ 2 барки только партикулярныя, а прочія всѣ провіантскія Вашего Величества.

Изъ трехъ-мѣсячнаго моего путешествія, употребя только 13 дней въ Липецкѣ собственно для себя, осмѣлюсь по близости проѣздомъ заѣхать въ Грузино на нѣсколько дней, чтобы осмотрѣть и оное инспекторскимъ смотромъ, надѣясь на милости В-го И-го В-ва.

1805.

Изъ Грузина, 12-го Іюня.

Имянныя повелѣнія, о выступленіи и пріуготовленіи Артиллеріи, я получилъ въ самый день отъѣзда моего изъ деревни, и по оному во всѣ

мѣста повелѣнія сего-же числа по Эстафету отправилъ, а къ Вашему В-ву при семъ формальное особое донесеніе представляю. Отъѣздомъ-же моимъ я остановился и прошу Вашего собственнаго разрѣшенія, не нужно-ли мнѣ трактъ слѣдованія моего перемѣнить и ѣхать въ оныя мѣста, ибо я такъ ничего не желаю, какъ угождать Ва-у В-ву. — Отвѣтъ на оное испрашиваю всеподданнѣйше приказать отдать для доставленія ко мнѣ Адъютанту моему Подполковнику Творогову.

Изъ Вильны, 10 Іюля.

Пріѣхавъ въ Ригу 27-го числа протекшаго Іюня, пробылъ въ оной 9 дней, и осмотря 2-й Артил. полкъ по ротно, нашелъ, что въ ономъ всѣ чины удовольствованы всѣмъ сполна и претензій никакихъ ни въ чемъ не имѣютъ, и обмундированы довольно единообразно. — Люди во всемъ полку отмѣнно хороши и гораздо собою виднѣе Гвардейскаго баталіона, выправлены довольно хорошо, а въ ученьѣ, какъ маршировкѣ, такъ и при орудіяхъ, начинаютъ приходить въ должный порядокъ.

Большое вліяніе сдѣлалъ на Шефовъ Артиллерійскихъ переводъ изъ 1-го полка Г. Берха, и хотя сей полкъ сравняться съ Гвардейскимъ баталіономъ въ ученьѣ еще не можетъ, но надѣюсь со временемъ будетъ доведенъ до такого-же знанія. Лошади Артил., строевыя состоящія въ полку очень хороши; я полагаю, что не уступятъ ни одному драгунскому полку, однако жалко, что не имѣютъ оныя конюшенъ; впрочемъ, можно сказать, что я симъ полкомъ изрядно былъ доволенъ, почему и можете, Батюшка Ваше В-во, заключать, что онъ во всемъ исправенъ и готовъ къ походу.

Гарнизоны Артиллерійскіе, Рижской и Динаминдской, равномѣрно начинаютъ походить на Артиллеристовъ и также надѣюсь кажется и въ оныхъ должнаго успѣха.

Найдя въ такомъ положеніи все оное, а болѣе увидя Г. М. Рѣзваго начавшаго уже исполнять мои учрежденія безъ упущенія, прошу В. В-ва, по особому моему представленію, пожаловать имѣющійся у него Орденъ Св. Анны 2-го Класса, перемѣнить Алмазнымъ. Сіе, также какъ и первое, сдѣлаетъ въ нихъ большое вліяніе на службу Вашего Величества.

Артиллерійскихъ полковъ ученья я не видалъ, бывъ занятъ съ утра до вечера своими, а караулы и разводъ въ должномъ порядкѣ.

Въ гошпиталѣ Рижскомъ былъ и смотрѣлъ его прилѣжно; онъ довольно хорошъ; только, Батюшка, больные не имѣютъ лѣтнихъ одѣялъ, и въ жару нынѣшнемъ лежатъ подъ байковыми и безъ подшивки простынь, что кажется нужно перемѣнить. — Лазареты полковые въ Ригѣ и Митавѣ я нашелъ очень въ хорошемъ положеніи, почему и осмѣлился представить къ Вашему В-ву о награжденіи Медицинскихъ чиновъ, которые заслуживаютъ В-го благоволѣнія.

Конюшни для Артил. лошадей еще не только не построены, но и никакого начала къ оному не сдѣлано, почему и нужно кажется повтореніе В-го В-ва, да и вообще Артил. баталіонъ въ Митавѣ расположенъ очень дурно, роты поставлены по деревнямъ въ 70 верстахъ отъ Митавы, а отъ ротнаго двора солдаты находятся въ 20-ти верстахъ и 10-ть

мѣсяцовъ не видятъ своихъ орудіевъ; обо всемъ ономъ я не премину сдѣлать особое мое Вашему Величеству представленіе.

Изъ Слонима, 18-го Іюля.

Занимаясь осмотромъ 3-го полка въ Слонимѣ, на полѣ у фронта, получилъ я Ваше повелѣніе съ фельдъегеремъ и доношу В-му В-ву на оное, какъ вѣрноподданный, которому позволено говорить и писать правду:

Артиллерія, назначенная въ первыя двѣ Арміи, состоитъ въ готовности и вся выступила по первому повелѣнію, и кромѣ конныхъ ротъ изъ Вендена и Гродна и понтонной роты изъ Риги, уже на назначенныхъ мѣстахъ, а оныя еще находятся въ маршѣ и не прежде прибудутъ какъ въ концѣ Августа.

3-й полкъ можетъ идти стрѣлять и остановки Арміи не сдѣлаетъ, хотя въ баталіонѣ Несвижскомъ Графа Сиверса большія упущенія и злоупотребленія открылись, но видно оное поправлять нынѣ не время.— Скажу истинно, что много времени и здоровья нужно, чтобы привести всѣ Артиллерійскіе полки въ хорошее положеніе, ибо они всегда оставались безъ надзору.

По второму-же повелѣнію о назначенной Артиллеріи въ Сѣверную Армію, доношу В-му В-ву, что баталіонъ 2-го полка изъ Митавы, 8-й полкъ изъ Смоленска и Москвы, выступятъ и состоятъ въ готовности, а касательно конныхъ и понтонныхъ ротъ, то они выступить еще никакъ не могутъ, ибо три конныя роты не имѣютъ орудіевъ, а всѣ пять конныхъ ротъ и двѣ понтонныхъ роты искупаютъ лошадей и доносятъ, что они не въ состояніи скоро оныхъ искупить.

Вашему Вел-ву извѣстно, сколько много я работалъ; надобно было все вновь завести, изготовить орудія, да и орудія хорошія; теперь можетъ быть оные труды не видны, но я утѣшаю себя тѣмъ, что время откроетъ оные.

2-го Полка баталіонъ Рижской назначенъ въ 10-й Корпусъ, которому баталіону думаю лошади не будутъ нужны, то не угодно-ли оный баталіонъ подвинуть къ тому мѣсту, гдѣ онъ будетъ амбаркированъ, а потомъ лошадей отъ него взять и оными укомплектовать конныя и понтонныя роты; естьли оное возможно, то прошу Вашего повелѣнія.

Я черезъ два дня отправляюсь въ 4-й полкъ, который меня также стращаетъ своимъ положеніемъ.

Изъ Луцка, 27 Іюля.

Выѣхавъ изъ Слонима 21 числа, прибылъ 27 въ Луцкъ, проѣхавъ такую несносную и дурную дорогу, что я думаю хуже во всей Россіи не имѣется другой. По оной должна слѣдовать Артиллерія, которая имѣетъ отъ онаго чрезвычайную остановку и затрудненія.

На походѣ смотрѣлъ я, Батюшка, Конную роту Полковника Князя Яшвиля, которая, какъ Вамъ извѣстно, совсѣмъ новая сформирована, но донесу Вамъ, что я оною очень былъ доволенъ, лошади хороши, люди выучены и выправлены очень хорошо, но денежная часть не ис-

правна; кажется, люди всѣмъ обмундированы и удовольствованы сполна, не имѣетъ-же оная рота по сіе время сѣделъ новыхъ, а укомплектована старыми нѣмецкими и дурными.

По пріѣздѣ-же въ здѣшній городъ, нашелъ 4-го полка Шефской баталіонъ, который очень дуренъ, и о которомъ писать много надобно, а прошу, Батюшка, позволенія Вашего только въ слѣдующемъ: Шефъ Г-нъ Берхъ кажется совсѣмъ не будетъ полковой Командиръ. Полковникъ Ефимовъ, недождавшись моего пріѣзда, бывъ боленъ, умеръ, и хотя кромѣ человѣчества служба не много потеряла, но теперь полкъ остался въ командѣ Подполковника Баннера, который кажется еще и пьяный человѣкъ, то можете представить, Ваше В-во, командованіе и положеніе полка, то и нужно приказомъ перевесть изъ 8-го полка въ 4-й Полковн. Мертенса, который старшій Полковникъ въ Артиллеріи, то онъ послѣ Берха и остается въ ономъ полку Шефомъ; хотя онъ и командуетъ баталіономъ бывшимъ въ Смоленскѣ, а нынѣ слѣдующимъ въ Гродненскую губернію въ мѣстечко Бѣлицы, но во первыхъ оный баталіонъ я знаю исправенъ, а во вторыхъ въ немъ находится и Подполк. Глуховъ, исправный человѣкъ, который и можетъ командовать баталіономъ. Я прошу, Батюшка, приказать поскорѣе объ ономъ меня чрезъ нарочнаго увѣдомить, естьли изволите оное апробовать, дабы я могъ скорѣе приказать Полковн. Мертенсу ѣхать въ 4-й полкъ, который очень худъ.

Здѣсь въ Луцкѣ совсѣмъ фуража не заготовлено и лошади должны быть въ полѣ голодныя, и отъ онаго очень исхудали, да я слышу, что и въ провіантѣ большой недостатокъ во многихъ полкахъ, и кажется здѣсь по оной части большой безпорядокъ.—Чрезъ нѣсколько дней отсюда отправляюсь въ городъ Острогъ, гдѣ осмотря другой баталіонъ 4-го полка, поѣду уже обратно чрезъ Житоміръ къ С.-Петербургу.

Изъ Бреста. 29-го Сентября.

Двѣ недѣли живу въ Брестѣ и получаю только отъ Генерала Михельсона требованія, дабы заряды отправлять какъ можно скорѣе, которые всѣ готовы, но отправлять не начемъ.

Генер.-лейтен. Эссенъ принялъ покупку лошадей, и купивъ 20, вышелъ съ войсками изъ Бреста, препоручивъ Гражданскому Губернатору, который, искупивъ только 70 лошадей, отзывается уже невозможностію. Я дѣлаю свои къ Губернаторамъ отношенія, на кои получаю отвѣты, что они меня не знаютъ и имъ отъ меня никакихъ повелѣніевъ принимать не велѣно. — Посылаю нарочно къ Вашему Вел-ву Адъютанта, который лично объяснитъ Вамъ все мое положеніе, въ коемъ я нахожусь.

Прошу, прикажите, Государь, дать Ваши указы, дабы Гражд. Губернаторы Виленскій, Гродненскій и Минскій принимали отъ меня Ваши приказанія.

Я рвусь и не жалѣю никакъ себя, только бы имѣть успѣхъ, но котораго никакъ не вижу, отчего теряю терпѣніе.

1807.

Изъ Витебска, 5-го Августа.

Артиллерія начала уже приходить въ свои лагери и все идетъ порядочно, окромѣ что кажется субординація очень опустилась, и много офицеровъ разъѣхавшихся по домамъ; моихъ Артиллерійскихъ 35, въ коемъ числѣ есть много нераненыхъ. а отпущены за болѣзнью; обо всѣхъ я отнесся къ Гг. Губернаторамъ и просилъ ихъ, дабы они всѣхъ ихъ выслали въ лагери, а по пріѣздѣ каждаго осмотрю лично и не упущу о виновныхъ донести.

Государь! Полковн. Бельгардъ, кажется мнѣ, шалитъ; онъ прислалъ мнѣ письмо, которое осмѣливаюсь приложить Вашему В-ву въ оригиналѣ. Вамъ извѣстно, что онъ оставался въ резервѣ, но нынѣ остается на время въ Порховѣ и Лугѣ единственно для доставленія Артиллеріи изъ С.-П-бурга въ лагерь, а изъ лагеря негодной въ С.-П-бургъ. За что мнѣ его ненавидѣть, и Вы никогда отъ меня объ немъ худаго не слыхали, хотя по службѣ онъ очень далекъ до хорошаго Штабъ-Офицера, но таковыя письма къ Начальнику, кажется, непростительны. Все оное предаю въ Вашу Высочайшую волю.

О посѣщеніи С.-Пет-го Арсенала Генераломъ Савари, получилъ я отъ Штабсъ-Капитана Де-Барбиша, приставленнаго для объясненія, письмо, которое въ оригиналѣ у сего В-му В-ву представляю, но безпокоюсь тѣмъ, что правдали оное имъ написанное, что самое, полагаю я, извѣстно должно быть Вашему Императорскому Величеству.

Изъ Витебска, 16 Августа.

Артиллерійскія роты всѣ пришли, кромѣ двухъ, которыя Шефами Армейскихъ полковъ уведены съ собою въ Бѣлостокъ, хотя имъ объ ономъ и дано было знать, о чемъ отъ меня сдѣлано уже должное распоряженіе.

Орудіевъ батарейныхъ, какъ они не Вашей еще фабрики, а прежней, то очень много поломанныхъ лафетовъ, однако извольте быть увѣрены, что всѣ оные исправятся въ скоромъ времени, напротивъ-же того новыя легкія орудія ничего ломки не имѣютъ.

Одинъ мой Артиллер. Подполковникъ Воейковъ, во всю кампанію оставя свою собственную роту, находился во все время оной въ должности Адъютанта у Г. Л. Остермана, и по сіе время неизвѣстно гдѣ находится. а какъ таковой случай можетъ избаловать и другихъ Артил. Штабъ - офицеровъ, ибо оно легче и безопаснѣе быть у Дивизіоннаго Начальника Адъютантомъ, нежели на батареѣ въ дѣлѣ, да и въ Адъютанты безъ воли Вашей кажется никто не можетъ себѣ, а паче изъ Артиллеріи къ Армейскому Генералу, взять, то я всеподданнѣйше просилъ-бы В-го В-ва онаго Г. Подполк. Воейкова перевесть совсѣмъ изъ Артиллеріи въ Армейскіе полки 2-й дивизіи, куда Вамъ угодно будетъ.

1808.

Письмо, поданное при увольненіи Гр. Аракчеева отъ командованія Артиллеріею.

Естьли я могъ навлечь на себя Монаршее неблаговоленіе Вашего Имп-го В-ва просьбою моею о увольненіи меня отъ службы, то любовь В-го В-ва къ человѣколюбію питаетъ меня утѣшительною надеждою получить спокойствіе, основывая оное на слѣдующихъ правилахъ путеводительствовавшихъ меня въ теченіи моей службы.

Вступленіе мое въ службу, по слабому здоровью моему, слѣдственно и во все къ оной не способному, было не моимъ желаніемъ, а единственнымъ усердіемъ исполнить Святую волю Вашего Величества.

Продолженіе оной всегда сопряжено было съ потерею остатковъ моего здоровья, но единственная цѣль ея была оправданіе предъ всѣми Вашего выбора.

Управленіе ввѣреннаго мнѣ Департамента, въ толь трудную эпоху для Государства, не разстроено, а во всѣхъ частяхъ, составляющихъ силу его, какъ то: въ орудіяхъ, снарядахъ и порохѣ, гораздо еще усилено.

Фабрики Государственныя, состоящія при Арсеналахъ, при неусыпныхъ и самыхъ поспѣшныхъ работахъ, не одною скоростію отдѣлки удивлять могутъ, а чистотою и вѣрностію пріуготовленнаго оружія, заслужили отъ Иностранныхъ Державъ похвалу и даже превзошли оныхъ.

Крѣпость пріуготовляемой въ оныхъ Артиллеріи доказана наидальнѣйшими движеніями и сравнена съ крѣпостію дорогихъ экипажей.

Цѣль моего намѣренія, хотя съ потеряніемъ здоровья, но достигнута наконецъ, и Ваше Имп-е В-во успокоены отъ прежнихъ доходившихъ до Васъ непріятныхъ слуховъ, которыми Вы столь много на мое лице были обезпокоиваемы.

Нынѣ, по болѣзни моей, сдѣлавшись къ службѣ Вашего В-ва совершенно неспособнымъ, не могу-ли ласкать себя надеждою, что увольненіе отъ оной—конечно получу и приму оное какъ даръ награды, естьли я сего достоинъ, когда-же оная и непринадлежитъ мнѣ, то сравняюсь съ тѣми своими товарищами, которые, оставляя свои части не въ лучшемъ моего Департамента положеніи, но получаютъ милостивое Вашего Величества увольненіе отъ оныхъ.

Слабость моего здоровья произвела нынѣ во мнѣ сильную меланхолію, а отъ оной желаніе мое къ покойному удаленію себя въ деревню столь велико, что не можетъ ни чѣмъ перемѣниться.

Изъ С-Петербурга, 27-го Сентября.

Военный Министръ представляетъ при семъ рапортъ Графа Буксгевдена и при ономъ копію съ пунктовъ перемирія, оставя подлинные здѣсь, дабы оные возвратить обратно по не утвержденію Комитетомъ Министровъ перемирія. Равнымъ образомъ, оригинальный рапортъ Г. Л. Тучкова, изъ коего изволите увидѣть, что сколь нужно было Шведамъ

перемиріе, что они тотчасъ симъ способомъ остановили движеніе Тучкова.

Сего числа, по прекрасной погодѣ, былъ мною сдѣланъ смотръ всей 1-й дивизіи, на мѣстѣ общаго развода, во всей походной аммуниціи, въ коемъ находилось: Преображенскаго полка 3 бат., Семеновскаго 1 бат., Измайловскаго 2 бат., Гвардіи Егерскаго 2 бат., Лейбъ-Гренадерскаго 1 бат. Финляндской Гвардіи 1 бат., а всего 10 баталіоновъ, Кавалергардской полкъ и Гвардейской Артиллеріи 30 орудіевъ. При проходѣ церемоніальнымъ маршемъ, я былъ не доволенъ, ибо примѣтно неохотное исполненіе, можетъ быть по непривычкѣ къ оному, полагая что Военный Министръ долженъ быть писаремъ; изъ всѣхъ баталіоновъ Финляндская Гвардія лучше шла, и я долженъ справедливо сказать, что въ Стрѣльнѣ нашелъ болѣе должной атенціи.

Въ ономъ парадѣ стояли въ своихъ мѣстахъ и два выступившіе въ старую Финляндію Гвардейскіе баталіоны, а именно: Преображенскій Гр. Толстаго и Измайловскій Гр. Строганова, которые, пройдя вмѣстѣ съ другими, слѣдовали уже прямо въ свой путь.

На сихъ дняхъ случилась въ музыкальномъ клубѣ у офицеровъ ссора, о коей особую записку прилагаю.

Я отправилъ къ брату особое дѣло: положеніе полное о запасныхъ рекрутскихъ Депо; прошу Вашего В-ва оное утвердить; оно хорошо обработано, за оное Вамъ отвѣчаю; а нужно Ваше утвержденіе, дабы я могъ приступить до 1-го ноября, и успѣвъ напечатать его, разослать.— Впрочемъ во всемъ Департаментѣ ничего важнаго не случилось, а я прошу Бога о скорѣйшемъ Вашемъ возвращеніи, ибо мнѣ безъ Васъ гораздо труднѣе можетъ быть, потому что не такъ уменъ какъ мои товарищи.

Изъ С.-Петербурга, 6 Октября.

Военный министръ доносилъ Вашему Им-му В-ву вчерась, что отъ Г. Буксгевдена присланъ въ С.-Петербургъ съ объясненіемъ дѣлъ Финляндской Арміи Маіоръ Гавердовскій.

Военн. Мин. по разсмотрѣніи полученныхъ бумагъ у сего прилагаемыхъ и по объясненіи Гавердовскаго, почелъ нужнымъ собрать Комитетъ Министровъ, гдѣ были разсмотрѣны всѣ донесенія Г. Буксгевдена, и по призывѣ Маіора Гавердовскаго въ присутствіе, выслушаны его объясненія, въ присутствіи и Генерала Кноринга, потомъ разсмотрѣно состояніе Провіантскихъ запасовъ въ Новой Финляндіи, и заключили единогласно отвѣчать, Вашимъ Имен., Гр. Буксгевдену о непремѣнномъ исполненіи даннаго ему предписанія отъ 25 Сентября, въ разсужденіи разрыва перемирія, что все изволите усмотрѣть изъ отправляемой у сего журнальной Записки Комитета.

А о состояніи Провіантскихъ запасовъ, изъ прилагаемой записки о хлѣбѣ въ Гельсингфорсѣ и Свеаборгѣ находящемся и ожидаемомъ, и копіи отношенія Военнаго Губернатора Обрескова отъ 30 сентября изъ Нейшлота. Я почелъ нужнымъ довести все сіе свѣдѣніе чрезъ экстреннаго фельдъегеря.

1809.

Изъ Або, 22 Февраля.

Въ Або Военный Министръ прибылъ 20 февраля по утру въ 8 часовъ, гдѣ нашелъ Главнокомандующаго, который пріѣхалъ изъ Тавастгуса только еще 18 числа.

Г. Л. Барклай-де-Толли отправленъ къ своему посту въ Вазу наканунѣ моего пріѣзда, то-есть 19-го числа, коему приказано принявъ команду отъ кн. Голицына, немедленно приступить къ рѣшительному личному осмотру о возможности перехода черезъ Кваркенъ, о чемъ и я ему вчерась подтвердилъ и ожидаю донесенія.

Генералъ адъютантъ Шуваловъ отправленъ равнымъ образомъ въ Улеаборгъ до моего пріѣзда, куда я отправилъ изъ Выборга еще чрезъ Куопіо своего Адъютанта, дабы онъ привезъ мнѣ свѣдѣніе о положеніи того корпуса, проѣхавъ чрезъ Вазу ко мнѣ въ Або.

Здѣшній корпусъ нашелъ я еще несобраннымъ и полки идущіе изъ Вазы неприбывшими, ибо имъ неназначено было время прибытія въ Або.

Главнокомандующій на счетъ даже Аландской экспедиціи объявилъ мнѣ свои затрудненія въ разсужденіи дѣйствія оной, представляя мнѣ: 1) Недостатокъ провіанта, дабы онаго имѣть полкамъ сверхъ имѣющагося въ полкахъ 10-ти-дневнаго еще на 5 дней 2) Пребываніе 6 ночей на открытомъ воздухѣ и почти въ открытомъ морѣ. 3) Недостатокъ войскъ остающихся въ Або и окружности онаго на случай неудачи, дабы жители не сдѣлали возмущенія. 4) Опасность секурса со Шведскаго берега, по имѣющимся извѣстіямъ, что тамъ собранъ 10-ти-тысячный корпусъ, могущій легко нынѣ по твердости льда перейтить во время нашего дѣйствія въ острова.

На оныя я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) Взять немедленно состоящихъ флотскихъ сухарей въ Або находящихся, которые нужны имъ будутъ къ 1-му мая.

2) Объяснилъ извѣстное Государю терпѣніе Русскихъ солдатъ, а особливо когда нужда того потребуетъ.

3) Показалъ способъ придвинуть 4 баталіона изъ Гельсингфорса на разстояніе отъ Або двухъ переходовъ, о чемъ уже вчерась и послано повелѣніе, и объявилъ волю Вашу Г. Спренгпортену остаться въ Або, какъ хозяину губерніи, для наблюденія за дѣйствіями въ умахъ и расположеніяхъ жителей.

4) Объявилъ вину самого Главнокомандующаго о опозданіи дѣйствіемъ сей экспедиціи, при прежней твердости льда между Аландомъ и Шведскимъ берегомъ.

Между тѣмъ, объясняясь съ Г. Г. Сухтеленомъ, Спренгпортеномъ и кн. Багратіономъ, и отобравъ отъ нихъ согласіе ихъ, приступилъ къ начатію Аландской экспедиціи, послѣ чего объявилъ Главнокомандующему волю Вашего В-ва, дабы рѣшительно и немедленно приступить къ оной экспедиціи, и послѣ многихъ объясненій, наконецъ вчерась отправленъ уже нарочный на встрѣчу идущимъ полкамъ, ускорить

маршъ, и по расчету оные должны прибыть 24 числа; а 26-го войска уже выступять изъ ихъ квартиръ къ сборному мѣсту, назначенному у острова Кумлинга, и по разстоянію должны всѣ соединиться въ три марша — 1-го марта, а 2-го марта пойдутъ уже въ военномъ порядкѣ къ формальной атакѣ, но не иначе могутъ дойтить до ближнихъ островъ окружающихъ большой Аландъ, какъ въ два перехода, слѣдовательно, рѣшительное дѣло начнется 3 и 4 числъ, и такъ далѣе. Сей расчетъ времени можетъ перемѣниться только по двумъ причинамъ: первой, отъ сильныхъ морозовъ; а второй, отъ вѣтра, который иногда нагоняетъ воду на ледъ выше аршина.

Изъ С.-Петербурга, 24 Декабря.

Всемилостивѣйшій Государь!

Пятнадцать уже лѣть я пользуюсь Вашими милостями, а сегодняшнія бумаги есть новый знакъ продолженія оныхъ, послѣ чего могъ-ли я медлить прочтеніемъ столь важныхъ государственныхъ бумагъ. Я, Государь, прежде отъѣзда моего все прочиталъ и не осмѣлюсь ихъ никогда иначе понять, какъ только сообразить свои собственныя познанія и силы съ разумомъ сихъ мудрыхъ установленій.

Государь! Вамъ извѣстна мѣра бывшаго моего въ молодости воспитанія; оно, къ несчастію моему, ограничено было въ тѣсномъ самомъ кругѣ данныхъ мнѣ пособій, а чрезъ то я въ нынѣшнихъ уже своихъ лѣтахъ не болѣе себя чувствую, какъ добрымъ офицеромъ, могущимъ только наблюдать въ точности за исполненіемъ военнаго нашего ремесла.

На сихъ понятіяхъ и правилахъ, я принудилъ себя по волѣ Вашей принять занимаемое мною нынѣ мѣсто.

Нынѣ-же къ точному исполненію мудрыхъ Вашихъ постановленій потребенъ Министръ, получившій полное воспитаніе о общихъ свѣдѣніяхъ. Таковой будетъ только полезенъ сему важному сословію и поддержитъ сіе первое въ Государствѣ званіе военное, которое кажется всегда должно быть защитителемъ и самаго Совѣта, ибо безъ защиты военной и самыя лучшія разсужденія Совѣта прерваны быть могутъ.

Я къ оному Государь неспособенъ и не въ состояніи будучи защищать сего званія, унижу его. Сіе Вамъ, Государь, доказываетъ ежедневное мое обращеніе и сіе самое письмо.

Государь! не гнѣвайтесь на человѣка безъ лести полвѣка прожившаго, но увольте его изъ сего званія, какъ Вамъ угодно.

Молю Васъ, Государь, не затрудняться въ ономъ, ибо чрезъ нескорую перемѣну меня изъ сего званія, будетъ малая польза Вамъ и Государству, и только остановка въ дѣлахъ, въ коихъ дѣятельность по военной части необходима.

Изъ С. Петербрга, 29 Декабря.

Всемилостивѣйшій Государь!

Простите меня, что я отнимаю у Вашего Величества время, но кажется отъ подобныхъ мнѣ, Ваше В-во болѣе бывали утруждены, а я въ

первой разъ, да можетъ быть и въ послѣдній, обезпокоиваю моими просьбами. — Мнѣнія публики столь различны, что на оныя никогда положиться нельзя, и лучшее мнѣніе въ свѣтѣ, спокойная въ человѣкѣ совѣсть; я имѣю ее и буду съ нею вездѣ спокоенъ

Государь! Я равно съ другими всѣми радуюсь сему новому учрежденію, естьли оно полезно Государю и Отечеству моему, что и окажетъ время и дѣла.

Увѣряю Васъ, Государь, что, до назначенія мнѣ преемника, буду исправлять должность съ тѣмъ же раченіемъ, какое я имѣлъ всегда, но прошу Вашего Величества избрать онаго, а мнѣ остаться въ томъ предположеніи, какое я себѣ опредѣлилъ.

Вездѣ пребуду вѣрнымъ, вѣрноподданнымъ до конца жизни.

Графъ Аракчеевъ.

1810.

Изъ Грузина, 29 Іюня.

Я не имѣю столько ни разума, ни словъ, чтобъ изъяснить Вамъ, Батюшка Ваше В-во, всей моей благодарности, но Богу извѣстно, сколь много я Васъ люблю и на какихъ правилахъ я Вамъ преданъ, одно оное только меня и утѣшаетъ. Доставляйте мнѣ случай доказывать все сіе на опытахъ, тогда Вы меня болѣе полюбите.

Приказаніе Ваше застало меня готоваго совсѣмъ ѣхать въ С: Петербургъ; ибо Ея Высочество вчерась только въ 4 часа по полудня извол ла пріѣхать въ Грузино и сегодня въ 1-мъ часу по полуночи въ совершенномъ здоровьѣ отправилась далѣе. Сіе самое меня здѣсь и удерживало, но получа фельдъегеря отъ Васъ, Батюшка, и увидя, что Ген Лавровъ долженъ ко мнѣ кажется сегодня пріѣхать, я остался здѣсь, дабы не терявъ времени показать ему все нужное къ его свѣденію и съ нимъ-же вмѣстѣ немедленно возвратиться въ С П-бургъ, почему и прошу приказать ему скорѣе ко мнѣ пріѣхать, естьли паче чаянія онъ еще не выѣхалъ.

Ихъ Высочества отмѣнно ко мнѣ были милостивы и всѣмъ довольны, и я получилъ письмо для врученія Ея Имп кому В-ву Государынѣ Императрицѣ, которое, Батюшка, осмѣливаюсь представить къ Вамъ, прося покорно В го В-ва представить уже оное къ Имп-цѣ и объяснить причину, почему я не самъ оное представляю, дабы не изволила прогнѣваться и принять сіе въ другомъ видѣ.

Ихъ Высочества расположены ѣхать и по ночамъ, дабы скорѣе прибыть въ С: Петербургъ и предполагаютъ успѣть въ нынѣшнюю пятницу ввечеру быть въ С.-П-гѣ. Однако запретили мнѣ Государынѣ Имп цѣ, Ваше В-во, объ этомъ сказывать, располагая увѣдомить о пріѣздѣ своемъ изъ Ладоги.

1812.

Изъ С.-Петербурга, 28-го Генваря.

Батюшка, Ваше В-о, изволите увидѣть изъ письма Лаврова, что дѣла его идутъ хорошо. Я-же опять прибѣгаю къ Вамъ съ просьбами: Адъ-

ютанты мои: Названовъ вышелъ въ отставку и нечемъ доѣхать домой и долгъ здѣсь заплатить; онъ бѣденъ, но очень хорошій былъ слуга; другой—Перренъ женится. Пожалуйте имъ обоимъ по тысячѣ рублей; оное будетъ служить награжденіемъ мнѣ, а дабы не безпоко ть того, кого я болѣе всего на свѣтѣ люблю, то и Адъютантовъ брать къ себѣ не буду.

1814.

Отвѣтъ Графа Аракчеева Государю Им-ру 22 Маія изъ Парижа, на полученное отъ Его Величества письмо изъ Сенъ-Лё,

Всемилостивѣйшій Государь!

Чувствую всю цѣну милостиваго Вашего письма; оно будетъ для меня на всю жизнь утѣшеніемъ. — Позвольте, Всемилостивѣйшій Государь, и мнѣ сказать съ прямою откровенностію, что любовь и преданность моя къ Вашему В-ву превышали въ чувствахъ моихъ все на свѣтѣ, и что желанія мои не имѣли другой цѣли, какъ только заслужить одну Вашу довѣренность, не для того, чтобъ употреблять ее къ пріобрѣтенію себѣ наградъ и доходовъ, а для доведенія до Высочайшаго свѣденія Вашего о несчастіяхъ, тягостяхъ и обидахъ въ Любезномъ Отечествѣ. Вотъ была всегда цѣль моя. Но почувствовавъ слабость здоровья, и замѣтя въ себѣ неспособность, которая не дозволяла меня употребить въ дѣлахъ и быть Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, полезнымъ, долженъ былъ просить себѣ увольненія. Не смѣю скрыть также предъ Вами, Государь! и того, чтобы меня не тяготило душевное огорченіе.

Вашего Императорскаго Величества вездѣ и всегда буду благодарнымъ и вѣрнымъ подданнымъ и слугою.

Писанное съ В. Р. Марченкою, 3-го Сентября.

Приказанія Ваши въ точности будутъ исполнены и отвѣты мои изволите усмотрѣть изъ прилагаемой записки.

По рапорту Сената, мое мнѣніе, что оное дѣло должно быть разсмотрѣно въ Совѣтѣ, почему и проэктъ Указа я отдалъ Г. Марченку. Въ ономъ дѣлѣ виноватъ Министръ Финансовъ тѣмъ, что позволилъ своему Департаменту выдавать откупщикамъ деньги тогда, когда оное должно было дѣлать въ С.-Петербургской Казенной Палатѣ; и тогдабы сего упущенія не послѣдовало: а естьлибы что и случилось, тогдабы Сенатъ взыскалъ съ Казенной Палаты. — Касательно ассигнованія суммъ Гг. Министрамъ для будущаго года, то Указу никакого ненадобно; я оное все объявилъ Князю Николаю Ивановичу Салтыкову, и онъ приказалъ уже объ ономъ сообщить Министрамъ; равнымъ образомъ объявилъ волю Вашу и г. Министру Финансовъ о уменьшеніи его смѣты; а теперь займусь съ Министромъ Военнымъ и дамъ ему наставленіе, на какіе предмѣты должно будетъ требовать суммы на будущій годъ по Военному Министерству.

1816.

Смоленскъ, 10 Сентября.

Вашему Императорскому Величеству представляю одинъ примѣръ объ оказанномъ вспоможеніи отъ Правительства Экономическимъ и Удѣльнымъ крестьянамъ Смоленской губерніи.

Послѣ прогнанія непріятеля изъ губерніи, въ началѣ 1813 года, до новаго урожая хлѣба, Правительство принуждено было крестьянъ своихъ кормить, и для сего отпустило денежныя суммы, на кои разными чинами покупаемъ былъ хлѣбъ, показанный цѣною отъ 10 до 19 рубл. за четверть, овса по 13 рубл. Изъ онаго хлѣба напримѣръ отпущено крестьянину одна четверть или 8 четвериковъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ въ три года возвратилъ Правительству. Но чемъ-же отъ него требуютъ возврата? Не хлѣбомъ, а деньгами. Въ нынѣшнемъ году по благости Божіей цѣна хлѣбу не прежняя, а отъ 6-ти до 8-ми руб. четверть, слѣдовательно—чтобъ выручить тѣ деньги, которыя казна съ него требуетъ, бѣдный крестьянинъ долженъ продать овса 21 четверикъ, что составляетъ болѣе нежели въ 2½ раза противу выданнаго ему хлѣба. Сей примѣръ предоставляю человѣколюбивому сердцу Вашего Величества, и испрашиваю собственнаго Вашего заключенія: прилично ли Правительству брать съ подданныхъ своихъ низшаго класа людей, именно съ крестьянъ, столь неблаговидный и закону христіанскому противный прибытокъ? Народъ-же, любящій и обожающій своего Государя, долженъ оное переносить,—полагая въ мысляхъ своихъ, по невѣдѣнію въ дѣлахъ, и сей распорядокъ волею Вашего Величества.

1817.

19 Мая.

Батюшка, Ваше Величество!

Два дня я находился (17 и 18 числа) въ военномъ поселеніи Высотской волости, и по возвращеніи въ Грузино исполняю Вашу волю и дѣлаю мое донесеніе.

1-е, Послѣ извѣстнаго Вашему В—ву сдѣлавшагося въ одной деревнѣ безпорядка, всѣ крестьяне оной деревни въ тоже время скрылись въ лѣсъ, но какъ съ военной стороны ничего не было противу ихъ дѣлано, дабы ихъ болѣе не настращать и не озлобить, то они на третіи сутки собрались обратно домой и принялись за свои работы, кромѣ 8-ми человѣкъ начинщиковъ.

2-е, Изъ нихъ 4 чел. 17-го числа уже представлены крестьянами другихъ деревень, куда они пришли просить хлѣба, и находятся нынѣ подъ карауломъ.

3-е, Остальныхъ-же 4-хъ, самыхъ дурныхъ людей, еще по сіе время нѣту въ своихъ домахъ, и неизвѣстно гдѣ находятся, а должно полагать, что и они также шатаются въ окружныхъ селеніяхъ, о чемъ и дано знать Гражданской Земской Полиціи.

4-е, По соображенію моему на мѣстѣ, о разныхъ разговорахъ между

жителями сей вотчины, найдено, что въ числѣ ихъ находятся, и окромѣ вышеписанныхъ осьми преступниковъ, еще 10 челов. въ разныхъ деревняхъ дурнаго поведенія и худо отзывающихся о семъ новомъ устройствѣ, чѣмъ самымъ отвращаютъ всѣхъ прочихъ крестьянъ отъ настоящей цѣли къ ихъ устройству; почему я всѣхъ оныхъ записавъ въ солдаты, отправлю на почтовыхъ подъ присмотромъ надежныхъ Унт.-Офицеровъ въ Оренбургскій корпусъ на службу къ Ген.-Лейтен. Эссену.

5-е, Формальный-же Судъ по бывшему безпорядку я не спѣшу начинать, дабы дать время остальныхъ 4-хъ преступниковъ имѣть въ своихъ рукахъ.

6-е, Касательно-же строенія, то доношу Вашему В-ву, что оное начато и будетъ продолжаться съ успѣхомъ по всѣмъ частямъ, и я ничего не упущу изъ виду, чтобы только все оное новое устройство шло въ порядкѣ.

Оканчиваю тѣмъ, что желаю и молю Бога, дабы В. В. были здоровы и спокойны.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Мая 27-го.

Батюшка, Ваше Величество!

Три дни, 24, 25 и 26-е Мая, я находился въ военномъ поселеніи, принявъ себѣ правиломъ и впредь 4 дни жить въ Грузинѣ и 3 дни въ военномъ поселеніи.

Извѣстные шалуны, сдѣлавшіе драку — всѣ явились въ свои домы, кромѣ одного, который кажется долженъ находиться въ С.-Петербургѣ. Онъ—изъ тѣхъ самыхъ, которые и прежде найдены были съ просьбою.

Судъ надъ оными начатъ и производится своимъ порядкомъ, а они содержатся подъ арестомъ —Изъ отобранныхъ по всей вотчинѣ десяти шалуновъ, по разсмотрѣніи и разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, двое отпущены въ домы, а прочіе 8 чел. записаны въ солдаты, обмундированы и отправлены подъ присмотромъ на службу въ Оренбургскій Корпусъ— чрезъ Тихвинъ, Ярославль и Казань.—Сіе очень много подѣйствовало надъ всѣми прочими, и когда еще увидятъ примѣръ по окончаніи суда надъ буянами, то кажется пойдетъ все должнымъ порядкомъ. — Впрочемъ вездѣ теперь смирно и всѣ они занимаются своею работою.

Я приказалъ шить мундиры для дѣтей на три роста, и когда они окончаны будутъ, то роздамъ во всѣ деревни и прикажу всѣмъ дѣтямъ быть одѣтыми въ одинъ день, съ приказаніемъ, дабы они никогда другаго платья не носили, окромѣ мундировъ, употребляя оные и во всѣхъ работахъ.—Сей опытъ еще покажетъ расположеніе жителей, послѣ чего я и буду имѣть счастіе донесть Вашему Величеству.

Іюня 6-го.

Государю Императору.

Въ военномъ поселеніи, слава Богу, все благополучно; дѣти и военныхъ поселянъ отъ 6-ти до 18-ти лѣтъ всѣ обмундированы.

Обмундированіе, по распоряженію моему, началось въ одинъ день, въ

6 часовъ утра, при ротныхъ командирахъ, въ четырехъ мѣстахъ вдругъ, и продолжалось такимъ образомъ къ центру изъ одной деревни въ другую, при чемъ ни малѣйшихъ непріятностей не встрѣчалось, кромѣ нѣкоторыхъ старухъ, которыя плакали, думая, что вмѣстѣ съ обмундированіемъ возьмутъ отъ нихъ дѣтей, но когда увидѣли, что одѣвши отдали имъ дѣтей и приказали въ тоже время заниматься по прежнему крестьянскою работою, то и онѣ успокоились. Касательно-же обмундированныхъ дѣтей, то на нихъ я любовался; они стараются поскорѣе окончить свои работы, а возвратясь домой, умывшись, вычистятъ и подтянутъ свои платья, и немедленно гуляютъ кучами изъ одной деревни въ другую, а когда съ кѣмъ повстрѣчаются, то становятся сами уже во фрунтъ и снимаютъ шапки. Крестьянамъ-же главное полюбилось то, что дѣти ихъ всѣ почти въ одинъ часъ были одѣты, говоря, что отъ онаго одному противъ другаго не обидно.

Окончивъ съ Божіею помощію сіе, я приступлю скоро и къ слѣдующему окончательному распоряженію. Судъ надъ бунтовщиками оконченъ и я уже сдѣлалъ свою конфирмацію. Четырехъ только главныхъ зачинщиковъ Гражданское вѣдомство высѣчетъ на мѣстѣ преступленія плетьми и возьметъ къ себѣ для отсылки ихъ на поселеніе, а остальныхъ двухъ человѣкъ менѣе виновныхъ высѣкутъ батогами и оставятъ военными поселянами, и симъ самымъ окончится оное дѣло, окромѣ находящагося одного зачинщика еще въ бѣгахъ и о коемъ не можемъ узнать, гдѣ онъ по сіе время находится.

Какъ скоро оное будетъ окончено, то во всѣхъ деревняхъ розданы будутъ мундиры, и всѣмъ крестьянамъ до 46-ти лѣтъ приказано будетъ въ одинъ день по всѣмъ деревнямъ одѣться въ мундиры и оставаться въ оныхъ навсегда, употребляя оные уже ежедневно во всѣхъ своихъ работахъ. Волосы-же стричь и бороды брить я не велю, а оставляю ихъ въ нынѣшнемъ положеніи, ибо сіе само по себѣ временемъ сдѣлается.

Окончивъ оное, я не премину донести особо объ ономъ Вашему Величеству.

Іюня 17-го.

Всеподданнѣйше доношу Вашему Величеству, что всѣ годные на службу люди въ Высотской волости обмундированы и работаютъ уже въ мундирахъ. Сіе окончено — столь тихо и успѣшно, что я и самъ не ожидалъ. Многое число жителей уже остригли бороды, а другіе и выбрили, говоря, что непристойно уже въ мундирѣ быть въ бородѣ. Итакъ, Всемилостивѣйшій Государь, я кажется не праздно жилъ здѣсь; успѣлъ сдѣлать въ новомъ и необыкновенномъ дѣлѣ хорошее начало, послѣ чего кажется вездѣ пойдетъ легко и успѣшно, когда здѣсь ближніе къ столицѣ крестьяне 235 челов. и ихъ дѣти 165 челов. надѣли военный мундиръ.

Признаюсь Вамъ, Государь, что я очень за оное благодарю Бога и чрезвычайно утѣшаюсь въ упованіи томъ, что оное и Вашему В—ву будетъ пріятно. 20 числа сего мѣсяца я располагаюсь явиться къ Вашему Величеству, и буду просить дабы Вы Всемилостивѣйше пожаловали по-

дарки моимъ помощникамъ Г. М. Бухмееру, баталіонному командиру фонъ Фрикену и адъютанту Мартосу.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

1818.

Марта 25-го.

Всеподданнѣйше доношу Вашему Имп—му Вел—ву, что по военнымъ поселеніямъ вездѣ состоитъ благополучно, смирно и спокойно. Коренные жители и кантонисты 1-й Гренадерской дивизіи обмундированы. Касательно-же поселенія баталіона Гренадерскаго имени моего полка, то благословеніемъ Божіемъ оно идетъ такъ хорошо, что я каждый разъ по пріѣздѣ туда, нахожу особенное удовольствіе свое быть въ сихъ мѣстахъ поселенія. И по сей причинѣ, и по просьбѣ одного изъ коренныхъ жителей заслуживающаго уваженіе, по его старанію по службѣ, испрашиваю уже позволенія возвратить одного изъ отосланныхъ на службу въ Сибирскій Корпусъ, Филиппа Михайлова.

Полученные рапорты отъ Ген.-Лейтенанта Лисаневича, присемъ къ Вашему Имп—му Вел—ву прилагаю въ оригиналѣ, а равно и подлинный на имя мое рапортъ о спокойномъ расположеніи жителей.

Теперь окончa здѣсь все нужное и учредя постройку домовъ, сего числа отправился я чрезъ Москву прямо въ Харьковъ, въ мѣста поселенія 3-й уланской дивизіи.

Я утѣшаю себя, что, по милости Божіей, доношу все кажется пріятное сердцу Вашего Величества, но касательно своего здоровья, то долженъ донести совсѣмъ противное; оно меня примѣтнымъ образомъ оставляетъ, и припадки мои начинаютъ случаться чаще и сильнѣе. Но до конца моей жизни буду Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданнѣйшій вашъ слуга.

Городъ Змiевъ, 18-го Апрѣля.

Всеподданнѣйше приношу Вашему Имп—му Вел—ву глубочайшую благодарность мою за милостивое письмо Ваше отъ 27 Марта, которое я удостоился получить 9 сего Апрѣля въ Округѣ Военнаго поселенія 3-й Уланской дивизіи.

Дѣйствительно, Всемилостивѣйшій Государь! человѣку, истинно вѣрующему, вездѣ можно видѣть Божію милость къ себѣ, какъ и письмо сіе доказало мнѣ оное.

Письмо сіе достигло до меня въ то самое время, когда я начиналъ было скорбѣть здѣсь отъ всѣхъ обстоятельствъ, мною тутъ встрѣченныхъ.

Но оно по истинѣ обновило унывающій мой духъ и придало мнѣ новыя силы трудиться почти день и ночь во все здѣсь мое пребываніе.

Всевышнему благодареніе! Съ Его Святою помощію, мнѣ кажется я сдѣлалъ хотя нѣчто полезное, и это самое меня совершенно успокоило.

При отъѣздѣ Вашего Вел—ва изъ Москвы, извѣстны Вамъ были безпокойства въ здѣшнемъ поселеніи возникавшія, также какъ и мое по

сему случаю предписаніе—сколь можно менѣе военному начальству тревожить казенныхъ жителей, до моего къ нимъ пріѣзда. Но полученное мною дорогою извѣстіе о буйствѣ сосѣдственныхъ экономическихъ деревень, о коемъ донесено Вашему В—ву отъ Ген.-Лейтенанта Лисаневича и Харьковск. Гражд. Губернатора, приводило меня въ то опасеніе, чтобы въ одно время вдругъ не открылось подобнаго духа неповиновенія и въ самыхъ военныхъ поселеніяхъ. Къ крайнему моему прискорбію, вскорѣ догадки сіи подтвердились: дорогою изъ Москвы, я получилъ донесеніе о происшедшемъ безпорядкѣ въ Округѣ Таганрогскаго полка. Но, по милости Божіей, безпокойство сіе оказалось безъ всякаго важнаго происшествія, взятіемъ только 5-ти чел. воен. поселянъ подъ караулъ и объявленіемъ жителямъ о скоромъ моемъ къ нимъ пріѣздѣ, изъ коихъ четырехъ найдя невинными, я немедленно освободилъ обратно въ свои домы.

Дабы имѣть мнѣ полное понятіе о положеніи здѣшнихъ дѣлъ, и сколько возможно времени не теряя, употребить и самый путь свой въ пользу, я назначилъ Ген.-Маіору Александрову выѣхать къ себѣ на встрѣчу въ городъ Орелъ, и оттуда уже ѣхавши съ нимъ вмѣстѣ, поставилъ себя въ извѣстность обо всемъ, что было для меня нужно.

По пріѣздѣ сюда, дѣйствительно я было унылъ духомъ, когда увидѣлъ 16 т. человѣкъ коренныхъ жителей въ страхѣ, печали и нѣкоторомъ родѣ онѣмѣлости, то есть, въ такомъ расположеніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, когда онъ, будучи недоволенъ своимъ состояніемъ, страшится, но не знаетъ, что ему предпринять къ улучшенію своей участи, и отъ сей неизвѣстности переходитъ въ нѣкоторое вредное ко всему равнодушіе. Коренные жители недовольны военнымъ поселеніемъ, а военное начальство жалуется на ихъ ослушаніе: однимъ словомъ каждая сторона говоритъ свое и защищаетъ только себя, не думая о цѣли общей.

Въ семъ положеніи дѣлъ, единственный способъ къ поправленію оныхъ былъ — прибѣгнуть къ Богу и просить его наставленія, какъ и всегда я сіе дѣлаю. Въ то самое время, вдругъ получаю Ваше письмо, яко Благословеніе ко мнѣ Божіе, и съ твердымъ упованіемъ на Святый Промыслъ, приступилъ къ слѣдующимъ мѣрамъ:

1) Дозволилъ каждому Округу выбрать изъ каждаго селенія самимъ между собою по 2 челов. Депутатовъ и быть ко мнѣ въ дивизіонную Штабъ-Квартиру.

2) Выслушалъ прежде отъ нихъ только однихъ — жалобы и желанія каждаго Округа особо. Они показали мнѣ, что желаемое ими есть у всѣхъ общее, и что оное можно допустить, нисколько не разстроивъ чрезъ то общаго плана поселенія, какъ Ваше В—во изволите ясно сіе усмотрѣть въ прилагаемыхъ здѣсь отданныхъ мною Приказахъ.

3) Послѣ того, Депутаты каждаго Округа были мною вторично выслушаны уже въ присутствіи Генераловъ, Полковаго Командира и Командира поселенныхъ Эскадроновъ. Я объявилъ имъ свое согласіе на ихъ просьбы и возможность удовлетворенія оныхъ.

4) Отпустилъ Депутатовъ по своимъ селеніямъ, и при семъ велѣлъ имъ слышанное отъ меня объявить жителямъ, обѣщая, что все оное

будетъ отдано въ приказѣ, котораго экземпляры раздадутся имъ печатные.

Симъ самымъ способомъ, кажется, успѣлъ я успокоить жителей, естьли только будетъ исполнять военное начальство, сдѣланное мною распоряженіе, и естьли дастся время совершенно забыть имъ прошедшее, и такъ сказать, освободиться отъ нынѣшняго ихъ страха и онѣмелости.

Послѣ оной, позвольте сказать, Всемилостивѣйшій Государь весьма трудной для тѣла и души работы, я объѣхалъ всѣ округа военнаго поселенія, разстояніемъ слишкомъ 200 верстъ составляющіе, подтвердилъ на мѣстѣ сдѣланное мною обѣщаніе и услышалъ отъ Депутатовъ, что объявленное ими мое приказаніе кореннымъ жителямъ принято сими съ удовольствіемъ.

Вотъ главныя черты моего Вашему В—ву донесенія о здѣшнихъ моихъ занятіяхъ, подробности-же онаго, изволите усмотрѣть, естьли удостоите прочтенія, изъ бумагъ здѣсь прилагаемыхъ, въ коихъ найти также изволите мѣры, принятыя мною, дабы ничего въ полкахъ не дѣлалось безъ моего позволенія, и дабы самое росписаніе поселенныхъ и резервныхъ Эскадроновъ было присылаемо ко мнѣ съ ихъ командирами, полагая симъ средствомъ побудить частныхъ Командировъ, отъ коихъ зависитъ внутреннее спокойствіе жителей, заняться болѣе и понимать важность плана поселенія.

Естьли все, мною предпринятое, изволите Вы, всемилостивѣйшій Государь! найти исполненнымъ сходно съ Вашими намѣреніями, то уже я тѣмъ паче удостовѣрюсь въ покровительствѣ къ себѣ Божіемъ, Его же Святой волѣ угодно было съ 1796-го года сблизить меня съ Наслѣдникомъ, а потомъ оставить и при моемъ Государѣ.

Наконецъ Всеподданнѣйше доношу Вашему Величеству, что безпорядки и въ Савинской Экономической Отчинѣ прекращены, и что 17 челов. начинщиковъ взяты Губернаторомъ въ Харьковъ къ суду. Я же на сихъ дняхъ выѣзжаю отсюда, и проѣхавъ чрезъ поселенія Графа Витта, явлюсь въ городъ Кишеневъ къ Вашему Имп—му Вел—ву, а тогда во время самаго вояжа возможно и должно будетъ въ подробности объясниться съ Вашимъ Величествомъ о всѣхъ здѣшнихъ дѣлахъ, требующихъ ближайшаго къ себѣ Вашего вниманія.

Сентября 29-го.

Всеподданнѣйше доношу Вашему Имп—му Вел—ву, что во всѣхъ Округахъ военныхъ поселеній, по полученнымъ донесеніямъ, все идетъ заведеннымъ порядкомъ, и даже бывшіе, извѣстные Вашему В—ву безпорядки въ 3-й Уланской дивизіи, что нынѣ вторая, въ Таганрогскомъ полку, приходятъ въ должной порядокъ, какъ доноситъ Генералъ-Лейтенантъ Лисаневичъ. Выписка изъ сего донесенія при семъ прилагается.

О успѣхѣ ученья въ поселенныхъ полкахъ 11-й дивизіи, Елецкомъ и Полоцкомъ, Ваше Вел—во изволите усмотрѣть въ донесеніяхъ Генер.-Лейтенанта Цвиленева, равномѣрно въ копіи при семъ прилагаемыхъ.

Касательно прочихъ приказаній Вашего В—ва, при Высочайшемъ отъѣздѣ Вашемъ мнѣ данныхъ, всеподданнѣйше доношу:

Генер.-Лейтенантъ Эссенъ увѣдомляетъ меня, чрезъ посланнаго къ нему Фельдъегеря, что безпорядки между Уральскими Казаками въ тоже время окончились, и нынѣ все находится спокойно, и что посему онъ не находитъ надобности вводить къ нимъ постороннихъ войскъ.

О Московскомъ Экзерцпргаузѣ, Ген.-Лейтенантъ Бетанкуръ лично мнѣ объявилъ, что онъ, послѣ осмотра своего въ проѣздъ свой чрезъ Москву, донесъ уже Вашему В—ву, что никакой опасности онъ не предвидитъ, а прежнее донесеніе основалъ на словахъ пріѣхавшаго тогда изъ Москвы къ нему, извѣстнаго Вашему В—ву Боде.

О Комитетѣ для разсмотрѣнія почтоваго дѣла, я объяснялся съ Министромъ внутреннихъ дѣлъ, и согласясь на составленіе онаго изъ Членовъ, означенныхъ въ прилагаемомъ у сего Рескриптѣ, всеподданнѣйше представляю оный къ Высочайшему подписанію.

Для поправленія бѣдныхъ жителей Стараго Крыма, Армянъ, требовано было, по Высочайшему Вашему повеленію, отъ Таврическаго Гражд. Губернатора, мнѣніе о средствахъ, какія къ тому предполагаются. Почему онъ въ донесеніи своемъ предполагалъ даровать имъ съ наступающаго новаго года право на винную въ ихъ городѣ продажу, и отпустить въ пользу ихъ безденежно изъ озеръ Крымскихъ 50 т. пудъ соли.

Ваше Величество повелѣли спросить у Армянъ, довольны ли они симъ предположеніемъ, вмѣсто назначенной имъ въ жалованной Грамотѣ земли?

Нынѣ прилагается у сего доставленное чрезъ Губернатора письменменное ихъ показаніе, которое свидѣтельствуетъ ихъ собственное желаніе на предоставленіе имъ таковой продажи и отпуска соли. Въ слѣдствіе сего, всеподданнѣйше при семъ подношу на имя Министра Финансовъ къ подписанію Указъ.

Деревня Губарево, 12-го Октября.

Батюшка, Ваше Величество!

Октября 2-го числа, я выѣхалъ изъ Грузина для осмотра военн. поселеній 1-й гренад. дивизіи и сего числа окончилъ только оный въ баталіонахъ Короля и Принца Прусскаго, потому что я осматриваю всѣ деревни и всѣ земли, дабы знать подробно положеніе оныхъ, ибо, съ помощію Божіею, на будущее лѣто я приступлю уже къ строенію домовъ и въ баталіонѣ Короля Прусскаго

Милостивыя Ваши письма, отъ 20-го и 23 го сентября, я получилъ вчерашній день въ Округѣ поселенія Наслѣднаго Прусскаго Принца, принесъ душевно Богу за оныя благодарность и Вамъ оную-же съ чистѣйшимъ сердцемъ повторяю, что Вы не забываете стараго Своего слугу, который безпрестанно думаетъ объ Вашемъ Величествѣ.

Осмотръ мой продолжается съ большимъ мнѣ удовольствіемъ, ибо вездѣ я нахожу удовольствіе жителей, тишину и спокойствіе, какъ съ ихъ стороны, такъ и отъ военныхъ ихъ товарищей, и во всѣхъ ротахъ нашелъ я неожидаемую новость: Караулы представлены во время моего пребыванія, какъ офицерскіе, такъ и унтеръ-офицерскіе, изъ однихъ коренныхъ новыхъ военныхъ поселянъ по доброй ихъ волѣ обучавшихся.

Я всѣхъ ихъ благодарилъ отъ имени Вашего и выдалъ каждому отъ лица Вашего денежное награжденіе.

Въ деревнѣ Есьянахъ вспомнилъ я мысленно про себя, что прошлаго года жители сей деревни дѣлали Вашему В—ву много заботы и неудовольствія, а нынѣ стоятъ въ ружьѣ и дѣлаютъ все, что должно знать солдату. Вотъ, что дѣлаетъ попеченіе Государя о своемъ народѣ.

Въ прочихъ военныхъ поселеніяхъ все, слава Богу, также смирно и спокойно, и Ген. Лейт. Лисаневичъ донесъ мнѣ чрезъ нарочно присланнаго 8-го числа сего мѣсяца, что и въ Таганрогск. полку всѣ жители обмундированы по положенію, и тѣмъ оное также слава Богу пріятнѣе, что все сіе окончено тихо и смирно; почему теперь по возвращеніи моемъ и находящіеся въ Округѣ моего полка 8 человѣкъ отправлены обратно въ ихъ семейства, во 2-ю Уланскую дивизію.

Сего числа ночевалъ я въ деревнѣ Губаревой, на большой дорогѣ, и буду осматривать селенія по Вишерѣ рѣкѣ расположенныя; къ ночи переѣду ночевать въ имѣніе Г-на Сперанскаго, а завтра отправлюсь въ Медвѣдевскую волость, и такъ далѣе. Всѣ прочія приказанія Ваши исполню въ точности, но простите меня великодушно, что я много написалъ и вѣрьте неизмѣнной моей къ Вамъ чистѣйшей преданности, съ коею до конца жизни пребудетъ и пр.

Штабъ-квартира 1-го Карабин. полка, поселен. баталіона, Село Медвѣдь, 18-го Октября.

Графъ Аракчеевъ всеподданнѣйше испрашиваетъ:

1) О переводѣ въ Гвардіи Саперный баталіонъ Адъютанта моего Инженеръ-Поручика Шестакова, съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи, который употребленъ мною былъ въ Округахъ поселенныхъ баталіоновъ 1-го и 2-го Карабинер полковъ, при строеніяхъ гошпиталей и домовъ баталіонныхъ Командировъ, и все оное окончилъ успѣшно и хорошо, и тѣмъ самымъ военные поселяне избавились нынѣ содержанія больныхъ въ своихъ домахъ.

2) Во время нынѣ моего здѣсь пребыванія, явился ко мнѣ находящійся здѣсь въ отпуску у брата своего военнаго поселянина рядовой Лейбъ-Гвардіи Финляндск. полка Федоръ Артемьевъ, съ просьбою о переводѣ его въ 1-й Карабин. полкъ, въ поселяемый баталіонъ, для жительства съ роднымъ своимъ братомъ.

4 Ноября.

Дѣла Комитета Министровъ идутъ своимъ порядкомъ. Требующихъ неотложнаго Вашего В-ва разрѣшенія по сіе время не представилось. По тому Васъ оными теперь и не безпокою. Но считаю за нужное нынѣ же довесть до свѣденія Вашего Вел-ва, о касающемся происшедшаго ослушанія крестьянъ въ войскѣ Донскомъ, за которое наказано большое число людей, хотя по суду но безъ Высочайшаго утвержденія, чрезъ ошибку Сената, что изволите увидѣть въ прилагаемой запискѣ.

По поселенію войскъ, вездѣ Слава Богу смирно и спокойно, и

идетъ своимъ порядкомъ. Я осмотрѣлъ поселен. баталіоны 1-й Гренад. дивизіи, и подношу о томъ Вашему Имп-му Вел-ву особый мой рапортъ. Прошу милостиво Вашего утвержденія представляемымъ мною наградамъ. Ибо извѣстно Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь! что я на оныя весьма скупъ, и ходатайствую не иначе, какъ о людяхъ, дѣйствительно достойныхъ Вашихъ милостей.

Напрасно безпокоилъ Васъ Г-нъ Марченко. Я уже прежде объявилъ Высочайшую Вашу волю, что ему должно присутствовать въ Комитетахъ: о недоимкахъ и Театральномъ, что дѣла-же Государыни Имп-цы, я зналъ прежде Вашу волю, дабы они находились въ Вашей Канцеляріи.—Нынѣ-же и дѣла Г. Сперанскаго я велѣлъ сдать Камердинеру Мельникову, коего я призывалъ къ себѣ, и объявилъ ему Ваше мнѣ приказаніе.

Молю Бога, да сохранитъ Ваше здоровье и да устроитъ скорое Ваше къ намъ возвращеніе! Сего желаетъ старый Вашъ слуга и вѣрноподданный.

С.-Петербургъ, 18-го Ноября.

Приношу Вашему Императорскому Величеству мою всенижайшую благодарность за Всемилостивѣйшее письмо Ваше отъ 24-го Октября. Ежечасно молю Бога, чтобъ сохранилъ здоровье Ваше, ежечасно считаю дни, приближающія Ваше къ намъ возвращеніе. Въ душевной, никогда не измѣнившейся моей къ Вашему В-ву привязанности, въ пріятной привычкѣ, болѣе чѣмъ 20-ти лѣтней, нелицемѣрно служить Вашему В-ву, чувствительно скучаю безъ Васъ!

Повелѣніе Ваше, по поводу случившагося безпорядка въ Театрѣ отъ наглости Актеровъ и упущенія Жандармскаго офицера, я исполнилъ, объявивъ Ваше Монаршее замѣчаніе Управляющему Министерствомъ Полиціи и Военному Ген.-Губернатору, обоимъ вмѣстѣ, — равномѣрно и Кн. Тюфякину.

Объ опредѣленіи двухъ Гражданскихъ Губернаторовъ Указы при семъ представляю къ Высочайшему подписанію. О Г-нѣ-же Будбергѣ объяснялся лично съ Барономъ Кампенгаузеномъ и получилъ на сіе его желаніе. И равномѣрно представляю при семъ извѣстный Вашему В-ву Указъ на имя Министра Финансовъ, о ссудѣ денегъ Слободско-Украинскому Гражданскому Губернатору Муратову, который принимаетъ эту милость со всеподданнѣйшею благодарностію и поведеніемъ котораго къ споспѣшествованію устройства военныхъ поселеній я отмѣнно доволенъ.

Дѣла Комитета Министровъ идутъ своимъ порядкомъ, и, особаго вниманія Вашего или неотложнаго разрѣшенія Вашего требующихъ, не случилось.

На прошедшей недѣлѣ были однако въ немъ два примѣчательныя засѣданія по дѣламъ Сибирскаго Ген.-Губернатора, въ которыхъ, послѣ продолжительныхъ и жаркихъ разсужденій и преній, единогласно положено уволить и Гражданск. Губернатора Трескина и Ген. Губернатора. По сему и разсудилъ я представить здѣсь проэктъ Рескрипта къ Сперанскому, ежели изволите найти оный выражающимъ тотъ смыслъ, въ которомъ угодно было Вашему В-ву приказать къ нему написать.

Считаю нужнымъ довесть до свѣденія Вашего, что, по представленію Министра Финансовъ, о увеличившейся по всему Государству до 96 м. рубл. недоимки денежныхъ податей и сборовъ, изъ Сената публикованъ Указъ, коего экземпляръ у сего прилагаю. По сему случаю происходятъ въ публикѣ различные толки, какъ я слышалъ о томъ отъ нашего Канцлера Гр. Румянцова. Хотя Гр. Румянцовъ, какъ извѣстно Вашему В-ву, и имѣетъ привычку видѣть вещи въ черномъ цвѣтѣ, однако я счелъ за нужное обстоятельство сіе довесть до Вашего свѣденія. Дѣло это разсматриваемо было въ Комитетѣ Министровъ во время моего послѣдняго объѣзда военныхъ поселеній.

Въ Государственномъ Совѣтѣ происходило жаркое разсужденіе по дѣлу о долгахъ Графа Огинскаго. Болѣе-же примѣчанія достойнаго ничего ни случилось.

Оренбургскій Военный Губернаторъ Эссенъ прислалъ ко мнѣ нарочнаго съ рапортомъ къ Вашему Величеству, у сего представляемымъ. Онъ въ тоже время прислалъ мнѣ списки съ сего рапорта и съ его отношенія къ Статсъ-Секретарю Графу Нессельроду. Изъ нихъ я увидѣлъ, что требованіе его принадлежитъ разсужденію Комитета Министровъ и все дѣло внесъ въ оный.

По Высочайшемъ Вашего Величества утвержденіи мнѣнія государственнаго Совѣта, 12-го прошедшаго августа, о бывшемъ Тамбовскомъ Вице-Губернаторѣ Вейссѣ, я тогдаже, по приказанію Вашему, объявилъ Высочайшую волю о выдачѣ ему удержаннаго жалованья. Почемуже исполненіе сего замедлилось, я тотчасъ справлюсь, и ежели нужно будетъ, дамъ дѣлу движеніе.

Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу тихо, смирно и благополучно. А я съ душевною всеподданнѣйшею привязанностію пребуду на вѣкъ Вашего Императорскаго Величества.

Ноября 2-го.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше письмо отъ 1-го ноября я получилъ. Служба моя посвящена одиножды привязанности моей къ Вамъ Государь, слѣдовательно и будетъ вѣчно она одинакова, не смотря на всѣ разные толки, партіи и непріятности.

Слава Богу, что пріѣздъ Вашъ къ намъ рѣшительно опредѣленъ; помоги Вамъ Богъ оное выполнить.

Требуемое позволеніе Оренбургскаго Воен. Губернатора Ген.-Лейтен. Эссена, о выводѣ войскъ въ Киргизскую степь, Комитетомъ отмѣнено и рѣшительно ему запрещено. По дѣлу о постройкѣ судовъ для моста, я лично объяснившись съ Г. Бетанкуромъ, объявилъ волю Вашу о препорученіи сей постройки Г-ну Бетанкуру и объ отпускѣ на первый случай 25 тыс. рублей.

Прилагаю не вложенный въ прежнемъ моемъ письмѣ Указъ о выдачѣ денегъ Слободско-Украинскому Гражданскому Губернатору.

Въ военныхъ поселеніяхъ, Слава Богу, все благополучно.

Я, 28 числа, поѣду въ свое Грузино, къ Празднику Андрѣя Апостола, помолиться и проѣду опять по нашимъ селеніямъ.

1819.

Августа 24-го, Г. Чугуевъ (помѣщено, Приложеній V-го тома, на стран. 90-й).

1820.

Село Грузино, 2-го Апрѣля.

Батюшка Ваше Величество!

Милости ко мнѣ Ваши я чувствую въ полной ихъ цѣнѣ и прошу Бога ежедневно, дабы онъ даровалъ мнѣ только здоровье служить Вамъ чистою душею. Дорога такъ худа, что въ одинъ день поспѣть къ обѣду въ Царское Село не возможно, а потому и ночую сегодня въ Померанье, дабы завтра, т. е. въ субботу, имѣть счастіе обѣдать въ Ц. Селѣ и поздравить Васъ съ праздникомъ.

Болѣзнь Ваша испугала меня, но спасибо Муравьеву, что онъ меня успокоилъ. Государь! и Ваши лѣта приближаются къ нашимъ, то нужно беречь здоровье, худо безъ него, я оное каждой день чувствую надъ собою.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Изъ Могилева, отъ 8-го Августа.

Батюшка Ваше Величество!

Милостивыя письма Вашего В—ва изъ Липецка и Чугуева я получилъ. Они каждый разъ даютъ мнѣ новыя силы, посвящать всѣ дни моей жизни на службу Вашу. Я по кончинѣ моей матери исполнилъ послѣдній долгъ и прожилъ при ея гробѣ 2 недѣли, проводя оное время въ молитвѣ и душевномъ размышленіи, а 1-го Августа отправился оттуда въ здѣшнее военное поселеніе пѣхотныхъ полковъ Полоцкаго и Елецкаго, и осмотря здѣсь оные, беру см лость воспользоваться позволеніемъ Вашего В—ва и 17 Августа выѣду отсюда въ Варшаву, дабы лично принесть мою вѣрноподданную благодарность за Ваше принятое обо мнѣ участіе и дабы равномѣрно окончить въ присутствіи Вашемъ нѣкоторыя дѣла какъ то: О рекрутскомъ наборѣ и учрежденіи фурштатскихъ баталіоновъ.

30 Сентября, Округъ поселенія Графа Аракчеева полка.

Батюшка Ваше Величество!

Простите меня, что я обезпокою Васъ, моею душевною благодарностію за милости Ваши оказываемыя мнѣ во время моего пребыванія въ Варшавѣ. Я по пріѣздѣ въ поселеніе 1-й Гренад. дивизіи нашелъ все благополучно, спокойно и смирно, окромѣ случившихся двухъ довольно важныхъ пожаровъ въ поселеніи 1-го Карабинерн. полка, что изволите усмотрѣть изъ прилагаемой у сего особой записки. Впрочемъ, Слава Богу, въ баталіонахъ на работѣ находящихся больныхъ мало и теперь я, осмотря оные, распущу ихъ по зимнимъ квартирамъ.

Прошу ежедневно Бога о сохраненіи Вашего здоровья, и пребуду на вѣкъ

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

28 Октября.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю Васъ за милостивое Ваше письмо, отъ 14 Октября. Вы, Батюшка, бывъ заняты дѣлами, обезпокоиваете себя еще и письмами къ подданному своему; мнѣ за сіе заслужить Вамъ не возможно, а долженъ только молиться за Васъ Богу.

Какъ мнѣ скучно, больно и досадно, что случившееся въ Семеновскомъ полку произшествіе огорчитъ Ваше В—во, — я можетъ быть грѣшу, но думаю, что оно не отъ солдатъ.—Слава Богу, въ военн. поселеніяхъ вездѣ благополучно, тихо и смирно, и сего 31 числа вступаютъ въ Округи поселенія дѣйствующіе баталіоны полка моего имени, — но только, Батюшка, нападаетъ Вашъ Министръ духовныхъ дѣлъ Кн. А. Н. Голицынъ. Я къ нему по волѣ Вашего В—ва сдѣлалъ отношеніе, въ копіи у сего прилагаемое, а какой отъ него получилъ отвѣтъ, то оный въ оригиналѣ также при семъ прилагаю. Я уже привыкъ къ его расположенію, то и могу оное переносить; но мнѣ кажется неловко, что онъ изволитъ нападать на старика Митрополита, дабы и его заставить быть непріятелемъ военнаго поселенія.

Уставъ, имъ упоминаемый, ничто иное, какъ молитвы напечатанныя въ типографіи военной, единственно для Священниковъ военнаго поселенія въ 1-й Гренадер. дивизіи находящихся, дабы они, переписывая, не сдѣлали ошибокъ, котораго одинъ экземпляръ у сего прилагаю.

Я признаю самъ себя виноватымъ, что послалъ къ нему печатные, а не письменный, но можно-ли въ нашихъ званіяхъ и мѣстахъ другъ къ другу придираться, и дѣлать подобныя непріятности, дабы видѣли служащіе въ канцеляріяхъ, тѣмъ болѣе, когда Его Сіятельству видно было, что на все сіе была Высочайшая Ваша воля.

Цензурѣ довольно дѣла смотрѣть за сочинителями. — Извѣстнаго Вамъ, Пушкина стихи печатаютъ въ журналахъ, съ означеніемъ изъ Кавказа, видно для того, чтобы извѣстить объ немъ подобныхъ его сотоварищей и друзей.

На вѣкъ чистымъ сердцемъ и душею, преданный В. И. Вел—ва вѣрноподданный.

2-го Ноября.

Батюшка, Ваше Величество!

Слава Богу, во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ благополучно, смирно и тихо.—Въ прошедшее Воскресенье, т. е. 31 Окт. вступили дѣйствующіе баталіоны гренад. моего имени полка и расположились въ домахъ военныхъ поселянъ — хозяевъ.

Извините меня, Батюшка, что я, при важныхъ Вашихъ занятіяхъ, прилагаю при семъ порядокъ вступленія сихъ баталіоновъ и Приказъ, мой въ полку отданный. Можетъ быть хотя не много сіи бездѣлки мои

развлекутъ трудную Вашу работу, и тѣмъ самымъ облегчатъ душевныя занятія Ваши.

Чистымъ сердцемъ преданный Вашему И—му Величеству.

18 Ноября, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Очень много чувствую, какъ непріятно и печально было Вамъ получить извѣстіе о безпорядкахъ въ Семеновск. полку. Я узналъ объ ономъ въ своемъ Грузинѣ, и первое чувство моего сердца было о Вашемъ В-вѣ, что сіе произшествіе тяжко опечалитъ Васъ и сильно подѣйствуетъ на душу Вашу.

Я совершенно согласенъ съ мыслями Вашими, что солдаты тутъ менѣе всего виноваты, и что тутъ дѣйствовали съ намѣреніемъ, но кто, и какъ, то нужно для общаго блага найтить самое онаго начало. Я могу ошибиться, но думаю такъ, что сія ихъ работа есть пробная, и должно быть осторожнымъ, дабы еще не случилось чего подобнаго.

Высочайшій Вашъ Приказъ такой, какой необходимъ при семъ случаѣ; равномѣрно о переводѣ офицеровъ въ прежнихъ и помѣщеніи новыхъ, но съ хорошимъ расположеніемъ, весьма полезно.

Я, Батюшка, живу въ Грузинѣ и поселеніи, и нѣтъ охоты ѣхать безъ Васъ въ городъ, то здѣсь, Слава Богу, мало свѣдѣній доходитъ до меня; а слышалъ только отъ Г. М. Петрова, который съ Шварцомъ знакомъ, что онъ полагаетъ, сіе произшествіе случилось по неудовольствію на него офицеровъ.

Вы позволяете мнѣ все говорить и писать: не лучше ли будетъ естьли Семеновскихъ солдатъ распредѣлить въ полки только 2 и 3 гренадерскихъ дивизій, чемъ самымъ Вы бы ихъ лучше сохранили, а о поведеніи ихъ имѣли-бы вѣрное всегда свѣдѣніе.—Въ военныхъ поселеніяхъ вездѣ Слава Богу смирно и благополучно. Молю Бога, да сохранитъ Ваше здоровье, и даруетъ Вамъ скорѣе окончить общія дѣла и возвратиться къ намъ на труды своего Государства.

Вмѣстѣ съ симъ письмомъ послано отъ Гр. Аракчеева къ В. К. Маріѣ Павловнѣ слѣдующее письмо.

Грузино, 18 Ноября.

Узнавъ, я живучи въ своей деревнѣ, о пріѣздѣ Вашего Имп-го Высочества въ Троппау, молился за Васъ Богу, что Онъ расположилъ Васъ къ посѣщенію благодѣтеля моего Государя Императора, которому, по Его многотруднымъ дѣламъ, нужна родственная бесѣда Ваша, услаждающая душу Его, наполненную печалію, о нынѣшнихъ разныхъ дурныхъ въ Европѣ произшествіяхъ. Но никогда бы неосмѣлился писать къ Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, естьлибы Александръ Ивановичъ Чернышевъ не извѣстилъ меня въ письмѣ своемъ о Вашемъ милостивомъ обо мнѣ воспоминаніи, послѣ чего я и спѣшу принесть Вашему И-му Высочеству благодарность за Ваше милосердое ко мнѣ расположеніе, и за приносимое пребываніемъ Вашимъ въ Троппау удовольствіе моему благодѣтелю, Всемилостивѣйшему Государю Императору.

Грузино, 30 Ноября.

Батюшка, Ваше Величество!

Получа приказаніе Ваше, отъ 9-го ноября, о присылкѣ по нѣскольку Меморій, я исполняю оное, и съ первымъ послѣ сего повелѣнія ѣдущимъ фельдъегеремъ, отправляю при семъ три Меморіи.

Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, Слава Богу, благополучно, смирно и тихо. Я вчерась возвратился изъ Есьянъ, смотрѣлъ тамъ 6-ю фузелерную роту, которая составлена по большей части изъ тѣхъ людей, которые при поступленіи своемъ въ военное поселеніе, дѣлали извѣстные Вамъ безпорядки, но признаюсь былъ отмѣнно ими восхищенъ; люди прекрасные, здоровые, веселые и съ самымъ яснымъ на лицахъ душевнымъ усердіемъ.

Утѣшаясь душевно онымъ, я сдѣлалъ еще первую слѣдующую пробу: по нахожденіи роты въ Экзерциръ-Гаузѣ, велѣлъ я неожиданно никому выдти, по командѣ моей, всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ и унтеръ-офиц. вонъ изъ Экзерциръ-Гауза, и заперъ двери, оставшись съ ними одинъ; спросилъ ихъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ до меня просьбъ, и всѣмъ ли они довольны? Признаюсь, Батюшка, я по милости Божіей былъ награжденъ за сію пробу; они всѣ въ одинъ ясный и твердый голосъ отвѣчали мнѣ, что всѣмъ довольны и ни о чемъ не имѣютъ причины ни жаловаться, ни просить. Я поблагодарилъ Бога, отпустилъ роту, сказавъ имъ, что обо всемъ ономъ буду писать къ Вашему В-ву, и былъ весь день очень веселъ.

Вашего Имп-го Величества на вѣки вѣрноподданный.

С.-Петербургъ, 17 Декабря.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше письмо, отъ 19-го ноября, я получилъ въ Карабинерныхъ поселенныхъ баталіонахъ, куда ѣздилъ осматривать до выѣзда моего въ С.-Петербургъ, и по сей причинѣ не успѣлъ донесть Вамъ, Батющка, 10-го декабря.

Кажется, пришедшіе мои баталіоны довольны своимъ расположеніемъ, и въ полку смирно, тихо и спокойно; штабъ-офицеры: Чевакинской и Воронцовъ, очень понимаютъ все устройство и находятъ оное для полку очень полезнымъ; о прочихъ офицерахъ ничего не могу сказать, ибо все люди молодые.

Баталіоны дѣйствующіе, оба расположены въ Округѣ своего полка, и въ тѣхъ самыхъ поселенныхъ ротахъ, какъ Вы изволили назначить. Тѣсноты никакой нѣтъ, доказательствомъ чему служитъ прилагаемый рапортъ Полк. Фриксна, изъ коего изволите усмотрѣть, что, по желанію самихъ постояльцевъ, всѣ мезонины остались незанятыми. — Во всѣхъ поселеніяхъ, Слава Богу, смирно, тихо и спокойно. При осмотрѣ Карабин. баталіоновъ, я нашелъ людей довольными своимъ положеніемъ, а особливо какъ они увидѣли на опытѣ, что послѣ бывшихъ въ сентябрѣ пожаровъ, милосердіемъ Вашего В-ва, всѣ они устроены и помѣщены въ домы на жительство, какъ обыкновенно экономическіе крестьяне, при таковыхъ случаяхъ, терпятъ всевозможныя нужды —Въ Могилевскомъ

поселеніи продолжается строгое слѣдствіе по принесеннымъ мнѣ жалобамъ, о коихъ я докладывалъ Вамъ, Батюшка, въ Варшавѣ, и къ неудовольствію моему, оказываются злоупотребленія ротныхъ командировъ, отъ несмотрѣнія Г. Насѣкина, который, кажется, по получаемымъ мною донесеніямъ, будетъ виноватъ.

Я осмѣливаюсь опять послать къ Вамъ, Батюшка, правила отправленія ежедневной службы, приспособленныя уже къ мѣсту расположенія поселеннаго полка, и одинъ экземпляръ дневнаго рапорта дежурнаго штабъ-офицера въ поселенномъ полку.

Я теперь, Батюшка, нахожусь въ большомъ свѣтѣ, и истинно признаюсь Вамъ, что отмѣнно безъ Васъ скучаю.

Осмѣливаюсь приложить записку, по собственной моей просьбѣ, ибо мнѣ хочется сего молодаго человѣка отдѣлить отъ нынѣшнихъ вольнодумцевъ, и занять, по способности его, продолжать далѣе математическія науки.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

1821.

С.-Петербургъ, 28-го Генваря.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивыя Ваши письма, отъ 16-го декабря изъ Троппау, и отъ 8-го генваря изъ Лейбаха, я получилъ, за которыя и приношу мою вѣрноподданную благодарность.—По первому письму я не доносилъ Вамъ, Батюшка, потому, что разсмотрѣніе годовой смѣты окончено въ Комитетѣ Гг. Министровъ, только сего генв. 25 числа. Убавка въ суммахъ сдѣлана по согласію Военн. Министра, въ такихъ артикулахъ, въ которыхъ нашли возможность сократить; потомъ исключили нѣкоторыя суммы на новыя строенія, которыхъ начало удобно можно еще повременить; и наконецъ, прибавкою 3 мил. рублей отъ Мин. Финансовъ, по его согласію, и однимъ словомъ, дѣло сіе окончено единогласно и хорошо. Вы, Батюшка, напрасно безпокоились. Этотъ страхъ бываетъ ежегодно, и всегда кончится возможнымъ выполненіемъ онаго дѣла.

По второму письму Вашему, я долженъ себя винить, что сдѣлалъ Вамъ, Батюшка, безпокойство, въ отеческой Вашей заботливости о размѣщеніи дѣйствующихъ баталіоновъ. Простите великодушно оному, но вѣрьте Богу, что я оныя дѣла очень горячо принимаю къ сердцу, а потому прежде, нежели я допустилъ сію мѣру, очень много ее разсматривалъ и обдумывалъ, и доводя ее до Вашего свѣдѣнія, напередъ зналъ, что я получу о семъ Ваше справедливое замѣчаніе.—Но я рѣшился дозволить оное по обоюдному самихъ солдатъ желанію, и дабы вдругъ не огорчить рядовыхъ хозяевъ, которые, получая полное число своихъ постояльцевъ, и такъ много уже должны заботиться въ содержаніи ихъ пищею, какъ, напротивъ того, я разсуждалъ, что естьлибы постояльцы почувствовали тѣсноту въ своемъ размѣщеніи, то отъ нихъ скорѣе я могу услышать неудовольствіе, потому что они видятъ въ каждомъ домѣ, находящійся въ готовности, устроенный для нихъ пустой покой, нежели отъ хозяевъ, которые-бы молчали, но, при началѣ сего важнаго дѣла,

могли-бы возымѣть къ постояльцамъ отвращеніе, и тогда возродилась-бы между ними общая холодность и неудовольствіе, какъ напротивъ того, нынѣ, по милости Божіей, до сего времени еще не было ни одной ссоры и жалобы между ими.—Вотъ, Батюшка, мои бывшія разсужденія при расположеніи симъ образомъ людей въ домахъ, но я оныя пишу не для того, чтобы оправдывать себя передъ Вами. Всякое Ваше мнѣ наставленіе есть священный для меня законъ, но естьли мои разсужденія были не хороши, то я человѣкъ, могу при всемъ моемъ усердіи ошибаться, и прошу въ ономъ Вашего извиненія. Порядокъ сей при наступленіи весны самъ собою исправится, по той причинѣ, что въ оное время хозяйки должны будутъ имѣть въ покояхъ болѣе мѣста для работы холста, и тогда сами пожелаютъ перемѣстить постояльцевъ въ верхніе покои.

Число больныхъ, замѣчаемое Вами, Батюшка, кажется не велико, ибо дѣйствующіе баталіоны перемѣнили образъ своей жизни и самую воду, да и принесли модныя болѣзни, коихъ должно было помѣстить непремѣнно въ гошпиталь.

Мнѣ чрезвычайно больно, что я отнимаю у Васъ время на мои объясненія, и вторично въ ономъ прошу Вашего отеческаго прощенія.

Милосердіе Божіе ко мнѣ продолжается. Вездѣ въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, смирно, тихо и благополучно, хотя недоброжелатели наши продолжаютъ истощать всѣ способы ухищренія къ помѣшательству онаго. — Слѣдствіе о злоупотребленіяхъ въ Могилевск. поселеніи окончено, и я скоро донесу Вашему В-ву во всей подробности.

С.-Петербургъ, 11-го Февраля.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше письмо, отъ 15 генваря, я получилъ, и о Капитанѣ Шишкинѣ сдѣлалъ мое отношеніе къ Барону Сакену.—Здоровье мое собственно для меня очень плохо, но для усердія моего и душевной привязанности къ Вамъ, Батюшка, оно неизмѣнно, и еще крѣпчѣ молодыхъ моихъ лѣтъ.

По милости Божіей, во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, Слава Богу, смирно, тихо и благополучно; на веселые дни наступающей масляницы, я отъѣзжаю въ мое Грузино, дабы лично объѣхать баталіоны 1-й гренадерской дивизіи.

О злоупотребленіяхъ въ Могилевск. поселеніи, посылаю мое донесеніе. Я поступилъ по всей строгости Начальника, что изволите усмотрѣть подробно изъ посылаемыхъ бумагъ.

Ваше Величество еще нынѣ получаете въ пакетѣ подъ № 1-мъ особый журналъ Комитета Гг. Министровъ, по продовольствію въ Черниговск. губерніи, изъ коего изволите увидѣть личное неудовольствіе Воен. Губернатора, которое кажется во время голода можетъ сдѣлать упущеніе въ распоряженіяхъ, и отъ онаго будетъ болѣе вреда бѣдному народу. Я осмѣлился приложить проектъ Указа; естьли онъ излишній, то изорвите его, Батюшка, и примите оное за мое обыкновенное въ дѣлахъ усердіе,

Здѣсь нехорошіе слухи о недостаткѣ продовольствія у жителей, въ губерніяхъ: Курской, Смоленской, Орловской и Пермской.

Вашего Имп-го В-ва, на всю мою жизнь, преданный и вѣрноподданный.

Журналъ, требующій особаго Вашего, Батюшка, занятія, о чемъ и записка моя прилагается.

25 Февраля.

Записка.

Я, Батюшка, вмѣсто отъѣзда въ Грузино и поселеніе, сдѣлался боленъ, и лежу въ постелѣ масленицу и 1-ю недѣлю, а потому и не былъ въ Комитетѣ при разсужденіяхъ влагаемаго Журнала.—Прочитавъ-же оный, опасаюсь, не сдѣлано-ли сіе представленіе на пробу, дабы само Правительство согласилось на прибавку цѣнъ, которыя существовали уже нѣсколько лѣтъ сряду въ одномъ положеніи, а потому и полагаю что нужно обратить Вамъ, Батюшка, вниманіе Военн. М., дабы непремѣнно цѣны удержаны были, позволя въ поставкѣ вещей наблюдать и прежніе сроки, чѣмъ изволите отнять и причину имъ выставленную.

Касательно-же требуемыхъ суммъ, то мое мнѣніе такое, что В. М. можетъ всегда оными заимствоваться по возможности изъ прочихъ ему подчиненныхъ Департаментовъ, что и я дѣлалъ во время моего управленія Министерствомъ.—Въ воен. поселен. слава Богу, благополучно, смирно и тихо.

Дѣла Государственнаго Совѣта получены и отосланы по принадлежности.

Марта 4.

Мнѣ, Батюшка, полегче, но я еще не могу никуда выѣзжать.—Мой Даллеръ во время моей трудной болѣзни пригласилъ Г-на Миллера, и они теперь оба меня вмѣстѣ лѣчутъ.

Въ воен. поселеніяхъ, Слава Богу, вездѣ благополучно, а въ Новогородскомъ и масленицу провели смирно и тихо.

Марта 11-го.

Батюшка, Ваше Величество!

Здоровье мое хотя нѣсколько поправилось, но я еще такъ слабъ, что не могу никуда выѣзжать и хочу только сію минуту выѣхать въ первый разъ въ крѣпость къ панихидѣ, ибо исполненіе сего душевнаго долга всегда поставляю въ моей жизни первѣйшею, пріятною обязанностію.

Благодаря Бога, во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ благополучно, смирно, тихо и спокойно, а въ моемъ полку и вывозка камня скоро окончится. Посылаемая сего числа одна бумага успокоитъ Васъ, Батюшка, что Ваше намѣреніе солдаты понимаютъ и начинаютъ оное чувствовать.

Отправленное нынѣ къ Вамъ, Батюшка, образованіе штаба много меня занимало, и кажется оно обработано довольно хорошо и во всѣхъ частяхъ согласно съ общими правилами прочихъ корпусныхъ штабовъ.

Полученное мною вновь письмо отъ губернатора Муратова я почелъ долгомъ моимъ отослать при семъ къ Вамъ, Батюшка, въ оригиналѣ.

Молю Бога о сохраненіи здоровья Вашего, чего желаетъ

вѣрноподданный Вашего Величества.

Марта 13-го.

Батюшка, Ваше Величество!

Я не смѣлъ съ нынѣшнимъ фельдъегеремъ безпокоить письмомъ моимъ, слыша о воспослѣдовавшихъ отъ Васъ указахъ по движенію армій, и зная, что Вы, Батюшка, нынѣ очень заняты по дѣламъ Италіянскимъ, а теперь еще и по дѣламъ Молдаванскимъ; но пріѣздъ Г. Сперанскаго заставилъ меня обезпокоить Васъ сею бумагою. Сперанскій при личномъ свиданіи просилъ меня, дабы его письмо отправлено было къ Вашему Величеству въ моемъ пакетѣ. На оное я ему объяснилъ, что онъ можетъ сіе сдѣлать самъ, отославъ письмо свое къ дежурному генералу, но онъ желалъ, дабы я сдѣлалъ сіе въ одолженіе, почему уже я и рѣшился отъ него принять, и при семъ оное прилагаю. По перепискѣ моей съ нимъ, я не могъ его встрѣтить въ Грузинѣ по двумъ причинамъ: во первыхъ, по моей болѣзни, а во вторыхъ, что и увѣдомленіе его о проѣздѣ Новагорода я получилъ отъ него изъ Москвы, на-канунѣ его пріѣзда самаго сюда въ Петербургъ. Но надѣюсь, что онъ будетъ у меня въ Грузинѣ, а потомъ увидитъ со мною вмѣстѣ и военное поселеніе. О подробностяхъ нашего здѣсь свиданія прилагаю особую записку.

Благодарю, Батюшка, за милостивое письмо Ваше, отъ 24 февраля. Дай Богъ, дабы Вы могли о возвращеніи своемъ поскорѣе выполнить Ваше намѣреніе.

Представленную къ Вашему Величеству бумагу, отъ министра просвѣщенія, представляю при семъ обратно, потому что я уже 4 марта по сему дѣлу донесъ Вамъ, Батюшка, запретивъ немедленно по требованію князя Голицына продажу таблицъ; при обученіи-же въ школахъ военнаго поселенія, употребляются, по Вашему данному мнѣ повелѣнію, тѣ самыя таблицы, которыя напечатаны въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, слѣдовательно дѣло сіе по моей части совершенно окончено, кажется, сходно съ министромъ просвѣщенія.

При семъ письмѣ приложена особая записка, отъ 25 марта, слѣдующаго содержанія:

Г. Сперанскій пріѣхалъ въ Петербургъ, 21 числа, послѣ обѣда, къ вечеру.

По утру 22 числа, рано, прислалъ ко мнѣ Д. Ст. С. Цейера, съ объявленіемъ о своемъ пріѣздѣ, и съ просьбою назначить ему того-же утра часъ, въ который-бы онъ могъ пріѣхать къ первому ко мнѣ.

Въ первомъ часу, по назначенію моему, онъ пріѣхалъ ко мнѣ, и между прочими разговорами сдѣлалъ мнѣ слѣдующіе три вопроса, на кои просилъ убѣдительнѣйше моего мнѣнія:

1-й вопросъ. Представляться-ли мнѣ во дворецъ къ Императрицамъ?

Мой отвѣтъ Вы пріѣхали сюда Сибирскимъ генералъ-губернато-

ромъ, а всѣ генералъ и военные губернаторы обыкновенно въ первое воскресенье представляются, слѣдовательно я не нахожу причины, дабы и вы не должны были слѣдовать сему-же общему порядку.

2-й вопросъ Сперанскаго. Писать-ли мнѣ о пріѣздѣ своемъ къ Государю?

Мой отвѣтъ. Государь о пріѣздѣ вашемъ будетъ извѣстенъ чрезъ обыкновенный рапортъ военнаго губернатора о всѣхъ пріѣзжающихъ въ столицу; но есть-ли вы разсудите и сами особымъ письмомъ донести Государю Императору о своемъ пріѣздѣ, то сіе ни какъ непротивно общему порядку вещей.

3-й вопросъ Г. Сперанскаго. Какъ ему вести себя: принимать - ли къ себѣ всѣхъ, кто будетъ пріѣзжать, или по собственной своей склонности вести жизнь уединенную?

Мой отвѣтъ. Сей вопросъ очень трудный, и его рѣшить можете одни сами вы сходно вашему желанію, а можетъ быть и по опытамъ, сдѣланнымъ вами при первыхъ посѣщеніяхъ.

Анекдотъ разсказываетъ мнѣ Сперанскій.

Дорога его была изъ деревни его близъ Пензы находящейся, на Тамбовъ, Рязань въ Москву.

Въ Рязань онъ пріѣхалъ въ 6 часовъ утра, такъ что не многіе въ городѣ вставши были.

Онъ узналъ, что Балашевъ въ Рязани, то и началъ бриться, дабы одѣвшись съѣздить къ нему, какъ черезъ полчаса по пріѣздѣ его, во время туалета, отворяются двери и входитъ къ нему Балашевъ съ адъютантами.

Балашевъ просилъ его къ себѣ обѣдать, дабы онъ могъ ему представить всѣхъ чиновниковъ губерніи ему ввѣренной.

Сперанскій упрашиваетъ его объ отмѣнѣ онаго, и соглашается обѣдать у него, но неиначе, какъ съ отмѣною сего представленія.

Апрѣля 6-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше письмо, отъ 10 марта, получилъ. Я приношу мою душевную благодарность, какъ за оное, такъ и за препорученіе мнѣ резервовъ; истинно я всякое отъ Васъ мнѣ поручаемое дѣло принимаю Вашею себѣ наградою, и считаю для себя удовольствіемъ быть Вамъ, Батюшка, хотя мало въ чемъ полезнымъ. Труды Ваши тяжки для Васъ; я онаго не могу никогда иначе себѣ вообразить, и молюсь только Богу о подкрѣпленіи Вашего здоровья. Раздѣлить-же сего размышленія въ нынѣшнемъ расположеніи людей ни съ кѣмъ невозможно; я очень обрадовался и благодарилъ Бога, что Августѣйшая Родительница Ваша уже нѣсколько разъ удостоила меня своею откровенностію; ее очень безпокоитъ Ваше отсутствіе, но что дѣлать; надобно повиноваться опредѣленной Вамъ отъ Бога сей тяжкой судьбѣ.

Я, Батюшка, къ 1-му апрѣля переѣхалъ въ свое Грузино; былъ въ поселеніи; нашелъ, слава Богу, все хорошо; люди уже живутъ въ мезонинахъ. Выставка камня окончена и происходитъ теперь сдача оному, и, слава Богу, никакого несчастія при сей работѣ не случилось; да и въ

прочихъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, все благополучно, смирно и тихо.

О резервахъ прилагаю къ свѣдѣнію Вашему, Батюшка, особую записку. Движеніе гвардейскому корпусу весьма будетъ полезно, если еще займутся хорошенько во время онаго господами офицерами.

О недостаткѣ въ продовольствіи по губерніямъ, хотя послѣ онаго и затихло, но Г. Кочубей послалъ чиновниковъ узнать объ ономъ, а нынѣ получилъ я письмо изъ Орловской губерніи отъ больнаго Бухмеера, въ коемъ онъ повторяетъ мнѣ о нуждахъ народа въ продовольствіи, съ коего выписку я послалъ немедленно къ графу Кочубею.

О Мордвиновѣ доложу Вамъ, что я съ нимъ знакомъ, какъ и со всѣми ему подобными, и считаю его пустымъ человѣкомъ, который изъ личности къ министру финансовъ подаетъ свои мнѣнія, а выполнить ихъ самъ не въ состояніи; но при первомъ удобномъ случаѣ поговорю съ нимъ по всѣмъ Вашимъ, Батюшка, замѣчаніямъ, но напередъ знаю, что добраго ничего не услышу.

Я сію недѣлю говѣю, и при душевной моей исповѣди, не имѣю грѣха противъ Васъ, Батюшка; а поздравляю Васъ съ наступающимъ праздникомъ, въ которомъ первая моя мысль обратится къ Вамъ, ибо я теперь не имѣю родительницы, слѣдовательно все на свѣтѣ у меня замѣняете собою.

Окончу мое письмо короткими словами о болѣзни моей: она должна быть въ какомъ нибудь внутреннемъ моемъ около сердца поврежденіи, ибо припадки мои продолжаются и ихъ облегчить не могутъ; но усердіе мое къ Вамъ, Батюшка, при всякомъ біеніи сердца моего, увеличивается, и будетъ неизмѣнно до конца моей жизни.

20-го апрѣля, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше письмо, отъ 31 марта, мною получено. Я прошу Бога ежедневно, дабы дѣла иностранныя позволили Вамъ скорѣе возвратиться къ намъ.

Вопросъ Вашъ, Батюшка, весьма важный, и я другаго ничего не могу придумать, какъ совершенно съ Вами согласенъ, что необходимо должно Вамъ окончить иностранныя дѣла, на которыя конечно и всѣ наши Карбонары вѣрно глядятъ пристально и ожидаютъ развязки дѣла.

Я, Батюшка, ведя съ Муратовымъ переписку о поселеніи, нарочно ни слова въ оной не упоминалъ ему въ отвѣтъ на его присланное письмо ко мнѣ и отосланное къ Вамъ. Но несмотря на оное, я получилъ на Святой недѣлѣ вновь довольно важное письмо, которое не смѣю чтобъ къ Вамъ не послать; оно можетъ быть совершенно и пустое, но въ такихъ дѣлахъ и въ расположеніи моемъ, кажется, я не долженъ онаго таить отъ Васъ, Батюшка.

По недостатку продовольствія въ Черниговской губерніи, истинно, Батюшка, одни личныя неудовольствія, но, кажется, теперь видно изъ донесеній, что закупкою хлѣба жители довольно обезпечены, и оное дѣло не должно много Васъ безпокоить; а письмо графа Разумовскаго единственно доказываетъ его алчность къ доходамъ, ибо съ его состоя-

ніемъ я бы не только прокормлялъ своихъ крестьянъ, но и всѣхъ прочихъ нуждающихся въ оной губерніи, и оно, кажется, также не стоитъ въ нынѣшнее время Вашего занятія.

Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, вездѣ смирно и спокойно; но только у насъ въ Новгородской губерніи очень большой разливъ рѣки Волхова, котораго давно уже подобнаго не было, но по сіе время еще ничего вреда отъ сего не видно.

Замѣчаніе Ваше, Батюшка, о офицерѣ, представленномъ мною къ отставкѣ, за присылку просьбы мимо начальства въ инспекторскій департаментъ, я совершенно признаю справедливымъ и прошу въ ономъ извиненія; а его приказалъ судить военнымъ судомъ.

По болѣзни моей, которая кроется въ груди, легко я могу быть подверженъ скоропостижной смерти; то осмѣливаюсь у сего приложить поясненіе духовному моему завѣщанію. Прошу Высочайше оные утвердить.

Вашего Императорскаго Величества вѣчно преданный

вѣрноподданный.

Апрѣля 26-го, Грузино.

Повелѣніе Ваше, Батюшка, отъ 9-го апрѣля, я получилъ, и въ точности будетъ все исполнено посланными вторичными предписаніями, въ отмѣну первыхъ отъ меня уже разосланныхъ бумагъ.

Слава Богу, что время приближается Вашему къ намъ возвращенію; да услышитъ Всевышній желаніе Вашихъ вѣрноподданныхъ.

Просьбу Г. Мандрыки я читалъ и Ваше замѣчаніе весьма справедливо. Почтъ-директоромъ въ Черниговъ уже опредѣленъ, подписнымъ Вашимъ, Батюшка, указомъ 13 марта, дѣйств. статскій совѣтникъ Мѣльниковъ, слѣдовательно опредѣлить его туда уже невозможно; то я полагалъ-бы, не угодно-ли Вамъ будетъ, Батюшка, предоставить его просьбу разсмотрѣть въ Комитетъ раненыхъ, и ему-же предоставить опредѣлить мѣру удовлетворенія оной. Въ семъ смыслѣ я осмѣлился приложить два проекта указовъ: въ одномъ препровождается его просьба, а въ другомъ просто безъ оной.

Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, вездѣ благополучно, смирно и тихо. Погода съ 10-го апрѣля стоитъ у насъ прекрасная, и весь лѣсъ уже распустился. Войска, на работу назначаемыя, уже собираются въ свои биваки.

На вѣки преданный душею и сердцемъ

вѣрноподданный.

Іюня 13-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу Вамъ, Батюшка, мою вѣрноподданную благодарность за милостивое Ваше письмо: касательно-же перемѣны въ пріѣздѣ Вашемъ, то оное для меня никакой не дѣлаетъ разности, и я буду молить Бога, дабы Вы, Батюшка, были здоровы и спокойны, въ чемъ мое первое на свѣтѣ удовольствіе и благополучіе.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный.

Іюля 2-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Вчерашній день цѣлое утро провелъ я на осмотръ и слѣдствіе поселеннаго баталіона Наслѣднаго принца Прусскаго полка, и слава Богу ничего не оказалось, о чемъ Вамъ, Батюшка, донесетъ подробно Г. М. Клейнмихель. Я цѣлые три часа былъ между солдатами безъ офицеровъ и разговаривалъ до того, что уже не могъ говорить отъ усталости. О наградахъ представляю записки; онѣ всѣ по назначенію Вашего Величества.

Я опять чувствую себя нездоровымъ, а болѣе всего скука и тоска меня одолѣваютъ, и я на сихъ дняхъ на четыре дни думаю ѣхать въ Тихвинскій монастырь помолиться.

Полученное мною вчерашній день письмо отъ Ник. Ник. Новосильцова, при семъ къ Вамъ, Батюшка, въ оригиналѣ прилагаю.

Іюля 11-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю Васъ, Батюшка, за милостивое письмо, и доношу, что въ военныхъ поселеніяхъ слава Богу все благополучно и дѣло въ баталіонѣ Наслѣднаго принца дѣйствительно окончилось, но думаю, что и отсылку къ генералу Эссену людей уменьшу, и, вмѣсто шести человѣкъ, отошлю троихъ, но и тѣхъ еще отправленіемъ спѣшить не буду.

Порядокъ въ отчетахъ требуетъ подписнаго указа о пожалованной Вами, Батюшка, за смотръ суммѣ, на отпускъ оной изъ капитала военныхъ поселеній, который при семъ и прилагаю.

Августа 7-го, корпусная квартира.

Батюшка, Ваше Величество!

Въ военныхъ поселеніяхъ все благополучно, но скотскій падежъ въ 4-й ротѣ Е. В. Короля Прусскаго продолжается. Дурная и дождливая погода сдѣлала военнымъ поселянамъ много убытку, ибо самая большая часть ихъ сѣнокосовъ разлившеюся въ рѣкѣ Волховѣ водою потоплена, да и самый хлѣбъ началъ примѣтнымъ образомъ портиться. Но какъ всему оному есть власть Божія, то и сѣтовать на оное невозможно.

Осмотрѣвъ здѣшніе округи, я сего числа, Батюшка, отправляюсь въ поселеніе карабинерныхъ полковъ, гдѣ пробуду до 13-го числа сего мѣсяца. Есть-ли угодно будетъ Вашему Величеству посѣтить скоро военныя поселенія, то кажется иначе оное можно сдѣлать, какъ дать время установиться хорошей погодѣ, дабы успѣло хорошенько вездѣ просохнуть, что не прежде можетъ быть какъ послѣ 20 числа августа, а безъ онаго теперь вездѣ дороги сдѣлались не только дурны, но почти неспособны, и во всѣхъ работахъ сдѣлалась большая остановка.

Въ какомъ-же порядкѣ я нахожу возможнымъ представить Вамъ, Батюшка, предполагаемый смотръ, то на усмотрѣніе прилагая особую записку, прошу утвержденія Вашего.

Августа 14-го.

Батюшка, Ваше Величество!

Возвратясь изъ поселенія карабинерныхъ полковъ, я ничего инаго, слава Богу, не могу донести Вашему Величеству, какъ все нашелъ хорошо, смирно и спокойно, о чемъ донесу и формально вслѣдъ за симъ.

О побѣгахъ изъ раскольниковъ я съ ними имѣлъ большой разговоръ, и кажется, ихъ усовѣстилъ, обѣщавъ имъ ходатайствовать у Васъ, Батюшка, по ихъ просьбамъ, о чемъ впредь особо донесу Вашему Величеству. Побѣги-же ихъ въ общемъ числѣ также неважны, ибо бѣжало ихъ изъ обоихъ полковъ восемь человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Разобравъ сіе дѣло, я только двухъ необмундированныхъ поселянъ и одну жену бѣжавшаго унтеръ-офицера отправилъ въ Новгородъ къ губернатору, въ рабочій домъ.

Теперь приступаю къ донесенію Вамъ, Батюшка, о общемъ здѣсь несчастіи, происшедшемъ отъ безпрерывныхъ дождей, отъ коихъ рѣка Волховъ разлилась до самой той-же высоты, какая была нынѣшнею весною, а еще хуже, что вода и по сіе время ежедневно прибываетъ, и затопивъ всѣ луга, теперь затопляетъ уже и самыя поля съ хлѣбомъ. Отъ всего онаго должно опасаться недостатку большаго, не только въ прокормленіи скота, но и самыхъ людей, а продолжающіеся дожди не позволяютъ ни готоваго хлѣба убирать, ни вновь для будущаго года сѣять. Дороги сдѣлались такъ дурны, что не только я слегъ въ постелю отъ несносной боли въ боку, но самая даже коляска Ваша почти сдѣлалась негодною. Сообщеніе сухопутное по разлитіи водъ, отъ Чудова въ Грузино, и изъ округа Гренадерскаго моего имени полка въ Спасскую Полисть, совсѣмъ прекратилось; а по всѣмъ онымъ причинамъ, я осмѣливаюсь предложить Вамъ, Батюшка, объ отмѣнѣ Вашей поѣздки въ военное поселеніе.

Прилагаю при семъ полученный пакетъ отъ ген.-адъют. Чернышева, какъ и самое его ко мнѣ письмо.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный.

Августа 16-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу Вамъ, Батюшка, мою вѣрноподданную благодарность за милостивое письмо Ваше; я отдохнулъ уже послѣ своей поѣздки и завтра ѣду въ военное поселеніе.

Прилагаю при семъ нѣсколько бумагъ, касающихся до военнаго поселенія; изъ нихъ нѣкоторыя кажется будутъ пріятны Вамъ, Батюшка. Я нарочно объяснилъ желаніе крестьянъ въ формальномъ рапортѣ, дабы если угодно Вамъ будетъ отдать оный къ исполненію въ разсужденіи Высочайшаго приказа, то видѣли-бы невѣдущіе и вредящіе намъ.

Пріѣздъ Вашего Величества я всегда считаю особою себѣ наградою, а по тому я и буду ожидать рѣшительнаго приказанія Вашего, но дай Боже, чтобы погода началась хорошая, которая у насъ все и по сіе время продолжается еще очень дождливая, то и нужно, чтобъ хотя

нѣсколько просохнуло. Прибыль воды все еще продолжается и сообщеніе изъ Чудова въ Грузино очень плохое. Если-же сія несчастная погода помѣшаетъ пріѣзду сюда Вашему, Батюшка, то я уже пріѣду, съ позволенія Вашего, къ 25-му числу, въ Царское Село.

Сентября 23-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ обстоитъ благополучно. Какіе произведены были мною смотры и ученья въ присутствіи генераловъ: графа Витта, Эссена и полковника Криднера, то объ оныхъ всеподданнѣйше представляю особую записку, и испрашиваю милостиваго Вашего вниманія, дабы вы изволили объ оныхъ спросить, какъ у Г. Витта, такъ и у полковника Криднера, изъ коихъ послѣдній не осмѣлится предстать къ Вашему Величеству безъ особаго Вашего ему приказанія.

Октября 20-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Мои занятія Вамъ должны быть извѣстны: Грузино и военное поселеніе—вотъ мои прогулки. Но для чего оное? Единственно для того, чтобъ угодить моему Государю Александру Павловичу, съ коимъ я провелъ мою молодость, а теперь и старость ему-же посвящаю.

Лѣто было худое, отъ чего и работы шли неуспѣшно, то хотѣлось оное наградить хорошею осенью, почему и оставался здѣсь, пока всѣ войска пошли по квартирамъ. Вчера только изъ поселенія возвратился и располагалъ-было завтра ѣхать совсѣмъ уже на шумное городское житье; но не знаю отъ чего, прошедшую ночь въ поселеніи, да и сію въ Грузинѣ, имѣлъ сильные болѣзненные свои припадки, такъ что долженъ былъ посылать будить своего Даллера; отдохнувъ сегодня и завтра, въ субботу къ ночи переѣду въ городъ, и если Вы, Батюшка, будете находиться въ Царскомъ Селѣ, то я осмѣлюсь вечеромъ увидѣться съ Вашимъ Величествомъ.

Капиталъ военнаго поселенія составился Вашимъ, Батюшка, распоряженіемъ, слѣдовательно и употребленіе его совершенно зависитъ отъ воли Вашей, а мое мнѣніе о деньгахъ такое, что онѣ учреждены, кажется, не для того, чтобъ лежать, но для употребленія, а особливо для помощи въ нуждахъ добрымъ людямъ. Слѣдовательно—назначенную Вами, Батюшка, сумму, въ 500 тысячъ рублей, очень возможно выдать изъ капитала военнаго поселенія.

Но денегъ я къ Вашему Величеству не могу съ симъ фельдъегеремъ прислать, ибо я никогда казенныхъ денегъ недержу у себя ни одного рубля, а на какія употребленія для раздачи въ поселеніяхъ безъ чего обойтиться нельзя, издерживаю по возможности свои собственныя, разумѣется небольшія суммы, потому что и весь мой годовой доходъ состоитъ изъ 70 тысячъ рублей, включая въ оное число и получаемое мною отъ Васъ жалованье и столовые 18 тысячъ рублей.

Всѣ денежныя суммы находятся всегда въ Экономическомъ Комитетѣ, но оный, по моему приказанію, не смѣетъ у себя держать налич-

ныхъ денегъ болѣе какъ для необходимыхъ расходовъ, что показываетъ прилагаемая у сего послѣдне мною полученная дневная записка, а прочія всѣ суммы находятся въ Ломбардѣ: то я нынѣ-же предписалъ Комитету требовать изъ Ломбарда въ нѣсколько пріемовъ означенную сумму 500 тысячъ рублей, и по мѣрѣ полученія изъ онаго, я буду ихъ представлять лично къ Вамъ, Батюшка. А первые 200 тысячъ рублей можно будетъ изъ наличныхъ въ Комитетѣ, немедленно по пріѣздѣ моемъ къ Вамъ, представить, и обо всемъ ономъ я донесу Вамъ, Батюшка, при первомъ личномъ моемъ представленіи.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный.

1822.

Февраля 9-го.

Батюшка, Ваше Величество!

Я во вторникъ въ Комитетѣ Гг. министровъ занемогъ и на силу могъ пріѣхать домой, и лежалъ въ постелѣ цѣлый вчерашній день. Сегодня, хотя мнѣ немного и легче, но я не могу ѣхать въ Царское Село, ни сегодня, ни завтра, въ чемъ и прошу Вашего себѣ извиненія.

Апрѣля 24-го, въ 10 час. вечера.

Батюшка, Ваше Величество!

Я болѣе-бы ни для чего не желалъ себѣ здоровья, какъ только для того, Батюшка, чтобъ мнѣ служить Вамъ; вѣрьте истинному Богу, что я чувствую Вашу къ себѣ милость и цѣню ее какъ вѣрный Вашъ сынъ и слуга.

Боль моя въ груди не проходитъ, а особливо ввечеру я чувствую жаръ и потъ, а ночь имѣлъ я лихорадку съ ознобомъ. Я безпрестанно вчерась и сегодня былъ почти весь день на воздухѣ и стараюсь себя перемогать; сегодня ѣздилъ съ Даллеромъ въ дрожкахъ, но при семъ движеніи чувствую боль сильнѣе. Молюсь Богу, дабы онъ меня облегчилъ для службы моему отцу и благодѣтелю Александру Павловичу.

Мая 5-го. Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю Васъ, Батюшка, за присылку ко мнѣ Якова Васильевича Виле; онъ меня успокоилъ, что я, отдохнувъ, буду въ состояніи опять служить моему благодѣтелю Александру Павловичу, и сіе самое уже меня чрезвычайно порадовало. Молюсь Богу, дабы сохранилъ Ваше здоровье при безпрестанныхъ трудахъ Вашихъ.

Пребываю на вѣкъ чистою душею преданный Вамъ

вѣрноподданный.

Мая 11-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Имѣя по нѣкоторымъ дѣламъ, касающимся до военныхъ поселеній,

а особенно по полученному отъ графа Витта донесенію, доложить Вашему Величеству, я отправилъ оныя съ генералъ-маіоромъ Клейнмихелемъ, прося Васъ, Батюшка, принять его съ оными; онъ не займетъ Васъ болѣе получаса.

Простите меня великодушно, что я осмѣливаюсь приложить къ Вамъ копіи съ писемъ полученныхъ мною изъ Кіева отъ брата моего; я не знаю Г. губернатора, а слышалъ много хорошаго о вице-губернаторѣ, но все сіе предаю въ Ваше мудрое соображеніе, и во всемъ совершенно съ Вами, Батюшка, буду согласенъ.

Желая скораго и благополучнаго возвращенія, остаюсь до конца жизни преданный.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный.

Мая 31-го, Грузино.

Приношу Вамъ, Батюшка, вѣрноподданническую благодарность за милостивое Ваше письмо изъ Острова ко мнѣ писанное. Я не хотѣлъ безпокоить Васъ, Батюшка, письмомъ своимъ, зная, что Вы во время Вашего вояжа были много заняты. Употребляемое мною кобылье молоко дѣлаетъ мнѣ пользу, и я съ онаго времени имѣю свои припадки слабѣе, но только еще не могу хорошо спать; но совсѣмъ онымъ чувствую себя, слава Богу, лучше и завтра-же поѣду смотрѣть свои полки, а послѣ того осмотрю округи Императора Австрійскаго, Короля Прусскаго и Наслѣднаго принца, на что и употреблю 6 дней, а по возвращеніи въ Грузино намѣренъ пріѣхать около 10 числа іюня въ Царское Село поклониться Вамъ, Батюшка, ибо мнѣ очень скучно, что я такъ долго не видалъ моего единственнаго въ свѣтѣ благодѣтеля.

Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, благополучно, смирно и тихо.

Іюня 2-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше ко мнѣ расположеніе превышаетъ всякую благодарность, и я со всѣмъ душевнымъ чувствомъ моего желанія не знаю, чѣмъ и когда могу за оное заслужить. Къ одному Всемогущему Богу обращаюсь ежеминутно съ молитвою, да подкрѣпитъ Его Святая десница мое здоровье, которое не для чего инаго не будетъ употреблено до конца моей жизни, какъ къ истинному и усердному служенію моему отцу, благодѣтелю и Государю Александру Павловичу.

Сей часъ поѣду въ поселенія, ибо я назначилъ осматривать войска, а потомъ на будущей недѣлѣ пріѣду въ Царское Село съ моею благодарностію къ моему благодѣтелю.

Іюня 25-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу мою вѣрноподданную благодарность за милостивое Ваше письмо; я возвратился изъ военнаго поселенія въ пятницу, т. е. 23 чи-

сла, и признаюсь, Батюшка, я усталъ и теперь отдыхаю, а къ удивленію моему замѣчаю, что старость иногда оспариваетъ и самое усердіе.

Но утѣшаю себя тѣмъ, если я угодилъ Вашему Величеству. Деньги 10 тысячъ рублей мною получены, а я на вѣкъ пребуду вѣрноподданный.

Іюля 1-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Я виноватъ, Батюшка, предъ Вами. Послѣ возвращенія моего изъ военнаго поселенія, по обыкновенію моему печатавъ самъ пакетъ къ Вашему Величеству, позабылъ вложить пространную меморію, которая и осталась здѣсь у меня, въ чемъ и прошу у Васъ, Батюшка, милостиваго прощенія, ибо я себя за оное уже наказалъ лишнимъ припадкомъ, дабы впредь онаго не случалось.

При семъ отправляю вновь приготовленныя меморіи.

Инвалиды за скотомъ я полагаю уже прибыли въ Царское Село; а Клейнмихеля, я, Батюшка, не отправляю, потому, что съ 25-го числа іюня ожидаю всякій день генерала Рауха, и коль скоро покажу ему военное поселеніе, то вслѣдъ за нимъ и генерала Клейнмихеля отправлю съ дѣлами, которыя всѣ уже приготовлены.

Молоко я, Батюшка, регулярно пью каждый день, и оно мнѣ дѣлаетъ примѣтную пользу. Повторяя мое извиненіе, пребуду на вѣкъ

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный.

Іюля 17-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю, Батюшка, за милостивое награжденіе Ваше поселеннымъ войскамъ отряда Новгородскаго; они по усердію своему достойны Вашей милости.

Въ прошедшую субботу я возвратился изъ карабинерныхъ поселеній, и нашелъ тамъ, слава Богу, все хорошо и смирно.—Ученьемъ былъ также доволенъ; оба баталіона учились съ порохомъ.

Урожай хлѣба не хорошъ, но, слава Богу, тамъ нѣтъ скотскаго падежа; а во всѣхъ прочихъ гренадерскихъ полкахъ оный очень свирѣпствуетъ.

Августа 30-го.

Батюшка, Ваше Величество!

Великій сей день для меня, по чувствамъ приверженной души моей къ Особѣ Всеавгустѣйшаго моего благодѣтеля, провожу я въ военномъ поселеніи, какъ въ мѣстѣ, Вами, Батюшка, вновь сотворенномъ, и сейчасъ возвратился изъ Храма Божія, гдѣ съ чистою вѣрою и усердною молитвою просилъ Бога о продолженіи здоровья Вашего и о совершеніи всѣхъ желаній Вашихъ, а здѣсь осмѣлился обезпокоить Васъ, Батюшка, сими строками, не пышными, но усердными, дабы поздравить моего Государя и благодѣтеля съ днемъ Его Ангела.

Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, все благополучно, смирно и

тихо. Генералъ-маіора Клейнмихеля отправилъ я во 2-ю уланскую дивизію.

Знатные посѣтители мои, графъ Кочубей и Сперанскій, были въ поселеніяхъ. Я имъ показалъ устройство двухъ полковъ, моего имени и Его Величества Короля Прусскаго, и графъ Кочубей объяснился, что какое произвело на него чувствіе осмотръ военныхъ поселеній, то будетъ объ ономъ писать къ Вашему Величеству.

Отправлено 1 сентября, изъ С.-Петербурга.

Октября 13-го, Гатчино

Батюшка, Ваше Величество!

Генералъ-маіоръ Клейнмихель возвратился изъ Харькова. Онъ нашелъ въ поселенной 2-й уланской дивизіи, благодаря Бога, все въ хорошемъ положеніи, какъ изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ оригинальнаго его рапорта. Мелкія-же сдѣланныя имъ замѣчанія есть мое дѣло исправить, о коихъ я и не безпокою Ваше Величество.

Генералъ Эссенъ, слава Богу, выздоровѣлъ и вступилъ въ командованіе дивизіею, чему я очень радъ.

Урожай хлѣба въ оныхъ поселеніяхъ былъ очень хорошій.

Впрочемъ, слава Богу, Батюшка, и во всѣхъ поселеніяхъ благополучно, смирно и тихо.

Благодарю, Батюшка, за милостивое Ваше письмо, и молюсь ежедневно, дабы поскорѣе къ намъ обратно возвратились.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни

вѣрноподданный.

Ноября 3-го.

Зять статсъ-секретаря Муравьева, Картмазовъ, находившійся въ Лугѣ городничимъ, а послѣ предсѣдателемъ Новгородской гражданской палаты, переведенъ по несогласію съ губернаторомъ въ Херсонскую гражданскую палату. Но какъ онъ дѣйствительно сдѣлался болѣнъ, то и увольняется нынѣ отъ должности съ пенсіономъ. Г. Муравьевъ проситъ о назначеніи ему пенсіона, вмѣсто опредѣляемыхъ Комитетомъ Министровъ 840 рублей, то жалованье, какое онъ получалъ въ Новгородской губерніи—1375 рублей.

Ноября 30-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Приближающійся день Вашего рожденія есть въ мірѣ семъ день моего благополучія. По сему-то и не могу удержать желанія моего и не принести Вамъ, Батюшка, мое отъ истиннаго сердца поздравленіе. Прошу Господа Бога, да продлитъ жизнь Вашу, да укрѣпитъ здоровье Ваше, на перенесеніе тяжкихъ трудовъ при нынѣшнихъ лукавыхъ человѣческихъ мысляхъ и дѣяніяхъ. Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, Батюшка, все благополучно, смирно и тихо, за что ежедневно приношу благодареніе Богу. Я увѣренъ, что Вы, Батюшка въ теченіи моей службы, изволили замѣтить во мнѣ всегда истинное желаніе въ исполненіи приказаній Вашихъ, почему и нынѣ уладивъ съ

Г. Сперанскимъ о учрежденіи коммиссіи для пересмотра положенія о военныхъ поселеніяхъ, представляю при семъ въ пакетѣ подъ № 1-мъ общій нашъ о семъ докладъ, а одобреніе его изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ въ оригиналѣ письма.

При представленіи сего доклада, я долженъ просить у Васъ, Батюшка, о награжденіи извѣстныхъ Вамъ трехъ человѣкъ, изъ коихъ, Батюшка, Г. Самбургскій дѣйствительно заслуживаетъ представленной награды, ибо, во все время несчастнаго и безвиннаго его терпѣнія, онъ всею душею трудился при составленіи всѣхъ положеній до военнаго поселенія касающихся, то и нахожу нужнымъ ободрить его, дабы не лишиться нужнаго и способнаго человѣка.

На сихъ дняхъ умеръ управлявшій дѣлами Комитета Министровъ Сухопрудскій; я въ немъ потерялъ добраго себѣ помощника; теперь мнѣ и по симъ дѣламъ надобно будетъ обращать особый надзоръ.

Позвольте, Батюшка, сказать нѣсколько словъ и о себѣ.

Боль моя въ груди возобновилась во всей ея силѣ, съ наступленіемъ сырой погоды, и не даетъ мнѣ ночью пользоваться нужнымъ для подкрѣпленія силъ сномъ.

Но надежда и упованіе мое Богъ, а утѣшеніе—обожаемый мною Монархъ и благодѣтель Александръ Павловичъ.

1823.

Марта 13-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Императорское Величество!

Я почелъ нужнымъ донести Вашему Величеству чрезъ нарочнаго офицера о слѣдующемъ:

1. Дорога до Чудова очень хороша на колесахъ.

2. Дорога отъ Чудова до Грузина очень дурна. На саняхъ невозможно, а на колесахъ весьма грязно: по новой дорогѣ послѣднія пять верстъ, а по старой дорогѣ цѣлая половина.

3. Самая рѣка Волховъ въ такомъ положеніи, что по оной въ колпскѣ переѣхать опасно, а должно перейтить пѣшкомъ по сдѣланнымъ мосткамъ.

4. Дорога изъ Грузина до военнаго поселенія хороша и безопасна, а должно только будетъ въ двухъ мѣстахъ, по множеству снѣга, для лучшей удобности, проѣхать верстъ пять въ одну лошадь на саняхъ, которыя мною и приготовлены.

Въ военномъ поселеніи все, слава Богу, благополучно, и солдаты всѣ желаютъ видѣть Ваше Величество.

Желаніе грузинскаго хозяина—имѣть у себя почитаемаго имъ всѣмъ сердцемъ своего Государя и благодѣтеля, есть безпредѣльно, только-бы, по дурной вышеописанной дорогѣ, не было безпокойно Вашему Величеству.

Апрѣля 25-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу мою вѣрноподданную благодарность за милостивое письмо

Ваше; я не смѣлъ писать къ Вашему Величеству, но сердце и мысли мои всегда заняты моимъ Государемъ и благодѣтелемъ.

Присланный Вашимъ Величествомъ аудиторіатскій докладъ дѣйствительно долженъ быть разсмотрѣнъ въ военномъ департаментѣ совѣта, почему, дабы не обременить Васъ, Государь, особымъ приказаніемъ, я и оставилъ оный у себя, для внесенія заведеннымъ порядкомъ.

При семъ представляю Вашему Величеству положеніе о Тульскомъ оружейномъ заводѣ, съ выпискою изъ онаго, которую, прочитавъ, Вы изволите увидѣть все содержаніе онаго, тѣмъ болѣе, что оно не заключаетъ ничего касающагося до оружейниковъ.

Въ военныхъ поселеніяхъ все, слава Богу, благополучно.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни

вѣрноподданный.

Апрѣля 28-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Представляю при семъ проектъ указа о Г. Миницкомъ, вновь написанный, сходно съ тѣмъ, который былъ писанъ для Клокачева, въ копіи у сего также прилагаемый.

Я получилъ на сихъ дняхъ письмо барона Кампенгаузена, которое показалось мнѣ приличнымъ довести и до Вашего, Батюшка, свѣдѣнія. Оно прилагается въ копіи единственно для того, чтобъ удобнѣе можно было оное прочитать.

Приказаніе Ваше о крестинахъ у головы Чудовскаго будетъ мною исполнено.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный.

Іюня 28-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Императорское Величество!

Сегодня пріѣхалъ изъ поселенія; все готово къ принятію нашего Всемилостивѣйшаго Государя Императора; но боюсь, Батюшка, дождей, которые у насъ сдѣлали ужасную грязь, такъ что дѣлать линейнаго ученья на парадныхъ новыхъ мѣстахъ совсѣмъ невозможно.

Въ воскресенье 1-го числа остаюсь здѣсь у обѣдни, и буду просить Бога о хорошей погодѣ, а послѣ обѣда поѣду въ поселеніе и возвращусь въ понедѣльникъ, ввечеру.

Грузинскій хозяинъ испрашиваетъ позволенія кормить своего благодѣтеля своею кухнею, какъ въ Грузинѣ, такъ и въ поселеніяхъ.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный.

Іюня 29-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Отдавъ въ храмѣ Божіемъ чувства душевной благодарности памяти сегодняшняго именинника, который, предстоя у Престола Божія, конечно видитъ истинную любовь и преданность къ Августѣйшему Его

преемнику, того подданнаго, котораго угодно ему было еще при жизни своей къ нему приблизить, съ приказаніемъ быть ему вѣрнымъ слугою. Я исполняю оное въ полной мѣрѣ душевнаго моего расположенія, и благодарю ежедневно Бога за милостивое Вашего Величества ко мнѣ расположеніе.

Присланныя бумаги графа Кочубея и князя Лобанова прочиталъ. Я всегда удивляюсь симъ людямъ, что они не могутъ отвыкнуть отъ интригъ и обмановъ. Видно справедлива старинная пословица, что привычка у человѣка вторая есть его натура.

Я безпрестанно молюсь Богу о погодѣ, ибо проливные дожди помѣшаютъ въ настоящемъ видѣ представить усердные наши труды моему благодѣтелю.

Прошу, Батюшка, отмѣнить присылку Вашей кухни въ карабинеры, ибо я уже все распорядилъ, и Вы меня онымъ изволите обидѣть, а прикажите ей только выѣхать въ день возвращенія Вашего Величества отъ Маркиза.

Іюля 16-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу, Батюшка, Вамъ вѣрноподданную и истинную благодарность за милостивое вниманіе Ваше къ трудамъ моимъ, которые и впредь будутъ посвящены Вамъ, Батюшка, до самой крайней возможности моего здоровья.

Посылаю съ начальникомъ штаба всѣ бумаги, касающіяся до смотра, къ Высочайшему Вашему усмотрѣнію.

Я долгомъ имѣю просить Вашего Величества о награжденіи генералъ-маіора Клейнмихеля, какъ усерднаго слугу Вашего, орденомъ Св. Анны первой степени, чѣмъ самымъ Вы изволите усугубить его стараніе.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни

вѣрнѣйшій Вашъ
вѣрноподданный.

Августа 3-го, Округъ гренадерскаго Е. В. Короля Прусскаго полка.

Батюшка, Ваше Величество!

Присланный фельдъегерь нашелъ меня въ военныхъ поселеніяхъ.

Какъ Вы, Батюшка, утро 6-го числа, изволите быть заняты Преображенскимъ праздникомъ, то я и пріѣду въ С. Петербургъ, на Каменный Островъ, по полудни въ шесть часовъ.

Сентября 21-го, Кіевъ.

Батюшка, Ваше Величество!

Во первыхъ, приношу мою вѣрноподданную благодарность за милостивое Ваше обо мнѣ попеченіе во время пребыванія моего въ Свитѣ Вашего Величества. Во вторыхъ, представляю при семъ полученную мною записку о послѣднихъ дняхъ жизни почтеннаго барона Камменгаузена, въ которой изволите усмотрѣть просьбу его къ Вашему Ве-

личеству, препорученную имъ моему у Васъ ходатайству. По честности правилъ сего человѣка, мы съ нимъ были друзьями, слѣдовательно полученное мною о его смерти извѣстіе (въ Гомелѣ у дряхлаго Канцлера) меня очень огорчило.

Ваше Величество потеряли въ немъ также хорошаго слугу. Истинно по нынѣшнимъ дурнымъ временамъ, Вы мало изволите имѣть такихъ людей, что и болѣе, по моей къ Вамъ, Батюшка, привязанности, печалитъ, особливо наслышавшись въ сіе-же время отъ старика Румянцева о нынѣшнемъ времени извѣстныхъ Вамъ обыкновенныхъ черныхъ его мыслей.

Я долженъ былъ до 17-го числа пробыть въ Могилевскомъ военномъ поселеніи, а потому и пріѣхалъ сюда ввечеру, гдѣ проведу у брата 23-е число сентября, а 24-го числа, въ первый день 55-го года моей жизни, поѣду къ графу Витту.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный.

Декабря 24-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

На присланные отъ Вашего Величества доклады, я заготовилъ проекты указовъ, кои при семъ и представляю. Я не нашелъ ничего болѣе замѣтить, какъ исключилъ отъ полученія орденовъ тѣхъ чиновниковъ, коихъ чины ниже титулярныхъ совѣтниковъ, о коихъ и можно будетъ отнестись къ Герцогу для назначенія имъ другихъ наградъ. Если изволите удостоить подписаніемъ указовъ, то о подаркахъ и производствѣ мѣлкихъ статскихъ чиновниковъ, я объявлю волю Вашего Величества, чѣмъ самымъ дѣло сіе и будетъ кончено. Изъ представленныхъ къ наградамъ, не нужно-ли будетъ исключить: господъ Борейшу, о коемъ не очень идетъ хорошая слава, и Бахтурина, который былъ въ связи съ Вельяшевымъ, до будущаго времени, пока они заслужатъ лучшую о себѣ репутацію?

Благодарю, Батюшка, за милостивое Ваше ко мнѣ вниманіе; я, слава Богу, доѣхалъ хорошо, и сегодня молился Богу въ своей церквѣ, прося его о сохраненіи Вашего здоровья.

Поздравляя Васъ, Батюшка, съ завтрашнимъ праздникомъ, остаюсь на вѣкъ неизмѣннымъ,

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданнымъ слугою.

1824.

Марта 4-го, село Медвѣдь.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю покорно за Ваше милостивое письмо. Кашель мой еще продолжается, но, по крайней мѣрѣ, не дѣлается сильнѣе; да теперь, Батюшка, объ немъ и не думаю, а все мое воображеніе обращено на новое военное поселеніе, дабы сію мою службу окончить добрымъ маперомъ, куда сей часъ и отправляюсь.

Уничтоженіе кабаковъ ничего особаго непроизвело; они всѣ закрыты и продажа прекращена. Впрочемъ по сіе время доносятъ мнѣ, что довольно смирно окромѣ одной Наговской волости, гдѣ начались было оказываться безпорядки, а потому и расположили въ оной немедленно излишнее число баталіоновъ. Губернаторомъ я отмѣнно доволенъ; онъ исполняетъ свой долгъ какъ вѣрный слуга своему Государю, и кажется мы откроемъ работу надъ симъ дѣломъ Петербургскихъ жителей.

О просьбѣ генералъ-маіора Эссена, пріѣхать въ С. Петербургъ, я докладывалъ Вамъ, Батюшка, еще въ то самое время, когда Вы изволили наградить его орденомъ.

Я здѣсь нашелъ генералъ-маіора Палицына совершенно неспособнымъ быть бригаднымъ командиромъ въ округахъ карабинерныхъ полковъ, по ограниченности его головы, и онъ самъ убѣдительно меня проситъ о помѣщеніи его бригаднымъ командиромъ вторыхъ баталіоновъ на работѣ находящихся. Увидя, что онъ, въ теченіи двухъ-недѣльнаго здѣсь пребыванія, ничего не могъ сообразить въ своемъ понятіи, испрашиваю посылаемою у сего особою докладною запискою о перемѣнѣ его генералъ-маіоромъ Самбурскимъ, который можетъ занять сіе мѣсто, а полковникъ Вахарловскій не можетъ здѣсь оставаться и потому, что онъ моложе полковаго командира 1-го карабинернаго полка, полковника Леонтьева.

Вашего Императорскаго Величества, до конца моей жизни, пребуду истинно вѣрноподданный.

Марта 4-го, Старая Руса.

Благодарю, Батюшка, Ваше Величество, за милостивое Ваше наставленіе, касательно осторожности противъ пріѣзжающихъ сюда гостей. Она дѣйствительно весьма въ нынѣшнія времена нужна, доказательствомъ чему послужить можетъ, какъ Вашему Величеству, такъ и мнѣ самому, посылаемый у сего къ Вамъ, Батюшка, подлинный допросъ одного крестьянина, поступающаго нынѣ въ военное поселеніе, въ коемъ изволите найтить высшаго и нижняго класса людей, знакомыхъ Вашему Величеству.

Инженернаго корпуса штабсъ-капитанъ Кроль и форстмейстеръ Рейнгартенъ назначены мною для здѣшняго поселенія, и по моему приказанію пріѣхали сюда.

Г. Веригинъ долженъ быть самый тотъ, котораго Вы изволите именовать. Я его также знаю съ весьма не хорошей стороны, но только его здѣсь кажется не было, а я приказалъ узнать—не пріѣзжалъ-ли онъ въ Новгородъ.

Г. полковника Аклечеева я лично не знаю, но уже одна фамилія сія заставляетъ меня опасаться его, ибо покойный сего имени извѣстенъ Вамъ, Батюшка, по участію своему въ происшествіи 11 марта. Генералъ-маіоръ Аклечеевъ былъ, говорятъ, сему полковнику родной дядя, и оставшееся послѣ него имѣніе, сказываютъ мнѣ, находится въ здѣшнемъ уѣздѣ, то я и приказалъ обо всемъономъ порядочно развѣдать.

Съ Божіею помощію, на коего всегда во всѣхъ производимыхъ мною дѣлахъ возлагаю упованіе мое, сего числа въ двухъ волостяхъ

Наговской и Спасской, при собраніи жителей, прочитанъ былъ указъ и объявлено имъ дѣйствительное поступленіе ихъ въ военное поселеніе.

Сія церемонія окончилась тихо, смирно и безъ малѣйшаго безпорядка и происшествія. Я благодарю Бога, что онъ наставилъ меня въ сей новой мысли, не дѣлать вдругъ обмундированія и бритья бородъ, что въ свое время исподоволь исполнится, а симъ самымъ сохранится надлежащая тишина и спокойствіе.

Завтра поутру, въ 6 часовъ, поѣду я въ другія двѣ волости, по самой дурной испортившейся дорогѣ, но совсѣмъ тѣмъ долженъ буду въ одинъ день сдѣлать 120 верстъ въ пошевняхъ въ одну лошадь, ибо иначе уже никакъ ѣхать нельзя.

Отправляю при семъ къ Вамъ, Батюшка, три указа къ подписанію, ибо оное распоряженіе нужно нынѣ-же сдѣлать.

Болѣе теперь ничего не имѣю донести Вамъ, Батюшка, какъ только окончу тѣмъ, что всякое трудное для меня дѣло легко мнѣ выполнять, если я оное исполняю по препорученію Вашему.

Пребываю до конца жизни истинный вѣрноподданный.

Марта 13-го, Старая Руса.

Съ душевнымъ благодареніемъ къ Богу, помогающему исполнять намѣренія Государя моего, я съ пріятнымъ удовольствіемъ имѣю счастіе Вамъ, Батюшка, донести, что указъ о поступленіи всѣхъ жителей въ военное поселеніе, съ раздѣленіемъ оныхъ на 12 округовъ поселенныхъ полковъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, во всѣхъ десяти волостяхъ объявленъ.

Воля Вашего Величества во всѣхъ оныхъ волостяхъ мною была растолкована, а равно и собственная польза ихъ, состоящая въ сохраненіи при себѣ безотлучно семействъ своихъ, послѣ чего я не имѣлъ надобности, не только употребить какое либо военное принужденіе, но даже и сдѣлать строгаго выговора добрымъ русскимъ подданнымъ.

Восемь волостей я лично самъ объѣхалъ, послѣднія-же двѣ, Ляховицкую и Воскресенскую, по причинѣ боли въ груди происшедшей отъ большаго сотрясенія при ѣздѣ въ пошевняхъ по испорченной дорогѣ, гдѣ должно было ѣхать объѣздами, по канавамъ и кочкамъ, я уже объѣхать не могъ, но выбранные жители оныхъ волостей, по объявленіи указа, были мною лично въ Старой Русѣ успокоены въ семъ новомъ состояніи.

Объявленіе сіе окончано 9 марта, но я съ намѣреніемъ промедлилъ, симъ моимъ до сего числа Вамъ, Батюшка, донесеніемъ, дабы удостовѣриться въ спокойномъ расположеніи жителей, и въ теченіи сихъ трехъ дней, ни откуда донесеній о безпокойствахъ не получено; а вездѣ, слава Богу, все смирно и тихо.

Окончу мое донесеніе тѣмъ, Батюшка, Ваше Величество, что весьма многотруднаго дѣла будетъ довести сіе поселеніе, по обширности его, до той степени, въ каковой находится нынѣ 1-я гренадерская дивизія, и я, при всемъ моемъ желаніи, сомнѣваюсь, по слабости моего здоровья, чтобы я могъ увидѣть лично оное въ подобномъ положеніи.

Донесеніе сіе отправляю я къ Вамъ, Батюшка, съ воспитанникомъ

моимъ, гвардіи конной артиллеріи подпоручикомъ Шумскимъ. Онъ вездѣ при объявленіи указа лично находился. Я приготовляю его, если угодно будетъ Богу, себѣ вмѣсто сына, и надѣюсь, что онъ будетъ вѣрный слуга Государю, а по тому и желательно мнѣ при жизни своей видѣть его при подобныхъ серьезныхъ занятіяхъ, дабы онъ могъ заслужить вниманіе своего Государя.

Я представляю Вамъ, Батюшка, объ окончаніи сего дѣла особый мой по формѣ рапортъ, на тотъ случай, что можетъ быть угодно Вамъ оный будетъ отдать въ Главный Вашего Величества Штабъ, дабы прекратить С.-Петербургское праздноглаголаніе.

7-го Апрѣля.

Христосъ Воскресе!

Батюшка, Ваше Величество!

Сей часъ получилъ я извѣстіе объ оказанной мнѣ милости назначеніемъ моего Шумскаго флигель-адъютантомъ. Первое мое дѣло было— идти въ церковь и пасть на колѣна въ храмѣ Божіемъ за Государя моего, коему посвятилъ всю мою жизнь, и тѣломъ, и душою.

Примите, Батюшка, мою сыновнюю Вамъ благодарность. Я буду всегда просить Бога, дабы Онъ Всевышній увѣрилъ Васъ, Батюшка, что нѣтъ въ мірѣ другаго человѣка, который-бы болѣе меня былъ Вамъ преданъ.

Цѣлую Ваши руки. Остаюсь на вѣкъ

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

графъ Аракчеевъ.

Іюня 1-го. Округъ посел. гренадерскаго Е. В. Короля Прусскаго полка.

Батюшка, Ваше Величество!

Присланный отъ Вашего Величества нашелъ меня въ военномъ поселеніи, гдѣ я дѣлаю смотръ всѣмъ войскамъ. Вчерась оное происходило въ полку моего имени, а сегодня въ полку Е. В. Короля Прусскаго. И такимъ образомъ я буду объѣзжать до 13-го числа сего мѣсяца, а къ 15-му числу располагаю пріѣхать въ Царское Село донести Вамъ, Батюшка, по дѣламъ службы и получить приказаніе Ваше въ разсужденіи пріѣзда, Батюшка, Вашего.

Іюня 9-го.

Батюшка, Ваше Величество!

Полученныя мною бумаги всѣ окончаны и отправлены съ симъ-же фельдъегеремъ по принадлежности куда слѣдуетъ.

Замѣчаніе Ваше, Батюшка, по новому банку, сдѣланное на счетъ уравненія Москвы съ Петербургомъ, весьма справедливо, и я совершенно съ онымъ согласенъ. Но, кажется, лучше оное исправить особымъ дополнительнымъ положеніемъ, нежели передѣлывать сіе, утвержденное уже Вашимъ Величествомъ положеніе, что самое будетъ сход-

но и съ правиломъ о семъ упоминаемомъ въ самомъ положеніи банка, то я меморію Совѣта со всѣми бумагами неудерживая, отправляю съ симъ-же фельдъегеремъ къ Г. Оленину въ особомъ пакетѣ.

Сосѣдъ мой Путятинъ дѣтей не имѣетъ, окромѣ двухъ сыновей; слѣдовательно и просьба поданная о принятіи дочери должна быть не его, а другаго Путятина.

Окончивъ Ваши, Батюшка, приказанія, скажу нѣсколько словъ и о военныхъ поселеніяхъ. По милости Божіей, вездѣ, слава Богу, все хорошо, смирно и спокойно. Я самъ ѣздилъ и въ Старую Русу, гдѣ новые поселяне кажется довольны своимъ положеніемъ. Перепись продолжается съ большимъ вниманіемъ и разборчивостію. Я тружусь съ удовольствіемъ, ибо сіе пріятно тому, кому я продолжаю мое служеніе близко тридцати лѣтъ.

Подвигаясь къ шестидесятымъ годамъ своей жизни, человѣкъ долженъ всегда ожидать разныхъ въ своемъ физическомъ положеніи перемѣнъ. Окромѣ моихъ грудныхъ припадковъ, открылась у меня слѣпота въ глазахъ; каждое утро я не могу около получаса видѣть и читать, но послѣ оное проходитъ. Я не ропщу на оное, ибо глаза мои довольно работали, а и объ Васъ, Батюшка, я увѣренъ, что вы стараго слугу своего, и слѣпаго, будете любить.

На сей недѣлѣ окончу мое путешествіе, а въ субботу къ ночи намѣренъ пріѣхать въ Царское Село.

Вашего Императорскаго Величества до конца моей жизни.

Іюля 10-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу Вамъ, Батюшка, мою душевную благодарность за милостивое Ваше ко мнѣ вниманіе во время смотра Вашего Величества. Истинно увѣряю Васъ, Батюшка, что я все, что только могу, то дѣлаю съ усердіемъ.

Дабы Ваше Величество были довольны симъ новымъ заведеніемъ, отправляю къ Вамъ, Батюшка, съ разными дѣлами начальника штаба, генералъ-маіора Клейнмихеля. Прошу его принять милостиво, ибо онъ по своему усердію сіе заслуживаетъ.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни пребуду истинно вѣрноподанный.

Іюля 20-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Вчерась возвратился ко мнѣ генералъ-маіоръ Клейнмихель и объявилъ мнѣ о милостивомъ Вашего Величества меня награжденіи производствомъ Шумскаго. Я спѣшу, Батюшка, принесть Вамъ мою вѣрноподанную благодарность. Сего числа пріѣхалъ ко мнѣ Преосвященный Митрополитъ Серафимъ, котораго, по желанію его, завтра везу самъ по военнымъ поселеніямъ, гдѣ онъ располагаетъ 22-е число служить самъ въ округѣ Его Величества Короля Прусскаго полка, въ новой церквѣ. Я въ оный день буду въ новомъ семъ храмѣ молиться Богу о Вашемъ, Батюшка, и дражайшей Вашей родительницы здоровьѣ,

поздравляя Ея Императорское Величество съ наступающимъ днемъ Ангела.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни вѣрноподданный.

Августа 21-го, Старая Руса.

Батюшка, Ваше Величество!

Отъ усерднаго сердца и чистаго помышленія поздравляю Васъ, Батюшка, съ днемъ Вашего Ангела, прося Всевышняго Бога, дабы онъ сохранилъ Васъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, и ниспослалъ-бы Ангела своего хранителя подкрѣпить здоровье Ваше для перенесенія трудовъ Вашихъ, кои мнѣ болѣе всѣхъ другихъ Вашихъ подданныхъ извѣстны. Я день Вашего Ангела еще проведу въ здѣшнихъ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ, слава Богу, смирно, спокойно и начинаетъ показываться въ людяхъ уже военный видъ. Извѣстные Вашему Величеству бѣглые являются, и весьма мало остается еще не возвратившихся; а извергъ человѣческій, покусившійся на жизнь своихъ дѣтей, о коемъ я докладывалъ Вашему Величеству, найденъ въ болотахъ умершимъ, какъ полагать должно, отъ голода.

Урожай хлѣба и льна въ здѣшнемъ военномъ поселеніи нынѣшній годъ очень хорошъ, такъ что давно такого не было. Сія милость Божія, утѣшая военныхъ поселянъ, споспѣшествуетъ новому сему учрежденію; но, напротивъ того, изъ представленныхъ отъ меня записокъ, изволите, Батюшка, усмотрѣть, что саранча опустошаетъ поля и луга не только у графа Витта, но даже оказалась въ Слободско-Украинской губерніи, въ поселеніи 3-й уланской дивизіи.

Я здѣсь теперь занимаюсь трудною работою о расположеніи полковыхъ штабовъ, и буду онымъ заниматься столько, сколько уже силъ моихъ будетъ, дабы учредить оное самымъ лучшимъ образомъ, какъ только мѣстоположеніе онаго позволитъ.

На вѣкъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Ноября 8-го, С.-Петербургъ.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю Васъ, Батюшка, за память обо мнѣ. У меня ничего не случилось, ибо вода не доходила до моего дома; но я не могъ спать всю ночь, зная Ваше душевное расположеніе, а по тому и увѣренъ самъ въ себѣ сколь много Ваше Величество страдаете теперь о вчерашнемъ несчастіи. Но Богъ, конечно, иногда посылаетъ подобныя несчастія и для того, чтобы избранные его могли еще болѣе показать страдательное свое попеченіе къ несчастнымъ. Ваше Величество, конечно, употребите оное въ настоящее дѣйствіе. Для сего надобны деньги, и деньги неотлагательныя, для подачія помощи бѣднѣйшимъ, а не богатымъ. Подданные Ваши должны Вамъ помогать; а по тому и осмѣливаюсь представить Вамъ мои мысли.

Вашимъ, Батюшка, благоразумнымъ распоряженіемъ съ моими малыми трудами составленъ довольно знатный капиталъ военнаго поселенія. Я по званію своему не требовалъ изъ онаго даже столовыхъ себѣ

денегъ. Нынѣ испрашиваю въ награду себѣ отдѣлить изъ онаго капитала одинъ милліонъ на пособіе бѣднѣйшимъ людямъ. За что, конечно, Богъ поможетъ дѣлу сему, съ пользою для отечества и славою Вашего Величества, еще лучшимъ образомъ въ исполненіи своемъ продолжаться.

Учредите, Батюшка, Комитетъ изъ сострадательныхъ людей, дабы они немедленно занялись помощію бѣднѣйшимъ людямъ. Они будутъ прославлять Ваше имя; а я, слыша оное, буду имѣть лучшее на свѣтѣ семъ удовольствіе.

Вашего Императорскаго Величества до конца моей жизни

вѣрноподданный.

1825.

Января 3-го, Старая Руса.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу Вашему Императорскому Величеству изъ глубины души моей истинную и нелицѣмѣрную христіанскую благодарность. Сіе Ваше къ подданному своему вниманіе обновляетъ у него притупляющіяся его силы и дѣлаетъ еще для Вашего Величества полезнымъ работникомъ.

Въ военныхъ поселеніяхъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, слава Богу, все благополучно, смирно и тихо, но со всѣмъ онымъ сія огромная машина требуетъ сильнаго труда и крѣпкаго здоровья. Я здѣсь нахожусь съ 28 числа декабря и не прежде 5 генваря могу выѣхать, послѣ чего долженъ еще осмотрѣть поселенные полки 1-й гренадерской дивизіи, такъ что я въ мое милое Грузино не прежде могу возвратиться какъ 10 генваря.

Молю Всевышняго Бога, да благословитъ онъ Вашего Императорскаго Величества на сей наступающій новый годъ новымъ здоровьемъ, новыми вѣрными подданными къ облегченію многотруднаго Вашего прехожденія, и да ниспошлетъ онъ Духа Святаго съ новымъ увѣреніемъ о нелицемѣрной преданности стараго слуги, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнаго.

Апрѣля 8-го, С.-Петербургъ.

Батюшка, Ваше Величество!

Представляю къ Вашему Величеству письмо князя Лопухина, которое онъ просилъ меня отправить къ Вашему Величеству, и вмѣстѣ съ онымъ проситъ князь Лопухинъ позволенія отлучиться ему изъ С.-Петербурга, то я и прилагаю проектъ ему рескрипта.

Сенаторъ Соймоновъ весьма кажется чувствуетъ Вашу милость въ назначеніи 25 тысячъ рублей, о чемъ я и прилагаю проектъ указа.

Припадки мои увеличиваются въ такомъ градусѣ, что съ 6-го на 7-е число ночью, окромѣ своего Даллера, долженъ былъ послать просить Гейрота.

Сегодня положили они сдѣлать Консиліумъ, приглася еще Г-на Елизена.

Я одного боюсь, что если мои припадки доведутъ меня до такого положенія, что я не въ состояніи буду исполнять моихъ обязанностей,

кои я всегда съ удовольствіемъ и полнымъ раченіемъ, по душевной моей привязанности къ Вашему Величеству, исполняю.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный.

Апрѣля 17-го, С.-Петербургъ.

Батюшка, Ваше Величество!

Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, вездѣ смирно и тихо. Но графъ Виттъ доноситъ, что въ первыхъ числахъ сего мѣсяца продолжались еще морозы и снѣгъ въ такомъ количествѣ, что существуетъ санная дорога. Обстоятельство весьма важное, ибо послѣдствіемъ онаго есть совершенный недостатокъ корму для скота во всей Херсонской губерніи, и отъ того пропадаетъ онаго большое количество; а между людьми свирѣпствуетъ цынготная болѣзнь.

Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ лично подтвердилъ о семъ въ Комитетѣ Министровъ, о чемъ нынѣ-же представляется мною особый журналъ въ числѣ комитетскихъ дѣлъ.

Я послалъ нарочнаго фельдъегеря къ графу Витту, чтобъ получить обо всемъ ономъ подробное свѣдѣніе, приказавъ удержать его у себя до тѣхъ поръ, пока откроется тамъ весенняя погода.

По Новгородскому поселенію, на сихъ дняхъ, произошло слѣдующее: Гренадерскаго Его Величества Короля Прусскаго полка два человѣка рядовыхъ 1-й гренадерской роты, 9 апрѣля, отлучились изъ полку и 14 числа явились въ С.-Петербургѣ у военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, съ жалобою на своего ротнаго командира, состоящею въ томъ, будто онъ наказываетъ ихъ очень строго.

Графъ Милорадовичъ немедленно пріѣхалъ ко мнѣ и представилъ сихъ людей. Я лично обо всемъ ихъ разпрашивалъ и отправилъ ихъ къ дивизіонному начальнику Угрюмову для преданія военному суду, предписавъ ему самому отправиться въ округъ Короля Прусскаго, сдѣлать ротѣ инспекторскій смотръ, и что окажется, донести мнѣ, для представленія рапорта его въ оригиналѣ Вашему Величеству. Ротою сею командуетъ штабсъ-капитанъ Дзерожинскій, который командовалъ оною еще до вступленія дѣйствующихъ баталіоновъ въ военное поселеніе.

Простите меня, Батюшка, если я скажу и о себѣ нѣсколько словъ; врачи мои принялись за меня лѣкарствами, но я отъ сего не имѣю облегченія и чувствую очень часто ночью свои припадки и большую слабость. Я прошусь у нихъ, дабы они меня отпустили въ Грузино, гдѣ мнѣ нужно быть и по дѣламъ военнаго поселенія.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный.

Апрѣля 30-го, Новгородъ.

Батюшка, Ваше Величество!

Хотя здоровье мое еще очень плохо поправляется, но я уже другую недѣлю объѣзжаю военныя поселенія, въ коихъ, слава Богу, все

хорошо, смирно, тихо, и я могу Бога благодарить, что любуюсь успѣхами Вашего Величества учрежденія.

Но теперь обращаюсь, Батюшка, къ Вамъ съ покорною просьбою, обратите Ваше вниманіе. Я слышу, что идетъ на работу на шоссе къ Новгороду 13-я пѣхотная дивизія, и нѣкоторые полки будутъ стоять возлѣ самаго нашего поселенія, почти вмѣстѣ съ моими войсками. Я неручаюсь теперь, чтобъ не вышло какой важной перемѣны въ поселенныхъ войскахъ, ибо въ пришедшихъ войскахъ будетъ на вѣрное слабый присмотръ и самое взысканіе, безпорядокъ въ работахъ, вольнодумство между офицерами; а всѣ сіи болѣзни столь прилипчивы, что я Вашему Величеству откровенно докладываю, что онѣ поселятся и въ военныхъ Новгородскихъ поселеніяхъ, и тогда труды Вашего Величества шести-лѣтніе пропадутъ. Я пишу сіе не столько для себя, ибо мое здоровье истинно худо, то мнѣ командовать долго не придется; но желаніе мое состоитъ въ томъ, чтобъ и послѣ меня оное молодое и несозрѣлое еще государственное заведеніе было оставлено въ истинномъ добромъ духѣ и расположеніи, а не раскрашенное и вычищенное только снаружи, и на время какого-либо смотра; я всѣ сіи мысли Вамъ допишу не одинъ, а и генералъ Угрюмовъ совершенно согласенъ съ моими, и самъ даже началъ мнѣ объ ономъ здѣсь говорить.

Желаю Вамъ, Батюшка, Ваше Величество, болѣе всего здоровье, которое дороже всего на свѣтѣ, что я знаю на опытѣ, и остаюсь на вѣки Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный.

Мая 27-го, Старая Руса.

Батюшка, Ваше Величество!

Я здѣсь въ Старой Русѣ, живу уже съ 23 числа, и доношу Вашему Величеству, что, слава Богу, все смирно, тихо и благополучно.

Прилагаю при семъ оригинальный рапортъ дивизіоннаго начальника генералъ-маіора Угрюмова, по слѣдствію бѣжавшихъ людей, явившихся въ С.-Петербургѣ у военнаго генералъ-губернатора, изъ коего усмотрите, что сіе происшествіе случилось единственно по дурному поведенію людей.

Равномѣрно представляю при семъ бумаги графа Витта и письмо графа Кочубея, по коимъ видно, что, по существующему въ Херсонской губерніи бѣдствію, военные поселяне терпятъ менѣе прочихъ жителей.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни

вѣрноподданный.

Іюля 13-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что посыланный фельдъегерскій офицеръ Лангъ привезъ сего числа, отъ графа Витта, 3-го Украинскаго уланскаго полка унтеръ-офицера Шервуда, который объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ дѣло донести Вашему Величеству касающееся до арміи, а не до поселенныхъ войскъ, состоящее

будто въ какомъ-то заговорѣ, которое онъ ненамѣренъ никому болѣе открыть, какъ лично Вашему Величеству.

Я его болѣе и не спрашивалъ, потому что онъ не желаетъ онаго мнѣ открыть, да и дѣло не касается до военнаго поселенія, а по тому и отправилъ его въ С.-Петербургъ къ начальнику штаба, генералъ-маіору Клейнмихелю съ тѣмъ, чтобъ онъ его содержалъ у себя въ домѣ и никуда не выпускалъ, пока Ваше Величество изволите приказать куда его представить. Приказалъ я Лангу и на заставѣ унтеръ-офицера Шервуда не записывать; обо всемъ ономъ всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству доношу.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

27-го Іюля, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Прилагаю Вашему Императорскому Величеству вновь полученное изъ Москвы отъ князя Голицына о Г. Мамоновѣ письмо, и вмѣстѣ съ онымъ прошу Васъ, Батюшка, разсмотрѣть проекты моихъ отношекъ Г. Мамонову и князю Голицыну, дабы мнѣ быть увѣрену, что они написаны въ томъ смыслѣ, какъ угодно было Вашему Величеству мнѣ лично въ Петергофѣ приказать

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Августа 16-го, штабъ полка Императора Австрійскаго.

Батюшка, Ваше Величество!

Генералъ-маіоръ Клейнмихель прислалъ ко мнѣ 12 числа августа съ фельдъегеремъ донесеніе о первоначальномъ его свиданіи съ Г. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, а вчерашняго числа возвратился изъ Москвы и Г. Танѣевъ, съ коимъ получены донесеніе генерала Клейнмихеля и собственноручная записка Танѣева, содержащія въ себѣ подробное изложеніе всего онаго дѣла.

Всѣ сіи бумаги при семъ къ Вамъ, Батюшка, въ оригиналѣ всеподданнѣйше представляю.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Сентября 12-го, Грузино.

Письмо, писанное графомъ на третій день случившагося въ Грузинѣ смертоубійства Настасьи Өедоровны Минкиной.

Батюшка, Ваше Величество!

Случившееся со мною несчастіе, потеряніемъ вѣрнаго друга, жившаго у меня въ домѣ 25 лѣтъ, здоровье и разсудокъ мой такъ разстроило и ослабило, что я одной смерти себѣ желаю и ищу, а по тому и дѣлами никакими неимѣю силъ и соображенія заниматься. Прощай, Батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу; друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю еще куда осиротѣвшую свою голову преклоню; но отсюда уѣду. вѣрный слуга Г. А.

Октября 1-го, Грузино.

Батюшка, Ваше Величество!

Послѣ причастія Св. Христовыхъ Таинъ, сего числа, получилъ Отцовское Ваше письмо. Приношу за оное сыновнюю мою благодарность и цѣлую Ваши руки. Письмо Ваше есть Отцовское утѣшеніе въ моей печали, и я конечно возлагаю мое упованіе на Бога, но силы мои меня оставляютъ. Біеніе сердца, ежедневная лихорадка, и три недѣли неимѣю ни одной ночи покою, а единая тоска, уныніе и отчаяніе, все оное привело меня въ такую слабость, что я потерялъ совсѣмъ память, и не помню того, что дѣлаю и говорю за нѣсколько часовъ, слѣдовательно—какія со мною будутъ послѣдствія, единому Богу извѣстно.

Единое-же мнѣ утѣшеніе нынѣ уединеніе и церковь, а по тому я и рѣшился еще остаться здѣсь до тѣхъ поръ, сколько могутъ вытерпѣть мои тѣлесныя силы.

Ахъ, Батюшка! еслибы Вы увидѣли меня въ теперешнемъ положеніи, то Вы-бы не узнали Вашего вѣрнаго слугу. Вотъ положеніе человѣка въ мірѣ семъ; единымъ моментомъ, по власти Божіей, измѣняется все человѣческое положеніе.

О поѣздкѣ моей къ Вамъ ничего не могу еще нынѣ сказать; благодарю и чувствую въ полной цѣнѣ Ваши милости, въ коихъ истинно увѣренъ, ибо Богу извѣстно, что я служилъ Вамъ честно, вѣрно и преданно. Отцовское въ письмѣ Вашемъ о мнѣ вѣрноподданномъ изрѣченіе я чувствую, но не избалуюсь отъ онаго, ибо прошу всегда Бога, дабы онъ изъ меня дѣлалъ Вамъ единственно вѣрнаго слугу.

Прилагаемое письмо Преосвященнаго Митрополита покажетъ Вамъ болѣе мое положеніе, а я прошу Бога, не о себѣ, а о Вашемъ здоровьѣ, которое необходимо для отечества въ нынѣшнее бурное время.

Описаніе о злодѣйскомъ происшествіи пришлю послѣ, если силы мои укрѣпятся, а теперь не въ состояніи онаго сдѣлать; преступники семь человѣкъ отосланы къ законному суду; легко можетъ быть, Батюшка, сдѣлано сіе происшествіе и отъ посторонняго вліянія, дабы сдѣлать меня неспособнымъ служить Вамъ и исполнять свято Вашу, Батюшка, волю, а при томъ, по стеченію обстоятельствъ, можно еще кажется заключать, что смертоубійца имѣлъ помышленіе и обо мнѣ; но Богу угодно было видно за грѣхи мои меня оставить на мученіе; сіе все мы узнаемъ въ томъ лучшемъ мірѣ, а не въ здѣшнемъ, зломъ и коварномъ.

Обнимаю заочно колѣни Ваши и цѣлуя руки Ваши, остаюсь несчастный, но вѣрный Вамъ до конца жизни, преданный слуга.

Октября 11-го, Грузино.

Благодѣтель и Отецъ мой, Ваше Императорское Величество!

Вчерась ввечеру пріѣхалъ ко мнѣ Петръ Андреевичъ Клейнмихель отдалъ мнѣ Отеческое Ваше письмо и пересказалъ всѣ Ваши, Батюшка, неизчислимыя обо мнѣ попеченія; да воздасть за все сіе Господь Богъ, а я, благодѣтель и Отецъ мой, виноватъ передъ тобою, грѣшилъ и думалъ, что въ Царскомъ званіи не можно такъ отечески заняться сво-

имъ подданнымъ, но нынѣ вижу совсѣмъ оному противное и что Господь Богъ единаго тебя даровалъ мнѣ Отца и благодѣтеля, и что я утѣшеніе ни отъ кого не вижу, кромѣ Вашего Величества, лобызаю твои колѣна и руки, предаю себя волѣ Божіей, а о моемъ положеніи донесетъ Вамъ добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель, который ночевалъ со мною въ одной комнатѣ. Господь Богъ да сохранитъ Ваше, Батюшка, здоровье, а я вѣчно преданный Вамъ сынъ и слуга

Г. А.

Октября 27-го, Грузино.

Отецъ и благодѣтель, Батюшка, Ваше Величество!

Посылаю къ Вамъ подробное описаніе бывшаго въ Грузинскомъ домѣ злодѣянія, написанное Шумскимъ по моей диктовкѣ для единаго Вашего свѣдѣнія.

Здоровье мое, Батюшка, плохо, о чемъ изволите узнать изъ Даллерова письма; всякой день становится хуже, но я переношу оное терпѣливо и стараюсь всякой день быть на воздухѣ; но біеніе сердца и жаръ и потъ ночной меня весьма разслабляютъ.

Весьма мнѣ хочется уѣхать изъ Грузина, но по сіе время еще не можно было онаго сдѣлать, а теперь хочу переѣхать въ Новгородъ, дабы тамъ пожить въ уединеніи ближе къ Фотію; если - же увижу, что болѣзнь моя будетъ увеличиваться, то уже поѣду въ Петербургъ, котораго житья я, признаюсь, боюсь, Батюшка, ибо недадутъ мнѣ покою модные наши братья. Ахъ, Батюшка, летѣлъ-бы я къ Вамъ въ Таганрогъ, ибо мнѣ ничего такъ не хочется, какъ видѣть моего благодѣтеля; но боль въ груди такъ велика становится, что боюсь въ сію дурную погоду и въ дорогу пуститься; кажется я не перенесу онаго.

Добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель живетъ въ Новгородѣ и занимается слѣдствіемъ дѣла, забравъ отъ меня почти всѣхъ дворовыхъ людей, а именно 22 человѣка.

Прощай, мой Отецъ, вѣрь, что если буду живъ, то буду тебѣ одному принадлежать, а умру, такъ душа моя будетъ помнить Вашего Величества обо мнѣ вниманіе.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Печатныя книги и рукописи, служившія источниками для Исторіи Императора Александра I.

Книги.

Біографіи Александра I-го: 1) Vie d'Alexandre I-r, empereur de Russie, par A. E. (*Adrien Eyron*); 2) Histoire d'Alexandre I-r, par *Alph. Rabbe;* 3) Histoire intime de la Russie, par *Schnitzler*. (Первыя двѣ части относятся къ жизнеописанію Александра I); 4) *Crusenstolpe*. Der russische Hof von Peter I bis auf Nicolaus I. (Четвертый томъ и часть пятаго посвящены царствованію Александра I). Всѣ эти сочиненія весьма поверхностны и полны сомнительныхъ фактовъ; лучшія изъ нихъ принадлежатъ Раббу и Шницлеру.

Записки и другія сочиненія относящіяся къ Императору Александру I и его современникамъ: Императрица Марія Ѳеодоровна, соч. *Ишимовой*.—*A. Th. von Grimm*. Alexandra Feodorovna Kaiserin von Russland.—*C—sse de Choiseul—Gouffier*. I. Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre I. II. Réminiscences sur l'empereur Alexandre I-r et sur l'empereur Napoléon.—Alexandre I-r et le prince Czartoryski. — *Lacroix*. Histoire de la vie et du règne de Nicolas I-r empereur de Russie. (Въ началѣ перваго тома есть много любопытныхъ подробностей на счетъ послѣднихъ дней Александра I) —*Minutoli*. Beiträge zu einer künftigen Biographie Friedrich Wilhelms III.—Mémoires de Louis XVIII.—*A. Ducasse*. Mémoires du roi Joseph.—Memoiren des Herzogs Eugen v. Würtemberg. — *Pertz*. Leben des Ministers Freih. v. Stein. — *Joh. Scherr*. Blücher, seine Zeit und sein Leben.—*Varnhagen v. Ense*. I. Biographische Denkmale II. Blätter aus der preussischen Geschichte.—*Masson*. Mémoires secrets sur la Russie. (Свѣдѣнія на счетъ воспитанія Великаго Князя Александра Павловича) —*C-te Stedingk*. Mémoires posthumes. (Любопытныя и безпристрастныя замѣтки о духѣ общества и разныхъ лицахъ, въ первые годы царствованія Александра I).—*Jos. de Maistre*. I. Mémoires politiques et correspondance diplomatique. II. Correspondance diplomatique, 1811—1817. (Эти сочиненія въ совокупности заключаютъ въ себѣ замѣтки на счетъ событій въ Россіи 1803—1817 годовъ, съ точки зрѣнія ультра-католика автора).—Записки адмирала *Шишкова*.—(Частью въ рукописи, частью напечатанныя въ Россіи и за границею).—Записки *Л. Н. Энгельгардта*.—*М. А. Корфъ*.

Жизнь графа Сперанскаго. (Содержитъ въ себѣ столь-же драгоцѣнные, сколько и достовѣрные, факты, на счетъ административной и законодательной частей, въ царствованіе Александра I-го).—*Е. П. Ковалевскій.* Графъ Блудовъ и его время. (При всей краткости этого сочиненія, въ немъ встрѣчаются любопытныя подробности на счетъ характера и личныхъ качествъ Императора Александра I). — Mémoires de *Tchitchagoff.* (Оправданіе его дѣйствій въ войну 1812 года).—Записки *А. П. Ермолова.*—Записки *Д. В. Давыдова* (изданныя за границею). — Жизнь *князя Мадатова.*—*Графъ Соллогубъ.* Біографія генерала Котляревскаго.—Очеркъ жизни и государственной дѣятельности *графа Канкрина.*—*И. И. Дмитріевъ.* Взглядъ на мою жизнь.—Записки *Г. Р. Державина.*—Записки *графа Комаровского* (въ Русск. Архивѣ).—*Ѳеоктистовъ.* Магницкій (въ Русск. Вѣстникѣ).—Mémoires de *Michel Oginski.*—*Wolzogen.* Memoiren.—*Droysen.* Yorks Leben. — *Villemain.* Souvenirs contemporains. — Mémoires du *duc de Rovigo* (Savary). — *Pradt.* Histoire de l'ambassade en Pologne. — *R. Wilson.* Narrative of events during the invasion of Russia.—*Charles Eynard.* Vie de madame de Krudener. — *Бантышъ-Каменскій.* Словарь достопамятныхъ людей русской земли. — *Данилевскій и Висковатовъ.* Императоръ Александръ и его сподвижники, въ войну 1812, 13, 14 и 15 годовъ. — *Lecomte.* Le général Jomini, sa vie et ses écrits. — *Словскій.* Разсказы о быломъ.

Сочиненія, относящіяся къ дипломатіи и войнамъ времени Александра I. *Михайловскій-Данилевскій.* Описаніе войнъ, веденныхъ Русскими при Александрѣ I.—*Thiers.* Histoire du Consulat et de l'empire.—Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état (*d'Alonville*). — *Koch.* Histoire abrégée des traités de paix. — *Garden.* Histoire des traités de paix. — *Gervinus.* (trad. par Minssens). Histoire du XIX siècle depuis les traités de Vienne.—*Thibaudeau.* Histoire du Consulat et de l'empire. — *Schulz.* Geschichte der Kriege in Europa seit dem Jahre 1792. — *Fr. Schoel.* Histoire abrégée des traités de paix. — *Arm. Lefebvre.* Histoire des cabinets de l'Europe, pendant le Consulat et l'Empire. — *Bignon.* Histoire de France depuis le 18 brumaire.—Lebensbilder aus dem Befreiungskriege.— *Bernhardi.* Geschichte Russlands und der europeischen Politik in den Jahren 1814—1831. — *Capefigue.* Histoire de la restauration etc. par un homme d'état. — *Ѳеоктистовъ.* Борьба Греціи за независимость.—*Соловьевъ.* I. Вѣнскій конгресъ (въ Русскомъ Вѣстникѣ). II. Эпоха конгресовъ (въ Вѣстникѣ Европы).—*Палеологъ* и *Сивинисъ.* Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи. — *Freih. v. Prokesch-Osten.* Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche. — *Chateaubriand.* Congrès de Vérone. — *D-r Herm. Reichlin.* Geschichte Italiens. — *Herm. Baumgarten.* Geschichte Spaniens. — *Swederus.* Schwedens Politik und Kriege in den Iahren 1808—1814. — Correspondance de *Napoléon.* — Dyariusz Seimu Królestwa Polskiego. 1820. — Документы для Исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами европейскими, 1815—1822. — Договоры Россіи съ Востокомъ, политическіе и торговые.

Исторіи войнъ и описаніе сраженій: *Bernhardi.* Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll.—*Dumas.* Précis des événements militaires, 1799—1807.—*Rüstow.* Der Krieg von 1805. — *V. Schladen.* Preussen in den Jahren 1806 und 1807. —*Höpfner.* Der Krieg von 1806 und 1807. — *Plotho.* Tagebuch

während des Krieges 1806 und 1807. — *Boutourlin.* Histoire militaire de la campagne de Russie. — *Chambray.* Histoire de l'expédition de Russie. — *Soltyk.* Napoléon en 1812. — *Friedr. v. Smitt.* Zur näheren Aufklärung über den Krieg von 1812. — *Ségur.* Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812. — *Clausewitz.* Der russische Feldzug von 1812. — *Fezensac.* Journal de la campagne de Russie. — *Labaume.* Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. — *Puibusque.* Lettres sur la guerre de Russie. — *Fain.* Manuscrit de 1812, 1813, 1814. — *Roos.* Ein Iahr aus meinem Leben. — *Bourgeois.* Tableau de la campagne de Moscou en 1812. — *Lemasurier.* Medicinische Geschichte des russischen Feldzuges von 1812. — *Löwenstern.* Denkwürdigkeiten eines Livländers. — *Abbé Surrugues.* Histoire de l'incendie de Moscou en 1812. — *Корбелецкій.* Краткое повѣствованіе о вторженіи французовъ въ Москву. — *Sporschill.* Die grosse Chronick. (Исторія войнъ противъ Наполеона, 1813—1815 годовъ). — *Norvins.* Portefeuille de 1813. — *Vaudoncourt.* Histoire de la guerre soutenue par les Français en Allemagne, en 1813. — *Plotho.* Der Krieg in Deutschland und Frankreich. — *Beitzke.* Geschichte der deutsche Freiheitskriege in den Iahren 1813 und 1814. — *Friccius.* Geschichte des Krieges in den Iahren 1813 und 1814. — *Odeleben.* Relation circonstanciée de la campagne de 1813. — C. v. W. (*Müffling*). I. Aus meinem Leben. — II. Zur Kriegsgeschichte der Iahre 1813 und 1814. — III. Betrachtungen über die grossen Operationen und Schlachten der Feldzüge von 1813 und 1814. — *Förster.* Befreiungskriege, 1813—1815. — *Richter.* Geschichte des deutschen Freiheitskrieges vom Iahre 1813 bis zum Iahre 1815. — *Lord Burghersh.* Memoiren über die Operationen der verbündeten Heere während des Endes 1813 und 1814. Uebers. v. Schreiber. — *Wagner.* Plane der Schlachten und Treffen, welche von der preussischen Armee in den Feldzügen der Iahre 1813, 14 und 15 geliefert worden. — *St—Cyr.* Mémoires. — *M-l Marmont.* Mémoires. — *Fr. Koch.* Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814. — Монографіи: *Hofmann.* Die Schlacht von Borodino mit einer Uebersicht des Feldzugs von 1812. — *Pelet.* Bataille de la Moscowa. — Записки *Толя* о Бородинскомъ сраженіи. — *Hofmann.* Zur Geschichte des Feldzuges von 1815. — Aus dem Tagebuch des Rittmeisters v. *Colomb.* — Geschichte des Lützowschen Freicorps. — *Aster.* I. Schilderung der Kriegsereignisse in und vor Dresden, vom 7 März bis 28 August, 1813. — II. Die Schlachten bei Leipzig im October 1813. — *Weinhold.* Dresden und seine Schicksale im Iahr 1813. — *Specht.* Das Königreich Westphalen im Iahr 1813. — *Freih. v. Völderndorf und Waradin.* Kriegsgeschichte der Baiern unter König Maximilian Joseph I. — Das Commando des Kronprinzen von Würtemberg in den Feldzügen 1814 und 1815 gegen Frankreich.

Для Исторіи администраціи и законодательства: Полн. Собр. Законовъ. — *Варадиновъ.* Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. — *H. Storch.* Russland unter Alexander dem Ersten (Свѣдѣнія о распоряженіяхъ по различнымъ частямъ государственнаго управленія, съ 1801-го по 1805-й годъ). — *Даневскій.* Исторія образованія государственнаго совѣта въ Россіи. — *Самаринъ.* Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи. — *Оленинъ.* Отчеты въ управленіи Императорскою Публичною библіотекою. — *Неволинъ.* Энциклопедія Законовѣдѣнія.

По части народнаго просвѣщенія и русской литературы: Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. —

Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія. — Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. — *Сухомлиновъ.* Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи, въ царствованіе Императора Александра I. — *Пятковскій.* Исторія русской журналистики при Александрѣ I. (Дѣло. 1868). — *Шевыревъ.* Исторія московскаго университета. — *Селезневъ.* Историческій очеркъ Александровскаго лицея. — Благородный пансіонъ Импер. Царскосельскаго лицея, 1814 — 1829 г. — *Веселаго.* Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса. — *Н. Мельницкій.* Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ сухопутнаго вѣдомства въ Россіи. — *Н. Муравьевъ.* Свѣдѣнія о московскомъ училищѣ генеральнаго штаба (въ Современникѣ). — *Галаховъ.* I. Исторія русской словесности. II. Историческая хрестоматія. — *Водовозовъ.* Новая русская литература. — *Я. Гротъ.* Сочиненія Г. Р. Державина. Объясненія. — Письма Карамзина къ Дмитріеву — *Погодинъ.* Н. М. Карамзинъ.

По части финансовъ и государственной экономіи: Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи. — *Степановъ.* Внутренній государственный кредитъ. — *W. Goldmann.* Das russische Papiergeld — Виды внѣшней торговли. — *Cancrin.* Ueber die Militärökonomie im Frieden und Krieg. — Военностатистическій сборникъ, составленный подъ редакціей генерала Обручева.

Книги и брошюры, относящіяся къ дѣйствіямъ тайныхъ обществъ: Донесенія слѣдственной коммисіи и слѣдственнаго комитета, о дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ. — *N. Tourgeneff.* La Russie et les Russes. — Записки декабристовъ (изданныя за границею). — Шервудъ. (Изъ записокъ генералъ-маіора Б. II.). — Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen (Rosen). — Записки *Греча* (въ Русскомъ Вѣстникѣ).

Рукописи:

Письма Императора Александра: къ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ; Императору Францу; Королю Фридриху-Вильгельму III; Наполеону; эрцгерцогу Карлу; Наслѣдному шведскому принцу; Королю Саксонскому Фридриху-Августу; Веллингтону, Блюхеру, Никол. Иван. Салтыкову, Никол. Петр. Румянцову, Михаилу Илар. Кутузову, Чарторыскому, графу Островскому, Барклаю де-Толли, графу Аракчееву, графу Петру Александр. Толстому, тайному сов Попову, Тормасову, Сакену, и проч.

Высочайшія повелѣнія и рескрипты:

Мих. Илар. Кутузову, Барклаю де-Толли, Беннигсену, генераль-лейт. князю Алексѣю Иван. Горчакову, кн. Дмитрію Иван. Лобанову-Ростовскому, Витгенштейну, Циціанову, Милорадовичу, Римскому-Корсакову, Сперанскому, князю Александру Никол. Голицыну, и проч.

Письма къ Императору Александру:

Короля Фридриха-Вильгельма III, Наполеона, Наслѣднаго шведскаго

принца, Михаила Илар. Кутузова, князя Чарторыскаго, графа Маркова, Никол. Никол. Новосильцова, Барклая де-Толли, Чичагова, Блюхера, Веллингтона, Штейна, Анштета, Лагарпа, Никол. Петров. Румянцова. *Донессенія Государю:* герцога Александра виртембергскаго, Кутузова, графа Маркова, Новосильцова, генерала Ласси, граф. Михаила Өедот. и Никол. Михайл. Каменскихъ, графа Буксгевдена, Барклая де-Толли, Беннигсена, Платова, гр. Никол. Петр. Румянцова, кн. Сергія Өедор. Голицына, князя Прозоровскаго, Багратіона, Александра Борис. Куракина, Тормасова, Витгенштейна, Винцингероде и князя Шварценберга. *Письма* графа Аракчеева съ 1801-го по 1825-й годъ. *Донесенія и письма* князя Циціанова. Письмо Государю Сперанскаго изъ Перми. Записки, поданныя Государю графомъ Гурьевымъ.

Письма къ Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ: Императора Александра I; князя Александра Борис. Куракина.

Переписка графа Павла Александр. Строганова съ Никол. Никол. Новосильцовымъ. — Séances du Comité. (Журналы засѣданій неофиціальнаго комитета).

Письма Императору Францу Кутузова. Письма эрцгерцога Фердинанда Кутузову и Кутузова эрцгерцогу Фердинанду. Письма Короля Саксонскаго Фридриха-Августа князю Понятовскому. Письма Великаго Князя Константина Павловича къ генералу Ермолову и генералъ-адъютанту Сипягину. Переписка Наслѣднаго шведскаго принца съ Блюхеромъ. Отзывы герцога Александра Виртембергскаго князю Волконскому. Письма князя Чарторыскаго Новосильцову и Новосильцова, графа Разумовскаго, Убри, генерала Граверта и принца Гогенлоэ князю Чарторыскому. Письмо Кутузова Милорадовичу (о сраженіи при Аустерлицѣ). — Письма Новосильцова графу П. А. Строганову. Переписка Сенявина съ графомъ Разумовскимъ и съ герцогомъ д'Абрантесъ (Жюно). Переписка Никол. Петр. Румянцова съ Каннингомъ. Переписка князя Серг. Өедор. Голицына и генер.-лейт. князя Суворова съ Понятовскимъ. Письма Румянцову: графа Никол. Михайл. Каменскаго, князя Александра Борис. Куракина, флигель-адъютанта Чернышева и князя Серг. Никол. Долгорукова. Письма князя Багратіона Ермолову и графа Растопчина князю Багратіону. Переписка Кутузова съ Растопчинымъ. Письма Никол. Петр. Румянцова князю Александру Борис. Куракину. Письма Штейна Кутузову. Переписка Беннигсена съ княземъ Волконскимъ. Письма генерала Будбергу графа Нессельрода и генерала Беннигсена. Письма графу Петру Александр. Толстому генерала Сакена. Переписка Беннигсена съ княземъ Щербатовымъ. Донесенія Кутузову графа Буксгевдена. Донесенія Кнорингу Барклая де-Толли и князю Сергію Өедор. Голицыну генер.-лейт. князя Суворова. Рапорты графу Аракчееву и Барклаю де-Толли генерала Тормасова. Рапорты князю Циціанову полковника Карягина и графу Гудовичу генералъ-маіора Небольсина. Рапорты Тормасову и Паулуччи Котляревскаго. Письма графа Разумовскаго графу Нессельроду. Переписка Іорка съ генераломъ Паулуччи. Отзывы Сакена князю Волконскому. Донесенія Кутузову: Милорадовича, Тормасова, Платова, князя Дмитрія Владим. Голицына, графа Витгенштейна. Донесенія графу Остерману-Толстому генералъ-лейтенанта Ермолова и генералу Винцингероде графа Воронцова. Письма

Ермолова князю Мадатову. Переписка Ермолова съ Аракчеевымъ, княземъ Волконскимъ, Дибичемъ и графомъ Нессельродомъ. Письмо барона Григорія Александр. Строганова графу Нессельроду, о умерщвленіи константинопольскаго патріарха. Письма графу Аракчееву: князя Павла Петров. Лопухина, графа Кочубея и генералъ-адъютанта Чернышева, о военныхъ поселеніяхъ. Письмо начальнику главнаго штаба Дибичу главнокомандующаго 1-й арміи Сакена, о тайныхъ обществахъ. Письма Дибича генерала Курутѣ и графа Семена Ром. Воронцова графу Растопчину. Переписка Графа Нессельрода съ Александромъ Скарлатовичемъ Стурдзою. Предписанія Графа Аракчеева: генералъ-маіору Княжнину, адъютанту Мартосу, и проч.

Протоколы государственнаго совѣта.

Отчеты министерства иностранныхъ дѣлъ.

Черновой Тильзитскій трактатъ, съ собственноручными поправками Императора Александра I и Наполеона (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

Шёнбрунскій трактатъ, 14 октября н. ст. 1809 года, за подписью герцога Кадорскаго (Шампаньи) и принца Лихтенштейнскаго.

Протоколы совѣщаній на конгрессѣ въ Фридрихсгамѣ (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

Бар. М. А. Корфъ. Нѣсколько словъ о сеймѣ въ Борго, въ 1809 г.

Договоръ, заключенный въ Або, 18 (30) августа 1812 года (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

Протоколъ совѣщанія Союзныхъ министровъ въ Труà (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

Протоколы засѣданій конгресса въ Шатильонѣ (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

Протоколы вѣнскаго конгресса (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

C-te Capodistrias. Aperçu de ma carrière publique depuis 1798 jusqu'a 1822 (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

Записка Карамзина — «О древней и новой Россіи».

Записки о Польшѣ, поданныя Императору Александру I генераломъ Поццо-ди-Борго и Карамзинымъ.

Рѣчи, произнесенныя Императоромъ Александромъ I на варшавскихъ сеймахъ.

Iac. Scheltema. Alexander Kayser von Russland in Holland und zu Zaardam, im Iahre 1814 (Арх. Главн. Шт.).

Записка «О современномъ положеніи дѣлъ во Франціи», поданная Императору Александру I Лагарпомъ, въ 1814 году, въ Парижѣ (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

Бумаги генерала Сакена, въ бытность его генералъ-губернаторомъ Парижа (Арх. Главн. Штаба).

Отчетъ о дѣйствіяхъ интендантскаго управленія, въ войну противъ Французовъ, 1812, 1813 и 1814 годовъ, представленный Императору Александру I Барклаемъ де-Толли.

Генеральные отчеты о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ, съ 1800 по 1825-й годъ (Арх. минист. финансовъ).

Копія подлиннаго журнала чрезвычайнаго комитета, для избранія главнокомандующаго, въ 1812 году (Арх. Главн. Штаба).

Афишки Растопчина.

Собственноручная записка полковника Мишо, о разговорѣ его съ Государемъ, по занятіи Французами Москвы.

Протоколы совѣщаній ахенскаго конгресса.

Дѣло о происшествіи въ Семеновскомъ полку, 1820 г.

Семеновскій полкъ въ 1820 году.

Протоколы совѣщаній на лайбахскомъ и веронскомъ конгрессахъ.

Мнѣнія адмирала Мордвинова, по различнымъ финансовымъ вопросамъ.

Отчеты объ успѣхахъ и дѣятельности библейскихъ обществъ.

Черновыя записки и соображенія барона Дибича, о дѣйствіяхъ противъ Турціи, читанныя имъ Императору Александру I, въ Царскомъ Селѣ, въ іюлѣ 1821 года.

Генералъ Мендъ. Историческій обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ.

Положеніе поселяемому батальону Елецкаго пѣхотнаго полка (Арх. воен. поселеній).

Высочайше утвержденные доклады главнаго надъ военными поселеніями начальника, графа Аракчеева (Арх. воен. поселеній).

Записка о происшествіяхъ въ военныхъ поселеніяхъ (Арх. воен. поселеній).

Записка о масонскихъ ложахъ, 25-го генваря 1816 года.

Основный договоръ, заключенный при учрежденіи великой ложи *Астреи*.

Дѣло о тайныхъ обществахъ въ остзейскихъ губерніяхъ.

Подлинныя дѣла слѣдственной коммиссіи о тайныхъ обществахъ: *Сѣверномъ*, *Южномъ* и *Соединенныхъ Славянъ* (Государственный Архивъ).

Дѣло о масонскихъ ложахъ и тайныхъ обществахъ, въ западныхъ губерніяхъ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ.

Записки.

Собственноручныя записки Императрицы Екатерины II-й. I. О рожденіи и первоначальномъ воспитаніи В. К. Александра Павловича. II. «Бабушкина Азбука» (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

Наставленія Императрицы Екатерины II-й воспитателю Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича, графу Никол. Иван. Салтыкову, при Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 13 марта 1784 года.

Учебныя тетради В. К. Александра Павловича (Хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ).

Записки бар. М. А. Корфа.

Записки адмирала Шишкова.

Воспоминанія Вигеля (Импер. Публ. библіот.)

Записки Александра Андреев. Щербинина, состоявшаго при Толѣ, въ продолженіи войны 1812 — 1814 годовъ.

Письма поручика Бискупскаго, бывшаго въ партизанскомъ отрядѣ Фигнера, въ 1812 году.

Записки мичмана Мельникова, о дѣйствіяхъ эскадры Сенявина.

Описаніе зимняго похода на острова Аландскіе, въ мартѣ 1809 г. (Арх. Главн. Штаба).

Записки де-Санглена.

Изображеніе дѣйствій Первой арміи. (Записка, составленная Барклаемъ де-Толли).

Записка о войнѣ 1812 года, князя А. Б. Голицына.

Мемуаръ графа д'Алонвиля (Арх. Главн. Штаба).

Записки генерала Раевскаго.

Записки Павла Алексѣев. Тучкова 3-го.

Собственноручныя записки Беннигсена.

Записки Алекс. Христоф. Бенкендорфа.

Записки графа Орлова-Денисова.

Записки Ивана Онуфр. Сухозанета.

Записки полковника Арнольди.

Записки князя Щербатова.

Записки полковника Маркова.

Записки полковника Никитина.

Записки генер. Констант. Марк. Полторацкаго.

Записки графа Ланжерона.

Записки графа Орурка.

Записки Мих. Өедор. Орлова.

Записки полковника Маевскаго.

Записки подполковника Бальмена.

Записки капитана Липина.

Записки Ермолова.

Записки князя Хаджери, о возстаніи Грековъ противъ Оттоманской Порты.

Сборникъ Шлюйна.

КАРТА
ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ДѢЙСТВІЙ
ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА
въ 1816 – 1825 годахъ.
Масштабъ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
ЗЕМЛЯ ВОЙСКА ДОНСКАГО
ЗЕМЛЯ ВОЙСКА ЧЕРНОМОРСКАГО
АСТРАХАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ
КАВКАЗСКАЯ ОБЛАСТЬ
ТУРЕЦКІЯ ВЛАДѢНІЯ
ИМЕРЕТІЯ
МИНГРЕЛІЯ
Астрахань
Ставрополь
Кизляръ
Дербентъ
Баку
Тифлисъ
Кутаисъ
Ахалцыхъ
Трапезонтъ
Арзерумъ
Эривань
Тавризъ
Ленкорань
Токатъ

